

АТАМАН ВАГАРИ

Ступеньки

Атаман Вагари Ступеньки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70396081
SelfPub; 2024*

Аннотация

Блэки, русалка-фрейлина Морской Королевы Трёхглазой, убила Охотника и украла Ключ от Ада. С его помощью представители Чёрных сил вызвали демона, которого могут уничтожить только два мага во всём мире. Одна из двух – Клотильда, молодая сыщица тайной организации "Только Для Ваших Глаз". Клотильде дают самое сложное в её карьере секретного агента задание: она должна выиграть переговоры с Морской Королевой и вернуть Ключ. Шансов очень мало: русалки и демон делают всё, чтобы до конца переговоров сыщица и её лучшие друзья не дожили.

Содержание

Часть 1. Восшествие на ступеньки	20
Часть 2. Подъём по ступенькам	120
Часть 3. Падение со ступенек	241
Часть 4. По перилам ступенек вверх	368
Часть 5. Ступеньки новой Лестницы	665

Атаман Вагари

Ступеньки

Чёрный Пролог

За круглым столиком в полутёмной части зала ресторана сидели роскошные русалки. Они неторопливо вели спокойные разговоры и ожидали Блэки. Главенствовала над компанией Морская Ведьма – обворожительная дама с тремя глазами и высокой авангардной причёской, похожей на морскую звезду. По правую руку от неё сидела Лексаэлла Тайрус, платиновая длинноволосая блондинка с холодным, отстранённым лицом. По левую восседала Рина Вронски, светловолосая представительная женщина с обжигающим, ошпаривающим взглядом. Четвёртая – Пета Кирия, рыжеволосая стройная девушка с капризно вздёрнутым носиком и злой улыбкой. А между ней и Лексаэллой стоял свободный стул.

Раскрылась дверь, и вошла Блэки. С модной сумочкой, в короткой юбке и меховом полушубке, цокая каблуками. Её высокий хвост, собранный из копны густых чёрных волос, задорно подпрыгивал в такт ходьбе. Она шла к подругам, виляя бёдрами и изображая полное довольство жизнью.

Блэки шла так, чтобы словить больше восторженных взглядов мужчин. Она успела соорудить глазки полудюжине

парней до того, как изящно сесть. Соблазнительно закинула ногу на ногу. Юбка чуток приподнялась и обнажила край высоких кружевных чулков. Блэки пожеманилась, погримасничала враз замолчавшим подругам и полезла в сумочку. Подруги смотрели хищницами, акулами. В глазах Петы и Рины вспыхнули искры нетерпения. Их начальница подалась вперёд. Только пепельноволосая Лексаэлла оставалась ко всему безучастной, будто бы не проявляя интереса.

– Вот она, – Блэки выгрузила из сумочки в самый центр столика нечто, завёрнутое в бумажную салфетку. – Подвеска Инферно, первый из трёх Ключей. О, было нелегко выследить следы. Но ещё труднее – их затереть! Пришлось убить парня. Но как нам вместе было хорошо! – Блэки закатила голубые глазки, нежно и мечтательно захлопала ресничками. – Такой морячок!

Начальница плавным движением взяла свёрток. Развернула его, посмотрела. Жаркоокая Рина вспыхнула, увидев содержимое, и едва не задрожала от страсти и алчности:

– Это наше. Блэки отлично всё провернула. Наше!

– Да, наше, Рина, – кивнула Морская Ведьма. – Всё почестному. Блэки, ты ведь ничего не нарушила, не засветилась?

– Я же сказала – следы все затёрла. Морячок мёртв. Хоть и было безумно жаль. Я всё проверила, кроме него, о Подвеске никто не знал. Да и он сам не знал, что это Ключ в Ад.

– Поверить не могу, как Паук мог так просчитаться, – ко-

варно и презрительно хихикнула рыжеволосая Пета. – Подкинуть Подвеску Инферно к смертным глупым людишкам!

– Даже Демиурги совершают ошибки, Пета, – поучительно заметила начальница. – Рина, звони Масочнику. Пусть пригоняет Дарти.

Жаркоокая достала мобильный телефон, отошла к занавешенному окну. Начальница завернула Подвеску Инферно обратно в салфетку. И одобритительно взглянула на Блэки:

– Тебе нужно выписать премию, дорогая моя фрейлина.

– От двух горячих морячков на необитаемом острове я бы не отказалась, – снова кокетливо похлопала глазками Блэки.

Пета фыркнула и не скрывая неприязни посмотрела на Блэки. Пета считала её любимицей Морской Ведьмы, выскочкой. Но ведь и она сама, Пета, не хуже!

– Я тоже заслуживаю премию. За устранение Кавандайка, – заявила рыжеволосая.

– Ты кое-что не доделала, дорогая. Устранишь Фразис и Платтер, получишь премию в тройном размере.

Всё это время холодная, неприступная пепельноволосая Лексаэлла наблюдала за разговором. В льдистых глазах таилась интерес, колючий, как мороз при абсолютном нуле. Она прошипела, и от её шёпота всех подруг обдало волной пурги:

– Фразис и Платтер – наши большие проколы. Из-за них, Блэки, у тебя могло не получиться качественно затереть следы со своим морячком.

– Что ты имеешь в виду, Лексаэлла? – Блэки скептически

улыбнулась краем губ.

– То, что Паук к нам скоро наведается.

– Что же, тогда всё решается путём разговора. Слово – вот наше главное оружие. Слово, песня. Ты споёшь ему, Пета. Тогда тем более заслужишь премию, – теперь Морская Ведьма благосклонно посмотрела на рыжую.

К ним подошла Рина, закончив говорить по телефону:

– Дарти едет. Масочник за свою услугу желает личной аудиенции с тобой, Трёхглазая. По поводу освобождения его лучших друзей из тюрьмы, куда их запрятали ищейки Паука.

– Пока освобождение Химеры Фобос и Профессора Зло не входит в мои планы. Через пару-тройку месяцев мы вернёмся к этому вопросу. Если он ждёт ответа незамедлительно, так и скажи ему, что у меня большая очередь и всё занято до февраля-марта следующего года, – распорядилась Морская Ведьма Трёхглазая.

Эта же ночь, позже

Дарти хотел уйти от Масочника ещё в марте, когда ему удалось получить кровь сильного мага для возвращения демона. Когда Дарти узнал, что Масочник собирается вызвать не могущественного представителя Ада, а лишь мелкую бевсовку Августину, он разочаровался в шефе окончательно.

Столько усилий положено, столько собрано компонентов

для Ритуала – и всё ради мелкой сошки, – презрительно думал Дарти. Он порывался уйти к давнему коллеге, а теперь к лютому врагу Масочника – Дэйлу Крампу. Ранее Дэннис Корим по прозвищу Масочник, скрывающийся под именем Виктора Шнайдера, работал с Крампом вместе в Концерне Наука Плюс Магия. Но потом они жестоко поссорились, и Крамп вознамерился его убить. Убийства не состоялось, зато у Корима теперь обезображено и сожжено лицо. Из-за чего он постоянно носит нелепую клоунскую белую маску с растрёпанными резиновыми волосами и толстыми губами. Поверх маски Масочник ещё надевает очки и шляпу, дополняя дьявольский гротескный образ.

Дарти хорошо знаком с деятельностью Концерна Наука Плюс Магия. Ведь у Масочника остались секретные файлы, носители информации – их удалось похитить у Крампа в момент его бегства. И Дарти проникся интересом найти Крампа и заявить о желании учиться у него.

Но Крамп исчез – его едва не убил враг, непонятный человек по кличке Химик. Позднее Масочник по своим каналам узнал, что Химик как одержимый ищет Крампа везде где только можно, и Крамп ушёл в глубокое подполье. У Масочника целая сеть осведомителей, мощная и разветвлённая. Большую часть её усилий Масочник тратит, чтобы узнавать как можно больше о врагах.

Из-за исчезновения Крампа Дарти продолжал работать с нелюбимым учителем. Ритуал по вызову интересующего

демона Августины долго не получался. Масочник и Дарти искали, в чём же дело. Они ночами и днями штудировали книгу «Демонология» Абриуса Месциуса, могущественного средневекового колдуна. Абриус сам вызвал нескольких демонов и описал все подробности.

Демонесса, которую хотел вызвать Масочник, не древняя. Она стала демоном совсем недавно, несколько десятилетий назад. Об этом демоне Масочник узнал от соратницы Химеры Фобос. Химера сейчас находится в тюрьме особо строгого режима, посаженная со своим братом Профессором Зло.

– О том, что Августина стала демоном, Химера узнала от Аркмондиуса, своего демона-приятеля, – говорил Масочник Дарти. – Химера давно хотела её вызвать. Она знала эту девочку до того, как девочка стала демоном.

Дарти презрительно морщился, когда шеф на него не смотрел. Якшаться с капризной девчонкой, наверняка слабачкой, неустойчивой! А чтобы вызвать её – требуются громадные ресурсы! И так, ритуал не удавался. Выяснилось, что Ад – как отдельное измерение Абсолютного Зла и Черноты – Инферно – не пускало Августину. Нужен был Ключ. Особый Ключ от Ада.

Пока это выяснялось, прошли месяцы. Ещё месяцы ушли на то, чтобы Масочник получил аудиенцию у Трёхглазой – своей начальницы. Когда Масочник объявил ей, что он и Химера хотят вызвать из Ада Августину, Трёхглазая тоже заинтересовалась. Она тогда похвалила подчинённого за выгод-

ное предложение.

– Проведите ритуал, вызовите Августину, Ключом мы вас снабдим.

И вот, сегодня Масочник получил долгожданный звонок. Он тут же погнал Дарти в ресторан, напутствуя, чтобы тот использовал мощную Мантию Тени: никакие Охотники не должны выследить его! Дарти проскользнул незамеченным до ресторана и обратно к Масочнику, принеся Ключ от Ада.

– Я принёс Подвеску. Русалки сказали, что дадут её нам только до момента Вызова. Потом Трёхглазая лично придёт и заберёт обратно.

– Так на Ключик мы пока не претендуем. Августина – вот наш главный козырь.

– Вы хотите нянчиться с этой низшей бесовкой-молокосоской как в яслях? – не скрывал недовольства Дарти.

Масочник опасно сверкнул на него глазами, прекрасно видневшимися в прорезях маски за стёклами толстых очков:

– Ты нарываешься, Дарти, за непочтение. Жаль, что Профессор Зло в тюрьме сейчас, он бы тебя посадил на свой стульчик.

Дарти с неприязнью передёрнулся. Он понял, о чём говорит Масочник – о смертельном орудии пыток. Стуле, сев на который, можно поджариться, начиная с мозгов и заканчивая телом. Дарти довелось мельком увидеть труп, присевший на этот стул. Труп принадлежал томберу Невиллу Крафту – одному из любимцев Химеры.

– Ты не разочаруешься в Августине. Возможно, даже влюбишься! Она ведь предстанет нежной девой шестнадцати лет во всём соку, – обещал Масочник.

Они начали Ритуал. Для него всё давно подготовлено. Их прежние попытки – репетиции. Дарти и сейчас по инерции считал это «репетицией». Он думал, что снова ничего не получится. Дарти не знал, как работает Ключ от Ада, и уж тем более не подозревал, насколько это мощный Артефакт. И ни Дарти, ни Масочник не задумались о том, что Трёхглазая в тот самый момент пристально наблюдала из своего Шара за ходом Ритуала.

Для Ритуала они всегда выбирали это место. Чтобы разверзнуть Окно и извлечь из Инферно демона, необходимы зоны, где схлёстываются магические потоки и пребывают нужные эгрегоры. Сейчас они находились на месте гибели Августины. В заброшенной школе под снос, на пятом этаже, в бывшем кабинете биологии.

Здесь жизнь шестнадцатилетней Августины Символи трагически оборвалась около тридцати лет назад. Все говорили, что это самоубийство или несчастный случай. Версию с убийством никто не рассматривал. Но по факту это подлое беспрецедентное убийство. Августину убили её одноклассники. Издеваясь над ней, они вытолкнули её из окна. Девушка погибла от многочисленных переломов и разрывов внутренних органов.

Когда Августина погибла, в школе проводили разби-

рательства, выявили нарушения в техниках безопасности. Школу закрыли, она превратилась в заброшенное здание. Дарти с отвращением думал, что Августина предстанет перед ними забитой девочкой, истекающей кровью, искалеченной, молящей о пощаде.

На этот раз ритуал удался! Вопреки тому, как показывают в пафосных фантастических фильмах, не было разрываний порталов, огня, шума и взрывов. Дарти привычно прочитал заклинание, он помнил его слова наизусть. Масочник тоже пошептал с надетой на голову Подвеской Инферно. Подвеска выглядела как металлическая часть древнего обруча-диадемы, надеваемой на чело.

– Августина Символи! Приди, мы призываем тебя, Августина! Дарти, приступай. Я чувствую её приближение. Из нас двоих ты сильнее, как ни прискорбно. Твоя кровь и кровь той девчонки должны смешаться, кровь девчонки уже высохла почти за девять месяцев. За это время забеременеть и родить можно!

Дарти вздохнул несколько раз глубоко и тяжело, сделал надрез на руке кинжалом. Он достал подготовленную и много раз использованную в подготовительных ритуалах пробирку с засохшей и почти выветрившейся кровью какой-то магички. Над этой пробиркой Масочник всё время дрожал как курица над яйцом. Кровь молодого чернокнижника покапала в пробирку. Дарти помотал её, встряхивая, подошёл к учителю и капнул на Подвеску.

Когда они оглянулись к окну, откуда тридцать лет назад подростки вытолкнули свою одноклассницу, девушка уже стояла там. Окно-Прорыв в Инферно открылся в момент Призыва, на несколько секунд, пока капли крови чернокнижника, смешанные с кровью не знакомой Дарти магички, окропляли Ключ.

Накануне Дарти нарисовал у окна пентаграмму по всем правилам учебников колдовства. Пентаграмма нужна, чтобы иметь контроль над демоном, приказывать ему. Она призвана постоянно напоминать, что в этом мире хозяин тот, кто демона вызвал. Дарти неоднократно сам в рамках обучения вызывал мелких лярв и чертей. Те всегда оставались в пределах пентаграммы, совершая мелкие пакости, повинаясь приказам молодого чернокнижника. Окно-Прорыв открылся ровно в пентаграмме, и девушка стояла пока в пределах круга.

Но в следующий момент она совершила невозможное – то, от чего у Дарти брови резко поползли в миг. Осмотревшись по сторонам, девушка шагнула вперёд и вышла за пределы пентаграммы. После чего направила свой взор именно на Дарти, смотря на него в упор.

Дарти и не подозревал, что её демоническая форма будет настолько человеческой. Обычно демонам, находящимся в аду долгое время, не удаётся сохранить визуально и тем более физически плотное тело, похожее на человеческое. Демоны выглядят как сгустки чёрной зловещей энергии, а особо выс-

шие адские твари имеют жуткие монстроподобные формы. И чтобы жить среди людей, они вынуждены искать себе «оболочки» – подходящие тела для вселения. Как правило, они выбирают тела умерших недавно людей. Причина – чтобы эти тела были без разложения и чтобы их никто не искал.

Девушка, представшая перед Дарти и Масочником, оказалась именно девушкой – не демоншкой, как Дарти называл её уже про себя. Худенькая, среднего роста, в старенькой школьной форме, которую носили тридцать лет назад, с тёмными волосами до плеч и в очках. Она производила впечатление невинного, незащитного ребёнка. Но её уверенный шаг из пентаграммы и прямой пристальный взгляд мигом обрубили обманчивое восприятие. Столкнувшись с её глазами, Дарти понял, что заблуждался относительно Августины, считая её «ничего не значащим бесом».

– О, как ты прекрасна! – Масочнику всё равно, что демонша без позволения вышла из пентаграммы и бесцеремонно их разглядывает. Он принялся льстить этой милой очкарице, совершил полупоклон, что совершенно не свойственно его коварной подлой циничной натуре. – Ты великолепна! Августина, мы так давно ждали! Я так рад этой встрече!

Дарти догадался: если Масочник так расшаркивается перед «ребёнком», значит, она – нечто более опасное, чем примерная ученица средней школы.

Августине не до Масочника. Её заинтересовал Дарти.

– Ты один из тех, кто вызвал меня. Твоя кровь. Ты мне

нравиться. В отличие от примеси. И как ты выглядишь, мне тоже нравится. Я побуду тобой.

Проговорив это певучим и местами страстным голосом с придыханием, Августина вплотную подошла к Дарти и схватила его за запястье. Дарти широко открыл глаза, тут же чувствуя продирающий всё тело ожог. Он осознал – шеф прав. Августина сильно понравилась ему. И когда она до него дотронулась, обжигая всё его существо, подпаливая душу адским огнём, Дарти ощутил нечто похожее на блаженство. Оно вплотную смешалось с болевым шоком, и он тут же рухнул на пол без сознания.

Перед Масочником возник ещё один Дарти. Его облик только что приняла Августина. Настоящий Дарти лежал в глубокой коме, его тело чуть дымилось и пахло серой, хотя видимых ожогов не виделось.

– Он классный. Его зовут Дарти, – проговорила Августина тихо голосом Дарти. И рассмеялась точно так, как смеётся юный чернокнижник: – Меня зовут Дарти, о да! А ты кто такой, дядя?

– Я ваш покорный раб, ваше высочество, – Масочник, увидев демонстрацию способностей демонессы, ещё более завосхищался ею и припал на одно колено. – Ты потрясающая. Ты разорвала круг пентаграммы...

– А, вот этот дурацкий рисунок на полу? – Августина-Дарти оглянулась на пентаграмму и презрительно посмотрела туда. – Зачем вам это? Вы что, пытались меня закабалить?

Её взгляд, вновь обращённый на Масочника, засветился угрозой.

– Прости, это просто дань традиции. Мы не хотели тебя закабалить, напротив... Мы хотим работать вместе с тобой.

– С какой это стати? – с вызовом спросила Августина-Дарти, встав нахальную позу и презрительно глаза на Масочника.

– Мы открыли тебе проход из Ада... хотим попросить об услуге, хотим, чтобы ты... кое-что сделала для нас.

– Ты издеваешься? Я ничего не буду делать. Вызовите себе чертей на побегушках. Ну-ка отдай сюда Ключ, и я пойду.

– Это... невежливо. Это противоречит условиям древнего договора между магом и демоном. Услуга в оплату за вызов. И душа в оплату за услугу. Мы можем всё обсудить. Мы можем предложить тебе души всех твоих обидчиков, чтобы ты терзала их, чтобы они мучились вечно.

Лицо лже-Дарти перекосилось в презрительно-отвратительной ухмылке:

– Думаешь, я клюну? Мелкая низкая месть, возможно, смогла бы меня соблазнить лет тридцать назад. Но сегодня у меня другие планы. Ты так и не дал мне ключ, смертный.

Лже-Дарти надвинулся на Масочника. Масочник испугался. Ситуация выходила из-под контроля. Но своего страха он не показал. Тело Дарти высокое, ловкое и сильное, и Августина, превратившаяся в него, этим преимуществом воспользовалась. Она мигом набросилась на Масочника – а тот

был грузным, свалила его с ног. От неожиданности Масочник потерял равновесие. Но в следующую секунду он выхватил небольшой пистолет и выстрелил.

Он промахнулся, но разозлил Августину. Та, находясь в облике Дарти, схватила упавшего Масочника за маску, сорвала её. Под маской обнажилось обезображенное лицо, больше похожее на разъеденное язвами, обожжённое лицо трупа, много лет пролежавшего в земле. Августина приложила рукой к этому лицу. Масочник почувствовал несусветную боль, заорал и затих.

Августина превратилась в идентичного Масочника – в его одежде, в его Маске. Она удовлетворённо хмыкнула, сорвала с Масочника Ключ – Подвеску Инферно и, зажав её в руке, направилась в сторону лестниц.

– А ну стой, Августина. Предлагаю тебе контракт Огня и Воды, – внезапно услышала Августа-Масочник властный голос сзади.

Она яростно оглянулась, сверкая злобой в глазах. Кто ещё там подкрадывается? Её взгляд вперился в высокую женщину в длинном синем платье и с необычной причёской, в форме морской звезды. У этой женщины три глаза. Августина немного удивилась:

– А ты чего ещё за образина?!

– В твоём Инферно тебя не учили хорошим манерам, деточка. Но это поправимо. Ты отстала от жизни. Ты не знакома со мной и считаешь меня образиной. О, так это тоже по-

правимо. Подойди ко мне, дай мне Ключ и подпиши со мной Контракт Огня и Воды.

Августина хотела ответить как можно более дерзко. Но не смогла. Трёхглазая, насмешливо смотря на юную ретивую и капризную демонессу, простёрла вперёд руку. Из ладони вырвалось синее сияние, похожее на выплеск воды. Августина опомниться не успела, как грузным телом Масочника пролетела через пол-кабинета биологии, сметая остатки стульев и другой мебели, ударилась в стену, шмякнулась и сползла по ней вниз. Её оболочка-тело Масочника тут же исчезла. Августина оказалась в изначальном обличи очкастой школьницы и стала медленно подниматься.

Трёхглазая степенно подошла к ней, подняв с пола Подвеску Инферно. Её Августина случайно выпустила в полёте из рук.

– Теперь ты работаешь на меня, Августа. Я – Морская Ведьма и Богиня Вод Морских. А ты лишь маленький огонёк, один из мириад пылающих огней Инферно. Ты служишь мне. Подписывай Контракт, – Трёхглазая протянула Августине лист бумаги и перо.

Августа смотрела на новую работодателяницу волком. Но пришлось подписать. За тридцать лет пребывания и обучения в Аду у самого верховного демона Солсо, заместителя Дьявола, Августа превратилась в особенно могущественного демона. Однако, против Морской Ведьмы она пока проигрывала.

Часть 1. Восшествие на ступеньки

Тёмно-Белый Пролог

За последнее время Аманда сдружилась с Матильдой. Их объединило совместное расследование, где помощь Матильды Дарксон – Охотницы Земли и потомственной Истребительницы Демонов, представительницы древнего рыцарского ордена, была незаменима.

Их плотное общение по работе перетекало в общение за жизнь. Они обе поняли, насколько близки духовно. Аманда благословила тот день, когда появилась Мод.

Матильда пришла в качестве учительницы в одну из средних школ, где училась Клот Итчи, агент 001, подчинённая Аманды. Мод вела одиночную войну с группировкой демонов под предводительством Даркскара. Из гордости Охотница Земли не рассчитала силы и могла бы проиграть, не вмешайся любознательные Клот и её напарник Ром. Они вместе победили Даркскара и его приспешников. Матильду завербовали в Только Для Ваших Глаз.

Сдружившись с ней, Аманда Беллок иронизировала сама с собой. Сама она – Огневица, представительница Стихии Огня. Мод Дарксон – Охотница Земли, со способностями к

телепатии. Недавно у Мод открылся ещё один дар, перешедший ей по наследству от предков-рыцарей Ордена Истребителей Демонов. Мод научилась считывать предсмертный след с мёртвых, их последние мысли, видения перед смертью. Пока дар некротелепатии проявлялся нестабильно. Мод затрачивала огромную энергию, буквально валяясь пластом после каждого сеанса.

Сегодня подруги засиделись допоздна на Рецепции Главной Базы за обсуждениями текущих дел. Примерно 4-5 месяцев назад, в августе, объявились особо опасные враги. ТДВГ удалось раскрыть несколько аномальных преступлений. За преступными группировками-организаторами стояли силы, более угрожающие и мощные, чем Даркскар с его демоническими друзьями.

Мод с восхищением смотрела на подругу, держа чашку с кофе в изящной руке, украшенной перстнями-оберегами и браслетами:

– Я до сих пор не могу отойти от восторга, как тебе это удалось! Ты расколола этих мерзавок, кроме тебя это бы не смог сделать никто! Я бы точно не смогла, даже используя телепатию. Вернее, я бы морально не смогла насильственно залезть к ним в мозги. А ты смогла это сделать, даже не прибегая к демонстрации Силы!

Аманда тоже смотрела на подругу с не меньшим восхищением – ей нравилась энергичность Мод и то, как она хорошо выглядит. Бодрая, с ярко горящими синими глазами.

Причёска как всегда на высоте – шикарная шевелюра каштановых волос такая свежая, будто накануне у неё не было бессонной ночи на рейде. Сама же Аманда украдкой иногда пудрила и мазала специальной целебной мазью синяки под глазами.

– Ничего сложного, – махнула рукой Аманда. – Все люди одинаковые. Мотивы похожие. Не то что у не-людей. Вот будь они не-людьми, их расколоть было бы труднее. Да, Долин Фразис не-человек, однако её прошлое поведение всё же более склоняется к Белизне, нежели к Черноте. Поэтому с ней всё вышло относительно просто. Ей нечего терять. Вдобавок, ей импонировало хорошее отношение в тюрьме. Всё, о чём она мечтала всю жизнь – это комната с книгами. Мы подарили ей одиночную камеру и море книг.

– Я знакома с досье Долин – бывшей Бубновой Дамы, – кивнула Мод. – Но Орнелла Платтер – какой ей резон с нами сотрудничать? Её мужа работали на наших врагов. И тем не менее, поговорив с тобой, она пошла нам на встречу – как?!

– О, с Орнеллой ещё проще. Её мотив – выживание. Она молода, надеется на лучшее будущее. Я ей намекнула, чем чреват её грешок десять лет назад, когда она тюкнула Лакрису. И потом я кожей почувствовала, как у неё засосало под ложечкой! – усмехнулась Аманда. – Наш новый союзник – чернокнижник Пад Овашип рассказал кое-какие подробности о Лакресе. Что тот сотрудничал с Чёрным Орде- ном. Я сказала Орнелле, что с ней будет, если Чёрный Орден

вздумает проверить, кто убил их слугу и пытается манипулировать. Ещё показала ей фотографии трупов Кавандайка и Снэчки, которых обнаружили задушенными в их камерах.

– Неужели всё просто?! – изогнула аккуратную бровь Мод.

– Я не буду вдаваться в подробности. Результат получен – значит, всё просто, – Аманда тактично замолчала.

Она не стала говорить подруге, что с Орнеллой пришлось возиться несколько дней, прежде чем она заговорила. Шантаж, умасливания. Нет, Аманда не применяла методов физического воздействия: переговоры и только переговоры.

С Долин вышло проще, потому что Долин к моменту ареста уже почти «переметнулась» на Белую Сторону, разочаровавшись в своём учителе Бубновом Тузе. Но с Орнеллой возиться стоило – Орнелла знала больше, лучше и глубже о Чёрном Ордене.

Тут Аманда вспомнила ещё об одном небольшом вопросе и задала его подруге:

– Мод, а какие новости о юноше, за которым мы присматриваем?

– Прекрасные новости, – улыбнулась Мод. – Мой старинный друг Боднар говорит, что одиннадцатиклассник Симони подаёт надежды. Проявляет интерес к учению – это прекрасный знак. Ещё с ним дружит наша агент ноль-ноль-пять.

– Мне это известно, – благосклонно кивнула Аманда. – Скоро мы донесём ему, кто он. И будем его обучать уже по

нашей программе. Но всё равно сейчас с ним, как и с любым неоперившимся *вагантом*, следует держать руку на пульсе: как бы не нахулиганил раньше времени.

– О, юноша Симони не нахулиганит. Он примерный мальчик, на фоне современной молодёжи. Он такой же примерный, как агенты ноль-ноль-один, ноль-ноль-три и ноль-ноль-пять.

– Агенты ноль-ноль-один, ноль-ноль-три и ноль-ноль-пять, о да, примерные, – иронично усмехнулась Аманда. – Особенно ноль-ноль-один, да. Да эта троица – не черти из тихого омута, а дьяволы дьяволов!

Аманда и Матильда вот-вот были готовы перейти на разговор о стажёрах, учениках-воспитанниках – ведь обе не лишены педагогических талантов. Аманда тренер по борьбе и куратор стажёров, Мод – учительница и очень любит детей. Но их идиллическое кофепитие прервалось срочным вызовом на рацию Аманды.

– Кто это? – спросила Мод настороженно. Она интуитивно поняла, что случилось нечто серьёзное.

– Скорпион, – кратко ответила Аманда и ответила на вызов: – Приём. – Послушав коллегу, Аманда из расслабленной и полулежащей в кресле леди превратилась в сосредоточенную напряжённую хищницу. И ответила: – Да. Мы поняли. Выезжаем с Пантерой. Отбой.

Аманда посмотрела на Мод:

– Пантера, у нас труп. Скорпион и Грифон утверждают,

что не-человек. Проверяли через Теневую Сторону – Белёсый След указывает на угрозу несанкционированного Возвращения. Следы убийцы обрублены. Это может быть что угодно – начиная от недоразумения в виде пьяного отморозка-наркомана и заканчивая убийством со стороны Чёрного Ордена. Впрочем, если этот не-человек сам Чёрный, то большой вопрос нашим союзникам, кто его так убил и так наследил.

– Поехали разбираться. Скорпион не говорил подробностей? – Мод, она же Пантера, с готовностью встала и шагнула вслед за Аmandой в сторону Лифтовой колонны.

– Подробности мы посмотрим сами. Пока ребята держат Мантию Отвода Глаз. Вдобавок Скорпион выезжает за счёт использования служебного положения начальника Особого Отдела ГБРиБ. Труп заметил первым Грифон. Чудом он сделал это раньше простых смертных обывателей. Лишние свидетели тут ни к чему.

Ехали молча, в другой конец города. Но быстро и без препятствий: Аманда взяла демоусмобиль, с ультра совершенной системой навигации, выбирающей кратчайший маршрут. Часы показывали два часа ночи, пробок не было. До улицы Гордости женщины добрались за двадцать с лишним минут. Аманда сетовала, что и это слишком медленно: она запланировала сказать профессору Демоусу, чтобы тот усовершенствовал программу.

Скорпион вызвал подруг за дом номер 21. В самом доме

располагался модный ресторан, где сейчас гремела ночная жизнь.

– О, да здесь жарко! – ахнула Мод, увидев громко орущую пьяную молодёжь у ресторана. – Скорпиону, должно быть, тяжело удерживать Мантию при таком количестве свидетелей буквально в паре метров.

– Скорпиону не привыкать, – улыбнулась Аманда. Её немного рассмешила забота Мод об их коллеге.

Способности Скорпиона – опытного Охотника Воды и потенциал его магического тока позволяли скрыть не то что труп в подворотне – а целое поле брани. Вдобавок, с ним Грифон, наверняка поделился энергией.

Женщины припарковали машину, вышли в направлении ресторана. Пару раз их окликнули и засвистели. И было чему восхищаться: точёная высокая фигура Мод в полушубке и облегающем платье. Густые медового цвета красиво развевающиеся поверх пальто волосы Аманды привлекали много внимания. Но Аманда сделала магический жест в сторону заинтересовавшихся представителей противоположного пола. Те сразу отвернулись, принялись клеиться к рядом стоящим девушкам.

– Да уж, Мантию Отвода Глаз Скорпиону удерживать, пожалуй, тяжело, – вынуждена согласиться Аманда.

Едва они завернули за угол здания, как всё увидели. Под погасшим фонарём на запорошенном снегом асфальте лежал труп. Руки распластаны в обе стороны, будто он обни-

мал небо, улетая туда. Глаза широко раскрыты в удивлении. Голова слегка запрокинута назад. Тело в неестественной позе, будто парализованное.

Чуть поодаль в тёмном дворе припаркован чёрный катафалк. Опершись на него, Грифон попивал чай. Широкополая шляпа, надвинутая на лоб, скрывала пол-лица, однако Грифон прекрасно разглядел пришедших коллег. Голова чуть качнулась, изображая приветствие. Его арбалет висел на поясе на ремнях, видневшийся из-под длинного раскрытого плаща.

Скорпион стоял у фонаря и задумчиво глядел на труп. Когда Аманда и Мод подошли к нему, Охотник Воды негромко произнёс:

– Смерть наступила два часа назад. В полночь.

– Время демонов, время развертывания порталов в миры – средоточия зла на астральном уровне, – Мод намекнула о гипотезе, что убийцей мог быть демон.

Но Скорпион отрицательно покачал головой:

– Исключается. Мы проверяли.

– Это не обычное убийство, – Аманда прищурилась, глядя на труп. – Парень – анхом. Уже выяснили, как его зовут?

– Звали, – поправил Грифон, ставя стаканчик с чаем на бампер катафалка и подходя к коллегам. – Лим Дункалс его звали. Вот его бумажник.

Грифон осторожно поддел носком ботинка снег, успевший запорошить рядом валяющийся раскрытый бумажник.

– Удачно он выпал. Трогать не пришлось.

Мод склонилась, подула, чтобы сбить снег, вчиталась в фамилию. Пока Охотница Земли изучала документы покойника, Аманда опрашивала:

– Что ещё удалось узнать?

– Мы были на Теневой Стороне, – ответил Скорпион. – Белёсый След начинается в ресторане, обрывается здесь. Много примесей Чёрной Воды. Процентом на девяносто это наши «подружки» Сирены. Да и ты посмотри на его лицо. Кавандайк, Снэцки имели аналогичное умиротворение в момент смерти.

– Сирены и раньше совершали похожие убийства молодых мужчин на улицах, мы с тобой помним, – кивнула Аманда. – Но они действовали всё же аккуратнее. Грифон, как ты его обнаружил?

– Я ехал проведать Иргуса. Он живёт в этом доме, на последнем этаже, должен был мне передать реактивы. Я был у него в половину первого, учуял колебания из-за Белёсого Следа. Так я его тут и нашёл. Его уже заприметила некая дамочка, пришлось подчистить ей память. Я сразу же поставил удерживать Мантию, провёл исследования. Увидел, что анхом – вызвал Скорпиона.

– Ясно, – кивнула Аманда. – И ты, конечно же, думаешь – будь ты тут хотя бы на полчаса раньше, смог бы что-то поменять.

– Не думаю. Хорошо, что ты захватила с собой Пантеру, –

Грифон красноречиво кивнул в сторону трупа.

Аманда жёстко посмотрела на коллегу:

– Нет. Пантера сегодня не будет работать. Мы провернём всё сами.

Но Мод, услышав, что речь идёт о ней, поднялась с корточек. Аманда, Грифон и Скорпион отметили, что Мод побледнела. Она твёрдо возразила подруге:

– Огневица, всё в порядке. Я проверю его, – и кивнула Грифону. – Я только хочу узнать – удалось определить его Метку и Сторону?

– Нераскрывшийся, – кратко ответил Скорпион.

– Лим Дункалс. Я всё смотрела на имя, дату рождения... Знать бы, как звали его бабушку по линии отца. Есть такая некая Феоктиста Дункалс, она из нашего Ордена. Я училась у неё лет семь назад, незадолго до её смерти. И она рассказывала, что у неё есть внук по имени Лим. Лим – редкое имя, вот я и подумала.

Грифон внезапно ответил то, о чём умалчивал:

– Нераскрывшийся Охотник Земли, так что вполне возможно, что он внук названной тобою дамы.

Аманда так прямо и спросила:

– А чего молчал?

– Нечёткость, – кратко пояснил Грифон, имея в виду, что у него были сомнения в правильности своей гипотезы. – Разрывало между Охотником Земли, лесным магом или ведьмаком. Стихия Земли очевидна, хотя по гороскопу Лев.

– Ох, и Феоктиста говорила, что у её внука Лима день рождения в августе. Лим Дункалс, двадцать семь лет. Что же, давай почитаем твои последние мысли, и пусть они помогут найти твоего убийцу, – Мод выдохнула, настроилась на изменённое состояние сознания и присела на корточки возле головы покойника.

Чтобы прочитать мысли мертвеца, ей не требовалось касаться его – нужно сесть поближе, окутать своей аурой угасшее, умершее тело, область головы, шестой и седьмой чакр.

Аманда взволнованно наблюдала за подругой. Она строго посмотрела на Грифона, и тот, галантно улыбнувшись ей, кивнул, подошёл поближе к Мод, чтобы удержать её, если она вдруг потеряет сознание. Скорпион прищурился, наблюдая и наострив чутьё. Аманда понимала, что её коллега Охотник Воды продолжает ещё удерживать Мантию Отвода Глаз. Параллельно Скорпион просматривал Астрал и пытался получить ещё больше информации об убийстве.

Мод коротко и тихо вскрикнула и, как и предполагала Аманда, начала падать. Грифон мягко подхватил её сзади за плечи, потом ловким движением поднял на руки, чтобы она не упала на асфальт и не замёрзла. Аманда без слов подошла к подруге и дотронулась до её лба, с укором смотря на Грифона. Она слегка винила его, что подруга напряглась и выложилась. Аманда не умела исцелять – она подарила Мод часть своей энергии. Грифон тоже это сделал – через руки.

Мод очнулась через несколько минут. Веки её задрожали,

она прошептала:

– Всё в порядке. Я увидела. Да, он был нашим, потомком рыцарей, как и я, но не знал... Феоктиста не стала ему передавать, она и сыну своему не передавала... Но его убийство – это объявление войны!

Грифон поставил очнувшуюся коллегу на землю. Мод возбуждённо продолжала:

– Это русалка, да. Очень обольстительная, и её зовут Блэки. Она убила его не просто так. Она забрала у него что-то очень ценное, важное, что ему давала Феоктиста. Нечто мощное... Это и оставило Белёсый След, а вовсе не сам бедный Лим Дункалс.

– У меня были подобные предположения, – проговорил медленно Скорпион. – След слишком яркий, не характерный.

– Я взгляну сама, ожидайте, – кратко бросила Аманда и быстро вошла на Теневую Сторону.

Первым делом Огневица оценила Мантию Отвода Глаз. Мантия поставлена хорошо, куполом на радиус около трёх метров. В плетении Мантии угадывался стиль Скорпиона: чётко, аккуратно, без зазоров и надолго. Два часа произошло после убийства, убили посреди людного места, в двух шагах от входа в шумный ресторан. А труп никто так и не нашёл. Но когда Аманда осмотрела Белёсый След, она расстроилась. Мод права, сказав, что это объявление войны.

Белёсый След на Теневой Стороне говорит о влиянии пе-

редвижений, действий и мыслей анхома на ткань Мироздания. Белёсый След может оставить анхом, даже не знающий, что он анхом, в том месте, где должно свершиться что-то важное, кардинально изменяющее ход событий.

Скорпион справедливо предположил, что такой яркий След, раскалывающий Мироздание в этой области Теневой Стороны, мог спровоцировать Возвращение. Оно случилось, когда анхома, не выполнившего свою миссию, кто-то убивал против воли Рока. Этот анхом возвращался, чтобы убить своего убийцу и довершить миссию. Но то, что прочитала в посмертных мыслях Лима Мод, меняло всю картину. Лим не станет Возвращённым и не пойдёт убивать русалку голыми руками. Лим останется мёртв.

И тот факт, что русалки забрали у Лима – артефакт, переданный ему Феоктистой – тоже грубейшее нарушение Баланса. Белёсый След кричал о войне!

Аманда вернулась с Теневой Стороны, пробыв там три минуты. Во внешнем мире прошло более двадцати – время на Теневой Стороне замедляется в семь раз. Коллеги ждали. Мод оправилась от сеанса некротелепатии, порозовела, Грифон угощал её чаем. Аманда раздражённо произнесла:

– Лим Дункалс – это брошенная перчатка. Нам объявлена открытая война. Они были заинтересованы, чтобы мы нашли этого Охотника слишком поздно. Остаётся выяснить: первое – про исчезнувшую вещь и для чего она вдруг понадобилась Сиренам. Этим займётся ты, Скорпион. Я увере-

на, что это не простая морская ракушка или сушёная морская звезда. Второе – про Феоктисту, как и почему эта вещь к ней попала и почему она оказалась у Лима. Пантера, с тебя подробности. И третье. Грифон, ты должен рассказать про своего ученика Иргуса. А также тебе пора бы давно определиться со Стороной. Ты очень нужен Тьме и Белизне, подумай об этом, не оставайся равнодушным Серым-Нейтралом. Я уверена, что ты примешь правильное решение. У меня всё. Скорпион, вызывай наших полицейских.

Её коллеги, каждый из которых сильнейший опытный Охотник – негласно признавали её авторитет. В ТДВГ Аманда старше по званию чем Грифон и Мод, завербованные не так давно. Скорпион имел с Амандой равнозначный статус, но он тактичный джентльмен и не возражал, когда Огневица превращалась в командира. Она это делала нечасто, по необходимости. Грифон, Скорпион и Мод – каждый из них воин-одиночка. Но Аманда – как полководец и лидер – чётко представляла: если они останутся воинами-одиночками, Чёрному Ордену победить их будет легко. Нужно объединить усилия и стихии вместе.

И то, что возле тела погибшего Дункалса сейчас собрались представители четырёх Стихий, ещё раз подтвердило: Противостояние Стихий перешло в фазу яростной войны. Огневица – Огонь. Пантера – Земля. Скорпион – Вода. Грифон – Воздух.

Многие убийцы знают друг друга

Если у человека есть знакомые, и каждый из них имеет похожий род занятий или хобби – с большой вероятностью все они знакомы между собой. Многие программисты, программирующие на одном языке, знают друг друга. Многие музыканты знают друг друга и дружат друг с другом.

Мы часто удивляемся, когда оказываемся совсем в новом месте, но связанным с нашей деятельностью, и встречаем там своих или общих знакомых. Люди говорят на это – «Мир тесен», «Наш громадный город Укосмо – это большая деревня, где все друг друга знают». На Земле более шести миллиардов человек, и все друг друга знают, о да.

Мы не перестаём изумляться. Я не перестаю изумляться.

Роджер сидит напротив меня и хвастается:

– Однажды я всадил нож в спину демону. Да так всадил – что он застрял! Нет, не нож застрял в демоне. Кстати, вот этот самый нож, тесак, да, который ты держала! Демон застрял. Перед тем, как всадить ему нож между крыльев, я толкнул его ногой, и он угодил рогами в клозет... Разрази меня гром, тысяча извинений за такую похабщину, но ведь ты же сама просила поделиться историей про то, что убийство может быть смешным. Его и сгубило то, что он застрял – в следующий миг я как раз выдернул нож и отсёк ему хвост. А потом через раны обесточил его. Он ничего поделывать не

мог! Это было в тысяча шестисотом. Или тысяча шестьсот первом?.. Сейчас уже так не смогу обесточить демона, увы. Но всё ещё впереди!

Роджер – вампир, и ему более пятисот лет. Выглядит он, конечно, гораздо моложе. Лет через десять я и сама буду выглядеть рядом с ним ровесницей. Мы познакомились в начале этого года, в январе. Сейчас декабрь, да, скоро будет год, как мы знакомы. Роджер весел, эпатажен, обладает заразной харизмой и чёрным юмором.

А ещё он мне рассказывает некоторые вещи. Их мне не рассказывает начальство, но я любопытная, и знать мне это хочется. Общение с Роджером запретное в некотором роде. Мои редкие визиты в гости в Усадьбу Адская Кухня, где он живёт со своей тётёй-ведьмой княгиней Онилией Драгон и лучшим другом вервольфом Йэном Гудингом, тоже запретные. Я изыскиваю всякую возможность, чтобы незаметно съездить сюда, в окрестности города Рака. Стараюсь это делать между миссиями и когда знаю, что для родителей долгий отъезд чёрт знает куда останется незамеченным.

Всего удалось погостить здесь пять или шесть раз. Безумно хотелось бы чаще. Мы с Роджером с каждым разом становимся всё большими корешами. Я пока не знаю, считать ли его другом или просто приятным собеседником. Всё-таки мы с ним разные.

Он кое-чему обучал меня. Некоторым преступным навыкам и приёмам. Например, я научилась заправски мухлевать

в картах и вскрывать замки отмычками. Роджер рассказал и отработал со мной технику, как найти и украсть незаметно ценные вещи из комнаты, даже когда там люди. Или как обокрасть человека. То есть как работают карманники.

Сегодня меня чёрт за язык дёрнул ещё кое-что спросить. Моё время подходило к концу – через полтора часа уйдёт последний автобус в сторону Укосмо, а до автобуса мне ещё идти через пол-леса.

– Да, я заказывала эту историю. И неспроста. Я не буду ходить вокруг да около, ты случайно не знаешь что-нибудь про закрытую и секретную школу киллеров Вененум?

Роджер ответил с лёту:

– Конечно знаю! Но откуда знаешь о ней ты?

Я ответила честно:

– Один мой друг там учился. Его туда направляло наше начальство. Я решила, что ты можешь знать. Потому что он сказал, что это древняя, элитная школа не то ниндзя, не то ассасинов. Я его всё выпрашивала о названии, он только вчера раскололся. Мы переписывались по сверх защищённому каналу сообщений в наших микро-компьютерах. Моё начальство меня не стало посвящать, поэтому я выпрашивала у него эту информацию под страхом трибунала, на наш страх и риск!

– Это не удивительно. Школа существует вне зависимости от твоего начальства. И обычно те случайные лица, что о ней узнают, становятся клиентами её выпускников, сечёшь? –

Роджер пристально посмотрел на меня в упор. Угрожающе. Я знала, что он шутит.

– А ты откуда знаешь? – парировала я. И изволила пошутить: – Смотрю, до сих пор живой ходишь!

– Во-первых, я не могу умереть при всём желании, ты знаешь. А во-вторых, я не случайное лицо для этой школы. Я там преподавал.

– Э... Что?! Карамба! Серьёзно?! – не сдержавшись, едва не заорала я от потрясения, что бывают такие совпадения.

– Да, лет пять или шесть назад. Искал себе ученика, пробовав, да всё не те там фрукты.

– Ох, Роджер. Если бы мне не надо бежать на автобус... Я ведь не понятно когда приеду сюда снова! А что ты там преподавал?

– Ближний сабельный бой. Или абордажный бой. Да, твой автобус через час двадцать. Съешь ещё пирожков с мясом, и я тебя провожу! Хотя, ты же знаешь, я бы с удовольствием захватил тебя в плен! – Роджер заботливо, как добрый дядюшка, пододвинул ко мне тарелку с пирожками с мясом.

Я машинально взяла один. В голове возникла куча мыслей:

– Послушай, я заинтересовалась этой школой. Там учат навыкам, как убивать одним мизинцем. Как убивать на расстоянии. Это мне всё друг рассказывал. Вернее, это я его заставляла рассказывать. Он категорически заявил, что такому меня учить не будет, потому что это конфиденциально. Од-

нажды мы с ним подрались, он мне показал шикарную боевую технику, и этому он научился там. Но ты же ведь такому сможешь научить?

– Клот, а почему тебя интересует мастерство убийства? Ты же добрая, – Роджер посмотрел на меня искренне заинтересованно.

– Я ни разу никого не убивала. Ну... несколько раз было в процессе заданий, что из-за моих действий или совместных действий коллег наступал несчастный случай с врагами, и они погибали... Но я боюсь – ты прав, я добрая. Вдруг ко мне подойдёт такой враг, что я дам слабину и не смогу его убить?

– Зачем ты думаешь об этом? – спросил мягко Роджер.

– Карамба, с тобой как на сеансе психотерапии! – я злобно захрумкала пирожком.

– Да, психотерапевтом мне тоже довелось побывать. Вернее, не совсем. Скорее психиатром. Это было в тысяча восемьсот девятом, в чумной лечебнице. Знаешь, я подумаю над твоим запросом. Кстати, как зовут твоего этого друга?

– Его зовут Антонио Тенбрук, он из Танреса. Вряд ли вы... – «пересекались», хотела добавить я скептически, но Роджер расхохотался:

– Тенбрук! Ну конечно! Не удивлён, что ты с ним на короткой ноге! Да вы два сапога пара! Давно с ним в доле? Ворюга тот ещё, знатный ворюга.

У меня отвисла челюсть:

– Роджер. Ещё одно слово, и я с ума сойду! В кого пальцем на улице не ткни – ты всех знаешь!

– Так тебе и надо! – гримасничал он. – А то заумность тебе не к лицу! Теряешь марку, перестаёшь котироваться как Сорвиголова!

– Я тебе ещё покотируюсь! – погрозила я кулаком. – Уж не хочешь ли ты сказать, что учил Антонио Тенбрука сабельному бою?

– Хочу ли я сказать? Как хочешь. Да, я учил его сабельному бою.

– А он знает, кто ты?

– Нет, что ты! Я совсем что ли по-твоему оголтелый, чтоб всем напропалую вопить, что я вампир?! Мне пришлось подчистить ему память, использовать вампирский гипноз, – тут Роджер совершенно искренне стыдливо опустил глаза.

Я в негодовании:

– Зачем!?

– Он увидел кое-что, что не должен был видеть. Как я не отражаюсь в зеркале.

– И всё?! И ты за это стёр ему память?

– О себе. О своей личности. Поэтому если ты у него спросишь – помнит ли он мастера Уильсона, он скорее всего недоуменно пожмёт плечами. Но навык остался. Он любит бить слева и сверху, как левша. Потому что я левша и учил его такому обманному приёму.

– Карамба! Мой автобус! А время идёт... – вздохнула я,

доела пирожок и встала.

Ведь надо ещё одеться, выйти. Пока мы шли через тёмный дремучий лес по узкой, протоптанной в снегу тропинке, Роджер выдал посреди болтовни о пустяках:

– Я подумал и вот что решил. Ты просишь, чтобы я научил тебя неким секретным техникам. Я давно за тобой наблюдаю, что тебя тянет ко всему запретному. Что же, я научу тебя кое-чему. Но ты должна для этого стать моей *ваганткой*. То есть ученицей.

– Твоей ученицей? То есть я должна стать вампиром?

– Не обязательно. Хотя это было бы забавно, если бы ты стала вампиром! Надо найти какого-нибудь низшего или среднего вампира, чтобы он тебя обратил – я-то этого сделать не могу физически, – Роджер имел в виду, что он вампир-Отступник.

Отступником называется тот, кто заключил договор с высшими демиургическими силами, что не будет пить кровь людей и будет наоборот защищать людей от произвола чёрных сил.

– Так что надо, чтобы быть твоей ученицей?

– Признать меня как твоего Мастера. Наставника, да.

– Э... сдавать тебе экзамены, ходить на сессии, типа того? – мне стало смешно. – А чему ты собрался меня учить, что за секретные техники?

– Я смогу научить тебя магии. Показать тебе Огонь.

– Магии! – ахнула я. – Ты шутишь! Как ты меня научишь

магии? Я человек, ни разу не держащий в руках волшебную палочку!

– Маг – не тот, кто держит волшебную палочку. Маг – тот, кто умеет управлять энергиями вокруг с помощью внутренней энергии, магического тока. Тот, кто умеет изменять и преобразовывать реальность. Тот, кто умеет делать так, чтобы обстоятельства работали на него. Помнишь наши январские приключения? Ты видела демонстрацию всякой магии. Вот чему я бы смог тебя научить.

Мы подошли к автобусной остановке. Роджер пояснил:

– Обрати внимание, кучка ожидающих автобус стоит метров на десять от остановки. Это я их туда «отодвинул». Чтобы мы смогли поговорить так, чтобы никто не услышал. Я тебя тоже могу научить так «поставить» людей в нужное тебе место, чтоб не мешали и не лупали.

Я непонимающе смотрела на «наставничка». Он с ума сошёл! Так настойчиво хочет учить меня магии. А может, держит меня за дуру? Проверяет реакцию? Типа, что я сейчас такая наивная загорюсь – «Вау! Магия, дададада!». Но меня-то на мякине не проведёшь! Роджер должен это прекрасно понимать. Я отчеканила подчёркнуто чопорно:

– Маги, как ты сам говоришь, обладают внутренней энергией. У меня такой энергии нет. Следовательно, управлять мне нечем. Я мало понимаю, о чём ты говоришь. Я бы лучше научилась тому, что знаю, что мне понятно. Например, более совершенным техникам единоборств, или развила бы

те мышцы, которые у меня не развиты.

– Магия в тебе – та самая мышца, которая не развита!

– Нет у меня никакой магии, мы оба это знаем!

Подошёл мой автобус. Роджер грустно посмотрел на него, задумчиво на меня и сделал пас рукой. Пассажиры опомнились, побежали к автобусу.

– Приходи почаще. Подумай.

Я посмотрела на него, пытаюсь разгадать – то, что он мне говорил – очередная шутка? Но не могла понять, что имел в виду пятисотлетний вампир. Мы слишком разные друг для друга. Я не понимаю его мир. Я видела часть этого мира, в рамках некоторых спецзаданий. Но я не понимаю его и не вижу себя в нём. Я человек. Какая магия?!

Когда оплатила проезд в автобусе и посмотрела в окно, чтобы помахать Роджеру, его не было. Осознала, что немножко обиделась на вампира за то, что он стёр память Антонио. Он мне друг более близкий и понятный, чем Роджер. Антонио *человек*, как я.

Роджер видел через деревья, как Клот ищет его взглядом из окна автобуса. И не находит. Потом автобус уехал.

«Урок начинается, когда что-то рушит твою зону комфорта. Ты делаешься недовольна тем, что что-то не соответствует твоим ожиданиям, выбивается из твоего опыта. Как бы я хотел, чтобы ты меня услышала, у себя в голове. Но ты долж-

на сделать этот выбор сама. Я не могу на тебя влиять. Я не хочу, чтобы ты была второй Агнессой...».

Его кольнуло неприятной болью. Внутренней. Не физической – физическую боль он почти разучился чувствовать, адаптировался к ней из-за своего вампирического организма. Год назад он влюбил в себя Агнессу, девушку-Свет, чтобы отвратить её от власти демонов и переменить на сторону союзников. Она покорила ему, пришла к его соратникам в бою, и они выиграли битву. А потом Агнессы не стало. Роджер отдавал себе отчёт, что отчасти это случилось из-за его грубого вампирского приворота. И теперь Роджер не хотел больше никем манипулировать, ни на кого давить и тем более применять вампирские привороты.

Он вспомнил, как Сорвиголове стало неприятно, когда он упомянул, что стёр память её другу.

«Она может и перестать приходить к нам. Не из-за того что испугалась. А из-за того, что могла увидеть во мне гадкие черты, ту тьму, что я не прячу. Но она сама тёмная, хоть светлее меня».

Роджер вышел из-за деревьев и услышал позади себя голос давнего товарища:

– Когда человек рождается – он ещё не знает о том, насколько он могущественен. Если ему не повезло попасть в хорошую семью – он получает дозу демотиваторов в виде установок, ограничивающих убеждений. То нельзя, это запрещено, сюда не ходи, туда пойдёшь – сорвёт крышу. Че-

ловек вырастает, зажатый в рамки ограниченности. Он превращается в медведя, которого держали в клетке и дали свободу. Он не видит этой свободы и продолжает ощущать себя в клетке. Он думает о себе – «Я не могу, у меня не получится, кто я такой». И когда ты говоришь этому человеку – «Эй, приятель, да ты можешь, просто сделай!» – он смотрит на тебя как на полоумного. И ещё больше перестаёт верить себя.

Роджер медленно оглядывается.

– Подслушивать нехорошо.

– Я и не подслушивал. А всего лишь учуял. Я Охотник, мне это можно по долгу службы, – констатирует факт Скорпион.

На нём привычная чёрная кожаная куртка, а пол-лица скрыто под чёрной кожаной маской. Человек в Маске, господин С, так его называют в мире не-людей. Кто-то зовёт его Водником. Маска ему нужна не для пафоса, эта маска – часть его магического оружия, помогает в концентрации. Она так и называется – Охотничья маска.

– Тебе ещё рано её учить. Она не готова, – качает головой Скорпион.

– А я так не считаю. Ты сам с ней занимаешься два с лишним года. Чего ты медлишь? Ждёшь, когда Чёрный Орден заграбастает её в свои лапы, как это случилось со многими, когда мы проворонили?! – Роджер проговорил это спокойно, даже с наигранной весёлостью. Но Скорпион уловил, что Роджер недоволен его «нотациями».

Охотник Воды смягчил градус:

– Ты прав, да, она почти созрела. Дай ей ещё два-три месяца. Она сама к тебе придёт.

– Да я уж понял. На неё опасно давить, она вон сама на меня ух как давит! Я сегодня еле выкрутился. Она у меня такое выспрашивать начала! И попробуй не ответь, – Роджер шутил. Но выдавать ученицу он не намерен.

– Удел всех наставников – отвечать на вопросы вагантов. Порой вагант для мастера – король. Ведь тот, кто задаёт вопросы – перехватывает инициативу и лидирует. Но я пришёл не за тем, чтобы перетирать педагогические темы. Удачно я застал тебя здесь. То, что я тебе сейчас скажу, Дрэгон, только для ваших глаз.

– Ну как всегда, кто бы сомневался! Скорпион пришёл забивать стрелку!

Вампир и его друг Охотник Воды отошли поглубже в лес. Скорпион тихо обрисовал суть темы:

– Русалки убили потомка Ордена Истребителей Демонов. И забрали у него одну вещь. Вещь всколыхнула Ткань Баланса настолько, что последствия могут быть необратимыми. Я не буду говорить красивые слова, но мы словили ультиматум от Трёхглазой. Война перешла в открытую фазу, до этого были лишь мелкие диверсии.

– Что за вещь?

– Мы это пытаемся выяснить. У меня к тебе будет персональное поручение. Мне нужно, чтобы ты последил за том-

берами. Они активизировались. На этот раз есть подозрения, что они собираются сделать нечто крупное. Либо уже сделали. Например, вызвать высшего демона или иную гадость в наш мир. А ещё через томберов можно выйти на русалок.

Роджер некоторое время помолчал. Затем уточнил:

– Я работаю один? Или мне подключить тяжёлую артиллерию, Гудинга, например?

– Нет. Не в этот раз. Ты работаешь один, Дрегон, – твёрдо подтвердил Скорпион.

– Понял тебя. Сделаю как можно скорее.

– Отлично. Тогда дам тебе некоторые наработки, чтобы тебе легче было стартовать.

Они углубились в лес дальше. Скорпион заговорил тише. У Роджера появилась работа, и она на ближайшие дни полностью займёт его с головой.

Слово за слово

– Вы представляете, кто у нас преподаёт теперь биологию? Профессор Боднар! Раппус Боднар, да! Помните, как года полтора назад мы расследовали катавасию с демоном снов? Ученик этого Боднара демона в наш мир и выпустил, помните? – увлечённо рассказывала Джейн. – Он принял только у одной меня биологию автоматом и сказал, чтоб я к нему не ходила.

Пит уточнил:

– Значит, вы ладите со старичком.

– Да, он снабжает меня нужной литературой по оккультизму! Сакральные значения карт Таро. Я же ведь ещё обучаюсь у госпожи Макоил, – Джейн понизил голос до конфиденциального шёпота.

– Ого! У вас там прям школа магии и волшебства! Хочу к вам, – хохотнул Пит.

Мы бодрым шагом шли по лесопарку «Хороший Путь». Джейн и Пит – мои лучшие друзья детства и напарники. Нас завербовали в Только Для Ваших Глаз вместе, два с половиной года назад. Мы прошли уже много расследований. В любой миг на нас могло свалиться ещё одно. Но сегодня мы просто гуляли. Джейн обещала нам устроить знакомство со своим одноклассником. Она про него прожужжала все уши. Пит хихикал, что она в него втюрилась, но Джейн в ответ на это дулась и фыркала:

– Ничего ты не понимаешь! Он с нами одной крови! Его бы к нам, в Только Для Ваших Глаз!

– Всех не завербуешь, – улыбнулся Пит подобно умудрённому опытному агенту.

Джейн много говорила об оккультизме, психологии, магии. Моя подруга открыла в себе экстрасенсорные способности и развивала их под руководством госпожи Макоил – медиума и контактёра.

«Вот кому надо пойти учиться у Роджера», – думалось

мне между делом.

Джейн обладает всеми внешними атрибутами ведьмы. Огненно-рыжие густые волосы, кудрявые как у цыганки. Зелёные глаза, веснушки. Любит с детства гадать на картах. Взажлёт читает книги по психологии: ведь все маги в первую очередь психологи.

Одноклассник Джейн перевёлся в её школу в прошлом году. Джейн несколько раз говорила, что нам всем надо встретиться. Да вот руки-ноги не доходили. И сегодня такой день, когда одноклассник оказался в наших краях. Нас Джейн успела окончательно заинтриговать, когда объявила:

– Он так же как мы изучает аномальные явления и хочет в Главное Бюро Расследований и Безопасности!

– А каким образом он изучает аномальные явления? – поинтересовалась я. – В теории или на практике?

– О, а это он сам нам пусть расскажет, – хитро заулыбалась Джейн. И принялась энергично махать: – А вот и он! Эдди!

В нашу сторону, скрипя снегом под ботинками и держа руки в карманах, направился парнишка. Мы с Питом позже обменялись мнениями, что представляли себе Эдди совсем по-другому. Пит думал, что Эдди – мускулистый мачо, в кого Джейн втайне влюбилась. Я думала, что Эдди – низенький очкарик-блондин, и что Джейн его выделила как человечка, над которым нужно взять шефство.

Он среднего роста, то есть немногим выше меня и чуть ниже Пита. Тёмные прямые волосы, растрёпанные в разные

стороны из-под шапки – не то чтобы длинные, но и не короткая стрижка ёжиком, как у большинства обычных парней. Потёртые джинсы, короткая куртка.

Лицо Эдварда одновременно простодушное и хитрое. Неопытная, не поднаторевшая в чтении людей личность может решить, что Эдди – простачок, которого не составит труда обвести вокруг пальца. Эдди выглядит моложе своих шестнадцати. Я разглядела, что он себе на уме. Мысленно дала ему сто очков вперёд: мне всегда нравились тёмные лошадки. Сложные в разгадке люди более глубокие и интересные. Общение с ними больше обогащает опыт, чем общение с людьми из серии «будь проще, и к тебе потянутся».

– Эдвард Симони, – поздоровался он, пожал нам руки. Хорошее, уверенное рукопожатие, прямой взгляд.

– Долой официоз, разреши моим лучшим друзьям называть тебя Эдди! – встряла дипломатка-Джейн.

– Конечно, без проблем. Мне так даже больше нравится, – широко улыбнулся Эдди. Открытая, искренняя улыбка.

– Я предлагаю просто пройтись по парку. Погода хорошая, – предложила Джейн.

Все согласились.

– Приятное знакомство. Я много слышал о вас. У вас ещё есть так называемые боевые погоняла, верно? Детектив и Секирбашка, я не путаю? – манера Эдди непринуждённо вступать в разговор порадовала меня. Когда он назвал наши с Питом клички, мы оба прыснули.

– Ого! Какая интересная получилась модификация! Настоящее секретное погоняло для боевого погоняла, погоняло в квадрате, карамба! – хохотала я.

– Ты путаешь, – поправил Пит. – Я Сыщик.

– А я Сорвиголова. Хотя Секирбашка мне нравится, – расплылась я в улыбке, наверное, она получилась кокетливой, потому что Эдди слегка отвёл глаза.

– А моё погоняло в квадрате – Алая Ведьма! После этого думаю – а не покрасить ли мне волосы в кроваво-красный цвет? Рыжий и так вроде считается красным, но красный будет смотреться авангардно и андеграундно, – смеялась Джейн.

– Это будет смотреться жутко и инфернально! Ты будешь похожа на демоншу с красными волосами! Тебе ещё не хватает красных рожек, красных крылышек и красных копытц!

– Каких копытц, я тебе что, красная дойная корова?! – Джейн воинственно замахнулась на Пита. Быстро сориентировалась в следующую секунду подняла снежок: – Получай! Это мой снежкобол! Я Рыжая Ведьма, мне подвластны все стихии!

– С вашего позволения, я вступлюсь за честь дамы, – Эдди галантно поднял снежок и тоже запыллил его в Пита.

Я вступилась за кавалера – нашего Сыщика, ибо два на два выгоднее, чем два на один. Когда знакомство начинается с потасовки – настоящей ли, или тренировочно-игровой – оно, как правило, перерастает в крепкую дружбу. Когда мой

снежок чуть не сбил с Эдди шапку, и он в ответ с гарканьем «Секирбашка!!!» принялся активно давать сдачи – это было равносильно подписанному контракту во взаимной приязни и симпатии.

Пока мы играли в снежки, я отметила его отличную спортивную подготовку, ловкость, тактические ходы и при этом – галантность. В Пита он кидал снежки нещадно, целился в открытую грудь. Нам с Джейн он старался попасть некрупными снежками в ногу или руку. В этой потасовке мы, как щенята разных, но похожих друг на друга пород, проверяли – кто во что горазд.

– Ну вот, бизнес-знакомство, называется! Эдди, я надеюсь, мои лучшие друзья тебя не обидели? Мои лучшие друзья, я надеюсь, Эдди вас не обидел? – запыхавшаяся, но очень весёлая ведьмочка взяла на себя роль дипломатки.

– О, для меня большая честь сразиться с такими доблестными воинами! – Эдди, тоже жутко довольный, пожимал нам всем руки.

Он улыбнулся:

– Я уверен, что мы сработаемся, – это он произнёс, пожимая руку мне и глядя мне в глаза. Словно его фраза адресовалась мне лично.

Тёмно-серые глаза мечтателя-хитреца. Я вспоминала детские приключенческие романы про пиратов, поиски сокровищ, где главные герои – такие вот парнишки. Они дают отпор негодьям благодаря сноровке, смекалке. Они остаются

с душой ребёнка, с распахнутым настежь сердцем. Удивительно, что Эдди такой сохранился. В шестнадцать лет люди обычно делаются более матёрыми, озлобленными, пережившими несколько трагедий и потрясений.

Джейн вдруг ахнула:

– Ах, ребята, я так хочу горячий кофе! Или чай! Просто попить горячее! Там есть палатка, продают шикарный кофе! Я туда сейчас схожу...

Пит тут же принялся ухаживать за подругой:

– Лучше давай я схожу. Какой тебе принести?

– Я бы сама хотела выбрать... Или давай сходим вместе?

– С удовольствием! Вы с нами, коллеги? – обратился к нам с Эдди Пит.

И тут дёрнул меня чёрт отказать. Я покачала головой, решая и за себя, и за Эдварда:

– Мы вас тут подождём. Если вас не затруднит, принесите и нам что-нибудь. Наугад, сюрпризом.

Джейн и Пит ушли, беззаботно болтая между собой. Я поймала себя на том, что в последнее время отдаляюсь от них. Что тому виной? Те расследования, что я провожу одна, а они проводят вместе? Те знания, что я получаю?

Эдвард начал непринуждённо болтать:

– А я был сегодня в спортивном магазине. Это который на Травяной улице. Ваши края. Джейн узнала, и пригласила меня на эту встречу. Я очень рад, говорю это честно! Самое лучшее знакомство. Нет, поверь, я такое говорю не каждым

своим новым знакомым. А ты была в этом спортивном магазине? Я присматривал себе пневматическую винтовку, чтобы летом заниматься стрельбой.

– Ты профессионально занимаешься стрельбой? – я ещё больше заужала Эдди.

– Не то что бы профессионально. Так, в тире стреляю, но пришёл к выводу, что лучше самому. Мой дедушка обещал сводить меня на охоту, я и хочу тренироваться. Джейн говорит, что вы тоже стреляете. А из чего вы стреляете?

– Из всякого, – не стала я скрывать.

– Как-нибудь нужно собраться, пострелять вместе, – бросил Эдди и сменил тему, посмотрев вдаль: – Я хотел бы иметь при себе оружие, которое можно носить незаметно. Вроде ультра лёгкого пистолета, замаскированного, например, под женскую помаду, как показывают в шпионских боевиках. Не под женскую помаду, конечно, а под мужские вещи.

– Под мужскую помаду, – пошутила я, Эдди хохотнул, я полюбопытствовала: – Зачем тебе оружие? Защищаться?

– Защищать, – ответил Эдди задумчиво. Он выдержал паузу и проговорил слишком тихо: – У меня соседка есть. Она, как мне кажется, в беде.

– Почему, что с ней? – наострилась я.

– Она уходит ночью стала из дома. Я чутко сплю. Слышу – дверь хлопает. А она девушка такая домашняя. Я в глазок наблюдал сначала. Вся в чёрном, косметикой чёрной малю-

ется. Хотя обычно никогда не красится. Сегодня я за ней пошёл, ну, в смысле, ночью. Живём мы рядом с кладбищем на улице Гордости. Это недалеко от улицы Боер, где Джейн живёт. Вот, и Мрия напрямиком на кладбище. А там люди в балахонах, песнопения. Я прятался и жалел, что нет оружия. Я бы их всех перестрелял. Давно хочу на охоту ходить с дедом, он всё говорит – маленький я. В тире тоже я давно стреляю. Решил сегодня съездить, посмотреть винтовку. Ух, не знаю, зачем я тебе это рассказал, забей, это бред.

Эдди отвёл глаза. Я так и замерла. То, что рассказал наш новый друг, напомнило о деле, что я вела год назад.

– А эти... что на кладбище собрались, точно не готы? – начала осторожно выпрашивать я.

– Нет. Готы прикалываются, собираются на кладбище, чтоб кайф словить. Там – нет. Там люди в балахонах делали обряд. Вроде бы даже кого-то клали на могильный камень. Огонь зажигали – я ещё думаю, сейчас сторож застучает, полицию вызовет. Но никакого сторожа, словно куплен он, либо ему обеспечили покой, что называется.

– А вот такой вот знак тебе не знаком? – я решила пойти до конца и наштриховала на снегу палочкой круг, в нём месяц спадающей Луны и заштриховала место тьмы.

Эдди так и замер. Он ошеломлённо посмотрел на меня:

– Ты откуда знаешь? Этот знак я утром видел на том самом месте, с утра тоже сгонял на кладбище, наскоблен был на плите. Ты кто?

– Дед Пехто и Конь-в-Пальто. Знаю, – выдохнула я и посмотрела на Эдди. Увидела за его спиной, как в нашу сторону идут Джейн и Пит.

Ровно год назад. Операция «Лайнонна». Томберы. Наши самые заклятые враги. Тогда ТДВГ поймала всех главарей, и они должны сидеть в тюрьме. Химера Фобос, Профессор Зло, Масочник.

Я знаю лично, насколько опасна их деятельность. Тогда чуть не пострадал Пит – мы его едва не потеряли. Он был загипнотизирован, подвергся психическому воздействию. Его сейчас ни за что нельзя вмешивать! И Джейн – тоже. Во время последней операции, когда мы уже почти всех взяли, её чуть не убили. Она потом признавалась, что ей долго снились кошмары про её смерть и смерть Пита. Мне не снились – хотя меня тоже пытались убить.

Мне нужно срочно на Базу, вытрясти информацию про томберов из начальников! Из Аманды и Майло. Я прошипела Эдди на ухо:

– Послушай, Эдди. То, что я тебе сейчас скажу – только для твоих ушей. Я знаю всё про этот знак и сектантов. Предлагаю поработать вместе. Только ты и я. Джейн и Пита сюда вмешивать нельзя. Я тебе потом расскажу, почему. Договорились? – я протянула ладонь Эдди. И посмотрела ему в глаза.

Он серьёзно кивнул и пожал руку.

Джейн и Пит подошли:

– Вот, мы принесли чай с облепихой, а кофе с лимоном! Кто что желает? – Пит принялся нас угощать.

– Пусть первой выбирает дама, – предложил Эдди. Я увидела, что он разительно поменялся. Только что был серьёзным, сосредоточенным, а теперь снова стал весёлым. Добродушно-простодушным. Я выбрала кофе с лимоном.

Сумбур в голове продолжался. Как лихо Эдди мне это рассказал! Что его подвигло на это? Он едва меня знает! Хотя – как это – едва? Джейн наверняка его со мной так хорошо заочно познакомила, что он меня считает чуть ли не за родственницу. Когда происходит знакомство с другом друга и этот друг похож на твоего друга – всё значительно облегчается. Границы размыты, ты начинаешь доверять с ходу, принимаешь за своего.

И так ведь – слово за слово! Начал с невинной темы, говорить про спортивный магазин, стрельбу, дедушку, охоту.

Я тоже хочу научиться убивать врагов, победить в себе слабину. Я тоже имею страх и желание защититься. Или защитить кого-то. Мой настрой последних дней передался Эдди. Нашлись точки соприкосновения. Я пытаюсь разузнать о секретной школе убийц Вененум, о новых приёмах борьбы, воздействия – особенно если враг окажется сильнее меня. Эдди, говоря о соседке, искал того, кому можно выговориться, объективного слушателя.

Он спросил – кто я? Но кто ты сам, Эдвард Симони? Мы успели обменяться телефонами.

– Августа. По условиям контракта Воды и Огня, ты работаешь на нас в обмен на уплату. Ты пашешь на нас за каждый квант энергии, за каждый фотон магического тока, что мы платим тебе. Пашешь со многократным тщанием и рвением, поняла, дитя? – Блэки елеино улыбалась, приподнимая голову Августы за подбородок.

Августа недовольно фыркнула, бесясь от того, что не может перевоплотиться в русалок, принять их облик, не может никак и ничего с ними сделать, лишит их энергии. Её глаза из-под очков опасно сверкали. Она резко дёрнула головой, избегая сомнительного ласкового поглаживания Блэки. Сначала она пробовала противостоять Трёхглазой и её фрейлинам, но потом поняла, чем это чревато, и решила быть хитрее.

– Вы мне заплатите, – прошипела демонесса. – Авансом. Я хочу видеть Химеру – раз. Я хочу разделаться с носительницей грязной крови – два. Я хочу видеть Масочника и всех его людей своими рабами, чтобы они поклонялись мне как Главному Мертвяку – три.

Блэки изобразила притворное недоумение, поцокала языком:

– Ох, ц-ц-ц-ц, ну мы подумаем, рассмотрим твою первую просьбу. И да, третью, пожалуй, тоже можно рассмотреть. Но только после того как ты отработаешь по всем статьям. Но

объясни, дитя, насчёт второй просьбы, чем тебе так не угодила кровь? Ведь Масочник по сусекам собирал и еле добыл.

– Грязная кровь. Она причинила мне боль. Если бы Масочник не был набитым идиотом, я бы решила, что он попытался убить меня.

– О, неужели в самом деле?! – Блэки в притворном ужасе отшатнулась, схватившись руками за лицо. – Видишь ли, Августа, вторую твою просьбу никак нельзя удовлетворить. Потому что Трёхглазая хочет, чтобы ты сделала всё, чтобы эта носительница пришла к ней и тоже работала на неё, как и ты.

Августа промолчала. Она вскипела внутри от бешенства.

– Зато ты теперь можешь превращаться в неё. И в Дарти. Не имея с ними контакта – ты можешь дистанционно превращаться в тех двух магов, из крови которых тебя вызвали. В этом есть преимущество. Убивать её ты не имеешь права. Но поиздеваться вдоволь – можешь, удовлетворишь этим свои амбиции. Ты же умный демон, Августа! Поиздевайся над той, кого ненавидишь на уровне крови, над своим кровным врагом – получи удовольствие! Убьёшь двух зайцев – себе приятно сделаешь и начальнице. И Морская Королева оплатит тебе сполна, да и премию ещё даст! – Блэки говорила это совсем сладко.

Она лила мёд в уши, пела русалкой, прохаживаясь рядом с Августой, подбираясь всё ближе и ближе – словно приручая дикую кошку. И Августа подыграла ей. Она дьявольски

ухмыльнулась и стала превращаться в ту, чьей кровью она вызвана.

Через несколько секунд перед Блэки стояла высокая девушка, тоже ровесница Августы. Но без очков, с прямыми тёмными волосами до плеч, прямыми густыми бровями, довольно большим носом, стройная, атлетического телосложения. Блэки довольно усмехнулась в ответ.

– Пусть Морская Ведьма немедленно отправит меня к этой твари – *Сорвиголове*. Я замещу её, я разрушу её жизнь, полностью украду. Сделаю так, чтобы никто ничего не заметил, вытесню её. Она станет никем. Морская Ведьма заберёт её. А я буду наслаждаться триумфом.

– Да, Августа, милое дитя, да! – Блэки теперь нежно обняла Августу сзади за плечи и прижала к себе как дочь. И также нежно зашептала. – Ты такая умница! Знаешь, про эту, как ты её называешь, «тварь», много рассказывали Масочник и Химера. Эта «тварь» входит во враждебную нам организацию, основанную Пауком. Находясь вот в этом самом облике, ты проникнешь в эту организацию, войдёшь в доверие к остальным. И разрушишь там всё! Ха-ха-ха! – легко рассмеялась Блэки.

Шаловливый, озорной, кокетливый смех. Августа дьявольски улыбнулась.

– Такая работа мне по душе. Уже начинаю чуть переставать жалеть, что вы заставили меня подписать этот контракт!

– С нами ты выйдешь на новый уровень! С нами твои же-

лания исполнятся! Вода не часто благосклонна к Огню, а когда Вода и вовсе готова платить Огню за хорошую работу – такое на моей практике впервые! Цени это, дитя моё! – поучительно мурлыкала Блэки.

Внезапная встреча

Когда меня, Пита и Джейн завербовали в Только Для Ваших Глаз, я часто думала – почему выбор пал именно на меня.

С Питом всё ясно. Майло Стивитз, он же Скорпион – наш начальник и его старший двоюродный брат. Близкие родственники, одна шайка-лейка, – понятное дело! Да и сам Пит – личность незаурядная. В последнее время всё больше проявляется как талантливый детектив, умеет играть в шахматы, любит каратэ, умён, начитан.

С Джейн тоже всё ясно. Спортивная, весёлая, любит психологию и гадания на картах. С ней легко. Она первая пошла и познакомилась к нам с Питом, когда мы, шестилетки, игрались в песочнице. Джейн Сенксон – ведьма. Потомственная, как она скромно иногда поясняла нам: якобы её генеалогия и корни имеют ведьм и знахарок и по отцовской, и по материнской линии.

С мной до сих пор не ясно. Обычная девочка. Если бы я не попала в Только Для Ваших Глаз – кем бы я была? Навер-

ное, такой же домашней и тихой, какая я есть. Почему меня называют Сорвиголова? Потому что я сама себя так назвала. Возможно, у меня глубокие психологические проблемы, раз я ловлю кайф от стрельбы и борьбы и люблю, когда мне дают спецзадания.

Иногда я думаю, что меня завербовали в ТДВГ «до кучи». Чтобы Питу и Джейн не было скучно. Потому что я с ними дружу. С Питом я дружу с момента, как наши мамы, моя и госпожа Ривел, ходили вместе беременными нами. Правда, Пит вылез на белый свет на четыре месяца раньше меня. С Джейн мы вместе с Питом дружим лет с шести, так собралась наша неразлучная троица. Ещё иногда я думаю, что меня завербовали в ТДВГ, потому что я живу рядом. Но по такой логике могли и завербовать кого угодно из наших соседей. Или почтальона, или разносчика пиццы – они ведь каждый день ходят по нашей улице!

База находится в 18-м доме-особняке в квартале частных домов «Хороший Путь», на той же улицы живём я и Пит. Я пришла сегодня на Базу за ответами. Знакомство с Эдди показало: наклёвывается расследование.

На Базе на Рецепции я застала начальницу Аманду Беллок не одной. Аманда общалась с Матильдой Дарксон, моей школьной учительницей биологии. Года два назад я и наш друг и напарник Ром, агент 004, фактически «завербовали» Мод к нам в ТДВГ. Она выслеживала в одиночку демона. Я тогда ничего не знала про демонов, но мне стало понятно,

что учительнице нужна помощь. Мы с Ромом стали незримыми наблюдателями за борьбой Мод и зловещего демона Даркскара, и вмешались вовремя. А потом вместе приняли бой. Совместными усилиями мы победили, Мод в результате осталась в ТДВГ.

Биология была позавчера. Я тогда отметила, что Мод выглядела рассеянной и уставшей, что за ней водилось чрезвычайно редко. Она отпустила наш класс пораньше с последнего урока. Когда я спросила её, всё ли в порядке, могу ли я помочь, Мод твёрдо ответила, что всё в полном порядке, и посоветовала мне отдохнуть.

Мы поздоровались, Мод душевно улыбнулась мне, Аманда – по-деловому. Видимо, мои коллеги обсуждали нечто конфиденциальное: при моём появлении разговор замер.

– Ты на тренировку? Зал свободен, он твой! Тир – тоже. Да уж, обленились все в последнее время, кроме тебя, агент ноль-ноль-первый! – весело сделала мне ироничный комплимент Аманда.

– Вынуждена тебя разочаровать. Я тоже обленилась, ибо я не на тренировку, – покачала я головой.

– Вот как? Про тебя я знаю, что ты наверстаешь! С чем пожаловала?

– Мне нужно... – я гадала, сразу в лоб задать вопрос или не стоит, я ведь сама могу выяснить нужную мне информацию по базам данных.

Но я подумала, что раз у Аманды и Мод серьёзный разго-

вор, то моя тема может быть лишней. Предпочту узнать сама.

– Мне нужно кое-что посмотреть, в Терминале.

– О, да это всегда пожалуйста! Ты ведь уже не стажёр, ноль-ноль-первый, чтобы спрашивать разрешение, – Аманда деликатно напомнила мне о повышении. Оно произошло в августе, после того как нам – Великолепной Шестёрке – на смену пришли «свежие кадры».

– Благодарю, – кратко кивнула я. – Не буду более мешать.

– Да ты и не мешаешь! Кстати, – Аманда, извиняясь, что она сейчас не может уделить внимание и по-дружески пообщаться, добавила: – хочу тебя порадовать радостной вестью. Кое-кто тебя тут поминал, желая проверить, достаточно ли хорошо ты учила химию.

Я замерла.

– Грифо... то есть Рикардо... то есть агент Кэпчук здесь?! – я чуть растерялась, не зная как называть старшего коллегу по субординации. – Вернулся из своей затяжной командировки?!

– Какая буря. Думаю, Грифон их тоже переживёт, только ни за что не покажет, едва ты отчитаешься ему по всем формулам! – улыбнулась Аманда.

Вот уж порадовала она меня! По-настоящему. Я пулей выскочила с Рецепции. Но как только оказалась в коридоре – растерялась: я ведь не спросила, где Грифон? Искать его по всей базе – это смешно. Да и то дело, о коем сообщил Эдди – важное.

Я призвала самообладание и приняла взвешенное решение, направившись в компьютерный Терминал.

Грифон, он же Рикардо Кэпчук – наш агент. А ещё он гений. И убийца. Да, вот так, три в одном. Точнее, четыре в одном: мы с ним дружим. Примерно как с Роджером. То есть я слишком мало знаю о Грифоне, но всегда хочется знать больше. Загадочная личность. Хотя, казалось бы, его биография лежит на поверхности и известна каждому из коллег, кто участвовал в расследовании, связанным с Рикардо.

Мы познакомились около полутора лет назад. Тогда я и мои коллеги расследовали аномальные явления в одном из городских пансионатов. Там заправляла группа сумасшедших учёных под предводительством Дэйла Крампа – опасного гада, заключавшего сделки с демонами. В этом пансионате Кэпчук маскировался под пациента-гостя. Он назвался не своим именем, а именем умершего друга, учёного Ромео Нельсона.

И Рикардо, и Ромео оба гениальные химики. Они работали над веществом. С его помощью человек может стать полностью невидимым. А это означало абсолютную власть и всемогущество – ведь невидимка может вообще всё. Пройти туда, куда нужно, и ни одна камера бы не засекала, убить кого угодно – и никто бы никогда не понял, кто убийца, и так далее. За веществом охотился Крамп, он убил Ромео. Рикардо потом охотился за Крампом. Не сколько в отместку за то, что погиб его друг – сколько из принципа. В момент апогея этой

охоты, я и мои коллеги вновь встретили Грифона. Мы тогда сразились с Крампом, и Грифон сбросил его в чан с кислотой. Как Крамп когда-то сбросил его друга. Но я и Грифон увидели, как Крамп вылез из этого чана и исчез.

Мой начальник Майло Стимвитз предложил Грифону работать на нас. Грифону кто-то из наших предлагал и раньше, выйдя на него несколько лет назад. Но Грифон тогда бросил «Я подумаю». Майло он не отказал. Вообще, Майло сложно отказать – он всегда делает такие предложения, от которых невозможно отказать. Я думала, что Грифон согласился на нас работать потому, что с помощью ТДВГ он мог бы быстрее найти Крампа.

В августе у меня, Пита и Рикардо было совместное расследование. Мы изучали деятельность двух ведьм. Они пытались вызвать Бога Акул. Грифон, сражаясь с Лизавьетт, узнал у неё о Крампе. И пустился по следам Крампа, уехав в неизвестном направлении. В начале августа. Мне он тогда велел – «Учи химию». Обещал вернуться через месяц. Но месяца на четыре задержался.

Его многие из коллег сторонятся, кое-кто даже побаивается. И не мудрено: Грифон обладает такой харизмой, что умеет внушать страх и холод на расстоянии. Мне же он внушал дикий интерес. Всегда мрачный, угрюмый, сдержанный, вместо лица – каменная маска бесстрастности. Я видела его в бою – он безжалостен к врагам и убивать умеет быстро. Такой не заколеблется, когда нужно будет кого-то убить. А вот

в себе я в этом отношении не уверена. Поэтому я в последние дни и ищу, как мне научиться преодолевать этот страх.

«Зачем тебе это?» – спросил меня Роджер позавчера.

Я не могла ответить. Вернее, могла, но это было бы слишком долго. Копание в себе. Кушетка психоаналитика. Роджер не психоаналитик. Он больше смахивает на разбойника, после встречи с коим самое оно бежать к психоаналитику!

Мне кажется, Грифону я бы смогла это объяснить.

Антонио это объяснить я точно не смогу. Я теперь боюсь поднимать в переписке эту тему. Он напугал меня, поставив ультиматум – что если я ещё раз с ним заведу речь об убийствах и о школе Вененум, мы вынуждены перестать писать друг другу. А это, как он потом приписал в постскриптуме, разобьёт ему сердце. Мне пришлось извиниться за неуёмное любопытство и пообещать, что я его больше никогда не буду про это спрашивать.

Если томберы вернулись – мне рано или поздно предстоит сцепиться с ними. Смогу ли я убить безжалостно ту же Хи-меру Фобос, Масочника, Профессора Зло? Или буду смотреть в их глаза, видеть там хорошее, доброе, и промахнусь, или не смогу? И тогда они свернут шею мне или кому-то из моих лучших друзей...

Компьютерный Терминал бесстрастно даст мне ответы на вопросы. Я знала имена главных томберов – Мэри Зиг, Пауль Зиг, Дэннис Корим. Благодаря ускоренным алгоритмам, разработанными нашими программистами, я получила све-

жие данные о заклятых врагах ТДВГ.

Мэри Зиг сидит в засекреченной тюрьме строгого режима «Альфа-13», арестована в декабре прошлого года группой ТДВГ быстрого реагирования города Авесома.

Пауль Зиг сидит в той же засекреченной тюрьме, арестованный тогда же.

Дэннис Корим...

Не сидит.

Дэннис Корим посажен в эту же тюрьму, вместе с Зигами. А когда наступил март, значилось, что он в розыске! Как Корим мог сбежать из особо охраняемой секретной тюрьмы, всего через три месяца? Наверняка ему помог тот, кто стоит над организацией «Томберы».

Я начала вспоминать расследование девятимесячной давности. Мы охотились за Крампом вместе с Грифоном. У Крампа были пособники, и они оказались связаны с Томберами. Главные томберы – Зиги и Корим – были уже на тот момент в тюрьме. Но у Могильщиков длинные щупальца, много связей. Мы поняли, что эти связи действуют на большом расстоянии. Несколько людей Крампа и его приспешников из мафии на похищали Пита. Он потом говорил, что у него брали кровь для ритуального жертвоприношения, вызвать демона. И ещё Пит говорил, что видел Корима. Мы тогда подумали, что у него могла быть галлюцинация. Его опрыскали чем-то, чтобы лишить дееспособности. Пит тоже потом так думал. Ни у кого из нас не укладывалось в голове,

что Корим мог сбежать!

Выходит, наши коллеги продолжают искать Корима. Корим, возможно, затаился, а сейчас решил действовать. И устраивать эти сходки на кладбищах.

Эдди прав. Мне нужно взять это дело.

Ровно год назад он и меня похитил – чтобы принести к Химере и Профессору Зло. Они устроили надо мной пытки, подослали ко мне одного из своих маньяков, Крафта. Мне удалось его побить и скинуть на одну из их пыточных машин. Они загипнотизировали Пита и заставили его убивать меня. Ему удалось скинуть с себя в оковы гипнотической программы и обратить удар против Химеры. Потом там появился Майло, всё разрулил, томберов схватили. Но не надолго.

Успокоиться. Перевести дыхание. Нужно всё разложить по полочкам. Я подняла голову от компьютера и увидела в дверях Грифона.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Замерев. Словно в поединке, изучая друг друга. Я «напала» первой – к чему откладывать?

– Корим всё-таки бежал тогда, в марте. Ты что-нибудь про него знаешь, где он?

– Что ты можешь сказать о свойствах серной кислоты? – парировал он.

– Две молекулы водорода, одна молекула серы, четыре молекулы кислорода. Для человека токсична, несъедобна, пить нельзя, зато можно использовать в пытках, – отчеканила я. –

Так что там с Коримом?

Его взгляд мог выдержать не каждый. Я это умела – потому что он позволял. Он слегка усмехнулся, решив отложить экзамен:

– Использовать в пытках. У кого ты учила химию? Впрочем, догадываюсь. Химия, та её часть, которая изучает смешение вещества, получение нового вещества с иными свойствами – нужна не для того, чтобы соорудить бомбу и взорвать школу.

– Карамба, минуточку! Не надо взрывать школу, её уже однажды пытались взорвать! Мне нужно доучиться там всего полугодие. Э... а для чего нужна часть химии, которая изучает смешение вещества? – до меня дошло, что Грифон на что-то подбивает меня, пытается заинтриговать. Стало любопытно.

– Ты как инертный газ. Стремишься заполнить собой всё пространство, вроде бы везде, но при этом нет. Она нужна, чтобы в мозгу выстроились связи, необходимые для постижения смешения энергий и тканей пространств.

– Пардон, – изрекла я. – Вот уж не знала! Какие энергии будем смешивать? Ой, погоди, ты так и не сказал про Корима!

– Корим меня мало интересуется. Если он и сбежал – его поимка дело случая.

Грифон замолк. Я догадалась в правильном направлении и осторожно спросила, уняв весёлость, появившуюся от ра-

дости встречи:

– Ты искал Крампа. Нашёл?

– Нахождение Крампа – тоже дело случая. Я нашёл немало следов. Но подвалила работа: Крампа придётся отложить до лучших времён.

Грифон шагнул назад, в коридор, откуда пришёл, быстро осмотрелся. Потом шагнул в компьютерный Терминал и плотно прикрыл за собой дверь. Проговорил тихо:

– Чёрная Вода. Аманда, Мод и Скорпион против, чтобы об этом знал кто-либо, кроме нас четверых. Но я бы хотел, чтобы ты знала. Тебя нужно начинать готовить.

Я ничего не поняла:

– Чего?.. – наверное, я глупо вылупилась на Грифона. По лицу агента Кэпчука проскользнула смесь снисходительности и недовольства.

Он соизволил пояснить:

– Чёрная Вода объявила войну в открытой стадии. Твои оба любимых начальничка – Стивитз и Беллок, а также твоя любимая учительница Дарксон против, чтобы кто-то ещё из наших принимал участие в этой войне. Считаю, я тут с тобой сплетничаю как бабка, лузгающая семечки. Они трое и я – понимаем, что войну мы вчетвером не погасим. Скорпион подключил Шакалов и ещё кое-кого в подмогу. Война Чёрной Воды всегда начинается с войны за таланты – в буквальном смысле этого слова. Они будут искать новых, сильных адептов, из рядов Белой Стороны или неоперившихся,

не определившихся. Они будут делать всё, чтобы переключить им мозги, выучить их под себя. Если мы опередим их – мы выиграем. Ты ведь не зря спросила про Корима. Если задумала куда-то влезать – действуй осторожно. Увидишь что-то не понятное, появятся вопросы – иди ко мне.

– Карамба, Грифон, ну ты и загрузил! Это что, новая форма экзамена по химии? – попыталась я пошутить. – Давай с самого начала. Чёрная Вода – это что?

– Русалки. Ты знаешь о русалках, не отнекивайся. Скорпион говорил тебе.

– Русалки... – пробормотала я, озадаченная. – Допустим, в августе мы с тобой одну из них ловили. То есть морскую богиню акул. Скорпион говорил, что она стояла за событиями, связанными с Всемирным Днём Контакта. Мафиозная группировка Игуана, фирма Внеземное Дело, Империя Кавандайка – это её подчинённые. Только я до сих пор не уразумею, что это за русалки, как они выглядят, как с ними бороться. Мне они представляются чем-то вроде демонов, но я понимаю, что они не демоны.

– О нет, они не демоны, – не спеша подтвердил Грифон. – Помощнее будут. Особенно Трёхглазая. Она – та, кто очень опасен.

– Трёхглазая. Кажется, я уже слышала о ней, – задумчиво проговорила я.

– Я бы всё отдал, чтобы ты только слышала, а видела по крайней мере только один раз, и то чтобы это был её труп.

Итак, подведём итог. Я захожу – ты спрашиваешь меня про Корима. Естественно, не буду выдавать тебя начальству – выдашь себя сама, если захочешь. Не буду препятствовать твоему расследованию. Но при этом я не буду равнодушно наблюдать, если Трёхглазая решит с тобой познакомиться.

– Со мной? Если она такая могущественная богиня, какое её дело до меня, обычной школьницы?!

– Не обычной, Сорвиголова. Говоришь, ты не понимаешь, что такое русалки. Чтобы понять и разобраться во всём, тебе нужна теоретическая база. О практике я пока молчу – это чисто твой выбор.

– Практика? Э... кстати, спасибо за комплимент по поводу моей необычности, – я попыталась кокетливо улыбнуться.

– Это не комплимент. Я не умею говорить комплименты. А практика – то, что я тебе сказал в самом начале. Управление совмещением энергий, тканей пространств и всё такое.

– Это случайно не магия?

– О магии говорить пока рано. Раз ты даже не понимаешь такого элементарного понятия, как русалки.

– Хорошо, – кивнула я. – Теоретическая база, говоришь. Это что-то тайное?

– Да, это что-то тайное. Что тебе Скорпион, может, когда-нибудь и расскажет – но только пока он решит, что тебе это знать можно, что твои мозги не расплавятся – твою душу уже восемь раз перепродадут на торгах. Я ни в чём не критикую Скорпиона. Он друг мне и он по-своему прав. А по-

моему, прав я.

Грифон изобразил на лице что-то вроде мимолётной весьма самодовольной усмешки. Я подошла к нему и протянула руку:

– Я принимаю вызов. Хочу вступить с тобой в сделку. За последние три дня ты второй, кто говорит мне обиняками про то, что мне надо учиться. Учиться я люблю. Но при условии, что понимаю, зачем это нужно мне и что это будет не бесполезно.

– Догадываюсь, кто был первый, кто тебе это сказал. И знаю, что ты любишь учиться. Больше, чем кто-либо из вас, юнцов. Да, подтверждаю, что мы в доле. Всё, что ты узнаешь от меня – это только для твоей серной кислоты, Сорвиголова, – Грифон пожал мне руку.

У Рикардо есть способность заинтриговать и исчезнуть. Не зря он создатель вещества, делающего человека невидимым. Нет, он не растворился в воздухе. Он вышел, но сделал это настолько быстро, плавно, стремительно, что я почти не заметила. Потому что наш сговор открывал передо мной двери в очередные запретные встречи. Я от этого подвисла, прозевала его уход-исчезновение.

«Что ж, я научу тебя кое-чему запретному. Но ты должна для этого стать моей *ваганткой*. То есть ученицей», – говорил Роджер. Итог моего посещения Базы сегодня. Первое. Я удостоверилась, что Корим, опасный преступник, изобретатель психологического оружия, основатель секты Томберов,

сбежал из тюрьмы и 9 месяцев бродит на свободе. Второе. Я стала *ваганткой* Грифона.

Внезапно я подумала, что хочу снова съездить в Адскую Кухню. И сказать Роджеру, что я согласна быть и его ваганткой. Роджер чудак, считает, что у меня есть магия. Но у меня её нет. Тогда пусть расскажет мне хотя бы теоретическую базу! В ближайшее время обязательно съезжу в Кухню! Роджер уже не казался мне «другим», «чужаком». Но в ближайшее время не получилось.

Коллинз сидел на сцене зала бара-клуба Скомато и лениво наигрывал на клавишах. Его глаза полуприкрыты. Он то ли медитировал, то ли думал, но не о мелодии – его руки, путешествующие по чёрному и белому полотну синтезатора, жили самостоятельной жизнью.

Мангуст насвистывал песню «Бесконечность» за столиком и потягивал пиво:

Точит острый свой зуб
На тебя кровный враг,
Твой зловещий суккуб,
Демон, дьявол, маньяк
Ты готов убивать
За добро и людей,
Сможешь чувства унять,

Вонзить нож меж бровей?..

Шрам слишком тихо сидел в сторонке, читал один из трактатов по магической химии и целительству. Они втроём ожидали их лидера, Нианию Дор. Она должна вот-вот прийти и привести новенькую.

Лунного Охотника не было – пропал на охоте. Хи тоже в отъезде – отправили по основной, «человеческой» работе в командировку. Даже уборщик Вангелис не шуршал своей шваброй. Поэтому в зале сидели эти трое.

– За тебя встанет рок, выбор определён... – свистел Мангуст. И вскочил, принявшись возбуждённо ходить из угла в угол: – Нет, ну вообще! Чёрные обнаглели! Похитить Ключ, который предназначался нам!

– Мангуст, уймись. Перестань орать, – лениво сделал замечание Коллинз. – Никому Ключ не предназначался, и ты это знаешь. Конкурентная борьба. Он взят по нашему недосмотру, всё честно.

– Всё честно!? Ты очешуел что ли!? Ты сам покрылся чешуёй, превратился в русала, раз так покрываешь их! – взвился Мангуст.

– Я смотрю на ситуацию сверху. Абстрагируюсь.

– Сверху он смотрит! Абстрагировался он! Это называется пофигизм! Дезертирство! – Мангуст обличительно ткнул в сторону Коллинза пальцем и надулся.

– Ребята, успокойтесь. Каждый прав по своему, – Шрам

примирительно хлопнул книгу, из неё тут же во все стороны полетела древняя пыль. – Да, прав Коллинз. Мы профукали этого Дункалса. Парню двадцать пять лет было, а мы, едва его тюкнули, начали локти кусать по поводу того, что он был рыцарем Охотничьего ордена. Ни он не знал, ни мы не знали. Во многом тут и моя ответственность – как знающего, и ответственность всех уцелевших рыцарей, в том числе Пантеры, и ответственность Скорпиона. А то, что украден Ключ и украден русалками – ответственность Воздушников! Охотников Воздуха мало. А те, что есть – нейтральщики, гордые слишком. Не хотят переходить в Белизну. Но прав и Мангуст: то, что Ключ сейчас находится у Чёрных – недопустимо.

Коллинз поддержал Шрама:

– Что до твоей ответственности, а также до ответственности Пантеры, Скорпиона и иже с ними – тут воля Рока всё решает. Никто не знал. Сегодня у нас прокол – завтра у Чёрных. Говорю же – конкурентная борьба. В следующий раз будем умнее. Да, свою ответственность мы понесём. Но без самоуничижения и без обвинения друг друга. Чёрный Орден только и ждёт, когда мы им уподобимся и грызться между собой начнём, как щенки-вервольфы.

– В следующий раз, – передразнил Мангуст. – Следующего раза может и не представиться. Они, вон, как вдарили! По Ключу, сразу так, нехило!

– Мангуст, с каких это пор ты стал пессимистом? – на-

смешливо поинтересовался Коллинз.

– С тех пор, как ты стал оптимистом. Я должен тебя балansirовать, как-никак, – парировал Мангуст.

Тут же в зал стремительной походкой вошла Ниания. Первым делом учинила разнос Мангусту:

– Опять пиво?! А ну убирай, живо! Я не хочу, чтобы неофитка уверилась, что мы тут все пьянь подзаборная. Я ведь чуяла, что тут будет либо алкоголь, либо Дрэгон. Специально спустилась проверить.

– Ты разве не с ней? – удивился Шрам. Мангуст поспешно опрокинул в себя пиво, побежал относить кружку под барную стойку.

– Я оставила её наверху. Если бы тут был Дрэгон, я бы его выперла. Он ведь тоже может нагряться с минуты на минуту, я предупредила Боба и Тага, чтоб уболтали его. Всё, вроде чисто здесь, пойду за ней.

Ниания ушла. Мангуст присвистнул:

– Обалдеть, столько церемоний ради этой девушки! Кто она?

– Скорпион разве тебя не просвещал? – спросил Шрам. – Это неогермитка, мы должны натаскать её по нашей методике.

– Я слышал, что неогермитка! Но почему алкоголь нельзя держать на столе, даже пиво? У неё что, аллергия? И раз с Поставщиком ей нельзя пересекаться – значит, на вампиров тоже аллергия?

– Дело не в аллергии, Мангуст, – улыбаясь, пояснил Шрам как неразумному ребёнку. – Эта девушка культурная, и от нас ждёт того же самого.

Открылась дверь, теперь вошла Ниания вместе с девушкой. Их пара представляла собой разительный контраст. Ниания, стройная, высокая молодая женщина, с ярким макияжем, больше напоминающим боевую раскраску, вся в чёрном, в коже, в металле – браслеты, шипы, чёрная бондана на голове, длинные чёрные прямые волосы. Рядом с ней – ангельское создание, худенькая и хрупкая дева, примерно на полголовы ниже Ниании. Натуральная блондинка, волосы нежными локонами обрамляют лицо – одухотворённое, с громадными голубыми глазами. Одета в белую блузку, длинную целомудренную юбку классического покроя, из украшений – лишь изящный кулон с камушком под цвет глаз. Ниания рядом с ней выглядела сущим демоном, порождением и воплощением Черноты. Именно невольно – сама Ниания одна из самых рьяных воительниц против Чёрного Ордена!

И этот контраст подчёркивал Белизну, нежность пришедшей девушки. Девушка волновалась, оказавшись в окружении колоритных ребят. Мангуст принялся галантно представляться, протягивать руку, Шрам и Коллинз тоже представились. Девушка назвала своё имя:

– Очень приятно. Меня зовут Айрэнн Бенинг. Можно просто Айрэнн.

– Нам тоже чертовски приятно! Упс, я хотел сказать –

чрезвычайно приятно! – Мангуст поправился под строгим зырканием Ниании.

Их отношения напоминают отношения старшей вечно одёргивающей сестры и младшего шкодившего братишки. Но таков сценарий их «игры». Ниания и Мангуст – такие друзья, что глотку друг за друга перегрызут с гораздо большей вероятностью, чем друг другу.

– Я надеюсь, наш союз будет долгим. Я, правда, так рада, что нас... соединили, – Айрэнн попыталась сказать речь, но продолжала волноваться. Она то смотрела в глаза ребятам, то пугливо отводила взгляд. – Конечно, хотелось бы, чтобы это единение было не при таких обстоятельствах, как сейчас. Я готова сделать всё, чтобы помочь общему делу. Но знаю очень мало. Я поняла, что нам угрожают силы, превосходящие все армии мира. Не могли бы вы... просветить меня поподробнее? Видите ли, я... кое-что могу, почти два года практикуюсь, и благодаря моим друзьям-неогермитам овладела заклинаниями. В основном это магия природы и земли. Но сейчас ситуация такова, что любой вклад, даже самый малейший, будет полезен. А я бы не хотела, чтобы мой вклад был малейшим, я хочу больше.

Айрэнн эта речь далась не просто в силу природной стеснительности и новизны обстановки. Она вымученно посмотрела на ребят. Трое парней явно заморожены этой девушкой – настолько она походит на ангела, спустившегося с неба. Мангуст, Шрам и Коллинз долго ничего не говорили, лишь

смотрели на Айрэнн, готовые внимать её голосу бесконечно. Спасла неловкое положение Ниания. Ласково положив ладонь поверх робко сжатых кулачков неогермитки, рокерша тихо произнесла:

– Да, наш союз будет долгим. Мы все друзья, мы все Белое Братство. Даже те, кто считают себя тёмными. Мы научим тебя тому, что знаем, и научимся сами у тебя. Отныне Скомато – твой дом, мы все – твои братья и сёстры. Давайте же ознаменуем наш союз угощением. Мангуст, разыщи, пожалуйста, Мака или хотя бы Вангелиса, пусть организуют чаепитие! Коллинз, почему так тихо в зале, где музыка?

– Я репетировал, музыку выключил, мешала. Я готов сыграть свою музыку, лично для тебя, Айрэнн, в честь знакомства, – Коллинз улыбнулся одной из своих самых загадочных и обаятельных улыбок.

Айрэнн лишь робко опустила глаза, большая часть её белых волос упала вниз, закрыв лицо. Ниания проговорила с юмором:

– Коллинз у нас музыкант знатный. Когда он предлагает кому-то сыграть или спеть – это значит, этот кто-то ему очень понравился. А завоевать его расположение уж как непросто!

– Ниания шутит! Я предельно открытый и компанейский, я вообще рубаха-парень! – усмехнулся Коллинз.

– Понеслось, – добродушно проворчал Шрам. И обратился к Айрэнн: – О наших делах, военном совете, обсуждении

мы ещё поговорим. Мы бы не хотели, чтобы первая встреча с нами превращалась в бюрократию. Поэтому да, Ниания права, отдыхай, расслабляйся. Считай – это тоже часть процесса обучения!

То ли Шрам нашёл нужные слова, то ли Айрэнн потихонечку адаптировалась к новым лицам, но она расслабилась немного. Мангуст разыскал бармена Мака в закромах Скомато и велел ему уважить гостью – иначе от грозной мадам Ниании не поздоровится! Мак весело полетел исполнять служебный барменский долг, а Мангуст чуть задержался в коридоре. Вернее, задержали его! Прямо из стены выскочил Поставщик. Он же Дрэгон. И он же никто иной как Роджер Уильсон.

– Что, не ждали? – хохотнул он. – Тысяча чертей, решил я швырнуться по вашим этим катакомбам. Крысы у вас хоть куда! Но кошки будут вкуснее. Здорово, Мангуст, разрази тебя гром!

Мангуст на мгновение оторопел, но быстро успокоился. Поставщик решил шмыгнуть в Скомато с чёрного хода – через старые и местами заброшенные подземелья, да ещё и с Теневой Стороны. Этим объяснялось то, что он вышел прямо из стены.

– Ух, напугал! Здорово, здорово.

– Напугал?! Тебя!? Мельчаешь, брат! Я-то думал, тебя на мякине не проведёшь!

– Ты слишком скромный, называя себя мякиной. Ты тот

ещё крепкий орешек, Дрэгон, – широко улыбнулся Мангуст.

– Оставь эту лесть! Я всего лишь обычный вампир, я всем об этом говорю, напропалую, на каждом углу, да! Всем своим – я имею в виду. Ну да ладно, оставим сантименты. У нас война, малыш. Думаю, ты в курсе, – Дрэгон, снабжавший Скомато ромом и свежими сплетнями, стал серьёзнее тучи.

Он взял Мангуста за плечи и заглянул в глаза:

– Скорпион у вас был?

– Был, – кивнул Мангуст и вздохнул. – И тоже мы с ним поговорили о войне.

– И у меня он был. Велел мне следить за могильщиками. Он уверен, что Трёхглазка им что-то задала вытворить непотребное. Держим ухо остро.

– Держим-то держим, только поздняк метаться. Ключ Инферно проворонили.

Поставщик помрачнел ещё больше:

– Значит, всё-таки Ключ. Скорпион узнал, значит, да.

– Мы узнали, совместно. Он, Шрам и Коллинз провели магический акт. А потом Скорпион послал к нам девушку, неогермитку. Чтобы мы за ней присматривали, как телохранители, – зашептал Мангуст особенно тихо. – Она вон у нас там сейчас сидит, наши ей зубы заговаривают. Милая девушка, тихая только. Скорпион считает, что Трёхглазая нанесёт первые удары по вагантам. Вот у тебя есть ваганты, Дрэгон?

– Есть одна, – уверенно ответил он. – Милая девушка, только ни черта не тихая. Такая Трёхглазку в бараний рог за-

катает, едва я возьмусь за её подготовку, – Дрэгон воинственно потряс кулаком. И снова вздохнул, повторяя: – Значит, Ключ. Дежа-вю. Вспоминаю шестьдесят шестой, пресловутый, чтоб ему акула в глотку...

– Тысяча девятьсот шестьдесят шестой? – спросил Мангуст.

– Куда загнул? Тысяча шестьсот шестьдесят шестой! – прошипел Поставщик, лицо его перекопилось от злобы. Было это умелой актёрской игрой или на самом деле большим воспоминанием – Мангуст так и не понял. Чёрт поймёт, вампиров этих. – Знаешь, как всё пойдёт, Мангуст? Только между нами, усёк? Скажу тебе, потому что ты вагант Скорпиона, а Скорпиона я уважаю. Сначала один Ключ. Потом на очереди второй. И третий. А потом Трёхглазка такое учудит – что мама и не снилось! Готовьтесь к Армагеддону местного масштаба.

– То, что ты говоришь, Дрэгон – капитан Очевидность, – вздохнул Мангуст. – Нет, я не сетую, что спокуха закончилась. Спокуха для нас всегда непруха, нам самый кайф от прорухи! Я боюсь. Не за себя – за друзей. За тех, к кому привязался. За тех, кого успел узнать, полюбить. Вот поганая эта война. Зачем их только придумывают?! Войны людей бессмысленны. Войны не-людей – по мне так ещё бессмысленнее.

– Нет, малыш, нет, – Дрэгон отеческим жестом приобнял взгрустнувшего Мангуста за плечи. – Видишь ли, войны не-

людей нужны для того, чтобы люди продолжали не просто выживать – а жить. Продолжали дела. Продолжался круговорот душ, эволюция душ. А привязанности – их быть не должно, вообще, никак и никаких. Никакой любви, никакой семьи. У людей поговорка – один в поле не воин, лучше уж гуртом. У нас всё с точностью наоборот – один в поле воин, каждый умирает в одиночку. Когда война – да, мы объединяемся для масштабности, но любая привязанность, любой намёк на созависимость – и мы погибли. Только бесстрастность, только самоконтроль.

– Я понимаю это, – ответил Мангуст. – И всё равно, страх никуда не уходит. Ты ведь тоже боишься, Дрэгон, признайся.

– У каждого свои страхи. Ты вот боишься, что твои друзья – Чёрная Леди, З, Шрам – падут в бою. А я боюсь другого. Не буду тебе говорить, чего. Выстоим. Прорвёмся. И не через такие abordажы проходили. Желаю тебе Бесконечности и Тьмы, брат. Тьма укроет, Бесконечность даст мудрость.

Поставщик помолчал немного и потом тихо прошипел:

– Раз Чёрная Леди и остальные ребята заняты тихой милой девушкой – мешать не буду. Передай им, что я приходил, и что могильщиков я взял на себя. Ежели что – чтоб я вам не мешал на городских кладбищах, а вы – мне. Бывай, брат. Скорпиону привет, как увидишь.

Мангуст моргнул, а когда открыл глаза, Поставщика рядом уже не было.

– Эй, Мангуст, где ты там застрял? Приходи пить чай, Ай-

рэнн с тобой хочет познакомиться поближе! – услышал он весёлый зов Ниании.

Мангуст с теплом улыбнулся. Чай, посиделки с друзьями. Покой, идиллия. Редко такое бывает, потому что спокуха – это непруха. Когда воин не воюет – он мёртв. Но чай, посиделки с друзьями – так прекрасно. За такие редкие мгновения этой непрухи не грех иногда и душу заложить. Он быстро побежал обратно в зал.

Зелёные черви не любят сморчков

Мы с Эдди мигом нашли друг в друге деловых партнёров. У меня не было неловкости, когда я ему позвонила после посещения Базы, никаких мыслей – «ой, да что он про меня подумает?». У Эдди тоже не было неловкости. Напротив, он сразу стал меня зазывать в гости, заверил, что в этот вечер – сегодня – он свободен.

Эдди живёт в другом конце города – в тех краях, где и Джейн, на соседней с ней улице Гордости. Там неподалёку есть кладбище, где мы с Питом два года назад, в самом начале карьеры, имели миссию, выслеживали одного гипнотизёра.

Приехала к Эдди уже довольно поздним вечером. Он мне сразу предложил чаю. Я не отказалась.

– Я, вообще-то, люблю какао. Но за компанию выпью чаю.

Или, может быть, тебя угостить какао?

– Если ты любишь какао, я тоже за компанию выпью с тобой какао. Мне без разницы, я люблю пить всякое, – улыбнулась я гостеприимному хозяину.

– Что, прям всякое? И серную кислоту тоже? – хихикнул Эдди.

Ох уж эта мне серная кислота! Уже второй раз за день про неё слышу. Ох уж это мне какао! Я люблю какао. А ещё его любит Скорпион. Мой начальник Майло Стивитз. На Базе я его сегодня так и не видела.

Кухня у семейства Симони маленькая, но уютная. Чувствуется любовная женская рука опытной хозяйки. Должно быть, мама Эдварда замечательная женщина. Что, в сущности, я знаю об Эдди? От Джейн я знаю одно: он классный, он «нашей породы», «в доску свой», ему можно доверять. От самого Эдди я знаю, что у него дед увлекается охотой и сам Эдди не прочь обзавестись огнестрельным оружием.

Мы поднесли кружки к ртам одновременно. Эдди пришла мысль чокнуться:

– За совместную удачную миссию! – усмехнулся он.

Мы чокнулись. Я избрала деловой тон:

– Знаю, куда вляпалась твоя соседка, и сейчас расскажу.

А ты потом расскажешь про соседку.

– Мне импонирует такой подход, – одобрительно кивнул Эдвард. – Так что, это секта? Это ты вычитала в книжках или на форумах? Я так понял, у них вот этот знак, по которому

они узнают друг друга – что-то вроде метки членов тайных обществ.

– Это и секта, и субкультура в одном лице. К сожалению, я не вычитала в книжках. Мне пришлось иметь с ними дело год назад. Они тогда чуть не захапали Пита. По этой причине я настаиваю, чтобы ни Пит, ни Джейн не знали, что мы с тобой занимаемся этим делом.

– Питера?! Не может быть! Он совсем не производит впечатление зомбанутого!

– Мы с Джейн и ещё с парой друзей его вытащили. Поэтому и не производит.

– Ну вы даёте! И давно вы этим занимаетесь? Борьбой с сектами?

– Эдди, дай мне, пожалуйста, договорить, – попросила я. – Это дело деликатное. Я должна решить, что нужно сказать, а что нет – не потому что не доверяю тебе – тебе я как раз очень доверяю – а чтобы тебя не запутать.

– Понял, извини. Спасибо за доверие, я ценю это, – Эдди протянул мне руку, я пожалала её.

– Не стоит. Итак, наши враги называют себя томберами. Это общество людей, помешанных на смерти, мертвецах, кладбищах. Заправляет этой шайкой-лейкой организация «Могильщики». Они занимаются гипнозом, психологическим оружием, технологиями, воздействующими на мозг. Они привлекают изучение магии, потусторонних существ, чтобы получить ещё большую власть и влияние на людей, на

своих жертв.

Затем я рассказала Эдварду о томберах и Могильщиках всё, что знала и видела сама – не понаслышке.

Томберы, они же Могильщики занимаются распространением аномальных явлений, призывом их себе на службу и самовольным вмешательством в жизнь людей.

После того, как трое их главарей – цыганка-мошенница Мэри Зиг, её брат гениальный физик Пауль Зиг и сумасшедший маньяк-учёный Дэннис Корим объединились, они основали секту томберов. В секту вступают подростки и молодые люди.

Основная идеология: есть особая раса – мертвецы. Те, кто отказался от мира живых людей, кто прошёл через мистические обряды. Мертвецам якобы доступны тайные знания и сверх способности, например, быть неуязвимыми, по-другому ощущать мир. На самом деле эти «сверх способности» достигаются психической обработкой, переходом в транс-овые, изменённые состояния сознания. И есть живые – враги мертвецов. Основная цель мертвецов-томберов – выискивать себе подобных среди живых, убеждать их, что они – их братья, привлекать на свою сторону. Используют гипноз, убеждения, мистику, оккультизм. Любят песни про мертвецов. Похожи на готов, а точнее, на помесь готов и сатанистов.

Цель – когда мертвецов будет достаточно, они составят армию мёртвых, к ним явится их Избранный Предводитель,

Главный Мертвяк. И поведёт их в бой уничтожать всех живых.

Особо продвинутых, преданных мертвецов-томберов Масочник, Химера и Профессор Зло раньше отслеживали и переводили в главное подразделение Томберов – в самую организацию «Могильщики». То есть секта – это кузница кадров.

Одно из подразделений этой организации носило название Школа Зомби Химеры. Это был большой воспитательный полигон. Ранее он находился в катакомбах заброшенного кафельного завода в ближайшем пригороде Укосмо.

Их стихия огонь, обряды связаны с огнём, со сжиганием. Знак – Луна во мраке. Многие делают себе такую тату. Их слоган Смерть есть Начало. А также внушение: Ты мёртв – ты свободен.

Чтобы стать томбером, следует пройти обряд на кладбище – пройти через символическую смерть и огонь, а ещё набить тату. Многие томберы, кто высокой касты или претендуют на более высокий уровень иерархии, должны пройти через убийство. То есть убить живого, жертву на алтаре.

Их сборища часто происходят на кладбищах. Они обожают всё, что связано с кладбищами, смертью, мертвецами, могилами, склепами, могильными памятниками.

Безусловно, идеология и таинственность этой секты привлекает подростков – не таких как все. Их в этой секте принимают, почитают за своих. Подросток отказывается от реальности, уходит в секту и начинает уже жить в особых ме-

стах, где собираются Томберы. Он ведёт двойную жизнь, при этом внешне не меняется – его родители поздно что-либо замечают, а кто-то и вовсе не бьёт тревогу, списывая всё на подростковый период.

Стадии и ранги (по нарастающей иерархии):

Неофит – самая начальная ступень, посвящённый.

Зомби-ученик – тот, кто зачислен в Школу Зомби недавно и проходит Семь Кругов Посвящений.

Зомби-солдат (робот-убийца, машина-убийца) – специально обученный воин. Их обучают не чувствовать боль и не чувствовать ничего другого – ни сожаления, ни упреков совести.

Вербовщик – более продвинутый томбер, которого обучают не только убивать, но и навыкам гипноза, обработки.

Главный Жрец-Зомби – наиболее приближённый к Мастерам томбер, фаворит. Владеет большими полномочиями, властью, имеет высокий уровень знаний о гипнозе, о технологиях. Вправе их применять по своему усмотрению. Пользуется наибольшей свободой воли, но при этом почитает Мастеров своими отцами и матерями.

Мастера (их трое) – Химера Фобос, Профессор Зло, Масочник.

Главный Мертвяк – личность X. Тот, кто курирует и крышует Могильщиков.

Неофитов ещё не приводят в святая святых, то есть в ло-

гова томберов. Они ограничиваются только базовыми удовольствиями вроде обрядов на кладбище. Чтобы стать зомби-учеником в Школе Зомби, нужно, чтобы неофит убил кого-то или совершил иное достижение, по усмотрению Мастера или Главного Жреца-Зомби. Иногда неофит становится жертвой для другого неофита, чтобы дать ему входной билет в Школу Зомби. Иногда Главный Жрец-Зомби может принести неофита в жертву на глазах у других неофитов для подтверждения власти и авторитета Главного Мертвяка. Неофит считается полностью обработанным, когда считает высшим счастьем и блаженство умереть от рук Главного Жреца-Зомби на глазах сотоварищей, и предстать перед Главным Мертвяком уже посмертно.

Также неофиту необходимо пройти через символическую смерть: порвать все связи с миром живых, отречься от всего дорогого, от людей, увлечений. Неофит обязательно должен взять имя мертвеца.

В моде культа Томберов придумывать себе истории и легенды о том, как они умерли. Взяв имя умершего человека, часто вычитанное на могильном камне, томберы стараются узнать, догадаться или придумать, как тот человек умер. Они почитают могилы этих умерших. Иногда пытаются вызвать их духов. Всё это происходит во время обрядов на кладбищах.

Томберов вычислить сложно: продвинутые и те, кто занимаются вербовкой, похожи на обычных людей или одиночек

с редкими увлечениями – оккультизм, спиритизм. В мире Томберы могут одеваться обычно, у них нет дресс-кода или отличительных признаков. То есть они не обязательно ходят выряженные как готы. Этим они и опасны, что шифруются. Общаться они тоже могут вполне обычно, на обычные темы.

Томберы обожают мрачную музыку. Чем мрачнее – тем лучше. Многие томберы творческие люди, пишут стихи, песни, исполняют их в своём кругу. Есть также несколько чисто томберских музыкальных групп, негласно признанных таковым. Одна из таких групп – Шалый Вопль.

Вербовщиками чаще становятся красивые утончённые девушки – соблазнительницы, суккубки. А Роботами или зомби-солдатами – юноши крепкой комплекции. Иногда бывает наоборот. Обычно вербовка происходит с противоположным полом.

В ход идут программы самовнушения, генная инженерия, радиоволны, механизмы. Это разрабатывал Профессор Зло. Солдатам – живым мертвецам вводятся препараты, из-за чего они становятся не чувствительными к боли, не способными на переживание. Машины убийства. Их называют роботами.

– Сейчас ситуация такова. Ровно год назад, тоже в конце декабря, их главную троицу поймали и посадили в тюрьму строгого режима. Но в марте один из них сбежал. Это Дэннис Корим, Масочник. Он ещё скрывается под именем Виктора

Шнайдера – человека, которого он убил. Я предполагаю, что сейчас он замышляет вернуться на прежние рельсы. Теперь я готова послушать про твою соседку, эту Мрию.

Эдвард меня не перебивал. Слушал внимательно, вникал в каждое слово. На его лице отражалась колоссальная умственная работа. Несколько раз в процессе своего рассказа я украдкой приглядывалась к нему, пыталась заметить недоверие, удивление, возмущение. Ведь в глазах обывателя я несущая ахинею; обстоятельства дела о томберах больше похожи на сюжет комикса. Но Эдвард напоминал разведчика, получающего подробную вводную к секретному заданию от начальства.

Когда я закончила, он произнёс:

– Я так и думал. Что оружие мне понадобится. Что Мрия попала в дурную компанию. Расскажу про неё, что знаю. Её полное имя Мрия Дункалс. У неё есть папа и мама, она единственный ребёнок в семье. Да, вот ещё что. Несколько дней назад у неё погиб дядя, младший брат её отца. Дядя живёт... то есть жил тоже здесь недалеко, в другом доме, один живёт, поскольку не женат. Вот что меня смутило, у неё умер дядя – а она и пошла на кладбище, на эти дьявольские обряды, вся накрашенная как готка, хотя раньше за ней такое не водилось.

Мрия стеснительная, тихая. Да, пожалуй, её можно назвать «не такая как все», как ты говоришь, она идеальная мишень для этой секты. Мои и её родители... ух, наверное,

ты сейчас смеяться будешь, это так глупо. Они нас сватают. Хотят, чтоб мы встречались типа. Оно понятно, мне шестнадцать, ей пятнадцать, скоро мы станем совершеннолетними, и лучше пусть мы поженимся как знакомые люди. Так родителям будет это спокойнее, чем Мрия себе выберет не понятно какого жениха, а я непонятно какую невесту. Мрия – она... не то что бы мне нравится, нет, я ещё даже не задумывался о девушках. Но после этих всех разговоров родителей чувствую за Мрию ответственность. Потребность её защищать, ведь она очень робкая. Вот почему меня обеспокоило, что она куда-то ходит по ночам. Вот почему я пошёл за ней следить. Клот, у меня сейчас такое чутьё, что тебя будто боги послали! – воскликнул Эдвард и ударил ладонью по столу, взглянул на меня восторженно, как искатель приключений – на дракона.

– Да что ты?! – улыбнулась я в ответ.

– Видишь, я неотвязно думаю о Мрие, что она молчаливо позволяет затянуть себя в болото. И что раз я решил вмешаться, мне нужны помощники. И тут – ты! Как хорошо, что я тебя знаю, Джейн столько о тебе рассказывала. Причём ни разу не сплетничала, ни разу не гадости! Сразу видно и понятно, что вы лучшие подруги!

– Ты оскорбляешь Джейн и меня, думая, что Джейн вообще про кого-то способна рассказывать гадости! Я вызываю тебя на ещё одну снежковую дуэль! – пошутила я.

– Ой, я сдаюсь! – Эдвард поднял руки вверх. – Признаю

свою ошибку. Но сама посуди, девочки ведь сплетничают, всегда нет-нет – да завидки у них, обидки. Я хорошо общаюсь с девчонками. Не потому что я бабник, пока ещё ни разу ни-ни, хотя мои одноклассники... Ух, всё, – Эдвард изобразил фэйспалм, совсем «заскромничал», правда, больше театрально, чем по-настоящему.

Я уже не удержалась от добродушного смеха и поддержала новоприобретённого боевого товарища:

– Я тебя поняла, продолжай. За Джейн я тебя простила, так уж и быть, не буду хоронить тебя в снежном сугробе собственного производства.

– Ох, ах, ты спасла меня, Клот! Я веду к тому, что в мире нет случайностей. Я увидел, что Мрия в беде, и кое-что задумал. Авантюрное, безумное.

– Я поняла тебя. Ты пошёл покупать оружие, потому что задумал напасть на тех, кто может причинить Мрии вред, – договорила я.

– Именно, – закивал Эдвард. – У меня ведь прям руки чешутся пойти и кого-нибудь подстрелить. Сектанта какого-нибудь. Тогда в парке я сам не знаю, зачем я тебе начал это говорить. Ты случайно не вампир? Говорят, вампиры умеют и мысли читать, и заставлять сказать всю подноготную, самое сокровенное. А ещё демоны так умеют...

Я прищурила один глаз и хитро улыбнулась:

– Что ты знаешь о вампирах?

– Я много читал, много смотрел фильмов. И ужастики все

пересмотрел про вампиров, и документальные смотрел – передачи всякие. Вот бы подружиться хотя бы с одним вампиром! Они, должно быть, забавные типы!

– О да. Очень забавные, – мечтательно проговорила я.

– Ты тоже в них веришь? Что все вот эти фильмы – не врут? Что есть доля истины во всех мифах, сказаниях? – любопытствовал Эдди.

– Верю? Ха! Да я вот знаю парочку. Как-нибудь тебя познакомлю.

– Ух, ну ты даёшь! Секту разгромила в одиночку, с вампирами дружишь! Можно, я в тебя влюблюсь? – Эдди шутил, это понятно по его весёлым хитрым глазам.

– Влюбляйся на здоровье, мне будет только приятно, – «позволила» я.

– Уже влюбился! – рассмеялся Эдди. И, пошутив, сделался вновь серьёзным, деловым. – Я не буду тебя спрашивать, кто ты, на кого работаешь, сразу видно, что ты не совсем простая. Мы будем сотрудничать только в рамках этого дела. Как только Мрия будет в безопасности – разойдёмся, если захочешь. Ты можешь отказаться, я пойму. Хочу сегодня осмотреть то место, где они проводили обряд. Понимаю, что прошло много времени. Они могли все следы стереть. Но лучше поздно, чем никогда. Я хочу посмотреть, чья эта могила, где они собирались.

– Я с тобой! – с готовностью вскочила я.

Эдвард удивился:

– Не сейчас. Мне нужно переодеться, в общем, да и надо бы полуночи дожждаться. Сейчас кладбище ещё открыто, то есть там могут быть посетители.

– Хорошо, я дождусь с тобой полуночи, – спокойно села я. И пояснила: – Если ты, конечно, не против.

– Конечно, я не против! – Эдвард не просто обрадовался – испустил вздох облегчения. – Спасибо, что так прониклась. Я ведь никто, и Мрия никто.

– Ты не никто, Эдди. Ты любимый одноклассник и друг моей лучшей подруги Джейн. Джейн про тебя тоже много рассказывала, – широко улыбнулась я.

– Вот это да! Джейн тоже наш брат-рыцарь! Скажу тебе по секрету, мне кажется, она ведьма. В хорошем смысле этого слова! Когда я перевёлся в её школу, она ко мне первая под села. Я вообще самодостаточный, в смысле, не робкого десятка, а Джейн решила меня защищать от задир, вроде её братца! Я так ржал! Мы с Уолли несколько раз дрались, причём не всерьёз, а так, бодались, и я всегда побеждал!

– Кстати, а зачем ты перевёлся в школу Джейн? Тебя выгнали за непослушание? За драки?

– Не-е, к сожалению, – хохотнул Эдвард. – Хотя, мне бы прибавило гордости прослыть хулиганом, тут мне ещё учиться! Школа, где я учился, невезучая в плане преподавателей. Там текучка, маленькая зарплата. Преподаватели ещё большие лодыри, чем ученики, прогуливают уроки. Я был там отличником. А сейчас в школе, где учится Джейн, я троеч-

ник – мой нормальный уровень. Моя бывшая школа ничем не лучше школы на улице Мандаринов.

– А что за школа на улице Мандаринов?

– Она заброшенная, вот уже тридцать лет. Говорят, там был несчастный случай, то ли пожар, то ли кто-то из окна выпал, но с тех пор так и стоит, с заколоченными окнами. Это буквально через две улицы.

После такого импровизированного военно-делового совета Эдвард провёл меня в свою комнату. Я прекрасно знаю принцип «покажи мне свою комнату, и я скажу, кто ты».

Поэтому я окинула его личное жилое пространство профессиональным взглядом. Как учил Скорпион. Он преподавал отдельную серию уроков, как определять характер, склонности и жизненные мотивы человека по тому, как тот обустраивает жилище.

Комната Эдварда не большая. Первое, что бросалось в глаза – рабочее место. Стол, окружающие полки и всё, что на столе. Очень много книг. Они лежали повсюду – на полу, на полках, на столе, на кровати – книгам не хватало места. Кроме книг и компьютера на столе размещались занятные предметы и приборы: лупы, весы, перочинные ножики, баночки, пиротехника, гвозди, гильзы, дротики. Над столом висела пробковая доска, а на одной из стенок шкафа – меловая доска. Доска утыкана кнопками с бумажками, записками, распечатками. На меловой доске указаны не понятные символы и обозначения. Один из ящиков стола приоткрыт,

оттуда буквально вываливались блокноты, все исписанные, затёртые, в закладках.

На стенах вместо молодёжных постеров музыкантов и футболистов висели: карты города и окрестностей; схема анатомии, скелета и мышц человеческого тела; периодическая таблица химических элементов; физические формулы; схема солнечной системы с названиями планет и крупных астероидов; календарь с подробным указанием лунных циклов. Между книгами стояли занятые статуэтки и кое-где висели амулеты и обереги. На дверном косяке начертаны-выскоблены ножиком руны и оккультные символы.

Комната фрика или сектанта. Или маньяка, одержимого мальчика с отклонениями. Так могло показаться обывателю. Но не мне. Мне эта комната напомнила наш кабинет Шестёрки на Базе.

Я подошла к пробковой доске. Не удивилась, обнаружив вырезки из газет про аномальные явления. Больше всего про демонов, бесов, сведения очевидцев о том, что в кого-то вселился демон. На одном пожелтевшем листочке перечислены имена самых «популярных» демонов вроде Астарота, Вельзевула, Баала. Когда я увидела имя демона Вине, вздрогнула. В августе мы с Грифоном и Питом буквально ловили этого демона.

Я подумала о том, что Эдди бы идеально прижился в ТДВГ. Если бы сложилось так, что в раннем детстве Эдди подружился бы с Джейн и потом они бы подружились с Пи-

том – их бы троих и завербовали. А на меня бы вообще никто внимания не обратил.

Эдди вернулся. С хитрой, загадочной улыбкой шагнул в комнату. Я рассматривала как раз в этот момент его доску. У Эдварда не было ни капли смущения, ни попытки оправдаться:

– Демоны существуют. Иначе такая уйма людей бы о них не писала. Я знаю, что они ходят между нами, вселяются в людей. Эти феномены исследовали учёные. Про вампиров я пытаюсь найти доказательства, тоже думаю, что вампиры существуют. Но демоны – точно.

– Ты видел хотя бы одного? – посмотрела я на Эдди прямо в глаза.

– Нет. Но хотел бы. И хотел бы, чтобы в этот момент у меня было ружьё. Заряженное не патроном, а каким-нибудь средством от демонов. Не святой водой уж точно – святая вода, как мне кажется, для сильного демона ерунда.

– Да, демоны существуют, – кивнула я, снова переводя взгляд на список демонов на пробковой доске.

– Ты не смотришь на меня как на сумасшедшего. И Джейн тоже не смотрит. Я не водил в эту комнату больше никого. Я не прогадал с Джейн и с тобой.

– Я не смотрю на тебя как на сумасшедшего, потому что кое-кого из этого списка демонов я знаю лично, – призналась я.

Мы с Эдди обменялись многозначительными, красноре-

чивыми, почти заговорщическими взглядами.

– Будем уважать секреты друг друга, – произнёс Симони.

– Если не секрет, как объясняешь предкам эти свои «хоби»?

– Мои предки мировые вообще-то. У мамы четыре высших образования по гуманитарным наукам, среди них культурология, мифология народов, аналитическая и трансперсональная психология. Она преподаёт и ведёт консультации клиентов у себя в офисе, используя карты Таро. Папа занимается бизнесом, ему не важно, чем я увлекаюсь – главное, чтоб хорошо учился и умел общаться с людьми. Он обучает меня техникам переговоров. Папа настаивает, чтобы я всё знал, был подкован в любых областях, поскольку широкий кругозор и умение всем интересоваться – залог успеха в любом бизнесе.

– Ты говоришь, в школе ты троечник. Но с таким багажом книг ты уже давно должен заочно заканчивать второе высшее, вундеркинд!

– Я троечник, потому что во-первых я ленив, во-вторых, учителя иногда не понимают меня. У меня может так быть, чтобы параллельные прямые пересекались, а по правилам средне-школьной геометрии такого быть не может. На уроках истории я часто путаю даты и называю не те, что в учебнике, а те, что по другому летосчислению альтернативной истории. Сами школьные знания ни о чём. Общаясь с людьми и особенно с девчонками, я получаю больше. Девчонки во-

обще кладезь мудрости!

– Ты говоришь, что ты не бабник, но ты казанова и дон жуан в кубе точно! – хохотнула я.

– Ух, вот чёрт, я спалился! – засмеялся Эдвард.

Итак, Мрия. Кто и где её подцепил из Томберов? Должно быть, в школе. Я узнала, что Мрия учится не в школе, где Эдди и Джейн, а в той, откуда Эдди перевёлся. Раз там учителя лодыри и взяточники, вполне возможно, что в среде учеников криминогенная обстановка. Об этих предположениях я сказала Эдварду. Спросила, когда он был на кладбище, не видел ли того, с кем Мрия общалась больше всего. Он ответил, что видно было плохо, но что там была группка человек десять точно. Он прокараулил их бесовские деяния почти до рассвета. На рассвете все начали расходиться, Мрия пошла домой.

Я запросила у Эдди подробную карту кладбища, подходящих путей, узнала, на какие улицы выходят его ограды и заборы с севера, юга, востока и запада. И мы отправились туда.

В декабре ночи самые длинные, они начинаются уже в четыре-пять вечера, а полночь – это всегда чаша ночи, её апофеоз. Чтобы попасть на кладбище, мы прошли всего мимо трёх домов. Я поразилась – насколько близко живёт Эдди к кладбищу.

– Ты хорошо знаешь это кладбище? Что оно из себя представляет, похоронен ли кто из знаменитостей, случались ли тут какие хулиганства или аномальные явления, связаны ли

с этим местом городские легенды?

– Нет, ничего такого. Никаких знаменитостей нет, но кладбище старое. Некоторые могилы аж с конца девятнадцатого века.

Итак, ничем не примечательное кладбище. Томберы такие и выбирают. Чтобы тихо-спокойно там собраться, чтобы их никто не видел.

Эдвард показал место в ограде, где она погнута, и можно пролезть худому человеку. Мы с Эдди худые, поэтому пролезли. На кладбище темно, свет фонарей сюда уже не поступает. Я достала очки и надела их.

– Что это у тебя?

– Очки ночного видения.

– Вот это да! – усмехнулся Эдвард. – Забавно смотришь-ся! Ночью в тёмных очках. А хорошо видно?

– Ну как бы не так, как днём, но достаточно. Примерь.

Эдди примерил:

– Ух ты, классно! Я по-прежнему уважаю твои секреты, не буду спрашивать, откуда у тебя такая вещь. Захочешь – скажешь сама, не захочешь – так тому и быть, – он вернул мне очки.

Мы прошли ещё несколько метров вглубь, между деревьями и могилами, по неглубокому снегу. Я остановилась и посмотрела на Эдди:

– А ты как видишь? Ты тут уже второй раз, судя по всему, ночью.

– Я просто вижу. Вблизи я хорошо вижу в темноте, вот вдали пока не очень. Но вблизи достаточно, чтобы в свежеравырытую могилу не свалиться, – пошутил Эдди. – У меня это с детства. Все удивлялись. Родаки сначала били тревогу, думали – куриная слепота. Я ночью иногда книжку читаю, всё вижу, буквы – вообще без света. Ну, там если фонарь какой-нибудь в окно светит – в комнате для меня вообще светло как днём.

Однажды, во время одного из моих визитов в гости в Адскую Кухню, Роджер похвастался, что отлично видит в темноте. Что у вампиров, как у существ ночи, это врождённое. Может быть, Эдди – вампир, но не знает об этом?

– Вот, я шёл сюда. Потом, за могилой вот этого дедушки – направо. Вон склеп стоит, явно богатый тип тут похоронен, отгрохали ему склеп. Потомок князьёв или графьёв. Теперь смотри прямо вперёд, видишь, могила лётчика?

– Где? – вокруг много могил.

– Вот, прямо совсем. Ещё плита такая большая и маленькие самолётики на надгробии. Я сюда пришёл, пополз потом, потому что увидел их. В метрах двадцати примерно – вон туда, смотри, левее. А здесь я залёг в засаде и наблюдал.

Скоро Эдди, объясняя ориентиры, довёл меня до могилы:

– Я потом днём ещё раз ходил сюда, вернулся, осмотрел могилу. Увидел этот знак, что ты мне показала.

– Чья могила-то?

– Не знаю. Я не запомнил. Они тусовались вокруг

нескольких могил. Знак я увидел на одной, где плита ещё лежащая. Вот сейчас и посмотрим имя. Вот эта могила.

Мой новый боевой товарищ показал могилу. Снег утопан. Ощущалось, что тут побывали. Меня это насторожило. Могилу эту часто посещают! Эдвард достал фонарик и осветил на могилу вблизи, на кромку, где кто-то ножом выскоблил знак «Луна во мраке» – метку томберов.

– Вот, увидела?

– Да, – кивнула я.

– Теперь посмотрим, кто тут похоронен. Странно лежит могильный камень. Я решил, что они выбрали эту могилу по двум причинам – она в глубине кладбища, хорошо скрыта, не просматривается с улицы. И вторая причина – камень большой, сюда можно класть человека. Они сюда кого-то клали, руками водили, пели песнопения. Поэтому я не придал значение имени, моё упущение.

– Ничего страшного, сейчас посмотрим. Ты и так проделал колоссальную работу, – поддержала я приятеля.

Камень прямоугольной формы, длиной метра полтора, шириной полметра – как будто саркофаг, на половину ушёл в землю – в снег. Кроме Луны во мраке, нет больше никаких обозначений. Я пригляделась к пространству рядом с камнем. Ограды нет. Росло несколько старых, толстых деревьев.

Я обратила внимание на ещё один камень – маленькое, уже обычное надгробие, покосившееся. Оно располагалось ближе всех к этой прямоугольной плите-«саркофагу».

– По-видимому, это и есть могила, где они собирались, а этот камень тут в качестве украшения или остатка склепа, разрушенного, – предположила я.

– Ух, я даже на неё внимание не обратил! Смотри-ка, как снегом запорошило.

Мы с Эдди принялись очищать снег от могильной плиты, чтобы узнать имя, кто похоронен. Эдди сначала взбудоражился. И было отчего! По мере того как из-под его перчатки, смахивающей снег, появлялись выскобленные, уже истёршиеся от старости, времени и погодных условий буквы, Эдди ахал:

– Ого! Сим... Фамилия – начинается на «Сим»! Вдруг тут мой однофамилец? Или родственник?

Но оказалось – фамилия мертвеца совпадала с фамилией Эдварда только тремя первыми буквами. Скоро мы раскопали:

Симболи Августина **29.12.1950-29.12.1966**

– Вот это да! Тут похоронена молоденькая девушка, – присвистнул Эдди.

– Да, наша ровесница. Она умерла в день своего рождения. Ужасно, должно быть.

– Как она выглядела? Фотографии нет. Интересно, от чего она умерла? Коклюш, дифтерия, туберкулёз, рак...

– Или несчастный случай. Попала под машину, выпала из окна... – предположила я.

– Выпала из окна? – Эдди внимательно посмотрел на меня. – С чего ты решила?

– Не знаю. Приплелось, машинально я это сказала. Ты вот про школу ту говорил, что её закрыли то ли из-за пожара, то ли из-за того, что кто-то из окна выпал.

Ещё мне не понравилась дата – 29 декабря. У Томберов особое отношение к этому дню. Скорпион признался мне год назад, когда мы завершили операцию «Лайонна», что в этот день состоялась битва между главарями Томберов и теми, кто им противостоял. И зло тогда победило.

Мы снова многозначительно посмотрели друг на друга, и...

Незнакомец внезапно вышел между старыми дубами, буквально из ниоткуда. Тип высокого роста, широкоплечий, с угрюмым бледным лицом, всклокоченными тёмными волосами, в куртке и штанах – старых, потёртых цвета хаки. Или цвета «грязной зелени».

Он вышел на нас и нагло надвигался, пока мы вздрагивали и недоумевали, откуда сей красавец явился:

– Вынюхиваем, значит? – его голос утробный, угрожающий, с еле сдерживаемым опасным бешенством. – Здесь недалеко свежая могилка. Через несколько минут там будете вынюхивать.

Он собрался что-то сделать – то ли выхватить нож, то ли

ещё что, но Эдди отреагировал быстрее. Он принялся спокойно, размеренно, уверенно говорить:

– Да, ошибочка, признаём, мы тут задержались. Мы изучаем жизнь города по могилам его жителей. Но вы здесь тоже задержались, следовательно, вы тоже не легально. Поэтому про вас тоже можно сказать, что вы вынюхиваете. И если вы нам угрожаете, мы вправе угрожать вам. Только давайте не будем всё усложнять. А для начала просто познакомимся. Как вас зовут?

Пока он это говорил, тип, казалось, раздумал на нас нападать. Он угрюмо и злобно смотрел на нас снизу вверх – мы оба ниже его примерно на голову. Смотрел нехорошим, изучающим взглядом. Как мужик-шовинист на переговорах на женщину – «она, что, у вас ещё и разговаривать умеет?!»

– Слушай, ты. Сморчок недоделанный, – прошипел тип, едва Эдди доброжелательно взглянул на него в ожидании продолжения конструктивного диалога. – Вздумал мне зубы заговаривать? Не прокатит.

– Уже прокатило. Вы не нападаете, а значит, выслушали меня и готовы общаться дальше. Эй, а с какой это стати я Сморчок?! – Эдди обиделся – притворно или нет, не важно.

Тут я поняла, что тип не повёлся на нашу игру, а подыграл, чтобы усыпить уже нашу бдительность:

– Берегись! – крикнула я, увидев, что тип всё-таки стремительно выхватил нож и налетел на Эдди.

Я налетела на доли секунды быстрее. Удачно ударила так,

что нож у него выпал. Тут же этот тип схватил меня, без проблем поднял над землёй и швырнул в деревья и могильные камни. Я еле успела сгруппироваться, чтоб не удариться головой, но шмякнулась я будь здоров как больно.

– С тобой я попозже разберусь, куклёрка! – прорычал негодяй и снова набросился на Эдди.

Нож валялся под их ногами. Между ними завязалась нешуточная битва. Этот тип бил Эдварда, но Эдвард амортизировал удары. Тип шипел:

– Я придушу вас голыми руками. Чтоб не вынюхивали мне тут! Ты спросил как меня зовут? Зелёный Червь меня зовут! Запомни это, Сморчок! Зелёный Червь отныне будет приходить к тебе в кошмарах!

Зелёный Червь зажал Эдди на земле, принялся его душировать. Он совершенно забыл про меня. Я налетела на этого громилу и обрушила серию массивованных ударов – как меня учили Скорпион и Аманда. Это дало возможность Эдварду подняться. Тип откатился от меня, тоже быстро поднялся.

Мы стояли друг напротив друга – мы с Эдди на одной стороне, ощерившиеся, в боевой стойке. Этот тип – на другой стороне. Между нами – могила этой молодой умершей девушки. Тип утёр кровь, вытекшую из носа:

– Я вас урою. Сейчас я вас так урою – что пожалеете, что вообще родились!

В следующий миг тип начал шептать слова на непонятном языке, неотрывно смотря на нас. Он поднял руки вверх, раз-

вёл их чуть в стороны. Между его рук забежали чёрные вихри.

– Ого! Да он фокусник какой-то... – зашептал возбуждённо Эдди. – Смотри, что творит!

Между чёрными вихрями появились синие молнии. Всё это нагнеталось между его рук... Тип продолжал смотреть на нас в упор, продолжал шептать вязь слов из грубых согласных и шипящих. До меня дошло быстрее:

– Нет, он не фокусник. Он не-человек! Или демон! Бежим отсюда! – я схватила Эдварда за рукав.

Мы испугались и убежали. Зелёный Червь не побежал вслед – он смеялся. Смеялся торжествующим смехом, запрокинув голову. Поле битвы остались за ним. Смельчаки позорно смылись. И к счастью, он не стал посылать нам вслед жуткую тучу.

– Мы ещё встретимся, Сморчок! Куклёрка, я тебя ещё убиваю, не расслабляйся! – крикнул он.

Мы добежали до ограды совершенно не в том месте, как сюда заходили. Подстёгнутые ужасом от того, что могли пасть жертвой сверхъестественных сил, мы перепорхнули эту ограду. Чудом штаны не порвали! Потом мы как оголтелые, на чистом адреналине, бежали мимо домов и дворов, удивляя редких прохожих.

Добежали до дома Эдварда, забежали в подъезд, потом в квартиру и плотно закрыли дверь.

Посмотрели друг на друга, выдохнули и... расхохотались.

Наш постстрессовый синдром выражался в истерическом смехе.

– Хахаха! Ой не могу! Зелёный Червь! Назвал меня Сморчком – это гриб. Сморок – не приятно звучит, как будто я без конца сморкаюсь, то есть как будто я сопливый. Чёрт, он это и имел в виду. А тебя куклёнкой называл, я бы его за это на дуэль вызвал!

– Он не-человек, Эдди. У него это... магический ток. Я уже такое видела. Это не фокус. Он чёрный маг, возможно некромант! – возбуждённо проговорила я.

– Маг... Вот это да...

– Он из их шайки-лейки, Эдвард! Наверняка их главарь. Там около этой могилы свято место пусто не бывает, ты видел, сколько там следов? Туда табуны томберов ходят. И он пас нас, либо пришёл проводить свой ритуал, увидел посторонних, решил пугнуть.

– Он на нас набросился, будто хотел побить. Ну, избить – не убить, нет. А может, он просто псих ещё вдобавок.

– У него нож был. И он хотел напасть внезапно, убить тебя. Но не рассчитал, что нас двое.

– Но если он нас хотел убить, то почему он не стал своим этим электрическим током... то есть демоническим током в нас пулять?! Я такое видел в первый раз! Я думал – такое только в комиксах бывает!

– Возможно, он передумал нас убивать. Если он из томберов – он мог узнать меня. Ему могли передать на меня дан-

ные, как я выгляжу. Я ведь их враг, из-за меня у них тогда сорвалось с попыткой завербовать Пита. Как бы там ни было – сегодня нам повезло. Иной раз отступление – единственный разумный выход.

– Мы бежали как трусы, поджав хвост. Хотя да, ты права, против этого тока, как ты его называешь, не попрёшь. Ух, вот бы я тоже мог владеть таким током!

– Я бы тоже не отказалась. Но повторяю – нам чертовски повезло. Нас спасло каратэ. И наша реакция.

– Твоя реакция, Клот. Спасибо, что прикрыла, – Эдди горячо пожал мне руку.

– Не стоит. Ты бы сделал то же самое.

– Ты настоящая боевая подруга. Мы отлично сработались, на мой взгляд! Ух как ты его – туда, сюда, раз-этак! Потом ещё раз – ать его, ать его!

– Он умеет драться неплохо. И силы недюжинной. Но стоит отдать ему должное: когда он меня кинул, словно позаботился, чтоб я не поранилась.

– Да он джентльмен! Может, куклёнка – это в его угле зрения как комплимент? – хихикнул Эдди.

– Сморчок тоже комплимент. Если он имел в виду именно гриб, а не синоним к слову «сопляк».

– Интересный он тип!

– Возможно, именно он и завербовал Мрию. Меня удивляет его поведение. Он странный. То, что он из томберов – очевидно. Возможно, приставленный охранник, следит, что-

бы место ритуалов было чисто. Отпугивает посторонних. Сначала начал говорить. Потом решил ножиком тебя пырнуть. Потом полез просто драться. Если бы хотел убить – не дрался бы, а взял бы и убил. Потом продемонстрировал, что владеет сверхспособностями, страху нагнал. Если такие типы ходят сейчас в услужении у Масочника – война с Томберами будет ох какой непростой.

– Позволь мне помочь тебе в этой войне. Я хочу отблагодарить тебя за то, что ты помогаешь мне отбить у них Мрию.

– Эдди, мы с тобой повязаны одной кровью теперь. Поэтому куда ж ты денешься, с подводной лодки? – усмехнулась я.

– Как насчёт какао? Только надо бы раны зализать, а то он мне все рёбра пересчитал, нужно проверить, не поломали ли парочку.

Мы отправились зализывать раны.

Трёхглазая смотрела в Шар и хмурилась. Блэки как всегда слишком импульсивна, своевольна – а Трёхглазая поспешила её похвалить, да ещё и при других подругах. Блэки заверила, что следов она не оставила – а она оставила, это раз. Блэки убедила Морскую Королеву и фрейлин в том, что убитый был простым смертным – это два.

Нет, у Блэки не было целей обмануть подруг. Скорее всего, Блэки просчиталась, недооценив хитрость и коварство Паука. Лексаэлла сквозь воду глядела: Тёмный Маг снова

остался в выигрыше, подстроив всё так, что Русалки вынужденно нарушили Баланс. И привлекли внимание Охотников. Раньше времени.

– Не так надо было устранять Дункалса, – сетовала Рина. Она находилась возле начальницы. Безумно красивая блондинка с глазами, обдающими волной горячего пара как в бане. – Блэки надо было сначала тебе его показать, моя Королева. Или хотя бы кому-то из нас.

– Блэки действовала правильно. Самостоятельно. Это была её задача – выследить Ключ. У каждой из нас стояли свои задачи. Я поговорю с Блэки за её просчёт.

– Кто бы мог подумать, что Дункалс – Охотник Земли, хоть и не раскрывшийся. Его надо было обрабатывать, чтобы он не только принёс Ключ нам на блюдечке, но и играл на нашей стороне, – злилась Рина.

– Не к чему ворошить прошлое. Пусть сейчас Блэки споткнулась и подвергла меня будущему неприятному разговору – в будущем она исправится, – благосклонно улыбнулась Трёхглазая. – Паук идёт. Шар заволакивает тьмой, я уже не могу больше следить за моими подданными.

– Сам Паук, Демиург Тьмы снизошёл до тебя, моя Королева! И это устроила Блэки своей ошибкой. Да за её такую ошибку нужно наградить! – не известно, чего было больше в словах Риной – искреннего восхищения или сарказма.

Рина превратилась в пар и поспешно исчезла, выветрившись из зала в вентиляционное окно. Трёхглазая села в цар-

ственной позе в кресло, положила вечно молодые руки на подлокотники, уверенно откинулась на спинку.

В комнате потемнело. На Трёхглазую опустился Оттенок Теневой Стороны. Все краски исчезли, стены и мебель тоже. Не исчез только её Шар, он засветился, зависнув в воздухе рядом с Морской Королевой, недовольно засверкал чёрными сполохами, сопротивляясь охватывающей его Тьме. Шар напрямую связан с третьим глазом Трёхглазой, поэтому деться он никуда не мог. Кресло Трёхглазая тоже «прихватила» с собой в образовавшийся переход на Теневую Сторону, чтобы удобнее сидеть.

Перед Трёхглазой из сгущения Тьмы и Тени вышел Тёмный Маг. Тот, кто называет себя Линсо Паук, Мрака Творец. У него много имён и обличий. Он везде и нигде одновременно. Один из четырёх главных Демиургов Мироздания. Тот, кто управляет Тьмой. Не Чернотой, не Белизной, не Светом. Он пришёл к Морской Королеве поговорить.

Предстал в одном из любимых обличий. Высокий человек, неопределённого возраста. Отличительные черты – длинные чёрные как смоль волосы, высокий цилиндр, чёрный плащ. Хитрая усмешка. И задушевный хриплый вкрадчивый голос Тьмы в Ночи.

Трёхглазая, Богиня Вод Морских, Русалка, которой несколько тысяч лет, прекрасно осознавала, насколько он могущественен. По сравнению с ним она – песчинка во всех океанах Вселенной. Но она не позволила себе испугаться, по-

добострастничать и вскакивать с насиженного места в присутствии самой Тьмы. У богов разговоры происходят на ином уровне, нежели чем у людей.

Паук слегка приподнял цилиндр, галантно кивнул и уселся в такое же кресло, как у Трёхглазой. Кресло образовалось напротив Морской Королевы. Паук тоже сел раскованно, заливчатски закинув нога на ногу. Он подманил к себе плавающий в воздухе чёрный лакированный Шар Трёхглазой, заглянул туда одним глазком, увидел то, что ему нужно, и удовлетворённо хмыкнул. Трёхглазая ничего не говорила, она смотрела на Тёмного Мага и ожидала, что он скажет. Ведь он инициатор этой аудиенции.

– Твои девочки проштрафились, Трёхглазая, – тон его чрезвычайно весел, будто речь шла об игре.

Трёхглазая улыбнулась одним уголком губ:

– Твои мальчики и девочки – тоже, Паук. Да, мы упустили Дункалса, но и вы тоже его упустили.

– Дело не в Дункалсе. Он разменная монета, мы с тобой это понимаем. Ключ, Трёхглазая. Именем Королевы Морской, Ключ! – торжественно провозгласил Тёмный Маг и медленно простёр вперёд руку, раскрывая ладонь. – Ты отдашь мне его добровольно?

Трёхглазая усмехнулась:

– Я отдам тебе его добровольно. Но с одним условием. В обмен на того, кого ты присмотрел себе в ученики.

– Так я присмотрел себе в ученики Дункалса. А вы его

тукнули. Ключ, – повторил Паук, насмешливо глядя на Морскую Королеву.

– Дункалса мы быстрее углядели. Таков наш замысел. Право первой ночи, ты же знаешь. Кто первым встал, того и тапки. Всё по справедливости. У тебя всего один «Глаз», а у меня их три, – весело, в тон Пауку, проговорила Трёхглазая.

– Хорошо, давай поиграем, – Паук убрал руку и невозмутимо положил её на подлокотник. – Я пошлю к тебе того, кого я присмотрел себе в ученики. Удастся тебе уломать его подписать Чёрный Контракт – он твой. Не удастся – он мой. Но Ключ ты отдаёшь мне по-любому. Считаю, ты по-любому выигрываешь: ведь у тебя в запасе несколько дней попользоваться этим Ключом. Имей в виду: малейшее баловство с твоей стороны или со стороны твоих девочек – на вас будет Охотник.

– Ах, напугал, – Трёхглазая притворно расширила все три глаза и расхохоталась: – Да, давай поиграем. Присылай своего ученичка. И посимпатичнее – мои девочки соскучились по красивым обаятельным мальчикам.

– Твои девочки зажрались на красивых обаятельных мальчиках. Поэтому я пришлю к тебе девочку. На днях. Делай с ней что хочешь. Но Ключ отдашь.

– Ты точно замыслил подлянку. Свою любимую игру в поддавки. Но учти: рано или поздно просчитаешься. Демиурги ведь тоже совершают просчёты, они такие же совершенные, как мы, а совершенный – от слова совершать, – коварно

улыбнулась Трёхглазая.

– Ты ведь понимаешь, зачем я дал тебе Ключ, пусть и всего на пару дней. Как дал – так и взял.

– Прекрасно понимаю, Тёмный Маг. Ты Тёмный, я Чёрная. С тобой проще договориться. Я ценю это.

– Будешь злоупотреблять нашим союзом, Богиня Вод Морских – знаешь, чем это чревато. Пожалуй, нет резона дальше точить с тобой лясы, отвлекать тебя от важных морских дел. Мы друг друга поняли.

– Поняли, – кивнула Трёхглазая.

Паук в миг исчез. Вместе со своим креслом. Шар остался висеть в воздухе, недалеко от места, где сидел Тёмный Маг. Трёхглазая догадалась, что Демиург Тьмы успел узнать из Шара то, о чём узнала Трёхглазая. Демиургам закон не писан. От Тёмного Мага ничего не утаить.

Но как он распорядится тем, что знает? Устроит большую игру, сплетёт множество нитей. Трёхглазая остро понимала, что её Паук уже вплёл в паутину. Но она знала, как её разорвать и выйти из этого не выгодного ей союза. Большая надежда на Масочника и демоницу. И ещё большая надежда – что ей – Трёхглазой – удастся уломать ученика или ученицу Паука подписать Контракт. Паук ведь пришлёт к ней ту, кого избрал для Испытания Трипорталом. Если это будет совсем неоперившийся вагант – Трёхглазая выиграет, а с ней и весь Чёрный Орден и её главная богиня – Чёрный Демиург Сона. Паук любит поступать с учениками по принципу «выплывет

– не выплывет». Трёхглазая устроит так, чтобы для Паука ученик «не выплыл». Уж она постарается!

Часть 2. Подъём по ступенькам

Тёмно-Чёрный Пролог

Масочник приказывал проводить Ритуалы на нескольких кладбищах одновременно. Он стремился быстрее нагнать упущенное время, сформировать армию Томберов, взамен разгромленной в прошлом году из-за облавы ТДВГ. Он уже располагал несколькими мощными вербовщиками. Некоторые из них, в частности, Зелёный Червь, обладают сильными магическими способностями.

Дарти не одобрял массивованную наглую преступную деятельность учителя. Масочник переставал скрываться, уверился в безнаказанности и в том, что ТДВГ махнуло на него рукой. Дарти решил, что будь он на месте Масочника – действовал бы более тонко, осторожно и изощрённо.

Прошло несколько ночей с той роковой ночи, как вызвана Августа прямо из Ада. Масочник под давлением Трёхглазой присягнул Августе как Главному Мертвяку, чтобы удовлетворить амбиции капризной демонессы. Теперь Августа верховодила в секте-организации Могильщиков в качестве полноправной единоличной властелинши. Масочник работал на неё как обычный рядовой томбер. Это именно Авгу-

ста потребовала больше армии, ритуалов, вербовать больше подростков, и Масочник с ней солидарен. Зелёный Червь и другие вербовщики занимались в спешном порядке обучением «солдат-зомби».

Дарти понимал, что рано или поздно их найдут. Устроят облаву. Дарти знал, что у Томберов есть хитрые враги, по мощности под стать Могильщикам. Но Масочник зачастую недооценивал своих врагов. Августа же пока слишком мало знала о таких врагах, как организация ТДВГ, куда входит немало белых и светлых магов. С точки зрения знания устройства этого мира Августа – незрелый демон. Однако, её амбиций, сил и способностей – больше, чем у многих известных Дарти старших демонов. Как такое могло быть? Как получилось, что демонша – сущее дитя, получила такое могущество?

Дарти пытался намекнуть учителю, чтоб он был осторожнее, не слушал слепо Августу, а пытался бы научить демонессу тому, что в этом мире не всё будет плясать под её дудку. Но Масочник не слушал. В качестве трудовой повинности сегодня Масочник послал Дарти на одно из кладбищ, на проведение обряда, курировать и контролировать томберов. Обряд проводил вербовщик, завербованный пару дней назад – то есть не опытный. Среди «свиты» шестеро «зомби». Они ничего не умели: обычные ребята с промытыми мозгами, готовые воспринимать приказы старших по иерархии томберов. Ритуал по промывке мозгов проходил над двумя моло-

дыми людьми. Их вербовщик привёл сюда из колледжа, где он учился.

Сегодня утром эти двое были ещё «нормальными», пришли на пары. Но к ним подошёл их одноклассник, поведал, что знает, как исполнить заветные желания, знает место, где их будут любить и понимать. Они заинтересовались, он привёл их на кладбище. Дал им вещества-напитки, влияющие на мозг, делающие сознание податливым и подверженным внушению. Они превратились в овощи, были опьянены, пребывали в состоянии эйфории. Девушку без конца трясло от беспричинного смеха. С лица парня не сходила ошеломлённая улыбка. Вербовщик положил их на могильную плиту-алтарь. Шестеро «зомби» расставлены вокруг – они должны давать дозу энергии для ритуала и обеспечивать примитивную охрану. Вербовщик шептал заклинания, заклятия и проклятия.

Дарти стоял в стороне, скептически хмыкал, наблюдая за этой сценой. Он думал, насколько ему тут всё противно, насколько всё осточертело. Как ему надоело быть подкаблучником Масочника. Крамп делся неизвестно куда, связи с ним нет и не предвидится. Он бы уже несколько дней назад ушёл – если бы не демоница Августа.

При всём неприятии и отвращении, Августа успела очаровать и привязать к себе Дарти. За дни, что прошли с первого раза, когда Августа прикоснулась к нему и обожгла чёрной демонической силой, Дарти принялся собирать инфор-

мацию про неё. Он узнал, что она не всегда была демоном. Отгоняя от себя эти мысли, Дарти против своей воли пытался увидеть в Августе что-то чуть более светлое, чем её новоприобретённую за последние тридцать шесть лет демонскую природу.

Он готовился уйти от Масочника уже в тот день, как пришёл в себя после контакта с демоном и массированного оттока энергии. Но Августа не позволила. Нет, демонша ему ничего не приказывала: она вызвала его жгучий интерес. Он и она теперь повязаны общей кровью, ритуалом вызова.

Августа к одному лишь Дарти относилась благосклонно и умеряла свои капризы. Она понукала Масочником и другими Томберами. Зелёный Червь, этот страшный тип, от кого практически у всех Томберов шли мурашки – и тот ходил по струнке под взглядом Августы. Но к Дарти Августа относилась практически на равных – как к партнёру. Дарти уже сто раз укорил себя за ошибку, за неправильное предвзятое отношение к Августе. Августа – особо ценный демон.

«Уйти от Томберов, от гнусного Шнайдера – и взять Августу с собой. Убедить её быть со мной, и вместе мы достигнем небывалых вершин могущества. Вместе с Августой я стану таким властелином, что сам Масочник, так много времени издевающийся надо мной, будет ползать у меня в ногах!» – вот о чём думал Дарти.

А что сейчас? Августа играет, зазря растрчивает ресурсы на томберов. А томберы – мелкая сошка, кучка заблу-

дившихся людишек, помешанных на готике и деградационной идеологии про мертвецов. Дарти давно хотел поговорить с демоницей наедине, но это никогда не удавалось: она всегда на виду у Масочника. И Зелёный Червь, словно змей, чувствовал к Дарти неприязнь и подозрение.

Дарти знал, что он сможет предложить Августе. Августа, при всём её демонизме, оставалась робкой, закомплексованной, ранимой девочкой. Она нуждалась в защите, опеке. Дарти готов любить – надо бы ему только этому научиться, понять, как правильно полюбить «светлую» сторону Августы, чтобы управлять её чёрной демонической сущностью.

По этой причине Дарти отвлёкся. И слишком поздно обнаружил нападение. А слежку накануне Дарти и вовсе не заметил. Редкостная беспечность для чернокнижника, жаждущего управлять таким сильнейшим демоном, как Августа!

Первым делом Поставщик набросился на вербовщика и вырубил его размашистым ударом, оглушив и уронив на приотпанный снег. «Жертвы»-неофиты на алтаре истерически засмеялись – им казалось, что они видят вокруг смешные мультики. «Зомби»-солдаты опомнились и принялись неумело нападать на Поставщика. И хотя их шестеро и они отличались дюжим ростом – умений им не хватало. Реакции их заторможены из-за действия специального вещества, поглощающего их сознание. Поэтому нет ничего удивительного, что один-единственный Поставщик оглушил и вырубил шестерых сравнительно быстро. Ему даже не пришлось до-

ставать свой излюбленный тесак, который он несколько веков вогнал демону между крыл.

Дарти ничего не мог понять. Явился тип, всего один, и плашмя положил семерых! Кто он такой, мать его за ногу?! На всякий случай Дарти быстро соорудил и накиннул на себя мощную Мантию Тени. И когда Поставщик склонился над жертвами на алтаре, начал нашептывать им Сонное Заклятье, чтобы обезопасить их сознание от шока, погрузить в сон, Дарти вероломно напал.

Он выскочил из-под Мантии Тени совсем близко с Поставщиком и со всего маху вонзил тому нож под ребро слева, искренне надеясь, что причиняет тяжёлую колотую рану в сердце, не совместимую с жизнью. Второй свободной рукой, сжимая камень, он ударил одновременно Поставщику сзади по голове.

Поставщик потерял сознание лишь на доли секунды. Он стал оседать. Дарти поспешно выхватил нож из тела врага, отскочил. Поставщик же, вместо того чтобы упасть навзничь, истекая кровью, оказался на одном колене. Сгорбился. Руками упёрся в снег, вниз не капнуло ни капли. Потом медленно повернул голову в сторону Дарти:

– Я всё, конечно, понимаю, юноша, тебе захотелось проверить, что будет, если ты попытаешься со мной немного поиграть. Но зачем, акула тебе в пасть, дырявить мою рубашку?! Мне её тётя подарила между прочим! Будешь сам зашивать.

Дарти удивлённо рассматривал того, кто заговорил с ним

весело, при этом с наигранным театральным апломбом возмущения. Тип выпрямился, Дарти отметил, что он высок, а ещё что он опасен – это Дарти понял, столкнувшись с ним глазами. Юный чернокнижник умел разбираться в себе подобных и умел чувствовать, кто сильнее, кто слабей. Этот был сильнее.

Тип неуклонно пошёл на него:

– Может, ты объяснишь, в чём тут, собственно, дело, м-м-м? Или ты предпочитаешь поговорить в более спокойной обстановке, за чашечкой горячей кошачьей крови?

Дарти принялся шептать заклятье, но понял, что не успеет. Тогда он снова с ножом напал на Поставщика. Его нож тут же оказался заблокирован громадным пиратским тесаком. Оружие Поставщик выхватил незнамо как:

– Не так быстро, юноша. Ты ведь стоял в сторонке и наблюдал, как будто тебя тут ничего не касается, не так ли? И тем не менее, я чувую в тебе чёрную метку. Ты как колеблющаяся Личина. Да, пожалуй, надо тебе обеспечить более спокойную обстановку для переговоров. Ты пойдёшь со мной.

Дарти не успел понять как, но в его голове потемнело, сознание ушло. Последнее, что до него дошло: он попал во власть особо сильного и достаточно древнего вампира. Ему, возможно, несколько столетий. Только Дарти не успел определить – чёрный он или белый. Но судя по тому, как он безжалостно и исподтишка набросился на томберов – вряд ли белый. Как знал юный чернокнижник, белые всегда гуман-

ные, добрые. Этот совсем не гуманный. Дарти вырубился.

Поставщик, только что применивший сильнейший вампирский гипноз с наведением глубинного сна и морока, с усмешкой поглядел на распростёртого перед ним на снегу юношу. Он мигом обыскал его, обезоружил, прихватил все магические причиндалы, амулеты и артефакты чёрной магии, что нашёл. Потом взвалил Дарти на плечо и шагнул в Теневую Сторону, откуда, собственно, и взялся здесь на кладбище.

Ночью все грифоны серы

Мы с Эдди договорились, что он будет наблюдать за Мрией, начнёт контактировать с ней. Если Мрия находится под гипнотической программой, она может вести себя агрессивно. А если ей ещё не очень промыли мозги, то Эдвард может стать для неё шансом – идти ей дальше к томберам или остаться жить обычной жизнью. Я же пообещала Эдди, что найду зацепки, узнаю, где могут базироваться томберы.

У меня есть ещё моя «вне рабочая» жизнь – это школа. Пренеприятнейшая обязанность. Я не могу допускать разгильдяйства и скатиться в тройки. Это навлечёт на меня подозрения родителей, учителей, одноклассников, то есть ненужное внимание. Я учусь хорошо, во многом благодаря тому что быстро осваиваю материал. Когда я стала сек-

ретным агентом – я продолжала делать вовремя домашку, поднимать активно руку, когда учителя проводили опросы. В глазах одноклассников возник стереотип, что я ботаник. «Королева Ботанов» – так меня прозвали. Мне льстила эта кличка, потому что это идеальное прикрытие. Моих родителей никогда не вызывали в школу, не отвлекали от важных рабочих дел.

В школе у меня только две отдушины, ради чего туда ходить не так противно, как если бы этих двух отдушин не было.

Первая отдушина – уроки биологии. Там я имела возможность общаться с Мод, моей коллегой. Сегодня биологии нет. Зато была вторая отдушина: мои школьные товарищи. Одноклассник Тим Коган, школьный гангстер, главарь шайки «благородных разбойников». В своё время Коган и его дружба-баны Джиллс, Вайл, Мэрмот и Локуст мне помогли в двух расследованиях. Первый раз я выручала соседа по парте от дурной компании, куда он попал в силу собственной покладистости. Второй раз мне пришлось спасти школу от троих одноклассниц-террористок. Они хотели взорвать мою альма-матер. Вот почему я так неодобрительно отреагировала на шутку Грифона про бомбу.

Мы сильно сблизились с Когановской шайкой. Причём не только я – Джейн и Пит тоже. Когановская шайка без конца зазывала нас на тусовки. В одно время мы с Питом и Джейн ходили на вечеринки чисто из интереса. Но потом тусовки

стали носить оттенок обывательских: пиво, девчонки, обжигая с ними по углам – и мы отошли от этого.

На одну из таких тусовок Коган привёл Лайнонну. Пит сразу с ней сошёлся, а потом чуть не стал «зомби». Выяснилось, что Лайнонна была нашим агентом из другого города. Её настоящее имя Венера Шарп. По роковому стечению обстоятельств её родственниками оказались главари Томберов – Мэри и Пауль Зиги. Они закабалили Венеру, сделав её рабыней. Венера сначала думала нанести по ним удар, сдать ТДВГ, но оказалась подвержена гипнозу. Пита с её помощью подвергли психической обработке и он едва не ушёл к Томберам. Потом Венеру наши коллеги изолировали от её ужасных родственников и направили в секретную школу на реабилитацию. Что с ней – я не знала, но надеюсь, что всё в порядке. В сущности, девушка ни в чём не виновата: такая же жертва томберов как Мрия.

С Коганом и его ребятами я остаюсь в хороших, дружеских отношениях. Несмотря на приземлённые хобби и мышление вроде пивка попить, они отличаются редкостным благородством. Они никогда не смеются надо мной, Питом и Джейн как над чудаками, уважают нас. И вовсе не потому что я иногда помогаю им с уроками. Внутри они остаются порядочными ребятами. Разве только Локуст немножко скользкий, приспособленец и лицемер, да и то он легко попадал под влияние Когана и умел эту свою скользкость унимать.

Коган продолжал зазывать на вечеринки. И не обижал-

ся, что мы отказываемся, наоборот, интриговал, соблазнял и всячески мотивировал прийти к нему на очередной сабантуйчик. Вот и сегодня Коган сразу принялся меня зазывать. Ему в голову не пришло спросить, где я была первый урок. Зато это пришло в голову моей классной руководительнице Софии Серджион. Пришлось объяснять, что у меня болит голова – то правда. Голова болела от напряжения, от недосыпа. Госпожа Серджион перепугалась, почти насильно отправила меня домой.

Так я получила временное освобождение от занятий. Дома я смогла прийти в себя, выпить анальгетик. Поделав уроки, я отправилась на Базу.

Нужно решать, что делать с томберами, как помочь Эдди с Мрией. Вычислить базирование-логово Масочника и направить туда облаву-подкрепление. Но чтобы вычислить – надо наблюдать, засечь их на кладбище, определить главного вербовщика. А потом следить, куда он пойдёт, ожидать, что он приведёт к Масочнику. Но учитывая, что у томберов появились такие экземпляры, как Зелёный Червь, ситуация усложнялась. Кто он – Зелёный Червь? Демон? Я вспомнила, как у него всё начало клубиться между рук, чёрная дыра, чёрные молнии, и меня передёрнуло. Что бы с нами было, пошли он в нас эти молнии? Горстка пепла? Две лягушки?!

Я поняла, что объективно одна здесь не справлюсь. Нужно подключать начальство, в идеале – Майло. Майло знает о томберах всё. Ведь этого его младшего кузена Пита Могиль-

щики год назад чуть не пропустили через мясорубку.

Ещё оставалась Мрия. Вдруг она знает, где Масочник? Как вывести её на разговор? Вдруг Эдди сможет это сделать? Тогда не надо ходить по кладбищам.

И ещё мне хотелось узнать, кто же похоронен в той могиле. Что за Августина Символи. Томберы собирались в удобных им местах. Неофитам полагалось брать имя покойника. Вполне возможно, кто-то из неофитов будет так теперь называться – Августиной Символи. Возможно даже Мрия.

Мне пришлось поднимать архивы и базу данных мертвецов. Сама того не замечая, я заинтересовалась девушкой. В графе её смерти стояла ссылка на несчастный случай.

Пришлось повозиться с каталогом, чтобы найти нужные материалы. В процессе поисков я стала обладателем папки с пурпурной окантовкой «Дело о школе номер 1273». Когда узнала адрес этой школы, то обалдела. Только вчера мы с Эдди говорили про неё!

Та самая школа на улице Мандаринов. Ныне заброшенная. Закрыта 36 лет назад. По причине несчастного случая. Погибла Августина Символи, трагически случайно выпав из окна с пятого этажа. Из кабинета биологии.

Вот это номер! В архивной папке приводились планы-схемы этой школы, документы противопожарного и другого освидетельствования. По ним в процессе разбирательства смерти Августины выявились значительные нарушения в пожарной безопасности. Школу закрыли на ремонт, всех учени-

ков распустили или перевели в другую школу.

У Августины была только мать. Она родила дочку от неизвестного мужчины в довольно позднем возрасте – в 42 года. Эта мать скончалась около пятнадцати лет назад от сердечной болезни.

В архиве есть фото этой девушки. Когда я взглянула на них – вздрогнула. Августина внешне очень похожа на меня.

Нет, не двойник. Но если бы мельком посмотреть на её и на мои фотографии, снятые в одном и том же ракурсе – нас можно легко спутать. Один и тот же типаж, я бы сказала. У Августины волосы и причёска точь-в-точь как у меня – тёмно-русые, средней длины до плеч, и чёлку она носила густую, как у меня. Фигура тоже как у меня – худая, стройная. Единственное, что нас отличало – очки. Я не ношу очков. У Августины очки большие, в толстой немодной оправе. Они делали её вид жалким, комичным. Вот почему над ней издевались всякие придурки. Её глаза запуганные, зрачки расширены, лицо бледное, губы сжаты. Словно когда её фотографировали, она знала, что выпадет из окна. Бедняжка.

Потом я подумала – на кой чёрт я столько времени угрохала на эту девчонку из случайной могилы?! Но, с другой стороны, почему её дело у нас в архиве, почему на папке пурпурная окантовка? Пурпурный цвет означает особую секретность. Может быть, дело в школе – её закрыли по аномальным причинам?

Я решила отложить это дело. Вернулась из архива на пер-

вый этаж Базы, когда уже начинался вечер. Захотелось перекусить. Едва зашла в наш буфет в правом крыле, то столкнулась нос к носу с Рикардо Кэпчуком. Он делал горячий сладкий чай. С серной кислотой, наверное. Когда мы поздоровались, он красноречиво намекнул:

– Мой рабочий день здесь на сегодня закончен. Через пару минут я еду в свой морг, – и посмотрел на меня.

Рикардо знал, что я умная. Что я пойму. Но тем не менее, я изобразила удивление:

– А как... так быстро?.. То есть можно же у нас, в кабинете Шестёрки, например, или...

– Не здесь, – отрезал Рикардо. – И уж точно не у вас в кабинете Шестёрки. Там, кстати, ноль-ноль-три и ноль-ноль-пять в данный момент шарят.

Он предлагал выбор. Поехать с ним на «уроки». Или поздороваться с Питом и Джейн. Ведь я разминулась с ними, пока копалась в пыльном архиве. Может быть, у них миссия? Джейн, выходит, сразу после школы сорвалась и приехала сюда из своих краёв, раз она здесь! На буднях она на Хороший Пути приезжает только в исключительных случаях. Грифон на Базе редкий гость. И нельзя упускать шанса, когда он вот так с ходу готов уделить мне время и внимание. Я сосредоточенно кивнула:

– Я с тобой.

– Пошли, – Грифон одним глотком опрокинул в себя свой чаёк и не дожидаясь моей реакции, стремительно вышел вон

из буфета.

Мне пришлось хвостиком устремиться за ним, но Рикардо в коридоре резко развернулся и поглядел на меня сверху вниз, снисходительным тоном тихо произнёс:

– Я ожидаю от тебя сознательности и что ты не станешь компрометировать ни себя, ни меня. Подхватываю тебя через четверть часа у твоего дома. Попей пока чаю.

Карамба! Ну и игры он устроил! Как будто ему запрещено общаться со мной и рассказывать секретные вещи! Детский сад! Или он так специально притворяется, интригует, чтобы пробудить ещё больше любопытства?

А в Антикварной комнате я тут же нос к носу столкнулась со своим начальником. Он заходил, я выходила.

– И куда это мы летим, на какую-то такую несанкционированную миссию, интересно? – Майло в отличном настроении и сейчас склонен дружески поболтать со мной.

Майло мне не просто начальник. Он мой сосед и друг. Но Грифон назначил встречу... карамба, уже через 10 минут возле моего дома, и если я начну долго и серьёзно говорить с Майло о томберах, я упущу нечто ценное и важное. Я ответила боссу:

– Как всегда, узнавать Истину.

– Будь осторожна, узнавая Истину – как бы она не узнала тебя, – многозначительно посмотрел на меня начальник. – У меня есть к тебе дело.

Ну вот, начинается! И здесь я нарасхват.

– Дело? Срочное? – заколебалась я, немного начиная нервничать – как всё навалилось, одно на другое.

– Не волнуйся, потерпит. Вижу, что у тебя шило горит, не буду задерживать. Забегай на днях, я здесь.

Он дружески сжал моё плечо. Мы переглянулись. Нас с ним связывает слишком много. Был момент, когда мы прошли сквозь огонь, воду и медные трубы. Мне бы не хотелось что-то скрывать от Майло, обманывать его.

– Да, я сама хочу с тобой поговорить. Когда у тебя будет время, – выдохнула я.

– Сейчас я свободен. Можем поговорить в Оконной, только заварю себе какао, – любезно предложил Майло.

Вот ведь невезуха! Надо бы остаться, рассказать ему про Эдди, про томберов. Но – Грифон! Я вздохнула немного обречённо, прекрасно понимая – Майло занятая персона, и такие моменты, когда он полностью в моём распоряжении, буквально доступ к начальнику – представляются ох как нечасто. А если учитывать, что я на привилегированном положении – соседка, почти родственница – так швыряться такими шансами редкостное кощунство!

Что выбрать?

Я дала обещание в сделке с Грифоном, взяла на себя обязательства. Грифон не тот, кто будет ждать, повторять два раза, давать лишние шансы. Да и по отношению к нему не слишком честно, если я сейчас пойду на попятную и скажу – «Знаешь, Рикардо, мне некогда с тобой болтать, мне началь-

ник дал более приоритетную задачу». Это будет нечестно и предательством по отношению прежде всего ко мне самой. Потому что мне хочется знать, что же такого мне расскажет Грифон.

Итак, миссия или ученичество?

Я выбрала ученичество. Рассудила так – без лишних знаний я не могу продвигаться дальше. В конце концов, Грифон тоже знаком с Масочником, с делом о томберах. Может, он что подскажет, как нам быть с Эдди с его соседкой Мрией?

Поэтому я сказала любимому начальнику, соседу и другу: – Я не свободна, увы, – и вздохнула.

Майло не обычный начальник. Обычный бы непременно начал дуться, орать, призывать к субординации. Майло именно друг. Он абсолютно спокойно ответил:

– Значит, в другой раз.

Оба мы прекрасно понимали, что этот другой раз мог появиться ещё ох как не скоро. Но я сделала выбор и Майло его уважил.

– Удачи тебе в поиске Истины, – пожелал искренне он.

Я извинительно улыбнулась. Мне было гадко на душе так наплевательски поступать по отношению к начальнику. Он меня уже заочно простил – ещё до того как я появилась на свет. Он меня завербовал в ТДВГ. Он знал, на что идёт, завербовывая обычную девочку, с тараканами в голове. Ничем не примечательную. Порой мне казалось, что слишком уж много у меня этих привилегий, что я их совсем не заслужила.

Грифон пунктуален. Он подъехал к калитке моего участка ровно через 15 минут после того как мы с ним встретились в буфете. Рикардо передвигался на чёрном катафалке – таков его стиль. В длинном багажнике-салоне у Грифона всегда лежит запасной гроб. И не всегда пустой. Ведь Рикардо рассекал по городу на служебной машине, его основная работа – транспортировать обнаруженные трупы. По совместительству на полставки он работает в крематории, в морге на улице Теней. Куда мы с ним ехали.

Я села рядом, мы не обменивались словами, только взглядами. В его взгляде как всегда бесстрастность. Лёгкая полуулыбка, мимолётная. Вот что я уловила на его мрачном загадочном лице. Грифон радовался, что ему удалось подцепить меня на крючок любопытства.

Мы с ним тоже прошли многое. Не такой огонь, воду и медные трубы как с Майло, и совсем не много секретов нас с Грифоном объединяло, но всё же. Грифона я пока не могла считать слишком близким, закадычным другом, хотя хотелось бы. Мы только начали сближаться, как он уехал более чем на 4 месяца. Сейчас мы заново пробивали границы взаимной замкнутости. Я снова чувствовала себя рядом с ним глупой, некомпетентной салагой, кто в сущности я и есть. Грифон умеет подавлять, внушать если не чувство своего превосходства, то намекать на свою огромную внутреннюю силу и власть – точно.

Грифон не склонен к болтовне. Он по натуре мрачен,

угрюм и сдержан. Он ехал, смотрел на дорогу, на меня вообще ноль внимания. Меня это устраивало. Я собралась с мыслями.

Прикатили. Уже стемнело. Грифон так за время дороги не проронил и ни слова. Но меня это не смущало. У многих из коллег Кэпчук вызывал желание поскорее уйти из того помещения, где он находился. Рикардо излучал такую энергетику, мрачность, что это могло напугать кого угодно. С ним хорошо общается Майло, они буквально кореша. Аманда тоже с ним хорошо общается. Ведь она официально считается начальницей Грифона, потому что она старше по званию и опыту-стажу в ТДВГ. Ещё на одном из уроков биологии (после урока, естественно), когда мы с Мод задержались в кабинете, она обмолвилась, что «Рикардо – милый», и загадочно улыбнулась. Мод умная, проницательная, вдобавок телепатка. Она совершенно правильного мнения о Грифоне. Рикардо – милый. По-своему.

И по-моему тоже.

Но всё равно я чувствовала некую дистанцию, субординацию и всё такое. Ведь Грифон старше, опытнее, гениальнее, сильнее, во всём лучше меня. Мне ли относиться к нему как к закадычному другу – как я, например, отношусь к Питу и Джейн, могу их запросто хлопнуть по плечу или устроить потасовку, игру в снежки?

Мы вошли в морг через заднюю дверь.

– Привычка. Грешу тем, что тайком вожу к себе всяких

покойников, в обход охраны. Но сегодня Барни нет.

Барни – охранник в этом морге. Я его знаю. Грифон объяснял охраннику, что водит иногда к себе студентов-медиков на практику. Сегодня я – настоящая студентка на практике.

– Покойников водишь? Карамба! Познакомишь?

– Не всё сразу, вагант.

– Кстати, что такое вагант?

Мы шли по коридору, чеканя шаг в сторону маленького кабинетика рядом с крематорием. Шли в личное рабочее место Грифона, где он заполнял бумаги и протоколы по трупам, пил чай, высиживал ночные дежурства, когда не надо никого возить или сжигать. На самом деле он, конечно, не высиживал, а занимался химическими изысканиями и другими своими делами. Поэтому в этом кабинетике, наряду с двумя старенькими уютными креслицами, столом, старым шкафом-картотекой и мелкой мебелью, стояла тумба с кучей реактивов и реагентов.

Мы были тут в марте с коллегами. И Грифон нам рассказал, кто он такой. Что он учёный-химик и охотится за Крапом, чтобы его убить. Грифон уже тогда разбил стереотипные представления об учёных как об астеничных очкастых рассеянных книжных червях. Сам Рикардо внешне на учёного не очень походит. Длинный плащ-пальто, шляпа. Высокая фигура – он выше меня более чем на голову. Достаточно широк в плечах, движения стремительные, отточенные и при этом плавные. Тёмные, почти чёрные волосы он любит

зачёсывать назад. Тёмные глаза, мрачные и пугающие, особенно когда смотрят в упор, выворачивают душу наизнанку. Прямой нос, прямые брови. Лицо – бесстрастная маска, непроницаемая, нейтральная. Грифон потрясающе умеет управлять эмоциями. Если они у него, конечно, есть.

Грифон плотно закрывает дверь, кивает мне на одно из кресел, я сажусь. Наблюдаю, как он снимает пальто и шляпу, вешает. На поясных ремнях у него арбалет. Этот арбалет он бережно кладёт на один из столиков. Свою куртку я тоже стаскиваю, кладу на один из подлокотников кресла. Рикардо берёт электрический чайник, ставит его кипятить. Достает чай, сахар, выставляет это на стол. Гостеприимный друг. Прежде чем сесть в кресло, достаёт из шкафа чёрную папку, листает её. Держа в руках, садится, отвечает на мой заданный несколько минут назад вопрос:

– Вагант – это ученик. Как правило, нескольких наставников. Тот, кто вечно в поисках Истины и знаний, ищет мастера. Бродит по Тёмной Дороге, ищет свет. Вагант – от слова «бродить», «блуждать». В средневековье так называли студентов, которые перемещались по разным городам, искали себе университеты, чтобы освоить много наук и найти призвание, предназначение. Сейчас так называют учеников Мастеров магии.

– Мастеров магии? – удивляюсь я. – Кто это такие? Это такие волшебники, старцы что ли с бородами?

– Сама ты старец с бородой, – Грифон серьезнее и мрачнее

некуда. Он так шутит, поэтому я еле удерживаюсь, чтоб не расхохотаться. – Разные бывают. Бывают и волшебники. Бывают и колдуны. Ведьмаки. Боевые маги. Охотники. Вампиры. Вервольфы, Возвращённые, Амазонки, Воины – любая категория. Важно, чтобы обучающий был истинным Мастером. Даже Русалки могут быть Мастерами. Сегодня у нас с тобой стихийный урок по Чёрной Воде. Это то, что ты должна знать. Ознакомься вот с этим.

Чай бурлит, кипит. Грифон протягивает мне чёрную папку.

В папке фотографии, на них – мужчины, в основном молодые. Мёртвые. Фотографии разных годов, начиная с семидесятых. Они подписаны: имя, возраст, дата смерти, город. Документы – о причинах смерти, обстоятельствах дела, нахождения этих трупов. Пока я всё это рассматриваю, Грифон заботливо – совсем как добрый дедушка а-ля старец с бородой – разливает чай по кружкам.

– Тебе не обязательно это всё подробно читать. Я тебе показываю это как методическое пособие, – Рикардо берет у меня папку.

– Кто все эти лю... то есть покойники?

– Морячки.

– Морячки? То есть они военные? Служили на эсминцах или на рыболовных траулерах работали, в торговом флоте?

Грифон изображает на лице лёгкую досаду по поводу моего недогояния, смешанную со снисходительностью:

– Морячки – так на жаргоне Русалок называются их жертвы. Русалки, они же Сирены, убивают только мужчин. Зачастую несанкционированно. Они выпивают их энергию, их эфирные эманации, жизненные силы, получая наслаждение от убийства.

– Какой ужас. А как они ходят по суше? Или они их убивают на морских курортах? Но несколько трупов вроде на этих фотографиях – в деловых костюмах, а это значит, что вряд ли они плавали прям так вот в костюмах на курорте... – размышляю я.

– Очень просто ходят. Как ты ходишь, как я. Их рыбы хвосты проявляются только когда они в своей родной стихии. Просвещу тебя немного по русалкам, вагант.

То, что показывают в милых мультиках про русалочку – не совсем правда. Однако, некоторые отголоски истины в мифологии есть. Земля на три четверти покрыта водой в течение миллиардов лет, и было бы удивительно, если бы в воде не было другой цивилизации. А ещё было бы удивительно, если бы цивилизация русалок не считала себя самой совершенной и лучшей по сравнению с людишкам.

Это наши соседки. Некоторые из них ведут себя прилично и выше определённой глубины не заплывают, предпочитают тихо-мирно жить. Они прячутся время от времени от военных и исследовательских субмарин, используют Мантию Отвода Глаз. А некоторые ведут себя неприлично. Пользуясь русалочьей и водной магией, возвращенной в течение многих

лет эволюции, они не только вышли на сушу. Они стремятся всеми силами потеснить людей. То, что ты увидела в папке – фотографии этих морячков – лишь мелкая месть, баловство.

– Карамба, ну и баловство! – меня охватывает раздражение и праведный гнев. – Эти мужчины погибли наверняка невинными, у многих семьи, дети! На месте них мог быть кто угодно. Даже кто-то из моих друзей или родственников!

– Ты мыслишь в правильном направлении. Сирены вышли на сушу и решили мстить людишкам. Они считают, что у них правда своя. Они считают, что это люди первыми стали притеснять их. Загрязнения океанов, экологические проблемы. А ещё Запрет Старейшин на контакты с людьми. По простой причине: русалки умные, люди глупые. Русалки владеют знаниями и магическими техниками, люди не владеют. Злые люди наверняка хотели бы овладеть. В итоге – война, порабощение русалок людьми. Или наоборот – кто-то из русалок мог бы вообразить людей своими рабами и слугами.

К сожалению, в процессе эволюции и в свете последних веков стал активно развиваться второй сценарий. Кто-то из русалок посчитал, что люди мешаются, надо с ними что-то делать. Что люди – лишняя, совершенно ненужная цивилизация. Что мир принадлежит только русалкам. Они сначала шпионили, наблюдали за людьми. Потом стали время от времени убивать их. Устраивать штормы, цунами, топить корабли. До нас дошли мифы о сиренах, поющих на скалах, привлекающих морячков своими голосами.

Земля – это мир людей. Люди приходят сюда людьми, чтобы развиваться. Получать опыт, получать откровения, уроки. Делать свои выборы. Кто-то выбирает оставаться обывателем. Кто-то – духовно расти. Души потом перерождаются, происходят реинкарнации. Люди – это младшие души, души-ваганты. Те, кто стал на ступеньку выше и кто называет себя анхомами – не люди. А гости. Основная их миссия – помогать людям пройти их уроки. Охранять, не вмешиваясь ни в коем случае в их судьбы. Не рушить изначальный замысел Демиургов и Старейшин.

Люди как вид, раса появились на Земле недавно – несколько миллионов лет назад. До этого на Земле жили другие цивилизации, многие из них пришли с других планет. Не буду вдаваться в дебри, скажу только о нашем большом враге. Наряду с ним, вернее, с ней даже Крамп меркнет. Хоть у меня и руки не перестанут чесаться сломать ему шею.

Трёхглазая – Морская Королева, она же Морская Ведьма. Она древняя, ей несколько тысяч или даже миллионов лет. Она застала те времена, когда людей здесь не было. Скорее всего, она пребывала в спячке или научилась перемещаться во времени. Это не важно – мы работаем не с её прошлым, а с нашим настоящим. Трёхглазую по праву можно назвать Богиней Вод Морских. У неё три глаза. Вся её раса древних существ-архирусалок имела три глаза. Как её зовут по-настоящему – никто не знает. Но она откликается на имя Трёхглазая. Эта архи-русалка хочет сделать всё, чтобы очистить

Землю от людей. Это она создала расу Чёрных Русалок, организовав королевство бунта и сопротивления заведённому порядку. В её картине мира не справедливо, что все русалки должны прятаться под толщей воды и шугаться подводных лодок.

Из-за того, что людей охраняют анхомы, стоящие на Белой Стороне, у Трёхглазой до сих пор не получилось смыть семь миллиардов населения большим цунами с лица Земли. Но она к этому стремится. Довольно амбициозная дамочка. Последние расследования ТДВГ начиная с лета этого года дали нам несколько зацепок. Они все ведут к Трёхглазой, её прихвостням и планам.

Она стоит за и над твоими любимыми Томберами, коим ты хочешь всыпать под первое число так же, как и я – Крампу. Она стоит за и над организациями «Игуана», «Внеземное дело», Империя Кавандайка, Орден Фигур и Платтерс Корпорэйшн. Да, начиная с лета мы шли по её следам, и подобрались настолько плотно и близко, что она объявила нам войну. Вероломно, ультимативно. Она убила Охотника Земли и отобрала одну вещь. Эту вещь должны были взять мы. Либо ТДВГ, либо анхомы Белой Стороны, но ни при каких обстоятельствах эта вещь не должна была попасть Трёхглазой.

Аманда, Майло и Матильда настаивают, чтобы Трёхглазую брали мы с ними вчетвером. С привлечением независимых союзников. Вроде Шакалов или других полезных друзей

на стороне. Поэтому они не заводят глобальное расследование на всё ТДВГ в духе «Операция «Трёхглазая», предпочитая действовать по-партизански. Но Трёхглазая тоже наносит жалающие удары по-тихому. Она собирает нехилую армию, привлекает не только обиженных на людей русалок. Она будет всячески завлекать таланты. Тех неоперившихся анхомов, что пока не знают, что они анхомы, не определились со Стороной и у кого недюжинный потенциал. Она их будет обучать «под себя» и натравливать на нас. Не сегодня, не завтра. А через год-полтора, от силы два. Вот о чём я тебе хотел сегодня рассказать, вагант.

– Карамба... – выдохнула я. – Выходит, все эти убийства «морячков» – правда невинные шалости.

– Морячки – наше упущение. В частности, моё, хотя я и не склонен в этом пункте заниматься самобичеванием. Потому что я не на Белой Стороне. И я не обязан был бы идти против Чёрной Воды, хотя и мог. Но да, ты права, в целом нам надо делать акцент теперь не на отдельных убийствах и не поисках виновных синекожих красоток с рыбьими хвостами. А на том, как хитрее противостоять Трёхглазой, где вычислить её слабые места.

От сказанного у меня ещё больше поплыли мозги. Да так, что чуть не вылились вместе с чаем.

– Подожди, подожди. А вот с этого места поподробнее. Что такое Белая Сторона? Это сторона добра? Если ты не на Белой Стороне, то ты что, злодей что ли?! – во все глаза

посмотрела я на Грифона.

Наверное, в тот момент я выглядела растерянной, испуганной и наивно-глупой. Потому что Грифон чопорно и снисходительно, как неразумному ребёнку, всё мне прояснил раз и навсегда:

– Чтобы быть не на Белой Стороне, не обязательно быть на Чёрной. Я вообще сам по себе. Ни с кем. Я «серый», нейтрал, если тебя это устраивает.

– Нейтрал. Серый. То есть ты как бы не за добро, но и не за зло, а просто гоняешься за Крампом?! – сощурила я глаза.

Наверное, с моей стороны это непростительная смелость, граничащая с излишней фривольностью и панибратством. Но Грифон отреагировал очень спокойно:

– Да, именно так. Я не за добро, не за зло, просто достигаю своих целей.

– Но ты не-человек... – вырвалось у меня. Я выжидающе посмотрела на Рикардо. Ведь мы тут вели такие разговоры, за что память обычно стирают тем, кто эти разговоры не должен слушать!

– Не-человек, – кивнул он.

Я выдохнула:

– Я догадывалась. И кто? Вампир что ли?

– При чём тут вампир?! Тебе надо общаться с этими гавриками из Адской Кухни поменьше, они тебя совсем помешанной на вампирах сделают! Ещё не предлагали тебе посвящение в вампиры? Или учиться у них?

Я опешила. Грифон, оказывается, Роджера, Йэна и Онилию знает! Земля кругленькая, Земля маленькая, все друга знают... Но я сдержала своё детское удивление.

– Понятно. Не вампир, значит. А кто?

– Охотник, – ответил Грифон, немного выдержав паузу.

– Охотник? Э... как это – охотник?

– Моя природа и моя суть в том, чтобы охранять некоторые установленные здесь ещё до меня порядки. Не допускать беспредела. Поскольку я нейтральщик, я сам устанавливаю, что для меня является беспределом. В данный момент для меня беспределом является Крамп.

Я закатила глаза:

– Да ты маньяк. Одержимый Крапмом!

– Ты об этом знала, ты умная девочка. Так чего же ты ворчишь? – спокойно высказался он.

– И у тебя есть сверх способности. Ты ходишь на Теневую Сторону. Владеешь магией. Карамба! Теперь я догадываюсь, чем ты стрелял в демона Вине. Магическим током.

– Ты слишком много знаешь для неоперившейся вагантки, Клот Итчи.

– В январе я помогала вампирам-гаврикам из Адской Кухни драться с четырьмя демонами. Вампиры-гаврики и их друг вервольф тоже мне много чего рассказали, – гордо заявила я.

– Ты истинная вагантка. Уже по меньшей мере троих или четверых Мастеров обрела. Когда вагант готов – от Мастеров

отбоя нет.

– Значит, ты Охотник. И ты охотишься сейчас ещё и на Трёхглазую, так?

– Я не просто охочусь на Трёхглазую. Я один из тех, кто может управляться с Чёрной Водой. С порождениями Черноты, с теми, кто принадлежит стихии Воды и перешёл на Чёрную сторону. Моя стихия – Воздух.

– Стихия?

– Каждый Охотник ещё кроме всего прочего боевой маг. Только не совсем типичный, но особого сорта. У каждого Охотника – своя Стихия, как оружие-способность, направленная против врага противоположной стихии. Огненные Охотники уничтожают тварей Земли, Земляные – воздушных тварей, Воздушные – тварей воды, Водные – тварей огня. Это сложно объяснить на пальцах, это нужно показывать на примере магического боя, хотя бы тренировочного. Но я не могу сейчас провести с тобой магический бой.

– Правильно, не можешь, ты меня одним мизинцем уделаешь! Я же человек! – покачала я головой.

– Дело не в этом. Во-первых, мне сейчас лень учить тебя магии. Во-вторых, тут неподходящее место. В-третьих, у тебя сейчас неподходящее состояние. В-четвёртых, время тоже не подходящее. В-пятых – ты поняла уже – я ужасный, отвратительный наставник.

– В-шестых, я – человек! – повторила я настойчиво.

– Человек... – проговорил Грифон задумчиво. – Пожалуй,

да, я тебе сегодня слишком много рассказал. Уже начинаю жалеть, что я тут, видишь ли, разоткровенничался, спалился. Охотник ведь не говорит всем людям подряд, что он – Охотник, – Грифон тут демонстративно щёлкнул пальцами.

Я замерла. Это что, шутка? Он пристально посмотрел на меня. Под его взглядом стало неуютно. Я внутренне задёргалась.

Но это была шутка. Ибо он раскрыл карты:

– У меня чувство юмора тоже есть, от тебя набрался. Мастера часто сами украдкой учатся у своих вагантов.

– Я – человек, – проговорила я несмело. И доказала: – У меня никаких сверх способностей нет. Я не занимаюсь магией. Я родилась в обычной семье, а не в семье волшебников, не сиротой, не бастардом, не принцессой-бродягой в мире фэнтези. Если бы я была не-человеком – это бы по-другому проявлялось. Я бы чувствовала свою исключительность, потребность швыряться магическим током. Я бы чувствовала в себе этот магический ток!

– Ладно, убедила. Да, ты человек. – Шутит? Не понятно. Бесстрастное лицо. – Успокойся, человек. Мы с тобой коллеги, у нас не должно быть друг от друга секретов, вот такого принципа я придерживаюсь, поэтому я тебе всё это рассказал. Наш разговор только между нами, лады?

– Лады. Я никому не скажу, что ты Охотник, – я пожала протянутую руку.

– А ты и не сможешь, – Грифон снова пристально и даже

немного угрожающе посмотрел на меня.

Потом мы молча сидели, пили чай. Грифон сделал ещё чаю. Он проговорил, намекая на конец аудиенции:

– На сегодня хватит с тебя, вагант. Можешь отдохнуть.

Тогда я решила:

– А как быть, когда видишь того, кто владеет магией? И демонстрирует это? Начинает в тебя пулять магический ток?

– В этом случае я обычно вскидываю арбалет. Или просто делаю кое-какой неприличный жест рукой. Неприличный – не в плане матерный, а с неприличными последствиями по отношению к демонстрируемому и пуляемому, – ответил чёткий Рикардо.

– А если нет арбалета? И если ты – человек? И идёшь по улице, допустим, и видишь, как кто-то решил раздухариться, начал в тебя этот ток пулять?

– Как правило, представители Чёрной Стороны не духарятся так на людях. Они знают, что будут рано или поздно схвачены, наказаны. Они ведь тоже не в открытую вмешиваются в жизнь людей. Как правило, духарятся они, когда видят себе подобного, вызывают таким образом на рожон, – рассудительно разложил по полочкам Рикардо.

– То есть надо давать сдачи, тоже магически?

– А ты как думаешь? Тут, как и в случае человеческого поединка. Ты идёшь по улице, навстречу тебе братки, кулаками хрустят, ножи достают. Что ты будешь делать, драться, бежать или сдаваться?

– Смотри сколько братков и в каком я состоянии здоровья. И угрожают ли братки кому. Если угрожают – драться полюбому. Если просто вышли с численным превосходством – бежать. Сдаваться – только в том случае, если это входит в условия моей миссии, например, прикинуться жертвой или завербоваться к ним. Есть, правда, ещё один вариант – вступить в переговоры.

– Этот вариант с переговорами обожают использовать Охотники Воды, – вставил Грифон. – Хороший вариант, иногда прокатывает.

– И ещё один вопрос. Если у Томберов появились сильные маги, как нам быть?

– Я бы сказал – убить этих сильных магов с помощью Белых сильных магов, ведь ты называешь меня маньяком. Но у Охотников Воды стратегия тоже неплохая: перевербовать этих сильных магов от Томберов на Белую сторону.

– Понятно. Над этим надо подумать... – я встала. Потому что посмотрела на часы и сочла, что дальше оставаться здесь неприлично, Грифону наверняка надо поработать. Кого-то сжечь в крематории, например. Да и вообще, я тут засиделась.

Грифон тоже встал:

– Иногда нужно наоборот быть безумным и бездумным, отбросить мозги – они только мешают. Я подброшу тебя туда же, откуда взял. Буду последовательным маньяком, – пошутил он. С бесстрастным выражением лица, разумеется.

– Я не знаю, когда мы ещё сможем поговорить. Майло хочет дать мне миссию... – проговорила я, когда мы садились в катафалк.

– Я знаю, что у тебя за миссия, – внезапно раскрыл Грифон. – Он хочет подослать тебя дружить с одним мальчиком. Он тоже не-человек. Возможно даже ты его знаешь. Это Эдвард Симони.

– Карамба! – громадными глазами в очередной раз я изумлённо посмотрела на Рикардо. – Да, я его даже знаю и уже с ним дружу.

– Это прекрасно. Проактивный и весьма реактивный вариант.

В голове у меня всё бурлило. Она опять разболелась. Пришлось пить анальгетик, тайком от родителей. Родители вернулись, завтра уезжают на работу. Папа обмолвился, что на днях их зашлют в командировку аж за границу чуть ли не на неделю. Из-за нахлынувшего расследования это мне очень на руку!

Пета Кирия больше всего хотела стать наиболее приближённой к Трёхглазой, её «правой рукой». В глубине души Пета недолго любила выскочку Блэки, хотя внешне оставалась ей подругой и в бою готова положить за Блэки жизнь. Подобно сестре, а все Русалки между собой сёстры, Пета одновременно и завидовала Блэки чёрной завистью, и любила

общение с ней.

Сегодня Пета дала выхлоп раздражению, когда осталась наедине с бесстрастной Лексаэллой Тайрус, русалкой Льда.

– Блэки снова выехала на своём, – негодовала Пета. – Да же Рина называет её умницей-разумницей. Я одного не понимаю – почему у Королевы этой выпендрёжнице всё сходит с рук?! Блэки поставила нас всех под удар, проштрафилась, мы теперь привлекли излишнее внимание Паука – а с неё как с гуся вода!

– Наша Королева никого не выделяет. Мы все равны перед ней. Тебе пора успокоиться и перестать задаваться, глубже и ниже хвостового плавника не нырнёшь, – мудро и рассудительно, а точнее бесстрастно и холодно, как и всегда, отреагировала Лексаэлла.

– И вся эта затея с Августой. Мне это всё не нравится. От Августы проблем, пожалуй, побольше, чем от Блэки будет – Блэки-то хоть своя, она всегда может остепениться, – переключилась тут же Пета и признала: – Я хотела поговорить с тобой об этой демонше. Узнать твоё мнение, Лексаэлла. Про неё ведь сначала вызнали эти доходяги-неудачники Корим и Зиги без нашего ведома. Не согласовали с нами её вызов, а перед фактом нашу Королеву поставили. И Королева вдруг согласилась, дала добро, мол, вызывайте. А теперь хлопот не оберёшься от этой бесовки недоделанной.

– У нашей Королевы свои планы на Августу. А все планы нашей Королевы направлены на наше благо. Поэтому мы

будем помогать Королеве, – безапелляционно заявила Лексаэлла спокойным ледяным тоном.

– Это даже не обсуждается, Лексаэлла, – кивнула Пета и в убедительно-красноречивом жесте всплеснула артистичными руками. – Я не сомневаюсь в выбранном курсе и стратегии Королевы. Но Августа не способна оправдать наши ожидания. И ожидания Королевы. Ты же в курсе, что вытворяет эта бесовка. То, что она – огонь – под контролем у нас и мы можем ею управлять, что она наша работница – ей наплевать. Она творит что хочет. За ней присматривает Блэки. Но Блэки либо одна не справляется и идёт на поводу у Августы, либо сама имеет цели и делает с помощью Августы всё так, чтобы в очередной раз выслужиться перед Королевой! Мол, все средства хороши, достигну-ка я цели в обход начальства, но чтобы начальство было по итогу довольным.

Пета подошла порывисто к подруге-сестре Лексаэлле и схватила её за холодный локоть, заглядывая в льдистые глаза:

– Мы должны вмешаться. Мы должны доложить Королеве, раз Блэки пока не доносит, а Королева не всё и не всегда может увидеть в Шаре.

Лексаэлла нахмурилась. Она скрестила руки на груди, но отдёргивать и отстранять призывающую к действиям руку подруги Петы не стала. Пета продолжала увещевать:

– Я ещё не говорила с Риной. Но я уверена – Рина поддержит. То, что Августа заставляет проводить обряды посвяще-

ния в Томберы в массовых количествах, и это в любой момент привлечёт внимание Охотников – цветочки. Главное, что устраивает эта девка по собственной глупости – не вписывается ни в какие ворота! Она пытается манипулировать Королевой, играет в игры у неё за спиной. Королева ей всё спускает с рук только по той причине, что Августа за последние тридцать лет тесно общалась с Солсо. Королева надеется, что с помощью Августы она вернёт Солсо. Возможно, я скажу крамольную вещь, Лексаэлла, но будь я на месте Королевы – я бы искала другой способ вернуть возлюбленного, чем якшаться с этой молокосоской.

– Твоя антипатия к Августе обусловлена конфликтом из-за Зелёного Червя. Правда у каждого своя. Наша Королева мудра и дальновидна. Она знает что делает. Но я согласна с тобой, Августа злоупотребляет милостями нашей Королевы. Если Августа не одумается – Королева разберётся с ней.

– Я сама разберусь с ней, – проскрежетала Пета, сжимая кулаки. – Я сейчас не выдержу и запою.

– И разрушишь мои чертоги. Будешь платить штраф, – прошипела Лексаэлла. – У меня в гостях петь тебе запрещено, Пета.

– Знаю, извини, подружка, – выдохнула Пета.

Её голос может разрушать пространство, повергая молекулы в хаос и разрушая души до основания. По этой причине Пета должна себя сдерживать, чтоб ненароком не испортить подругам их убежища и мебель. Немного остыв, Пета

прошипела:

– Зелёного Червя надо было изначально устранить. Он типичный Белый. Он любит убивать и бахвалиться своей силой – но рано или поздно она обернётся против нас. Мы змею у себя на груди пригрели.

– Августа мыслила стратегически, решив оставить Зелёного Червя при себе, – усмехнулась чуть заметно Лексаэлла. – В его лице мы получили сильного бойца.

– Зелёный Червь – не тот случай, когда надо сохранить его жизнь, чтобы переманивать на нашу сторону. В один прекрасный момент соломинка переломит хребет верблюда, и он нас предаст, – покачала головой Пета. – Но дело не в Черве, как ты понимаешь, Лексаэлла, а в моём ущемлённом самолюбии. Меня больше всего бесит, что Августа – эта молодкососка, эта вшивая девка-подросток – диктует мне – высшей Русалке – что мне делать и что я должна слушать, что она решила!

– Пета, Августа не дура. Сам Солсо учил её на протяжении более тридцати лет. А если учесть, что в Инферно течение времени сильно замедленно – я бы сказала – на протяжении почти трёхсот или трёх тысяч лет. Он бы не стал брать в ученики дур и так долго возиться с ними. Августа – важная стратегическая инвестиция. Пора бы тебе принять и начать уважать выбор Королевы. И ты ошибаешься, если думаешь, что Блэки с ней не справляется. Справляется она прекрасно.

Пета лишь поджала губы. Лексаэлле Пета считала самой

лучшей подругой из всех сестёр – и та её не совсем понимала! Пете оставалось только предпринять выбор и решение, как поступить. Смириться с выбором Королевы, терпеть Августу или действовать в одиночку против демонши. Пете не нравилась эта демонша. И Пета решила сделать всё что угодно, лишь бы убить Августу. Устранить это бельмо в глазу любыми способами. Иначе Августа навлечёт бед на Русалок.

Ах, моя милая Августина...

Сегодня семь уроков, третьим – физкультура. Седьмым – биология, но я с удивлением вижу, как на доске с листочком замен значится напротив нашего класса – «Домой». Это означает, что биологии не будет, нас отпустили. Что же случилось с Мод? Я же как раз недавно видела её на Базе, Мод здорова, бодра, не могла же она заболеть?

Наш класс возрадовался такому подарку, как шесть уроков вместо семи. Все первые два урока слышался слушок по всему классу: «Слышал? Слышала? Биоложки не будет, ура!». А я расстроилась. У меня было о чём поговорить с Мод.

– Итчи, ты слышала, биоложки не будет? Впрочем, ты наверняка не только слышала, но и сама это подстроила! Уговорила Дарксон не приходить, отпустить нас на волюшку вольную! Вы же с ней в сговоре, – хихикал Коган.

Я еле удержалась, чтоб не дать ему подзатыльник – вместо этого увесисто ткнула его в бок:

– Заткнись, Коган!

– А-а-а, конспирация! Ладно, я понял, не буду тебя ком-прометировать! Короче, ставлю тебя перед фактом в последний раз, ультиматум, да, Итчи! В пятницу мы тебя ждём! Не придёшь – мы сами к тебе придём! – Коган шутливо-угрожающе помаячил указательным пальцем у меня под носом. Потом заговорил совсем ласково, зашептал аки возлюбленный на ушко: – Ты пойми, Итчи, Джиллс – он очень хочет тебя. Видеть, в смысле, нет, ты не подумай, он Салли не изменяет! Он обидится, если ты не придёшь. А я не хочу, чтобы Джиллс обижался. Итак, ты спасёшь Джиллса от депрессии? Ты, великая спасительница всех Итчи?

Коган заискивающе посмотрел на меня громадными глазами.

Я совсем не против компании Когана и Джиллса и остальных ребят из шайки, но идти на вечеринку в пятницу я согласия не давала ещё вчера. А тут он привязался как клещ! Спасла положение госпожа Серджион. Она коброй зашипела на Когана:

– Тимоти! Между прочим, урок начался. Не отвлекай Клотильду, расскажу!

– Разлучат влюблённых! – пошутила Салли. Коган показал ей секир-башку, проведя ребром ладони по шее, я улыбнулась – смеяться громко неприлично, урок начался.

– Там все наши будут. Это хата Джиллса. Всё прилично, чинно, благородно. А если чудо случится, и ты притащишь с собой Ривела и Рыжую – так вообще цены вам не будет, станете гвоздём программы! Ты многое пропустишь, если будешь ерепениться! – не отставал Коган, когда Серджион на минуточку отошла в коридор.

Я умоляюще закатила глаза.

– Коган, дай подумать.

– Не дам! Ты должна сказать «да». Мы уже всё подумали и решили за тебя!

Коган бывает невыносим. Это он делает из принципа. Движим он благородными целями – вытащить человека из болота, из зоны комфорта. Серджион снова вошла и неодобрительно зыркнула на Когана. Когда прозвенел звонок, я чопорно задрала нос и заметила Когану:

– По крайней мере, до пятницы ещё надо дожить.

– Ах да, твои дела, твои заботы, я всё понял. Пойду передам Джиллсу, что ты придёшь, пока-пока! – Коган убежал. Я вздохнула и принялась собирать портфель.

Нужно ещё сходить вниз, в раздевалку, где куртки – там у меня висит пакет со сменкой. Ведь третьим уроком физкультура. Как же я не люблю физкультуру в школе!

Да, парадокс. Умею драться с бандитами, лазить по заборам, стрелять, владею приёмами единоборств, пытаюсь добиться от наставников, чтобы меня научили убивать людей – а на физкультуре полный лох. Особенно когда дело касалось

игр с мячами. Я так и не поборолась за два с половиной года неуклюжесть, внутреннюю неуверенность, ступор и подсознательные тараканы. В школе на физкультуре я превращаюсь в неуклюжую неудачницу. Да, вот такой я оборотень. Наш общий с Роджером друг, оборотень Йэн Гудинг, умеет превращаться в страшного мохнатого монстра. А я – в неуклюжую неудачницу. Очень смешно.

Стайка наших девчонок, журча, сплетничая, повизгивая и глупо хихикая, спустилась в подвальчик, вошла в своё отделение, а мальчишки – в своё. Я пребывала в недовольстве, что вот опять физкультура, что настырный Коган пристаёт, что не хочу идти на вечеринку, а с другой стороны надо бы сходить, чтобы не обижать ребят. А с третьей стороны, зачем мне туда идти, у меня же секретная миссия, мне надо ловить Томберов!

Сходила в буфет, оттягивая неприятную необходимость переодеться в форму. В раздевалке оставались только Салли, Нэнси и Таиссия. Остальные девчонки толпились уже у входа в спортзал в откровенно обтягивающих маечках и коротеньких шортиках. Кто во что горазд перешучивались банальными шуточками ниже пояса с ватагой мальчишек в мешковатых футболках и шортах.

Салли, Нэнси и Таиссия без умолку щебетали, на меня ноль внимания, когда я тихо и по-быстрому принялась переодеться в уголке. Я скромная серая мышь, все это знают. Кроме Салли – она видела меня «в деле» и сама участвовала

в спасении школы от преступной группировки, сражаясь бок о бок с Джиллсом. Но Салли умеет держать язык за зубами. Во многом благодаря этому качеству она с Джиллсом до сих пор и гуляет. Нэнси и Таиссия же воспринимали меня как аутсайдера. В целом они хорошие девочки, но мы никогда не сближались. Я уже почти закончила переодевания, до звонка секунд сорок, может, уже тридцать, как кто-то вырубил свет.

Салли и Нэнси в притворном ужасе завизжали, за дверью послышался мужской гогот. Таиссия возбуждённо и притворно злобно выскочила за дверь, ругаясь:

– Ну ё-моё, уже мужчины, а как будто в детском садике!

Следом за Таиссией вышли Салли и Нэнси, продолжая игнорировать меня. Мне показалось, что я плохо застегнула рюкзак, и я принялась проверять молнию. Вдруг дверь в раздевалку плотно закрылась. Я услышала звук закрываемой защёлки.

Это неожиданно – оказаться в темноте, запертой в раздевалке. Раздался звонок. Конечно, я не стала в панике вскакивать, орать и барабанить в дверь. Это глупо, да и клаустрофобией я не страдаю.

Вскоре вокруг образовалась тишина. Лишь отдалённо, если приложить ухо к двери, можно услышать голоса одноклассников. Они столпились у спортзала. Что это за шутка, и чья? Это что, Коган, решил так меня шантажировать, чтоб я согласилась прийти на вечеринку?! Ну я ему устрою!

Снова я оказалась жертвой ловушки закона подлости. Ко-

гда ты не берёшь изодов и оружия – случается спецзадание! А то было бы прикольно использовать сейчас Иглу Демосуа – приспособление для открывания дверей, выйти наружу и посмотреть на лицо шутника, которое бы вытянулось от удивления – как это, мол, я вышла?

Никто не приходил. Училка меня не искала, одноклассники не всполошились. Хоть бы Коган всполошился! И тут до меня доходит что Коган вряд ли мог меня запереть. Он стабильно прогуливал физру, придумал липовую справку-освобождение, потому что считал физру пустой тратой времени. И в это время, пока шла физра, он либо курил в курилке, либо обжимался с Фэрри.

И вот я так сидела и сидела пять минут, десять. А на двадцатой минуте почувствовала, как у меня болит голова. Просто, без причины. Я полезла на ощупь в рюкзак за соком, завидуя Эдварду. Он говорил, что может видеть в темноте.

Августа поднялась по ступенькам в тот момент, когда класс уже заходил в спортзал. Преподавательница строго проверяла, чтобы все были в подходящей обуви. Августа села на место освобождённых. Когда учительница спросила её, что с ней, она ответила:

– У меня сильно болит голова. Я только что приняла таблетку. Могу я позаниматься после уроков или в любой другой день, когда голова пройдёт?

– Что ты, Клотильда! – взволновалась учительница. – Может, тебе лучше совсем пойти домой?

– Нет-нет, всё будет нормально! – заверила Августа учительницу. – Вы не могли бы только закрыть эту дверь? Так дует... – она смотрела прямо в глаза женщине и говорила искренним голосом.

– Конечно! Да, она открывается постоянно от сквозняков. Ключ пусть будет у тебя – вдруг постучится завуч, откроешь.

– Спасибо, – она изнутри заперла предбанник спортзала и сам спортзал, где занимался класс Клотильды. И торжественно улыбнулась. Хотя, эта предосторожность ей показалась излишней: птичка вряд ли выберется из клетки и уж тем более вряд ли придёт сюда.

А ещё Августа порадовалась, что сегодня в школе нет этой гнусной Охотницы Земли. Из-за Мод Дарксон у Августины могли быть проблемы.

Голова болела. Урок всё шёл. Как назло, я забыла анальгетик дома. У меня часто в последнее время болит голова. Вчера – понятно, Грифон взрывал мозг, да и накануне мы с Эдвардом зализывали раны и спали всего часа три. Но а сегодня что?! Я выпила весь сок, стала нетерпеливо ждать, когда закончится урок, чтобы попросить у Салли или Нэнси таблетку – у них наверняка есть.

Минуты до окончания урока тянулись медленно. Мне по-

везло, что я не студент – у них пары по полтора часа, и пришлось бы ждать дольше. Сколько прошло с момента звонка? В темноте на часы не посмотреть, а мобильник мой без подсветки. Может, у кого из одноклассниц есть часы с подсветкой или мобильники в рюкзаках, но не буду же я шарить по чужим сумкам, я же не какой-нибудь вор?!

При воспоминании о ворах я подумала об Антонио Тенбруке Он же Удав, новый коллега из Танреса, агент 015. Вот кто без проблем бы начал шарить по сумкам, чтобы найти анальгетик или посмотреть время! Абсолютно беспардонный тип. Но я его обожаю. Тут я вспомнила, что не писала ему уже дня три. Или больше?

С трудом дотерпела. Раздевалку открыли.

И получилась такая ирония, когда моя репутация «невидимки» сыграла в очередной раз. И на этот раз – против меня! Меня не заметили! Никому даже в голову не пришло, что я тут сидела взаперти весь урок! Первыми вошли, увлечённо щебеча, Салли, Таиссия и Нэнси. Я вздохнула и начала переодеваться обратно в обычную одежду – теперь, когда включили свет, я могла увидеть всё и не рисковать надеть джинсы наизнанку.

Мне не выжить оставшиеся три урока. Что там? Алгебра, география, химия. Седьмой – отменённая биология. На алгебре контрольная. Плевать. Я собрала вещи, обратилась к Нэнси – мне пришлось потеревить её за локоть:

– Нэнси, я ухожу по поводу плохого самочувствия. Пре-

дупредишь учителей, если будут спрашивать, ладно?

– Конечно, Клотильда, только два раза мне зачем об том говорить? Склероз, что ли? – она посмотрела на меня как на сумасшедшую.

Я ничего не поняла.

– У меня жутко болит голова, – объяснила я.

– Тогда понятно. Выздоровливай. Таблетку, может, дать?

– Нет, спасибо. Я обойдусь. Пока, – я решила, что Нэнси немножко не в себе, и поэтому лучше не брать у неё сейчас таблетку. Непонятный конфуз вышел.

В гардеробе взяла куртку с шапкой и шарфом. И побрела на выход. Во дворе курили Коган, Джиллс и Вайл. Я хотела прошмыгнуть мимо банды и пожелала, чтобы меня проигнорировали так же как девчонки. Но на мальчишек моя невидимость не распространяется.

– Куда опять пошла? – гаркнул Коган, словив меня как натуралист сачком бабочку. Он цепкими пальцами зацепил меня за куртку. Пришлось остановиться.

Большой верзила Джиллс, косая сажень в плечах, добродушно улыбнулся:

– Наверное, наводить марафет к пятнице. Итчи у нас пунктуальная, всё делает сильно заранее! Забыла что ли что, Кло-Кло? – У Джиллса обнаружилась недавно милая манера называть меня Кло-Кло. Но к чему относится его удивлённый вопрос о том, что я что-то забыла?

– Итчи не забыла, Итчи чудит, Итчи хороша и без мара-

фета. Скорее всего, она побежала разгрести домашку, чтоб освободить для тебя вечер пятницы, Жабры, – поддакнул худющий как скелет и длинный как жердь Вайл, несостоявшийся кавалер Джейн. А Жабры – это кличка Джиллса. – А сейчас Итчи продефилировала перед нами второй раз, чтобы снова покрасоваться.

– Да, Итчи нам сейчас подтвердит, что она придёт, верно? – Коган требовательно заглянул мне в глаза.

– Я тебя очень жду, говорю тебе это опять и снова, – Джиллс бухнул мне лапищу на плечищу. Это отозвалось в голове взрывом боли.

Они втроём обступили меня как гоп-стопщики. Пару лет назад они были не такими большими, вымахали здорово. Я оказалась как между трёх огней. Моя больная голова не позволила остроумно им отвечать. И вдруг Коган такой говорит, тихо-тихо:

– Ты лучше колись, чё за фокус сейчас у тебя был?

– Фокус?

– Ну да, ты ж минут пять назад точно также мимо нас шла. Мы тебе ещё вслед пели – «Итчи, Итчи, юбочка из ситца!». И свистели! И на тебя лоси-бугаи из класса Локуста знаешь как смотрели? Как на секс-бомбу, вот!

– Я полагаю, Итчи зашла в школу с чёрного хода и вышла снова, – встрял Вайл.

– Вообще, прикольный прикол, – кивнул Джиллс.

Я хлопала глазами и смотрела на одного, второго и тре-

тьего, находясь не только в абсолютном окружении но и абсолютном непонимании происходящего.

– Что вам сбрендило в голову? У меня дико болит голова, оставьте больную женщину в покое! – я попыталась обратить всё в шутку и начала мягко раздвигать руками Джиллса и Вайла, чтобы проскочить между ними.

– Мы оставим, но ты нам скажи «да», – стоял на своём Коган. – Скажи ещё раз!

– Да, она уже говорила «да», но Коган... то есть босс хочет ещё раз от тебя услышать «да», коли мы видим тебя ещё раз, – расшифровал Джиллс.

– Да, да, да, я на всё согласна! У вас есть анальгетик? Я душу за него продам! – я с мольбой посмотрела на своих школьных друзей.

– Анальгетик? У меня есть сигаретка.

– И у меня сигаретка.

– И у меня. А ещё у меня есть...

– Молчи, придурок!

Шиканье. Тычки. Мой вздох. Они мне не дадут анальгетик, потому что у них нет. Джиллс торжествует зато:

– Мы ждём тебя в пятницу.

– Во сколько?

– Так мы же тебе сказали, во сколько.

– Скажите ещё раз. У меня голова болит! У меня склероз! Я когда-нибудь вам припомню эти пытки! – устало выдохнула я.

– Начинаем в семь. Но ты можешь прийти во сколько угодно. Главное – приходи. А не придёшь... – Джиллс угрожающе надвинулся на меня. В шутку, естественно.

– Ладно, давай отпустим её, Итчи и правда совсем плохая, – миролюбиво отстранил его Коган.

А Вайл – этот джентльмен, первым спохватился:

– Давай я тебя провожу, может?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда, может, я тебя провожу? Ты только не подумай, что я Салли изменяю, но раз у тебя голова болит, проводить тебя дело чести! – неуклюже пошутил Джиллс.

Я снова отрицательно покачала головой.

– Ты хочешь, чтобы тебя проводил босс? – изумились ребята. – Коган, пойдём вместе провожать Итчи!

– Когану нельзя прогуливать алгебру. Кстати, ты уже опоздал, звонок звенит.

Коган ахнул и дёрнулся, было, в сторону здания школы. Но в нерешительности застыл и посмотрел на меня виновато. Они втроём почувствовали угрызения совести, что у них нет анальгетика. Простые, свойские парни. Я еле отвязалась от них и побрела восвояси.

Моя головная боль затмила разум, я не помню как вернулась домой. Лишь к вечеру смогла прийти в себя и сделала часть уроков. У меня не оставалось времени подумать, что сегодня со мной произошло в школе. Меня заперли в раздевалке, а потом Коган, Джиллс и Вайл вели себя странно. Но

мальчишки могли прикалываться. И то, что меня заперли в раздевалке – тоже прикол, либо недоразумение.

Вечером мне позвонил Эдвард. Он был в раздрае, судя по голосу. Настаивал на встрече. Я предложила приехать к нему, но он возразил, что это свинство с его стороны заставлять меня так далеко ехать, и он сам приедет. Я стала настаивать, чтобы мы встретились где-нибудь в центре, но Эдди прогнул своё предложение, что он приедет в мой район. В итоге мы с ним встретились в кафе «Лимон».

Это кафе недалеко от улицы, где находится моя школа, давно я, Пит и Джейн считали родным. Нет, мы не выкупили тут долю в бизнесе, но здесь проходила львиная доля наших посиделок. Здесь мы время от времени знакомились с новыми людьми. Кафе мне нравилось тем, что оно сравнительно безлюдное. Можно сесть за дальний столик и тихо поговорить. Бармен и официанты совершенно ненавязчивы, тем более меня тут знают.

Когда Эдди доехал, часы показывали почти десять вечера. Я поняла, что встреча будет недолгой – во-первых кафе закрывается, во-вторых, Эдди почти полтора часа ехать назад через весь город. Что же побудило его вызвать меня на разговор? По телефону его голос звучал взбудоражено. Сейчас же, когда мы встретились, Эдди взбудораженным не выглядел. Такой же бодренький, хоть и собранный. Пока мы шли до кафе, Эдди конспирации ради болтал обо всяких пустяках. Когда мы уселись, он некоторое время пригляделся к

окружению, вычисляя, не подслушивает ли кто. И лишь когда нам принесли чай с пирожными, он подсел ко мне поближе и заговорил тихо:

– Ты была права. Как сквозь воду глядела. Этот тип, с кладбища – он ухлёстывает за Мрией. Это он её обратил. Зелёный Червь. Я сегодня убить его хотел. Повезло гаду!

– Эдвард, давай по порядку. Тихо, спокойно. Убивать никого не надо. Это не эффективно. Сначала надо всё выяснить.

– Поймать, чтоб пытать! Поддерживаю, – энергично закивал Эдвард. – Если по порядку, то я сегодня прогулял школу.

Так. Не только у меня сегодня со школой сплошные недо-разумения. Вот он, мой товарищ по несчастью! Братан.

– Я прогулял школу не потому что мне захотелось развлечься. Я решил охранять Мрию. Следить за ней. Я пошёл к её школе и решил подкараулить её после уроков. Чтобы про-водить. Придумал легенду, мол, что я в её краях, её встре-тил. То есть решил с ней начать вступать в контакт, как мы с тобой обговорили. И вот я, значит, маячу около её школы. Или маньячу, ага. А тут вижу – идёт этот Червь. Я сначала глазам не поверил. Как это он так в открытую ходит по ули-це, среди людей, это чудище!?

– Внешне он совсем не чудище, обычный молодой чело-век. Грубоватый, неотёсанный, но крыльев, рогов и копыт-то у него нет! – объяснила я.

– Ага, нет. Демоны крылья, рога и копыта прячут под мо-

роком. Наводят морок, навет, и никто ничего не видит. Как будто ты фильмы жанра «сверхъестественное» не смотрела! Он меня сразу увидел. Встал с другой стороны, стоит, ухмыляется. Мне бы подойти к нему, побить. А я понимаю – тут люди ходят, детишки. Школа же! Нельзя же так вот при свидетелях устраивать мордобой?!

– Правильно, нельзя, – киваю.

– Потом подошло время шестого урока. Он, смотрю, двигается ближе к школьным дверям. Выходят дети, их встречают родители, дети постарше, Мрия. И тут происходит нечто! На моих глазах! Я в осадок впал! Просто чтобы это понять – тебе нужно знать Мрию. Насколько это скромное, чистое, робкое, невинное существо. Утончённая девушка, такая тихая. А тут – такое!

– Что – такое?!

– Она бросилась к нему на шею. Он стоит, обнимает её, облапал всю, как пиявка, а сам поверх головы смотрит на меня и ухмыляется. Он её так держал минут десять наверное! А она словно под гипнозом! Потом они наконец отлипли друг от друга, и пошли. Идут по улице, она ему что-то говорит восторженно. Влюблённая пара! Ты знаешь, какой контраст. Мрия – она... у тебя рост какой?

– Сто семьдесят три.

– У меня сто семьдесят пять. В общем, Мрия небольшого роста, у неё сто шестьдесят с хвостиком. А этого громилу ты видела. Я это к тому, что я смотрю на него и понимаю –

весовая категория у него ого-го. Диву даюсь, как ты на него налетела, что он потерял равновесие.

– Мне повезло. Эффект неожиданности. Но в следующий миг, как ты помнишь, он меня отправил в нокаут валяться на могилках. Он чертовски силён.

– Я вот ещё о чём. Мрия красива. Сегодня – особенно. Она для него нарядилась, для этого чудовища! Она редко когда носила юбки – а тут в юбочке коротковатой, колготочках, курточке, и без шапки, распустила волосы. Ещё она была накрашена – а до этого никогда не красилась! Так и хотелось заорать на неё – ты что творишь, у тебя дядя меньше недели назад как умер! Я думал – убью обоих.

– Ревность, Эдди.

– Да никакая это не ревность, шут с тобой! Мрия в опасности, а я сделать ничего не могу. Я шёл за ними по пятам, кулаки сжимались. Не мог и позвать кого на помощь. К полицейскому же ты не обратишься, он тебя первого в дурку отправит? Мол, господин полицейский, хватайте вон того парня, он на кладбище ночь назад меня с подружкой чуть не поджарил какой-то хренью, а сейчас он мою девушку умыкнёт фиг знает куда!

– Куда они шли, ты выследил?

– И вот, они идут, этот урод постоянно озирается на меня, ухмыляется. Мрия явно под воздействием. Они потом спустились в метро и случилось прискорбное. Я их потерял. Метро, там толпа такая, сама понимаешь! – Эдди расстроен-

но уставился в уже давным-давно выпитую чашку.

Я попросила официанта подлить ему кипятка. Эдди настолько глубоко пребывал в себе, что не обратил на это внимание.

– Послушай, Эдди. – Я положила ему руку на плечо и вдруг осознала, что в этот момент я смахиваю на своего начальника – Майло. – Тебе нужно убрать эмоции. Постараться мыслить хладнокровно. Отстраниться. Зелёный Червь играет на твоём слабом месте – на твоих чувствах к Мрии. На том, что ты бесишься.

– Я понимаю это, – прошептал Эдвард. – Спасибо, что выслушала. В общем, я теперь ловлю момент, когда снова Мрия будет дома, чтобы поговорить с ней. Я больше всего боюсь, что она полностью в его власти и не сможет адекватно реагировать.

– Эдди, если она ходит в школу, а значит, социализируется, находится большую часть дня в обществе, и общество пока не забило тревогу – значит, пока всё в порядке, – попыталась я успокоить товарища. – Я понимаю, каково тебе. Со мной творилось то же самое, когда я понимала, что Пита охмуривают, а при этом сама я тоже поделаться ничего не могла.

– И как ты тогда вышла из этой ситуации? – в надежде посмотрел на меня Эдди.

– Мне помогли друзья. Я была не одна. Эдвард, я с тобой. Попробуй сделать то, что задумал – дождись, когда Мрия бу-

дет у себя дома. Напросись в гости, сам пригласи её. Подключи своих или её родителей. Скажи, например, такую идею своим родителям – мол, у Мрии умер дядя, её надо поддерживать.

– Мрия толком с этим дядей не общалась, – вздохнул Эдвард. – Её отец и её этот дядя вообще были в давнем конфликте. Они чисто формально поддерживали родственные отношения, не более. Возможно, по этой причине Мрии по большому счёту пофиг, что дядя умер, то есть она ведёт себя так, как ни в чём не бывало. Я не имею права её осуждать.

– Ты имеешь права на любые мысли. Но ты можешь их выбирать, управлять ими – в твоих силах, – я мягко пожала ему руку.

Эдди просветлел. И признался неожиданно:

– Спасибо. Ты моя самая лучшая подруга!

Я отшатнулась:

– Мы знакомы третий день. Я тебя третий раз в жизни вижу и уже подруга?! Не похоже, чтобы ты так неразборчив в связях!

– О, поверь мне, я очень разборчив. Я тебя хорошо чую, – Эдди загадочно улыбнулся. Хитро. Простодушно. И крепко пожал мне руку в ответ.

Вся грусть-печаль и раздрай слетели с него мигом.

– Твоё плечо такое надёжное, – проговорил он с чувством. – Выпью за тебя этот чай! Заговариваю этот чай на то, чтобы у тебя всё удалось!

– При чём тут я? Я же хочу помогать тебе, помогать Мрие. Пусть у вас всё удастся.

– Ты знаешь, ты права насчёт слабости. Вся это любовь-морковь – большая слабость. В Мрию я не влюблён, я это уже говорил. Но меня держит чувство долга, чувство ответственности. Всё-таки она моя соседка. Мы в ответе за тех, кого мы присоседили. Знаешь ли, случайностей нет. Все наши соседи даны нам для чего-то, то есть мы сами их притянули в свою жизнь.

Я потрясённо взглянула на Эдди. Так и хотелось спросить, не родственник ли он Майло Стивитзу? Например, не брат-близнец ли ему? Вместо этих расспросов я подала идею:

– Попробуй, если Мрия в адеквате, осторожно поговорить о Зелёном Черве. Попроси под любым предлогом рассказать, как его зовут на самом деле, где он учится, где он бывает, а ещё лучше – где он живёт.

– Сделаю, я сам планирую придумать этот предлог-легенду. Вот только бы она вернулась домой.

Эдди поехал домой. Всё зависит от него – разговорит он Мрию или нет. То, что мы знаем о Зелёном Черве – слишком мало. Нужно больше информации, чтобы начать копать. А зная больше о Черве, можно выйти на те места, где может находиться Масочник. И направить туда облаву моих коллег.

Аманда с нетерпением ожидала возвращения Мод. Та се-

годня ездила в город Жюв. Мод разыскала там потомка орденна Истребителей демонов, лично знавшего Феоктисту. Разговор с этим человеком был важен. Именно поэтому Мод пропустила занятия в школе. У одиннадцатого класса в результате не было «биоложки».

Аманда восстановила в памяти ещё раз обстоятельства гибели Дункалса. Его убили почти неделю назад, а подробностей кот наплакал. Скорпион с помощью Шакалов провёл магический акт по идентификации Белёсого Следа и выявил, что русалки отобрали у Дункалса не что-нибудь, а Ключ от опасного Измерения – Инферно. Но крайне важно выяснить, как Ключ мог попасть к Лиму, а также получить информацию об остальных Ключах. Аманда решила действовать на опережение. О том, что уже велась работа и переговоры с Трёхглазой по поводу возвращения Ключа, Аманда, конечно же, знала.

Мод вернулась из Жюва далеко за полночь. Несмотря на то, что Аманда уже буквально сгорала от нетерпения, она настояла, чтобы подруга приняла душ и выпила кофе с дороги. Через несколько минут женщины встретились на тёмной Рецепции, освещённой редкими лампочками.

– Я съездила удачно, – Мод вздохнула: – Если, конечно, можно это назвать «удачей» в свете произошедших событий. Мне удалось поговорить со старым рыцарем, господином Чаром. Кроме Феоктисты, у нас обнаружили ещё общие знакомые, мир тесен.

У Феоктисты два внука от её сына. Сын её не понимал никогда, он заклятый материалист. Феоктисту он принимал за сумасшедшую. И точно также – старший внук. Младший внук Лим был «изгоем» в семье, и в детстве часто убегал к бабушке. У Феоктисты и Лима было полное взаимопонимание. Когда Феоктиста была жива и я общалась с ней – я про второго, старшего внука ничего не слышала: Феоктиста заслуженно всю любовь отдавала младшему, Лиму.

У нас, Истребителей Демонов, Предназначение и Метка проявляются хаотично в разрезе наследования. Если у меня будут дети – не факт, что они унаследуют мою Метку. И дети их детей тоже могут не унаследовать. Но в ком-то особо избранном Метка как раз проявляется. Мы все – Истребители Демонов – происходим от одной семейной пары. Они жили ещё на заре Средневековья. И господин Чар, Феоктиста, Лим – мои родственники, правда очень дальние.

У Охотников не принято поддерживать привязанности, поэтому мы считаем друг друга соратниками, называем друг друга братьями и сёстрами, но никогда не будем считать, что мы друг другу обязаны, потому что родственники. Наш рыцарский Орден построен на кровных узах, наша кровь – она особенная. И таких как я и господин Чар, то есть те, кто знают, что они – Охотники, мало, к сожалению. Поскольку мы скрываемся, придерживаемся конфиденциальности, чтобы своих не ставить под удар, мы время от времени теряем связь со своими же, с наследниками, с теми, кому нужно рас-

крыть глаза, помочь их обучать. Смерть Лима – на моей совести.

Мод опустила глаза. Аманда предупредительно положила ладонь на руку подруги и внимательно посмотрела на неё:

– Не надо. А то тебе придётся вступить в поединок с Грифоном и Скорпионом за право считать, на чьей совести смерть Лима. Они уже почти неделю посыпают голову пеплом и бьют себя в грудь, доказывая мне, что это их зона ответственности, они проштрафились. А я говорю – нет, нет и ещё раз нет. Смерть Лима – вызов врагов. И они заплатят за это. Мы не можем постоянно знать, где подстелить соломку, мы не боги. Лучше расскажи про артефакт, знает ли господин Чар, как такой артефакт мог попасть к Феоктисте?

Ещё накануне Аманда, Рикардо, Майло и Мод вывели предположение. Если Лим не знал, что он – Охотник, то он не знал, что за вещь у него была. А если эта такая серьёзная вещь – значит, кто-то мог ему её дать, тот, кто знал. Например, Феоктиста. И Мод сегодня и ездила в Жюв, чтобы подтвердить это предположение.

– Конечно, господин Чар знает мало, но он умный человек. Он гораздо опытнее меня, и мне жаль, что мы познакомились только сегодня. Узнай я его раньше – я бы смогла многому научиться.

– Все встречи происходят в срок, все наставники являются в срок, – мудро заметила Аманда.

– Господин Чар считает, что Феоктиста не подозревала,

что это за артефакт. Ей мог передать её дедушка или бабушка. Вещь передаётся из поколения в поколение. Украшение, семейная реликвия. Господин Чар дал понять, что в этот раз Ключи будут в форме этих семейных реликвий. И что они брошены в те семьи, которые ведут непрерывную династию из глубин веков, где сохраняется преемственность между потомками и предками. Например, старинные рыцарские ордена, вроде нашего.

– Украшения. Это интересное замечание. Когда Скорпион провёл глубинную расшифровку Белёсого Следа, он увидел подвеску на диадему, элемент обруча или короны, нечто похожее на металл, с цветами, вензелями. Второй и Третий Ключи в этот раз тоже будут украшениями, это закономерно, – кивнула Аманда задумчиво.

– Господин Чар тоже говорил, что смерть Лима не моя ошибка, а скорее ошибка Феоктисты. Феоктиста не раскрыла Лиму, кто он такой, и кто она сама, раз Лим жил среди людей как обыватель. Это странно, ведь когда Феоктиста умирала, Лиму было уже двадцать. Возраст не ваганта – а подмастерья, даже молодого мастера. С другой стороны, взаимоотношения с двумя внуками, с сыном всё объясняют. Феоктиста могла не сообщать Лиму, чтобы не подвергнуть его опасности быть ещё большим изгоем. Или чтобы он сам её не отверг в неверии. Ещё Чар считает, что Ключи будут всплывать. Что если появился Ключ Инферно, значит скоро появятся Ключ Вечности и Ключ Забвения. Он знает о Ключах

немного больше, чем мы. Самое ценное – он подарил мне блокнот, с записями о Ключах. Там всё зашифровано, но он меня научил, как прочитать.

– Это прекрасно, – Аманда торжествовала. Не зря её подруга так постаралась, съездила в такую даль!

– Эти Ключи появляются раз в несколько тысяч лет. Каждый раз цель их появления разная. Иногда это экзамен для преемника кого-то из Демидургов – того, кто займёт место Пажа или Слуги. Иногда это противодействие перевесу сил одной из сторон. Иногда это появление новых рас, передел существующего порядка в одном или нескольких мирах. А иногда – всё сразу вместе. По расчётам Чара, последний раз Ключи появлялись около двух с половиной тысяч лет назад. Как раз тогда наступили Сумерки богов, людям была стёрта память о том, что они напрямую общались со Старейшинами-богами, и всё это осталось в мифах. Сегодня уже никто не воспринимает Зевса, Геру, Деметру как реальных высших существ. Тогда эти Ключи были посудой. И Ключом Забвения и был тот самый пресловутый Грааль. Про него кто что только не передумал и не переиначил – лишь бы скрыть правду.

– Тогда появилась наша организация, – добавила Аманда. – Только она называлась по-другому.

– Тайное общество-секта «Синеглазка», – кивнула Мод. Об истории образования Только Для Ваших Глаз она знала.

– Под таким названием мы просуществовали до раннего

средневековья, почти тысячу лет. Потом мы стали называться «Окулус Вестрос Тантум». И не меняли название ещё почти тысячу лет – до семидесятых годов прошлого века. Наконец мы стали «Только Для Ваших Глаз». Но некоторые наши союзники по старинке называют нас «Фиолетовое Око» или просто «Глаз». Да, тогда пертурбации в нашем мире происходили ого-го какие. Да такие, что понадобилось наше появление. Всякий раз, когда появляются эти Ключи – нужно готовиться к большим переменам.

– Мы справимся, – убедительно произнесла Мод, посмотрев на подругу.

Аманда ответила на это не сразу. Вздохнула:

– Не мы. А тот, кого пошлёт начальство. Скорпион недавно имел аудиенцию у F, – Аманда конспиративно понизила голос, будто их могли услышать. – О чём они там говорили, понятное дело, Скорпион не расскажет. Но намекнул, что F требует от нас «придерживать лошадей», «не быть столь ретивыми, чтобы не мешать тому, кого он – F – назначит под это всё дело».

Проницательная Мод грустно улыбнулась:

– Экзамен для преемника кого-то из Демиургов. Думаю, я угадала.

– А я думаю, что угадала, для кого конкретно, – Аманда снова вздохнула, грустно.

Разговоры и письма

Утром родители собирались на работу как сумасшедшие, бегали по всему дому. Потому что у них рейс в девять вечера, а это значит, что они сразу из офиса побегут на всех парах на самолёт и даже не успеют заскочить домой. Мама так волновалась, что оставляет меня одну – хоть это не впервой – что заставила меня повторить все её указания по хозяйству, удостоверилась, что я всё записала.

Мои родители опасались, что их командировка затянется более чем на неделю. Больше всего они боялись, что я в Новый Год останусь одна дома, как в знаменитом иностранном фильме. В том самом, где родители уехали на каникулы, забыли дома мальчика, а в дом тем временем забрались воры. Мои родители боялись, что с ворами я не справлюсь, я ведь не ушлый мальчик из фильма.

Каждая командировка родителей удобна для моих секретных миссий. Поэтому я не стала нервничать, когда мама забыла о времени, что мне выходить уже в школу, и продолжала раздавать ЦУ. В результате я опоздала. Пришлось выждать, пока первый урок закончится. Я просидела это время в буфете и всё думала над шуткой с раздевалкой. Не мешало бы прижать Когана к стенке и потребовать объяснений, что это за прикол. Наверняка точно он запер меня вчера в раздевалке, решив применить на меня угрожающие методы, что-

бы я не смела отказывать в приглашении! Это одновременно смешно и несколько подленько.

Но тиснуть Когана к стенке не удалось: после больничного вышла Фэрри. Коган её саму затискал, не обращая внимания на мир вокруг. Что поделаться с этими влюблёнными? Тогда я решила на третьей перемене подловить Джиллса и душевно с ним поговорить – что это вчера они мне устроили за цирк? Но Джиллс тоже вне зоны доступа – его оприходовала Салли. Подловить Вайла? Я его уже увидела, двинулась в его сторону, мы обменялись приветствиями, как раздался звонок на урок. На следующей перемене Вайла след простыл. Мэрмота я сегодня не видела, а с Локустом не хотелось иметь дел. Он скользкий, для душевного разговора не подойдёт.

Придя домой, я решила проверить электронный почтовый ящик. У нас с Удавом 2 основных канала общения: секретный и не секретный. Секретным мы пользовались редко. Это наши передающие устройства-рации Ми-Эт-8. По ним можно отправлять сообщения по типу пейджера. Только проходили они не через операторов-телеграфисток, а через защищённую сеть. По этому каналу я имела наглость на прошлой неделе мучить Удава расспросами, где и как его учили убивать. На этот канал я уже опасалась писать. Потому что Удав мягкими намёками запретил мне интересоваться у него этой темой. И я его понимала – я его самого подставляю под трибунал, едва кто-то из нашего начальства в ТДВГ узнает, что Удав распространяется о таких тайных вещах.

Поэтому я решила проверить обычный, не секретный канал. Там мы переписывались о мирском. В электронной почте было от него письмо. Я торжественно улыбнулась.

Первые несколько дней мы писали друг другу как оголтелые «влюблённые», по несколько раз на дню. В один из дней у меня даже случилась лихорадка, напоминающая ломку – я была готова сидеть у экрана компьютера 24 часа и ждать письма. Меня останавливало только присутствие родителей. Они не должны догадаться об Удаве. Потому что он из дурной компании, сын мафиозного авторитета – бывшего прораба Брюса Тенбука. Потому что сам Удав вор и, как выяснилось, профессионально обученный наёмный убийца.

Но я доверяю Удаву как себе. Мы дрались вместе плечом к плечу. Он мне помогал. А ещё он троюродный племянник Лонды Эрелсон, одной из влиятельных лиц в ТДВГ.

Моя лихорадка тогда сошла на нет, мы стали переписываться 1-2 раза в день, иногда пропуская дни. Бурная переписка у нас была в прошлый четверг по секретному каналу. Когда как раз мы едва не поссорились из-за моего неуёмного любопытства. Никаких романтических отношений у нас нет. Если только самую малость. Но мы разного возраста, социального статуса, живём в разных городах. Мы коллеги.

Я начала читать это его новое письмо с большим удовольствием.

Как поживаешь, лучшая подруга? У нас теперь всё по-но-

вому. Папашу повысили, он теперь важная шишка. Всё прошло гладко, я бы даже сказал – глазко. От слова Глаз, ну ты понимаешь, наши в деле и в теле обеспечили всё чики-пуки.

Вот уже неделю как я подрабатываю у Мачты. Не подозревал, что кромсать мёртвых людей такой кайф! Наверное, во мне умирает классный добрый доктор. Я бы пошёл учиться на доктора, но учиться долго, я быстрее выучусь на какого-нибудь слесаря, чтобы было хорошее прикрытие.

Мачта большой приколист. Подарил я ему вчера набор старых пластинок. Их бабушка Шпынделя откопала на чердаке и хотела раздать панкам, чтобы они украсили этими пластинками своё логово. Мачта в восторге, я теперь его кореш.

С Два-Девять тоже наводим мосты, она подкинула мне рабботёнку. Ею я буду заниматься всю неделю и это мне тоже в кайф. Вчера я подрался с пацаном – прикинь, он оказался настоящим оборотнем. Наверное, для тебя это не в новинку, учитывая, что за делишки ты там у себя проворачивала, с твоим-то матёрым стажем! Оборотень меня чуть не укусил, а жаль, хочу тоже побыть оборотнем! Но Два-Девять сказала, что так как в фильмах это не работает: чтоб стать оборотнем, укусом не отделаешься, нужен какой-то акт извращения. Да, Два-Девять так и говорит – акт. Я уж не знаю, что за акт – акт приёма-передачи или ещё что.

От Шпынделя и Гюрзы приветище, мы все тебя здесь очень хотим. Я – больше всех. Приезжай скорее. Иначе я не

выдержу и приеду сам. Это угроза, если что. Даже Мачта меня не удержит.

P.S. Быть в Глазу оказалось интереснее, чем в тазу. В том тазу, в котором мы со Шпындедем как два мудреца плавали по морю в грозу раньше, до того как столкнулись с твоей милой физиономией.

P.P.S. Помни о моей угрозе: доберусь до тебя.

Его письма всегда наполнены восторженным позитивом, шутками и намёком, как сильно он по мне скучает. Я тоже. Долго продлится наш пыл? Мы никогда не плакали о нашей разлуке, это глупо. Я никогда не задумывалась, что Удав – мой «ухажёр»: это несерьёзно. Тем более, в ТДВГ действует строгий негласный принцип – никаких романов и привязанностей на работе. Мы с Удавом не хотели изменять установившиеся целомудренные платонические границы. Но всякий раз после его писем становилось тепло на душе.

Помедитировать над письмом Антонио долго не удалось. Зазвонил телефон. Оказалось, это был рыцарь, кому я помогаю спасти прекрасную даму из лап дракона. Кто я сама в случае нашего расследования с Эдвардом – второй рыцарь, ещё одна прекрасная дама или дракон? Мне больше импонировала роль дракона.

– Я всё узнал, – выдохнул Эдди в трубку. Голос довольный.

Я, подчиняясь этому настроению, улыбнулась до ушей как

крокодил:

– Не по телефону. Я еду к тебе.

– Послушай, Клот. Это я втянул тебя в это, я не могу позволить такого свинства по отношению к тебе, чтобы ты ездила! Если ты не хочешь, чтобы я приезжал – я пошлю за тобой такси!

– Эдвард, перестань! Да хоть НЛО, хоть карету зелёную! Если ты думаешь меня прогнать – ты заблуждаешься. Если ты считаешь, что втянул меня – это не так, я втянулась сама. И поэтому я еду к тебе и точка!

После таких пререканий мы сошлись на компромиссе – встречаемся в центре города, на Серебряной улице. Через час я была на месте, Эдди тоже. Мы направились в небольшое кафе, сели за дальний удобный столик. Эдди достал из рюкзака распечатки и блокноты.

– Мне удалось поговорить с Мрией. Она вернулась домой. И с ней самой, похоже, пока ещё всё в порядке. Если не считать, конечно, гипноза Зелёного Червя. Я думаю, это приворот. Он действует временами, позволяя Мрие существенную часть дня оставаться в адекватности – чтобы не вызывать подозрений её родственников. То есть Зелёный Червь воздействует на неё и влюбляет её в себя на определённые промежутки времени. Такова моя теория. То, что привороты существуют – я осведомлён, Джейн меня просвещала, вдобавок, я много об этом читал.

– Ты говоришь это так хладнокровно, как врач-патолого-

анатом, осуществляющий вскрытие, – я вспомнила танресского коллегу Мачту, нашего судмедэксперта по имени Поль Парус, обожающего ретро, пластинки, саксофон и старинные киноленты. – Ты спрятал чувства, обрёл хладнокровие.

– Я научился этому от тебя, – Эдвард коротко, но внимательно посмотрел на меня. Потом по-деловому уставился в бумаги и блокнот, принялся их листать. – Не буду говорить занудные подробности легенды. Я зашёл к Мрие попросить книги. Знаю, враньё – у меня у самого книг, наверное, больше, чем у жильцов нашего дома.

– Ты успеваешь это всё читать?

– С трудом. Иногда приходится оставлять некоторые книги себе на пенсию, – улыбнулся Эдди. – Книги это интересно, но есть и масса других интересных вещей.

– Например, Зелёный Червь и расследование, – с чувством солидарности кивнула я.

– Например, Зелёный Червь и расследование, – кивнул Эдди, заговорщически подмигивая. – Его настоящее имя Вермис Верте. Это было легко выяснить – а я целую шахматную партию в уме выстроил, с алгоритмами и матрицами, какими ухищрениями вывести Мрию на этот разговор. Он взрослый. В смысле, немножко дико это смотрится, вдруг он какой извращенец. Ему то ли двадцать два, то ли двадцать три.

Я делала пометки в блокноте, время от времени поднимая на Эдди глаза, кивая и попивая чай.

– Мрия по нему сохнет, без ума, ты представляешь?! Раньше она стеснялась подойти даже к однокласснику-очкарику, заморышу ниже её ростом – а тут виснет на шее у такого громилы! Сто пудов приворот. С учётом тех фокусов, что нам этот Червь показал на кладбище – приворот для него раз плюнуть.

– Мне показалось, или я услышала в твоём голосе завидующие интонации? – я ненадолго отложила ручку, взяла чай, глотнула, не спуская глаз с приятеля.

– Да, я завидую, Клот. Я привык уважать и оценивать по достоинству моих врагов, – тоном философа заявил Эдди.

Эдди, при всём простодушии, отличался некоторой степенью самолюбования и лёгкого здорового нарциссизма. Это смотрелось мило. Он сам готов завалить изысканными комплиментами кого угодно. Гений коммуникации, я не устаю это подмечать.

Гений коммуникации продолжил, я снова взяла ручку:

– Мрия сильно изменилась. За последние несколько дней. Она познакомилась с этим Верте с неделю. Как раз когда её дядя умер! По её словам, он к ней подошёл, когда она выходила из школы, и спас от хулиганов. К Мрие в школе пристают, в смысле, задирают. Могут облить водой, толкнуть, один раз кинули гадость, что она куртку не могла отстирать, её мама ходила в школу разбираться. Вот, он к ней подвалил, вернее, к хулиганью этому и ловко с ними разделался. Мрия сравнила его со своим кумиром с киноэкрана, актё-

ром... как его? Сильверсталсом, вот. Я и не думал, что Мрия в тайне сохнет по Сильверсталсу! Я думал – ей нравятся милые хрупкие парнишки в очках, уже сам подумывал в одно время очки себе прикупить... – тут Эдди словно прикусил язык.

Я тоже, потому что мне хотелось похихикать. Эдди всё-таки не равнодушен к Мрие. Он воспринимал её не как подружку детства, соседку или «сестрёнку». Хотя, может, это ни о чём не говорит. Мне стало интересно – типаж каких девушек нравится Эдди? Сомневаюсь, что этот хитрый, ловкий парнишка довольствовался бы робкой эфемерной нежной дево́й вроде Мрии.

– Не бойся, я ничего про это не записала, – я демонстративно отложила блокнот в сторонку и откинулась на стуле.

Эдди откашлялся и снова перешёл на деловое повествование:

– С тех пор они встречаются, почти каждый день. Он водит её в интересные места. Она мне даже про кладбища рассказала! Она сказала, что Верте, Червяк этот, придумал что-то вроде игры такой. Ты типа ночью приходишь на кладбище, ты должна быть мужественной, не испугаться ничего, поскольку с тобой будут хорошие духи, и ты должна стоять и наблюдать, что делают другие – а эти другие – твои друзья. И правда, те, с кем Мрия собиралась на кладбище, с её слов оказались потрясными людьми. Она призналась, что с ребятами с кладбища и с Верте она «сама своя», что там полное

доверие и гармония, что её никто там не обижает, наоборот, ей все там дико рады.

– Она называла ещё другие места, адреса, пароли, явки? Места, куда её водит Верте? – подобно коршуну, я вперила взгляд в Эдди, покрепче схватив блокнот и ручку.

– Она назвала пару клубов сомнительного содержания. Не в том смысле, что это притоны, а в том, что там собираются представители мутных субкультур. Вроде готов. Дня два или три назад например Верте сводил её на закрытый приватный концерт группы «Шалый Вопль» в одном из клубов.

– Так, а это уже что-то. «Шалый Вопль» – любимая группа всех томберов. Верте хочет завербовать Мрию, адаптирует её, погружает плавно и верно в ту атмосферу, среду, откуда происходит он сам.

– Это ужасно. О том, чтоб её увещевать – мол, не ходи туда, опасно! – и речи не идёт. Она без ума от него, извини, что я повторяю. Но я опасался спугнуть её, перевести на сбой в гипнотической программе и неадекватность. Мы мило, тихо и мирно расстались.

– Ты всё сделал правильно. Я искренне надеюсь, что Вермис Верте – его имя и его приблизительный возраст – двадцать два или двадцать три – верная информация. Я его видела внешне, хоть и очень плохо в темноте, но, мне кажется, смогу опознать на свету. Мне этого достаточно.

– Как ты планируешь узнавать о нём? У тебя что, есть доступ к базе данных полиции? – прищурился Эдвард. – Дума-

ешь, я не искал Верте? Мы общались с Мрией в районе трёх часов дня, потом я забил на уроки и шерстил Сеть, пытаюсь пробить его по всем социальным сетям и форумам, под разным написанием ника «Зелёный Червь» и имени. Ни в одной соцсетке его нет. Я потратил на это часа четыре, потом кинулся звонить тебе. Вообще ничего на него не нашёл.

– Меня не интересуют соцсети. Хотя, ты очень прав – по профилю из соцсети, выложенным фотографиям можно многое узнать о человеке. Ты проделал колоссальную работу. Облегчил задачу. Если бы ты нашёл его в соцсети, мы бы изучили его профиль там, попытались бы построить линию поведения его в соцсетях – как он добавляет в друзья, как можно к нему добавиться в друзья, например. Но раз его там нет – будем работать с тем, что есть. Есть имя, кличка, примерный возраст. У меня нет доступа к базе данных полиции. У меня есть кое-что другое. Свои источники, и их я пока не разглашаю. Не потому что не доверяю тебе, Эдди. А потому что если я тебе разглашу эти источники, мне придётся тебя убить.

Я на всякий случай задержала пристальный взгляд на Эдварде. Он смотрел на меня наивно, хлопая глазами. В следующий миг его выражение лица снова переменилось – он превратился в хитренького ушлого бесёнка:

– Замётано, Клот. А ты убивать умеешь?

Вопрос меня поставил в лёгкий тупичок.

Мой страх. Моя «больная» тема. Даже с Роджером не по-

лучилось это как следует обсудить. Даже с Удавом. Я отвела глаза:

– Когда придёт время.

Но Эдди тактичный. Он наседать не стал.

– Шеф, я тебе доверяю. Если в твоих силах помочь разобраться в этой истории – я у тебя в долгу. Каковы будут следующие распоряжения, шеф?

Не думала, что замутю это самовольное расследование, да ещё стану чьим-то «шефом». Эдди, между прочим, меня старше, он родился в конце февраля, я в сентябре. Он по гороскопу Рыбы. Интересно, какой рыбой он себя считает? Наверняка хищной. Акулой, щукой, рыбой-меч. Никак не безобидным лупоглазым карасиком. И уж точно не грибом сморчком.

– Продолжай наблюдать за Мрией. Держи её в фокусе. Кредит доверия у тебя есть. Мрия сейчас в эйфории, и ты единственный верный друг, после Зелёного Червя и его компании, кто не «послал» её, кто готов выслушать. Продолжай аккуратно заходить в гости, приглашай к себе – почитать вместе книги, посмотреть аудио-стерео-систему...

Эдди странно поглядел на меня.

– Что?

– Когда девушку парень приглашает посмотреть аудио-стерео-систему – это воспринимается как намёк на... ну... как бы на что-то не приличное, а мы несовершеннолетние вообще-то!

– Не парься. Я не это имела в виду.

– Я понял, это я так, – Эдди махнул рукой, немного краснея. Ханжа, видите ли, нашёлся! Монашек.

– Если что-то будет экстренное – докладывай немедленно. Зелёного Червя и его подноготную я беру на себя.

Мы пожали друг другу руки, а затем разъехались по домам в разные стороны.

Я предчувствовала, что меня ожидает бессонная ночь на Базе, и не ошиблась. Во-первых, на самую Базу я попала в начале двенадцатого ночи. Во-вторых, хоть и в Компьютерном Терминале досье на Верте нашлось-вывелось из недр наших секретных баз данных быстро, с ним предстояло повозиться. Возня и получилась на полночи.

Итак, с именем-фамилией и возрастом повезло. Оно оказалось верным. Более того – фотография в базе данных смахивала на физию того типчика с кладбища. Грубые черты лица, всклокоченные волосы. Метрики по росту тоже совпали, рост его – 192 см. Ну и великанище-верзилище!

Кличка «Зелёный Червь» прилепилась к нему неспроста. С одного языка фамилия Верте переводится как «Зелёный», с другого языка Вермис – «Червь». Что за родители у мальчишка, за что назвали сына Червём? Да уж, родителей не выбирают. Я прониклась к Зелёному Червью некой симпатией. Уважением. Эдди тоже к нему испытывал уважение – как к достойному врагу.

Вермису Верте 22 года. Он родился в Храббурге. Меня

сей факт заставил замереть от изумления. Храббург недалеко от Танреса, города, где живёт Антонио Тенбрук. Родители Верте, как оказалось, сдали его в приют. Он воспитывался в местном храббургском детдоме, а потом сбежал, когда ему было 15. Где он промышлял 2 года – никто не знал, а потом, в свои 17 лет попал в тюрьму за разбой и ограбление. Стал зачинщиком банды, сколотил организованно-преступную группировку.

Потом я увидела в досье странную пометку «Извлечён для проекта «V» информатором-союзником филиала ТДВГ в Храббурге». Что это такое? Я предположила, что это означало, что Верте, находясь в тюрьме, привлёк внимание ТДВГ, и его отправили участвовать в некоем проекте. Ну и дела! Верте что, наш агент?! В таком случае, если он сейчас томбер и с Масочником, его судьба напоминает судьбу Лайнонны-Венеры Шарп, чуть не погубившей Пита.

Года 3 назад, когда Верте было 19, стояла пометка, что Верте устроился тренером в детскую секцию единоборств в Укосмо. То есть поучаствовал в этом загадочном проекте «V» и переехал в Укосмо. Секция просуществовала года два, потом там случился пожар. Никто не пострадал, пострадало само здание, а секцию прикрыли: родители, отдающие туда детей, были перепуганы до смерти. Пожар-то мог случиться во время занятий!

Потом ниточки Верте таинственным образом обрываются. То есть он нигде официально не числился. Нигде не ра-

ботал. Никаких данных о наличии у него машины, о банковских счетах, путешествиях за границу, о том, что он когда-то лежал в больнице. Такая вот рваная и загадочная, куцая биография.

Что за проект «V»? Я хотела пойти в полпервого ночи домой, но проект «V» не давал мне покоя. Я должна знать! От этого зависит многое.

Узнать о проекте «V» я могла, как вариант, из архива. У меня есть туда доступ, и есть представление, как пользоваться картотекой, как правильно искать. Никто мне не мешал, когда я спустилась в громадный архив Базы, находящийся в одном из подземных помещений.

В этом громадном архивище я очутилась совершенно одна. Поиск по картотеке занял уйму времени. Мне с самого начала подфартило: я нашла огромный пласт карточек с названием «Проект». Их оказалось, по моим прикидкам, несколько тысяч штук. И они располагались не совсем по алфавиту. Время поисков увеличивал и тот факт, что на карточках написан длиннющий шифр-путь к нужной ячейке с папкой или делом.

Проект «V» я нашла ещё через час после того как вошла в архив – то есть полвторого ночи. Завтра... то есть сегодня мне бежать в школу. Желательно к первому уроку. Мне не нравилась моя мода в силу разных причин попадать ко второму уроку. Учителя вот-вот могут забить тревогу, решив, что я прогуливаю, злоупотребляю их мягкостью и прикиды-

ваюсь больной. Тогда об этом узнают родители. Моя конспирация пошатнётся.

Но когда я нашла, что такое проект «V», я думать забыла о школе. Проект V оказался ни чем иным как «Школой Venenum». Той самой засекреченной школой, где учили убивать. Да, там преподавали секретные боевые техники, учили владеть телом, мыслями, разумом таким образом, что любой выходец школы превращался в лучшего в мире киллера-ниндзя.

Итак, что получается. Верте в тюрьме сидит за разбой. Тут ему является кто-то из наших и предлагает поучиться в этой школе. Слишком закономерно, что после этого Верте сам преподавал единоборства, тренировал деток. А потом исчез. Попал к Масочнику. С такими-то навыками и сверхспособностями. Картинка, как паззл, начинает складываться воедино. Знают ли наши коллеги, что Верте сейчас с томберами? А может, он наш «связной», двойной агент?

Мне нужно срочно поговорить с Майло.

Карамба. Третий час ночи. Мне в школу сегодня! Я отправилась спать в спальню Базы.

Засыпая, я вот ещё о чём подумала. Вермис Верте учился в Вененуме, когда ему было 17 лет. Удаву тоже было 17 лет, когда он там учился. Они ровесники. Значит, они могли знать друг друга. Роджер тоже мог знать Верте.

Мне нужно срочно поговорить с ними со всеми!

Дарти находился здесь уже два дня. Но в плену он себя не чувствовал. Юный чернокнижник открывал новые перспективы и напряжённо думал, как ему использовать развернувшиеся возможности.

Вампир, напавший на томберов во время ритуала посвящения неофитов, внушал Дарти ужас, смешанный с восхищением. Чернокнижник не подозревал, что Роджеру это стоило не малых трудов – обманывать и держать юношу в неведении. Силы вампира сегодня оказались на исходе, он отправился на охоту. Он заверил Дарти, что идёт охотиться на людей. Дарти уверился в мысли, что вампир – чёрный. Верный раб Чёрной Богини Соны. И этот вампир поражал.

Когда Дарти очнулся здесь, в подземелье, два дня назад – он не был связан. Вампир сидел рядом, гостеприимно предложил еду. На вопрос Дарти, зачем тот напал, вампир объяснил, что ему не нравятся томберы, не нравится политика Масочника, и вообще он залез на это кладбище, думая что там обычные подростки-готы, хотел ими «подкрепиться». Уже тогда Дарти начал проникаться к Роджеру доверием, не подозревая, что попал под мощные вампирические приворотно-обаятельные чары.

– Почему тебе не нравятся томберы? – спросил его Дарти.

– У них дурная кровь. Они все пахнут мертвечиной. Есть их – всё равно что есть гнильё и плесень. Ты бы стал есть гнильё и плесень, даже если был бы слишком голоден?

– Ты знаешь Масочника? Почему он тебе не нравится?

Дарти не думал никуда бежать. И не думал возмущаться, почему этот вампир похитил его и притащил сюда. Он не думал спрашивать вампира о том, где он находится, орать, драться, угрожать. Дарти уже давно мысленно и внутренне откололся от Томберов, был сам по себе и вынашивал свои планы.

– А тебе он нравится? Ты ведь не стремишься к нему, верно? – вампир, казалось, читал его мысли.

– Почему ты меня не убил, не высосал кровь?

– Я не убил тебя, потому что незачем. Мы не враги, мы на одной стороне. Ты не любишь Масочника, я не люблю Масочника. А твоя кровь тоже ужасна. Извини, конечно, приятель, хотя можешь наоборот счесть это комплиментом. Залогом своего выживания в моём присутствии. Обычно я высушиваю жертв до остатка. Ни капли не оставляю, – вампир угрожающе посмотрел на Дарти глубокими тёмными глазами.

Дарти с неудовольствием почувствовал мурашки и холод в самом сердце. А он давно уже никого не боялся.

– Как тебя до сих пор не выследили Охотники? В последнее время их много развелось.

– Охотники слабаки. Я на днях грохнул парочку. Одна из них совсем ещё молодая девчонка. Как она визжала, когда я вырезал дыру у неё в утробе и протаскивал кишки по кромке лезвия тесака! – вампир почти сладострастно улыбнулся,

облизнулся.

Дарти почувствовал, как его мутит.

– Всё, хватит. Я понял, что ты маньячелло ещё тот. Я тебе нужен?

– Нет, ты мне не нужен, – бесстрастно ответил вампир, напустив на лицо каменную маску.

Дарти поразился, как искусно вампир владел мимикой. Закралось сомнение – а не театралит ли этот тип? Но исходящая от него мощь, энергия, давление говорили за себя. А ещё Дарти почувствовал, что расстроился от того, что он не нужен вампиру. Приобрести такого союзника значило многое для его карьеры. Дарти осторожно спросил:

– То есть я могу идти? Так и отпустишь? Зачем тогда сюда приволок?

– Так ты сам хотел уйти от Масочника. Неприкаянно там стоял, как бедный родственник. Я следил за тобой накануне, – признался вампир.

Дарти стало не приятно. Он, считающий себя опытным чернокнижником, оказывается, был под прицелом. Но Дарти проглотил неприязнь. Вампир ему нравился больше и больше.

– Странная у тебя политика спасать бедных родственников, – презрительно ухмыльнулся Дарти.

– А я тебя и не спасал. Может, я тебя в ловушку загнал. Поиграться с тобой, потешиться как с марионеткой, – снова пристальный взгляд.

Чем больше Дарти не понимал этого вампира – тем больше ему хотелось его понять. Этот вампир – один из немногих, кто говорил с Дарти уважительно и всем видом гарантировал покровительство.

– А смысл? Ты знаешь, кто я такой? – с вызовом спросил Дарти. – Я умею вызывать демонов.

– О да, не хухры мухры пацанчик, мы это уяснили, – хотнул вампир. На миг его лицо озарилось чем-то, что Дарти показалось совершенно не знакомым. Странной разновидностью юмора. Но только на миг – в следующую секунду вампир снова превратился в опасного хищника с тёмным давящим взглядом, продирающим до костей. – Ты умеешь вызывать демонов – а я умею их убивать. Мне тут не нужны конкуренты, понимаешь ли. Нет тварей более подлых, чем демоны.

– Странно всё это. Чёрные всегда дружили с демонами, всегда заключали выгодные сделки. Ты размышляешь как беляш.

Внезапно рука вампира стремительно сомкнулась на шее Дарти. Дарти почувствовал, что задыхается. А ещё на него навалился неконтролируемый, почти животный ужас:

– Ты назвал меня беляшом? Хочешь, я тебе такого беляша покажу! Я сделаю так, что ты сам беляшом станешь. Сначала – от того что поседеешь. Потом – от того, что на тебя наденут белые тапочки, только до этого момента ты будешь долго и мучительно страдать. Ты понял меня?

Дарти еле смог закивать. Тут же был отпущен. Придя в себя, он выругался, прокашлялся и волком посмотрел на вампира. Но всё же пробормотал:

– Я не говорю, что ты беляш. Глупо отказываться от сотрудничества с демонами. За демонами будущее. Они сильнее и совершеннее людишек. Они во многом сильнее и совершеннее нас – анхомов.

– Да? И что ты предлагаешь, выпустить всех демонов из Инферно прямо сюда?

– А хоть бы и так! Мигом станет порядок. Не будет ни Охотников этих пресловутых, ни беляшей, ни людишек, только мы, – с вызовом ответил Дарти. И внезапно признался о том, о чём не хотел говорить никому постороннему: – Я вот недавно выпустил сюда одну, и никто пока из наших не жалуется! Правда, жаль, что она расплывается на томберов, на капризы Масочника, но я бы хотел донести до неё, что на Масочнике свет клином не сошёлся.

Вампир ничем не выдал заинтересованности. Он лениво закрыл глаза, откинулся на стуле.

– Ты ещё такая салага, вызывальщик демонов. Под плётку тебя не мешало бы, под девятихвостку, а ещё лучше как следует прокилевать и подвесить на рее.

Он встал и собрался уходить во тьму и в неизвестность.

– Как тебя зовут, чудак? – спросил Дарти, смущённый тем, что признался про самую большую тайну томберов – что у них теперь в распоряжении высший демон.

– Меня зовут кошмаром, ужасом и истошными визгами, от которых взрывается сердце. Но ты можешь называть меня Дрэгоном.

Дарти никогда не слышал о Дрэгоне. Дарти вообще мало и поверхностно знал о вампирах, в особенности о древних и высших. Дрэгон ушёл. Этот разговор состоялся у них вчера. Дарти потом осмотрел место, где он оказался. Это оказался прилично обставленный подземный схрон, бункер или кусок древних подземных коммуникаций.

В этом помещении Дарти нашёл комнату, снизу доверху наполненную свитками, книгами по оккультизму и чёрной магии. Дарти не захотел из неё уходить и пустился в изучение этих книг. Ни разу у него не возникла мысль унести эти книги с собой, сбежать, уйти. К сегодняшней ночи у Дарти возникло стойкое желание напроситься к Дрэгону в ученики.

Поэтому когда Дрэгон пришёл сегодня, Дарти первым делом в лоб спросил вампира:

– В ваганты возьмёшь?

Дрэгон продолжительно и оценивающе посмотрел на него:

– Подумать надо. Тебя обратить?

– Смотря какая цена, какие знания ты можешь предложить! – хитро ответил Дарти.

– Тогда и тебе надо подумать. Но я вижу, ты хочешь ко мне в ваганты, и эту мысль ты выстрадал в течение нескольких часов. Чтобы я смог ускорить принятие решение, мне нуж-

но знать, что ты из себя представляешь. Твои способности, в особенности касающиеся вызовов демонов. Расскажи-ка мне, что за демона ты вызвал, подробно, как проходил акт, что ты использовал, как себя повёл демон. Именно подробно: только тогда я пойму, не дилетант ли ты, и всё ли сделал правильно, есть ли в тебе толк.

Дарти сильно колебался. Но план подружить Дрэгона и Августу, составить коалицию из сильнейших союзников, будоражил ум. И он рассказал.

А когда закончил – был почти рассвет. Дрэгон ничего не ответил по своему решению. Он признался, что у него разыгралась сильнейшая Жажда Крови, он хочет кого-нибудь убить, наброситься, вонзить клыки в трепещущую плоть, испить до самого дна, высушить жертву как мумию. И ушёл. Дарти остался в подземелье, снова пошёл в комнату с книгами. Он ещё не понимал, что натворил, не понимал, кто такой Дрэгон.

А Дрэгону – Роджеру – стало очень тяжело. Физически – от боли, слабости, что он испытывал из-за колоссальных магических усилий, затрат энергии, ушедшей на Мантию Обаяния, приворот, вампирский гипноз. Ещё ему тяжело морально. Он обманывал наивного чёрного ваганта, выдавая себя не за того, кем он был. После смерти Агнессы Роджер поклялся, что больше никогда ни на кого не будет применять приворот. Сейчас он предал сам себя.

Да, пусть это предательство во спасение. Пусть он узнал

о том, что томберы натворили немыслимое – вызвали из Ада могущественную демоницу, считай правую руку Солсо – босса самого сатаны. Но от этого не легче. И Роджер понимал – когда он в третий раз войдёт в подземелье к этому мальчику – он рискует спалиться. Возможно, ему придётся мальчишку убить, когда Дарти узнает, что Дрэгон не чёрный. Ведь Дарти тогда побежит предупреждать своих о том, что «беляши» знают об Августе. А этого нельзя допустить.

Дрэгон охотился в предрассветном лесу. Ему чрезмерно хотелось спать: вампиры на рассвете вялые и сонные, их метаболизм всегда по утрам делается замедленным. Но нужно хорошенько всё обдумать: как поступить с Дарти и кому из друзей-союзников первым делом передать информацию об Августе.

Быть не тем кто я есть.
Быть актёром умелым.
Чтобы в лужу не сесть,
Чтобы выглядеть смелым.
Чтобы быть как подлец,
Чтобы враг мой поверил,
Что я ловкий наглец,
И открыл свои двери.

Я иду на обман.
Я скрепил своё сердце,

Напускаю туман,
Никуда мне не деться.
Снова кукла мой враг.
Не люблю играть в куклы.
Но иначе – дурак.
Переставлены буквы.

Враг мне душу свою
Распахнул до истоков,
А потом я в бою
В лоб сражу его током
Применяю на нём
Вероломства методу.
Я иду напролом
Вечный я в Игре вода.

Рыцарь, дракон, принцесса и «червоточина»

– Ты ведь придёшь к нам завтра, верно? – с лыбящимся видом Коган подвалил ко мне совершенно внезапно, в раздевалке.

Он вынырнул как чёрт из табакерки среди курток и даже немного испугал меня. Над чем гоготал потом весь день.

– Карамба, Коган, я тебя чуть не прибила! Никогда не подкрадывайся ко мне сзади, а то я завтра приду к вам на твои

похороны, понял?! – почти разоралась я.

– Ух, какая ты воинственная сегодня! Самка дракона! – продолжал изгаляться этот нахал. Я чуть не врезала рюкзаком ему по физиономии, потому что была не выспавшаяся и злая. Он увернулся, убежал.

А потом и вовсе спрятался под крыло Фэрри. Обнимая её с победоносным видом, он насмешливо смотрел на меня. Я показала ему язык.

На большой перемене я подвалила к Когану также сзади, когда он стоял в очереди в буфете. Прошипела ему на ухо, положив руку на плечо:

– Ты зачем во вторник запер меня в девчачьей раздевалке перед физрой?

– Э? Чего? Итчи, я ничё не понял! Слушай, мне некогда, меня Фэрри ждёт, я с тобой потом пообщаюсь, покедова!

Он испарился. Кажется, он не расслышал моего вопроса из-за шума. Но не могла же я орать ему на весь буфет этот вопрос?! От этого я ещё больше разозлилась. Ещё я увидела Мод. Она пребывала в состоянии повышенного напряжения и занятости. Биологии сегодня нет, но должна быть завтра. Поэтому сейчас общаться с Мод нет резона. Я бы хотела пообщаться с ней наедине про томберов. Возможно, она бы смогла дать дельный совет. Мод лишь кивнула мне издали.

После седьмого урока я просмотрела бегло запись в дневнике про домашние задания. Набросала основные мысли по параграфу «для галочки», чтобы не подвести завтра Мод, ес-

ли она надумает меня спрашивать. К пяти часам освободилась и отправилась домой.

Возможно, мне следовало быть более расторопной и думать не об уроках, а о расследовании. То есть бежать домой сразу же после школы. Но конец четверти на носу, родители умотали в командировку, вернутся – захотят удостовериться, что с оценками всё в порядке. Я почувствовала себя немного не в своей тарелке, когда обнаружила Эдварда, маячившего возле моего дома.

– Я задержалась в школе, осталась там готовиться к контрольной на завтра, – оправдывалась я.

– Ничего, понимаю. Я звонил с двух, думал – вдруг повежёт и у тебя пять или шесть уроков, а потом поехал к тебе, думал дождаться.

Тот факт, что Эдди приехал ко мне – могло означать что-то серьёзное. Но Эдди, хоть и выглядел напряжённым, прекрасно владел собой. Весёлый бодрый голосок.

– Как мне неудобно. Если бы я знала... могла бы договориться со старостой, под его ответственность взять книги на дом... – вздохнула я. – Зайдёшь?

– Не переживай. Ты ничем не обязана, ни в коем случае! Да, пожалуй, зайду. Поговорить нужно, – Эдди осмотрелся по сторонам цепким взглядом, задержался на нескольких случайных прохожих, на близняшках Ривел – Мэгги и Сюзанне, игравших за забором соседей-Ривелов.

Мы зашли в дом.

– Похоже, мы потеряли Мрию. Её окончательно загнипотизировали. Это случилось так быстро. Ещё вчера мы с ней общались нормально, и вечером вчера я тебе всё про неё рассказал... – вздохнул он.

– Эдвард, я хочу, чтобы ты мне всё рассказал по порядку. Наверняка ещё не всё потеряно.

Эдди поведал:

– Вчера мы с тобой разъехались, я поехал домой. Мои родители были дома, мы поужинали, легли спать. Около двух часов ночи я услышал, как открывается дверь соседей. Я знал, что это Мрия. Я глянул в глазок и обалдел малость. Мрия выходила с вещами. С большой сумкой такой через плечо. Тут мой папа проснулся, спросил, чего это я ошиваюсь у дверного глазка. Я шифруюсь, как ты понимаешь, свои ночные походы на кладбище я делал, когда родителей дома не было. Мне пришлось перед папой замять это дело, я так и сказал – услышал шум, думал – вдруг воры лезут к соседям. Папа поглядел в глазок – а там уже никого, естественно, посмеялся, посоветовал мне спать.

А утром, ещё до того как мне выходить в школу, поднялся такой хай на лестничной клетке! Мама Мрии, женщина, в общем-то, довольно тихая, в панике бегала, причитала, плакала навзрыд, потом стучалась к нам. Моя мама отпаивала её валерьянкой. Оказалось, Мрия оставила своей матери записку.

Эдди достал блокнот и предъявил его мне на раскрытой

странице.

Дорогие мама и папа!

Мне было очень хорошо с вами все эти годы. Но я уже взрослая. Я должна пожить отдельно от вас, чтобы разобраться со своей жизнью, с тем, что я хочу. У меня есть тот, кто позаботится обо мне. Этот мужчина меня защищает и оберегает, с ним я счастлива. Мы влюблены друг в друга, собираемся пожениться через 3 года, как только я стану совершеннолетней. Не бойтесь, детей мы заводим пока не планируем. Не ищите меня. Не заявляйте в полицию. Я какое-то время поживу с моим Избранником и либо вернусь, либо напишу вам письмо о том, что мы уехали из города или из страны.

С большой любовью не ваша Мрия.

P.S. Не ваша – потому что я не ваша собственность, я имею право на свою жизнь.

– Какой ужас, карамба! – выдохнула я. – Я представляю, в каком шоке была мама Мрии, когда утром обнаружила эту записку, и то, что дочь и часть её вещей исчезли!

– Да не то слово, – кивнул грустно Эдвард. – Ясно одно – настоящая Мрия такого написать никогда не могла. И уйти

из дома никогда не могла. Она очень послушная, очень... удобная.

Эдди и я одновременно скривились от этого слова. Я дополнила мысль приятеля:

– Покорная, управляемая. Хорошая пай-девочка, всех слушается. Идеальная глина, из чего тот, кто владеет мало мальским авторитетом и властью, может слепить что угодно. Нет, Эдди. Здесь не гипноз. Здесь просто кое-кто хорошо поработал с её психологией, убеждениями. Провёл ей постановку мозгов в нужное русло.

– Я недооценивал этого Верте. Я думал – он обычный мордорот, сила есть ума не надо. Ну, если не считать этих фокусов-покусов.

– Эдди, – я прищурилась и внимательно взглянула на «коллегу». – Тот, кто владеет магией, никак не может быть глупцом, не иметь вообще ни капли ума. Иначе как бы он пользовался своей этой магией?

– А ведь точно, – кивнул Эдвард. – Но от этого не легче. Она ушла к нему, а мы даже не знаем, куда. Где её теперь искать? Мой папа молодец, он по полочкам разложил госпоже Дункалс, что подростки себя так могут вести, чтобы привлечь внимание. «Возможно, вы плохо знали вашу дочь, не понимали её, вот она таким образом решила докричаться. Возможно, она наврала про парня, а договорилась с подружкой, что поживёт у неё. Возможно, что-то в вашем поведении в последние дни повлияло на неё так, что ей стало

плохо». Примерно такое мой папа сказал её маме. Моя мама тоже заверила госпожу Дункалс, что «всё будет хорошо, что Мрия вернётся в ближайшие один-два дня». Я дико волнуясь за Мрию. Я же не могу сказать госпоже Дункалс, что Мрия в опасности?! Ещё немного – и этот Червь заставит её убивать людей, заниматься всякими непотребствами!

Я думала. Напряжённо. Усиленно. Мысли путались, потому что сильно сказывалось то, что я не выспалась и перенервничала в школе.

– У тебя есть её фотки? – обратилась я к Эдди.

– Конечно есть, – кивнул он. – Моя мама фотографировала её и нас с ней, пророча нам совместную медовую семейную жизнь. Она нас фотографировала на разных семейных праздниках, когда мы друг к другу в гости ходили. Сейчас покажу.

Эдди встал и вышел в коридор за рюкзаком. Я поразились его предусмотрительности.

– Как ты догадался взять альбом с собой? – спросила я, когда альбом оказался у меня в руках.

Эдди ответил не сразу. Отвёл глаза и тихо проговорил, почти себе под нос:

– Я не хотел это говорить, Клот, но, по-моему в этой ситуации ты моя единственная надежда. Да, я прямо и косвенно намекаю тебе – помоги мне найти её. И я знаю, что раз ты её ни разу не видела – то фотографии могут помочь опознать её.

– Я в любом случае помогу тебе найти её. Но я не твоя единственная надежда.

– А кто же тогда?

– Ты. В твоих силах сделать всё, о чём пожелаешь.

– Не успокаивай меня, – устало выдохнул Эдди. – Я поверю этим прописным истинам только когда увижу Мрию живой, невредимой и желательно в здравом уме и твёрдой памяти!

Я принялась листать альбом. Чтобы переключить приятеля с сантиментов, спросила:

– Что было потом? Когда у вас побывала госпожа Дункалс с этой запиской?

– В школе я, естественно, не мог ни о чём думать, кроме как о Мрие. Схлопотал пару тройков и одну двойку.

– Какое безобразие, Эдди! Самообладание, Эдди, самообладание! – напомнила я, шутливо погрозив ему пальцем.

– Я понимаю, – виновато улыбнулся он. – Я пришёл домой в районе двух, мама дома. Папе пришлось, понятное дело, уехать на работу, а мама отпросилась. Она успокаивала маму Мрии, сидела с ней, звонила её подружкам. Потому что сама мама Мрии не в состоянии что-либо делать. У Мрии не так много подружек. Она дружит только с тремя девочками. Две сказали, что Мрии у них нет. Моя мама звонила и их мамам тоже, просила объявить, если будут новости, вдруг Мрия появится. До третьей девочки они не дозвонились, пытаются до сих пор до неё дозвониться. Моя мама свято уверена, что

Мрия как раз и «спряталась» вот у этой третьей подружки. Но мы с тобой знаем, что это не так! Она в лапах Зелёного Червя! Где нам его искать?

Я отложила альбом. Оставила Эдди на пару минут, поднялась в комнату, взяла блокнот, досье, вернулась с этим.

– На, почитай-ка. А я пока посмотрю фотографии.

Эдди потрясённо уставился на досье:

– Вот это да! Где ты это раздобыла?

– Не спрашивай. Если я скажу тебе правду, мне придётся тебя убить.

– Понял, – сразу отстал он. И принялся сосредоточенно вчитываться.

На фотографиях на меня смотрела симпатичная милая девочка лет 13-14 с длинными светлыми, чуть вьющимися волосами. Не блондинка, а ближе к шатенке. На ряде фотографий она сжата, видно, что позирование для мамы соседа не доставило ей удовольствия. На фото, где она рядом с Эдвардом, она больше напоминала его младшую сестру, нежели «наречённую невесту». Везде выглядела чистым, невинным, послушным удобным созданием.

Принцесса. Ничего за душой. Никакого коварства, никакого кокетства. Из таких девушек вырастают любящие скромные жёны или монахини. Такие девушки нуждаются в крепком сильном плече, в защитнике, к кому они будут искренне привязаны. И как раз такие девушки чаще «льнут» к плохишам. Архетип Красавицы и Чудовища никто не от-

менял. Все серые мышки сохнут по уркаганам. Все скромницы обожают хулиганов. Все принцессы в тайне мечтают вешаться на шею драконам – не рыцарям.

Если бы Эдди был чуточку хулиганом – Мрия бы гуляла с ним. Если бы вместо Эдди в квартире напротив жил такой как Удав или Коган – Мрия бы точно гуляла с ним, а на Зелёного Червя, спасшего от травли одноклассников, даже бы не посмотрела.

От психологических рассуждений меня оторвал голос рыцаря:

– Что это за адреса?

Эдди всё изучил. Он ткнул пальцами в те места из досье Верте, где значились адреса официальной регистрации. Один из адресов – в Храббурге, адрес приюта. Адрес тюрьмы, адрес общаги в Укосмо, где он жил, пока не сторела секция единоборств. И ещё один адрес – где он, согласно регистрационным данным, проживает формально. Пригород Укосмо под названием Глум. Небольшой посёлок, недалеко от пригородного шоссе Сейчен.

Но Эдди уже имел план и виды на Глум:

– Я так понял, в приют, откуда он сбежал в Храббурге, он вряд ли её повёз. В тюрьму тоже. В общагу в Укосмо – тоже нелогично, ведь он там вроде как не живёт, не числится. Зато числится в Глуме.

– Мы не можем быть уверены ни в чём. Он мог повезти её на какую угодно конспиративную квартиру. В тайное ло-

гово к Масочнику. На любое кладбище, спрятать в склепе, где сейчас в этот самый момент стоит, прижимает её к себе в темноте среди скелетов, шепчет, как будет здорово, если Мрия станет томбером – а она млеет в его объятиях.

– Кло-о-о-от, можешь не продолжать! Ты говоришь такие гадости. Как тебе не стыдно! Мы побываем там, – Эдди теперь твёрд как камень. И посмотрел на меня властно, таким взглядом, что я поняла – теперь командует ходом операции он. – Мы поговорим с соседями. Расспросим их. Возможно, наткнёмся на его дружков. И они нам скажут, где его можно ещё найти.

Я была настолько обескуражена этой мыслью, вернее тем, что она до сих пор не пришла в мой нервный воспалённый мозг, что послала Эдди воздушный поцелуй:

– Эдвард. Ты лучший.

– Я знаю, – очень самодовольно ухмыльнулся он.

Теперь он напомнил мне Роджера. Не родственники ли они?

Через несколько секунд я серьёзно и проникновенно посмотрела Эдди в глаза:

– У тебя есть оружие?

– Оружие? Язык – моё оружие. Полагаюсь на навыки переговоров. Иначе зачем мой отец вкладывал в меня искусство коммуникации шестнадцать с лишним лет?! А ещё я умею драться. И стрелять.

– Я не сомневаюсь, что ты умеешь драться. Но есть из чего

стрелять?

– Нет. Но я умею обращаться с пистолетом, если вдруг его найду или украду.

– Эдди. Ты понимаешь, что мы с тобой сейчас отправимся в место, где можем погибнуть? Дружки и соседи Червя могут оказаться такими же червями, то есть томберами. Им не понравится, что мы там вынюхиваем – подобно тому как это не понравилось Червью на кладбище. У меня до сих пор побаливают синяки.

– И что ты предлагаешь? Ограбить оружейный магазин? – развёл он руками.

Я вздохнула. То, что я собиралась сделать – не вписывалось ни в какие рамки. Меня могли поставить под трибунал. Серьёзно наказать. Стереть память. Уволить из ТДВГ, сделать так, что я бы в жизни не вспомнила, что я там работала, стереть воспоминания обо всех моих коллегах и друзьях. Об Аманде, Майло, Мод, Рикардо. Об Удаве, Роджере и так далее.

– Я дам тебе своё оружие, – решила я на переход Рубикона.

– У тебя есть оружие?! – ахнул Эдди.

– Это особое оружие. Сиди здесь, я за ним сейчас схожу наверх.

– У тебя там оружейный склад?

– Нет, у меня там девчачья комната в плюшевых мишках и розовых единорогах. И да, немножечко оружейный склад.

Хотя... чего уж там, пойдём вместе, посмотришь.

Я собиралась дать стороннему человеку – обывателю – доступ к секретному оружию, собственной разработке команды учёных ТДВГ. К усыпляющему пистолету модели «Степлер».

Степлеры и другие изоды я храню дома в специальном тайнике. Всякий раз я молюсь, чтобы маме в моё отсутствие не приспичило делать глобальную разборку у меня в комнате. Но маме не приспичило, ей не до генеральных уборок с её-то работой. На глазах у Эдди я извлекла этот тайник и подала ему Степлер. Второй я взяла себе. Эдди не скрывал своего восхищения.

– Вот это да! Так ты секретный агент!

– Бинго, – с кислым выражением выдохнула я. Если уж палиться – так по-крупному, коль пошла такая пьянка!

– Я подозревал. Ни о чём не буду спрашивать. Я всё понимаю, – оправдывался Эдвард. – У тебя родители работают в ГБРИБ, я угадал?

– Родственник, – односложно кивнула я, подумав о Майло. Мы почти родственники: на носу свадьба его кузины Лириан и моего троюродного брата Зака.

Я кратко объяснила Эдди, как работает Степлер. Потом критически оглядела его одежду. В чём он приехал ко мне. Джинсы чёрные, а вот синяя будничная рубашка мне не понравилась. Я порылась у себя в шкафу. Карамба, как хорошо, что я терпеть не могу девчачью одежду и у меня вдоволь

всяких унисекс бесполоых мешковатых кофт и толстовок. И как хорошо, что мы практически одного роста и комплекции. Эдди мой брат-близнец.

– Держи вот это. Переодеться можешь в ванной. И держи ещё вот это, – я протянула ему специальный ремень с ножами. – Отдаю в аренду. Без процентов – по большому благу, – предупредила я.

– Спасибо, – ещё больше засмутился он. – Ты превращаешь меня в супер шпиона!

– Да чего уж там, – махнула я рукой. А сама принялась заниматься картами.

Зашла в Сеть. Изучила вблизи и со спутника Глум, инфраструктуру вокруг здания. Значилось, что это жилой частный дом. Я видела Глум во время одной из миссий, два года назад. Деревня деревней. Но в каждой деревне – свои законы. Преступные – в том числе. Распечатала карты. Эдвард закончил переодеваться. Я подала карты Эдварду, попросила его найти короткий маршрут до Глума. И отправилась переодеваться сама.

Перед выходом я рассовала по карманам, ремням, навесным кобурам оружие и шпионский инвентарь.

– Обалдеть! Я всегда мечтал ходить в такие рейды! Конечно, грех радоваться, я понимаю – малейшая ошибка, просчёт, и мы погибнем. Но адреналин так и бурлит. Я ставлю на то, чтобы я оказался прав, и мы узнаем о Мрии, увидим её.

– Не говори гоп, – предупредила я. И пояснила тихо: –

Примета плохая.

Через часа полтора мы уже были в Глуме.

Эдди хотел пойти сначала по центральной, оживлённой дороге. Но я не позволила. Потому что в городках типа Глума, где все знают друг друга, новые лица прохожих запоминаются без труда. Эдди беспрекословно слушался меня. Он говорил мало, кивал много, и этим напомнил преданную собаку. Я была приятно поражена, узнав, что Эдвард обладает всеми качествами полноправного коллеги. Так как было вначале опасение, что он будет много болтать. Но я вспомнила, что когда мы с ним были на кладбище (фактически – на нашей первой операции), Эдди вёл себя и реагировал более чем достойно.

Мы подбирались к интересующему нас дому, где зарегистрирован Зелёный Червь, окольными путями. Дворами, между другими домами и глухими заборами. На мне очки ночного видения, Эдвард по-прежнему видел в темноте.

Судя по данным из досье, дом принадлежал предпринимателю, разрешившему регистрироваться и жить съёмщикам за дёшево. Многие жили тут годами. То есть что-то вроде общаги-коммуналки. Дом большой, длинный, на казармы похож, приземистый. Полтора этажа. То есть один этаж и чердак под нависшей треугольной крышей.

Мы увидели свет в нескольких окнах, пару припаркованных машин у входа. Я на всякий случай быстренько записала их номера. Пока записывала, Эдди разглядывал дом, мы

с ним прятались за группой толстенных деревьев.

– Через парадную? – спросил Эдвард.

– Ага! С цыганскими плясками, бубнами и фанфарами! – прошипела я не без сарказма.

– Но мы же вроде хотим получить правду. Поговорить с соседями.

– Иди, получи. А я отсюда посмотрю. Постучусь, тебе, может, сам Верте и откроет.

– Да, дело дрянь. Как же мы тогда узнаем, здесь ли Верте или нет, бывает или нет? Ого, что это у тебя такое?

Эдвард с удивлением посмотрел мне на запястье. Потому что туда смотрела я. На запястье – прибор для определения присутствия и количества людей поблизости. Прибор сканировал определённый радиус и не взирая на препятствия в виде стен и перегородок, показывал, сколько находится людей или объектов с температурой человеческого тела. Зелёная точка – это тот, кто надел термостат. Красные точки – посторонние. Рядом со мной засела изумлённая красная точка – господин Симони.

В доме насчитала около двадцати точек. И они сосредоточились в одной части. Нахмурилась:

– Как будто там проживает большая патриархальная семья на две дюжины домочадцев, и они собрались в одном помещении поужинать. Пошли.

Я повела Эдди за дом, в ту часть, где собрались эти люди. Там мы нашли пристройку вроде сарая. Она обеспечила

нам отличное прикрытие. Ещё нам несказанно повезло. Мы нашли приоткрытое окно и смогли даже чуток в него заглянуть!

Удивлению и потрясению нашему не было предела. Как только Эдди смог совладать с собой и не завопить на весь Глум?! Ведь мы почти сразу в этой толпе «патриархальной семьи» увидели его Мрию!

Я всё же предусмотрительно схватила Эдди и зажала ему рот рукой. Это было не просто, учитывая что Эдди шестнадцатилетний молодой человек, а не маленький ребёнок. Эдди пару раз дёрнулся, больше от неожиданности, но затих и закивал мне. Я его отпустила. Мне показалось, что в темноте он поглядел на меня с благодарностью. Ему ещё учиться и учиться самообладанию! Ничего, за два с половиной года в ТДВГ научится. И почему я рассуждаю, будто Эдди уже завербован или без пяти минут мой коллега?!

Помещение в полумраке освещалось свечами. Деревянный пол, минимум мебели. Вдоль стен люди в чёрных балахонах. Я подумала, что большинство этих людей – парни, судя по росту и фигуре. Довольно рослые. Я только с двумя одновременно с такими справиться смогу вручную, больше не осилю, я ведь не супергероиня какая. Хотя, может, и думать про то, что осилю двух – тоже слишком самонадеянно. Единственные, кто не в балахонах, и тем они и выделялись из этой «патриархальной семьи» – Зелёный Червь и Мрия. Причём Мрия в очень коротком тонком чёрном платье. Где она такое

взяла?! Эдди ж утверждал – она скромница-монашка!

На её лице – готический макияж. То, что это Мрия – я узнала по волосам, по чертам лица. Я сегодня внимательно рассмотрела много фотографий девушки и запомнила, как она выглядит. Зелёный Червь облачён в мешковатые брюки цвета хаки и такого же цвета майку. Я увидела его мускулы. Нехилые такие. Мои ссадины и синяки отозвались неприятной болью. Как он отшвырнул меня тогда, прямо как болонку-собачонку! Нет, с ним, пожалуй, мне не сладить, если врукопашную. Да и Эдварду тоже.

Зелёный Червь вещал внимательно слушающим его людям, держа Мрию сзади за плечи и разворачивая то к тем кто стоял слева от него, то к тем, кто справа. Поэтому мы их и разглядели. Когда он поворачивался с Мрией в нашу сторону, мы с Эдди пригибались. Если им в глаза светили свечи, они вряд ли могли нас увидеть, но тем не менее, предосторожность не помешает.

– Сегодня мы принимаем в нашу семью нашу новую сестру, Мрию Дункалс. Нас с каждым днём, с каждым часом становится больше. И это всё благодаря Главному Мертвяку. Главный Мертвяк, которого мы ждали, пришёл! Наконец он с нами! Главный Мертвяк наградит нас! Так, как уже наградил меня. Главный Мертвяк пребудет с нами. Сегодня мы устроим празднество в честь Главного Мертвяка. И посвятим Мрию в наши ряды.

Меня смутило две вещи. У Томберов не принято назы-

вать неофитов настоящими именами. Им давались имена мертвецов – умерших людей, эти имена они подсматривали на могилах. Мрию же называли Мрией. И вторая вещь. Что это за Главный Мертвяк? Масочник? Это они так радуются, что Масочник благополучно отсиделся на дне и вернулся к прежним злоумышлениям? Но тут же я вспомнила: и Масочник, и Химера Фобос, и Профессор Зло поклонялись особому боссу. Это и был Главный Мертвяк. Мне не понравились слова Зелёного Червя о том, что Главный Мертвяк уже здесь. ТДВГ слишком медлительна. Мы что-то упустили.

– Да будет праздник! И мы открываем этот праздник Танцем Страсти и Смерти! – произнёс Зелёный Червь.

Помещение наполнилось музыкой. Включили колонки. Часть свечей задули. Все затанцевали, кто во что горазд. Готическо-депрессивная музыка. Я такую не люблю. По мне так бунтарский воодушевляющий тяжёлый рок и метал будут покруче.

Мы с Эдвардом уже не переживали, что нас увидят.

– Что будем делать, шеф? Перестреляем их всех из степлеров? – задал вопрос Эдди.

– Не подходящий момент. Много людей. А нас двое. Я не знаю, что они предпримут, когда мы начнём стрелять. Я не знаю, что предпримет Верте. Нужно в первую очередь добраться до него, захватить врасплох. Здесь лидер он. Пока наблюдаем.

Зелёный Червь танцевал с Мрией в паре. Мрия не выгля-

дела безвольной куклой, отнюдь! Глаза её возбуждённо горели, она бледна – возможно, от волнения, что оказалась здесь, с кучей незнакомых людей, совершила роковой поступок, убежав из дома. Но при этом всё её поведение говорило об отчаянном бесстрашии. Как будто высвободилась из оков. Она напоминала птицу, невзначай улетевшую из клетки. Домашнюю птицу, которая мало разбиралась в жизни диких, хищных птиц. И лучше бы ей остаться в своей клетке. Она танцевала так, как танцуют раскованные, развязные девицы. Такие танцы я видела у моих одноклассниц, у той же Салли.

Музыка бурная, ритмичная, Зелёный Червь то и дело требовал, чтобы делали громче. Часть танцующих скинули с себя балахоны. Я посчитала, что девушек пять, не считая Мрии, и пятнадцать парней. Я вспомнила, что в томберы отбирали таких рослых специально: обучали искусству убивать, драться, делали из них идеальных «солдат-зомби». Девушек отбирали красивых – на роль вербовщиц. Среди этих пяти девушек-томберок ни одной невзрачной, толстенной или прыщавой. Все как на подбор, им бы манекенщицами работать! Под эту ритмичную музыку они все бурно танцевали. Кто-то поодиночке тряс башкой и ходил ходуном ногами, кто-то с кем-то в паре, как Мрия с Зелёным Червём. Мрия извивалась всем телом, призывно выгибалась и не спускала глаз с Червя. Стыд и срам!

Вакханалия. Я подумала, что в эту музыку вшиты гипнотические программы на низких частотах, что-то вроде эф-

фекта двадцать пятого кадра. Их уши не слышат, но эти частоты попадают прямиком в подсознание. пожалела, что у меня нет с собой наушников. Глянула на Эдди. Он смотрел на Мрию не отрываясь. И беззвучно матерился одними губами. Он изумлялся поведению скромной соседки, робкой девочки, которая деревенела и скукоживалась, когда его мама сажала её фотографироваться.

Потом музыка резко сменилась. То есть одна композиция закончилась, и сразу же началась другая, без паузы. Более медленная, томная. Зелёный Червь обхватил Мрию одной рукой за талию, притянул к себе. Мрия вначале немного отстранилась, я увидела на её лице мгновенно проскользнувший испуг. Но ещё через миг она закинула руки ему на плечи, снова доверчиво и преданно заглянула в глаза. Они все стали танцевать медляк. Пять парней тоже тут же похватали «свободных» девчонок и принялись с ними обжиматься. Один из них приставил свою пассивку к стене и начал страстно целовать. Музыка этому способствовала. Это была сладострастная музыка, пробуждающая влечение. Возможно, тому виной гипнотическая программа, зашифрованная в ней.

Мы с Эдди не успели оглянуться, как уже все пять пар мальчик-девочка целовались. Остальные, кому не достались девушки, медленно покачивались с закрытыми глазами, пребывая в полусне. Не целовались только Мрия и Зелёный Червь. Они стояли, крепко прижавшись друг к другу, руки Мрии были по-прежнему у него на плечах. Эдди достал степ-

лер, я вонзилась ладонью ему в запястье и медленно покачала головой. Зелёный Червь внезапно поднял Мрию на руки и быстро унёс её.

Эдди вовсю дёргался, но я шикала на него, и ему пришлось меня слушаться. Я смотрела на термостат. Зелёный Червь уволок Мрию вглубь этого дома. Едва Червь со своей пленницей ушёл, музыка постепенно сошла на нет. И... оргия постепенно прекратилась. Целующиеся пять пар расцепились, как ни в чём ни бывало надели балахоны. Те, кто стояли в полутрансе, подошли к своим упавшим балахонам, тоже надели. Они остались молча стоять в этой комнате.

– Видал? Их не надо сбрасывать со счетов, – я выбрала поучительный тон.

– Мне кажется, они тут выплёскивали энергию любви. Ну, извращённой любви.

– Не только любви. Они выплёскивали энергию Страсти и Смерти. Я не знаю, что это такое, могу только догадываться.

– Где Верте и Мрия? Мы потеряли слишком много времени! – Эдвард почти негодовал.

– Я наблюдаю за ними. Они статичны. В глубине дома. Пойдём, поищем чёрный ход. Вот теперь настало время прикрывать эту лавочку, выводить твою принцессу отсюда. Верте пока один. Если нам повезёт, мы снимем его, схватим Мрию под мышку и быстро убежим, пока вот эти любящие танцевать под наркозом гаврики не очухались.

– Я уже сомневаюсь, что она моя принцесса, – буркнул

Эдди.

– Что, любовь прошла, завяли помидоры, верно? – подмигнула я.

– Когда-нибудь я в тебя сам кину помидором!

Чёрный ход мы нашли быстро. Дверь оказалась открытой. Видимо, этим ходом пользовались недавно. Я смотрела на термостат. Пока нам везло. Кодла из двадцати томберов оставалась в той комнате, ждали возвращения своего вожака. Вожак, видимо, утащил Мрию, чтобы проинструктировать насчёт дальнейших действий, что она должна сделать как посвящённая.

Мы тихо вошли в дом, оказались сначала в подсобном помещении с граблями, лопатами, другим садовым инвентарём. Из него попали в большой и достаточно широкий коридор. С одной стороны окна, с другой – двери, по-видимому, в жилые комнаты. Если идти прямо – как раз можно упереться в дверь, где кодла томберов, а ещё там, как я поняла, большая кухня и санузел. Ванная тут наверняка общая.

Судя по термостату, Мрия и Зелёный Червь за третьей дверью справа. Я знаками объяснила Эдди, что сейчас стрелять самое время. Мы на цыпочках подкрались туда, прислушались. Тишина. Набрав воздух в лёгкие, я вместе с тем набралась храбрости. Ведь я категорическим жестом обозначила Эдварду, что я иду первая. Нужно сыграть на эффекте внезапности.

Дверь, чуть приоткрыта. Я толкаю, мы вламываемся. Аб-

ми-томберками. Я почти на автомате вскидываю степлер, стреляю в одного, второго бью наотмашь, стреляю в третьего, стреляю во второго. Они падают в дверях, перегораживая проход следующей партии мигом очухавшихся солдат-зомби. Я бегу по лестнице вверх, стреляя вниз. За мной погоня.

Я оказываюсь на чердаке, меня хватают за ногу. Я стреляю, скидываю этого человека вниз, на головы тех, кто лезет за ним. Хватаю люк, со всей дури закрываю его, вижу тут же засов, с помощью него баррикадирую чердак.

Оглядываюсь.

Вижу, как Зелёный Червь что-то делает с Эдди нехорошее. Он душит Эдди, Эдди хрипит, но отчаянно дерётся. Но Зелёный Червь сильнее. Где степлер?! Вижу, валяется чуть в стороне. Где Мрия? Вижу её, прикованную наручниками к столбу-подпорке, на коленях, она полными ужаса и слёз глазами смотрит на Эдди, Червя, меня.

В люк снизу ломаются.

– Эй ты! – шикаю я. – А ну быстро отвязался от моего друга!

Люк трещит, его вот-вот расколотят.

Зелёный Червь отпускает Эдди, поднимает на меня голову. Смотрит, ухмыляется:

– Привет, куклёнка.

– Пока, червячок, – говорю я и стреляю. Моя пуля врезается ему в шею.

На его лице вдруг проскальзывает удивление, но только

на миг. Потом снова выражение издевательской ухмылки. Я стреляю снова. И снова. Стрелять удобно, потому что расстояние небольшое.

Он наконец оседает на пол. Не двигается. Эдвард с опаской смотрит на него, тоже не двигается. Ведь враг лежит рядом с ним. Я медленно подхожу к Червю, не спуская с него степлер.

Не сразу до меня доходит, что снизу перестали ломиться. Меня больше беспокоит Червь. Но он спит. Сколько он проспиг? Вдруг на колдунов снотворное действует на меньший срок? Вдруг вообще не действует, и он притворяется.

Тяжело дышу. У меня стресс. Вот-вот руки задрожат. Киваю Эдди. Он медленно отползает, поднимает Степлер.

– Он выбил его у меня. Я не успел... Он чертовски силен, – оправдывается он.

– Тебе повезло, – шепчу я.

Мрия звонко и нервно говорит, шмыгая носом:

– Он хотел принести меня в жертву. Какой-то русалке! Я думала, он шутит! Я разрешила ему себя приковать. Но там где ты сейчас стоишь... вон то окно... оттуда дым пошёл сюда, и дым стал превращаться в жуткую женщину... И она... она сказала, что убьёт меня прямо сейчас... Я боюсь... я ничего не понимаю... что происходит?... я хочу домой...

Мрия окончательно раскисла и принялась биться в истерике, плакать, реветь, рыдать. Мы с Эдди растерянно смотрели на неё. Пока я не спохватилась:

– Надо её освободить.

Эдди рассеянно смотрел, как я достаю из одного из карманов Иглу Демоуса – ключ от всех дверей. Как отворяю наручники. Мрия ревела, бормотала, но как только очутилась свободной, вскочила и кинулась Эдди на шею. И продолжила реветь в его объятиях. Эдди совсем смутился. Он несмело приобнял её, успокаивающе гладил по голове, шептал утешающие слова.

Я выглянула в окошко. Что Мрия говорила про русалку? Что за русалка влетела в окно дымом и смертельно напугала девочку? Никогда не слышала, чтобы русалки летали дымом. Грифона надо про это поспрашивать, он же вроде знаток по русалкам.

Пока Эдвард утешал Мрию, я осторожно подошла к люку и прислушалась. Тишина. Термостат показывал статичность нескольких человек. Я перепроверила заряд степлера и раскрыла люк. Выстрелила несколько раз – от нервов. Но в этом не было нужды.

Они лежали штабелями. Штук двадцать. Парни и девушки, в разных распластанных спящих позах. Как это они так?! Это я их так что ли?! Но я не стреляла, когда они ломились! От чего они уснули? От того, что были ментально-астрально связаны с Червём, и уснули сразу как только он уснул?! Мне это не нравилось. Я оглянулась на парочку голубков и прошипела:

– Мотаем удочки.

Наш выход из этого дома напоминал выход единственных выживших из бомбоубежища после зомбиапокалипсиса. Вокруг слишком тихо. Что случилось с томберами, почему они уснули, перестали ломиться? Нам с Эдди что, кто-то помог?! Кто?!

Эдди успокаивал Мрию, вёл её, накинул на неё свою куртку, что-то постоянно шептал. Прямо ангел-хранитель! Я обеспечивала отступление. Смотрела по сторонам. Целилась на улице в каждую тень, пока мы не дошли до дороги.

Автобусы ещё ходили. Всю дорогу Эдвард держал Мрию за руку. Когда мы подъезжали к Укосмо, Мрия прикорнула у него на плече. Как трогательно! Эдди посмотрел на меня виновато. Но ничего не говорил. Я тоже не говорила. Мы, два рыцаря, спасли принцессу из лап Червя-дракона, из его Червоточины. Миссия выполнена. Мрия вернётся домой, к любящим родителям.

Салютую тебе, Удав!

Пишу тебе на наш секретный канал, потому что это важно. На этот раз мой вопрос – не праздное любопытство. Всё серьёзно; это по моему расследованию. Когда ты учился в «V», знал ли ты Вермиса Верте? Он называет себя Зелёный Червь. Если знал, я буду очень признательна, если ты расскажешь мне абсолютно всё. Ещё раз подчёркиваю – это очень важно. Он мой личный враг и враг ТДВГ, и нам нужно знать всё про него, чтобы найти слабое место. Сорвиголова.

Грифон отошёл за угол пристройки дома, предварительно накинув на себя Мантию Отвода Глаз. Он успел сделать это в тот момент, когда дверь открылась, и из неё сначала не шаткой походкой вышел юноша, ведший за плечи перепуганную до смерти хрупкую девушку, а следом выскочила Сорвиголова. Сорвиголова таранилась в темноту, сверкая очками ночного видения и целилась в каждый куст и сугроб. Она подталкивала напарника и спасённую ими девушку в спину, двигала, заставляла бежать отсюда быстрее. Во всех её движениях и общем настрое Грифон уловил чёткость, железную выдержку, расторопность. Хоть ей и страшно и она то и дело ждала нападений. Она увела своих спутников, как опытный генерал уводит роту партизан после успешной вылазки в тыл врага.

Грифон хотел проследовать за ними, обеспечить безопасность этого тыла. Он планировал убедиться, что они благополучно сядут на автобус. Но понимал, что ему лучше остаться и прикрывать их именно здесь. Потому что опасность всё ещё затаилась в этом доме. Если бы Грифон пошёл за ребятами – ему пришлось бы повернуться к этой опасности спиной, а это не выгодно.

– Рина Вронски, – тихо позвал Грифон, после того как ребята, по его расчётам, убежали достаточно далеко. – Зачем

тебе племянница убитого вами Охотника?

Грифон властно смотрел в темноту, прямо перед собой. Он, Охотник Воздуха, чёрных зловещих созданий Воды, мог учуять за версту. Он знал, что Русалка удобно прячется в облаке особой Мантии Тени, чёрномагической субстанции, слившись с темнотой декабрьской ночи.

Перед Грифоном закружился, расплавился воздух. Его обдало паром и жаром. Но он и бровью не повёл. На его лице выступил пот, и он почувствовал себя в сауне. Через несколько секунд перед ним стояла представительного вида блондинка, молодая, но уже не юная дева, лет тридцати на вид. Блондинка отличалась роскошными формами и не менее роскошными одеждами, подчёркивающими эти формы. Длинное сине-голубое мерцающее платье, бледно-голубой полушубок, бриллианты в ушах, на пальцах, на запястьях. Эти пальцы и запястья она властно скрестила на груди и с недовольством, едва скрывая презрение, посмотрела на Грифона:

– А тебе-то что? Чего это ты вылез сюда, чего пришёл? – тоном барыни, общающейся с холопом, спросила она мелодичным высокомерным голосом. – Или беляшом решил заделаться? Ну давай, напади на меня, ха-ха-ха! Да тебе же нечем крыть!

Рина самонадеянна. Она не думала, что Грифон нападёт. Потому что это означало бы автоматически то, что Грифон объявляет русалкам войну формально, то есть формально

принимает на себя Белую Сторону и Белый Путь. Рина знала, как серые нейтралы любят свободу, никому не подчиняются и делают всё по-своему. Поэтому вела она себя как хозяйка этого шахматного поля, несмотря на то что Грифон абсолютно равный ей игрок. Он не преминул этим воспользоваться.

– А тебе какое дело до девчонки, тем более до её смерти? Вы уже и так напортачили дальше некуда. Ключ недолго у вас останется. Думаешь продлить агонию, выслужиться перед Королевой? Да тебе тоже нечем крыть. Особенно теперь, когда добычка ускользнула из-под носа.

– Ах вот как ты заговорил. Я всё поняла. Ты не нападаешь на меня. Не дерёшься. Значит, хочешь использовать девчонку в своих целях, раз не позволяешь мне уйти.

Конечно же, едва Рина появилась перед Грифоном, он быстро проделал трюк. Это может проделать только Охотник-стихийник против создания враждебной стихии. Он накинул на Русалку незаметный астральный капкан. И теперь Рина у него словно в сачке. Она физически могла двигаться, но её магические способности и возможность ускользнуть на Теневую Сторону оказались заблокированы – на время действия Капкана Грифона.

– А хотя бы и так! – усмехнулся Грифон, подыгрывая русалке.

– Может, уберёшь пути? Или мне счесть это вызовом и подтверждением, что серенький стал беленьким? – в голосе Рины проскользнули нервные нотки.

– Что делать с путами – решать мне, не тебе, – поправил её Грифон. – А хоть бы так, пусть я буду беленький. Вы совсем избаловались. Давно не имели дел с Охотниками, начали даже их истреблять. Дело не в том, на чьей я Стороне. Дело в том, что я Охотник, понимаешь, милочка? Твои шавки-подруженции завалили одного из наших – из Охотников. И ты только что собиралась завалить его родственницу. Она безоружна и не пробудилась. За такое я, даже будучи чёрненьким, тебя не поглажу по головке.

Последние фразы Грифона отливали металлом. Он влил магический ток и энергию в капкан, сжимая его. Рина почувствовала сильную боль на уровне астрального тела – как мощный порыв Воздуха стал высушивать, фактически всасывать в себя всю её Воду гигантским безжалостным пылесосом. Рина стала чувствовать удушение, как рыба, выброшенная на берег.

– Ты заплатишь за это! Подлец! Трус! Напасть на меня, безоружную женщину, застать меня врасплох! – хрипела она, с каждым мгновением испытывая страшные муки.

Грифон ещё «поднажал»:

– Скажи это своим морячкам, которые тебе наверняка снятся в кошмарах.

– Это я снюсь в кошмарах их духам, ясно тебе?! – Рина попыталась выплеснуть из себя магию, ошпарить Грифона, сварить заживо, но у неё ничего не выходило.

Магия Охотника Воздуха, направленная на всё её нутро,

превращала её в мумию. Рина поняла, что магии у неё нет, и что теперь её тело начинает высушиваться. Она почувствовала страшную жажду – настолько сильную, что у неё заскрежетали зубы. Жажда, удушье, иссушение.

– Зачем тебе нужна девочка и её гибель – я докопаюсь. Знайте своё место. В своё время Паук загнал вас прозябать в канализации, смотрите, как бы это не повторилось вновь. А у меня есть повод предполагать, что так всё и повторится. Да, я нейтрал, я серый. Именно по этой причине я тебя не убью. Не убью твоих рабов, которых мне пришлось усыпить, чтобы они не мешались под ногами. Тебе сегодня повезло, Рина. Что-то ты слишком ошпаренная и выпаренная, пошла бы ты в баню.

Грифон собрался схлопнуть на Рину магический вырубачий удар средней степени тяжести, чтобы повергнуть русалку в неглубокую и непродолжительную кому.

Но Трёхглазая, услышав телепатический астральный призыв верной фрейлины, поспешила извлечь Рину из затруднительного положения, телепортировав её с помощью третьего глаза и Шара. Перед Грифоном образовалось пустое место вместо Риной, проталина протаявшего до самой земли снега и большое паровое облако.

Русалки нагтели. Они забыли, насколько Охотники мощны. Грифон напомнил Рине об этом. Он нахмурился по той причине, что скорее всего ему придётся принимать Белую Сторону.

– К Белизне я не готов. Если я и приму одну из четырёх сторон – пусть это будет Тьма, – проговорил он, в ответку Рине. Потом он достал рацию и вызвал Скорпиона.

Часть 3. Падение со ступенек

Светло-Чёрный пролог

Айрээн почувствовала себя в холодном и страшном месте. В каменном мешке, пронизанном энергией зла. Ощущения остро сравнимы с ощущениями ещё живой бабочки, которую коллекционер наколол на иглу и прикрепил к поролону. Она проснулась с громким стоном и выдохом, быстро ощупала вокруг себя каменный пол, быстро поднялась.

Вокруг так темно. Черно. Айрээн на ощупь подобралась к стене, прижалась к ней спиной. Какая-никакая защита сзади. Она вгляделась в темноту и черноту, принялась восстанавливать дыхание, проговаривать внутреннюю медитацию.

«Всё хорошо. Со мной Добро и Свет. Я слита с Мирозданием, со Вселенной. Я чувствую любовь и поддержку Вселенной. Я смогу со всем справиться. Мой мир не допустит, чтобы со мной что-то случилось. Вселенная любит меня, я в безопасности. Я служу Добру и Свету...»

Вокруг Айрээн витали чёрные тени, сгустки, дым. Они почти касались её, намереваясь съесть, поглотить, запугать. Но по мере того как Айрээн возвращала самообладание, по-

степенно они отступали. Айрэнн поняла, что её кто-то похитил и перенёс сюда. Ведь она засыпала в уютной комнатке для гостей в Скомато, где временно поселилась.

– Какова цель? – спросила Айрэнн. Голос её взволнован, но она уже меньше боялась. Она прижималась спиной к стене, вглядывалась в тени изучающих её жадных лярв.

Она чувствовала накатывающие волны слабости. Страх ушёл, но она теряла энергию. Тот, кто похитил её сюда, рисковал высосать со временем всю её жизненную силу без остатка.

– Назови свою цель. Обсудим, – проговорила Айрэнн тише и увереннее.

Неогермиты её многому научили. Неофантомы, называющие себя Шакалами – тоже. Скоро Айрэнн услышала голос издалека, он звучал как будто из динамиков микрофона. Голос заволакивал всё пространство:

– Земля. Я думаю, тобой не просто будет управлять. Приведи мне того или ту, кто Огонь. Я не согласна обсуждать что-либо и вести переговоры с тобой, твоя Стихия мне не подходит.

– Кто ты? Зачем я тебе должна кого-то привести? – выкрикнула Айрэнн в черноту.

– Слишком много вопросов, – голос стал осуждающим.

Он принадлежал взрослой, много чего повидавшей, слишком опытной зрелой женщине. Властной. Айрэнн почувствовала влажность в воздухе. Через несколько секунд ей стало

так тяжело дышать, будто она тонула. Она продолжала сла-
беть. Она уже не прижималась к стене, а бессильно опира-
лась на неё.

– Паук тебя хочет послать на сделку. Ты мне не нужна.
Приведи Огонь. Так и передай Пауку, что мне нужен Огонь.

Айрэнн почувствовала невидимый удар. Она согнулась в
три погибели от боли, еле сдержала крик, упала на холодный
каменный пол. И... проснулась.

Она лежала на своей кровати, в комнате в Скомато. Серд-
це бешено стучало. Айрэнн вскочила, осмотрела себя. Физи-
чески она в порядке, но чувствовала сильную слабость, вы-
качку энергии. Шатаясь, она вышла в коридор и постучалась
в комнатку напротив. Комнатки в подвалах Скомато постоя-
льцы и жильцы ласково называли кельями. Из кельи вышла
Ниания. Чёрная Леди не спала, даже не сняла макияж – она
занималась прослушиванием и сведением записи. Вдохнов-
ляющий процесс затягивал с головой. Как и все творческие
люди, Ниания почти не спала ночами.

Увидев бледность и состояние подруги, Ниания встрево-
жилась, приобняла Айрэнн за плечи:

– Айрэнн, что с тобой?! Что случилось?

– Я думаю... меня только что похищала русалка. Через...
свой Шар. И говорила со мной... – Айрэнн почувствовала
накат спазма, стала терять сознание.

Ниания, чертыхаясь на русалку, подхватила Айрэнн на
руки и принесла в свою комнату. Через считанные минуты

возле Айрэнн появился Шрам. Он принёс отвары и снадобья, облегчающие состояние. Ниания и Шрам зажгли благовония. Они стабилизировали пробоины в ауре, помогали восстанавливать силы. Мангуст, узнав, что с Айрэнн случилось, настолько за неё перепугался, что решил прямо сейчас бежать искать Трёхглазую, её фрейлин и брать в одиночку штурмом их резиденцию, в каком бы измерении она ни находилась. Ниания с трудом отговорила его.

Тем временем Айрэнн пришла в себя. Мангуст, Ниания и Шрам были возле неё, поддерживали, спрашивали о самочувствии. Увидев встревоженные лица друзей, Айрэнн сильно расстроилась. Она не хотела причинять им столько неудобств.

– Зачем она тебя похищала? Вряд ли, чтобы просто откатать твой магический ток, Трёхглазая такой ерундой точно заниматься не станет, – размышляла Ниания, заботливо проводя изящной нежной рукой с хищным готическим чёрным маникюром по светлым волосам подруги.

– Она оставила мне послание. Она требует, чтобы на переговоры о Ключе к ней пришёл Огонь. Чтобы я привела Огонь.

– Ах она с... какая! – вырвалось у Ниании. Воинственная лидерша Приходящих-не-в-Полночь сжала кулаки.

Шрам успокаивающе положил ей руку на плечо и прошептал:

– Тише. Не поминай всуе. С помощью своего проклятого

шара она сейчас может наблюдать за нами.

– Да я ломом пойду разобью сейчас её чёртов Шар! – бесновался Мангуст. Он бесился от того, что Трёхглазая сделала с Айрэнн. В неё Мангуст втайне успел влюбиться. Как и Шрам, как и Коллинз, однако Мангуст самодовольно полагал, что он сам вне конкуренции.

– Мангуст, Шрам прав. Осторожнее со словами. Они колеблют астральное поле, ты знаешь. Словом можно убить, слова могут стать другом и врагом, а в данный момент язык твой и мой – враг нам. Спасибо, Шрам, – успокоив Мангуста и поблагодарив Шрама, Ниания – настоящий мастер по самообладанию, задумчиво поглядела на подругу. – Огонь. Она хочет быть сильнее на своей территории, рассчитывает на то, что если к ней придёт тот, у кого основная стихия – Огонь, она зальёт его, задушит и установит свою власть.

– Если это так и Паук одобрит – а он наверняка так и скажет, дескать слово Королевы – закон, где нам искать Огонь? – задумчиво проговорил Шрам.

– Моя стихия – Вода и Земля. Ну то есть Земля и Вода. Жижга грязная одним словом. Я почти сама как русалка или как лягушка. Удивляюсь, как у меня до сих пор хвост не отрос, – не без самоиронии отметила Ниания. – Мангуст у нас Земляк по большей части, Шрам – Воздушник.

– Я не земляк, я земле-воздушник! Воздухоземляк! Летучие камушки! Деревья с крылышками! – Мангуст принялся изображать, как летают птицы. Ниания ядовито шикнула на

него.

– Пойдёт Коллинз? – спросила тихо Айрэнн.

– Нет, Коллинз не пойдёт, – покачала головой Ниания. – Паук сторговался, что пошлёт девушку. Девушке легче будет устоять перед чарами русалки, чем мужику. Я бы сама пошла и надавала бы им люлей, но меня не пускают, потому что я слабачка.

– Значит, нам нужна огонь-девушка? – уточнил Мангуст.

– Да, и желательна такая, которую вода пятерых Высших Древних сирен залить не сможет. Которая сама разгорится так, что сирены сварятся заживо и в облака превратятся, – Ниания воинственно сжала кулак.

– Где нам найти такую? – спросил Мангуст.

– Послушаем сначала Паука, когда он выйдет на связь с нами, – разумно заметил Шрам. – А после того, что вытворила Трёхглазая с Айрэнн – ведь это фактически вторжение в наши границы – Паук точно отдаст нам соответствующие распоряжения.

В голосе Шрама послышался металл. Миролюбивый в обычное время, похожий на эльфа, «лекарь» тоже внутри горел желанием присоединиться к Мангусту и Ниании и немедленно напасть на Русалок.

Огонь-девушка

Сегодня я увиделась с Мод. Но поговорить не удалось. Она быстро провела урок, даже отпустила класс на семь минут раньше, а потом быстро убежала. Настолько быстро, что я ничего не успела у неё спросить.

Потом мне пришлось убежать от Салли – она активно зывала поучаствовать в тусовке по поводу планирования нового года для малышей. Салли сагитировала полкласса. Будь она в томберах, из неё бы получилась идеальная вербовщица!

Джиллса я не видела, видимо он готовился к предстоящей вечеринке, зато мне пришлось убежать так же, как и от Салли, – от Когана, Локуста и Мэрмота. Они наседали, предлагая, чтобы я сразу прямо после школы пошла к Джиллсу и помогла бы ему «готовить салатики», как они выразились. Я схитрила и отвязалась – мол, мне нужно навести марафет, а также поговорить с Питом и Джейн насчёт того, чтобы они тоже пришли. Локуст на это хитро закивал, сказав, что передаст Вайлу радостную весточку, что возможно придёт его «невесточка». В представлении Локуста, у Вайла с Джейн не только был бурный роман, но и они чуть ли не десять детей уже родили.

Едва я очутилась дома, не успела рюкзак снять, как принялся названивать Пит. С шутливыми претензиями, куда я

пропала, и как они с Джейн по мне соскучились. Мне стало совестно. Я ведь правда «забросила» моих лучших друзей. Чтобы реабилитироваться, я договорилась с Питом, что зайду к нему попозже вечером, а Пит оповестил, что Джейн тоже будет у него.

Мне хотелось многое рассказать ребятам, посоветоваться с ними про наше с Эдвардом дело о томберах. То, что произошло вчера, было с одной стороны рядовой операцией, с другой стороны сильно взбаламутило меня. С Эдди у меня вчера не было возможности поговорить и всё обсудить, потому что при Мрие мы не могли обсуждать конфиденциальные вещи. Да и девочка была не в том состоянии, чтобы выносить наши с Эдди эмоции по поводу всего, что мы там пережили. Ещё я хотела, зайдя вечером к Пити и Джейн, предложить сходить на вечеринку к Джилсу, хотя бы на часик, развеяться.

Поговорив с Питом, я хотела отправиться наконец передохнуть. Но не тут-то было! Мне позвонил Эдди.

– Клот! Ты дома! Какое счастье! Послушай, нам нужно встретиться. Ох... Не сочти это за подкаты, это по делу! Я по телефону не могу! Могу приехать к тебе, прямо сейчас. Или ты ко мне... Или пересечёмся в центре...

Чрезвычайно возбуждённый голос. Так и хотелось зашипеть ему – «Самообладание, Эдди. Самообладание!». Но я подумала, что он сам это всё прекрасно понимает, да сделать ничего не может.

– Давай компромисс. Встретимся там же, где и в прошлый раз.

– ... – молчание, странный глотающий звук. – В Глуме что ли?!

– Карамба, Эдвард! Не напоминай мне про этот город! На Серебряной!

– Идёт! Я сам хотел предложить! Я угощаю!

– Эдвард, ты же вроде сказал, что это не подкат! – хихикнула я.

– Мне бы твоё чувство чёрного юмора... Знала бы ты, в чём дело – так бы не шутила, – выдохнул он.

Примерно через час мы встретились. В том же самом кафе, за тем же самым столиком.

– Ты не поверишь! – начал он, почти размахивая руками. И сдержанно и осторожно поглядел по сторонам, шёпотом спросил: – У тебя нет хвоста?

– Я что, по-твоему, русалка?!

– Я не так выразился... Ум за разум заходит. За тобой нет хвоста? – переформулировал вопрос Эдвард.

– Не замечала, – мрачно ответила я, насторожившись.

Эдди прав! Нужно смотреть в оба. Учитывая, во что мы связались! Мой напарник продолжил:

– Может это и хорошо, что мы встречаемся в людном месте, на нейтральной территории. В смысле что наши враги постесняются напасть на нас.

– О, мы связались с такими врагами, которые не постесня-

ются, – заметила я. – Но не будем о плохом. Что произошло?

– Ох... Мрия... Клот, я должен поблагодарить тебя, извиниться за вчерашнее. Я вчера сгруппировал и поставил тебя под угрозу. Я не послушался тебя, а ведь у тебя большой опыт агентурной работы. Ты... простишь меня?

– Мне не за что тебя прощать. На мой взгляд, мы вчера отлично сработались. Доказательства этому сейчас сидят за нашим столиком. Мы во плоти, а не духи или зомби или иная форма мертвотных, вот что я имею в виду.

– Я не должен был туда бежать... Но когда я услышал её крик...

– Нет, ты должен был. Это я стормозила. Возможно, ты спас её жизнь. Там было нечто, что её до ужаса напугало. И это не Зелёный Червь.

– Да, она говорила про женщину. Нет, на самом деле это ты спасла её жизнь. Без тебя я бы там один не справился. Да что там говорить – без тебя я бы вообще туда не попал! Ведь я даже адреса не знал. Послушай, Клот. Прости, что я так сбивчиво, непоследовательно говорю. Я слишком возбуждён, слишком шокирован тем, что случилось с Мрией и её семьёй... Мне не по себе. Происходят странные вещи. Возможно, для тебя они не странные, ты же секретный агент... – шептал он, возбуждённо тараща глаза.

В этот момент он напомнил мне некую хитрую, юркую, но совсем не хищную рыбу, впервые в жизни увидевшую водолаза.

– Я расскажу по порядку. В общем, когда мы с Мрией вчера вернулись домой... Я по дороге придумал легенду, как я объясню, откуда я еду, откуда я взял Мрию. Я сказал ей, что скажу родителям – своим и её – что нашёл её возле заброшенной школы. Той, что на улице Мандаринов. Мрия познакомилась с девочками, и её новые подружки предложили ей игру. Попробовать себя, принять вызов и так далее. Мрия была вчера сама не своя, ты видела. Короче, она кивала, неуверенно правда. Потом она сказала, что я волен говорить всё что угодно, чтобы прикрыть себя, ведь это она виновата, что подвергла меня опасности. Ещё она спрашивала про тебя, кто ты, я сказал, что ты моя родственница, троюродная сестра. Ничего?

– Эдди, я польщена и растрогана! Я бы тебя с удовольствием в родные братья взяла, не только в троюродные, – широко улыбнулась я, мы пожали крепко руки друг другу. Рука Эдди холодная, потная – настолько сильно он возбуждён.

– Я попытался деликатно её расспросить, что произошло. Она снова сказала про женщину, которая появилась из ниоткуда. Женщина эта была очень злой и сказала в лицо Мрии, что прямо сейчас убьёт её, что она давно мечтала это сделать. Мрия этой женщины не знает. Она подумала, что это – сама смерть. Ну, как типа бабки с косой и так далее. Высокая блондинка в синем платье. И ещё раз подчеркнула – злая-презлая блондинка. Можешь себе это представить? Блондинки бывают глупыми, во всех анекдотах, это стереотип. И

умные блондинки этим отлично пользуются, они прикидываются гофрированным шлангом, то есть глупыми... Прости, меня несёт. И вот, мы подъехали.

Мои родители были в шоке, что я вернулся поздно невесть откуда, а я им оставил записку, что ночую у друга. У меня есть двоюродный брат Стив, и у него есть друг один, наш общий, и вот я сказал, что с ним встретился поиграть. И тут вдруг я возвращаюсь, да ещё с Мрией. Я им сказал легенду, они особо не вслушивались, потому что тут прибежали папа и мама Мрии. Естественно, поднялся трам-тарарам и бедлам, слёзы, крики, наполовину крики радости на другую половину крики гнева – «Ты где была, блудная дочь» и так далее. Дурдом, ты меня понимаешь.

Наутро отец кратко спросил меня, когда я нашёл Мрию, она была одна, и что Мрия мне говорила по поводу случившегося. Я повторил свою легенду. Мне кажется, отец не поверил, но особо допытываться не стал. Он лишь хотел убедиться, что и я, и Мрия находились в безопасности в тот момент, когда я нашёл её, и что ни я, ни она не наделали глупостей. Потом я пошёл в школу, мама и папа – на работу. Когда я выходил, задержался на лестничной клетке, прислушался к тому, что за дверью квартиры Дункалсов. Там было тихо. В тот момент я тебе завидовал, Клот, что у меня нет твоего волшебного датчика. Я бы уже тогда определил – был ли кто утром за стенкой или нет.

Я пришёл домой из школы и увидел, что дверь в квартиру

Дункалсов распахнута настежь. Туда-сюда ходят рабочие, и среди них – наш сосед-домуправ. Рабочие выносят мебель. В квартире – никого, никаких вещей. Как корова языком слизала! Дункалсов и их вещи, я имею в виду. Я давай домоуправа спрашивать, что да как. А он такой – «Да не знаю я, да уехали они, да переехали!». Ты можешь себе представить?! За считанные часы – всего за часов пять-шесть семья из трёх человек собралась, выгребла все вещи и сдёрнулась не пойми куда!

«А они ещё вернуться, за мебелью?» – спрашиваю.

«А чёрт их знает. Скорее всего не вернуться, раз господин Дункалс мне велел всю мебель раздать рабочим, их семьям. Вот я ребят позвал, у кого детишки, у кого бедственное положение с имуществом».

«Куда они переехали? Почему так внезапно?»

«Ты, парень, мне тут из себя сыщика не строй. На такие вопросы отвечать не уполномочен, – вкнул домоуправ, но смягчился, вспомнил, что мой папа ему регулярно дарит ему коньяк, чтобы тот дружил как следует с «мафиозным кланом Симони» – Я сам диву даюсь. Ко мне сегодня в девять уже риэлторы нагрянули, говорят – у вас тут квартира продаётся, хотим клиентов привести. Увидел потом в почтовом ящике на своё имя распоряжение господина Дункалса раздать мебель, и что они переехали, больше жить здесь никогда не будут».

– Да. Дела, – проговорила я после минуты ступора. – Ты

прав, Эдди. Я теперь тоже в шоке.

– Я продолжаю беспокоиться за Мрию, за её состояние. Она совершила ошибку, оступилась. Её родители наверняка всю ночь прессовали, заставили рассказать, что да как, и она, видимо, раскололась. Но вот чтобы они так раз – и сорвались?! Да и куда они поехали? К родственникам в другой город? Я ничего про это не знаю. Мои родители тоже про это ничего не знают. Возможно, к этому времени в квартиру Дункалсов риэлторы заселят других соседей. О них мои родители узнают через неделю-две, и тогда переезд Дункалсов не будет выглядеть столь скоропостижным. Но во всём этом мистика, ты не находишь?

Я уставилась в одну точку. Мысль заработала с лихорадочной быстротой.

Вчера мы с Эдди побывали в Глуме. Проникли на вражескую территорию. Мрия чуть не стала жертвой потусторонней силы. Пока мы дрались с Червём, кто-то (свой?) нам подсобил, вырубив подчистую двадцать человек-врагов. Ну хорошо, восемнадцать, учитывая, что как минимум двоих я завалила из степлера. Проходит ночь, утро, а днём Дункалсы сматываются из квартиры с концами, побросав мебель.

Всё это слишком напоминало схему устранения последствий аномальных явлений.

Это применяли мои начальники и старшие коллеги. Однажды Майло рассказывал, как происходит зачистка. Основных формы две: когда устраняются воспоминания из головы

человека и когда устраниются сами люди из чьих-то голов. Меняются паспорта, прописки, города, биографии. Это происходит быстро, в один момент: ТДВГ располагает такими ресурсами. Аналог программы защиты свидетелей, как в популярных боевиках, только круче.

Процесс может происходить двояко. Тебе стирают память, изолируют из привычного окружения, помещают в новое и создают новые воспоминания – ложную гипнотическую программу-легенду, и ты веришь. Либо тебя изолируют из окружения и ты должен сам поменять биографию, данные, а память о тебе стирается из мозга кого-то другого.

И тут Эдди невзначай вспомнил:

– Над этой семьёй навис страшный чёрный рок. То дядя умер, совсем молодой парень, старше нас с тобой всего на девять лет. То Мрию чуть не убили, то семья съехала. Да, я ещё тебе не успел сказать... я на днях слышал, как мама с папой шептались на кухне, и вот, папа сказал, что слышал, будто дядю Мрии зверски убили. Что нашли мёртвого на улице. То есть он не от болезни какой умер – а от убийства. Я не знал дядю Мрии, его в семье Мрии не любили, не общались. И вот я теперь думаю – не связано ли то, что произошло с Мрией, с её дядей?

– Убили?! – ахнула я. И проговорила, размышляя вслух: – Да, мы с тобой много раз говорили на эту тему – умер дядя... Я даже не задумывалась, что его могли убить... Как бы по умолчанию у меня сложилось, что он умер от болезни, вроде

сердца там или рака. Я постараюсь узнать, кто его убил! – ляпнула я.

Эдди поглядел на меня удивлённо. Я поняла, что чутка спалилась и прикусила язык.

– Ну... в смысле не узнать, а... э... по своим каналам, – я беспомощно улыбнулась.

Эдди тактично промолчал секунды две, потом конспиративным шёпотом заявил:

– Клот, всё в порядке. Я никому не скажу. У тебя есть связи, источники. Иначе откуда бы ты взяла шпионские приборы и досье на Верте? Я растерян. Концы в воду. Я пытался выручить свою соседку, ведь я чувствовал за неё ответственность... Она младше, она девушка и моя мама бы хотела видеть её своей невесткой. Но... в итоге – пшик.

У Эдди глаза в тот момент стали грустными.

– Эдвард. Скажи честно, она тебе нравилась? – спросила я, душевно положив руку ему на плечо.

– Было немного... – признался он не сразу. – Я сейчас чувствую, что она умерла. В смысле, что раз уехала – значит, мы не увидимся. Дункалсы не вернутся. Они наверняка уже не Дункалсы, сменили имена, может в этот самый момент все трое – папа, мама, Мрия – лежат под ножом пластического хирурга, и он меняет им внешность. Возможно, даже меняет пол и возраст. Говорят – расставание это маленькая смерть. Но здесь расставание приравнивается к большой смерти. Человек по имени Мрия ушёл, вычеркнут из моей жизни.

– Эдди, мы спасли её. Мы сделали всё, что могли. Мы сделали всё, чтобы она была жива, – тихо проговорила я, смотря в его простодушно-хитрые глаза. Сейчас они печальные и растерянные. – Больше мы тут повлиять ни на что не сможем. Давай возьмём паузу. Мне нужно кое с кем поговорить про томберов.

– Ты не обязана... Ты подвергала себя опасности. Два раза. На кладбище и вчера... И всё – ради той, кого ты не знаешь, и ради меня, а я вообще тебе никто.

– Прекрати это самоуничужение! Ты мой брат. Хочешь, я порежу перочинным ножом себе ладонь, и мы побратаемся?

– Ох, Клот! Я готов побрататься с тобой без крови, давай просто выпьем этот чай на брудершафт, и представим, что пьём кровь друг друга! Кстати, так, кажется, вампиры братаются. То есть обращаются. В каком-то фильме показывали.

Мы выпили на брудершафт и значительно повеселили. Разве что не целовались.

– И всё равно. Проси у меня что хочешь, – широкой души человек, щедро предложил Эдвард Симони.

– Я прошу у тебя, чтобы ты отдохнул, успокоился. Хорошо доучился вторую четверть. Следующая неделя последняя, решающая, отчётная.

– Я хочу пригласить тебя, Пита и Джейн к себе на новый год, – улыбнулся Эдди. – Я это только что придумал! Вы придёте?

– Конечно придём! – легко согласилась я.

Я понимала, что он сейчас переживает. Острую любовную драму. Рыцарь спас деву из лап дракона, но царь с царицей увезли её в другое королевство. Сказки не получилось. Как выразилась бы Джейн, изучающая психологию – гештальт не завершён. Мне захотелось поддержать Эдди:

– В новом году найдёшь себе невесту.

– Я подумаю, – деловито ответил Эдвард. – Пораскину мозгами. Выберу, что я хочу получить от жизни. Может, мне не понадобится невеста. Может, она мне понадобится лет в сорок пять, когда я совершу то, что задумал и ещё задумаю.

– Уж не задумал ты захватить мир? – пошутила я.

– Нет, что ты! Знаешь, до знакомства с тобой у меня были такие мысли, но увидев, как ты дерёшься, я раздумал. Буду заниматься мирным фермерским трудом, помидоры выращивать, изучать глубоководных рыб, – Эдди весело и весьма художественно засвистел.

– Почему глубоководных рыб?

– Они мне нравятся. Особенно удильщики. Это такие рыбки с серьёзными мордами, они плавают на глубинах, где давление в несколько тысяч атмосфер. Подсвечивают всё вокруг себя лампочкой, а на эту лампочку прибегают любопытные рыбёхи поменьше. Удильщики их хап – и обед съеден. Хотел бы я быть таким удильщиком, – глаза Эдди стали совсем мечтательными.

– Нарекаю тебя Удильщиком, сэр Эдвард Симони! – я коснулась ребром ладони сначала одного его плеча, потом вто-

рого, потом макушки головы.

Сэр Эдвард Симони был очень доволен.

Мне предстояло поговорить с Майло. В первую очередь извиниться, что я давно не появлялась на базе и так и не узнала, что за задание он хотел мне дать. Ещё я хотела поговорить с Грифоном. Про русалок, которые летают дымом. Про Мрию. И про её дядю. Грифон работает в морге. Возможно, видел труп.

Я позвонила сначала в дом Ривелов в дверь, будучи уверенной, что Пит и Джейн там, и наверняка начнут меня журить, что же я так долго к ним иду. Но дверь открыли близняшки Маргарита и Сюзанна. Обе гиперактивные девятилетние озорницы подпрыгивали то на одной ноге, то на двух, а то на трёх – всего на двоих у них четыре ноги, а казалось, что все восемь, как в сказке про Восьминогого Зайца. Они мне задали вопрос с многозначительным видом:

– А чегой-то ты одна?

– А где Пит? А где Джейн?

– Они тебя послали арьергардом?

И откуда они слово такое сложное из военной истории выучили – арьергард? Хотя, это не удивительно, ведь их мать госпожа Ривел – светило медицины, а отец – гениальный программист.

Одна из близняшек выскочила на улицу, принялась ози- раться по сторонам. Другая вопрошающе смотрела на меня. Через секунду они поменялись местами – первая заскочила в

дом и принялась смотреть на меня, вторая побежала на улицу. Я ровным счётом ничего не понимала – что у них за игра такая.

– Я пришла к Питу, он дома? – спросила я.

– Нет, он ушёл гулять. С Джейн и с тобой.

– Э... мы не ходили гулять. Мы, наверное, разминулись.

Меня не было дома, я ездила кое-куда. С Питом мы только днём говорили по телефону, ещё не виделись.

На меня вылупились четыре абсолютно одинаковых глаза. Удивлённых. Потом близняшки хором заверещали:

– У кого-то провал памяти! Наверное у тебя! Ты же заходила сама за Питом и Джейн. Да, заходила ровно в шесть! И вы пошли гулять.

– Я заходила в шесть? Э...

У меня перед глазами всё поплыло. От нахлынувшего де-жа-вю. Как в школе, когда кто-то запер меня в раздевалке. А потом несколько одноклассников – Нэнси, когановская шайка, сказали, что я в этот момент была в другом месте. У меня что, правда провалы в памяти? А вдруг у меня на почве всех этих расследований развилась шизофрения?

Однажды один коллега рассказывал дичайшую историю из практики ТДВГ. Она произошла лет тридцать назад. Один частный детектив ловил маньяка. Он составил целую карту-схему его действий, шёл по пятам, но каждый раз маньяк опережал его на шаг и убивал очередную жертву. Детектив был горд и привык работать один. Его начальство настоя-

ло дать ему напарника. Через несколько дней напарник был найден мёртвым – по почерку его убил тот же маньяк. Детектив ничего не понимал, пока не стали более тщательно расследовать смерть напарника. Выяснилось, что маньяком и был детектив. У него была множественная личность.

Мне стало страшно. Я что-то пробормотала девчонкам и пошла домой.

Там я достала лист бумаги, тщательно расписала события сегодняшнего дня, по часам. То, как я пришла из школы, и мне позвонили сначала Пит, потом Эдвард. То, как я ехала в метро до Серебряной улицы. То, как мы с Эдди сидели в кафе. Мы сидели с ним примерно с шести до семи вечера. В семь я поехала домой, снова на метро – от Серебряной улицы до Хороший Путь. И около восьми я звонила в дверь Ривелов. Никаких провалов. Всё по часам. Если только я не выдумала Эдди и нашу встречу.

Я посоветовала в кафе на Серебряной Эдди отдохнуть. Похоже, отдых требуется мне.

Тут я вспомнила то, что вылетело у меня из головы. Вечеринка у Джиллса! Ещё днём я решила на неё идти. Но сейчас – я не могла туда идти физически. Надо позвонить, предупредить, что меня не будет. Ребята, конечно же, будут жутко недовольны, выскажут мне в понедельник в школе своё «фи». Мол, наобещала – и не пришла. Но что тут поделаешь? Такова жизнь. Я набрала номер Джиллса.

Никто не подходил долго. Я сбросила. Наверное, не слы-

шат. Надо ещё попробовать. Во второй раз повезло, подошёл Коган:

– Жаберный притон слушает, – он уже навеселе.

Я услышала, что он говорит на фоне оглушительного рёва попсы. После этой реплики рядом с ним раздался гогот. Чей – я не поняла. Локуст или Мэрмот, а может ещё кто.

– Коган! Это Итчи, – я старалась говорить громко и внятно.

– Одну минутку, – по-видимому, отошёл от шумного места. Музыка стала чуть-чуть потише. – Говорите!

– Это Итчи! – повторила я.

– Чёрт подери! Рыжая, ты, что ли? Как у тебя так получается подделать её голос? Тебе её дать?

Я ничего не поняла. Или Коган совсем пьян?! Почему он назвал меня Рыжей? Так обычно ребята называют Джейн.

– Коган, передай Джиллсу, что я прийти не смогу, извинись за меня, я потом всё объясню. Я понимаю, с меня штрафное, – я уже морально приготовилась к долгим уламываниям, препирательствам и переговорам.

– Рыжая, подожди! Ты тоже ведь хотела прийти? С Итчи за компанию? Так тебя Вайл ждёт, он тебе будет очень-очень-очень-очень рад!

– Итчи – это я! – заявила я.

– Вот это розыгрыш! Прямо её голос, вылитый! Не хочешь с ней поговорить? – вопил Коган сквозь музыку.

– С кем? – не поняла я.

– С Клот Итчи, – тут я подумала, что Коган разыгрывает меня.

– Коган, хватит. Не знаю, что у вас там за бал-маскарад, но я на него сегодня не попадаю. Мои извинения Джиллсу, и желаю приятно повеселиться.

Я положила трубку, потому что почувствовала, как слабеют ноги, в груди всё начинает дрожать, дыхание задерживается против воли.

Самообладание, Итчи, самообладание.

А потом, не успела я успокоиться, раздался звонок в дверь. Я подскочила как ошпаренная. Кто звонит? Выяснилось, что звонили мои лучшие друзья. Пит и Джейн. Они сами ко мне пришли.

И они выглядели растерянными. В дверях Джейн с опаской посмотрела на меня, не смея приблизиться – а мы всегда с ней любим кидаться друг другу на шею и крепко обниматься:

– Клотти, ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

– Да, мы пришли удостовериться, что ты в порядке. Тебе помочь? – Пит выглядел менее напуганным, чем Джейн, поэтому ближе подошёл и принялся внимательно меня рассматривать. Как гусеницу под микроскопом.

Я выдохнула честно:

– Ребята, я вас искала. Минут двадцать назад я к тебе заходила, Пит. И мне твои сёстры сказали, что у меня раздвоение личности. Вернее, они мне сказали, что я ушла гулять

с вами. Но я никак не могла уйти гулять с вами! Я ездила к Эдварду, мы встречались с ним.

– Ты встречаешься с Эдвардом?! – растерянность Джейн превратились в живейшее любопытство и удивление.

Но Пит остановил её:

– Джейн, подожди. Клот, то есть ты хочешь сказать, что ты не гуляла с нами почти два часа? Что не убежала от нас в парке, после того как познакомилась с этим стрёмным типчиком?

– Типчик симпатичный. Я думала, ты с ним гуляешь, а ты с Эдди гуляешь? Ну вы с ним шустры!

– Джейн, пожалуйста, помолчи! – Пит еле удержался, чтобы не стукнуть её легонько в бок. Но, поколебавшись немного, он схватил Джейн за предплечье, вежливо спросил у меня: – Можно мы зайдём? – не дожидаясь ответа, он затащил Джейн ко мне в коридор, отстранив меня вглубь дома, и тщательно закрыл изнутри мою дверь.

Джейн снова стала напуганной:

– Что происходит?

– Джейн, неужели ты не догадалась?! Сама ведьма экстра-класса – а ведёшь себя как околдованная ученица! Неужели ты не поняла, с нами только что была не Клот!

– Как... э... а кто? Клон что ли?

– Я не знаю, что это было. Может, клон, робот, киборг, а может и вовсе инопланетная тварь.

Пока мои друзья вели этот диалог, мой мозг медленно вы-

текал лужицей из всех дыр. Пит посмотрел на меня весьма твёрдым взглядом – а таким взглядом он научился смотреть недавно, и было в этом взгляде нечто харизматическое, властное. Чем-то он стал похожим на Майло:

– Клот, ты можешь с нами поделиться, какое расследование ты сейчас ведёшь?

– Могу. Собственно, за этим я и приходила к тебе сегодня.

– Подождите. А как мы поймём, что перед нами теперь настоящая Клот? – очухалась Джейн.

– Вы этого никак не поймёте. Вдруг с вами правда была настоящая Клот, а я – всего лишь клон? – посмотрела я на свою лучшую подругу.

– Да уж... такое тоже бывает. Прости, Клот. Я не знала, что и думать. Но, похоже, Пит прав. Можно я тебя обниму?

– Нужно! – Пит подтолкнул Джейн ко мне поближе.

Мы крепко обнялись с Джейн. Стало чуть легче. Да, чуть понятнее жить стало. Даже если я клон, киборг, инопланетная тварь, друзья у меня всё ещё есть.

– Я всего лишь попрошу твою руку, – Пит протянул мне навстречу свою ладонь.

– Держи, – я протянула свою. Пит пожал её, но надолго задержал: – У тебя обычная кожа. Человеческая. А у той твари, которая перекинулась в тебя, кожа была неестественной. Температура как у мертвеца. А в какой-то момент стала очень горячей, обжигающей.

Пит отпустил мою руку. Мы прошли в гостиную. Пит на

правах старшего, защитника, проверил, чтобы окна были закрыты. И приглушил свет.

– Теперь рассказывай, – потребовал друг.

– Даже не знаю, с чего начать... Сначала я не хотела рассказывать, потому что... в общем, ты заинтересованное лицо.

– Я?! – удивился Пит.

– Да, ты. В общем, мы с Эдди ловили томберов.

– Томберов?! – ахнула Джейн. – Так мы же их поймали год назад!

– Масочник сбежал, – прошептал Пит. – Не галлюцинация. Я точно помню, что видел его в марте, когда мы вербовали агента Кэпчука. Тогда я им попался, они что-то делали с моей кровью, вроде брали для ритуала, потом сказали – не подходит. Они демона хотели вызвать. Но пусть Клот сначала расскажет, а потом мы расскажем, что было сегодня.

Я рассказала. Уже нет смысла хранить секреты от друзей только потому, что я опасалась за их здоровье и жизни. Начала с самого начала. С того момента, как Эдди рассказал, что обеспокоен своей соседкой Мрией. И как потом мы с ним объединились, выслеживали следы томберов на кладбище, и как затем отправились в Глум и вступили там бой. И как сегодня утром Мрия и её семья внезапно уехали. Ещё я рассказала про случай с раздевалкой в школе и про то, что я якобы сейчас в этот самый момент тусуюсь на вечеринке Джиллса.

– Я ничего не понимаю, что это означает, – так завершила я повествование. – Могу только предполагать. Томберы имеют на меня зуб. Они могли всё подстроить, найти двойника меня и подсунуть. И если этот двойник добрался до вас – дело плохо. Вы говорили про ТДВГ, про конфиденциальные вещи этому двойнику сегодня?

– Нет, мы не говорили, – покачала головой Джейн. И внезапно вскочила: – Клот, нам с тобой немедленно надо пойти на Базу!

Но Пит возразил, останавливая её:

– Не гони пургу! Надо во всём разобраться. Учítывая, что мы не знаем, с чем имеем дело, я бы не стал приводить Клот – настоящую или не настоящую на базу. Вдруг это цель томберов – сделать так, чтобы клон оказался в нашем штабе, и устроил там, скажем, взрыв?

– Ты параноик, Питер! Наша подруга в опасности! – взъелась Джейн.

– Ребята, успокойтесь! – попросила я. – Я считаю, что Пит прав. Давайте вы расскажете про этого клона.

– Да, то, что это была не ты – многое объясняет. Признаться, я сразу так и подумал – «Старушка Клот сама не своя»!

– А я подумала, что это была ты, но у тебя неурядицы. Ты была властной, грубой, общалась в командном тоне. В тебе было что-то стервозное. Будто ты играла роль этакой гадкой дрянной девчонки, – добавила Джейн.

– А я подумал, что ты разыгрываешь нас. Или выполня-

ешь задание по психологическим перевоплощениям. Короче, ты пришла в районе шести, ко мне домой, мы там с Джейн заседали. И потащила нас гулять, в лесопарк. Ты нас водила кругами, приказывала идти рядом с тобой, на все вопросы отвечала грубо. Мне даже смешно стало! Я решил, что это прикол. Но думал, что ты совсем не похожа на себя, ведёшь себя так, как для тебя не характерно. Потом ты сказала, что познакомишь нас с одним своим другом, покажешь нас ему. Дальше состоялась встреча со стрёмным типчиком. Джейн, правда, называет симпатичным.

– И мы теперь уверены, что это и есть Зелёный Червь из твоего рассказа. Описание полностью совпадает! Ну... и... как бы да, он симпатичный!

– Что?! Я повела вас знакомиться с Зелёным Червём? Да он мог вас убить! Он не понятно кто, возможно, демон или колдун! – перепугалась я за друзей. – Что он делал?

– Ничего. Ты привела нас в относительно безлюдную часть леса, показала этому типу. Сказала ему, что вот, мы – твои друзья, а нам – что он – твой друг. Велела нам познакомиться. А потом капризно и нервно сказала, что тебе надо домой, и ушла.

– А этот тип просто посмотрел на нас. Стоял, ухмылялся. Мы тоже смотрели. Мы молча стояли, никто из нас ничего не говорил. Потом он ушёл, растворился во тьме.

Меня внезапно осенило:

– Зелёный Червь со всем этим связан. Он – ключ к тому,

что происходит. У томберов объявился человек, очень сильно похожий на меня. Джейн, как я была одета? – спросила я подругу.

– Ты была одета... обычно. Чёрная куртка, джинсы... Ты была без шапки! Когда Пит сказал про холодные руки, я ещё подумала – не холодно ли тебе ходить в декабре без шапки? – ответила Джейн. – Но волосы, лицо – всё точь-в-точь как у тебя!

– Джейн, мы не можем быть уверены. Темно, сумерки. Мы могли не разглядеть. Клот может быть права – никакой не клон, не инопланетянка – просто очень похожая на неё девица. Какие у тебя планы, Клот?

Пит задал хороший вопрос. Я подумала и ответила:

– Нужно добраться до Зелёного Червя. А ещё поговорить наконец с Майло. Я вас прошу, друзья. Не вмешивайтесь. Это моя война.

– Как мы не можем не вмешиваться?! Мы твои друзья! – Джейн взволнованно обхватила меня за плечи.

– Именно поэтому – не вмешивайтесь. Я не хочу вас потерять. Не верьте никому. Пока я не разберусь с этим двойником – держитесь подальше от меня. Меня пугает, что двойник контактировал с вами. Рано или поздно он может узнать секретную информацию, внедриться в доверие и так далее. Хорошо, если сегодня он просто с вами погулял. А что, если бы вы выполняли спецзадание, он бы втёрся в доверие и убил бы вас, сдал врагам, предал?

– Мне показалось, сегодня цель у двойника была поссорить нас с тобой, – медленно проговорила Джейн. – Ты... то есть эта девица была противной. Но мы не повелись.

– Мы придумаем как тебе помочь. В любом случае, если что понадобится – первым делом иди к нам, – Пит поддерживающе положил руку мне на плечо. – Мы не оставим тебя наедине с этой неприятностью.

– Неужели ты не пойдёшь на Базу прямо сейчас? – спросила Джейн. – Если ты туда придёшь сама, даже одна – там ты будешь в безопасности.

– Я думаю, что в безопасности уже не будет База. Мне нужно понять. Пораскинуть мозгами. Если это клон, двойник – как она узнала о вас? Как она узнала о моих одноклассниках.

– Если эта тварь связана с томберами – ей могли передать данные, тот же Масочник. Он ведь похищал тебя уже однажды, – предположил Пит.

– Я имею в виду другое, – это я прошептала. – Что за мной – да и за вами, за всеми нами – кто-то может в этот самый момент внимательно следить. Что мы говорим, что мы делаем. Что думаем.

– В таком случае ты тем более не должна оставаться одной, – упрямо заметила Джейн.

– Сегодня я настаиваю, что мне нужно время, чтобы подумать и подготовиться. Я очень ценю ваше доверие и люблю вас, и боюсь за вас. Я хочу сделать всё возможное, чтобы

справиться самой, вы должны понять.

– Мы понимаем, – улыбнулся Пит поддерживающе. – Но мы рядом.

– Я знаю. И тоже ценю это. Спасибо, друзья, что вы у меня есть.

Мои друзья ушли, велев мне их звать среди ночи, если что. Они уважали моё решение, хоть Джейн и неоднократно повторяла, что будет сильно волноваться за меня. А я не на шутку волновалась за них. Возможно, за всем этим стоит не только Масочник, а его «крыша». Кто его крыша? Уж не эти ли таинственные русалки, вроде тех, что летают дымом?

Слишком много неясного. Я решила сначала поговорить с Эдди. Взяла уже трубку в руки, принялась набирать номер, но тут же сбросила.

Нет. Эдди – обыватель. Я не могу просить помощи или привлекать в такое дело гражданское лицо. Это всё равно что я в школе подойду к Салли и попрошу помочь поймать Масочника. Эдди самому, возможно, требуется помощь. Вдруг Томберы и им заинтересовались, раз он так рьяно пытался отбить у них Мрию?!

Возможно, Удав ответил про Червя? Вчера я писала ему на секретный канал. Достала рацию. В сообщениях пусто.

Меня кольнула совесть. Я ведь не ответила на его прошлое весьма душевное письмо. Он мог обидеться, что я пишу в формальном духе «ни здрасте, ни до свиданья». А ещё он мог не захотеть отвечать на такие вещи, касающиеся «школы на-

ёмных убийц». Мог вообще всерьёз исполнить свою угрозу резко прекратить общение, если я буду приставать с любопытными вопросами. Уже тогда, когда Удав деликатно мне намекнул на угрозу разрыва из-за моего неуёмного «праздного» интереса, я поняла: обо всём, что касается школы V – Удаву не приятно говорить. Дело не в трибунале. Там могло произойти что-то, из-за чего Удав старается стереть это всё из памяти.

Потом я набрала позывной «Скорпион». Ожидала недолго, но эти несколько секунд показались длинными, потому что были волнительными.

– Приём, Сорвиголова.

– Приём... – я замешкалась. Скорпион молчал. Ждал. Не наседали с вопросами и возмущением, куда я пропала.

Вообще, не в характере Майло наседать с вопросами и возмущениями. Потому что он – Скорпион. Молча затаивается. Жалит тоже молча, и в самый неподходящий момент. Но меня он ни разу в жизни не жалил. Мы с ним друзья. Родственники. Скоро станем. И были, в одной из прошлых реинкарнаций. И вот я колеблюсь перед ним, как секретарша на ковре у директора.

Мы бываем с ним в разных ролях. Я не видела его сейчас воочию, не знала – сейчас надо соблюдать субординацию или расслабиться. Поэтому я подвисла. Через несколько секунд собралась и выпалила:

– Нам бы поговорить...

– Говори, я слушаю, – голос слишком спокойный. Добрый такой, располагающий.

Мне показалось, что на заднем фоне я слышу тяжёлый рок.

– Я... сейчас не самое подходящее время. Не по рации, то есть. Лично.

Я хотела извиниться за наплевательское отношение к работе, за пропущенное по факту задание. Но подумала, что наш разговор по шпионской рации станет похож на цирк и интимную беседу.

– Значит, поговорим, когда придёт время. А вообще, время подходит всегда.

– Мне нужен совет бывалого, – сказать, что «у меня неприятности», мне разом помешала гордость. Я стала говорить увереннее. Вспомнила, как фамильярно порой веду себя с «начальником»: могу сидеть в его присутствии с ногами на столе, например.

– Возможно, нужен, а возможно, ты всё сможешь найти в себе и при себе, – ответил Скорпион доброжелательно и философски. В своём стиле.

Я не выдержала и начала распинаться:

– Несколько дней назад, на Базе... там я кое-куда уходила, спешила. И то задание, что я должна сделать – я так и не зашла за ним... я сожалею. То есть...

Скорпион прервал, не менее доброжелательно:

– Ты его уже сделала. Миссия выполнена, поздравляю.

Жди новую.

Я испустила выдох облегчения:

– Я так и поняла. Раз меня не стали разыскивать. Так когда мы сможем поговорить?

Майло наверняка прекрасно понимает: если я ему наяриваю прямо на рацию, значит, что-то стряслось срочное. И он придет, если сможет. Ответ был странен и больше напоминал шифровку:

– Когда принесёшь ключ. Расслабься. Пока ещё можно. Скоро тебе подвалит тяжёлая работёнка, но тебе она по плечу. Мы обязательно поговорим. Мне нужно идти, отбой, Сорвиголова.

Рация отрубилась. Скорпион и его речи как всегда – загадочнее некуда. Что за ключ? От квартиры, где деньги лежат, что ли?

Некоторое время я смотрела в одну точку. А потом меня осенило. Если существует некий клон, бродящий за мной по пятам, вмазывается в доверие к моим лучшим друзьям – рано или поздно он может проникнуть в мой дом. Мне не приятно допускать такую мысль. Я изъяла все блокноты с заметками по разным миссиям, распечатки с досье и сожгла их. Одно из правил секретного агента: не хранить секретные материалы дома. Я теперь в полной мере осознала, почему.

Сжигать шпионский инвентарь и рацию нет смысла. Значит, надо перепрятать, либо иметь всё время при себе. И перепрятать – подальше от моей комнаты. Собрала всё в ко-

робку и решила препятать завтра.

Скорпион окончил говорить с Сорвиголовой и вышел из коридора в зал. Притихнувшие Шакалы напряжённо ждали его в своём уголке. Ниания мрачно нахмурилась. Шрам старался выглядеть невозмутимым и отстранённым, будто король эльфов. Ученик Скорпиона Мангуст вперил в него пытливые и острые глаза.

Скорпион спокойно подошёл к ним и присел. Он сначала молча посмотрел на каждого из команды, затем произнёс:

– Томберы вызвали опасного демона. Его засекала Пантера, наша Охотница Земли. С минуты на минуту демон нанесёт удар по нам.

– Так дадим бой, и дело с концом! – Мангуст ударил кулаком в кожаной митенке по столу. Стоящий перед ним стакан весело подпрыгнул.

– Не так просто, – покачал головой его наставник. – Политический момент. Паук говорил о паритете.

– Мне иногда хочется наплевать на то, что говорил Паук! – заявил Мангуст.

– Совсем что ль сдурел, захотел к нему на ковёр?! – шикнула Ниания. И обратилась к Скорпиону: – Господин С, мы в замешательстве. У нас отобрали Ключ, по нам совершают удары исподтишка, теперь ещё и демон. Неужели Паук так и сказал, что мы должны сидеть сложа руки?

– Чёрная Леди, тут ключевое слово – Ключ. Вы ведь знаете о Ключах, не так ли? – задал Скорпион риторический вопрос. – Русалки – это вода. Вода коварна.

– О да, мы знаем по тебе, – улыбнулся с лёгким сарказмом Мангуст. – И что, нам действовать по методу «ударили по правой щеке – подставь левую»?! Плясать с бубнами перед Трёхглазой, выпрашивать у неё Ключ? Такого унижения мы ещё не испытывали!

– Все претензии к Пауку, – подал голос Шрам, урезонивая друга.

– К Пауку нет претензий, – покачал головой Скорпион. – По Балансу не придраться. Мы упустили Дункалса – нераскрывшегося Охотника. Мы упустили, что Ключ появился в принципе. Русалки оказались более расторопные. Они выиграла раунд.

– Но если у них соберутся все Ключи, ничего хорошего не будет ни для нас, ни для Баланса, ни для людей, – покачал головой Шрам. – Уже тот факт, что они вызвали демона – очень плохой. Что за демон?

– Мы выясняем. Пантера засекала мощный след. Высший уровень, высшая категория. Но нестабильный. Наша гипотеза, что это младший демон или бес, наделённый силой, сравнимой с силой самого Владыки Инферно.

– Такого быть не может. Это абсурд! – возмутилась Ниания.

– Вполне может, – возразил Мангуст, поддерживая на-

ставника. И объяснил ребятам: – Трёхглазая могла это сделать для маскировки. Слишком сильного демона мы бы заметили – раз. Слишком сильный демон не стал бы подчиняться Трёхглазой – два. Трёхглазая всё правильно рассчитала – вызвала демона-ученика, чтоб слушался её.

Скорпион одобрительно посмотрел на Мангуста:

– Сдаёшь экзамен на пять, молодец.

– Рад стараться! – улыбнулся довольный ученик. – Когда автомат?

– Не заслужил, – отрезал Скорпион.

Ниания и Шрам тем временем повернулись в сторону дверей в зал. Из коридора вышли Коллинз и Айрэнн. Айрэнн ещё слаба после магической атаки отсасывания энергии Трёхглазой. Коллинз нежно поддерживал её за плечи, подвёл к ребятам и усадил. Увидев Скорпиона, Айрэнн приветливо улыбнулась:

– Рада вас видеть, Господин С.

– Боюсь, я принёс нехорошие новости, – покачал головой Скорпион. И повторил: – Высший демон объявился и он в политической игре Трёхглазой.

– Демон? Мы можем с ним справиться? – Айрэнн испугалась. Она не знала, как биться с демонами, много слышала о них страшных вещей. Но она испугалась не за себя – за друзей.

– Кто будет сражаться – зависит от стихии, полагаю, – вставил умную реплику Коллинз. Он держался слишком гор-

до, высокомерно. Он не совсем признавал Скорпиона «близким другом». – Кстати, о стихиях. Трёхглазая огоньку захотела.

– Она попросила Огонь. Она сказала, что я не подойду, – повторила Айрэнн, внимательно смотря на Скорпиона.

– Мне Паук ходить запрещает, – Коллинз глядел на Скорпиона с вызовом. – Так у нас есть Огонь?

– Ты угадал. Я пришёл, кстати, персонально к тебе, – Скорпион не остался в долгу и с не меньшим вызовом посмотрел на Коллинза. – Я покажу тебе Огонь, если ты до сих пор не догадался.

– А о чём я должен догадаться?

– Ты прекрасно знаешь, кто Огонь. И я тебя прошу, Коллинз, приглядеть за Огнём. Только что этот Огонь мне звонил. И пытался сообщить, что у него неприятности. Но поскольку это гордый, упрямый Огонь, прямо это он мне не сказал. Точнее, она. Я настоятельно требую, Коллинз, чтобы ты обеспечил её безопасность. Не в интересах Трёхглазой в принципе допустить встречу с этим Огнём. Она сделает всё, чтобы лишить нас его. Но это в принципе невозможно.

Всё это сказано абсолютно спокойно. Будто Охотник Воды говорил о будничном. Коллинз несколько секунд смотрел на Скорпиона в упор. Потом выдохнул, отводя глаза:

– Сорвиголова.

– Клот – Огонь? Так вот кто у нас огонь-девушка! – ахнул Мангуст.

– Противостояние Стихий в Туркее. Трёхглазая основала Орден Фигур, чтобы заполучить Сферы. Но там она проиграла. Паук говорил, – молвил Шрам. Ему известно чуть больше, чем Мангусту. – Трёхглазая потеряла Сферы, потому что их заместили четыре героя.

– Это были мои коллеги и подчинённые. Сорвиголова проявилась как Огонь. Сейчас эта стихия в ней особенно сильна, она на этапе ваганта. Со временем она разовьёт другие стихии и станет такой, как Коллинз, – пояснил Скорпион.

– Тогда чего же мы ждём? Поехали за Сорвиголовой! – Мангуст почти вскочил.

– Всеми своё время. За ней поедет Коллинз, – настоял Скорпион.

– И я поведу её к Трёхглазой? – спросила Айрэнн, бледнея.

– Паук договорился играть по правилам Трёхглазой. Чтобы выторговать у неё уступки в дальнейшем, – кивнул Скорпион.

– Но я не могу... Клот моя подруга. Трёхглазая убьёт её! Получается, я поведу её на гибель! Я хочу пойти сама! Или отвести другого, кто точно справится с Трёхглазой! – Айрэнн сильно разволновалась. Коллинз обнял её и осуждающе посмотрел на Скорпиона.

– Может быть, тогда я отведу её? – предложила Ниания.

– Нет, не ты, Чёрная Леди, – покачал головой Скорпион. – Трёхглазая тебя точно убьёт. Ты ведь убила её любимца, вам-

пира Людвиг фон Репса. У Трёхглазой на тебя зуб. Точнее, глаз. Принцесса Грозы, – теперь Скорпион посмотрел на Айрэнн. Твёрдо. Взглядом, внушающим надёжность и поддержку. – Не бойся. Твоя подруга точно справится с Трёхглазой. Ведь однажды она справилась с теми чёрными силами, что угрожали тебе.

– Именно поэтому я не хочу вести её туда, где так опасно... – прошептала Айрэнн.

– Придётся, – вздохнул Шрам.

– Да, против приказов начальства не попрёшь. Переть против пауков – всё равно что против танков! – признал Мангуст.

– Ш-ш! – шикнула на него Ниания. Она не хотела, чтобы у её озорного бунтарского друга случились неприятности за сплетни о таком начальстве, как сам Тёмный Маг.

Ребята бы продолжили разговор, если бы не крики, переполох на входе в зал. Через несколько секунд возле их стола объявился Поставщик. Вслед ему неслись ругательства от тех, кого он бесцеремонно растолкал, прорываясь к своим друзьям.

– Тысяча чертей, акула мне в глотку! У меня для вас новости, братва! Плохие новости, бушприт вам в ухо! – он был возбуждён. – У них теперь есть Августина Символи, вы представляете?

– Ну что? – Августа требовательно смотрела на Зелёного Червя. – Убил их?

– Нет, – ответил он, ухмыляясь и качая головой.

– Что?! Ты посмел ослушаться моего приказа?! Они же теперь всё ей разболтают! Ты должен был их убить! – заорала Августа, психуя.

Зелёного Червя это забавляло. Как эта очкастая школьница, дышащая ему в пупок, бесится. Зелёный Червь совершенно не боялся Августу, не имел к ней благоговения и подобострастного отношения, как Дарти или Масочник. Потому что Зелёному Черви нечего терять.

Он жил уже давно так, что разучился ценить жизнь. Жил сам по себе. У томберов он нашёл то, что удовлетворяло его интересы. Зелёный Червь любил убивать людей и подчинять своей власти. Он владел целым набором уникальных сверхспособностей: не только боевой чёрной магией, но и отличными приворотными навыками. Будь его желание – у него было бы всё. Власть, могущество. Но ему это не нужно. Ему нужна самореализация – быть там, где он мог убивать. А ещё у томберов, в частности у Масочника, имелся доступ к весьма интересным связям и ресурсам.

Августа ценила Зелёного Червя. Масочник ценил Зелёного Червя. Все томберы одновременно обожали, уважали и до чёртиков боялись его. Поэтому сейчас Августа резко смирила свою нервозность на ядовито-спокойно-нейтральный тон:

– Ладно. Предположим, ты решил их оставить себе на де-

серт. Но если я узнаю, что ты что-то задумал за моей спиной – тебе не жить! Понятно?

– Нет, не понятно, – Зелёный Червь издевался.

Единственный на Земле анхом, который позволил себе так неуважительно относиться к демону. К *этому* демону. Августа проглотила лёгкое унижение. Зелёный Червь пока ей нужен. Да что там говорить – у Августы на Зелёного Червя огромные, исполинские планы! Как и на Дарти. Куда он делся? Убежал от Масочника искать своего ненаглядного Крампа? Августа сейчас слишком занята, чтобы заниматься Дарти.

– Что ж. Я тебе однажды припомню твоё поведение.

– Зачем убивать дружков этой девки, когда лучше убить саму девку? Или дружков девки – у неё на глазах?

– А ты подкидываешь дельные идеи. Шестерёнки-то у тебя работают! – улыбнулась ядовито Августа. – Убей её завтра. Я передумала. Да, я говорила, что хочу дать фору ещё несколько дней. Но нет, я готова ассимилироваться. Даже если её дружки всё ей разболтали – они вряд ли что-то поняли. Завтра я полностью замещу её. Обо мне не знает никто. Именно тебе я поручаю лишить этого выскочку-Паука его самого ценного любимого кадра! Это великая честь для тебя, Червяк! Не подкачай!

Августа совсем стала добренькой. Она подошла к Червию и запанибрата хлопнула его по плечу. Собралась уходить. Опасно оглянулась, сверкнув очками:

– Надеюсь, тебе не придёт в голову оставлять её в живых?

– Её – нет. У меня с ней счёты. Она меня усыпила как щенка. Я не терплю над собой таких издевательств, – про-рычал Зелёный Червь.

– То-то же. Я тоже не терплю. Я её ненавижу. От её кро-ви у меня выворачивает всё наизнанку. Чем быстрее она бу-дет мертва – тем лучше. Я побуду ею ещё, а потом подумаю, в кого мне перекинуться. А истерички-русалки, особенно с лишними глазами, мне вообще не указ. Пойду поищу Дарти.

Августа с деловым видом ушла.

Зелёный Червь расхохотался. Эта девочка-демон такая наивная, простодушная! Хотя и опасная. Надо же, как он провёл её, она повелась! Зелёный Червь имел чёткий приказ самой Трёхглазой: убивать кого угодно, но только не Сорви-голову. Трёхглазая для Червя большой авторитет, чем эта недодемонша.

Потом он вызвал нескольких томберов. И отдал приказ:

– Мрия Дункалс исчезла. Беяши её перепрытали. Даю вам дня три, чтобы вы перерыли всю планету, но нашли её. Наделяю вас всеми полномочиями. Нужен доступ к базам, порталам, досье от Масочника – приходите и говорите, что это я вас к нему послал, узнать то, что мне необходимо. Мрия нужна мне живой. Только она одна. Найдите её и принесите ко мне, дайте мне её лично в руки. Свободны. Выполнять приказ! – прикрикнул он.

Его подчинённые с готовностью и послушно козырнули и

убежали. Зелёный Червь ухмыльнулся:

– Мрия, Мриюшка. Мне будет жаль отдавать тебя Рине. Но это бизнес, ничего личного. Хотя, ты мне даже нравилась.

Червь знал: участь Мрии предрешена. То, что Белые устроили срочный переезд-перепрятывание семьи Дункалс – означало лишь отсрочку неизбежного. Рина требовала Мрию, она хотела убить её лично.

Почему он не убил сегодня этих ребят? Августа всё идеально рассчитала: тёмный парк, отдалённая часть. Он мог убить их молниеносно – они бы ничего не почувствовали, никто бы ничего не заметил.

Он не убил их из принципа. Не подчиняться Августе. Бунтовать против неё. Он не её слуга, как ей хочется думать. Ещё ему понравилась рыженькая. Он чувствовал исходящие от неё магические эманации, причём на уровне опытного анхома. Рыженькая наверняка знала о своих способностях. Интересно с ней столкнуться бы в бою, помериться силами.

Парламентёр

Первым делом я отправилась к Питу. Спрятать у него инвентарь.

– Это точно ты? – так он встретил меня, взглядываясь мне в лицо и прищуриваясь.

Мне стало не приятно. Но я разумом понимала, что друг

прав, задавая такой вопрос, и одобряла его бдительность. Вздохнула:

– Если я скажу – ты не должен верить. Возьми эту коробку. Спрячь её. Не давай никому, даже мне. Особенно если я буду тебя об этом просить.

В дверях я протянула ему коробку из-под обуви, перевязанную скотчем. Пит всё понял:

– Если ты мне это даёшь на сохранение, а не проникаешь с помощью этого ко мне домой, чтоб перерезать мне горло – это правда ты.

– Спасибо, Пит. Ты настоящий друг.

Я собралась уходить. Настоящий друг задержал меня:

– Клот, подожди! Что ты намерена делать? Чем мы можем помочь тебе?

– Мне нужно разобраться во всём этом. Мне нужно понять, что хотят томберы.

– Ты... я надеюсь, ты не одна будешь разбираться? Ты говорила с Майло?

– Говорила. Он, кстати, дома? – спросила я.

– Нет. Он у нас давно уже не появлялся. Живёт в другом месте, ты знаешь, слишком занятой человек, большой босс. Клот, мы с Джейн беспокоимся. Позволь нам быть с тобой, хотя бы в какое-то время! А ещё лучше – двадцать четыре часа в сутки. Позволь нам помогать тебе!

– Нет. Клон превратился в меня, а не в вас. В прошлый раз удар шёл на тебя, Пит. Я не хочу, чтобы в этот раз он

тоже шёл на тебя и на Джейн.

– Ты связываешь нам руки, – во взгляде Пита я прочитала укор.

Я ничего не могла с этим поделать. Лишь проговорила тихо, не уверенно:

– Пит, я разберусь. Я придумаю. Уже придумываю. Видишь ли, у меня тоже есть какой-никакой опыт. Два с половиной года в ТДВГ меня многому научили.

– Ох. Остаётся надеяться на твоё благоразумие. И на Майло. Едва я его увижу – пошлю к тебе. Я с ним связывался, пытался тоже рассказать о том, что томберы навострились превращаться в наших коллег, то есть в тебя. Но он был занят. Хорошо, что он с тобой поговорил.

Пита позвал кто-то из его младших братьев. Мы посмотрели друг на друга, поддерживая, быстро пожали друг другу руки. Он ушёл в дом, я пошла к себе.

Мой план прост. Найти «клона». Любыми способами. Секретный инвентарь я отдала Питу на сохранение, но кое-что себе оставила. Степлер. Дома в нашем гараже я нашла моток прочной верёвки. После одного из посещений усадьбы «Адская Кухня» я знала, как вязать некоторые виды морских узлов таким образом, чтобы человек без посторонней помощи не выпутался.

Потом я позвонила Когану. Мне нужно вычислить следы «двойника». Ведь после того, как она знакомила Пита и Джейн с Червём – она пошла на вечеринку к Джиллсу. Она...

Как мне её теперь называть? Лже-я? Лже-Клотильда? Клотильда версия Два Точка Ноль!?

Однажды мы с Майло расследовали дело об инопланетянах с Люци. Эта планета погибала в параллельном измерении. Захватчики использовали технологию создания клонов-дубликатов и подменяли клонами землян. Только чаще всего они подкладывали клоны на места «мертвецов». То есть все думали – человек умер, хоронили его – а на самом деле хоронили клона.

Ещё с клонами мы имели дело в августе. Когда громили Империю Кавандайка. Перси Кавандайк, безумный учёный, был связан с этими пресловутыми Русалками. Он изобрёл технологию и клонировал свою дочь из ДНК нескольких похищенных девушек. В итоге получил алчного страшного монстра в обличье своей дочери. Ещё он чуть не клонировал нескольких наших коллег, в том числе Пита! Вот почему я не хочу ещё раз вмешивать Пита во всё это, хоть он сам и рвётся.

Пит высказал предположение, что это не клон, а сильно похожая на меня девица. Из этого следовало, что томберы подобрали неофитку, максимально похожую на меня, сделали ей похожую причёску, лицо и так далее. Но у меня нетипичное лицо. Таковую, как я, трудно подделать. Нет, я не альбиноска, не рыжая-веснушчатая как Джейн, не с фиолетовыми волосами как девчонки из параллельного класса. Но чтобы меня подделать – надо ещё постараться. Возможно, я

сильно лъщу себе? Однако, Пит и Джейн, знающие меня с трёх лет, вчера поверили, что не я – это я! Они слушались меня, пошли со мной в парк. Да если бы эта «клонша» велела бы им, что они покорно должны позволить Зелёному Червию их убить... они, поскольку они мои друзья, могли бы и послушаться?! Нет, я тут, конечно, утрирую. Но вдруг она ещё и гипнозом владеет?

Меня осенила ещё догадка. Роджер рассказывал мне про некоторые свои способности. Это было как раз в тот раз, когда он учил меня вязать морские узлы. На мне. Было весело. Но не об этом речь. Роджер рассказывал, что многие вампиры владеют так называемой Мантией Тени. Её разновидности – Мантия Отвода Глаз и Мантия Обаяния.

Мантия Отвода Глаз – это когда нужно врубить отрицательную галлюцинацию. Человек смотрит на тебя – и в упор не видит.

Мантия Тени – это когда нужно сделать так, чтобы человек вместо тебя увидел кого-то другого. Кого-то нейтрального, не выбивающегося из общего фона.

Мантия Обаяния – это вид приворотного мощного вампирского гипноза. Это когда нужно очень сильно понравиться человеку. Сделать так, чтобы человек проникся к тебе с первого взгляда настолько, что позволил бы сделать с собой всё, что ты хочешь.

Что, если это нечто, гулявшее вчера с моими друзьями и ходившее на вечеринку к Джиллсу – вампир? И она одновре-

менно использовала Мантию Тени и Мантию Обаяния? То есть выглядела она по-своему, а Питу и Джейн внушила, что это я, и они повелись и поэтому поверили? Тогда ситуация становится ещё более патовой.

Думая про всё это, я набрала Когану на мобильник. Вместо него трубку взял Локуст:

– А-а-а, Итчи! Здорово! Слушай, я смотрю, ты стёклая как трезвышко! Тьфу! То есть... огувая как трезурчик... ну, ты понимаешь! А старина Коган спит. Дрыхнет. Дать те послушать, как он хра-ра-рапит, м-м-м?

Локуст, судя по голосу, не совсем стёкл как трезвышко.

– Саранча, не мог бы ты подсказать, во сколько я вчера ушла от вас?

– О... да я не помню... Два, три, четыре, пять, двадцать пять, ха-ха-ха-га-га-га-гы-ы-ы, – загоготал он. И прибавил то, от чего на меня как вылился ушат холодной воды: – Но ты тут тако-о-о-о-ое вытворяла! О-о-о-о, вау-у-у-у-у!

У меня задёргалась бровь. Что я там вытворяла?! Локуст продолжил говорить, совсем нечленораздельное, потом и вообще начал хрюкать. Мне стало противно. Из всей шайки Когана я недолюбливала только Локуста. Узнавать о том, что я вытворяла, из его уст, мне не хотелось.

– Я ничего не помню и ты тоже. Выпей кефиру или рассолу, – посоветовала я и положила трубку.

Итак, что я узнала? Клон пытается подвергнуть удару мою репутацию. На той вечеринке все были пьяные в дупель. Да-

же если я что-то там и «натворила», потом можно обратить всё в шутку, сказать, что кто-то что-то привирает от того, что перепил. Если клонша, конечно, не нюхала там травку и не переспала со всей когановской шайкой подряд. Такое обратиться в шутку и сказать, что ребята всё придумали, затруднительно. Без лампы Демосу, стирающей память, не обойтись.

Но есть и хорошая сторона во всём этом. Все вроде живы, моя клонша не покрошила их на меха.

Плохая сторона в том, что мальчишки не в состоянии рассказать мне, когда клонша от них ушла и куда она ушла. Если бы она тоже напилась и спала бы сейчас там – я бы прямо сейчас побежала бы на квартиру к Джиллсу и накрыла бы её тёпленькой. А ребятки, увидев двух Клотильд разом, мигом бы все протрезвели и помогли бы мне.

Я отправилась в Глум. Там я хотела провести слежку за домом Зелёного Червя. Высидеть там в засаде, выследить клоншу. Или самого Червя. Я смогла его усыпить из Степлера один раз, смогу и во второй. Смогу и клоншу усыпить. Всех усыпить к чёртовой бабушке.

Безумный план? Да. Резон в нём есть. Когда я схвачу клоншу или Червя – я свяжусь по рации с коллегами. Если они не ответят – с Питом и Джейн. Они примчатся по первому зову. И мы втроем выкаблучим информацию из того, кого я поймаю.

Перед выездом я ещё раз проверила секретный канал месенджера рации. Удав так и не ответил. Электронная поч-

та пустая. Я снова подумала о том, что надо бы ответить на его прежнее письмо, извиниться, что не ответила сразу. Но моя гордость взяла верх! Ведь это будет смотреться как выпрашивание. Если Удав принял решение оборвать со мной связь, решив, что я его снова хитростью донимаю, пытаюсь выцыганить конспиративные сведения про школу V, он дурак. И это его дело.

А может, он не отвечает по другим причинам. Например, он на задании. По опыту знаю, что есть задания, когда категорически нельзя реагировать на рацию.

В Глум я прибыла ближе к вечеру. Темнело. Морально подготовилась провести ночь на улице: предполагалось сидение в засаде. Термостат при мне, а также рация, степлер, нож «Пиранья», Игла Демосуа. Дорогу, подходные и отходные пути я знала.

Посёлок всё так же выглядел неприветливым, зловещим. Я шла по темноте, с освещением улиц тут туго. Словно попала на несколько десятилетий назад. Бедняцкие дома, алкаши, битые стёкла, граффити на стенах. Промелькнула мысль – если меня постигнет роковая неудача, кто меня тут найдёт? Ни одна живая душа не знает, что я сюда отправилась. Впрочем, Пит и Джейн могут связаться с Эдди, Эдди догадается, сообщит. Правда, может время пройти, пока меня хватятся.

Стоп. Откуда такие упаднические настроения? Сегодня я сделаю своё дело. Чётко, как надо. Захвачу врага в плен. Мой опыт, моя практика таковы, что я отлично смогу это

сделать без чьей-либо помощи. Ни к чему отвлекать начальство. Я не допущу, чтобы начальство услышало по рации мой дрожащий голос «ой, помоги пожалуйста, у меня таки-и-ие неприятности!». Я поймаю клоншу или Червя, свяжусь с Майло и скажу: «Дружище, у меня тут для тебя есть подарок, от души!». И Майло будет гордиться мной!

Томберы бросили вызов. Я его принимаю. Кем бы ни была эта клонша – вампиром, инопланетянкой – я скручу её в бараний рог.

Смелее вглядываюсь в темноту. Иду мимо мрачных домов, наверняка без отопления, и там наверняка живут бедные, озлобленные, потерянные люди. Два старика-пьяницы орут друг на друга матом. Прохожу мимо них. Нужный мне дом – совсем близко.

Вот и он. Мне надо подобраться к нему так, чтобы зафиксироваться в нужной точке. Вон тот мусорный бак вполне подходит. Только далековато. Но это ничего. Шныряю за угол. Бак собой загораживает нужный мне длинный дом с чердаком. Обхожу здание по периметру. Совсем темно. Из-под ног с диким визгом взмывается кошка. От неожиданности шарахаюсь назад.

– Карамба! – ругаюсь. – Тупое животное!

Эта кошка спровоцировала так громко, хоть и коротко, что могла привлечь внимание всего города. Кто-то в окне на третьем этаже громко проматерился, обзывая кошку трёхэтажными словами. Продолжаю путь. Спотыкаюсь об приоткры-

тый люк. Карамба! Ещё свалиться в канализацию для полного счастья не хватает.

Дохожу до следующего угла, поворачиваю. Слышу – машина едет. Затаиваюсь. Машина едет с той стороны, где нужный мне дом. Кстати, номера припаркованных автомобилей я так и не успела проверить. Не до них. Корю себя – они могли содержать важную информацию об их владельцах! Вдруг одна из них принадлежит Масочнику?

Продолжаю путь, и через несколько секунд затаилась рядом с мусорным баком. Грязь несусветная. Вляпываюсь во что-то жутко вязкое, липкое, похоже, потроха животного. Может, даже кошки. А может, и вовсе экскременты. Но не жалуясь. Позиция для наблюдения выбрана идеальная!

Народу никого. Хотя время не сильно позднее. Домик Зелёного Червя, как я его окрестила, как на ладони. Достая термостат, начинаю засекаеть количество людей. Термостат показывает около десяти человек. Кто-то статичен, кто-то перемещается, ходит-бродит. Вдруг один, вернее одна из них – клон?

Сейчас понаблюдаю за входом-выходом. Буду смотреть, кто выйдет. Если выйдет один из томберов – имеет резон и его поймать, использовать в качестве «языка». Наивно надеяться, что рядовой томбер выдаст все тайны своих главарей – у Зелёного Червя иерархия повыше чем у рядового. Но хотя бы уже что-то с чем-то можно сварить!

Некоторое время ничего не происходит. Я сижу в заса-

де, наблюдаю за домом. Смотрю на термостат на одной руке, вторая рука лежит на рукояти Степлера. Можно напасть и на весь дом. Эти десять человек внутри не подозревают, не ждут нападения. Вломиться с чёрного хода, устроить мас-совое усыпление из Степлера. Одного за другим положить. Найти среди них «клоншу», Червя. Всех связать... Нет, всех связать – верёвки не хватит. Быстренько вызвать подкрепление. Сказать Майло, что я накрыла один из притонов томбе-ров. Премию выпишет!

Я не знала, сколько прошло времени, когда услышала не очень хороший звук сзади. Подумала, что это та кошка. Оглянулась – никого. Звук такой, как будто кто-то сделал шаг по снегу. Тяжёлый такой шаг.

Может, кто-то из встреченных ранее мною пьяниц зашёл сюда отлить? Тогда надо сделать всё, чтобы этот человек меня не увидел. Не спускаю глаз с домика. Вижу, как открывается входная дверь, выходит девушка в короткой расстёгну-той куртке. Клонша? Нет, издали вижу, что это блондинка. Она достаёт сигарету, курит.

Для усыпления достаточно контакта пули из Степлера с любым участком кожи. Пуля, по внешнему виду напоминающая таблетку или пластину, владеет адсорбирующими свой-ствами. Касаясь кожи, она вызывает сильный локальный па-ралич, резкую боль, а потом мгновенный сон – от того, что пропитывается, проникает сквозь кожу сразу в кровь. Сек-ретная технология. Особый яд-транквилизатор не оставляет

следов на коже. Из-за контакта с транквилизатором происходил эффект затемнения или помутнения памяти. Человек потом не может вспомнить, что с ним произошло. Он проснулся спустя два часа в недоумении, лёжа на полу, думая, что ему сплехело.

Перемещаю степлер поближе к глазам, целюсь. Мой палец уже готов нажать на курок, я уверена, что попаду девушке в щёку, ведь она стоит боком, вообще ни о чём не подозревает... Как вдруг!..

Чувствую резкую неприятную боль в руке, руку отшибает, я роняю оружие. В следующий миг ещё одна резкая неприятная боль – в рёбрах. Падаю. Снова боль, снова удар. Только лишь с третьего раза я исхитряюсь дать сдачи.

На меня кто-то напал в темноте. Крупнее меня, и по весовой категории больше. Это я понимаю, когда этот некто снова бьёт меня, так, что я падаю на спину, а потом он наваливается на меня, намереваясь придушить. Я теряю дыхание и сознание. Но продолжаю сопротивляться изо всех сил. Нападение настолько внезапное и профессиональное, что я не успеваю испугаться.

Нападавший перестаёт меня душить и перестаёт придавливать своей массой. Я кашляю, испытывая позывы к тошноте. Меня вдруг бесцеремонно поднимают за руку, резко вращают и швыряют на стену. Снова быют.

Всё это происходит в тишине. Если не считать моего кашля, харканья, сопения и звука ударов. В основном – ударов

по мне. Через несколько мгновений я вижу, что на меня напал Зелёный Червь. Откуда он тут взялся? Вероломно подкрался сзади. Сыграл на преимуществе неожиданности.

Выбив неожиданным нападением у меня почву из-под ног, получив преимущество, он наслаждался триумфом. Да, я давала сдачи, но мои все удары шли в молоко. Мои удары – детские шлепки моськи по слону.

Драка в темноте, без свидетелей. Мне удалось сильно вдарить по нему. Но сама я умаялась, вдобавок мне больно в очень многих местах. Я стала опасаться, что у меня сломаны рёбра. Когда я вдарила, Зелёный Червь лишь на миг отстал от меня. Я стояла у стены, почти не держась на ногах. Чувствовала кровь, идущую по лицу из носа. Чувствовала адскую боль в районе груди, в боку, в ногах и руках.

Зелёный Червь, казалось, разъярился. Да, он отпрянул, но не для того, чтобы «с позором убежать». А чтобы приготовиться для разгона и добить. Он злым шёпотом прошипел:
– А ты нарываешься, куклёрка.

Затем он сделал нечто страшное. Он замахнулся, направил в мою сторону кулак в сильнейшем ударе наотмашь. Но не кулак впечатал меня в стену. С его кулака сорвалось чёрное с синими сполохами облако и ударило прямо в меня. Мигом тело парализовало, я почувствовала сильную боль, болевой шок и смертельный, почти животный страх.

Немея и цепенея, я упала. Я чувствовала, как пальцы самой Смерти закрывают мои глаза. Червь постоял и поухмы-

лялся надо мной. Потом я перестала что-либо чувствовать, теряла сознание и понимала, что парализована, не могу вообще ничем пошевелить, а ещё мне очень и очень больно. Везде. С меня словно содрали всю кожу живьём. Обжигающая, страшная боль. Потом я, наверное, умерла, хотя я не помню никаких светящихся тоннелей.

Дрэгон ещё три дня и три ночи «кружил голову» Дарти. Откровенность за откровенность, ложь за правду, и ещё более изошрённая ложь – за ложь. Но Дрэгон правду для себя узнал. Он так и не убил Дарти. Не смог.

Потому что мальчишка перед ним слишком незащищён. Дрэгон высосал его веру в себя до основания. Дарти все эти дни, пока находился в подземелье «наставника», был уверен, что Дрэгон – свой. Чёрный. Дрэгон заставил рассказать Дарти всё, что он знает. О демоне. О планах Масочника и томберов. О самом Дарти. О русалках Дарти знал слишком мало и поверхностно: что-де пять тёток с рыбьими хвостами – боссихи Масочника, и он пред ними пресмыкается, а демон – не хочет.

Дарти рассказывал, Дрэгон в ответ рассказывал «свою историю». Душевно. Он рассказывал о том, как он был разбойником, пиратом, головорезом. Как напал на людей и не-людей, пырлял тесаком их кишки. Дрэгон не рассказывал всей правды. Он не рассказывал, что не-люди были чёрными, а

люди – подонками, предателями и ублюдками. Дрэгон сам себя чувствовал подонком по отношению к мальчишке.

Совсем молоденький мальчишка, лет девятнадцать. Талантливый. С незаурядным черно-магическим потенциалом. Свято борющийся за идею Черноты. Имеющий высокие цели и идеалы. И так легко им управлять. Слабое место Дарти – как и слабое место всех вагантов – узнать Истину. Узнать как можно больше тайн, ответов на вопросы, получить доступ к знаниям. И следовательно – к запредельной силе. Амбиции, жажда овладеть этой запредельной силой.

Сначала вагант говорит – «Покажи мне Огонь, Мастер».

Но этим дело не ограничивается. Иной вагант потом молвит – «Научи меня брать Огонь» или «Вот, Мастер, смотри, я знаю Огонь!». А такой вагант, как Дарти, непременно бы потом пропел над кучкой того, что осталось от Мастера – «Вот и всё, Мастер, ты теперь кучка пепла, а я пошёл дальше». У Дарти опасные амбиции. За такие амбиции полагалось убивать.

На третий день Дрэгон перестал воздействовать на Дарти. Он пошёл в таверну Скомато, к друзьям, рассказывать новости от «парламентёра» Чёрных.

И по мере того, как спадала пелена вампирского воздействия на все уровни сознания, молодой чернокнижник начал понимать: что-то не то. Вокруг него слишком фальшиво. Это подземелье, эти книги. Этот вампир, рядом с которым у Дарти тряслись поджилки. Вампир с чувством юмо-

ра как у заправского клоуна, выглядящий как артист, сошедший с подмостков боевика про пиратов. Дрэгон переборщил с Мантией Обаяния и гипнозом настолько, что сейчас Дарти понял: его околдовали и заставили действовать против его воли.

– Какова цель этого кровососа? Кто он такой?! Зачем меня запугивал? Нет, нужно уходить отсюда. Я ничего не знаю о нём – а он знает обо мне больше, чем я сам о себе знаю. И самое паршивое – он знает теперь об Августе. Зачем я рассказал ему!?! – сокрушался Дарти.

Он быстро нашёл выход из подземелья. В этих катакомбах много комнат и лабиринтов, но Дрэгон не связывал Дарти. Чернокнижник все эти дни своего «вольного плена» мог спокойно передвигаться, где он хотел. Сейчас он понял, что вампир поставил на это место ещё и Капкан – особый вид магического пленения. Оно воздействовало на подсознание Дарти так, что Дарти отсюда уходить не хотел.

В голове молодого чернокнижника проскользнула мысль сжечь здесь всё. Но он сразу её отбросил. Дарти сразу понял, что это логовище у вампира – одно из многих. За те века, пока он тут обитает, он мог основать десятки таких катакомб по всем миру, и ни одно из них не представляло ценности. И Дарти пока ещё не до конца уверен, что вампир – враг. Он подумал, что Дрэгон, возможно, будет использовать полученные от Дарти знания в вампирском сообществе или личных делах. Дарти пока не допускал мысли, что Дрэгон –

союзник беляшей, смертельных врагов Черноты.

Дарти выбрался из-под земли посреди леса. Скоро он нашёл лыжню и по ней пришёл в деревню. Там он узнал, в каком населённом пункте находится, отметил на всякий случай этот момент для себя. А потом добрался до тайного штаба Масочника и томберов – «домой». Ему нужно попасть на аудиенцию к Августе, рассказать про вампира. Возможно, Августа захочет увидеть его лично и убить. Дарти будет рад этому: чем больше он освобождался из-под влияния Дрэгона, тем менее ему нравилось, что его использовали как куклу.

Ему повезло. Августа на месте, в своих апартаментах. В тайном штабе Масочника Августа занимала самые лучшие комнаты. Томберы служили ей в качестве рабов и почитали за честь оказывать различные услуги и почести. Пока Дарти добирался до своей любимой, он отметил, что за пять дней его отсутствия томберов-неофитов прибыло. Масочник продолжал собирать армию.

Дарти постучался.

– Входи, – услышал он властный голос Августины.

Он вошёл. Девушка-демон сидела за столом и читала бумаги Масочника. Она изучала сведения о врагах – всю информацию, похищенную и собранную томберами. О беляшах, о ТДВГ, об их союзниках Шакалах. Августа была в своём истинном облике тихой школьницы, в очках. И в школьной форме. Несмотря на то, что она погибла в этой одежде

– она не расставалась со школьной формой и любила её носить. Со стороны могло показаться, что милая домашняя девочка учит уроки. Августа вскинула на Дарти в глаза. Дарти отметил, что демон удивилась:

– А, это ты. Устроил себе отпуск? – ленивым тоном спросила она.

– Августа, надо поговорить. Меня похитил вампир, околдовал, и теперь он знает про тебя, – выпалил Дарти на одном дыхании. Он готов ко всему. К любым взрывам и порывам взбалмошной демоницы.

Но Августа деланно зевнула:

– Хах! Ну и что?! Скоро весь мир будет знать про меня, – задрала она носик. – Наши враги настолько тупы, что я удивлена, что они до сих пор живые. Это стадо хомяков, и их спокойно можно передавить бульдозером в один присест. Я не понимаю этих тупых русалок, чего они медлят, канительятся с беляшами и людишками. Ты вот, Дарти, понимаешь?

– И когда мы сядем за руль бульдозера и начнём очищать мир от букашек? – спросил Дарти, чувствуя, как в его груди разгорается огонь. То, что он услышал от Августы, резонировало с его целями.

– Когда сначала очистим его от русалок. Начинать давить надо не хомяков, а этих тупых выдр для начала. Чтоб не мешались, – хихикнула Августа.

Дарти восхитился тем, как Августа уверенно за глаза обзывала Трёхглазую и её свиту фрейлин «тупыми выдрами».

А ещё у него громадный камень свалился с плеч. Тем не менее, он добавил:

– А ещё давить надо вампиров.

– Ну что ты заладил! Вампир да вампир. Они сами скоро все сдохнут и переведутся. Первородных Высших раз два и обчёлся, и все они – наши.

Внезапно Августа нахмурилась. И прошипела, пристально глядя на Дарти:

– Правда, есть ещё так называемые Отступники. О них известно мало. Но того, что известно – уже достаточно, чтобы всерьёз взяться за них любыми способами. Что за вампир тебя похитил?

– Я не знаю его. Какой-то Дрэгон.

Теперь выражение лица Августы напугало Дарти. На неё набежала тень. Она медленно встала, буравя Дарти взглядом:

– Ах, Дрэгон.

– Ты знаешь его?

– Я – нет. Лично не знаю. Зато его хорошо знает Трёхглазая и её девочки. Из-за него триста лет назад они потеряли Второй Ключ, и теперь его ищут. Трёхглазой даже не помогает её драгоценный Всевидящий Шар! Твой Дрэгон – беляш.

Дарти побледнел. По его телу прошла дрожь.

– Что, он тебя расколол, да? Эх ты, – насмешливо и дразняще посмотрела на него Августа. – Так тебе и надо. В следующий раз будешь умнее.

Дарти ничего не понимал. За то, что он сделал – расска-

зал врагам об Августе – полагалась смертная казнь. Августа к нему слишком благосклонна. Она встала из-за стола, подошла к нему.

– Значит, беяши про меня узнали. Что ж. Пусть боятся и трепещут. Ведь я вызвана Ключом. Со мной сможет сладить только один-единственный не-человек на Земле. Ты. Тот, чья кровь применена при Вызове.

Августа закинула руки ему на шею, слегка прижалась. Дарти прошиб пот, холод, озноб и жар.

– Это правда? Что тебя не сможет убить никто, кроме меня?! – ахнул Дарти.

– Дело в Ключе, – прошептала Августа. – Если бы меня вызвали по-другому, я бы парилась, наверное. Но я не парюсь, потому что ты меня никогда не убьёшь. Ты слишком предан мне, я это чувствую. Во мне твоя кровь. И ещё твоя стихия слабее. Ты земляк, Дарти. А я – огонь. Даже если мы встанем в поединке, я тебя сожгу.

Августа прижалась к нему теснее. Дарти почувствовал, что сгорает. Он не смел ответить на объятие, хотя очень хотелось. Вместо этого он прошептал:

– Сделай меня демоном. Я хочу стать демоном, Августа.

– О... ты знаешь, я подумывала как раз над этим, – промурлыкала она, обхватывая его ещё крепче.

Дарти вспомнились подробности ритуала. Для вызова Августы нужен был Ключ, а ещё кровь опытного мага. Но при вызове Августы, кроме крови Дарти, была использована

кровь ещё одного «опытнейшего мага».

– А вторая? Она ведь тоже тебя может убить...

– О, ты что, беспокоишься за меня?! – Августа слегка отстранилась, запрокинула голову, посмотрела на Дарти снизу вверх. И расхохоталась, громко, задорно. – Она – меня?! Нет, она меня не может убить.

– Почему? – спросил Дарти.

Тут снова раздался стук в дверь. Августа отпустила Дарти и не спуская с него глаз, подошла к двери, распахнула. В комнату вошёл Зелёный Червь. Дарти с неудовольствием и затаённой злобой взглянул на него. Червь на Дарти – с презрением. Августа зыркнула на Зелёного Червя строго глазами. Червь ответил на её немой приказной вопрос:

– Дело сделано. Я побил её и скинул труп в канализацию.

Августа повернулась к Дарти:

– Слышал? – улыбнулась, подмигнула. Потом снова напустила на лицо свирепость и строгость и повернулась к Червью: – Ты удостоверился, что она мертва?

– Ты за кого меня принимаешь?! После того, как я избираю – не выживает никто! – Червь разъярился от смертельного оскорбления и обиды.

– Хм. Хорошо, – кивнула Августа. – Будем считать, что тебе нет смысла мне врать, и не было резона не исполнить приказ. В таком случае, мне пора ехать. Продолжать устанавливать связи. Да и просто отрываться и получать всяческие удовольствия.

Августа посмотрела на обоих своих слуг – преданного Дарти и мутного, себе на уме Зелёного Червя. Она улыбнулась и начала перекидываться. Её тело выросло на три сантиметра, слегка раздалось в плечах, выпрямилось в осанке, волосы чуть-чуть посветлели до тёмно-русого, где-то удлинились, где-то укоротились в каре с чёлкой, глаза из серых стали каре-зелёными. Нос чуть увеличился, на нём появилась маленькая, еле заметная горбинка. Губы стали чуть менее пухлыми. Скулы чуть поднялись. Брови стали значительно гуще и прямее. Августа, а теперь – лже-Сорвиголова, сняла с себя очки, положила их на столик.

– Самое большое удовольствие, что я получу, будет, когда я начну убивать её дружков. А они будут думать, что их убивает она. А я буду смеяться. И внушать им, что мир беспощаден и зол. Ха-ха-ха-ха! – засмеялась она.

Голос её стал чуть ниже, грубее и значительно громче.

– Развлекайтесь, мальчики, а я пошла. Понадобится мне – вызову! – растолкав Червя и Дарти, Августа вышла в коридор и властно позвала одного из томберов, личного шофёра. Августа собралась поехать к Сорвиголове домой, чтобы полностью заместить ту, кого она вычеркнула из жизни руками Червя.

Дарти волком посмотрел на Червя. Червь на Дарти – с отращиванием. Они ничего не сказали друг другу. Дарти молча вышел, с напыщенным гордым видом. Ему противно стоять рядом с Червём и дышать с ним одним воздухом.

Зелёный Червь же, проводив Дарти нехорошим взглядом, подошёл к столу, и принялся бегло просматривать бумаги Августы. На его лице заиграла совсем другая улыбка – коварная, предвкушающая.

– Дело сделано, Августочка. Я побил твою смертушку, но не до конца. Чтобы скоро она побила тебя. Ты недооцениваешь Русалок, Августа. Потому что у тебя мозгов негусто.

Зелёный Червь изучал секретные досье ещё несколько минут, пока его не вызвала на аудиенцию Блэки.

*Мы чужие на этом празднике жизни,
мы свои на этом празднике смерти*

Журчание воды. Нет, не журчание. Поток. Звук капель. А ещё в нос ударяет мерзкий запах. Я с трудом его идентифицирую. Такое ощущение, что это запах гнили, экскрементов.

Пытаюсь ошутить тело. Сильная боль во многих местах, но больше напоминает боль от многочисленных синяков, гематом и ушибов, нежели от переломов. Это радует. Шевелюсь. Лежу на боку, часть тела онемела. Приоткрываю глаза.

В них светит яркий свет. Потом гаснет. Потом опять светит. Потом гаснет. От такой «дискоотечной иллюминации» я зажмуриваюсь, инстинктивно подаюсь назад. Кто-то кладёт руку мне на плечо. И говорит:

– Проснулась? Прекрасно. Сейчас ты придёшь в себя, и

мы будем убираться отсюда.

Голос подозрительно знакомый. Снова слепит меня фонарём. И добавляет:

– Да, кстати. Время теперь подошло. В прямом смысле подошло.

Я вспоминаю июль. Всемирный День Контакта, накануне. Когда Виргиния, директорша фирмы «Внеземное Дело» задумала выпустить ядерные ракеты в склад химического оружия. Склад находился рядом с местом проведения массового фестиваля в честь дружбы землян с инопланетянами. Виргиния похитила Алистера, талантливого программиста. И заставила его написать вирус, чтобы взломать военную базу и систему запуска этих ракет. Меня тогда впервые повесили из стажёров в резервисты и приставили мне персонального информатора Зигфрида Коллинза. Он любит, чтобы его называли З. Или Коллинз. Вот такой вот чёткий типчик.

Коллинз – из Шакалов. Шакалы – дружественное объединение, союзники Только Для Ваших Глаз. Среди них информаторы, разведчики. Они собираются в клубе Скомато. Ещё среди них есть мои хорошие друзья, с кем меня в августе познакомил Коллинз. Это метал-группа Приходящие-не-в-Полночь. Лидер группы Ниания Дор, потрясающая харизматическая девушка. Весельчак и любитель пива Мангуст, он же наш со Скорпионом общий знакомец. Спокойный, выдержанный и гордый Шрам, похожий внешне на эльфийского принца.

Талантливые музыканты, отличные ребята, свои в доску эти Шакалы. Были и другие Шакалы. О них рассказывали мои друзья Джейн и Пит. С ними они познакомились на Всемирном Дне Контакта. Была среди них компания настоящих оборотней – «Лисьи Хвосты», и их вожак суровый, но добряк Элки. Мои коллеги и начальство не раз намекали мне, что каждый из Шакалов оказал ТДВГ неоценимую помощь. И ТДВГ тоже в свою очередь делает всё, чтобы помочь Шакалам. Майло называет эту дружбу союзом Тигров и Шакалов. Потому что раньше Тиграми называлось одной из подразделений Только Для Ваших Глаз, плотно контактировавшее с Шакалами.

И вот Коллинз здесь. Он только что произнёс кодовую фразу, пароль – «Время теперь подошло». Но здесь – где это?!

Я выдыхаю отзыв, пытаюсь заодно понять, могу ли я разговаривать:

– Время подходит всегда.

– Вот, ты теперь в обойме! Я тебя немного подлатал, но в целом тебе жутко повезло. Извини, что прибыл не вовремя, – в голосе информатора послышались виноватые нотки.

Я обомлела. Коллинз не склонен проявлять «виноватость». Он заносчивый и высокомерный тип, и у нас на начальном этапе взаимодействия были тёрки. Он меня принимал за салагу. Я его – за напыщенного идиота. Потом мы поняли друг друга и сдружились. Мне даже казалось, что Кол-

линз пытается флиртовать со мной.

Сейчас я рада его видеть. Не важно, что в прошлом. Главное – он здесь и сейчас, он мой друг. А это значит, что мой враг меня не убил. Если только... враг не оказался настолько силён, что похитил нас, заточил в катакомбах!? Приподнимаюсь на локте. Фуф, вроде правда ничего не переломано.

– Где это мы?

– В клоаках под Глумом, – следует ответ.

Я вздрагиваю.

– В клоаках? – озираюсь. Коллинз мне помогает, подсвечивает окружающую местность фонариком.

Я лежу на грязном бетонном полу, у грязной стены, чуть в стороне протекает грязная река со сточными водами и испражнениями и издаёт звук нежного журчания воды. Коллинз сидит рядышком, на корточках.

Прикид на нём тот же, что и в августе. Коллинз любит кожу, металл, цепи, фуражку-картуз и кучу всяких цапок: браслетов, колец, перстней, цепочек. Всё это носит эзотерический смысл – каждый амулет или кольцо на каждом пальце и каждой шее что-то де означает. Коллинз высок, статен, атлетического телосложения. Знатный парень, в общем. Если бы не его напыщенная временами нагло-насмешливо-презрительная морда – цены бы ему не было.

Встаём. Опираюсь на него, потому что стоять тяжело, больно. Щурюсь и кривляюсь от боли. Ничего вроде не сломано, но всё болит. Надо же как меня угораздило.

– Я дралась, – начинаю объяснять.

– Я понял. Когда я приехал, ты уже была здесь. За лечение сломанной шеи не благодари.

– ЧТО?! Сломанная шея?! Э... ты что, меня из мёртвых воскресил, я теперь зомби?!?! Каррррамба! – на этом месте я перепугалась не на шутку.

Коллинз рассмеялся:

– Шучу. Всего лишь пара трещин на рёбрах и вывихи обеих лодыжек. Пустяки.

Смотрю на Коллинза громадными испуганными глазами.

– Кто тебя такшибанул, супермен? – интересуется.

– Зелёный Червь. Он один из главарей томберов. У меня к нему были не очень честные намерения. И я вообще-то сглупила. Поплатилась, – тихо проговорила я.

– Бывает. В общем, повезло тебе.

– Он меня сбил. Магия какая-то.

Коллинз присвистнул:

– Не просто магия. Он тебя высосал.

– Что-что сделал? Он вампир что ли? Кровь высосал?

– Да не кровь. А ток. Он тебя полностью обесточил. Избил, обесточил, но не убил. Видимо, ты ему понравилась, – Коллинз улыбнулся краем губ.

Мы с ним поковыляли по ходу направления движения реки с фекалиями.

А я призадумалась. Зелёный Червь меня не убил. Я вспомнила наш с ним поединок. У меня не было шансов. Он

напал внезапно, застав меня врасплох. Он сильнее меня. У него преимущество в мастерстве боя, в весовой категории. Но он меня не убил. Значит, я нужна томберам.

Или... Коллинз прав, Червь в принципе не захотел меня убивать по своим мотивам? Он мог убить меня и Эдди ещё раньше – на кладбище. Но не стал даже преследовать. Здесь – понятное дело, он охранял свой дом. Я подкралась исподтишка, задумала их всех почикать из степлера. Червь меня за это наказал.

– Ты знаешь Зелёного Червя? – спросила я Коллинза.

– Не особо. Лично не сталкивались, но информация о нём имеется. Он правая рука Масочника. Фактически его зам. А учитывая, что Масочник теперь на побегушках и у русалок, и у демона, думаю, что Зелёный Червь ведёт свою мутную игру. Он лоялен русалкам – это точно. У нас есть подтверждение. Точнее, не у нас – Шакалов, а у вас – Тигров.

– Нам нужно поймать... погоди. Ты сказал – русалки и демон? Что за демон?

– У томберов появился демон. Они вызвали сильного демона. Опасность не только в его мощности, но и в том, что устранить его практически невозможно. Вернее, это могут сделать только два человека на всей земле.

– Коллинз, я совсем запуталась. Давай мы правда уйдём из этого грязного места. Я тебя приглашаю к себе домой, на чай. Там и поговорим.

Мне тяжело идти без посторонней помощи. Я вынуждена

опираться на Коллинза как на костыль. Мы шли медленно и шатко. Но я предпочла уже сейчас начать заниматься делами.

– К тебе домой? – переспросил Коллинз немного рассеянно. – Боюсь, что... А впрочем, ладно. Поехали, посмотрим.

Он довёл меня до лестницы в стене, где лазают сотрудники коммунальных служб, сантехники и диггеры. Я смогла подняться сама, Коллинз открыл люк, помог мне вылезти. Стояла ночь. Я уже не спрашивала – это та же самая ночь, когда я потерпела сокрушительное поражение в битве с Зелёным Червём, или прошло уже много ночей. Я испытывала сильную боль, усталость и желание узнать Истину.

Мы без слов дошли до машины Коллинза. Авто оказалось припаркованным неподалёку. В зеркальце я увидела чумазое от заскорузлой засохшей крови и грязи лицо, спутанные волосы, фингалы, шишки, кровоподтёки. Между тем я ударила по Зелёному Червию всего один или два раза, и наверняка не причинила ему и синячка.

Коллинз деликатно молчал, пока я себя рассматривала. Он завёл мотор, нажал на педаль, поехал, смотрел на дорогу.

– Шрамы украшают женщин, – изрекла я и отвернула зеркальце так, чтобы оно показывало задний обзор и салон сзади, а не мои «украшения». – Что за демон у томберов?

– Ты уже начинаешь догадываться? – ответил вопросом на вопрос Коллинз.

– Двойник. Это ведь демон? Сколько много всего вы, Ша-

калы, знаете?

– К сожалению, пока немного.

– Но больше меня, я полагаю. И я догадываюсь почему. Я сама виновата. Я должна быть расторопнее, общаться больше с начальством, а не строить из себя рэмбо.

– Мы тебе объясним. Уже скоро. Да, двойник – это демон. Только не двойник. Она умеет превращаться в кого угодно. Трансформация, полиморфизм – всего лишь одна из её невинных шалостей. А так, она владеет куда большим арсеналом способностей. Не всякий высший маг может похвастаться, что владеет и десятой долей того, что может вытворить она.

– Она превращалась в меня, – выдохнула я, после того как обдумала то, что выложил Коллинз. – Но зачем? Я ни разу не видела её. Как она узнала обо мне и как я выгляжу? Или она следила за мной и накануне превратилась в кого-то из моих знакомых?

– Скорее всего, она следила за тобой с помощью Шара Трёхглазой.

– Шара?

– Да, такого Шара а-ля телевизор, вернее, дальновизор, куда Трёхглазая в этот самый момент может смотреть на тебя. Или на меня. Или на кого-то ещё.

– У меня голова кругом, Коллинз! Карамба! А я подозреваю, это только начало.

– Правильно подозреваешь, Клот.

Какой ужас. В мою жизнь проник демон, которого даже великий и могучий Коллинз опасается.

– И что надо этому демону? Я бы с ней поговорила! – заявила я.

– Я бы на твоём месте не стал бы искать с ней разговора. Ей нужна твоя смерть. В данный момент демон сильнее. Я подозреваю, что она приказала Червью убить тебя, а он ослушался, потому что недолюбливает её. Так сказал «язык». Мы допросили его с применением изошрённых пыток.

– Как мило. И ты вот говоришь – этого демона могут убить только два человека. Давай их поищем, что ли.

– Эти два человека не готовы. Один из них не готов, потому что влюблён в демона и предан ему без памяти. Второй не готов, потому что сейчас ни за что не поверит, что он способен этого демона убить.

– Как всё сложно. Есть же антиприворотные зелья, чтобы того, кто влюблён, заставить разлюбить? А второй «фома неверующий» – его надо убедить, сказать, что делать, – принялась я размышлять.

Коллинз косил на меня взглядом.

– Ты чё так смотришь?! – шикаю я.

– Нам предстоит длинная дорога. А потом длинный разговор. Сзади пакет, там сэндвичи, кола, – Коллинз по-хитрому перевёл тему в область хлеба насущного и вновь уставился на дорогу.

Я поняла, что проголодалась. До этого адреналин руково-

дил всеми инстинктами. Достала пакет, из него сэндвич и колу.

– Как ты можешь жрать такую гадость?! – ахнула я возмущённо. Но ела как голодный волчонок, ибо на рыбе и безрыбье, как говорится.

– Ты что, хочешь сказать, что ты на диете? – ахнул Коллинз удивлённо. Притворно.

– Я не на диете, но такое не ем.

– А я думал, все подростки это едят.

– Я уже не подросток, – буркнула я.

– Ах да. Тебе пятнадцать, а не двенадцать. Забыл.

– Шестнадцать!

– Не спеши стареть. И не спеши всё знать – состаришься ещё быстрее, – Коллинз невозмутимо включил музыку. – Ах да, и с прошедшим днём рождения что ли тогда.

Я волком позыркала на З, но хеви-метал действовал успокаивающе. За окном узнавались улицы ближайших пригородов. Минут пять-десять – и мы въедем в Укосмо. А там уже и до дома недалеко. Я наслаждалась ощущением мнимой сытости. Ведь фаст-фуд – это суррогат, нечто несъедобное.

Вот мы и в Укосмо.

– У нас есть основания полагать, что демон превращается в тебя, чтобы взять на понт. Вот ещё по какой причине тебе нельзя с ней «поговорить», как ты жаждешь, – прояснил Коллинз конкретику.

Мы ехали уже по улице, ближайшей к моему дому.

– Ну и дальше что? Я слабенькая, а эта демониha – матёрая тётка с рогами и копытами, ты мне это уже прояснил в натуре. Давай тогда что ль составим план военной кампании. Пригласим на эту кампанию всё ТДВГ, всех Шакалов, движем на эту демониху.

– Ох, Клот. Тебе долго придётся объяснять. Всё более чем непросто. Тут замешана большая политика. Политика Демидургов, Старейшин.

– А я тут при чём? Я не имею никакого отношения к анхомам! Да, я дружу с парочкой из них. Но это не значит, что мне нужно в это вдуплять! Я хочу разобраться, что этой демонихе нужно и как сделать так, чтоб она отвяла от меня, вот и всё! – на сытый желудок ко мне пришла нервозная развязность. Я перешла на сленговую лексику двенадцатилетних подростков.

– Очень даже значит. И демон, и Трёхглазая выбрали персонально тебя. Остаться тебе в стороне не удастся, – огоршил меня Коллинз.

– Что значит выбрали меня?! Ой, тормози, вон поворот на Хороший Путь! – спохватилась я.

– Терпение. Сначала проверим твоё жилище. Безопасно ли там. У меня подозрение, что не очень.

– Что значит не очень, карамба?! Я живу в ста метрах от секретной базы ТДВГ, ты как наш информер наверняка в курсе! – распинаясь я.

– Тс-с-с, замри, – Коллинз положил мне правую руку на

плечо.

И его машина по-пластунски медленно начала приближаться к моему дому. Я увидела жуткую и странную вещь. Свет во всех окнах с моём доме горел!

Моё сердце подпрыгнуло. Вернулись родители из командировки! А на улице глубокая ночь, меня нет! Вдруг они там сидят с полицейскими, составляют заявление о том, что я пропала?!

В последующие секунды Коллинз осторожно подъехал на уровень с моим забором и калиткой. Я увидела несколько припаркованных машин и мотоциклов, раскрытую нараспашку дверь, а на крыльце целующуюся парочку! Из дома доносилась попса. Чтобы я её услышала, Коллинз приглушил магнитолау с металом.

Из моего дома выбежал никто иной как Локуст с бутылками, подбежал к милующейся парочке. За ним выскочила полуголая девица в купальнике (в декабре!), повисла на Локусте и уволокла его обратно в дом. Я смотрела на всё это, и у меня медленно шевелились волосы, сами по себе.

– Думаю, достаточно. Поехали отсюда, – Коллинз нажал на педаль, и машина газанула, умчавшись в сторону лесопарка.

– Э... подожди! Я должна разобраться, что происходит! – мой голос прозвучал слишком уж беспомощно.

– Я уже разобрался, – выдохнул Коллинз недовольно. – Только что я тебе сказал про политику провокации. Она ду-

мает, что Червь тебя убил. А если не убил – то на всякий случай расставила тут этот капкан, чтоб подловить тебя или твоих друзей. Она полностью превратилась в тебя. Если бы ты туда сейчас пришла – она бы стала шантажировать тем, что грозила бы убить всех, а потом спихнуть всё на тебя. Вариантов масса. Быть демоном-трансформером очень удобно.

– Погоди. Мы проехали мимо Базы... Нам бы туда заскочить...

– Тебе нельзя на Базу, – огорошил Коллинз меня. Каждой репликой он ошарашивал, так уж вышло в это наше с ним свидание. – Тигры уже в курсе и установили повышенный уровень защиты против тебя. Вернее, против демона.

– Но это нонсенс! Ты говоришь, демона могут убить только два человека. Их ведь ещё надо найти, и одного заставить разлюбить, другого убедить. Если ТДВГ поймают меня – они точно разберутся, что я не демон, а что я это я, – рассудила я логически. – Разве не так?

– Не так, – вздохнул Коллинз. – Демонесса неуправляема. Твои коллеги сварганили защиту, построенную на крови и магии. Этой защитой они накрылись как куполом. Если она попытается пройти – её шибанёт, но не убьёт. Если ты попытаешься пройти – тебя тоже шибанёт и очень больно.

– Ух... я всё равно ничего не понимаю. При чём тут я и она?! Ты говоришь – на крови?! У неё что, моя кровь? Она прокралась в поликлинику, где я сдавала анализы для школьной диспансеризации, и похитила мою кровь?!

– К сожалению, всё гораздо хуже, Клот. Она вызвана частично твоей кровью.

– ЧТО!?! Но я не в курсе!

– Конечно, ты не в курсе. Тебя ранили в бою. Скорее всего, это было несколько месяцев назад. Твою кровь собрали и вызвали демона. Масочник и его приспешники.

– Карамба! Вот в чём заключалась месть томберов, за то что я не дала им лучшего друга! Они охотились за Питом, хотели проникнуть на Базу, но я им помешала, – проговорила я.

– О да, они злопамятны. Но не только по этой причине. Чем-то им твоя кровь показалась интересной. Видишь ли, для вызова конкретно этой демонессы нужна кровь особой консистенции.

– Что, четвёртая группа с отрицательным резусом?! Но у меня не такая! Я ж не избранная какая-нибудь!

– Да не торопись ты вперёд паровоза! Один средневековый чернокнижник по имени Абриус Месциус описал ритуал, как вызвать ученика владыки Инферно. И в качестве одного из компонентов значилась особая кровь. Там ничего не сказано про группы и резусы, в те времена их определять не умели. Там описаны признаки человека, у кого подходящая кровь для вызова демона такого уровня. И видимо ты частью этих признаков обладаешь.

Я прикрыла глаза. Почувствовала навалившуюся смертельную усталость. Захотелось домой, в тёплую постель.

Но дома у меня теперь нет. Там заседает матёрая демони́ха с рогами и копытами. Она превратилась в меня, поджидает, чтобы шантажировать ужасными вещами, которые она проделает с моими одноклассниками. Наверняка она за-гипнотизировала Локуста и компанию. Про защиту Базы и этот «купол» я так ничего и не поняла. Объяснение Коллинза смахивало на фэнтези-книжку или компьютерную игру в «Героев Магии и Меча».

Я вздрогнула:

– Мои друзья... Пит, Джейн. Они в опасности! Коллинз, мы должны вернуться!

– Твои друзья в порядке, – заверил меня информер. – Они получили нужные указания. К тому же, они оказались осведомлены – ты им вовремя всё сама рассказала. Они у тебя умницы, приняли правильные меры.

– Ещё бы. Сыщик и Рыжая Ведьма – агенты гораздо более крутые и лучшие, чем я, – прошипела.

– А это ты зря, кончай с самоуничижением. Ты тоже супер-Сорвиголова, – Коллинз улыбнулся вполне искренне. Ну спасибо ему на добром слове! – Сейчас мы приедем в Румбу, ты передохнёшь, и будем ваять с тобой военную кампанию. Всё будет пучком!

Мне ничего не осталось, как набрать побольше кислороду в лёгкие, бессильно откинуться на сиденье авто и закрыть глаза. Коллинз снова включил успокаивающий хеви-метал. Мой мир рухнул. Ещё вчера я была уверена, что моя жизнь

под контролем. Сегодня я вынуждена держаться подальше от собственного дома, друзей, коллег, потому что это моё ближнее окружение захвачено демоном. А я этого демона в глаза не видела! Доигралась сорвиголовушка, называется.

Я перебрала в голове всё то, что знала о демонах. Первый раз я с ними столкнулась два года назад. К нам в школу пришла преподавать Мод, моя любимая учительница биологии. Она оказалась потомственной охотницей на демонов, из древнего рыцарского ордена. Мы с Ромом тогда вместе на своей шкуре убедились, кто такие демоны. Второй раз это было спустя несколько месяцев, в музее. Демон вселился в шаманскую маску и убил нескольких человек, пока мы его не остановили. Сразу за этим расследованием нам пришлось столкнуться с демоном иллюзий. Он рвался на свободу из-под земли.

Потом мы имели дело с древним демоном кошмаров. Он оказался вызван в наш мир через астральный план снов учеником профессора Боднара, друга Мод. Этот ученик сам едва не погиб, когда демон завоевал его сознанием и через него проникал в наши сны. Потом у нас с Джейн была стычка с опасной группой демонов и бесов, вселяющихся в куклы. Они не просто оживляли кукол – они питались сверхспособностями группы особо одарённых детей и подчиняли их своей власти.

В самом начале этого года мне пришлось узнать компанию демонов под предводительством зловещего алчного Пейли-

на. Это было одно из самых «приятных» знакомств с демонами, я думаю об этом без сарказма, с лёгким налётом философского юмора. Ведь благодаря этой битве я познакомилась с Роджером, его тётей Онилией и вервольфом Йэном Гудингом.

А в феврале – целая эпопея с Мёрмуром, демоном Сатурна. Он действовал рука об руку с сильнейшим чёрным колдуном Снайксом.

Самым страшным поединком с демоном была битва с Реддом. Этот демон напомнил мне о том, что в одной из прошлых жизней я была предателем, подвергла гибели лучших друзей и родных. Даже последующая стычка с Вине – «богом акул» не казалась мне столь иссушающей и травмирующей.

Пожалуй, на этом мой стаж общения с демонами закончен. До сегодняшнего дня. Все эти демоны угрожали человечеству. А сейчас демон угрожает мне. Интересно, этот демон мстит за тех демонов, кого мы прогнали раньше?! Я слишком мало знала о демонах. В основном тех демонов мы побеждали коллективными усилиями, после тщательной подготовки и сбора необходимых ресурсов. Просто так подойти и расстрелять из автомата или пулемёта демонов нельзя. Их убийство требует особого подхода.

Мы приехали в Румбу, небольшой городок, мало чем приметный. До того, как Коллинз впервые показал мне Румбу в августе, я про этот город не знала вообще. Население несколько тысяч человек, на некоторых картах он вообще не

значится. Деревня деревней.

Мы остановились у неказистого, небольшого продовольственного магазина. Когда выходили, я обратила внимание, что светает на улице. Шёл лёгкий снежок. Тихо, спокойно.

– Ты сейчас как следует отдохнёшь. А потом и поговорим, – предложил Коллинз.

Я кивнула. Мы вошли в магазин, прошли мимо длинных рядов прилавков. Супермаркет самообслуживания. Дошли до двери служебного хода. Рядом стоял стол, на столе шашки, разбросанная колода карт, сдвинутые стулья, непочатые стаканы то ли с вином, а то ли с вишнёвым соком.

– А где ребята? – удивилась я.

В прошлый раз тут были Боб и Таг. Мировые громадные охранники-металлисты, очень интеллигентные, обожают играть в шашки. Шакалы, мои хорошие знакомые.

– Все ушли на фронт, – неопределённо ответил Коллинз и распахнул передо мной дверь с надписью «Посторонним вход воспрещён». Приглашающим жестом пропустил вперёд себя.

Я решила, что Боб и Таг отошли. В туалет или ещё куда – они не курят. Может, это и к лучшему. Они шумные, всё время меня задерживали, чтобы бурно пообщаться, уговорить сыграть партию в шашки, карты, домино, а сейчас у меня болит голова. Да и лицо всё такое разукрашенное, и одежда грязная. То, насколько грязная одежда – я увидела в светлом зале магазина, пока мы шли к этой двери. Не удивительно –

Коллинз меня в канализации нашёл.

Лестница здесь узкая, крутая, высокая. Несколько раз чуть не упала, задерживалась за перила. Ступеньки мне показались неровными. Спуск – слишком долгим. К концу лестницы мои ноги заплетались, меня шатало. Коллинз терпеливо и медленно шёл сзади. Когда мы спустились и очутились в небольшом предбаннике-коридоре, из-за двери донёсся метал. Я первая толкнула эту дверь.

Мы в Скомато. В секретной таверне, не просто питейно-развлекательном заведении, а в месте, где царит мир со своими законами и правилами. Мир Шакалов. Здесь совершаются серьёзные сделки, заводятся судьбоносные знакомства, передаются уникальные знания, обсуждаются тайные военные и мирные операции, проводятся важные для мироздания и Вселенной переговоры. Без пафоса. Это – Скомато. Место для меня настолько родное и безопасное, как База.

Здесь всегда гроыхает хард-рок. Народ тоже всегда, особенно ночью. Ночью часто поют со сцены, и чаще – Приходящие-не-в-Полночь. Сегодня, когда мы с Коллинзом вошли сюда, на сцене пели Лисьи Хвосты. Четыре девушки-вервольфа, залихватски жарящие хеви-метал. Несколько десятков фанатов веселились, бесновались, танцевали, мотая длинными волосами. Наверняка тоже вервольфы, поддерживали соплеменниц.

Я плохо знаю вервольфов. Один из них, мой друг, Йэн Гудинг, производил впечатление сурового и мрачного типа.

Внешне. Внутренне он душевный товарищ, и мы с ним сразу поладили. Хотя Роджер потом сплетничал, что к Йэну на козе не подъедешь, а про меня шутил, что я сама коза. Эти вервольфы-девушки на сцене совсем не выглядят мрачными. Да, у них не обычные, не типичные лица – большие рты, выступающие скулы, длинные густые волосы и густые тёмные нависающие брови. И одеты они агрессивно – в кожу, шипы. Но они пели живехонько и позитивно.

Коллинз подтолкнул меня в спину и пошутил:

– Ты на них смотри не засматривайся! Это гарем Элки. Увидит тебя Элки – приревнует, вызовет на дуэль. А ты ведь у нас хиленькая, слабенькая, куда тебе драться с Элки?

– Да зачем мне его гарем?!

– Я не знаю, ты смотришь на них таким королевским собственническим взглядом!

– Они делают хорошую музыку!

– О да, Ниания тоже это признаёт, она по ним фанатеет и даже пассажи заимствует у них под вдохновением и впечатлением. Но Лисьи Хвосты наоборот считают Приходящих-не-в-Полночь музыкальными наставниками. Однажды Ниания и Элки чуть не поссорились, когда доказывали друг друга, чья группа лучше. Элки говорил, что лучшие – мы, Приходящие-не-в-Полночь. Ниания же била себя в грудь, доказывая, что лучшие – Лисьи Хвосты. Идём, Клот, у тебя ещё будет время тут потусить.

– Да, сейчас мне не до тусовок, – вздохнула я, вспомнив

о проблемах.

Но дух, царящий в основном зале Скомато, значительно поднял мой боевой дух. Усталости стало чуть меньше. Тут явно витали исцеляющие волны, волшебная поддерживающая энергетика.

– А это ты зря. Тусить надо, но только когда отдохнёшь! – Коллинз поддерживающе положил мне руку на плечо.

Мы прошли в «жилую» часть Скомато. Таверна располагалась под землёй, и мне рассказывали, что её потайные катакомбы простираются под всей Румбой. Таверна не просто место встреч и тусовок. Тут находятся помещения для репетиций, кухни, служебные комнаты и «фонд жилых номеров». Здесь некоторые Шакалы живут постоянно, как дома, а некоторые пользуются Скомато как перевалочным пунктом и гостиницей. Я не очень знаю расположение этих пещерок, комнат и келий, и всякий раз туда хожу вместе с сопровождающими, чтобы не заблудиться.

Сейчас Коллинз окончательно меня запутал. Он водил по узким коридорам, проделанным в каменной толще, мимо кучи дверей, то направо, то налево, по извилистым ходам. Я уже хотела спросить его – «А где Минотавр?!», как он объявил:

– Вот, ты будешь жить здесь, – и оставил меня перед небольшой дверцей в каменной стене. – Располагайся. Санузел прямо по курсу. Всё необходимое вроде полотенец, простыней найдёшь. Отдыхай, высыпайся. А я пошёл.

– Э... – растерялась я, с трудом подавив желание ловить воздух ртом как рыба, выброшенная на берег.

Коллинз усмехнулся, похлопал меня по плечу и стремительно удалился. А я-то думала – сейчас будет военный совет, разговоры! Но мне дана передышка.

Комната оказалась совсем крошечной, два на два метра. Но там всё необходимое: удобная мягкая койка с тёплым шерстяным пледом, мягкой подушкой и матрасом. Рядом с койкой кто-то оставил для меня воду, сок, яблоки и печенье. Под подушкой – полотенце и халат.

Я отправилась в санузел, отмечая шаги до своей двери, чтобы не заблудиться. Быстро приняла душ, замыла грязную одежду, надела халат. Сразу почувствовала себя живым человеком. Раны выглядели удовлетворительно – как будто правда пошла неделя после драки. Это меня Коллинз так «подлатал», как он выразился?! Я мало знала о целителях и о целительных способностях. В первый раз, когда Коллинз привёз меня сюда, я тоже была после драки. Шрам подал мне мазь, посоветовал обработать раны, и они зажили быстро. Похожие исцеляющие мази у нас в ходу в ТДВГ, однако даже они не обладали столь быстрым эффектом, как та мазь Шрама.

Вышла из душа обновлённая и посвежевшая. В комнате с удовольствием съела печенье и выпила сок, потом легла и заснула.

А моё пробуждение спустя несколько часов можно на-

звать волшебным и чудесным. Сквозь сон я услышала тихий щелчок двери. Я мгновенно вспомнила, что нахожусь в гостях. Инстинкт элементарной вежливости и стеснения, выработанный в процессе родительского воспитания, заставил меня продрать глаза и принять быстро вертикальное положение на кровати. Я воззрилась в сторону двери и увидела там невысокую стройную фигуру в длинном платье, с длинными волосами. С коридора шёл призрачный свет, и освещение падало таким образом, что вокруг фигуры создалась иллюзия свечения или нимба.

Фигура увидела, что я вскочила, приостановилась в дверях в нерешительности.

– Я тебя разбудила? Пожалуйста, извини, – она чуть подалась назад и дотронулась пальцами ладони до рта в неподдельном искреннем испуге и сожалении.

И я её узнала. Но я не могла поверить глазам.

– Айрэнн!?

Айрэнн Бенинг – моя подруга. Правда, о друзьях, с кем ты увиделся один раз в жизни и потом толком не поддерживал общение, не говорят, что это – друзья. С ней я познакомилась в «начале карьеры» в ТДВГ, в самый первый год. Мне тогда было тринадцать, я только постигала азы «агентурной работы» (как выразился Эдвард).

Айрэнн – дочка маминой приятельницы. И у нас оказалась общая знакомая, психолог ТДВГ Айра Спенсер. Собственно, Айра потом сообщила мне, что Айрэнн – моё спец-

задание. Оно заключалось в том, чтобы я подружилась с этой девушкой. Мы с Айрэнн разные, но при этом у нас много общего. Обе скромные, домашние и тихие. Только я время от времени проявляю бунтарский нрав и умею постоять за себя, когда меня припирают и нарываются, а Айрэнн – тогда не умела. Обе любим искусство, хорошую музыку и книги. Обе заинтересованы в самосовершенствовании и питаем свой ум. Но во всём остальном мы отличны друг от друга.

Айрэнн – она как святая. Она возвышена, приближена к Природе, к богам, к Небу и Космосу. Очень светлая. Это выражается не только в её грациозной фигуре, внутренней красоте, светлых волосах и светло-голубых глазах. Это выражается во всём её существе.

Тогда случилось так, что моё спецзадание заключалось не только в том, чтобы подружиться с Айрэнн, но спасти её. Я это поняла не сразу. Мне потом Майло объяснил. За Айрэнн охотилась группа вампиров под предводительством зловещей дамы-призрака – Греты Фон-Грер. Эти три вампира, Грако, Грэко и Грико – хотели обратить Айрэнн, чтобы она служила чёрным силам, направляла для них свой потенциал, либо принести её в жертву и выпить её энергию. Я должна была отвлечь их внимание на себя в условленном месте, а Айрэнн – отвести под защиту группы Новых Отшельников или Неогермитов.

Когда произошла моя первая в жизни стычка с вампирами – она была не очень приятна для меня. Мне до сих пор не

приятно вспоминать себя жертвой, беспомощной, напуганной. Я переживала страх смерти в течение нескольких ужасных минут, пока не появился Скорпион. Майло одним махом убил тварь, которой эти вампиры хотели сдать меня. Причём тогда они меня здорово загипнотизировали, я не принадлежала себе. Но, как говорится, всё хорошо что хорошо кончается.

Потом так сложилось, что мы с Айрэнн практически не общались. Хоть и обещали друг другу созваниваться. Айрэнн подружилась с Неогермитами – группой из пятерых ребят: Эллиной, Сэмом, Бригиттой, Эндрю и Розой. Они совсем юные, но в их духовном уровне не приходится сомневаться. В октябре я, Пит, Джейн и Пол тоже имели дело с Новыми Отшельниками в Туркее. Мы узнали, что Неогермиты владеют тайными магическими знаниями.

Майло намекнул, что группа Неогермитов – друзей Айрэнн – это его знакомые и подшефные. Айрэнн с ними в безопасности, а также она проходила с ними ступени обучения. Мы не виделись и не созванивались почти два года. Но я по-прежнему считаю Айрэнн подругой. Такого ангела, как Айрэнн, нельзя не считать подругой. Она подруга всему миру. Преодолев внутренние ограничения, комплексы, она распахнула сердце навстречу Вселенной, обрела внутреннюю гармонию и целостность.

Это я почувствовала сейчас. Вот, она стоит, замерев от чувства неловкости, заботы, потому что думает, что зря раз-

будила меня, что я устала и мне требуется отдохнуть. Но раз я проснулась – я уже не нуждаюсь в отдыхе. Спешу заверить её:

– Нет, ты меня совсем не разбудила! Я тут... просто валялась в постели, знаешь ли.

Айрэнн искренне улыбнулась:

– Мы все так хотели увидеть тебя! Но Коллинз не пускает. Когда он отошёл, я не выдержала и решила проведать тебя. Я соскучилась, очень рада, что ты здесь! Правда... наверное, не те обстоятельства тебя сюда привели, чтоб радоваться.

Айрэнн качнулась вперёд, поколебалась, вошла в келью. Очень скромный, тактичный человек. Я встала с кровати и двинулась к ней навстречу. Мы сошлись в крепких радостных объятиях. Айрэнн тот человек, кого я была готова обнимать вечно. Её объятия – как объятия ангела.

– Наверное, Коллинз будет ругаться, – улыбнулась она, слегка отстранившись.

– Да? Ну тогда я тоже буду на него ругаться! – парировала я. – А при необходимости и вовсе побью, мне это раз плюнуть!

Само присутствие Айрэнн вселяло неземной восторг. Я стояла и улыбалась против воли. С момента нашей той первой встречи она сильно изменилась. И не мудрено – люди в тринадцать лет и люди в шестнадцать сильно разные. Из зажатой, худой, ссутулившейся и вечно ждущей удара обидчиков девочки она превратилась в невероятную красавицу.

Свет окутывал её всю, он с ней повсюду. Её глаза смотрят мягко и с состраданием на весь мир. Её рот приоткрыт в за- таённой улыбке, и она всегда готова сказать нужные, тёплые, обволакивающие заботой и поддержкой слова. Айрэнн Беннинг, мой ангел, моя фея, моя принцесса. Я не считаю большой заслугой, что я «спасла» её или помогла ей обрести веру в себя – веру в себя она бы обрела и без посторонней помощи, а от вампиров и той зловещей дамочки Греты её спас Майло. Но я рада, что мы с ней тогда сошлись, что я узнала её, что она пришла в мою жизнь.

– О нет, не надо! Он хороший, – улыбнулась Айрэнн и отвела глаза в сторону.

Айрэнн влюблена в Коллинза?! Ну и дела! Этот напыщенный павлин – и ангел Айрэнн?! Ну и парочка. Из всех Шакалов Айрэнн, на мой взгляд, больше всего подходил сдержанный, благородный Шрам, но никак не этот высокомерный придурок! Придурок – это я ласково-шутя.

– Коллинз заботится о тебе, – напомнила мне Айрэнн. – Ниания и Мангуст больше всего к тебе хотели попасть, Мангуст даже обиделся на Коллинза, что он тебя не привёл к нему, когда вы пришли. Шрам несколько раз пытался сходиться к тебе, поговорить про самочувствие, предложить снадобья. Но Коллинз ни в какую. Как ты себя чувствуешь?

– Теперь прекрасно! – призналась я.

– Тебе идёт этот халат, – сделала искренний комплимент Айрэнн.

– А тебе – это платье! – не осталась я в долгу.

Она в длинном классического покроя трикотажном белом платье, с расклёшенной нижней частью-юбкой. И делало её ещё более чистой и светлой.

– Подарок Эллины и Бригитты. Они сшили платья для себя, Розы и меня, чтобы мы надевали их на Дни Космических Циклов, но так совпало, что я стала надевать его часто. Потому что каждый день – это по сути День Космических Циклов. И ещё, когда я в этом платье, меня поддерживает незримое присутствие ребят. Я ведь долгое время общалась только с ними, мы же отшельники. А тут я попала в новый круг. Меня здесь приняли, полюбили, но... всё же я пока сама не очень адаптировалась, – призналась Айрэнн. И пояснила: – Я здесь на обучении.

– Наверное, это прекрасно! Шакалы – отличные ребята! – порадовалась я за Айрэнн.

– Да, они замечательные. Но так жаль, что нас соединила война, а не мир...

– Война?

– С Трёхглазой, её фрейлинами. Я не понимаю этого. Русалки – они всегда были мирной цивилизацией. В Золотой Век они дружили с людьми. Потом что-то произошло, люди забыли эту дружбу. Русалки перестали им показываться. Но среди их объявились бунтари и вышли на берег, стали убивать людей тайно, мстить... Развязалась эта война, давно. Сейчас она достигла кульминации.

Я круглыми глазами смотрела на Айрэнн. Она знала много больше меня. О русалках, о войне. Хорошо же она прокачалась за два года!

– Я надеюсь, что когда-нибудь дружба людей и русалок восстановится. Они поймут и люди поймут, что цели у нас общие – жить в мире, строить счастье для всех. Мне жаль Трёхглазую. Я понимаю её агрессию, её злобу. Ей так не хватает любви... Если бы я была сильнее, чем я есть... Как бы я хотела, чтобы сила моей любви возросла... я бы подарила свою любовь любому существу на Земле и в Космосе, во всех планах бытия. Любому призраку, любой Русалке... любому человеку.

– Не буду с тобой спорить. Но моя позиция отличается. Я не жалею Трёхглазую. Я бы тебе рассказала, за какими делами и преступными проектами она стояла. Но это долго рассказывать.

Айрэнн поймала мой воинственный взгляд, отвела глаза. Она хотела мира. Она – приверженка позиции непротивления злу насилием. Что ж. Эта позиция хороша в духовном, догматическом контексте. Но никак не в реальности. Если враги пришли к тебе в дом, сожгли твою хату, зверски убили твоего сына, на глазах насилуют твою жену и дочь – ты подставишь другую щёку? Ты будешь внушать им о всеобщей божественной любви, подойдёшь поцелуешь, обнимешь их, потому что им-де недостаёт любви?! Нет.

Айрэнн мягко взяла меня за руку:

– Ребята в зале. Они ждут тебя, и хотят предложить тебе горячий чай или кофе, и завтрак.

Я кивнула, и мы с Айрэнн Бенинг, моей подругой-ангелом, отправились на военный совет.

Шакалы все рады меня видеть. Ниания и Мангуст чуть не задушили в объятиях. Шрам по-деловому пожал руку. Коллинз лишь кивнул, храня лукавую полу-усмешку и привычный напыщенный гордый вид. Потом Ниания и Мангуст друг с другом чуть не подрались за право сесть рядом со мной – в итоге я решила конфликт, переставив стул так, чтобы сесть между ними. Потом они долго спорили, кто из них принесёт мне завтрак и горячий кофе. Пока они спорили, кофе и завтрак мне в итоге принёс Шрам. Коллинз насмешливо смотрел на этот цирк. Айрэнн скромно улыбалась и отводила глаза. Я обратила внимание, что сидят они слишком близко друг к другу и Коллинз то и дело стремится ласково и поддерживающе дотронуться до Айрэнн.

Из всей компании Приходящих-не-в-Полночь не хватало только таинственного альбиноса по прозвищу Лунный Охотник и басиста Хи, парня себе на уме с заурядной неприметной внешностью. А эта компания Приходящих сегодня колоритнее некуда. Харизматическая Ниания в ярком воинственном макияже, чёрных кожаных одеждах и бондане напоминала то ли вампиршу, то ли фурию-валькирию. Неугомонному, шумному весельчаку Мангусту в косухе и с цепями не хватало только байка вместо стула. Учтивый Шрам всё также

похож на эльфийского принца: такими красивыми золотыми длинными локонами сможет похвастаться не всякая модница. А ещё эта его рубашка с жабо под винтаж и старинные потёртые кожаные брюки добавляли образу фэнтезийного флёра. Ну и павлинчик наш Коллинз тоже вырядился хоть куда – куча амулетов, колец, браслетов, снова безрукавка на голый торс и бессменный картуз-фуражка.

В этой шайке фриков сильно выделялась Айрэнн. На контрасте и на фоне она похожа на нежную принцессу, захваченную разбойниками. Сейчас она скромно и немного скованно сидела в полуобъятиях «атамана» шайки. Хоть главной и бесспорной лидершей тут была Ниания, но сейчас она временно поменялась с Коллинзом ролями.

Я же тут пока случайно мимо проходящим бомж. На мне халат, под халатом футболка и ещё не до конца высохшие после стирки джинсы, лицо – в синяках и шрамах. Но мне и так хорошо. Мне показалось, в кофе добавили алкоголь, а в блинчики или джем к ним – энергетики. Пока мы пили и ели, Мангуст неминуемо болтал, Ниания изредка его одёргивала как старшая сестра, Коллинз и Шрам тоже вставляли реплики. Болтовня ни о чём, лёгкая, непринуждённая, но я понимала – это раскачка перед серьёзным разговором. Я знавала, как я соскучилась по ним по всем. С той июльской ночи, когда мы одержали победу над Виргинией Снэцки (одной из поделниц русалок, как выяснилось), я в Скомато так и не бывала больше.

Когда завтрак доели, и обаятельный бармен по цветочно-растительному имени Мак принёс горячий чайничек, ребята как по команде перестали бакланить и сделались серьёзные.

– Ты здесь для того, чтобы помочь нам, – Коллинз в упор посмотрел на меня. – Да, я от тебя вчера это скрыл. И заставил тебя думать, что ты здесь для того, чтобы прятаться от демона. И это тоже, но это дело не важное. Скорее, мы тебя похитили, чтобы заставить тебя помогать нам.

– Это что, прикол такой?! – поглядела я на информатора.

– Э, может, расскажем Клот всё с самого начала? – встрял Мангуст.

– Ага, от сотворения мира, – иронизировал Шрам.

– Мангуст, пусть Коллинз договорит, он ведь по субординации подчинённый Клот, – слегка насмешливо подметила Ниания, поддерживая меня.

Как агент ТДВГ, я имею статус «начальства», заказчика для Коллинза. Он – что-то вроде исполнителя моих запросов на ту или иную информацию. Я внутренне взбодрилась и поддержала, в свою очередь, «подчинённого»:

– Коллинз, я готова тебя послушать. Говори всё как есть и как должно быть. Но имей в виду, что у меня уже слишком много к тебе вопросов.

– Вопросы – это хорошо. Кто задаёт вопросы – тот владеет ситуацией, – изрёк Коллинз. – Гораздо менее выгодно быть в положении того, кому задают вопросы – ты чувствуешь свою

необходимость объясняться, оправдываться. Это ставит тебя в игре в позицию жертвы. В заведомо проигрышную позицию. Но довольно лирики. Ты здесь для того, чтобы помочь нам забрать Ключ у Трёхглазой.

Больше всего меня в этом поразила реакция Айрэнн. Она вздрогнула, и её глаза испуганно забегали. Будто она себя чувствовала виноватой, но за что?!

– Ключ у Трёхглазой? Ключ... – проговорила я.

И вдруг вспомнила. Скорпион тоже говорил про ключ!

– Что за ключ, карамба?!

– Ключ к Инферно. К измерению, где создаются, обитают и обретаются самые чёрные, зловещие твари во всём Мироздании – демоны.

– Э... не знала, что в Ад можно попасть через дверь, что отпирается ключом. Полагала, что грешники туда телепортируются просто так, за вину любой степени тяжести, – высказала я своё мнение.

Шрам аккуратно пояснил:

– Религиозные догмы про рай и ад – это совсем другое. Эти догмы частью придумали люди, чтобы управлять обществом с помощью религии, а частью – анхомы, чтобы многое скрыть от людей про свои внутренние тёрки-разборки. Инферно – это не ад. Вот ты, например, как себе представляешь ад?

– Ад... это горячее место, вроде крематорной печки, где всё красное, огонь горит, черти жарят грешников на сковоро-

родке. Грешники мучаются и страдают. Иногда их не только жарят, а дают им испытания, вроде камень тяжёлый на гору бесконечно таскать. Что вы так улыбаетесь?! – воззрилась я на Мангуста, Нианию, Шрама и Коллинза. Они и вправду не сдерживали ироничных выражений.

– Мы улыбаемся тому, что ты как истинный человек оказалась слишком подвержена влиянию ложной информации, – пояснил Мангуст.

– Да, я человек, дальше что? Так объясните, что за Ад, что за Ключ?

– Да, придётся правда от самого сотворения мира. Хотя бы вкратце про то, кто такие демоны, – вздохнул Шрам. – Демоны – это не просто стрёмные чуваки с рогами и копытами, заинтересованные в том, чтобы соблазнять людей на похоть, обжорство и так далее. Демоны – это антилюди. В них всё, что противоречит Природе и Созданию. Это души, выбравшие только Пустоту, разрушение ради разрушения, насилие ради насилия, Черноту ради Черноты – и обратного пути для них нет. Ни один человек, живущий на Земле, даже самый жестокий серийный маньяк, не сравнится в истинной черноте с демонами. Самый подлый, гнилой негодяй, готовый продать и убить родную мать – и тот всё ещё имеет выбор одуматься, пока живёт. У людей выбор всегда есть, на то люди – это люди. У демона выбора никакого уже нет. Они воплощение Черноты.

– Я расскажу тебе сейчас о том, как становятся демонами.

Это тебе нужно знать, чтобы понимать, что за демон-трансформер, которая путается у тебя под ногами, – перешёл Коллинз к делу после прелюдий. – Шрам начал говорить про гнилых негодяев. В мире полно подонков. Кому-то из них после смерти дан ещё шанс. Подонок, вернее его душа попадает в реинкарнацию, приходит снова на Землю, снова человеком. Но есть такие, кому решили не давать шанса. Кто решил – об этом пока мы не будем говорить, захламлять твой ум ни к чему, и так у тебя мозги потекли, я даже вижу.

Тут Мангуст услужливо протянул мне салфетку. В шутку. Коллинз продолжил ликбез по прикладному демоноводству:

– В общем, деградант умирает. Его душу судят в особом после смертном измерении. И определяют, куда дальше. Многое зависит от разговора этой души с теми, кто определяет. И если душа совсем-совсем гнилая и чёрная, она отправляется в Инферно.

Инферно – пространство воплощённой Черноты. Это не совсем «измерение», вроде дубликата нашей или чьей-либо другой планеты. Инферно по большому счёту пронизывает все миры точно так же как и Теневая Сторона или Абсолютный Свет. Ты, как и многие люди, думаешь – в аду черти жарят грешников. Ничего подобного. Там никто никого не жарят. Грешники, попадающие в Инферно, сами становятся чертями и живут там в своё удовольствие. Как на курорте, да. И там не обязательно жарко. Там может быть и как на Северном Полюсе, или как в Космосе, где абсолютный ноль.

Теперь представь ещё раз: громадное пространство, бесконечное. Ибо Чернота, точно так же как Белизна, Тьма и Свет – бесконечна, и из неё состоят миры в своей вечной битве Баланса. И в этом пространстве заточены демоны со всех миров. Вырваться они не могут просто так. Да, бывает, глупые люди или весьма неглупые анхомы вызывают их к себе в услужение. Но не всех, конечно – некоторых, избирательно вызывают.

Эти демоны в Инферно обучаются друг у друга. У них есть иерархия. Есть совсем ничего не умеющие, кроме мелких пакостей, бесята. И есть архи-демоны – эти ребята слишком много чего могут. Баланс таков, что чем мощнее демон – тем сложнее его изъять из Инферно и тем опаснее это для Мироздания. Потому что если Чернота слишком перевесит все остальные компоненты (Свет, Тьму и Белизну) – наступит полный хаос. Миры рухнут в буквальном смысле этого слова. Человеческие учёные называют это Большим Взрывом или Большим Схлопыванием. Человеческие религиоведы называют это концом света, Апокалипсисом. Мы, анхомы, называем это Разбалансировкой.

Разбалансировка может наступить, когда много Белого. Или много Тёмного, или же много Светлого. Непомерно много. Поэтому хорошего или плохого всегда в меру. За этим тщательно следят Демиурги и Старейшины. Они заключают между собой союзы и компромиссы не только для того, чтобы какие-то миры жили, какие-то уничтожались, но

в целом чтобы Мироздание – вся общность бесконечного множества миров и Вселенных – оставалось цельным.

Некоторым демонам удаётся самостоятельно хитростью прорваться из Инферно. Ритуал Вызова по чёрным книгам способен приоткрыть двери для демонов, однако не для всех. Но есть определённая категория демонов, доступ к которым можно получить только с помощью Ключа Инферно.

Ключ Инферно – это артефакт Баланса, созданный Белой Богиней – Царицей Рока Сирой. Сиру называют Царицей Рока потому, что миром правит Любовь и Белизна, а следовательно, вся судьба или рок направлена на подчинение Белизне в итоге. Белизна сильнее любой Черноты. И поскольку слишком много Белизны – это тоже Разбалансировка, чтобы уравновесить себя, Сира создала Ключ Инферно.

Иногда этот Ключ появляется в нашем мире, иногда в других. Почти всегда это искушение для представителей Белой и Чёрной сторон. Чёрные для укрепления власти заинтересованы завладеть таким ключом, чтобы вызвать мощного демона – своего потенциального союзника. Белые заинтересованы не допустить открытия Инферно и куда-то подальше от Чёрных перепрятать Ключ. Правда, есть ещё Тёмные и Светлые. Светлые, как правило, стараются соблюсти нейтралитет, остаться в стороне. Ведь Свет – это Истина. Но Тёмные всегда выбирают очень хитрую позицию. Они начинают помогать той стороне, что проигрывает – в знак Баланса.

Последние несколько тысячелетий проигрывает Белизна.

Тёмные сейчас поэтому смешались с Белыми. Ключ Инферно всегда появляется внезапно. Однако Демиурги любыми силами делают всё, чтобы развязать войну за эти Ключи и измерить силы Баланса, понять, чего больше – Белизны, Черноты, Тьмы или Света. В этот раз Ключ Инферно появился и проявился как семейная реликвия, старинное женское украшение – металлическая подвеска к диадеме. Да, Ключ Инферно каждый раз обретает особую форму. Сейчас конкретно это Подвеска.

Этот Ключ должны были по всем исходным условиям взять мы – Белизна. Ключ появился, как выяснилось, несколько сотен лет назад. И передавался из поколения в поколения, пока не оказался в руках у Лима Дункалса. Это молодой человек – потомок рыцарей-Охотников. Но он не знал об этом. И он не знал, что это за артефакт. Мы упустили его, а он сам считал себя человеком, не знал ничего ни об анхомах, ни о Ключе, ни о демонах. Однако, о Ключе пронюхали Русалки. Они убили Дункалса, забрали Ключ и успели использовать по назначению. Они вызвали демона.

С помощью Ключа Инферно можно вызвать особо сильного демона. Русалки остановили свой выбор на младшем, но могущественном демоне. Она ученица одного из владык Инферно. Проблема используемого ключа плюс проблема этого демона в том, что отправить её в ад обратно нельзя, можно только убить. Она неуязвима для всех, кроме тех, чьей кровью она была сюда позвана.

Русалкам помогли Томберы. Собственно, это им Русалки передали полномочия выбрать подходящего демона для вызова, а также подобрать компоненты для вызова: кровь. И книгу. Демон вызван с помощью книги средневекового де-монолога Абриуса Месциуса. Была использована кровь двух людей. Твоя и ещё одного юноши.

Этого юношу мы поймали и допросили. Он наш враг, по-этому пришлось применить обман, гипноз и пытки. Юноша по имени Дарти раскололся и всё нам рассказал. В том числе историю этого демона.

Здесь Коллинз сделал паузу. Я уже вся изъёрзалась на сту-ле и выпалила один из сотен вопросов:

– Дункалс! Очень знакомая фамилия! Собственно, Зелё-ный Червяк побил меня из-за Дункалса. Вернее, из-за Мрии Дункалс. Из-за того что я и ещё один товарищ не дали им заполучить Мрию в качестве зомби-куклы. Так он был не-человеком?

– Да. Охотником Земли. Как Пантера, – кивнул Коллинз.

– Пантера... Мод Дарксон! – ахнула я. – Так вы её знаете?

– Ещё бы, кто ж её не знает?! – хохотнул Мангуст.

– Пантера из Тигров. Мы, Шакалы, знаем много Тигров, – улыбнулся Шрам.

– Карамба! Выходит, эти Русалки напали на одного из дру-зей Пантеры, убили. Им нужно дать бой! – я собрала кулак.

– Нужно. Но пока у них Ключ – мы не можем, – вздохнула

Ниания.

– Почему? – удивилась я.

– Политика. Политика нашего начальства, – пояснил осторожно Коллинз. – У Тьмы своеобразный договор с Чернотой.

– Что, совсем всё плохо, да?! Русалки убили нашего человека, а мы перед ними пресмыкаемся? Это ж насколько мы слабее?! – не допирало до меня.

Ниания положила мне руку на плечо, успокаивая мой пыл:

– Наши силы в глобальном плане равны. Все силы – Черноты, Белизны, Света и Тьмы. Но всё, что касается Ключей – особый случай. Всё должны решить переговоры.

– Переговоры?

– Твои с Трёхглазой. Ты пойдёшь к ней, возьмёшь Ключ. Мечом махать не надо. Подсыпать тайком яд к ней в чай тоже не надо, – посмотрел на меня Коллинз.

– Я пойду? Но я же человек!

– Она хочет тебя, – развёл руками Коллинз.

– Она? Меня? Она меня знает?

– Ей нужен Огонь. Возможно, она тебя видела через Шар, с помощью своего третьего глаза. Мы хотели отправить к ней на переговоры о Ключе другого. Но Трёхглазая потребовала Огня, – объяснил Шрам.

– Противостояние Стихий. Мои друзья Эллина, Бригитта, Сэм, Роза, Эндрю поддерживают связь с Неогермитами по всему миру. Некто Альхум рассказал нам о битве за Сферы, и о том, что Сферы выбрали тебя Огнём, твоих друзей – Во-

дой, Воздухом и Землёй, – добавила Айрэнн.

– Сферы... – проговорила я. – Карамба! Орден Фигур... Это Трёхглазая стояла за Орденом Фигур. Аманда про это говорила. Что ж. Если она вызывает меня на переговоры – я пойду. Куда идти?

Я приготовилась встать.

– Не сейчас, – покачал головой Коллинз. И напомнил. – Мы тебе ещё не рассказали о демоне. Присядь. Это важно – про демона.

Я присела и воззрилась на информатора.

– Это молодой, нестабильный, капризный, непредсказуемый демон. Время в Инферно течёт немного по-другому. По нашим меркам она была в Инферно несколько лет, а по меркам Инферно, она там находилась века и тысячелетия. За это время её хорошо подучили. Я расскажу сейчас тебе её историю со слов этого юноши, Дарти. Её имя – Августина Символи.

– Что?! Карамба! Кладбище! – ахнула я. – Мы видели её могилу! Та самая мёртвая девушка. Она погибла в день своего рождения!

– Да, она была человеком. Лет тридцать назад, – не стал спорить Коллинз. – И во многом она – карающая рука Судьбы. Само её появление – своеобразная кара, наказание человечеству за его злобу, бездушие и тупость. Её появление закономерно, то есть люди заслуживают её. Плохие люди, я имею в виду. Но демоны – они такие, гнобят всех без разбо-

ру. Поэтому пострадать могут невинные, как раз те, кто никогда эту злобу, бездушие эгоизм и тупость не проявляет. В этом кроется одна из ошибок мироустройства, с чем пытаются бороться ищущие умы.

Шрам пояснил:

– Ошибка из разряда «богатые нечестные люди живут хорошо, а бедные праведные труженики страдают». На самом деле это не ошибка, а мудрость, что-то вроде урока бытия. Но многие называют это ошибкой. При поверхностном, ближнем рассмотрении это правда ошибка.

– Ошибка мученика, – добавила Ниания. – Жил-был добрый человек, никому не мешал. Да и комплекса жертвы у него не было. Но его постоянно перемалывали жернова обстоятельств. Несчастья сыпались на него буквально ни за что. Только в сказках такое бывает, что злодеи несут заслуженную кару. В реальности, увы, злодеи чаще процветают, а незаслуженную кару несут как раз невинные порядочные люди. Но довольно этого лирического нытья. Коллинз клонит к тому, что Августа была добрая, любящая девочка, но по злему стечению обстоятельств в её жизнь притягивались сплошные подонки. Они её убили.

Я почувствовала, как пересохло во рту. Глотнула остатки чая.

– Её выбросили из окна, – проговорила я то, о чём уже знала.

Вспомнился этот день, когда я на много часов зависла в

архиве Базы только чтобы прочитать историю мёртвой девушки. Тогда я ещё недоумевала, что я столько времени на неё потратила.

– В школе. В день её шестнадцатилетия, двадцать девятое декабря.

– Ага, через неделю будет очередная годовщина. Вообще, мерзкая эта дата – двадцать девятое декабря, – мрачно подметил Мангуст.

– День, когда силы зла в одной из битв одержали верх. Томберы чтят эту дату, – тихо добавил Коллинз. – День, когда они убили четверых доблестных воинов. Чьи имена их главари потом бессовестно взяли.

– Виктор Шнайдер, Мэри Шарп, Такер Фарр, Лайнонна Скэнлен, – проговорила я. – Всё так. Только Скорпион не очень подробно об этом говорил.

– Да я вообще удивляюсь, как Скорпион тебе до сих пор память не стёр! – встрял юморной Мангуст с лёгкой сатирой, и получил подзатыльник от Ниании. Но так как я сидела между ними, мне пришлось вжать голову в плечи. Чтоб не схлопотать «шалльной» подзатыльник Ниании.

– Трёхглазая теперь хочет превратить каждый день в двадцать девятое декабря, – высказала Ниания с презрением.

– То есть Августа была не злым человеком... – проговорила я задумчиво. – Коллинз, ты же только что говорил о том, что демонами становятся совсем пропащие, насильники, маньяки.

– Не факт, не всегда, – покачал головой мой информатор. – Всё решает Суд в особом приграничном мире после смерти. Это приграничье люди привыкли называть белым тоннелем, светом в конце тоннеля, иногда Чистилищем. Мы, анхомы, называем это Станцией Ожидания, иногда – *Эголеталисом* или Трансформатором. Маньяк после смерти может возродиться в хорошего человека. Но он будет отрабатывать карму тем, что на него будут падать все беды и несчастья. Либо возродится в хорошего человека, проживёт достойную жизнь. Карма – вещь капризная. Люди часто говорят – бумеранг никто не отменял, как аукнется – так и откликнется. Но пути рока неисповедимы. Стоит всегда понимать, что они ведут к Любви. К тому, чтобы человеческие души, пройдя даже через самый травмирующий опыт, научились этой Любви.

– Да, Любовь часто с шипами, и за ними совсем не видно роз, – поэтично выразила Ниания.

– Поэтому не факт, что Августа несла наказание за то, кем она была в прошлых реинкарнациях, – продолжил Коллинз. – Да, она была не злым человеком. Она была очень даже добрым, отзывчивым человеком. Родилась пятьдесят лет назад, в Укосмо. В порядочной семье. Больше всего любила читать и учиться.

А потом Коллинз рассказал такое, от чего у меня кровь заледенела в жилах.

Ибо он рассказал, как мне показалось, *мою* историю.

Августа имела всё. За исключением папы – мать родила её от неизвестного мужчины. Мама её любила, окружала заботой, давала всё необходимое. Августа была единственным ребёнком в семье. Близких друзей у неё было двое. До поры до времени, пока они не разъехались.

Её лучшей подругой была Мэри Зиг. Она же Химера Фобос, зловещая предводительница Томберов. И сейчас она сидит в тюрьме. Опасная женщина, владеющая мощным гипнозом. Оказалось, в детстве Химера вовсе не была злой. Как говорят – «все маленькие щенки – хорошенькие». Мэри дружила с Августой – подобно тому, как я дружу с Джейн. Лучшим другом Августы был мальчик из соседнего дома. Эти друзья разъехались кто куда, когда Августе исполнилось тринадцать.

У Августы любовь мамы, два её друга и книги были отдушинами. Ей не повезло с самого начала, как она с первого класса пошла учиться в ту самую школу на Мандаринов. Одноклассники невзлюбили её. Учителя – тоже. Причём ни за что. Есть такие подлые, грязные люди. Они подобно гиенам объединяются против того, кого считают слабее, кто не может дать отпор. И не только одноклассники и учителя мучили её: Августа как магнит притягивала в жизнь людей, что издевались над ней и всячески обижали. Она не умела постоять за себя. Её обижали везде – в магазине, на улице, во дворе. Почти каждый день она сталкивалась с тем, что на неё была направлена ничем не обоснованная агрессия. Слов-

но она проклята или на ней была порча, как могут подумать суеверные люди.

Каждый школьный день был для неё мучением. Особенно уроки физкультуры: её били, а учитель поощрял эти избиения. Он втайне был извращенцем и ему доставляло удовольствие видеть, как бьют девочку.

Августа старалась ничего не рассказывать маме и друзьям, чтобы их не расстраивать. Однажды она проговорила Мэри, и та проявила благородство. Я невольно зауважала её – женщину, чуть не убившую меня и Пита. Мэри подговорила друга Августу, и они что-то нехорошее сделали в школе. Да так, что к Августе на какое-то время перестали приставать.

Но ненадолго. Как только Мэри и мальчик покинули город, меняя место жительства, гонения на Августу усилились. Ей стали ещё более сильнее и изощрённее мстить, зная – её могущественных опасных друзей рядом с ней нет, а сама Августа ничего не сможет сделать.

Однако, с уездом двух друзей у Августы появилось новое увлечение. Возможно, этому научила её Мэри или тот второй друг. Августа стала заниматься магией. Обереги, заговоры, простейшие обряды со свечками, примитивные упражнения на концентрацию. Потом – спиритизм. Августа занималась этим ради защиты. Она понимала, что не справится сама с людским злом, и хотела призвать сверхъестественные силы, чтобы обрести уверенность.

По мере того как время приближалось к роковой дате два-

дцать девятое декабря 1966 года, жизнь Августы стала невыносимой. Мама случайно узнала, чем занимается дочь – что она колдует. Мать была религиозной, и с ней случился удар. Госпожа Символи-старшая слегла с сердцем. Всё это случилось накануне. Возможно, в этот самый день как сегодня – 22 декабря. Мать после смерти дочери проживёт ещё лет 15 в сплошных болезнях, больницах и болях.

Августа пришла в школу в один из последних учебных дней перед каникулами. Она хотела, как и я, закрыть скорее хвосты, досдать контрольные. Одноклассники, пострадавшие от карательного рейда Мэри и её друга, подкараулили Августу, заманили хитростью наверх. Никого из учителей там не оказалось. Августу сбросили с пятого этажа, а полиции рассказывали, что девочка была ненормальная, сама покончила с собой. Показывали изъятые из её портфеля тетрадки, где она писала заклинания, рисовала руны и обереги. Полиция не совсем рьяно расследовала это дело. Но в школу пришли проверки государственных инстанций, выявились нарушения в пожаробезопасности. И школу закрыли.

Томберы готовились к вызову Августы в течение нескольких месяцев. Они запасались кровью. В том числе – моей.

– Её досье – в засекреченных архивах на нашей Базе. Я его читала, – выдохнула я после того, как выслушала Коллинза.
– Тигры, понятное дело, не могли пройти мимо такого, –

кивнул Коллинз. – Скорее всего, они понимали все риски, но не могли предвидеть непредвиденного. Что Августа трансформируется не просто в мелкого бесёнка, а в такую тварь.

– Она охотится за мной, вернее, выбрала так поступать, потому что у неё моя кровь, – проговорила я, обдумывая это. – То есть она... – и тут меня поразило громом. Я в упор посмотрела на Коллинза: – Ты сказал – её могут убить только те, с помощью чьей крови она была вызвана. Это что же... Это я должна её убить?

– Начнём с того, что никто никому ничего не должен. Августа сейчас формально принадлежит Трёхглазой, подчиняется ей. Поскольку Вода сильнее Огня, а Августа – порождение Огня. По тем же самым пресловутым политическим соображениям мы не можем просто пойти взять её убить.

– Тем более, это бесполезно делать, пока у Трёхглазой Ключ, – дополнил Шрам. – Трёхглазая запросто может открыть Инферно ещё раз и извлечь оттуда не менее сильного демона – тварей уровня Августы там, к несчастью, хватает.

– На переговорах с Трёхглазой ты можешь выставить свои условия, – подсказала Ниания. – Сказать, чтобы русалка отозвала свою бесячную шавку куда подальше, что шавка мешает тебе. Мы думаем, что Трёхглазая могла приказать Августе вмешиваться в твою жизнь, чтобы привлечь твоё внимание. А заодно чтобы подорвать боевой дух. Такими методами действуют Чёрные.

– Я не боюсь этой шавки, – с вызовом заявила я. Мне хо-

телось пойти и набить ей морду. Но вместе с тем возникало желание увидеть её, поговорить с ней, спросить, может, я могу ей помочь?

Слишком дико узнать, что эта девушка – демон. Из истории Коллинза её судьба напоминала мне частично вехи моей биографии. Я тоже ни с кем не дружила кроме Пита и Джейн, и в школе не совсем ладила с одноклассниками. Конечно, меня пытались задирать, но я находила в себе силы терпеть до последнего, а потом стоять за себя. Моя отходчивость, доброта, скромность выглядели в глазах одноклассников как уступчивость и стеснительность. Они просили у меня списать контрольную. На физкультуре одноклассники смеялись, когда все метали мячи на несколько десятков метров, а я – всего на метр. Или когда все попадали в баскетбольной кольцо с первого раза, я – с пятьдесят первого. Но я не стала демоном.

А как бы развивалась моя жизнь, уедь Пит и Джейн разом в другой город? Может быть, я бы так и замкнулась в себе, и меня бы, как и Августу, понесло бы в аномальные явления. Я бы стала изучать спиритизм и подобные вещи.

И ещё рассказ про Августу мне сильно напомнил историю Айрэнн. Когда я встретила Айрэнн два года назад – это абсолютно незащитное существо. К ней все цеплялись, норовили задеть, обидеть без причины. Айрэнн своим видом и аурой запуганности притягивала в жизнь плохих людей. Когда Коллинз пересказывал мне историю Августы, я то и дело

кивала взгляд на Айрэнн. Она сидела вся сжавшись, время от времени поднимала глаза, полные затаённых слёз, скорби и сострадания. Айрэнн тоже искренне жалела эту девочку.

– Её и не обязательно бояться. Но против неё нужна тактика, – подсказал Шрам. – Одна из её способностей – она умеет превращаться в кого угодно. Обычно для трансформации ей требуется физический контакт, чтобы накинуть на себя внешность человека как маску или костюм. Этот контакт связан со считыванием ДНК в широком поле. Только в двух людей она может превращаться без контакта – в тебя и в Дарти.

– Какая тактика? – спросила я ребят.

– У неё наверняка есть слабое место, по чему можно ударить. Но удар должен быть нанесён безжалостной, твёрдой рукой, – подсказал Коллинз после недолгой паузы.

Я замерла. Во мне начало подниматься что-то неприятное.

– Августина была хорошей девушкой. Прошло чуть больше тридцати лет. Если она супер умный демон, её можно убедить в том, что она добрая, то есть что быть доброй ей выгоднее. С ней можно договориться, – уверенно заявила я. – Прежде всего я бы хотела спросить, зачем и почему она пристала именно ко мне. Только ли по той причине, что у неё моя кровь или по причине, что Трёхглазая ей так сказала, потому что она огоньку захотела – или же по другим причинам.

Ниания, Шрам, Коллинз и Мангуст почти хором вздохнули. Айрэнн в сожалении приподняла брови и грустно улыбнулась.

– Видишь ли, Клот, – посмотрел на меня Мангуст немного косо. – Скорпион тебя, конечно, хорошо натаскал, но природу демонов тебе ещё учить и учить. В твоей парадигме мышления взывать к совести демонов – всё равно что воспитывать шаловливых школяров, читать им нотации, пригласить священника ещё скажи. Или в детскую комнату полиции к воспитателям отправить. Августина *была* доброй девушкой. Сейчас это существо – враг всего живого на Земле, враг Человечества. Это Антихрист в юбке. Смотрела фильм-ужастик «Антихрист»?

– Мангуст прав, – подтвердил Шрам. – К сожалению, добрых демонов не бывает. А вот злые ангелы – вполне себе нормальное, заурядное явление. Путь зла – лёгкий путь. Ломать легче чем строить. Разрушать отношения, ненавидеть, погружаться в гнев, мелочность, обиду, зависть гораздо легче, чем любить, сопереживать, развивать эмпатию и созидать гармонию.

– Играть тяжёлый метал легче, чем классику, – добавила Ниания и немного стушевалась: – Это я так, не совсем про то, что мы – чёрные, мы просто тёмные.

– Когда тебя бьют, привлекательнее строить планы мести, отвечать ударом на удар, чем разобраться, что твоему обидчику, возможно, чего-то не хватает, и обнять его. Но ино-

гда убить обидчика бывает единственным выходом. Быть на Белой стороне – не значит быть слюнтяем, квашнёй, размазнёй и постоянно жить в состоянии лицемерного милосердия, учтивой неискренней угодливости. Быть на Белой стороне – это уметь созидать. Плюс уметь отличать зёрна от плевел, но это уже про Свет, – произнёс Шрам.

– Шрам имеет в виду за этой тирадой то, что Августа не заслуживает того, чтоб разбираться, что ей чего-то не хватает. И уж тем более не заслуживает того, чтобы обнять её, – высказала Ниания.

Я вздохнула. И спросила:

– Как готовиться к бою? Да, и эти переговоры с Трёхглазой – что они собой представляют? Я к ней приду и скажу – дай сюда Ключ, и она даст?

– Нет, не даст, – покачал головой Коллинз. – Она начнёт проверять тебя на вшивость. Возможно, даст бой. Или натравит на тебя Августу и ты должна будешь убить её. Как гладиатор на ринге. Мы не знаем. Трёхглазая непредсказуема. Она в тысячу раз опаснее Августы. Мы думали к ней отправить Айрэнн, потому что у неё есть магический опыт и она сильнее, чем Ниания. Но Трёхглазая отказала Айрэнн и потребовала Огонь. Кроме тебя, у нас другого Огня нет. Мог бы пойти я, но Трёхглазая... она больше по девочкам, в общем.

Коллинз слегка криво усмехнулся. Я поняла, что он имел в виду – в контексте того, что рассказывал Грифон. Русал-

ки не жалуют мужчин и имеют инстинкт и привычку их убивать. Поэтому я догадалась, что более продуктивно говорить с Трёхглазой сможет представительница прекрасного пола – как женщина с женщиной.

– Учитывая, что мои пути назад отрезаны, я готова, – проговорила я. Неуверенно. И тут же укорила себя за дрогнувший голос. Но ребята тактично не заметили этого.

Ниания положила мне руку на плечо:

– Клот, тебе нужно отдохнуть ещё день. Ты сражалась с Зелёным Червём, и потеряла много тока... то есть крови... то есть сил, я хотела сказать, – Ниания заговорила и вздрогнула, словно наболтала лишнего. – К тому же, с минуты на минуту начнётся политический совет нашего босса с Тиграми, вернее с Охотниками. После этого совета многое прояснится. Шрам сварит кое-какой отвар, это тебе поможет восстановиться. Сегодня или завтра кто-то из Тигров сюда приедет, проинструктирует тебя.

– Но мы теряем время! Если этот Ключ так важен, он принадлежит Богине, а его захватила эта непростая Русалка, я бы прямо сейчас отправилась на эти переговоры, а суть бы узнала по дороге!

Теперь мне руку на второе плечо положил Мангуст, потому что я в очередной раз была готова вскочить:

– Время теперь подошло, время подходит всегда. А теперь, вернее здесь и сейчас – самое подходящее время – временно затаиться. Сидеть в засаде, как это у вас, Тигров, при-

нято! Тигры сидят в засаде долго, выслеживая трепетную лань. Облизываются. Подготавливаются к прыжку.

Я сдалась:

– Я доверяю вам, Шакалы. Вы друзья. После прыжка вы выпрыгните с другой стороны, поможете догрызть добычу, и мы поделим её поровну.

– Так и есть! Прекрасно сказано, Сорвиголова! Дай пять! – обрадовался Мангуст.

Ниания, Шрам и Коллинз одобрительно закивали. Айрэнн улыбнулась теперь не грустно, а поддерживающе. Засада в кругу друзей в Скомато была лучшей из лучших засад.

– Я полагаю, нужно дать Трёхглазой бой.

Голос Аманды прозвучал звонко, решительно – так высекают искры из двух кремней. Стены древнего полуразрушенного Тёмного Храма Охотников отозвались нотами воинственного эха. Её шаги первыми ступили на камни, чуть покрытые налётом пыли. Кое-где лежал снег – под брешами в крыше, высоко, и чтобы увидеть эти бреши и мерцающее звёздами небо сквозь них, нужно сильно запрокинуть голову.

За Амандой вошла Мод. Она засмотрелась на одну из звёзд, потом взгляд Охотницы Земли перешёл на фрески, полустёршиеся от времени. Но основные сюжеты Мод уловила. Она затаилась, внутренне вздрагивая от череды нахлы-

нувших озарений. Фрески изображали их самих: пантеру, орла и льва, скорпиона. Вырывающееся из-под земли пламя. Ещё изображены русалки, демоны. Её рука, держащая Охотничий Жезл, напряглась. Мод почувствовала, как через Жезл входит древняя магическая сила. Сила, что ждала её. И того, кто ступил за ней.

Третьим вошёл Скорпион. Его Охотничье Ружьё на взводе, но ствол слегка опущен. Скорпион готов вскинуть руку и выстрелить по первому желанию, по первому импульсу. Он приходит в этот храм далеко не в первый раз, в отличие от своих товарищей. Он приходил сюда в прежних реинкарнациях. Их все Скорпион прекрасно помнит, до мельчайших деталей, до секунды каждого мгновенья прошлых жизней.

Четвёртый задерживался. Нет, он не колебался, боясь войти в этот храм. Он вообще ничего не боялся. Он задерживался, потому что ему показалось, что сзади кто-то крадёт. Грифон всегда начеку. Перед самым входом в храм он резко оглянулся и послал выстрел из Охотничьего Лука в зимнюю ночную тьму. Заряд боевой магии воздуха невидим, но смертоносен. Как жало, заряд вонзился в мелкую лярву, пытавшуюся выследить Охотников, подслушать их. Лярва испарилась. Грифон слегка усмехнулся и вошёл в храм следом за товарищами. Из всей четвёрки только он почувствовал себя здесь в храме неудобно, но никак не показал этого.

Храм не любил Серых.

Аманда здесь главная. Но она не любит роли лидера, пред-

почитая оставаться заместителем, теневым лицом, дёргающим за ниточки исподтишка. Она бы с удовольствием перепоручила роль лидера Скорпиону. Но тот словно издевался, отказываясь становится «главным». Аманда повторила, оглядываясь на товарищей и вставая в самом центре под тем местом, где раньше возвышался большой пирамидальный купол:

– У нас есть все ресурсы для удара. Считаю, что нерационально медлить.

– А я считаю, что нужно послушать Мрака Творца, – тихо заметил Скорпион.

Аманда украдкой вздохнула.

Пантера приблизилась к подруге и встала в одну из точек окружности вокруг самого центра.

Скорпион встал немного в стороне, как бы за Мод.

Грифон остановился почти рядом с самим входом.

Поверхность пола под ногами Аманды загорелась и приобрела красное мерцание. Через несколько секунд Аманда стояла в красном зияющем огненном круге. Этот круг помещался в окружность с зелёными сполохами, где подобно планете на орбите, стояла Пантера. Зелёный круг оказался внутри синего круга, на границе стоял Скорпион. Позади образовался чёрный круг. Грифон стоял на его границе.

Огневица и три Охотника почувствовали отток магии, перетекание стихийных сил и приток древней энергии храма.

– Вот и послушаем, – в голосе Аманды прозвучал вызов.

Она готова сказать боссу всё, что она думает.

Явился босс. Высокий человек в плаще и чёрном цилиндре, с длинными чёрными как смоль волосами. Мрака Творец, он принял любимейшее обличье. Насмешливое лицо Тёмного Мага говорило, что он удовлетворён игрой – той кашей, что замутил. И замутил он её около двух тысяч лет назад. Аманда продолжала хранить вызов во взгляде. Она посмотрела на босса упрямо и жёстко, первой начав разговор:

– Скажи нам, Паук, мы можем ударить по Чёрной Воде? Ты даёшь нам добро?

– Добро? Белизну? Ты просишь у меня, Мрака Творца, Белизну, внушка Древнего? – усмешка Паука стала сильнее. Теперь он стал похож на зрителя комедийного шоу, готового расхохотаться, повергнуть в пучину гомерического смеха весь зал и самих комиков в придачу.

Аманда вздохнула. И требовательно произнесла:

– Ты прекрасно знаешь, что я прошу.

– Остепенись. Ты прекрасно знаешь, что я скажу «нет». Для того, чтобы я сказал вам «да», вам не хватает двух Охотников. У вас нет Охотника Огня и Охотника Воздуха тоже у вас – Белых – пока нет, – Тёмный Маг красноречиво взглянул в сторону Грифона.

Пантера попыталась образумить товарища, она оглянулась и посмотрела через плечо на Грифона:

– Может быть, ты всё-таки сделаешь выбор? Прямо сейчас. Это возможно, переход на Белую сторону или на Тём-

ную – в этом Храме. Переход на любую сторону. Я прочла мысли этого Храма.

За Грифона ответил Паук:

– Когда он перейдёт и перейдёт ли вообще – не имеет значения. Огонька у вас тоже не найдётся, – напомнил он.

Аманда вспыхнула. Она прекрасно понимала, что при всём её потенциале и «корнях» – дедушке Йозефе Беллоке, он же магистр Вальфгел, она не сможет заместить собой Охотника. Она собралась сойти с круга, уступить место будущему Охотнику Огня.

– Стой, внучка Древнего, – остановил её Паук. – Вы построили круг в Храме, резонирующей с Противостоянием Стихий и Сферами, зачем его рушить? С Трёхглазой будет вести переговоры лицо, которое я назначил, и точка. Охотникам вмешиваться нельзя. Я запрещаю. Охотники, вы поняли приказ?

– Поняла, – кивнула Пантера, по лицу её пробежала тень сожаления. Она опустила голову и закрыла глаза.

«Это лицо, которое ты назначил, может умереть. Переговоры могут пойти не так...» – послала она мысль.

Паук отозвался:

«Всё пойдёт так, как нужно. А смерть – это всего лишь смена Тёмной Дороги, и ты это знаешь как никто другой, Пантера».

– Одобряю, – Скорпион удовлетворительно скрестил руки на груди, встав с широко расставленными ногами. Всей

позой он выражал удовлетворённость.

– Конечно, ты одобряешь. Ты всегда придерживался политики «выплывет – не выплывет», – усмехнулся Паук. – Моя школа!

Паук посмотрел на Грифона. Грифон нахмурился. Он был недоволен.

– Чего ты ерепенишься, Грифон? Ты же Серый, Нейтральщик! Тебе должно быть глубоко всё равно до Тьмы, Белизны, Света, Черноты. Ты сам по себе! – насмешливо обратился к нему Паук. – Какое тебе дело до наших разборок, ты же отказался в них участвовать.

Грифон ничем не выразил бушевавшего в нём гнева. Он злился не на Паука, не на товарищей.

На себя. Он сам выбрал свой путь, убеждал себя в том, что путь прямой его верен.

А теперь – когда Паук хочет подвергнуть тяжёлому испытанию человека, к которому Грифон относился дружески, Грифон понял, что этот человек ему дорог. Грифон в тот момент возненавидел себя за эти «сантименты».

– А раз ты не с нами – то с тебя и спросу нет, – Паук махнул рукой на Грифона и отвернулся, воззрившись тёмными как Чёрная дыра глазами на Аманду: – Огневица?

– Ты собрался отправить к Трёхглазой одну из лучших моих подчинённых. Мою ученицу. Я выпестовала её бережно в течение двух с половиной лет. Что ж. Я не могу возражать, ведь я даже не Охотник. Ты мог бы меня тоже не спра-

шивать! – Аманда демонстративно развела руками и отвернулась.

Паук заухмылялся шире.

– Вопрос считаю исчерпанным. Есть ещё вопросы? – он оглядел Огневицу и троих Охотников взглядом, полным превосходства.

– Много ли измениться, если Охотников будет четверо? – спросила Огневица.

– Много. Но тогда вам нужно приходиться не в этот храм, а к Царице Рока. Вернее, не вам, а Охотникам – тебе, Огневица, туда путь заказан.

– Значит, ищем хорошего огневика, – констатировала Аманда.

Она знала, что её товарищи не спросят ничего. И знала, что Паук ничего не ответит. Поэтому она шагнула из круга и двинулась к выходу из Храма, не оглядываясь на Паука и товарищей. Паук бросил ей вдогонку:

– Именно потому что она одна из лучших твоих подчинённых – я и отправляю её к Трёхглазой.

Потом он исчез. Аманда вышла из Храма первой. Мод колебалась, она хотела о многом расспросить Мрака Творца. Прежде всего – о других рыцарях-охотниках, о Феоктисте. Но растерялась. И корила себя за это. Ещё она глубоко переживала за того, кого Паук отдал на растерзание Трёхглазой.

Скорпион подошёл и положил ей руку на плечо:

– Смерти не будет. Моя миссия ещё не закончилась – зна-

чит, никто не умрёт. Верь Пауку.

Он обнадеживающе улыбнулся. Мод тоже улыбнулась в ответ. Она готова выдохнуть с облегчением. Скорпиону она всегда верила.

Скорпион вышел. Мод оглянулась на Грифона. Тот стоял неподвижно, опустив голову, опустив ствол арбалета – Охотничьего Лука вниз. Напряжённый. Но внешне такой же бесстрастный.

– Послушай, Рикардо, – Мод подошла к нему и посмотрела на товарища. – Паук тебя не берёт в расчёт. Если ты вмешаешься, это не будет нарушением нашего с ним договора, что сейчас заключили я, Огневица и Скорпион. Если даже ты не хочешь вмешиваться – ты можешь подготовить её, поддержать. Кроме тебя, этого никто не сделает. Я бы сама поддержала, но я дала слово, я к сожалению на Белой Стороне, и Тьма помогает нам... И я бы сделала всё, чтобы быть Серой.

Он не ответил ей. Но телепатка-Охотница поняла, что он услышал и что её мысль ему понравилась. Она слегка коснулась его плеча и устремилась следом за подругой и Скорпионом.

Когда все вышли из Храма, Грифон посмотрел на одну из фресок. Там был изображён орёл, конфликтующий со львом. Лев развернул пасть, пытался укусить орла, орёл пытался терзать льва своими когтями. Грифон увидел в этой фреске собственное отражение и не удивился. Он вскинул арбалет и выстрелил снова. Но не в орла и льва. А в синее создание,

похожее на русалку, что стояло в стороне, наблюдало битву орла со львом.

Сюжет фрески принялся меняться на глазах. Орёл поднялся выше, устремился вперёд. Лев перестал кусать орла, тоже устремился вперёд. Они развернулись к поверженной русалке и принялись сообща угрожать ей. Но Грифон не увидел это – не захотел. Он развернулся и вышел из Храма – так и не став ни Тёмным, ни Белым, ни Светлым, ни Чёрным.

Часть 4. По перилам ступенек вверх

Чёрно-чёрный пролог

Дарти штудировал чёрно-магические книги в личных апартаментах в тайном логове Томберов, когда Августа проникла в его запертую келью через Теневую Сторону. Он поднял на неё глаза и сразу смутился: Августа смотрела на него так, как смотрит девушка в беде. Беспомощно, с надеждой и желанием. Ибо «любовью» назвать сокрушающие эманации, идущие от демона, никак нельзя.

– Дарти, – тихо прошептала она. – Ты, только ты можешь и должен мне помочь. Только тебе я верю. Все остальные такие ненадёжные. Я здесь совсем одна и мне страшно...

Она приблизилась к нему почти вплотную. Дарти во все глаза смотрел на неё, у него в груди поднимался огонь влечения.

– Я с тобой, конечно же, я с тобой, – выдохнул юный чернокнижник.

Он увидел, что Августа при всей своей демонстрируемой беспомощности и уязвимости потрясающе выглядит. Её про-

стенное каре превратилось в красивые изящные локоны. Она сняла с громадных омутов-глаз уродующие её глупые очки в толстой оправе. Рот приоткрыт в обещании неземных наслаждений. Блуза школьной формы слишком обтягивает её грудь, а плиссированная школьная юбка слишком короткая.

Дарти нервным движением отбросил книгу, подался назад на стуле и смотрел на Августу с восхищением и влечением. Августа словно не замечала этого. Она стояла перед ним, сделавшись ещё более беззащитнее, опустив голову, потупившись, поставив ножки носочками вовнутрь, теребя край юбочки. Она прошептала:

– Я знаю, что ты со мной. У меня на тебя большие планы. Я знаю, что только с твоей помощью смогу добиться того, чего хочу.

Она подняла голову и посмотрела Дарти прямо в глаза. Тело молодого колдуна прошибла молния – сотня тысяч вольт электрических разрядов. Потом он почувствовал, что стораёт. Августу подошла ещё ближе, опустилась к Дарти поверх на колени. В следующий миг он прижимал её к себе, страстно целовал. Он больше всего боялся, что она ускользнёт. Что это сон – не явь. Что это её демоническая нечестная игра, и она сейчас вырвется или ранит его, или же убьёт. Что это её изощрённое наказание за его невольное предательство. Но её губы слаще мёда. Её тело – мёртвое уже более тридцати шести лет – такое мягкое, податливое.

Их любовные утехы длились несколько часов всю ночь не прекращаясь. Ближе к рассвету Дарти устал, но он был счастлив. Она не устала, была ненасытна. Но счастлива она не была. Понятие «счастье» и демон – несовместимы. Когда взошло солнце, он заснул, не выдержав больше предложенного любовницей-демоницей похотливого марафона.

Когда он очнулся, она лежала на нём, абсолютно голая и дремала. Дарти снова овладело желание. Её тело – совсем не тело демона. А живое, красивое, изящное стройное тело, бледноватое, но ведь Августа при жизни не жила на южных курортах, чтобы быть загорелой. Дарти принялся страстно целовать её.

Его прошибла сильная боль от ожога всего тела – как тогда, когда она в первый раз коснулась его. Он чуть не потерял сознание, но похоть ушла.

– Давай сделаем паузу и поговорим, – предложила она, ласково улыбаясь под ним.

Он замер от болевого шока и даже стал на несколько секунд парализован. Когда состояние паралича ушло, он выдохнул:

– Прости. Я ничего не могу с собой поделать. Я... люблю тебя.

– Не говори слово «люблю», – поморщилась Августа. – Это всё равно как святая вода для сатаны. Говори – «хочу тебя», «жажду тебя» и лучше – побольше пошлых слов. Со всем пошлых. Можно даже матерных.

Августа легла на него, как змея на грудь. Он ласково касался её волос. Она – его и только его. Он завоевал её. Он притянул её – девушку его мечты – в свою жизнь. Теперь они вместе, навсегда.

– Но вообще я терпеть не могу разговоры о любви. Всегда ненавидела всё, что связано с этой темой. Я никогда раньше не знала мужчины, ты первый, и мне понравилось. При жизни не знала, я хочу сказать. Но в Инферно меня научили, что демон никогда не должен подавлять желания. Мне приходилось подавлять, когда я была живой. Не хочу говорить о себе, хочу поговорить о тебе, Дарти. Расскажи мне, кто ты, откуда ты, как ты попал к Масочнику, почему захотел у него учиться.

Дарти смущён. По нему прошла волна мурашек от счастья. Августа только что оказала ему высочайшую честь, объявив его, смертного, первым мужчиной. Он поклялся внутри, что теперь всегда, во всём будет ей верен и предан. Что никакие силы подлого гипноза не смогут разрушить его любовь к ней. Его обоготворение, его обожание. Он рассказал:

– Ничего особенного. Я сирота. В приюте меня дразнили, считали чудиком. Я сбежал оттуда в тринадцать. Скитался, бродяжничал. Параллельно делал всякие гадости беляшам. Эти смазливые беляши – ведь именно из-за них все беды. Я искал Мастера и встретил его. Он проверил меня, сказал, что из меня выйдет толк, что у меня годный талант в чёр-

ном колдовстве и чернокнижии. Потом он познакомил меня с Масочником. Замолвил за меня рекомендации. Так я стал томбером. С Мастером мы потом редко общались, у него были другие дела.

– Кто твой Мастер? – спросила Августа заинтересованно.

– Людвиг фон Репс, высший чёрный вампир. Его убили беляши четыре месяца назад. Когда я об этом узнал, я был в шоке. Людвиг для меня был несокрушимым.

– Беляши много кому насолили. Они заслуживают мучительной смерти. Я сделаю всё, чтобы её обеспечить. Ты можешь мне. Мы вместе сотрём всех беляшей в порошок. А потом – всех людишек. А потом уже – всех чёрных. В первую очередь Русалок.

– Да, я с тобой! Я сделаю всё, что ты скажешь! – выдохнул Дарти, восхищённо смотря в глаза Августе. Он почувствовал вновь влечение и поцеловал её.

Их поцелуй продолжался несколько минут. Когда они отстранились друг от друга, Августа проговорила:

– О фон Репсе мне рассказывала Блэки. Блэки мне много чего рассказывала, она моя подружка, – на милом беззащитном личике Августы возникла саркастическая насмешка. В следующую секунду её лицо сделалось очень искренним. Она заглянула в самую глубину глаз Дарти и прошептала: – Я знала твоего отца.

– Что? Отца? Но у меня нет отца. Даже если биологический отец жив – это не имеет никакого значения, я ведь в

приюте с самого рождения. Меня туда отнесли, потому что отказались от меня.

– Мать – да, отказалась. Но твоего биологического отца к тому времени уже не было в живых. Я знала его, – повторила Август. – Ты так похож на него, копия, – она нежно заложила один из каштановых локонов Дарти ему за ухо.

Он замер.

– Ты знала? Откуда?

– Я была в Инферно бесконечно долгое время. Здесь прошло всего тридцать шесть лет. За это время твоего отца убили и ты родился. Его убили в ту самую ночь, как он тебя зачал в утробе твоей матери. Твою мать я тоже знаю. Твой отец – вот в кого я была влюблена без памяти. Тайно. Вот от кого я скрывала свои желания – как и от самой себя, когда была живой. Я была очень юной, и он тоже – нам было тринадцать.

– Кто он? Как его звали? Кем он был?! – Дарти еле сдерживался, чтобы не засыпать любовницу градом вопросов.

– Его звали Эвриус Халл. Халл – это твоя настоящая фамилия, если ты, конечно, предпочёл бы фамилию отца. По матери ты Зиг. Твою мать зовут Мэри Зиг. Она жива. Беляши засадили её в тюрьму, и она там гниёт.

– Её нужно освободить! – Дарти настолько возбудился жаждой деятельности, что вскочил, скидывая с себя Августу. Он бешено заходил по комнате, наступая на разбросанные книги и валяющиеся обрывки их одежды.

– Ты не забывай, что она тебя бросила. Ты ей вообще не

нужен. Свою беременность она рассматривала как недоразумение. Это мне Блэки всё рассказала, – Августа медленно и очень женственно поднялась.

Когда Дарти кинул на неё взгляд, его решимость ушла, и ей на смену снова пришла похоть. Он уже забыл, что секунду назад хотел вытаскивать мать из тюрьмы, и жаждал овладеть любовницей много-много раз прямо сейчас.

– Твой отец был гениальнейшим чернокнижником с рождения. Именно он научил меня тому, благодаря чему я стала демоном и смогла сейчас обрести могущество. Я всегда тайно была влюблена в него, а он – в Мэри. Несмотря на то, что Мэри страшная, уродина, громадного роста – выше него. Но Мэри для меня по-своему хорошая. Я считала её лучшей подругой. Она мне помогала тоже. Потом они оба уехали. Бросили меня. Я перестала считать их своими друзьями. Но почитала твоего отца, Эвриуса, за своего наставника, хоть он и мой ровесник.

– Его тоже убили беляши? – спросил Дарти.

Августа подошла к нему, крепко прижалась. У Дарти закружилась голова, когда он вдохнул запах её волос.

– Нет. Его убила Блэки.

– Что?! – похоти снова как ни бывало. Дарти отстранил её, держа за плечи, вопрошающе заглядывая в глаза: – Как?! Блэки, как и все русалки, с нами заодно! У нас общие цели! Или... мой отец был беляшом?!

Дарти стало страшно услышать любую правду. Но Августа

его успокоила:

– Нет, что ты. Твой отец совсем никак не был беляшом. Просто он с Блэки что-то не поделил, вот и всё. Русалки ничуть не лучше беляшей. Поэтому я предпочитаю не делать всего того, что они хотят от меня, хоть у нас вроде как контракт. Когда мы с тобой разберёмся со всеми беляшами, ты мне поможешь разобраться с русалками. Блэки я оставляю тебе на растерзание. Ибо я уверена – твой отец уважал бы тебя, гордился тобой. Был бы для тебя лучшим наставником и ни за что бы не позволил Мэри тебя бросить. Блэки отняла у тебя детство. Лучшие годы жизни. Это из-за неё ты подвергался унижениям в приюте, а потом бродяжничал.

Августа нагнетала, подстрекала. К концу её короткого монолога Дарти возненавидел Блэки и остальных русалок всей душой.

– Я убью её. Найду способ. За отца. За тебя, – пообещал он.

– Договорились, Дарти. Пауза закончилась, мы можем продолжать, – сладко улыбнулась Августа.

Слившись с телом демона в одно неразделимое целое, Дарти сам ощутил себя демоном, очень могущественным – случилось то, о чём он втайне мечтал и боялся признаться себе. Их любовные утехы продолжались ещё несколько часов днём, потом вечером.

Русалки любят салки

Это были весёлые и благодатные сутки. С моими шептунными друзьями-Шакалами я чувствовала себя на беззаботной вечеринке, а не скрывающейся от демона в состоянии осадно-военного положения. Ниания, Шрам, Коллинз и Мангуст делали всё, чтобы отвлечь меня от предстоящих переговоров. Как объяснил мне доходчиво Шрам, «перед такими ответственными переговорами тебе, Сорвиголова, нельзя нервничать, а расслабление, переключение мозга и сон восстановят твои силы».

Коллинз намекал, что всему своё время, и у меня сейчас как раз есть немного времени, чтобы как следует передохнуть. Я понимала, что этого времени совсем немного. Ниания намекнула, что мы с Айрэнн пойдём на переговоры с Трёхглазой уже завтра вечером. Куда пойдём, что там будет – лидер «Приходящих-не-в-Полночь» спрашивать запретила.

Шрам настоял, чтобы я поспала. Он принёс мне кучу целебных мазей для обработки ран, отвар в термосе и как заправский доктор подробно и занудно объяснял, в каких дозах и когда это всё принимать. Пришлось его послушаться, чтобы не расстраивать. Шрам очень старался, делая всё, чтобы мне было лучше в плане здоровья. Когда я аккуратно спросила его, правда ли Коллинз срастил мне якобы сломанные или треснутые рёбра, либо он прикалывается, Шрам на

полном серьёзе ответил, что это правда.

– Коллинз – лекарь? – шёпотом спросила я изумлённо.

– Не совсем. Он владеет техникой трансмутации магического тока. В том числе немного умеет регенерировать раны.

– Он что, из мёртвых тоже воскрешать умеет?

– Нет, на это у него пока не хватает мастерства. Но в потенциале да, сможет. Коллинз вообще много чего может, – Шрам загадочно улыбнулся. – По сравнению с ним мы все – я имею в виду Шакалов – просто отсталые дети.

Потом Шрам ушёл, оставив меня наедине с его лекарствами. Я приняла отвар, намазалась мазями и заснула. Когда проснулась, уже наступил вечер. Мангуст потащил меня сначала на репетицию, чтобы я морально поддержала ребят своим присутствием. Часа два я сидела на репетиционной базе в одном из помещений Скомато, а Ниания, Шрам, Коллинз и Мангуст жарили новую свежую песню. Ниания замещала басиста Хи, Шрам играл на электрогитаре, Мангуст как всегда на барабанах, Коллинз на синтезаторе.

Ребята действовали слаженно, поддерживая друг друга – особенно Ниания, Шрам и Мангуст. Глядя на них, можно подумать, что они родились в одной семье. Взгляды и улыбки говорили о полном взаимопонимании. Коллинз держался несколько отстранённо, гордо. И не мудрено – его попросили в очередной раз заместить отсутствующего клавишника Лунного Охотника. Коллинз в очередной раз делал одолжение. Как можно быть таким заносчивым?!

Айрэнн на этой ночной репетиции не было. Возможно, она отдыхала в своей келье. Айрэнн – вот с кем я бы поговорила. Потом ребята пригласили меня ужинать в главный зал. Шрам бдительно проконтролировал, чтобы я выпила его отвар, я сходила выпила. В главном зале Скомато полно народу, снова выступали «Лисьи Хвосты».

Я не имела никаких новостей о том, что происходит у меня дома. Ребята балагурили об отвлечённых вещах – о шутках, музыке. Мне хотелось расспросить их о магии, русалках, больше узнать о Ключе. Что меня обрадовало – когда я уходила спать, Коллинз шепнул мне:

– Выглядишь лучше. Уже почти в форме. Сходи, ещё немного отдохни, будешь как новенькая, – и таинственно улыбнулся.

Я поняла, что он имел в виду, что моя аура восстановилась. Мне удалось получить от Шрама только обрывочные сведения относительно того, как проходил мой бой с Зелёным Червём. Я спросила у Шрама:

– Коллинз сказал, что Зелёный Червь меня «иссушил». Что это значит? Он швырнул в меня чёрной субстанцией. Она вызвала паралич и потерю сознания.

– Ну... он полностью разрушил твою ауру, – ответил лекарь-гитарист, похожий на эльфа.

– Э... а разве люди, после того как у них разрушается аура, не умирают?

– Не всегда. Видишь ли, аура, как биополе, наполнена био-

энергетикой определённой частоты. Лучи, волны, эманации представляют собой защитное поле и поле, поддерживающее жизнь. Зелёный Червь не хотел тебя убивать этим ударом, раз ты живёшь. В противном случае Коллинзу пришлось бы срочно искать некроманта. Скорее всего, Зелёный Червь задумал тебя максимально ослабить, лишить сил и боеспособности на довольно продолжительное время. Ауру мы тебе восстановили, но понадобится ещё много дней, недель, возможно месяцев, чтобы к тебе вернулось полностью, что он выжег.

– А что он выжег-то?!

Шрам заколебался. Я первый раз увидела, как спокойный и выдержанный «эльф» бежит глазами аки нашкодивший школяр.

– Это пока я не могу тебе объяснить. Могу привести аналог: человек, страдающий временным расстройством слуха. Когда заложило уши, – Шрам помотал головой. – Как ты относишься к литературе в жанре фэнтези?

– Фэнтези? Читаю иногда, но не фанат, а при чём это?

– В книжках фэнтези часто описывают, как маг потерял способность колдовать. Когда у него украли волшебную палочку. То есть без палочки он ноль. Превращается в простого смертного человека. Зелёный Червь своим выжигающим ударом отнял у тебя на время волшебную палочку. Тебе ещё могло повезти по той причине, что вы оба – и ты, и Червь, сейчас пребываете с доминирующей силой стихии Огня. Бы-

ла бы ты «Землэй» – тебя бы убило.

– Я ничего не понимаю.

– Тебе пока не нужно это понимать. Извини, что я тебя путаю. Возможно, твой наставник... господин С, сможет что-то тебе сказать по этому поводу. Мы не имеем право, это сакральное, слишком секретно.

– Вот как. Хорошо. Спрошу у Скорпиона при случае.

Шрам тенью поспешно выскользнул, боясь других моих вопросов. Я откинулась на подушки и решила поразмыслить над всем этим. Но отвар сморил меня, я уснула.

В Скомато день равен ночи, ночь равна дню, потому что таверна в подземелье. Я не имела никакого понятия о времени, когда ко мне вежливо постучалась Ниания. Я к тому моменту уже проснулась и оделась.

– Клот, тебя кое-кто ждёт в зале. Поговори с ним, а потом вам с Айрэнн пора отправляться.

– Хорошо, поговорю, – кивнула я, весьма заинтригованная. – А где же Айрэнн? Давно я не вижу её.

– Айрэнн тоже готовится. Это Коллинз настоял, чтобы вы обе не мучили друг друга расспросами.

– Вот как, – я слегка вспыхнула.

Коллинз, значит. Точно побью эту заразу! Но сначала нужно посмотреть, кто пришёл. Ниания изрядно заинтриговала меня.

Я вышла в зал, осмотрелась и сразу увидела знакомый силуэт за одним из дальних столиков, в полумраке. Шляпа, вы-

сокая фигура. Арбалет перед ним на столе. Грифон.

Увидеться с ним важно и радостно для меня. Он принёс вести из «внешнего мира» – оттуда, про что Шакалы запрещали друг другу со мной говорить. Я подошла, он поглядел на меня, кивнул на стул рядом с собой. Я села. Здесь, в Скомато, можно не соблюдать субординацию. Мы здесь не как старший опытный агент и младшая стажёрка. Мы здесь как друзья.

– Мне дали всего несколько минут подготовить тебя, так что слушай внимательно, – начал он без лишних предисловий.

Я хотела задать много вопросов. Пришлось сдержанно кивнуть. Я ведь «толковый ученик».

– Эти переговоры и твоё в них участие – одновременно политическая игра и твоё испытание. Представь себе, что это твоё спецзадание: выиграть переговоры. Ты должна это сделать кровью из носу. Иначе умрёшь. Всё поставлено таким образом, что либо ты выигрываешь переговоры и Ключ у нас, либо проигрываешь и умираешь. Ключ в этом случае вряд ли останется у Русалок – скорее всего будет послан новый парламентёр, либо мне придётся стать на Белую сторону и убить их всех. Но я верю, что до этого не дойдёт.

Я огорошена такими новостями. Оказывается, на кону стояло всё. И это всё зависело от меня! Почему?!

– Рикардо, – тихо проговорила я охрипшим и почти дрожащим голосом. – Почему я? Я ведь не президент, не зна-

менитость, не маг-волшебник, чтоб выигрывать такие переговоры. Я в глаза не видела Русалок, но много о них слышала, и у меня нет никакого опыта переговоров. Тот, кто меня назначил на эту роль – я подозреваю, что это высокий босс, большая шишка в ТДВГ, возможно сам F – очень ошибается. Произошла путаница, недоразумение. Я обычный человек, я даже не взрослая! Русалки сказали – Огонь. Ну хорошо, когда мы воевали с их Орденом Фигур в Туркее, я была «Огонь», потому что так выбрали Сферы. Но сейчас почему я?! Я думала – эти переговоры и мне на них сходить – формальность. Не знала, что всё настолько серьёзно.

– Таковы условия этой политической игры, – повторил Грифон бесстрастно. И добавил – как мне показалось, более мягким голосом: – Я сам не одобряю эту политику. Дело даже не твоём нежном возрасте и что у тебя молоко на губах не обсохло, а в том, что босс по факту пошёл на поводу у Трёхглазой, решил подыграть ей. Но если босс так решил – значит, он рассчитывает, что ты выиграешь переговоры.

Я замешкалась. И решилась:

– Хорошо. Я готова. Я ведь изначально знала, что пойду туда. Другой вопрос – я не знаю, к чему быть готовой. Но я сделаю всё от себя зависящее. Так что нужно, чтобы выиграть переговоры?

– Не поддаваться на провокации. Русалки будут всячески уламывать принимать их условия. Кто-то из них будет запугивать тебя, кто-то – наоборот умасливать. Гни свою линию.

Ты идёшь туда не стать им лучшей подружкой – а они будут подстрекать тебя к этому. Едва дашь слабину – умрёшь. Стой на своём. Твоя цель – сделать всё, чтобы они дали тебе Ключ. Да, и ещё, – Рикардо проговорил это после незначительной паузы. – Скорее всего, в первый день Трёхглазая тебе Ключ не даст. Она будет продавливать тебя, пытаться потопить. Если произойдёт так, как я думаю – требуй гарантий. Гарантиями может быть что угодно. Готовься к тому, что Русалки пообещают тебе эти гарантии, но не выполняют их.

– Тогда какой смысл требовать гарантии, если моя позиция столь слаба? – задала я резонный вопрос.

– Твоя позиция не слаба, – покачал головой Рикардо. – Видишь ли, если ты придёшь туда с установкой, что они украли нашу вещь – сила позиции разом возрастёт до небес. Гарантии нужно с них брать, чтобы зафиксировать их нарушения. Если они нарушат свои гарантии – я об этом узнаю первым. Тогда я, так уж и быть, определюсь со Стороной. Перестану быть Серым и свободным, так сказать.

– Они украли нашу вещь – и требуют выкуп. Чтоб к ним пришла глупая, ничего не понимающая простая смертная девочка. Нет, я не жалею себя. Но я всё больше уверяюсь в ощущении, что Белая Сторона слабее, чем Чёрная. И от этого гадко, понимаешь ли, – высказалась я. – Свербит от чувства несправедливости. Что они могут убивать наших Охотников, а мы даже им пощёчину вlepить не можем. Мол, не политкорректно, всякое такое.

– А ты уже размышляешь как анхом. Ты точно человек? – спросил Рикардо серьёзно. Но я поймала некоторое лукавство в его взгляде. Смутилась:

– Я человек! Но раз я дружу с анхомами – я болею за них всей душой. Потому что цели у нас – я имею в виду ТДВГ – общие. Я готова помогать. Как тогда, год назад, во время Священной Битвы с Пейлином и его сворой.

– Послушай теперь, человек, – Рикардо продолжал смотреть на меня немного насмешливо. – Никогда не допускай мысли, что Чёрные сильнее, ясно? Доказательство того, что Чёрные слабы – тот факт, что вокруг тебя ходят такие же люди. И не подозревают о существовании Русалок, демонов, чёрных вампиров и вервольфов. Чёрные анхомы день и ночь мечтают уничтожить человечество, делают для этого всё. Это мы сделали им одолжение, не став их истреблять поголовно, а согласились поговорить. Они это понимают. Трёхглазая инициировала переговоры, чтобы выиграть время. Она понимает, что она у нас под основательным прицелом. Уже с того момента, как стала являть себя, организовывая всякие объединения вроде фирмы «Внеземное Дело», Ордена Фигур, Платтерс Корпорэйшн и так далее. И тем более с того момента как её девочки убили Дункалса.

– То есть... это мы не хотим бить по Русалкам, хотя можем? – пыталась я понять.

– Очень даже можем. И очень даже хотим. Но наш босс хочет поиграть, – Грифон развёл руками.

– Так кто этот босс – F?

– Я пока не могу назвать тебе нашего этого босса. Моя позиция Серого-Нейтральщика делает меня аполитичным. Босс однажды сам себя тебе назовёт, когда сочтёт нужным.

– Грифон, – я посмотрела на старшего коллегу внимательно: – Ты помогаешь Белым анхомам. Ты помогаешь мне. Ты в ТДВГ на хорошем счету. Какой же ты Серый?

– Я никому не помогаю. Только самому себе. Я в любой момент могу посчитать, что правы Русалки, и начать помогать им – как решу, что это мне выгодно, – Грифон теперь смотрел очень насмешливо.

– Ты блефуешь.

– Я свободен в выборе. Знаешь почему? Учти – я только тебе объясняю причину, почему я Серый, – Грифон наклонился ко мне поближе и почти шёпотом произнёс: – Потому что я тоже хочу быть простым смертным человеком. Иметь выбор всегда, в любой момент. Из анхемов только те, кто не принадлежит ни Белой, ни Чёрной, ни Светлой, ни Тёмной Стороне, наиболее «человечные», наиболее похожи на людей. Между Серым и не определившимся анхемом-вагантом, или Личиной, как его ещё называют, разница невелика. И вот ещё. Я очень не одобряю политические игры босса. Это означает, что я в некотором роде «оппозиция». То есть в любой момент могу посчитать, что правы Русалки и начать помогать им. Потому что решу, что это выгодно.

– И снова ты блефуешь, – я деланно зевнула.

– Нет, – Грифон произнёс это серьёзно, хлётко и убедительно.

У меня по спине прошли мурашки. Кто такой, в сущности, Грифон? Ему многие не доверяют, его многие в тайне боятся, предпочитая держаться подальше. Мрачный замкнутый тип с каменной маской на лице. Обделяет свои секретные делишки. Ищет Крампа, делая вид, что хочет отомстить за смерть друга. А вдруг Грифон ищет Крампа, чтобы присоединиться к нему?

– Допустим, ты решил помогать Русалкам. Но ведь ты меня подготавливаешь. Помогаешь мне, так? Значит, у тебя пока недостаточно созрел градус твоего бунта и оппозиции, – я посмотрела на него хитренько.

– Верно, – не стал он скрывать. – Градус моего бунта и оппозиции созрел давно. По причине этого градуса я много лет откладывал предложение вступить к вам в ТДВГ. Только лишь Скорпиону удалось уломать меня, как ты помнишь. С твоей подачи. Как раз из уважения к тебе, к Скорпиону, а также ещё к нескольким коллегам я не стану пока помогать Русалкам. Их я как раз глубоко сейчас не уважаю.

– Как приятно это слышать. Скорпиону тоже это было бы приятно, – улыбнулась я. И спохватилась, когда Грифон собрался вставать и сказать формальные слова прощания: – А демон? Шакалы мне сказали, что я тут вроде как прячусь от демона. И что я должна буду убить её.

– Демона мы возьмём на себя, – Грифон-таки встал. Я то-

же встала.

– Это правда, что на Базе осадное положение, действует магия, из-за чего я не могу туда пройти? Защитная стена, которая убьёт меня и Августу, потому что стена эта заговорена убивать любого, у кого моя кровь? – выпалила я на одном дыхании.

Грифон на пару секунд замер. Я не поняла его эмоций. Но мне показалось, что он с трудом сдерживает смехок.

– Кто тебе сказал такую галиматью?

– Коллинз. Мой официальный информатор, между прочим!

– Передай своему Коллинзу, что он придурок.

– Ясно. Что он придурок – я подозревала давно. Но он хороший придурок, – решила я немножечко заступиться за Коллинза. – Всё-таки он мне помог драться с прихвостнями Трёхглазой на крыше небоскрёба «Небесный Полёт» в июле. Много чем ещё помог. То есть я могу спокойно ходить на Базу?

– Естественно, ты можешь спокойно ходить на Базу.

– И чисто теоретически я могла бы прятаться от демона там?

– Теоретически – да. А практически – тебе не надо вообще прятаться от демона. Ты могла бы её убить, и дело с концом.

– Она в моём обличе у меня дома живёт, вообще-то... – пробормотала я растерянно.

Хотелось ещё спросить – зачем Коллинз мне соврал, вос-

пользовавшись моим стрессовым состоянием, зачем привёз сюда и зачем Шакалы держат меня в Скомато почти двое суток аки пленницу.

– Повторяю, что с демоном мы решим проблему. Убить не убьём, поскольку её могут убить только ты и Дарти. А вот вежливо попросить её держаться подальше от Базы и от тебя хотя бы в радиусе километров сорока можем. Она Огонь, верно?

– Так мне сказали Шакалы, – кивнула я. И проворчала: – Самое оно, чтоб Трёхглазая её утопила в своей воде. Но эта Августа вроде как на неё работает.

– Вот и я о том же. Про огонь и воду. Нам не нужна вода Трёхглазой, у нас своя есть, – теперь Грифон усмехнулся. Он положил руку мне на плечо: – Если тебя сегодня Трёхглазая не убьёт – ещё свидимся.

Аудиенция окончена. Рикардо, мой старший коллега, друг, Серый анхом, Охотник Воздуха покинул большой зал Скомато. Ко мне тихо подошла Айрэнн, бледная как тень, и проговорила, пряча глаза:

– Клот, мы должны идти.

Я подняла на неё взгляд и кивнула. Встала:

– Идём.

И мы отправились знакомиться с Трёхглазой. Никогда не думала, что мистическая женщина – Богиня Вод Морских, стоящая за деятельностью многих вражеских организаций, пожелает говорить со мной.

Наша дорога до ресторана «Русалка» – самая заурядная поездка. Давка в метро, толчея на улице. Никаких звёздных порталов и волшебных зеркал. Я вспомнила, что бывала в этом ресторане. Мы расследовали дело о клинике Кочфеста. В этом ресторане мы говорили с журналисткой, у которой одна из приспешниц Крампа украла паспорт.

Ресторан находится на Оперной набережной, рядом река Укосмо. Весьма символично, что русалки назначили нам встречу в этом месте.

Когда мы подошли ко входу, Айрэнн остановилась в нерешительности. Скукоженная, в серой курточке, она мне напомнила прежнюю Айрэнн. Робкую, закомплексованную, ту, какой я встретила её два года назад. Я же напротив чувствовала прилив мужества и что мои страхи ушли. Наверное, на меня так подействовал Грифон. Ведь он пришёл как всегда таким хладнокровным, источающим надёжность и невозмутимость всем видом. Как бы передать эту надёжность и невозмутимость подруге?

Я слегка дотронулась до озябшей руки Айрэнн:

– Послушай, ты не обязана. Ты мне показала место, я теперь знаю, где. Может, тебе поехать домой? Или подождать меня в какой-нибудь кафешке поблизости?

– Нет, Клот, – покачала она головой. – Я должна. Это... это по Правилам.

– По каким-таким правилам, кто их устанавливает? Разговор с этой Трёхглазой – моя миссия, теперь это моя про-

блема, а не твоя.

– Нет, – теперь голос Айрэнн стал чуть решительнее. – Моя тоже. Мы с тобой связаны. Пока нас двое, девушек. Есть ещё Коллинз, но он не девушка.

– При чём тут этот придурок? – хихикнула я.

– Коллинзу опасно сюда приходить, к ним. Всем мужчинам опасно. Они убивают мужчин. Даже слишком сильных. Их чары... От них можно ожидать любой пакости, – проговорила сбивчиво подруга.

– Тогда я туда пойду и разберусь с ними, заступлюсь за всех мужчин! – заявила я с бравадой и юношеским максимализмом.

Я шагнула вперёд, взяла ручку массивной двери – ручка в форме переплетения рыб и ракушек. Очень стилизованный ресторан. Помню, когда мы тут были с Полом и детективом и нашим старшим коллегой Мелом, Пол тогда ещё пошутил про меню – что тут кормят исключительно рыбой и мясом. Вот и посмотрим, что за рыба-мясо.

Дверь на себя, и я вхожу. Айрэнн тенью ступает за мной. Она стала ещё более зажатой, опустила голову. Дрожит. Сначала к нам подходит низенький дедушка-швейцар, жестами предлагает снять с нас куртки, вешает их. Плавным движением руки указывает, куда идти. Я обращаю внимание, что он слишком бледен, и так падает тусклый свет зеленоватых и синеватых ламп, что кажется, что он оживший утопленник. Его странное выражение глаз, уставленных в одну точку, мо-

жет говорить, что он пребывает в трансе.

Мы проходим через створчатые двери и оказываемся в зале. Там никого нет, кроме пятерых фигур в самой дальней части. Они сидят за столиком. Свет падает так, что мы с Айрэнн видим только их силуэты. Айрэнн замирает на миг, вдыхает. Набирается смелости и мужества, достаточного для того, чтобы мягко обогнуть меня и опередить на полшага.

Мы подходим к ним, без слов, тихо. И пока мы к ним подходим, они слегка меняют положения тел. Их движения – как движения водорослей в воде. Они плавно поворачиваются в нашу сторону, взирают на нас внимательно, изучающе и плотно. Как стая пяти голодных акул.

Я успеваю разглядеть их лишь поверхностно, мимолётом, чтобы составить предварительное впечатление.

Самая главная сидит посередине. Она высокая, с гордой посадкой головы, прямой изящной осанкой. У неё странная причёска, авангардная. Как будто из белых, отдающих синевой и голубизной волос соорудили гигантскую морскую звезду или корону в форме гигантской морской звезды и водрузили на неё. Наверное, это и есть Трёхглазая. Только третьего глаза я не вижу. Возможно, Трёхглазая – прозвище метафорическое, и третий глаз подразумевается как символ мудрости?

По правую руку от неё сидит длинноволосая, с шевелюрой цвета снега. Кожа её прозрачная, отдаёт значительно бледно-голубыми оттенками. Глаза – колючие, как две льдинки.

Она смотрит – и я физически ощущаю мороз. Температура воздуха в пределах её ауры стандартно ниже нуля.

По левую руку – ещё одна блондинка. Только волосы её отдают пламенем жёлтого костра. Глаза горячие, обжигающие. Вокруг неё словно облако пара из сауны или бани. Нехороший такой взгляд у неё. Из всей этой компании она мне кажется особенно неприятной. С гонором тётенька.

Рядом с ледяной сидит огненно-рыжая девушка, с яркими губами цвета спелой вишни, яркими глазами цвета морской волны. Но губы её поджаты капризно, глаза глядят с претензией. Эта яркая штучка то и дело совершает микро-мимические движения – кривовато улыбается, щурит глаза так, будто косо смотрит на всё вокруг себя. Строптивенькая дамочка.

Рядом с тётенькой с гонором и горячими глазами – девица, которую можно называть стервой. Или девушкой лёгкого поведения. Она сидит в откровенной позе, нога на ногу, выгнувшись так, что еле прикрывающая её одежда выгодно подчёркивает все округлости. В отличие от светловолосых товарок, эта – брюнетка с кудряшками, высоким хвостом. Глаза возбуждённо блестят. Она облизывает губы медленными влекущими движениями, будто пытается нас с Айрэнн соблазнить.

Кожа каждой из них бледнее мела, отдаёт синевой. На каждой, за исключением брюнетки, шикарные длинные платья в пол, тоже в синих тонах. На брюнетке чёрная ультра-ко-

роткая юбка и чёрный топ с громадным декольте.

Мы подходим. Останавливаемся примерно в метрах двух от них. Они продолжают рассматривать нас оценивающе и критично, с насмешливой ухмылкой. Как насекомых. Айрэнн взволнованно обращается к главарше этого сброда стерв.

– Я привела Огонь.

Она, чуть качнувшись в мою сторону, опускает глаза и голову. Я же с любопытством рассматриваю сброд стерв в ответ. И с вызовом. Нечего на меня так смотреть. Раз вы захотели Огонь – получайте Сорвиголову. Вспоминаю Роджера, его кураж. Представилось, как бы он тут себя вёл. Наверняка бы начал такое вытворять, что эти «рыбоньки» были бы в культурном шоке!

– Да, я Огонь типа. К вашим услугам, – я изображаю шутовской поклон.

– А я – Богиня Вод Морских, и это – мои фрейлины, – произносит главариша стерв грудным, бархатистым голосом. Тонким истинной королевы. Кивает в сторону ледяной и представила: – Лексаэлла Тайрус. – Потом она кивает в сторону рыжей с капризно поджатыми губками: – Пета Кирия. – Затем Богиня Вод кивает на соседку с гонором: – Рина Вронски. – И потом лёгким кивком обозначает последнюю, сексапильную кокетку-стерву: – Блэки.

Пока она представляет фрейлин, фрейлины кивают вежливо и с изрядной долей яда в этом жесте. Богиня Вод Морских обозначает регламент нашей деловой встречи:

– Мне нужно с тобой познакомиться. Удостовериться, что ты – действительно Огонь. Как тебя зовут, Огонь?

– Клот Итчи. Или Сорвиголова, если вам так нравится, – фамильярно и громко называюсь я.

– Девочки, – Богиня Вод смотрит на Лексаэллу, Пету и Блэки. – Займите Землю. Рина, останься. – Потом она властно смотрит на меня: – Садись на место Лексаэллы, Огонь.

Лексаэлла, Пета и Блэки грациозно встают. Шурша платьями, они образуются вокруг Айрэнн, окружив её. Блэки почти что по-собственнически берёт растерявшуюся и изрядно оробевшую подругу под ручку, что-то ей шепчет. Лексаэлла и Пета смотрят на бедняжку Айрэнн хищными змеями. Её уводят в другой конец зала, за столик, максимально дальний от «нашего».

Я сажусь рядом с Богиней Вод Морских. Стул ледяной. Я сразу отмораживаю себе место, на которое люблю находить приключения. И в этот момент мне совершенно не смешно, между прочим.

Сажусь под неустанным жгучим взором Рины Вронски, оказавшейся напротив меня через стол. Трёхглазая сидит ко мне как бы боком. Идеальная дипломатическая посадка при переговорах – углом, боком. Когда переговорщики сидят друг напротив друга – психологически это воспринимается как конфронтация. Так рассказывала Джейн, она много чего знает по психологии. Трёхглазая не рассматривает меня столь откровенно, как её подданная. Трёхглазая лишь кидает

ет на меня многозначительные редкие взгляды.

– О да, я чувствую Огонь, теперь я удостоверилась, – произносит она спустя несколько минут игры в гляделки между мной и её фрейлиной Риной.

– У вас была причина сомневаться в честности моих друзей, думать, что они пошлют вместо Огня троянского коня? – с вызовом спрашиваю я.

Играть напропалую – значит играть. Пан или пропал.

– Была, знаешь ли. У вас, Белых, иногда попадаются такие экземпляры, – немного насмешливо отвечает Богиня Вод Морских. – Говори, зачем пришла, что тебе надо. А я тебе скажу, что надо мне. И на этом ты свободна, можешь возвращаться туда, откуда пришла.

Тон деловой женщины, бизнес-леди. Она не привыкла канителиться, сюсюкаться. Ловкий, прошаренный, опасный политик. А я кто?! Молоко на губах не обсохло, школьница! Я подавляю поднимающийся из глубин страх сделать что-нибудь не так, напортачить, и выдаю на одном дыхании.

– Ключ. Нужен Ключ. Тот, что вы забрали.

– Ах, ключ, – выражение лица Богини становится насмешливым, почти издевательски-злобным.

И тут я *вижу*.

Третий глаз!

Она поворачивается ко мне, приближает лицо совсем близко. Все три глаза – обычные органы зрения, правый и левый, и необычный – зияющий во лбу – уставились на меня

в упор, буравя зрачками. Третий глаз ничем не отличается от двух «стандартных». Он просто крупнее. Также накрашен лёгкими синеватыми тенями, подведён тушью. Он у неё во лбу, в том месте, где обычно авторы книг по эзотерике и йоге располагали шестую чакру: в ямке над переносицей и межбровьем.

Я как замороженная взираю на её этот третий глаз. Ведь я никогда раньше не видела женщин с тремя глазами. Я настолько обескуражена таким ломающим моё миропредставление зрелищем, что в дупель прослушиваю, что мне говорит хозяйка этих трёх глаз.

Из оцепенения меня выводит строгий, поучающий, давящий голос Рины:

– К тебе Богиня обратилась. Почему ты не отвечаешь?

– Ах, Рина, я понимаю, почему она не отвечает, – Трёхглазая мягко поворачивается к подданной всеми тремя глазами. И поясняет: – Она увидела глаз. Ведь так, Огонь?

– Глаз, да. Он восхитителен. А теперь я бы предпочла увидеть Ключ, – спохватываюсь я. Глаз глазом, а дело – выше всего.

– Я сказала тебе только что, – терпеливо и вкрадчиво повторяет Трёхглазая, – что мне надо, чтобы ты подписала Чёрный Контракт. Тогда я дам тебе Ключ.

– Что за Чёрный Контракт, карамба?! – теряюсь я.

– Соглашение о том, что ты переходишь на нашу сторону и становишься беспрекословной слугой нашей Богини. Богиня

только что предложила тебе высочайшую честь, – чопорно заявляет Рина.

– А смысл?! – я ещё больше теряюсь. – Зачем я вам?! Я совершенно бесполезна с точки зрения тактики, стратегии и так далее. Вы... вам, наверное, нужны ведьмы, маги, вампиры, верно? Я – не тот, не другой, не третий.

Рина отклоняется назад, изобразив на лице гремучую смесь отвращения и презрения. Трёхглазая терпеливо и почти ласково поясняет:

– Я вижу твою сущность, даже если её не видишь ты. Пока это не проблема, и это поправимо. Просто если ты подпишешь Чёрный Контракт, я дам тебе Ключ сегодня же. Вернее, не тебе, а твоей подружке-Земле, а ты останешься с нами. Будешь моей ученицей. Как тебе такое? Ты хочешь быть моей ученицей? – Богиня Вод Морских улыбается.

Её улыбка такая добрая, многообещающая. Такая обволакивающая, обнимающая, понимающая, согревающая. Моё сердце начинает таять и тонуть.

Но я вспоминаю Грифона. Вспоминаю слова Айрэнн и других Шакалов – как много они говорили о коварстве русалок.

– Не хочу. Потому что я не заслужила. Потому что я слабая, хилая, я человек. А ты – Богиня. Ты заслуживаешь ученика более талантливого, чем я, – бормочу я.

– Не тебе решать, что я заслуживаю и что ты заслуживаешь, – мягко возражает Трёхглазая. – Всего одна подпись.

Всего одно твоё «да». И ты спасёшь многих своих друзей от кровопролития. Ты спасёшь от войны тех, кто тебе так дорог. Присоединяйся ко мне. Мне ещё никто никогда не отказывал.

Вокруг всё плывёт. Всё погружается в пар. Я на несколько секунд теряю сознание. Когда я «пробуждаюсь», у меня в руке синее перо... Наверное, самой Синей Птицы. А передо мной лежит бумага. Напоминает она бланк договора, обычного офисного документа.

«Чёрный Контракт», значит, сверху. Потом текст. Я пытаюсь прочесть его, но буквы расплываются как во сне.

– Поставь свою подпись, и покончим с этим. Рина, покажи Ключ. Чтобы ещё больше убедить нашу юную вагантку в том, что мы честные, благородные. В отличие от некоторых Белых, о да, – ласково шепчет Трёхглазая.

Я поднимаю голову. Сквозь туман вижу руку Риной. Она держит украшение. Неземной красоты подвеску к диадеме, филигранную работу из неизвестного металла. Мне видится, что от подвески исходит божественный свет. Переплетение цветов, листьев – как переплетение рун, таинственных знаков. Там зашифрована история Вселенной. Или история Зла, демонов, Инферно? Ведь это Ключ от Ада, как мне объясняли.

Подвеска оказывается близко ко мне. Она ложится на контракт сверху, Трёхглазая ставит свой палец с другой стороны, указывая на место подписи. Передо мной всё продолжа-

ет плыть. Я тону в тёплой, обволакивающей, ласковой воде. Погружаюсь в приятную уютную бездну. Хочу бросить перо, но не могу. Моя рука сама ведёт перо к месту, где нужно поставить подпись...

Нажимаю кончиком пера на это место, остаётся чёрная, слишком чёрная точка. Она превращается в затягивающую меня чёрную дыру. Я дрожу, я так хочу подписать этот Контракт. Трёхглазая – моя Богиня. Я предана ей, она мне мать, она мне жена, она мне дочь, она мне сестра. Вода, мы все вышли из воды... И все вернёмся в воду.

Смотрю на кляксу. Она всё больше и больше. Потому что пера я не могу отнять. Моей рукой что-то управляет, её что-то держит.

– Ну же, давай! – глаза Рины алчно блестят совсем рядом.

На меня дыхнуло паром. В голове чуть прояснилось.

Я вижу образ, цепляюсь за него.

Я вижу Ключ и цепляюсь за него мозгом, сознанием, всеми уровнями Подсознания.

Коллинз рассказал, что эту вещь создала Белая Богиня. Если я сейчас подпишу Чёрный Контракт – Русалкам не будет смысла отдавать Ключ мне. Они оставят его и меня у себя, а Айрэнн убьют. Проскользнуло короткое видение альтернативного развития событий. Моя подпись, мгновенно в противоположном углу Блэки душит Айрэнн, а Пета и Лексаэлла подхватывают её падающее и уже мёртвое тело, Рина прячет Ключ обратно в складки платья.

Вот зачем они приказали, чтобы меня привела Айрэнн. Им нужна жертва!

Гарантии. Грифон говорил, что у них надо просить гарантии. И следом говорил о том, что они могут нарушать договорённости просто так. Потому что они Чёрные. Враги моих друзей, коллег, начальников, моей организации ТДВГ. Враги Человечества. Мои личные враги, как и демонша Августа.

Я вжимаю перо в бумагу и разжимаю руку:

– Точка. Я ставлю на этом точку. Не подпись. Не пытайтесь просить меня подписать это снова, – поднимаю глаза, смотрю на Трёхглазую.

В отличие от Айрэнн, я не боюсь её. А надо. Я ведь не знаю её. Зато знаю, что с подачи этой дамы с излишествами в части глаз погибла и чуть не погибла куча народу.

Вижу, как Трёхглазая бросает уничтожающий, не предвещающий ничего хорошего взгляд на Рину. Рина строптиво поджимает губы. Чувствую, перебранка у этих баб будет та ещё. Получается, Рина пыталась на меня воздействовать магией, а это получилось как клин клином вышибает? То есть я очнулась от наваждения, проснулась.

– Я не буду это подписывать, – повторяю я, отбросив перо и бумагу на середину стола.

Ключ Рина, кстати, успела быстренько убрать.

– Не будешь? Сейчас не будешь, я поняла. Ты меня расстроила. Я надеялась, – говорит Трёхглазая с нескрываемой печалью. Её три глаза заблестели, будто она собиралась по-

настоящему заплакать. – Но будет ещё время и возможность. Мы не будем давить на тебя. Ты сама скоро всё поймёшь, разложишь по полочкам, придёшь к нужным выводам. И в итоге придёшь к нам, очень на это надеюсь. Ты умная девочка.

– Ключ, – говорю я. Тонем деловой умной девочки. Тонем бизнес-девочки. Не допускающим сантиментов и сюсюканий.

Трёхглазая закатывает глаза на мгновение. И вздыхает томно:

– Ты сама вставляешь себе палки в колёса, деточка. Хорошо тебе промыли мозги Белые, за это им отдельное спасибо. Ты значительно усложнила свою участь. Раз не хочешь просто подписать мой Чёрный Контракт, значит выкупишь ключ пятью задачами. По одной задаче от каждой из нас.

– Что ещё за задачи?! – возмущаюсь я. – Вы его украли. Я пришла за ним, потому что так вы захотели, потому что я Огонь. Вы договорились отдать Ключ мне или моим друзьям, если я приду. Что вам ещё от меня надо?!

Я распалилась не на шутку. Позже я поняла, что вспышка моего раздражения могла быть следствием витающих здесь чар чёрной русалочьей магии. Рина издевательски ухмыляется:

– Цыплёнок клювик раззявил.

– Как раззявил – так и зазявит, – подыграв ей, также издевательски ухмыляется Трёхглазая.

Они походят на вредных шушукающихся девчонок. Я одариваю их презрительным взглядом. Дешёвые балаганщицы. То же мне, Богиня Вод Морских!

Она телепатически улавливает моё презрение. И вперивается в меня тремя глазами уже по-серьёзному:

– По-честному, твои притязания не обоснованы. Мы его не крали. Мы взяли то, что плохо лежало, что ваши не убергли. Да, это ваши хвалёные Охотнички прозяпали. Так что мы тут не виноваты. Но да, босс у вас нынче сильный. Поэтому мы вынуждены считаться с ним, идти на уступки. Видишь ли, Огонь, этот Ключ для меня дорог. Я пять раз подумаю ещё, стоит ли отдавать его тебе. Сделаешь пять задач – получишь Ключ. Иного выбора нет. Либо Контракт.

– Мне нужны гарантии, – заявляю я.

– Какие гарантии?! – возмущённо с презрением спрашивает Рина.

– Гарантии того, что вы точно отдадите ключ, если я сделаю пять задач.

Трёхглазая и Рина медленно, многозначительно переглядываются. Улыбаются друг другу как две змеи, замышляющие сообща сожрать мышь.

– Ах, тебе нужны гарантии?! – игриво переспрашивает Трёхглазая. – Ну хорошо, мы дадим их тебе. На ближайшие пять дней, пока ты будешь выполнять пять задач, ты станешь моей личной служанкой.

Трёхглазая встаёт. Я тоже собираюсь встать, но она власт-

но кладёт мне руку на плечо:

– Сиди, – она возвышается надо мной. Какой же у неё рост, метр девяносто? Так мне кажется. Я задираю голову, чтобы смотреть на неё. Она продолжает, плавно поводя мне своей рукой по плечам и затем по затылочной части шеи – заходя за меня. – Моя гарантия в том, что ни я сама, ни мои девочки-фрейлины и пальцем не притронутся лично к тебе на эти пять дней. Да, тебя могут убить другие. Но если ты выживешь и доживёшь до окончания пятого дня – ты снова увидишь Ключ. И освободишься от службы.

Тут она оказывается сзади меня, поднимает мои волосы, оголив шею, и проводит несколько раз по коже ногтем. Я морщусь, чувствуя там воду и лёгкое жжение.

Трёхглазая тут же убирает руку, снова садится на своё место, довольно ухмыляясь. Рина тоже выглядит довольной.

– Карамба, что это? – я инстинктивно дотрагиваюсь сзади до шеи. Но ничего не почувствовала.

– Гарантии, Огонь. Ты их просила – ты их получила, – объясняет коварным тоном Трёхглазая.

Она что, вколола там в меня медленно действующий яд? Но размышлять некогда. Эта бизнес-леди чётко заявляет:

– Первую задачу дам тебе я. Как Богиня Вод Морских и Морская Королева. У меня есть одна подчинённая. Она отбилась от рук и мне уже больше не нужна, не интересна. Я поручаю тебе проучить её. Так, чтоб сбить с неё спесь. Сегодня я добрая и милосердная, поэтому даю подсказку, как

это сделать: обмани её. Я думаю, ты догадываешься, что эту негодницу звать Августа Символи.

– Обмануть?! Августу?! Серьёзно?! Карамба! – выдыхаю я, не зная, куда девать нахлынувшее удивление и ужас.

Ужас от того, что я не знала, что мне вообще делать!

– Задачи Богини не обсуждаются, – издевательски-поучающим тоном шипит Рина. – Ты всё ещё здесь? Брысь отсюда. Выполнять. Завтра вечером принесёшь нам результат, придёшь отчитаться.

Рина с надутым видом повернулась чуть в сторону, демонстрируя, насколько ей противно сидеть со мной за одним столиком. Ну и гадина! Трёхглазая задумчиво смотрела на всё ещё валяющийся посреди столика Чёрный Контракт и перо. Прошло секунд пять, прежде чем она жёстко обратилась ко мне:

– Ты слышала, что тебе сказала Рина Вронски? Ты что, не уважаешь её? Мне надо, чтобы ты наказала вместо меня Августу. Как уполномоченная мной моя служанка. Сама я считаю ниже своего достоинства наказывать этого ничтожного ребёнка, возомнившего себя пупом всех демонов. А теперь уйди, не мешай мне, у меня дела с моими девочками.

Вокруг меня вдруг появились Пета, Блэки и Лексаэлла. Пета и Блэки заняли свои места, Лексаэлла обдала меня холодом и прошипела грубо:

– Убрала быстро свою задницу с моего трона.

Пета заливисто засмеялась:

– Ха-ха, трона!

Её смех подхватили Рина и Блэки. Они издевательски смеялись, выпуская едкие ядовитые шуточки. Я встала и не обращая на их хрюканья, повизгивания и завывания, подошла к Айрэнн. Она стояла у выхода, готовая упасть в обморок, и выглядела ещё более бледной и напуганной, чем когда мы сюда с ней вошли.

Когда мы вышли на улицу, она выпалила, схватив меня за плечи:

– Они тебя поместили! Я даже теперь не знаю, что хуже – это или если бы ты подписала Контракт...

– Если бы я подписала Контракт – они бы убили тебя.

– Я знаю... Блэки мне так сказала. Они ужасны! – Айрэнн с трудом сдерживала слёзы страха.

Я приобняла её:

– Пойдём домой. Поговорим с ребятами, разберёмся.

Новые друзья, новые враги

Продолжаю путь. Свет во тьме пурги

Загорится ярко. Я узрею синь

Отсвета астрала. Демон подлый, сгинь!

Пять женщин. Ресторан. На столе – Контракт.

Но не для меня. Они ведь зло – то факт.

Шантажом берут, украв от Ада ключ.

Одолею их. Враг мой невезуч.

Сколько ещё их мне одолевать?

Мне нужна друзей колдовская рать.

Ступеньки так круты. На каждой смертный бой.

Но я хочу пройти. Путь здесь только мой.

Занимаясь любовными утехами с Дарти, Августа не забывала пакостить. Сегодня она решила проделать то, о чём мечтала – убить дружков Сорвиголовы.

Зелёный Червь напрасно полагал, что Августа дура и поверила ему, что он убил её врага. Ему повезло – его не было в городе, а то бы ему тоже сегодня досталось. Августа решила заняться им позже. Первым делом – убить Питера Ривела, о ком она прочитала в досье у Масочника, а заодно и Джейн Сенксон. Блэки – «лучшая подружка» Августы рассказала, что Джейн сильная ведьма и значительно помешала вызову Древнего в июле, на Всемирном Дне Контакта.

– У нас было два плана, план А и план Б, – объясняла Блэки. – План А заключался в ставке на «Внеземное Дело». Преданная нам Снэцки должна была устроить террористический акт. Он физически бы похоронил большую часть Белых магов, собравшихся на Фестивале в Крэдансе. План Б был на случай, если план А не выгорел: наши адепты вызвали Древнего и в качестве Жертвы должны были преподнести ему Светлую Герцогиню. Даму по фамилии Макоил. С

«Внеземным Делом» нам помешали Неофантомы и Сорвиголова. А План Б провалился из-за ведьмы Джейн Сенксон. Она умудрилась спасти наставницу и влить свою магию в закрытие печати! Это возмутительно. Наши планы разрушили две девицы, ещё не окончившие среднюю школу! Ты представляешь, какой это позор, Августа? Но теперь игры закончились.

Во всём рассказе Блэки чувствовалось легкомыслие, несерьёзность – не понятно, Блэки манерничает или действительно расстроена из-за происков беляшей. Ведь Блэки и её Королева могли всё специально подстроить – подставить своих подданных под удар беляшей уже в своих целях. Например, чтобы беляши решили – насколько Русалки слабы, раз с ними могут справиться «две девицы». Из этих соображений демон решила не упрекать Блэки в нерасторопности.

Сейчас она хотела убить Питера и Джейн просто так. Чтобы повесить себе настроение. Новый опыт телесных игр, полученный с Дарти, уже пресытил Августу. Ей скучно.

Она приехала на район Хороший Путь под вечер. Она уже знала, что Джейн находится на улице Боер у себя дома. Августа поморщилась, вспоминая. Она же жила и умерла в тех краях. Там ей всё постыло. Задумала начать с Питера, а потом подумать – пойдёт ли на Боер или убьёт Джейн в другой раз.

Чтобы подобраться к Питеру ближе, Августа поступила также, как и в первый раз: приняла облик Сорвиголовы. Она

ненавидела своего врага лютой ненавистью. И предвкушала, как Клотильда будет страдать, когда узнает о смерти друга. Как она будет убиваться, укорять себя, что её не было рядом! Ах, как трогательно!

Августа позвонила в дверь дома Ривелов. И когда открылась дверь, на пороге образовалось то, что заставило наглого демона остолбенеть. Нос к носу она столкнулась с Охотником Воды.

Мощным. Белым. Очень прожжённым и опытным – не желторотым не определившимся вагантом. Мастером.

Августа подалась назад. Но тут же почувствовала паралич в физическом теле. Ближнеконтактный удар Воды был такой силы, что Августа превратилась вновь в привычное обличье. Охотник Воды стоял в дверях и не говорил ни слова в течение примерно минуты.

– Ты слишком заносишься. Держись-ка подальше от этого квартала. Это моя территория и мой дом, чтоб ты знала.

Он произнёс это абсолютно спокойно. Сразу шагнул на Теневую Сторону, зааркавив дезорганизованного демона магическими силками. Оказавшись на Теневой Стороне, Августа пришла в себя. Спесь вернулась к ней:

– Где хочу, там и держусь, беляш! Я убью вас всех! Медленно, мучительно! – зашипела она.

– Поинтереснее ничего придумать не можешь? – лениво осведомился Скорпион.

Он наступал. Она отступала. Он снова ударил по ней

ударом Воды. Августа попыталась применить демонические опутывающие чары, но была сметена. Она не заметила как Скорпион вытеснил её в более Глубинную Тень. Там, где перемешивалось множество миров, находящихся в постоянном движении. Это означало, что обратно дорогу Августа будет искать слишком долго.

– Не путайся у меня под ногами. Да, и вот ещё что. Опасно играть со смертью. Однажды тебя убьют. Не сегодня – так завтра. Я не пугаю тебя, а констатирую факт. Когда тебя убьют, не останется ни одного живого или мёртвого существа, кто бы тебя вспомнил. Ты получишь тотальную смерть. Ты превратишься в пустоту, будешь стёрта. Обычно демоны твоего уровня ведут себя более осмотрительно. Особо прошаренным удаётся зацепиться языками с людьми и не-людьми, чтобы получить упоминание в книгах, быть вызванными когда-то, а значит стать по-настоящему бессмертными. Тебе же это не грозит. Ты огарок свечи, и воска у тебя осталось на раз плюнуть.

Он говорил это и пару раз снова ударил, отшибая демона дальше, в Теневые Стороны других измерений. А потом Скорпион спокойно вернулся снова на порог дома Ривелов.

Августу же отшибло в Теневой Стороне очень далеко. Когда она вышла из Теневой Стороны, рьяно и судорожно пытаясь вернуться хотя бы в район Укосмо, у неё получилось вылезти в районе Побережья Марротхая – в нескольких тысячах километров от своих несостоявшихся жертв.

На секретной службе её величества Морской Королевы

Тюремный коридор казался бесконечным и представлял серое квадратное пятно. На первом кордоне у нас не возникло никаких проблем, равно как и на втором, на третьем и на десятом. Перед «придурком» Коллинзом беспрепятственно распахивались все двери.

Когда мы ехали сюда, Коллинз сохранил конфиденциальность. Он попросил меня надеть маску на глаза и заткнуть уши берушами, а ещё сесть на заднее сиденье. Поэтому я не знала, куда меня привезли. Я лишь знала, что это секретная тюрьма особого режима «Альфа-13», а где конкретно она находилась – понятия не имела. Возможно, в другом измерении – тут я уже ничему не удивлялась.

Когда Коллинз растолкал меня, позволив снять маску и вытащить беруши, наша машина стояла в непроницаемом сером ангаре, еле подсвеченном лампочками. Мы вышли из авто, и Коллинз повёл меня. Сначала мы прошли через одних охранников, потом других, потом я перестала считать количество охранников. Их тут по понятным причинам больше, чем заключённых.

Ни одного заключённого я не видела. В отличие от тюрем с решётками, где сидит толпа головорезов и маньяков как

сельди в бочке, эта тюрьма совсем не походила на привычное представление о месте не столь отдалённом. Я никогда не была в тюрьме, а уж тем более в такой – особо секретной.

Только серые коридоры, серые стены, пол и потолок. И серые двери, полностью слившиеся со стенами. Окон нет. Иногда попадались серые ступеньки. Подъёмы, спуски. А там – те же серые коридоры. Ещё иногда попадались охранники. Кордон представлял устройство, напоминающее металлоискатель, но Коллинз кратко намекнул, что это совсем не металлоискатель. Около каждого такого устройства, стоящего как рамка в коридоре, сидело в среднем по пять дюжих охранников. К нам не возникало ни одного вопроса, мы просто мимо них проходили. Когда через металлоискатель проходил Коллинз, загоралась синяя лампочка. Когда проходила я – зелёная. Я не знала, что это означает, а спрашивать в этих стенах кучу вопросов было... неловко, что ли.

Никаких камер не видно в коридорах. Я недоумевала – ведь если какой-нибудь особо хитрый заключённый совершит отсюда побег – и в прямом смысле побежит по этим коридорам, то его никто не отследит. Или всё-таки отследит? Я предпочитала не думать об этом. Что-то мне подсказывало, что отсюда не сбегают, а если сбегают, то только на тот свет.

Я не знала, сколько нам идти, а по сути это и не важно. Тюрьма напоминала строгую лабораторию – эти серые обитые металлом коридоры совсем не выглядели угнетающими, а скорее футуристическими. Мне интересно посмотреть на

Химеру Фобос. Адскую женщину. Она чуть не убила Пита и меня, воспользовавшись беззащитностью своей племянницы Венеры Шарп – «Лайнонны Скэнлен». Сейчас на свободе лучший друг и подельник Химеры Масочник – он же Дэннис Корим. И продолжает её дело.

А ещё мне интересно, что она скажет про Августу. Коллинз молча меня вёл, шёл быстро, решительно.

Вот как мы оказались здесь.

Вчера, когда мы с Айрэнн вернулись в Скомато, Айрэнн оставила меня за столиком, а сама подозвала в сторону Нианию и Шрама и принялась им взволнованно говорить, указывая в мою сторону. Меня же атаковал Мангуст. Он обрадовался, что я живая, и принялся петь гимны моим героическим переговорам.

– Но я же не получила Ключ, – недоумевала я.

– Какая разница?! Ты их напугала! Раз ты живая – значит, они тебя испугались! Побоялись к тебе пальцем прикоснуться!

Тут же позади меня появилась Ниания. Она проделала то же самое, что и Трёхглазая несколько часов назад: приподняла мои волосы и потрогала сзади мою шею. Она зашипела на «непутёвого младшего братишку»:

– Ничего хорошего. И ничего они не испугались. Они её пометили! Они не имели права! Ты же не подписывала контракт! – Ниания превратилась в воинственную амазонку.

Глаза её запылали гневом.

– Пометили? Так объясните мне, что это значит! – потребовала я, увидев, что Мангуст переменился в лице и сразу скис.

Шрам, рядом с которым стояла бледная Айрэнн, терпеливо объяснил:

– Трёхглазая помечает своих слуг и рабов особой татуировкой. Татуировка говорит о том, что меченный – её собственность. И она может распоряжаться им по своему усмотрению. Ставить задачи, отдавать приказы. И меченный обязан слушаться и выполнять. Трёхглазая приказать может что угодно. Отказаться нельзя. Она тебя закабалила, Клот. Мне очень жаль. Но это ещё полбеды. Из-за этой татуировки она теперь беспрепятственно может в любой момент следить за тобой в своём Шаре.

– Отказаться нельзя? А что будет, если я откажусь? Кроме того, что не получу Ключ?

– Умрёшь, – тихо ответил Шрам. – Причём Трёхглазой не обязательно в этот момент присутствовать рядом с тобой. Через Шар она убьёт тебя на расстоянии, с помощью третьего глаза.

– Она дала мне гарантии, что это на пять дней, – выдохнула я.

– Пять дней. Чёрт! – выругалась Ниания. – Это будет ночь на двадцать девятое декабря. Чёрный день. Она как пить дать что-то задумала. Она может убить тебя, в самый последний

момент подставить. Да и не только в последний момент – в любой момент она может устроить так, что у тебя не будет получаться выполнять её задания!

– Мы должны помогать Клот, – Шрам посмотрел на всех. – Поскольку Клот не может нести всё сама на своих хрупких плечах.

– Конечно же, мы будем помогать Клот! Это даже не обсуждается! – рявкнула Ниания. – Тут одно из двух. Либо Трёхглазая будет ещё раз пытаться тебя, Клот, склонять на то, чтоб ты подписала Контракт. Либо эта рыбина уже поняла, что ты непробиваемая, крепкий орешек, и тогда она убьёт тебя. А задачи она тебе задала как повод, для галочки.

– Сегодня она чуть не убила Айрэнн, – Шрам успокаивающе положил руку Айрэнн на плечо.

– И чуть не заплучила Огонь, – выдохнул Мангуст, ставший непривычно тихим. И заявил: – Клот, ты можешь на нас полностью рассчитывать. Любая помощь. Что за приказ она тебе дала?

– Обмануть эту Августу. Я даже не знаю, как... – растерянно пробормотала я.

– Обмануть Августу, – повторила Ниания. Она напряглась, на её красивый бледный высокий лоб, до половины прикрытый бонданой, легли складки. – Обмануть. Как обычно обманывают демонов?

– Это сложно, почти невозможно, – проговорил Шрам с сомнением.

– Ты плохо знаешь демонов, братан! – вдруг Мангуст снова повеселел, взбодрился. – Ниания! Ты ведь знаешь, как обманывают демонов! И не только Ниания! Ты, Клот, тоже знаешь!

Ниания вдруг тоже просветлела. Она посмотрела на Мангуста с любовью гордящейся старшей сестры:

– Знаю, Мангуст! Клот, – она порывисто схватила меня за руки. – Послушай, – зашептала: – Демон – существо могучее, но у каждого демона есть слабое место. Что-то такое, куда можно нанести удар. Такое, что заставляет демона безоговорочно верить в идею. Самоуверенность в собственной непобедимости... Простите, ребят, я сбивчиво говорю, я вот что имею в виду. Клот, ты наверняка знаешь сказку о том, как Кузнец Джек несколько раз обманывал Дьявола. Но суть приложима к демонам!

Я вспомнила. И договорила:

– Однажды Джек напился пьян, и к нему пришёл Дьявол. Он потребовал душу, и Джек согласился отдать её за кружку эля. Чтобы Джек смог купить эль, Дьявол превратился в монету. Но Джек положил монету в карман, где у него лежал крест. Дьявол запросил пощады, и так Джек выторговал себе десять лет жизни. После чего выпустил Дьявола.

Потом, через десять лет, Джек снова торговался с Дьяволом. Он попросил покушать яблоко. А чтобы достать плод с дерева, Джек попросил Дьявола встать ему на плечи. Но пока Дьявол там стоял, Джек начертил на коре крест. Дьявол

убежал и сказал, что не станет брать его душу.

Ещё через десять лет Джек умер, но в Рай его не взяли из-за слишком частых шашней с Дьяволом. А когда он пришёл в Ад, Дьявол сказал, что он не будет брать его душу, так как обещал. «Куда мне податься?» – спросил Джек. «Иди туда, откуда пришёл», – сказал ему Дьявол. И Джек ушёл, взяв с собой фонарь с адовым пламенем. И до сих пор где-то бродит.

Эту историю мне рассказывал один мой хороший друг и коллега. Пересказав её ребятам, я в ожидании посмотрела на них:

– И что? Нужно заpastись крестом?

– Нет, к сожалению, – покачал головой Шрам. – Крест не подействует на демона, тем более на такого как Августа. К сожалению, все эти истории про крест, святую воду, равно как и про то, что чеснок уничтожает вампиров, придуманы для манипуляций людьми. Многие добавили придумки режиссёров фильмов ужасов про экзорцистов.

– Клот, в этой истории наглядно показывается слабое место Дьявола: он хотел заполучить душу Джека. Был готов на всё – стать монеткой, полезть на яблоню. То есть фактически был готов стать слугой Джека, чтобы получить желаемое. Алчное желание заполучить душу, эта хотелка и есть его слабое место. Мы должны найти такую хотелку у Августы, узнать, что она хочет! – с торжественным блеском в глазах заговорила Ниания.

– Что может хотеть Августа? – задалась я вопросом, обращая этот вопрос больше к самой себе. – Она родилась, выросла как обычный человек. У неё были друзья... У неё могли быть желания, когда она была живой.

– Возможно, ты права, и слабое место следует поискать в её прошлом, – закивала Ниания, поддерживая меня. – Несмотря на громадный уровень потенциала, могущество, а также факт бессмертия и неуязвимости, она остаётся всё той же шестнадцатилетней девочкой, погибшей от убийства.

– Может быть, следует искать слабость в её страхе? Чего она может бояться? Снова столкнуться с убийцами? – размышляла я.

– Нет, это глупо, – покачал головой Мангуст. – Она скорее всего давно разделалась с ними. Или разделяется в этот самый момент. У неё вряд ли есть страхи. Нужно найти другое.

– А вот и Коллинз идёт! – обрадовалась Ниания и принялась энергично ему махать. – Коллинз, дуй к нам! – крикнула она почти через весь зал.

Коллинз подошёл, посмотрел на меня деланно равнодушно. Как будто знал, что я вернусь. Но когда он взглянул на Айрэнн, бледнющую, тут же взял её «под крыло», нежно обняв за плечи и строго поглядел на нас с Нианией, Шрамом и Мангустом:

– Чем вы тут занимаетесь, почему вы пугаете Айрэнн?

Мангуст начал пререкаться и ворчать, Ниания закатила

глаза, Шрам примирительно развёл руками, я вздохнула. Ну и голубки! Айрэнн зашептала Коллинзу, он выслушал её, потом посмотрел на нас:

– Я сейчас отведу Айрэнн отдохнуть. Потом вернусь к вам. Вы мне всё расскажете. Мангуст, закажи нам всем пива. Или что покрепче – чувствую, без ста грамм тут не разобратся.

Когда Айрэнн уведена в тихое спокойное место, я пересказала Коллинзу обстоятельства похода в ресторан «Русалка». Он поначалу тоже выглядел мрачнее тучи – совсем как Мангуст, когда узнал, что меня «пометили».

Потом он подумал и выдал:

– Слабое место, говорите? Я знаю.

– Ты знаешь слабое место Августы?! – ахнула я.

– Не я. Я знаю того, точнее, ту, кто знает слабое место Августы.

– Коллинз, ты знаешь о том, что ты зануда?! – не стала я сдерживаться.

Мангуст прыснул. Ниания оказалась солидарна со мной и незаметно под столом пожала мне руку. Шрам демонстративно отвернулся, делая вид, что разглядывает стакан с пивом.

– Да, я большая жирная зануда. Химера Фобос. Вот у кого следует искать ответы на вопросы.

– Химера? Но она же в тюрьме. И... да, она была близкой подругой Августы более тридцати лет назад. Но с какой

стать ей сотрудничать с нами, даже если она знает её слабое место? Зачем Химера будет говорить это нам?! – удивилась я донельзя.

– Как миленькая будет, – Коллинз ехидно-кривовато улыбнулся одним уголком губы. – Потому что мы её тоже обманем. Потому что мы тоже знаем слабое место Химеры. Химера хотела вызвать Августу. Она рассчитывает, что та высвободит её из тюрьмы – а Августа до сих пор к ней не приходит – раз. И Августа замещает Химеру в дамках у томберах, хозяйничает там, ведёт свою политику – два. Химера не потерпит такого издевательства над амбициями.

– Э... всё это звучит слишком гладко. Но... тюрьма. Это секретная тюрьма, я видела в досье, где она сидит. Но я не знаю, где это место, и...

– Я знаю, – заявил «жирная зануда» Коллинз.

– Знаешь?! Откуда?! – моему любопытству нет конца.

– Всё очень просто. Ведь именно я её туда и сажал.

– Что?! Карамба! Как?!

– Ваши Тигры эксплуатируют наших Шакалов за милую душу, – весьма язвительно прокомментировал Коллинз.

– Ну уж!.. – я не договорила и показала ему кулак, он обезоруживающе улыбнулся и пожал плечами.

– Коллинз хотел сказать, что иногда господин С... Скорпион просит кого-то из наших сопровождать в тюрьму некоторых преступников, – тихо объяснила Ниания.

– Шакалы знают многое о делах Тигров, Тигры знают мно-

гое о делах Шакалов. Мы же союзники, – с другого бока тихо объяснил Шрам.

Я понимающе кивнула друзьям и поглядела на Коллинза:

– Когда мы идём к Химере?

– Сейчас, – кивнул он. – Да, сей час, то есть засекай час.

Мне нужно переговорить с кое-кем из ваших, предупредить о допуске нас с тобой туда сегодня.

Коллинз поспешно ушёл. Я обратилась к Ниании с деликатной просьбой:

– Хочу посмотреть, что из себя представляет татуировка.

У тебя есть два зеркала?

– Да, конечно, пойдём, – мы с Нианией поднялись и наведались в гримёрку.

Я встала спиной к большому зеркалу и взяла в руки маленькое. Ниания приподняла мои волосы. Сзади на шее, сверху, ближе к затылку, зияла действительно татуировка. Это знак, что я уже видела: пять капель, синих, разных оттенков – от голубого до фиолетового, острыми уголками сходящиеся к центру. То есть такой цветочек из пяти капель.

– Это Метка Сирен, – объяснила Ниания. – Она напрямую связывает душу и ауру с Трёхглазой и её фрейлинами. У них по земле ходит немало таких вот меченых. Все эти представители организаций, за кем охотились Тигры – тоже были мечеными. Все, кто вступал в договоры с Трёхглазой. Договоры происходили по-разному. Кто-то подписывал Чёрный Контракт, кого-то она просто запугивала, кто-то сотрудни-

чал с ней «на доверии». Всякий, у кого Метка Сирен, имеет некоторую «защиту». Другие чёрные русалки, которые не фрейлины Трёхглазой, не тронут тебя как собственность королевы.

Проговорив это, Ниания бережно вернула мои волосы назад, встала напротив меня, взяла за плечи и заглянула в глаза:

– Не подписывай Чёрный Контракт, Клот. Никогда, что бы ни случилось, как бы они тебе ни угрожали. Обратного пути нет. Лучше быть Нейтральщиком, Серым, чем этот Чёрный Контракт.

– Я не разбираюсь в демоническо-русалочьей юриспруденции. Мне не понравилось, что они просили подписать этот Контракт под принуждением, отвлекали приворотными чарами так, что я не смогла его прочитать. И мне не понравилось, что они угрожали Айрэнн. Я не буду подписывать Чёрный Контракт. Никогда, – заверила я подругу.

– Клот, мы тебе поможем, сделаем всё угодно, чтобы ты выиграла эти переговоры! – заверила она и крепко обняла меня. Я прошептала ей:

– Я справлюсь. У меня опыт. Позаботьтесь лучше об Айрэнн. Меня беспокоит, что Русалки могут ей навредить.

Потом через несколько минут за нами заглянул Коллинз, и мы с ним поехали в эту тюрьму.

Химера Фобос содержалась в отсеке с обозначением

«Безысходность». Как это расшифровывалось – спросить не у кого и некогда.

Чтобы поговорить с Химерой, Коллинз подошёл к одной из металлических серых дверей, нажал на серую металлическую кнопку. Я удивилась – неужели Химера сейчас к нам прямо сюда выйдет в коридор поболтать за милую душу?!

Мы стояли и молча ждали примерно минут пять. Потом услышали приближающиеся шаги по коридору. В нашу сторону шёл охранник. Когда он дошёл до нас, он не сказал нам ни слова и даже, как мне показалось, на нас не взглянул. Карточкой он открыл дверь, впустил нас вовнутрь.

Мы вошли в небольшой «предбанник», комнатку с тусклым освещением. Охранник сразу же закрыл за нами дверь. Коллинз небрежным жестом кивнул на один из стульев. Он вёл себя тут как у себя дома, развязно, с ленцой. Я старалась копировать его движения и настрой, чтобы не выглядеть одеревеневшей, сжатой – ведь я изрядно нервничала. От успеха нашего общения с Химерой Фобос зависело, получим мы Ключ у Русалок или нет. О том, что Трёхглазая меня убьёт сразу же за провал, я даже забыла. Меня больше беспокоило, что у них сейчас этот чёртов Ключ.

Мы посидели на стульях, уставившись в стену. Потом услышали звук, напоминающий гул механизма, отдалённый лязг. Стена перед нами начала подниматься, образуя стальную решётку. За ней и находилась камера Химеры.

Преступников здесь содержали как в элитном отеле. Раз-

ве только от отеля отличало отсутствие окон и дверей. Когда стена окончательно поднялась, перед нами предстала аккуратная чистая обитая всё тем же серым металлом комната. Никаких тебе нар, параш и прочих ужасов из блатных песен.

Химера Фобос, она же Мэри Зиг сидела в офисном кресле за письменным столом и писала. Очевидно, план по захвату мира. Либо мемуары о том, как прекрасно она управляла армией «зомби». А может, составляла новые формулы гипнотических программ, как знать.

Она посмотрела на нас издали, так как её стол стоял в глубине комнаты. Увидев нас, она расширила громадные глаза и встала, медленно, демонстрируя полную шокированность. Либо она и вправду шокирована – чёрт её разберёт. Всё та же массивная женщина, мужеподобная, ростом выше самых накачанных баскетболистов, с квадратным лицом, вихрами взлохмаченных густых волос, большими гипнотически-чёрными цыганскими глазами.

Вылупившись на нас и хмуря густые брови, сросшиеся на переносице в сплошную монобровь, она так же медленно, крадущейся походкой как акула, приблизилась к разделяющей нас решётке. На Коллинза она смотрела мало. В основном – на меня.

– Ты. Здесь. Зачем? – прошипела она. – Ты мстить пришла? Отомстила уже, будет с тебя!

Гортанный грубый голос заставил меня поёжиться. Я вспомнила несколько неприятных часов наедине с ней, в её

власти, когда Масочник похитил меня год назад. Химера владела такой мощной энергетикой гипноза, что чуть не заставила Пита убить меня. Сопротивляться этой энергетике бесполезно. Что, если она нас с Коллинзом сейчас загипнотизирует, заставит выпустить себя, вывести из тюрьмы и оказавшись на свободе, сразу же убьёт нас?

Коллинз выглядел слишком спокойным. Позёвывал. Я скосила на него глаза. Тот еле заметно кивнул – мол, отвечай на её вопросы, тебя же спросили! Я готова набить ему морду.

– Я пришла не мстить, мне это не нужно, – набравшись смелости, ответила я, тщательно следя, чтобы мой голос не дрожал. – А нужно поговорить.

– Поговорить?! С тобой?! Ха, о чём?! – Химера уже откровенно презрительно разглядывала меня как вошь. Она встала подбоченясь, всем своим видом показывая, насколько я ей отвратительна и насколько по сравнению с ней я ничтожна.

Попав под её эти испускающиеся эманации унижения, я почувствовала резкое падение самооценки.

«Не справлюсь, не справлюсь...» – билась мысль.

Но потом Коллинз начнёт надо мной смеяться, язвить, что я слабая и хилая! Ну уж нет! Не доставлю ему такого удовольствия! Он мой информатор, я вроде как его начальница формально, и я обязана отстоять авторитет.

– О том, что ты вот тут сидишь, а кое-кто занял твоё место. Твой трон, да. Управляет Томберами, восстанавливает твоё дело, командует Масочником. Устраивает ритуалы на

кладбищах, формирует армию мертвецов, а спасать тебя из тюрьмы он как не хочет.

– ЧТО?! – тут Химера взбеленилась. – О ЧЁМ ТЫ ТАМ ЛОПОЧЕШЬ, ТВАРРРРРЬ??!??!??!??!

Она приблизила своё лицо к решётке, схватилась за неё руками, задёргала, намереваясь вырвать решётку с корнем:

– А НУ ОТВЕЧАЙ, ТВАРЬ! – её лицо исказилось от бешенства, превратившись в морду сущей гарпии.

Я встала, украдкой вдохнула, выдохнула, подошла к решётке, ей навстречу. Я не должна показывать, что боюсь. Она в тюрьме. Я на свободе. Если что-то пойдёт не так, Коллинз проконтролирует. Он ведь меня сопровождает вовсе не для того, чтобы быть тупо открывальщиком дверей!

– Когда ты была маленькая, у тебя была подруга Августина. Вы готовили ваших Томберов к её приходу – обещали нового мессию, Главного Мертвяка. Я не знаю, к её приходу ли вы готовились, но сейчас Августа теперь провозгласила себя Главным Мертвяком. Я знаю, что ты надеялась, что едва она вернётся – сразу придёт спасать тебя. Но она не приходит. Она неблагодарна. Ведь ты спасла её тогда, когда с ней угрожали расправиться, в школе на улице Мандаринов. Ты что-то сделала с её одноклассниками. Потом ты уехала, а её убили. Прошло лет тридцать, ты и Масочник узнали, что она стала мощным демоном. И решили вернуть её, и вас на это благословила твоя начальница, Трёхглазая. Я всё правильно говорю? Поправь меня, если я ошибаюсь.

Я проговорила это на одном дыхании. Внутри меня всё дрожало, но только внутри. Я с трудом призывала самообладание. Химера прожигала меня взглядом, выворачивая зрачками всю душу. Велик соблазн отступить, отпрянуть от решётки, убежать. Забиться в угол, свернуться калачиком, умолять Коллинза увести меня отсюда, убрать эту демоническую женщину.

Даже всемогущая Трёхглазая мне не казалась настолько угрожающей.

Я закончила этот монолог. Поняла, что нужно держать паузу. Слово теперь за Химерой. Она тяжело и медленно задышала, активно раздувая громадные ноздри, напоминающие пылесосы.

– Что. Тебе. Нужно. От. Меня. Тварь.

– Сделка, – тут я прокляла себя, потому что мой голос-таки дрогнул. Химера сейчас воспользуется этим, как слабостью!!!

Но этого не случилось. Химера сама внимание.

– Ты недовольна Августой, правда? – решила я удостовериться.

– Я сотру её в порошок, если увижу.

– Она демон, – напомнила я. – А ты в тюрьме. Вряд ли ты её увидишь.

Химера вспыхнула. И впервые отвела взгляд, когда я прямо посмотрела в её глаза, набравшись для этого храбрости.

– Но её могу увидеть я. И кое-что сделать с ней. Для тебя.

– Зачем ты помогаешь мне, тварь? – это Химера проговорила усталым голосом, томным, прогудев как паровоз. – Что вы там со своими глазюками опять задумали?

– Мне прискорбно это признавать, Химера, но мы с тобой оказались на одном поле. Августу я тоже планирую стереть в порошок. Я прошу тебя рассказать мне всё, что ты помнишь о её слабостях. О страхах, привязанностях, желаниях, хотелках.

– И ты мне доверишься, если я тебе скажу? – после продолжительного обдумывания Химера поглядела на меня в упор и улыбнулась большим ртом над квадратным подбородком как аллигатор.

– Сама знаешь, что с тобой будет, если обманешь.

– Вздумала угрожать мне, тварь?

– Я слушаю. Страхи, привязанности.

Химера со свистом выдохнула. Потом коварно улыбнулась, снова приблизилась к решётке. Мне показалось, что она подмигнула мне слишком заговорщицки и запанибрата.

– Эвриус Халл, – шепнула она медленно, с расстановкой и улыбаясь шире.

– Кто?

– Эвриус Халл! – рявкнула она. – Её несостоявшийся хахаль. Мой хахаль, хахахаха-ха-халь! – перешла она в дикий сумасшедший визг.

Отсмеявшись и отхрюкавшись, Химера заявила:

– Если ты не слишком тупая, поймёшь о чём я. Августка

по нему млела, таяла, держала в портфельчике его фото! Ах, наверное, ночами воображала, что он с ней вытворляет, хаха-хахаха! Августа не такая монашка, какой пыталась себя выставить, уж я-то знаю, я была её лучшей подругой, ххахахха-хахаха!!! – Химера снова зашла в истерическом гомерическом хохоте. – Ах, если она его увидит... не знаю, как вы это провернёте... Фокус-покус-крокус! Она его увидит, узнает, и всё – считай – она ваша!!! Только он подох, знаете ли. Лет двадцать назад.

Тут Химера враз сделалась серьёзной и печальной. Повторила:

– Подох, да. Воскресите его, что ль. Вы так умеете. Подведите за ручку к Августке, пусть подарит ей жёлтые розы. Она любит жёлтые розы! Она мне однажды мечтательно сказала, когда нам было двенадцать – «Ах, как бы я хотела, чтобы мне кто-то подарил жёлтые розы!!!». Хахахаха, розы! Розы, розы, о-о-о-о, хаха-х-ах-ахаа!

Химера принялась с отрешённым видом ходить по камере. Взад-вперёд. Как безумная медведица. Напарывалась на мебель, сносила её. Хрюкала, смеялась, твердила про розы и про «ха-ха». Это продолжалось минут пять, продолжилось бы ещё, если бы не Коллинз. Он мягко намекнул:

– Мы узнали, что хотели. Идём.

– Что?! Как узнали? Я ничего не поняла. Она ведь только начала рассказывать, надо подождать...

– Уже не надо. У неё приступ гибрида шизофрении, де-

лирия и белой горячки. Это надолго, дней на пять. Нам повезло сегодня, что у неё редкая ремиссия.

Коллинз подошёл к выходящей двери, нажал на кнопку. Через секунду появился охранник, выпустил нас. Видимо, он дежурил в коридоре. На бродящую по камере в прострации Химеру он даже не посмотрел.

В Скомато мы собрали летучку прямо в зале. Коллинз настаивал, чтобы на этой летучке не было Айрэнн. Проворчал, что мы слишком тёмные и шепутные для её тонкой ранимой души, и что Айрэнн надо беречь – у неё до сих пор большой стресс после русалок. «Мы» – это он имел в виду меня (в первую очередь – именно так он и сказал), а ещё Нианию, Мангуста и Шрама. Коллинз готов не просто пылинки с Айрэнн сдувать, но регулярно водить её в химчистку, пылесосить и выбивать как ковёр. Нет, я не злорадствую, мне просто вся эта любовь-морковь очень смешна.

– Итак, что мы имеем? Мы имеем имя того молодого человека, из рассказа нашего «языка» Дарти. Эвриус Халл, – зачала Ниания наш очередной и далеко не первый военный совет.

Она сосредоточенно оглядела нас, сложив руки домиком, как опытный полководец.

– Так же очевидно, что Августа была влюблена в него. Она расстроилась, когда они с Химерой-Мэри уехали, – дополнил Шрам.

– Трёхглазая задала Клот задачу: «Обмани Августу». Трёхглазая сейчас может наблюдать за Клот в Шаре, – продолжала вести свою линию Ниания. – Обманывать Августу должна Клот. Клот, ты улавливаешь ход моих мыслей?

Подруга посмотрела на меня исподлобья. Я выдохнула:

– У меня было одно спецзадание, мы возвращали Возвращённого... у нас был Некрономикон, и...

Мангуст присвистнул:

– Вот тебе и скромняшка Клотти!

Шрам вздохнул:

– Исключено. Мы не можем вернуть Эвриуса Халла.

– Почему? – удивилась я.

– Шрам хотел сказать – можем, но не успеваем, – покачала головой Ниания, с сожалением подняв брови. – У тебя пять дней. Один день – одна задача. Прошла половина первого дня. Сейчас около полудня, но сегодня вечером тебе нужно идти к Трёхглазой с выполненным заданием. Чтобы оживить Халла, да ещё и договориться с ним, не считая того, чтобы найти его могилу и найти профессионального некрманта – нужна неделя. Я имела в виду немного другой подход.

– Какой же?

Ниания взяла меня за руку, поддерживающе пожала и поглядела при этом на Коллинза:

– Кое-кто здесь великий и могучий тёмный друид. И может навести морок. Или Мантию Тени.

Теперь Коллинз вскинул брови:

– Всё сделаю, как пожелает заказчица-начальница, – при-
творно-галантно он отвесил мне лёгкий высокомерный по-
клон.

Я непонимающе поворачивала голову с него на Нианию и
обратно, пока Мангуст не расставил точки над ё:

– Клот, Коллинз тебя превратит в Эвриуса. Вернее, наки-
нет на тебя морок. Ты будешь сама собой, а все окружающие
будут думать и видеть, что ты Эвриус.

Я хотела удивиться, но тут же вспомнила «уроки» Родже-
ра. Хоть я и человек, общение с не-людьми – анхомами идёт
мне на пользу. Поэтому я выдохнула:

– А, вот как. И... э... хорошо, морок. А мы знаем, как
Эвриус выглядит?

Возникла пауза. Ниания немного «подвисла», отвлѣкшись
на какую-то мысль, потом вдруг радостно и порывисто вско-
чила, хлопнув дружески меня по плечу:

– Сейчас узнаем! Пойдѣм! Да, Коллинз, пойдѣ наверх в
магазин, купи жѣлтые розы. Я видела, как сегодня на раз-
грузке их привозили. Мангуст, Шрам, идѣмте с нами в аппа-
ратную!

– В аппаратную? Это там, где звукорежиссѣр сидит? – не
поняла я.

– Не совсем, – весело улыбнулась Ниания. – У нас, у Ша-
калов, свой тигриный филиал есть здесь, иначе мы бы никак
не смогли вам хорошо и компетентно помогать!

Мы вчетвером прошли по извилистым коридорам, Ниа-

ния завела нас в небольшую комнату, заставленную оборудованием. Куча старых громадных мониторов, ЭВМ, магнитофонные колонки, а на полу – клубки змей из разноцветных толстых спутанных проводов. Всё это покрыто вековой пылью и паутиной, однако старенький обитый кожей стульчик на шарнире перед экраном чист.

– Мангуст, твой выход, – презентовала Ниания шутливо.

Мангуст отвесил нам галантный поклон – в сто раз учтивее и благороднее, чем Коллинз несколько минут назад, и водрузился на стульчик. Мы окружили его и нависли. Мангуст подобно заправскому хакеру заработал на шумной шуршащей клавиатуре, экран загорелся, на чёрном фоне появились зелёные символы кода. Ниания просвещала:

– Тигры называют это компьютерным терминалом, да. Здесь мы можем выходить во все ваши базы. То есть не совсем «ваши», наши тоже, я хотела сказать – те базы, что создают ваши разработчики. Кое-что создаём мы, в частности Мангуст, – Ниания почти любовно посмотрела на «младшего братишку».

– Мангуст, ты не только барабанщик, но ещё и хакер? – поинтересовалась я у товарища.

– Обижает, начальница! Я – гениальный компьютерный гений! – заявил Мангуст, продолжая стучать по клавиатуре.

– Он просто дилетант, – прокомментировал Шрам.

– Но кое-что умею. А что я умею – не скажу, а то мне придётся всех вас убить, прямо тут! А трупы похоронить в

этой пыли, – пригрозил Мангуст.

– О, великий цифровой гуру, мы надеемся, ты простишь наше непочтение и поскорее обеспечишь нам доступ в Базу Мертвецов, – Ниания притворно сложила руки в молящемся жесте.

– Уже! Вы только подумайте – и я вместе с этой малышкой прочту ваши мысли, – малышкой Мангуст назвал ЭВМ, ласково погладив её бок.

На чёрном экране засветился белый череп с костями.

– Это что, База Мёртвых Пиратов? – спросила я.

– Почти. Это ваша База Мертвецов, только я захожу в неё с другого кода, – пояснил Мангуст. – Эвриус Халл умер, так ведь? Поэтому мы найдём его тут. Нам повезло, что его имя-фамилия редкая. А то пришлось бы шерстить тут полдня, прежде чем напороться на нужную персону.

База Мертвецов, или архив с досье на умерших людей, загрузилась. Мангуст быстро ввёл в поисковике «Эвриус Халл» и примерный год рождения. Мы решили исходить из предположения, что если он, Химера и Августа дружили, то он родился около пятидесяти лет назад. Пока мы ожидали загрузку и поиск данных, Мангуст принялся разглагольствовать, как он стал «хакером»:

– А началось всё с компьютерных игрушек, да. Прикинь, Клот, моя бабушка запрещала мне играть в игрушку, потому что была очень религиозная. А игрушка про истребление чертей. Ну там надо ходить с мечом, убивать чёртиков. Про-

стенная такая игрушка, два-де. И вот я ходил, убивал чёртиков, а бабушка...

Шрам в это время отозвал в сторону Нианию. Они отошли к двери и принялись шушукаться. Постепенно их шёпот превратился в яростный спор. Ниания шипела Шраму как змея, Шрам возражал ей таким же шипением как змей. Но я не могла понять причину их небольшого разногласия. Я ждала увидеть информацию о Халле, да и Мангуст продолжал увлечённо рассказывать.

Его рассказ свёлся к тому, что бабушка отняла у него игрушку, чтобы самой поиграть в другую на этой же кассете – где ангелы собирают на небе фрукты и ягоды. Бабушка злилась на Мангуста, что он своими игрищами привлекает дьявола, притягивает плохую энергетику, а сама при этом играла. И её внук однажды, когда бабушка уехала, взял кассету и перепрограммировал её. Когда бабушка приехала и захотела поиграть в ангелов, она была в ужасе, потому что вместо ангелов в её игре бегали черти. Мангуст тогда сказал ей, что он спасёт игру бабушки, если порубит чертей мечом в своей игрушке. Он это сделал, потом перепрограммировал тайком ночью обратно, и у бабушки снова ангелы стали собирать фрукты. Я не знаю, он это придумал или нет, но рассказ мне понравился.

Когда он закончил, «малышка» нашла Эвриуса Халла.

– Народ, полундра! – свистнул Мангуст громко, чуть не оглушив.

Ниания и Шрам прекратили шипеть и тут же материализовались возле нас, жадно всматриваясь в экран. Я тоже возбуждённо читала информацию.

Ничего примечательного. Родился. Жил. Учился. Сведения о семье. Сведения о переезде. Он переезжал в Авесом – городок, известный нехорошей репутацией. В Авесоме было гнездо томберов в декабре того года и там Химера чуть не убила меня и Пита. Умер Халл в 32 года, ночью, в результате несчастного случая: утопление и асфиксия. То есть упал в реку под проломившийся лёд и утонул. В ночь на 29 декабря, кстати. Жутковатая дата.

– Нам нужны фото, они есть? Без фото у нас вообще ничего не выйдет, – Ниания требовательно поглядела на Мангуста.

– Есть, вот. Фото из досье. В Базу Мертвецов, как и в Базу Живчиков Тигры обычно стараются подгрузить как можно больше фото для облегчения идентификации. Здесь всего одно фото, но зато какое чёткое!

– Выведи на печать, – запросила Ниания.

Послышался стрекот принтера. Я рассматривала лицо молодого мужчины. Эвриус Халл запечатлён в возрасте тридцати лет.

– Готово, пойдёмте в зал, пообщаемся с Коллинзом, – Ниания в нетерпении схватила «портрет» из принтера.

Шрам, я и Мангуст посмотрели на неё, немного задумавшись. Кажется, нас втроём посетила одна мысль. Я прогово-

рила:

– Ниания, стой! Тут он взрослый. Августа к тому времени умерла, как он вырос. Когда он уехал, ему было лет четырнадцать. Она... либо не узнает его, либо догадается о подставе.

Ниания вздрогнула как от удара током, и ударила себя по лбу:

– Точно, Клот! Вот кто великий гениальный компьютерный гений! Мангуст, помнишь, ты рассказывал про программу, которая может преобразовывать фото человека в разные возраста?

– Сейчас всё будет, – Мангуст засиял, будто ожидал этого вопроса.

– Как только я так могла опростоволоситься... – кляла себя Ниания. – Клот, прости, мы ведь могли подвести тебя!

– Не переживай, это не твоя ошибка, и более того – это не ошибка. Мы торопимся, нужно быстрее всё это делать, – успокоила я подругу.

Несмотря на свою харизматичность, решительность и порывистость, Ниания самокритична и глубоко переживает ошибки. Но здесь и вправду её ошибки нет. Не её задача и не её проблема заниматься обманом Августы – это моя миссия.

– Я написал программу, украв у вас основу кода, – хватался Мангуст. – То есть не совсем украв, а позаимствовав. По договорённости с Мастером, разумеется, со Скорпионом то бишь. Программа может преобразовывать фото человека

в любой нужный возраст. Сейчас с помощью неё мы сделаем Эвриуса тринадцатилетним и узнаем, как он выглядит.

– Может быть, сделать его шестнадцатилетним? Раз Августе шестнадцать? – предположила я. – Для пущего эффекта?

– О-о-о, мне это нравится! – одобрил Мангуст. – Я представляю, какая встреча получится, какой романтИк!

Шрам в этот момент прошипел Ниании:

– Ты уверена? Ты точно решила?! Я ведь могу сказать Коллинзу, и...

– Нет, Шрам. Коллинзу ты ничего не скажешь. Ему скажу я, если надо и что надо. Не заносись, Шрам. Я твой лидер в данном случае, и я возвращаю себе полномочия начальни-ка, – прошипела она в ответ.

– Ребята, вы в порядке? – испуганно посмотрела я на них, пока Мангуст колдовал со своей «программулькой».

– Я предложила защищать тебя магически, потому что у меня есть владение стихией Воды. Я не знаю, как может повести себя Августа, как только раскроет обман, но смогу хотя бы сыграть на эффекте внезапности, напасть на неё, чтобы ты смогла убежать. А Шрам не хочет, потому что вообразил меня хрустальной вазой! – Ниания недовольно взглянула на своего гитариста-«эльфа».

– Августа опасный демон. Я согласен, что Клот нужно обеспечить прикрытие, пока на ней будет морок, но лучше, чем Коллинз, стихией Воды никто не владеет.

– У Коллинза сильная энергетика. Августа сразу засечёт

его, если он будет стоять рядом с Клот. Меня же мало и меня незаметно. Шрам, вопрос уже решён. Не встречай больше.

– Ниания, ты не обязана... – начала я.

– Не начинай! – почти крикнула подруга, подняв обе руки. – Ты не знаешь всех этих магических тонкостей. Но ты же ещё Сорвиголова, любишь подвергать себя опасности. А я не переживу, если тебя убьют, и при этом я сама палец о палец не ударю. Пусть лучше основной удар я приму на себя.

– Ниания, я не хочу, чтобы ты принимала на себя удар, – проговорила я.

– Ты не хочешь, значит, оставайся при своём мнении, зато этого хочу я, – упрямо заявила Ниания. Она улыбнулась и протянула мне руку: – Мы договорились?

– Я не знаю, как благодарить тебя... Всех вас, ребята, – посмотрела я на Шрама, Нианию и Мангуста, изрядно расстроганная.

– Это мы должны тебя благодарить, – выдохнул Шрам.

Мангуст тем временем с самодовольным видом распечатывал второй снимок. На нём появился изрядно омолодившийся Эвриус Халл. Этот молодой человек показался мне не очень приятным. Чёрные широко расставленные глаза, прямой нос, большой рот, бледная кожа. А ещё каштановые выющиеся и зачёсанные назад надо лбом прилизанные волосы. Взгляд немного с безуминкой. Кем он был на самом деле? Боюсь, никогда этого не узнаю.

– Ещё нужен рост и вес. Для того, чтобы собрать нужную

комплекцию, – посмотрела Ниания на Мангуста.

Тот посмотрел метрику на Эвриуса из досье:

– Сто восемьдесят пять сантиметров, девяносто килограмм.

– О, да он качок, ещё и верзила! А по нему и не скажешь. Интересный типаж. Я бы на такого запала, – интригующе улыбнулась Ниания.

– А что, если он был Чёрным? Хорошие девочки влюбляются в плохишей, верно? – подъёжил её Шрам.

Ниания слегка хлопнула его свёрнутой в трубочку бумагой-распечаткой с фото Халла:

– Ты заблуждаешься, навешивая на плохих девочек ярлыки хороших, добрый доктор.

– Скорее всего он был человеком, – предположил Мангуст, выключая программу. – Хотя это теперь уже не важно. Он умер, ничего и никого после себя не оставил. Ни памяти, ни наследия, ни недопитого стакана.

– В этих базах, к сожалению, не пишут, анхом или не анхом, эта информация ещё более секретна, чем сами эти Базы, – прокомментировал Шрам.

Ниания вышла, мы проследовали за ней. В зале нас ждал Коллинз с букетом жёлтых роз. Он вручил их мне с шутливым предисловием:

– Я очарован вами, мадемуазель. Правда, если вы станете месье, я прошу вас максимально очаровать другую мадемуазель. Но из этого букета вы имеете право оставить себе

парочку.

– Парочку, говоришь? Ну-ну, на твои похороны, наверно? Которые свершатся после того, как я тебя вызову на дуэль и убью? – уточнила я.

– Знаешь ли, у меня есть профессиональный некромант.

– Какое упущение, – в притворном сожалении выдохнула я.

– Розы надо поставить в вазу, им ещё несколько часов тут стоять, пока мы будем искать Августу, – Ниания взяла у меня букет, недовольно зыркнув на Коллинза, что он не догадался это сделать.

Ниания отошла с розами от нашего столика, и тут Коллинз вручил мне... рацию:

– Вот, просили передать посылку. Тут тебя, кстати. Да, Сорвиголову к телефону. Мангуст, советую тебе перестать хулиганить, там твой босс звонит. Ваш с Сорвиголовой общий босс, знаешь ли.

– Рация?! Где ты её взял?

– Просили передать, – повторил Коллинз с деланным раздражением.

Когда у меня произошла драка с Зелёным Червём в Глуме, я потеряла рацию и часть оружия. Теперь же мне вручили ещё одну, для связи с коллегами. Это прекрасно.

– Приём... – проговорила я неуверенно, поскольку удивилась, что на том конце кто-то несколько минут уже ждал ответа, пока Коллинз распинался мне тут про розы.

– Сорвиголова, не слушай З, нет у него профессионального некроманта. Можешь убивать, не запрещаю, – произнёс Скорпион нарочито серьёзно, но конечно же, он шутил.

Мангуст прыснул и, чтобы не мешать, убежал, согнувшись пополам, хохотать в другой конец зала. Коллинз позеленел. Он Скорпиона недолюбливал. Ниания и Шрам мило заулыбались.

– Нет, пожалуй, он мне ещё пригодится, – вежливо возразила я боссу.

Босс закончил шутить и приступил к главному:

– Мы прогнали Августу с нашей территории. Теоретически ты можешь возвращаться домой. Но оптимальнее тебе будет находиться с Шакалами, ввиду их многоголовости: одна голова хорошо, много лучше.

– О, теперь мы не Шакалы, а Церберы, – улыбнулась Ниания.

Коллинз, видимо, не случайно поставил в настройках рацию на громкую связь!

– Ты в курсе про задания Русалок? – осведомилась я.

– Да, – ответил Скорпион. – Я должен сообщить тебе сейчас, где Августа. В данный момент она летит над Средним морем рейсом из Марротхая и прибывает через три часа в Южный Аэропорт.

– Из Марротхая?! – удивилась я. – Что она там делает? У неё там тайное логово?

– Нет, она там отбывала условное наказание. Несколько

часов. Успела уже убить шестерых мирных жителей, в том числе стюардессу. Она перевоплотилась в неё и села на этот самолёт, чтобы добраться до Укосмо обычным путём.

– Разве демоны не телепортируются или не летают на крыльях?

– Августа, к счастью, не столь всемогуща. У неё много умений, но её энергия нестабильна, цикличной природы. То есть то прибывает, то убывает, причём убывать она может от направленной анти-стихийной боевой магии. Когда Трёхглазая вызвала её из Инферно, она заключила с ней Контракт Воды и Огня – на Ключе. По условиям контракта Августа слабее тех, кто владеет магией Воды. Убить водяные маги и русалки её, конечно же, не могут, но могут временно отключить доступ к энергии. Августа могла бы перебежать сюда из Марротхая по Теневой Стороне. Но она обесточена, и ей приходится действовать на минималках – угонять самолёты, например.

– Я мало поняла из того, что ты мне объяснил, но, наверное, это новости хорошие. Я бы собрала об Августе все сведения, про её слабые места. Она Огонь и боится Воды, так?

– Всё это не совсем следует воспринимать буквально. Нужно быть Мастером магии, чтобы разобраться, – обтекаемо и уклончиво проговорил Скорпион. – Я ответил на вопрос, почему Августа избрала такой прозаический способ перемещения.

– Я её ни разу не видела... – выдохнула я.

– Вот и познакомишься. Она сейчас слаба, – напомнил Скорпион. И повторил: – Южный Аэропорт, рейс из Марротхая, через три часа. Отбой.

– Э... слушай, а как ты узнал... – немного запоздало начала я.

Но отбой есть отбой. Майло и так слишком много ждал, пока рация попадёт ко мне в руки.

– Вы всё слышали? – Ниания повелительно посмотрела на Мангуста, Шрама и Коллинза. – Я сейчас посмотрю расписание рейсов, уточню время и по какой дороге нам лучше добраться без пробок в аэропорт. А ты, Коллинз, проводи с Клот ликбез по наведению морока. Мантии Тени, я хотела сказать.

В то время, когда разъярённая и ослабленная после нападения Охотника Воды Августа вышла с Теневой Стороны в Марротхае, Зелёный Червь вернулся в конспиративное логово Томберов. Он отсутствовал по поручению Масочника, выполнил его, а сейчас решил проделать свои дела.

Зелёный Червь, кого Масочник недавно провозгласил Королём Томберов перед всеми неофитами, прошёл в апартаменты, глубоко под землёй. Червь выбрал особое расположение комнат и катакомб с большим количеством потайных ответвлений. В эту часть подземелий мало кто ходил – только доверенные лица Червя. Новички-томберы даже не знали

о существовании этих комнат. Не знал об этих комнатах и заклятый враг Червя – Дарти.

Зелёный Червь в ожидании своих людей переоделся и подготовил одну из пещерок: перенёс туда матрас, несколько одеял, графин с водой. Он изначально придерживался политики «и вашим, и нашим». Оставался формально преданным томберам, работая на Масочника, а также получал удовольствие, когда нужно было кого-то убить. Но ещё он находил много интересных перспектив в «дружбе» с русалками.

Он подозревал, что Русалки не доверяют ему. Они убивают мужчин – любых. Только Охотники Воздуха им не по зубам – остальным мужчинам, будь эти мужчины хоть заместителями Демиургов и Старейшин по уровню магии, приближаться к Сиренам крайне опасно. Но с Зелёным Червём хорошо и даже доброжелательно контактировали Блэки и Лексаэлла. Блэки просила Червя докладывать, что там у томберов, и стучать на Августу. Лексаэлла приглядывалась к нему как к тому, кто мог принести пользу ей или её Королеве.

Августу Зелёный Червь презирал. Сопливая демоница слишком глупа и с тонкой кишкой, чтобы заниматься политикой. Вместо того чтобы устраивать большие дела, она растрчивает ресурсы на удовлетворение амбиций и детские девчачьи козни, не слушает никого, не признаёт авторитетов. Дурная обезьяна с гранатой. Доверенные Червью люди принесли сведения, что Августа в прямом смысле путается с Дарти. Его Червь не ненавидел и не презирал, но воспри-

нимал как кровного врага. Червь понимал, что Дарти по-настоящему опасен, далеко не глуп, себе на уме и от него можно ожидать чего угодно. А теперь он вычислил слабое место Дарти: это Августа.

Зелёный Червь пока не знал, как ему распорядиться такой информацией. Он решил её приберечь, на будущее. Возможно, впоследствии она поможет нанести удар исподтишка, внезапно.

Некоторое время назад Лексаэлла проронила Червью, что Русалки тоже недолюбливают Августу. А ещё что Червя не прочь убить Пета и Рина, потому что не доверяют ему. А также потому что Августа якобы тоже слышала эти планы и объяснила Пете с Риной, что хочет использовать Червя в своих личных нуждах. Быть марионеткой в руках Августы или мальчиком на побегушках для Русалок Зелёный Червь не планировал. Поэтому он начал разрабатывать план, как понравиться Пете и Рине, чем заслужить их расположение. Он тогда вышел на переговоры с Риной. Рина захотела заполучить в жертву нераскрывшегося Охотника Воздуха, о ком до сих пор не знают «тупые и слепые как котята» беляши. Русалки подсказали, кто это.

Так у Зелёного Червя завязалось знакомство с Мрией.

Девушка оказалась настолько нераскрывшейся и «латентной», что Зелёному Червью удалось в два счёта обаять её. Всего лишь лёгкая Мантия Обаяния – и Мрия самозабвенно вешается ему на шею. Слабый Капкан – и Мрия бежит из

дома, свято уверенная, что никогда не вернётся к родителям. Лёгкие чары – и Мрия готова позволить сделать с ней всё, что он захочет. Он уводит её в специальное место на чердак дома в Глуме, привязывает. Влетает Рина, Мрия в полном ужасе, кричит: с неё мгновенно слетели чары. Но вот незадача – на чердак врывается мелкий шкет с кладбища, предположительно стихии Воды, с практически раскрывшейся Меткой. То есть вот-вот выплеснется, узнает, что он не-человек. Завязывается драка. Шкета Червь почти придушил, но следом вламывается «куклёнка», стреляет из усыпляющей пушки. А Рину заарканивает Капканом Охотник Воздуха и устраивает взбучку. Мрия потом исчезает из поля зрения.

Когда Червь был на задании Масочника в отъезде, ему сообщили, что Мрию нашли. Зелёный Червь заухмылялся – как плохо её спрятали беляши! Томберы получили распоряжение ничего не делать с Мрией: только усыпить её и доставить ему лично в руки. Сейчас он ждал их прибытия.

Если я отдам Мрию Русалкам – это будет означать, что я подчиняюсь им. Я не хочу отдавать Мрию Русалкам. Я хочу оставить её себе, чтобы она была моей Королевой – раз я Король.

Я сам пробужу в ней Метку Охотника Воздуха. Она будет моей ваганткой. Она примет Чёрную Сторону. Нет. Лучше даже Белую. Она будет моим личным оружием против Русалок. Но вначале мы обговорим с ней этот секретный план, я уломаю её на всё что угодно. Она уже моя.

Спустя какое-то время томберы принесли погруженную в глубокий сон Мрию. Зелёный Червь распорядился, чтобы её разместили в подготовленной комнате, на матрасе и одеялах.

Он сидел рядом и смотрел на неё при тусклом колеблющемся свете свечей. Чем дольше он на неё смотрел – тем больше ему не хотелось отдавать её на растерзание Рине. И тем больше ему не хотелось снова подвергать Мрию колдовскому влиянию и воздействию.

Ему в один миг захотелось сбежать. От томберов, от Мачочника, Русалок, от самого себя. Сбежать туда, в то место, где он был по-настоящему счастлив. Где у него впервые появился выбор, шанс, но он им не воспользовался. Где у него даже появился друг.

Но я Чёрный. Я должен идти до конца.

Мрия очнулась и, поняв, что она находится в незнакомом месте, запаниковала, испуганно озираясь:

– Где я? Где папа и мама? Вермис? – она увидела его.

Её глаза расширились в непритворном ужасе, она отпрянула, прижалась к стене и задрожала, когда он протянул к ней руку.

– Не трожь меня! Где я?! – закричала она, готовясь истошно вопить и звать на помощь.

– Мрия, я не буду тебя трогать, – устало выдохнул Зелёный Червь. – Твоих родителей здесь нет и не будет. Выслушай меня. Мы с тобой поговорим, я и ты. И кое-что решим вместе.

– Зачем я здесь?! Что тебе от меня надо?! Что ты собрался сделать со мной, снова придёт эта жуткая женщина?! Ты же собрался меня ей отдать, чтобы она меня убила!!! Я не буду с тобой разговаривать! Ты... ты меня гипнотизировал!!! Ты заставлял меня в себя влюбляться!!! – Мрия уже не могла совладать с собой, перешла на крик.

Она вскочила, попыталась побежать в сторону проходов в другие подземелья, Червь схватил её за руки. Мрия завизжала, принялась активно вырываться, кусаться и царапаться. Зелёный Червь гораздо сильнее, он удерживал её, больше заботясь, чтобы она не покалечила себя, а не его. На его лице, обычно жестоком и беспринципном, на миг промелькнула гримаса сожаления, но тут же эта мимолётная, вырвавшаяся из глубин эмоция оказалась безжалостно подавлена.

Зелёный Червь навёл морок – Мантию Обаяния. Хотя не хотел этого делать. Он уже почти жалел, что заставил своих людей приложить все силы и резервы томберов, поднял наработанные связи в других городах, чтобы нашли девушку. Но не признавался себе в мимолётной «слабости».

Мрия, бившаяся в его руках, потеряла сознание на несколько мгновений. Потом она пробудилась повторно, уже будучи сильно околдованной чарами Червя. В этот раз пробуждение показалось ей раем: она очнулась в крепких объятиях «любимого».

– О, Вермис? – удивлённо и обрадованно взглянула она на него снизу вверх и тут же обвила руками, прижимаясь креп-

че. – Где ты был? Я так скучала! Ах, где мы? – она оглядывала окружающую пещерную комнату с изумлением, но совершенно без страха.

Зелёный Червь обнял её особенно сильно и прошептал:

– Мы там, где мы есть. Мрия, ты бы хотела остаться со мной и делать всё, что я скажу? Ты веришь мне?

– О да, Вермис! Я твоя, полностью! Я так счастлива! – выдохнула очарованная девушка.

На лице Зелёного Червя проскользнула досада. У него в руках послушная кукла. Она, конечно же, сделает всё, что он скажет. Но ему нужна настоящая Мрия. Но настоящая Мрия боится его, чувствует его зловещую чёрную сущность. Едва Зелёный Червь ослабит чары, с Мрией снова начнётся истерика, и неизвестно что эта девушка выкинет.

– Мрия, тебе нужно отдохнуть, поспи немного, – Червь стал мягко отстранять её.

– Ах, нет, я совсем не устала! Пожалуйста, не отпускай меня, мы так давно не виделись! – Мрия вцепилась в его мёртвой хваткой – Червь понял в тот момент, что переборщил слегка с приворотом.

Он «шибанул» по Мрии следующим выплеском магии – Сонным заклятьем. Девушка тут же погрузилась в сон, чуть не падая, но Червь ловко подхватил её на руки и положил на матрас. Никогда никого он ещё не клал спать так бережно. Он несколько секунд посмотрел на неё и накрыл одеялом, тоже очень бережно.

И почувствовал адский холод у себя на затылке, а ещё что ему самому сейчас не помешает одеяло – температура в комнате резко понизилась. Червь оглянулся. Позади него стояла Лексаэлла Тайрус. Раз она здесь, это значило, что Трёхглазая телепортировала её сюда через Шар. И возможно, Трёхглазая видела, как Червь миндальничает с Мрией, то есть послала Лексаэлле наказать его. Или убить.

Червь напрягся. Но не подал виду. Он смотрел на Лексаэлле нагло, свысока – мол, чего пришла, это моя территория, тебя сюда не звали! Лексаэлла на это не обратила внимания. Безразличным, ледяным голосом она молвила:

– Только что моя Королева увидела в Шаре, что наша новая служанка, к великому прискорбию, справится с первым заданием. Пока ещё не точно, но всё к этому идёт. Я буду давать ей второе и надеюсь на твоё содействие: ты должен сделать всё, чтобы Ключ остался у Королевы. Для этого тебе надо будет выполнить твою обычную и любимую профессиональную работу: совершить убийство. Ты всегда рад кого-нибудь убить, я знаю. Можешь не благодарить.

– Жёлтые розы, встреча в аэропорту, романтика. Ты знаешь, Коллинз, я про это напишу песню, – Ниания задумчиво разглядывала приближающийся аэропорт через окна авто.

– Даже не вздумай. Точнее, я хотел сказать, сначала выживи после того, что ты собралась сейчас сделать. Шибануть

Августу водяной магией – не то же самое, что шибануть топориком Людвиг фон Репса.

Коллинз саркастически напомнил Ниании то, как она убила в бою опаснейшего мафиози и вампира – Людвиг фон Репса, главаря преступной группировки Игуана, слугу Трёхглазой. Ниания поморщилась – она не любила про это вспоминать. При всей её воинственности, решительности, она добрая и идёт на убийство врагов только в крайних случаях. Она предпочитает подраться, наставить синяков, нежели отправлять к праотцам. И когда такое случается, Ниания отнюдь не считает, что сделала что-то героическое. Между тем, в кругах Шакалов, как мне шепнули Мангуст и Шрам, «подвиг» Ниании сильно повысил её авторитет как боевого мага и воителя. Её перестали воспринимать как певичку и теперь постоянно звали познакомиться различные влиятельные анхомы, а вервольф Элки, тот, что лидер группы Лисьи Хвосты, буквально кланялся ей в ноги после того самого Всемирного Дня Контакта.

– Да может и не придётся этого делать. Это только на крайний случай. Всё может пойти гладко, – спокойно-оптимистично подметила Ниания.

– Ты легкомысленна, как твой брательник Мангуст, – проворчал Коллинз, замедляя ход машины – надо получить талончик на въезд на территорию аэропорта перед шлагбаумом.

– Ниания, а это правда, что Мангуст – твой брат? – решила

подать я голос, ибо сидеть на заднем сиденье с охапкой роз и в мужском костюме скучно.

Костюм мне любезно предоставил Мангуст. Ребята-Шакалы объяснили, что когда накладывается «морок», то есть Мантия Тени, чтобы её легче было накладывать, одежда не меняется. Поэтому надо быть уже в готовой, исходной одежде. Мангуст, как оказалось, с меня ростом. Поэтому мужской костюм сел довольно хорошо, если не считать некоторой мешковатости. С ремнём брюки отлично держались, не спадали – и ладно.

– Нет, хотя мы с ним давно побратались, – улыбнулась Ниания. – Мангуст классный на самом деле, ты не обращай внимание, что я на него постоянно рычу. У нас с ним... как у тебя с Коллинзом, вы же постоянно дуетесь друг на друга и ругаетесь, но вы оба классные.

Ниания скромно повела глазами и лукаво улыбнулась, сверкнув зубами. Коллинз красноречиво оглянулся на меня и посмотрел в упор:

– В данный момент я очень дуюсь на тебя, Сорвиголова! – объявил Коллинз.

– Лучше крепче за баранку держись, шофёр! – рявкнула я, и тут же сзади на нас пробибикал следующий автомобиль – ему нужно въезжать под шлагбаум и тоже получать талончик.

Ниания расхохоталась:

– Ну вот, что я говорила! А когда вы побратаетесь?

– После дождичка в четверг, – проворчала я.

Ещё чего не хватало – брататься с Коллинзом! Я его уважаю, он мне друг, информатор, но брататься с ним – увольте. Я быстрее с Роджером побратаюсь.

– Когда рак на горе свистнет, – не остался Коллинз в долгу.

– О, да вы прям мафия, – улыбнулась Ниания.

И тут же сделалась серьёзной:

– Клот, выходим. Коллинз, проводи нас.

Наша операция началась, мы вошли в аэропорт. Накануне Шрам и Мангуст наперебой рассказали мне, как работает эта Мантия Тени и что мне делать, как себя вести.

«Фактически тебя превратят в мужика. Захочешь в туалет – иди в мужской, чтоб конспирацию не нарушить», – рассказывал Мангуст. И удостоверился: – «В каком классе ты учишься? Вам преподавали биологию различия полов?»

«Э... Мангуст, вообще-то я три недели назад была на практике в Танресском морге и вскрывала человека под руководством коллеги, так что школа мне для этого не нужна», – с гордостью заявила я.

Но Шрам что-то грубое и строгое прошипел Мангусту на ухо, и тот испуганно заткнулся. Лекарь-«эльф» же терпеливо мне объяснил:

«Мантия Тени – это как надеваемая маска, одежда. Мужиком ты к счастью не станешь, но все будут видеть, что ты – мужик».

«Минуточку, Шрам, почему это – «к счастью»?! – при-
творно возмутилась я. – Может, мне хочется получить новый
опыт в рамках моего обучения и практики! Хотя я человек,
но для моей работы мне всё надо попробовать!»

«О, наш человек, свойский подход! Хочешь попробовать
моё вот это новое пиво?» – Мангуст тут же протянул мне
откупоренную баночку.

В таком духе у нас прошла артподготовка. Между тем мне
предстояло обмануть демона. Настолько опаснейшего, что
даже Трёхглазая самостоятельно не решалась «проучить» её,
поручив мне эту грязную работёнку. И вот мы приехали сю-
да, и Ниания хочет написать про это песню!

Мы подошли к информационной электронной доске при-
бывающих рейсов и отметили наш.

– У нас полчаса есть. Пойдёмте поищем укромное место
и проделаем наш фокус-покус, – скомандовал Коллинз.

Мне объяснили, чтобы не перепугать людей и не искать
способ стереть у них потом память, трюк с накидыванием
Мантии Тени надо проводить в укромном месте. В аэропор-
ту, конечно же,людно. Но мы обнаружили служебную лест-
ницу за туалетами. Ниания взяла у меня подержать цветы,
Коллинз практически приставил меня к стене и достал фо-
тографию Эвриуса Халла. Он долго смотрел на фотографию,
потом стал смотреть на меня.

Никаких пассов руками, взмахов волшебной палочки, что
показывают в фэнтезийных кино. Я ничего не почувствова-

ла, ничего – от слова вообще.

– Готово, – выдохнул Коллинз.

Я обратила внимание, что он слегка побледнел, а на лице отразилось напряжение. И даже он чуть ссутулился.

Ниания оглянулась и так и замерла:

– Вау! Точно бы, едва его встретила – упала бы в обморок от восхищения!

Она смотрела поверх моей головы.

– Что, правда всё? – осторожно спросила я, боясь услышать из своего рта мужской голос. Но я говорила своим голосом. Однако Ниания закатила глаза:

– О, вот это голос! Скажи что-нибудь! Я готова слушать этот голос бесконечно!

– Чёрная Леди, ты не забывай одну маленькую вещь. Мы ничего не знаем об Эвриусе Халле, однако не исключено, что он был не самой благородной личностью, – занудно напомнил Коллинз.

– Он был лучшим другом той, что сейчас стала демоном. Моя лучшая подруга Джейн хорошо рубит в психологии. Она говорит о том, что окружение человека – это прямое отражение самого человека. Скажи мне кто твой друг – и я скажу, кто ты. Халл вполне мог быть демоном. Ты превратил меня в демона, Коллинз? Можно я потрогаю свои рога и хвост?

– А! О! У! А! – издавала нечленораздельные звуки томным шёпотом Ниания. Я уже начала бояться, что она влюби-

лась в меня по-настоящему, а не клоуничала, подбадривая себя и нас.

– У тебя нет рогов и хвоста. Если я их тебе сделаю, тебе придётся пойти под трибунал: твой босс будет жутко недоволен, что у половины аэропорта понадобится стирать память.

– Всё же я хочу посмотреть на себя в зеркало, заценить прикид!

Я направилась в туалет. Чуть не перепутала с женским – когда подходила, бессменная очередь столпившихся там дамочек взглянула на меня недоуменно. Я вовремя осознала, что чуть не свершила оплошность, и зашла в мужскую уборную, пустую как всегда. Там первым делом я подошла к зеркалу и увидела... саму себя. В костюме Мангуста. Вздрогнула, потому что увидела сзади в зеркале, как к кабинкам прошёл толстый кричающий, вернее подкашливающий мужчина. Но он почти не обратил на меня внимание.

Потом я пулей выскочила из туалета и обратилась к неподдалёку ждавшим меня ребятам:

– Но у меня правда нет рогов и хвоста! Я вижу в зеркале себя!

– Конечно, ты видишь себя. Кого ты рассчитывала там увидеть, Деда Мороза? – сыронизировал Коллинз.

– Хотя бы Эвриуса Халла.

Информатор покачал головой:

– Мантия Тени так не работает. Учить тебя и учить, ва-

гант. Что ж, дамы. Вам пора. Мне нужно сматываться. Меня демон учует за версту и сразу распознает ловушку.

Коллинз ушёл, оставив двух беззащитных (правда, не совсем) девушек на растерзание демону. Ниания стала серьёзной и мрачной как никогда. Она вручила мне цветы, и мы отправились в зал аэропорта, где толпились встречающие.

– Я буду рядом. Если что-то пойдёт не так, я прикрою, – в сотый раз заверила она меня.

– Ниания, всё пойдёт так, – заверила я. – Я тоже прикрою тебя.

– О, я на миг забыла, кто ты, и только что чуть не растаяла, – улыбнулась она.

Августа могла повести себя непредсказуемо. Здесь много людей. Вдруг она устроит тут теракт, массовое убийство? Мне намекали, что она способна на многое.

Я ни разу не видела её, но хотела увидеть. И я должна её обмануть. Чтобы Русалки отдали моим друзьям-анхомам этот Ключ.

Толпа людей. Кто-то нервничал, кто-то смеялся, кто-то злобно и возбуждённо разговаривал по телефону, кто-то целовался друг с другом, кто-то выяснял отношения. Эта толпа ожидающих, безлика, чужая, но каждый человек – ценность. Какое право Августа имеет убивать людей? Только потому что её в детстве выкинули из окна – она стала желать смерти всем людям без разбору?

Когда ребята рассказывали, как становятся демонами, я

подумала, что существование демонов – это большая несправедливость. Человек, совершивший плохой поступок и осознавший это, сам себя казнит почище демонов. А человек, что не признаёт ошибки, либо совершает зло намерено, должен подвергаться суду со стороны высших сил. Например пусть на него свалится кирпич. Но никак не свалится демон, который будет его поощрять и попутно кидать кирпичи на ни в чём не повинных.

Ниания последний раз перед моментом икс пожала мне руку и отошла в толпу. Я успела её спросить:

– Как ты думаешь, среди этих людей есть не-люди? Анхо-мы, как вы их называете?

Подруга покачала головой:

– Я не умею их чувствовать. Я не Охотник, не Знающий, я только посредственный и слабый земле-водяной маг.

Она отошла, а я подумала – зачем спросила? Рассчитывала, что если что-то пойдёт не так, в толпе найдётся герой, что вступить за нас? Сама-то я не герой, я в тот момент стала не уверенной в себе. Ниания тоже дала мне понять, что она не герой. Она переживала за меня, боялась меня подвести. Но настояла на том, чтобы прийти сюда, хоть Шрам и отговаривал.

Момент икс наступил. Из дверей со стороны таможенного контроля стали выходить люди с прибывшего рейса из Марротхая. Много южан с чёрной кожей – туристы, студенты по обмену. Их встречали официальные представители тур-

фирм и организаций. Среди южан попадались белые люди, к ним подлетали родные, они обнимались. Поднялся щебет, гвалт, детские радостные визги. Меня чуть не затолкали. Я вспомнила, что выглядела рослым эффектным молодым человеком: если бы я была в своём скромном обличье, меня бы затолкали наверняка. Обратила внимание, что многие девушки смотрели на меня весьма заинтересованно. Надо было всё-таки попросить Мангуста сделать фото Эвриуса Халла тринадцатилетним, а не шестнадцатилетним: ребёнок не привлёк бы столько внимания, сколько эффектный юноша.

Я отвлеклась на то, чтобы увернуться от очередного несущегося мимо меня человека с чемоданом к своим близким, кто стоял позади меня. И когда я повернула голову на дверной проём, то увидела её.

Впервые в жизни я увидела своего смертельного врага.

И когда я увидела её – я сразу поняла: НЕ СМОГУ.

Не смогу. Убить её. Никогда.

Потому что я увидела *себя*. Ту, какой я могла быть, если бы в детстве была более зажатой и стеснительной, чем таковой как сейчас. В проёме стояла хрупкая девушка, шестнадцати лет. В школьной форме, поверх надета куртка. В очках, с немного растрёпанными тёмно-русыми волосами. Стрижка – точь-в-точь как у меня: каре до плеч с чёлкой. Фигура почти как у меня: стройная, худая, только ростом пониже сантиметров на пять.

Робким, испуганным взглядом она озиралась по сторо-

нам. Несколько роковых секунд я не верила, что она – Августа Символи, демон, восставший из Инферно.

Доли секунды, когда я успела увидеть её, а она меня – ещё нет. Роковые миги. Для нас обеих. В тот момент я почувствовала общность с ней. Августа показалась мне двойником, сестрой-близнецом. Между мной и ей будто промелькнула искра. Я ведь несла на себе обличье её лучшего друга, того, в кого она была влюблена!

Вот как, оказывается, работает Мантия Тени.

Августа увидела меня. Она сделала несколько шагов вперёд, остановилась. Её глаза стали огромными, в пол-лица, рот приоткрылся. Она стояла, остолбенева, абсолютно ошеломлённая. Её толкали, кто-то зарычал на неё, что она стоит в проходе. А я точно также, ошеломлённая, громадными в пол-лица глазами с раззявленным ртом смотрела на неё.

Потом мы направились друг навстречу другу.

Остановились так, что между нами осталось около метра, может меньше. Чуть пришлось отойти в сторонку, чтобы не раздражать людской поток.

– Эвриус... – прошептала она осипшим враз голосом. – Как это возможно? Это правда ты?

– Ты ведь знаешь... я... вот, розы. Ты ведь всегда хотела, чтобы я подарила... подарил тебе жёлтые розы, – запинаясь от сильного волнения и от того, что в горле пересохло, пробормотала я.

Одеревеневшей рукой я осторожно протянула розы Авгу-

сте. Она стояла передо мной, такая уязвимая, открытая. Такая *хорошая*.... Какой она была до того, как с ней это случилось – её путешествие в Инферно на тридцать шесть лет, туда, откуда нет возврата. Вернее, возврат есть, но душа потеряна раз и навсегда.

Мы могли бы стать подругами. Лучшими.

Она качнулась вперёд. Но упёрлась в розы. У роз шипы, я исколола себе все руки, пока их держала, но не замечала этого. Теперь я волновалась, что она поранится об эти шипы – такой она казалась беззащитной, беспомощной, нежной. Наверное, она хотела обнять меня? Нет, не меня – Эвриуса Халла.

Обманывать её дальше – бессердечно. Она не заслужила.

Я готова признаться ей во всём. Прямо здесь начать убеждать её, что мне её очень жалко, что я её понимаю как себя, что хочу ей помочь. Что я не верю, что она жестокая, что она – демон, враг человечества, подруга Трёхглазой и ученица самого дьявола. Я сражалась с демонами, видела их ужасные обличья, ощущала на себе их злобу, садизм, стремление разрушать. Эта девочка совсем не такая.

– О да... – выдохнула она.

Она смотрела на розы, потом она подняла глаза и посмотрела на меня. Её глаза серые, громадные зрачки. Нет, это не демон. Глаза полны надежды, страха. Влюблённости. Я осознала, как делаю ей больно. Как предаю её, играя на слабом месте. Нет, я никогда ни за что не смогу убить её.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила она.

И тут я заметила в её глазах нечто, от чего вся внутренне сжалась. Это был осколок понимания, на грани подсознания. К ней начинало приходить озарение, как мы её обманули.

– Потому что я впервые тебя вижу. Такой, какая ты есть, – выдохнула я, сказав абсолютную правду. – Августа, я бы хотел поговорить с тобой. Нужно очень многое сказать...

Я не понимала, что я несу. Должно быть, Ниания, о ком я напрочь забыла, тоже недоумевала, что со мной творится.

– А я тебя вижу не впервые. Я хорошо помню тебя. Очень хорошо знаю тебя, – произнесла Августа тихо.

Мне показалось, что в её голосе я слышу затаённое коварство, угрозу. Она медленно взяла у меня розы, я разжала руки, стараясь не касаться её. Коллинз предупреждал, что Мантия Тени может нарушиться, если произойдёт тактильный контакт.

– Обними же меня, Эвриус, – Августа теперь посмотрела на меня нехорошим взглядом.

Я растерялась и испугалась. Я в её власти. И сейчас она начнёт шантажировать меня. Или... я ошибаюсь всё-таки, и она уверена, что я Эвриус?

– Или давай я обниму тебя, – Августа разжала ладонь, букет с жёлтыми розами упал на блестящий лоснящийся пол аэропорта.

Она шагнула вперёд, оказавшись близко, и тут... Меня спасла Ниания. Всегда полезно иметь решительную, отваж-

ную подругу. Как мне потом рассказывали, Августа умеет выжигать душу и тело, наносить адскую боль, парализовать. Почти как Зелёный Червь, только в несколько миллионов раз больнее. Августа уже протянула ко мне руку, на её лице заиграла ухмылка. В глазах заплескался гнев, еле сдерживаемое бешенство, ненависть, всесокрушающая злоба.

Доли секунд, и между мною и её возникла Ниания Дор, смелая готическо-металлическая красавица, дива, звезда сцены, лидер Приходящих-не-в-Полночь, одна из лучших Шакалов.

– Лучше тебе никого не обнимать, раз ты давно разучилась, – шипит Ниания. – Остудись, красава.

На моих глазах из руки Ниании вырывается сгусток голубоватой энергии, бьёт Августу в район груди, где сердце. Августу пронзает судорога-дрожь. Вокруг много людей, спешащих по своим делам, на самолёты, но они ничего не видят. Роджер однажды проделывал похожий трюк: он называл это Мантией Невидимости. Люди просто не обращают внимание, потому что их сознание выключено с помощью магии. Но как Ниании это удалось?! Она же считает себя слабым магом! А поддерживать Мантию и одновременно шаркать боевой магией в противника требует слишком много энергии!

Ниания хватает меня:

– Бежим!

Августа на несколько секунд выпадает из реальности, её

парализует, она стоит в полной прострации. Ниания хватает меня крепче за руку, тащит в толпу, из толпы на улицу. Мы бежим. Я чувствую, как рука Ниании на ходу холодеет.

Коллинз подъезжает очень быстро, мы садимся с ней в машину на заднее сиденье.

– Ну что, погнали к русалочкам? – оглядывается он с переднего водительского места.

– Да, и поживее, стегай лошадей! – рывкаю я. – Ниания!!! Ниания, что с тобой?!

Ниания без сознания, она валится на меня. Бледная, вся дрожит.

Вот что такое «слабый маг». Когда мало энергии, а сделать хочется много. Когда не рассчитываешь свои силы...

– Коллинз, не надо к русалкам! Куда-нибудь, в больницу, куда угодно! – в панике ору я, едва не плача.

Мы уже выехали на большое шоссе.

– Не бойсь, ничего ей не будет, не надо никакую больницу, демиурги тебя упаси! Ниания больнички на дух не переносит. Сейчас оклемается.

– Но что с ней?!

– Обычная откачка. Наверное, шарахнула по демону всем током, что у неё был, – Коллинз выглядел слишком спокойным, даже беспечным, ещё и музыку включил. Правда, негромко, но я была готова его убить.

Я обнимала Нианию за плечи, старалась, чтобы ей было удобно и чтобы она не упала никуда и не ударилась. Очень

переживала за подругу. Вскоре дрожать она перестала, но оставалась бледнющей и холодной, как труп. Её яркий макияж ещё больше подчёркивал необычную, изысканную красоту, черты лица заострились, стали мраморными. Она оказалась похожей на вампиршу из старинных не цветных фильмов ужасов.

– Ниания у нас больше по земляной магии, водяная ей в довесок. Не научилась ещё расходовать и накапливать энергию. Потенциал хорош, ей бы хорошего наставника, водника, – проговорил Коллинз тихо и заботливо, и я простила мигом его деланное равнодушие относительно состояния Чёрной Леди. – А ты пока расскажи в двух словах, что там было-то? Пропалилась что ли?

– Да, – не стала я скрывать, вздыхая. – Эта девушка, Августа... Она не демон. Она ангел.

– Я так и знал, – выдохнул Коллинз, закатывая глаза в досаде. – Тебе бы тоже хорошего наставника. Желательно с дубиной, чтоб давал тебе периодически по мозгам. Я сильно догадываюсь, что сейчас с Нианией. Она – твоя ангел, Сорвиголова. Эта девушка Августа умеет убивать одним касанием и скорее всего она как раз хотела это сделать. Если бы не Ниания, пришлось бы подгонять сюда не мою машину, а катафалк.

Я сконфуженно замолчала. Почувствовала укол совести. Будь я умнее – я бы включила язык, вручила Августе розочки, наплела бы ей с три короба, мол, мне в тубзик надо, и де-

ло с концом, и Ниании не пришлось бы так применять силу. Но сделанного не воротишь. Мне оставалось только бережно поддерживать Нианию и ждать, когда она очнётся. А она всё не приходила в себя.

Мы с Коллинзом молчали. Он спокойно вёл машину, слушал музыку. Я переживала. Ниания мне в сущности никто, чужой человек. Мы виделись-то с ней толком пару раз. А она так вступилась за меня, сразу заявила, что пойдёт со мной, не разрешила больше никому из ребят прикрывать меня, чтобы не подвергнуть риску успех операции.

Вот и набережная. Ресторан «Русалка» с русалками. Коллинз припарковался неподалёку, оглянулся и многозначительно посмотрел на меня. Выдохнул:

– Отпусти её. С ней ничего не случится. Она спит. Знаешь поговорку – сном лечатся? Во сне многие средние маги регенерируют свою силу.

Я как можно осторожнее расположила Нианию. Проговорила неуверенно:

– Я пошла... – тут же осознала, что идти туда придётся одной.

Но чего мне бояться?! Наоборот, я бы больше боялась, если бы Ниания со мной туда пошла – что бы с ней, ослабленной, сделали эти кровожадные русалки. От них ожидать можно всего, что угодно. Коллинз кивнул.

Я вышла на тротуар, перешла дорогу, устремилась к ресторану.

Когда я вошла, внутри ничего не изменилось. Я подумала – неужели Русалки ждали меня тут целые сутки, со вчерашнего дня?

Они сидели только немного по-другому. Трёхглазая – за одним столом вместе с ужасной Риной. Пета и Блэки сидели за другим столом в уголке. Они, как мне показалось, даже не взглянули на меня. Лексаэлла сидела неподалёку от Трёхглазой с Риной. Вот эта ледяная морозная русалка прожигала, вернее остужала меня взглядом особенно острым и пронзительным.

Когда я вошла, они все посмотрели на меня. Я чуть задержалась в дверях, осмотрелась. Позже я осознала, что никогда в жизни одна не подходила так близко к пятерым смертельным врагам. В обычных обстоятельствах это равносильно самоубийству! Я призвала всё самообладание и подошла к столу, где восседала Богиня Вод Морских. Мне показалось или свет падал так, что их кожа и волосы приобрели синеватый оттенок, цвет морских глубин. Особенно это заметно у Рины: её блондинисто-золотистые волосы стали менее золотистыми и более синеватыми, как и кожа. Но то могла быть зрительная иллюзия от иллюминации ресторана.

Я потопталась перед Трёхглазой, потому что она смотрела на меня слишком оценивающе, и мне стало не по себе. Наконец я набралась смелости промолвить:

– Задание номер один выполнено.

– Да, – медленно и с высокомерной прохладцей прогово-

рила Трёхглазая. – Я знаю. К великому прискорбию, я вынуждена принять у тебя это задание.

«Ах стерва!» – гнев, мгновенно поднявшийся во мне, из-за её наглости заставил меня быть смелее. Я вскинула голову и ответила на её взгляд с вызовом:

– Ключ.

С той стороны, где стоял столик с Блэки и Петой, послышался издевательский смешок, потом шушуканья и снова «Хи-хи-хи». Рина едко улыбнулась:

– Глупый ребёнок.

Трёхглазая тоже улыбнулась – коварно, слегка и снисходительно.

– И забывчивый. С памятью проблемы, не так ли? С тебя ещё четыре задания. И то мы крепко подумаем, стоит ли давать тебе Ключ, – вальяжно ответила Трёхглазая, сев удобнее и закинув ногу на ногу.

Все её три глаза слегка прикрылись и принялись разглядывать меня сверху вниз, как букашку под микроскопом.

– Если слишком много и крепко думать – может быть горе от ума, – проговорила я тихо, сдерживая гнев.

– Что?! Ты дерзишь Королеве?! Как ты разговариваешь с Богиней, мразь?! – Рина мгновенно вспылила и вспыхнула. Она угрожающе встала, в мою сторону полетело облако пара.

Я почувствовала себя внутри сауны, стало жутко горячо. Но отступать и показывать страх – нельзя! Трёхглазая мило положила руку на локоть фрейлины:

– Рина, она того не стоит. Ты же совершенно верно подметила – глупый ребёнок, что с неё возьмёшь?!

Терпеть не могу, когда обо мне говорят в третьем лице в моём присутствии, да ещё такие уничижительные вещи! Я едва не пыхтела, пытаясь сдержать желание кинуться на русалок и выцарапать у них все глаза – не важно, два или три.

– Иди поговори с Лексаэллой. Второе задание она тебе даст. И она же будет принимать его. Завтра. Если, конечно, хочешь Ключ по-настоящему, – Трёхглазая небрежным жестом отмахнулась от меня.

Я посмотрела на Лексаэлла. Она снова пристально и охлаждающе посмотрела на меня. Еле заметно кивнула – это означало требование подойти.

Мороженая русалка царственным взглядом указала на стул напротив неё. Я села. Стул оказался очень холодным, конечно же. Лексаэлла несколько секунд продолжала смотреть на меня в упор, а потом, слегка подавшись вперёд и опершись на локти, тихо зашептала:

– Следующее поручение – от меня. Дуэль с главарём Томберов. Его должен победить любой, кто ни разу не претендовал на престол Короля Мёртвых. Но не ты. Найдёшь такого поединщика, и если он победит Зелёного Червя – приходи завтра. Не найдёшь или твой человек проиграет – умрёт, и ты тоже умрёшь.

От её голоса и глаз-сосулк дышало космическим абсолютным нулём. Я задрожала от холода, мгновенно замёрз-

нув, и с трудом улавливала смысл её речи.

– Дуэль?.. С Зелёным Червём? Ясно... Но почему не я?

– Здесь ты не в том положении, чтобы задавать вопросы, – отрезала жёстко Лексаэлла.

– Я... и мой этот поединщик... кого я найду – мы должны убить Червя? – невзирая на то, что ледяная русалка-сосулька мне запретила спрашивать, я шла напролом.

– Мы не собираемся делать из благочестивых «беляшей» убийц. Достаточно, чтобы Зелёный Червь был повержен. Если, конечно, твой поединщик умудрится это сделать. В чём я очень сомневаюсь.

Лексаэлла насмехалась. Но никакой улыбки. Ледяное лицо, глыба айсберга вместо лица. Я растерянно сидела и мёрзла, пока она не напомнила коварным тоном:

– У тебя двадцать четыре часа, чтобы найти и убедить кого-то сразиться с Зелёным Червём. Тик-так.

Теперь я вскочила с этого проклятого ледяного стула как ошпаренная. И как только у меня пятая точка не примёрзла?! Снова услышала откровенно насмехающийся издевательский хохот Блэки и Петы. В животе поднялось что-то не приятное, потом ухнуло. Мне стало жутко тут находиться. Все пять русалок глядели на меня в упор, произносили про себя проклятья и молились, чтобы у меня ничего не получилось.

Я не помню, как выскочила из ресторана «Русалка» и доскакала до машины Коллинза. На улице изрядно потемнело,

началась ночь. Ниания всё ещё спала.

– Порядок? – спросил Коллинз.

– Бардак! – выдохнула я. Меня стало всё раздражать, и Коллинз с его нагло вато ухмыляющимся выражением лица в первую очередь. – Достало всё!

– Это только второй день. А тебе надо прожить пять до двадцать девятого.

– Катись к чёрту! Без тебя тошно, – честно призналась ему я.

– О, да тебя обратили на Чёрную Сторону, видать, – при- свистнул Коллинз. – Как всё запущено. Как мне страшно ехать с тобой в одной машине!

– Коллинз, миленький ты мой, не провоцируй меня! – за- шипела я.

– О, вот как разговор пошёл?

Не известно, каким бы кровопролитием закончилась наша перепалка, но тут наша бравая Чёрная Леди пошевелилась, открыла глаза и проговорила слегка осипшим голосом:

– Ребята, вы можете устроить ваш холивар в другом ме- сте? Я так хорошо спала, вы меня разбудили...

– Ниания! Ты очнулась! – я тут же обняла её.

Ниания ответила на объятие, слегка смущённая:

– Ну конечно же я очнулась, куда я денусь с подводной лодки? Клот! – Ниания тут же озабоченно и взволнованно взглянула на меня. – Ты была у русалок? Какое следующее задание?

– Они хотят моими руками теперь устранить Томберов. Они хотят, чтобы я нашла кого-то, кто сразится с их главарём. Ниания, только бога ради прошу тебя, не ходи, не ты!

– Подожди. С их главарём. С Масочником? – не догадалась Ниания.

– Нет. С Червём.

– С Червём?! Ишь куда хватили, – присвистнул Коллинз. – Они рассчитывают, что ты проиграешь, отвалишься. С Зелёным Червём не каждый может сразиться, не всякому он по силам.

Я с удивлением отметила, что вся его спесь испарилась, он вмиг стал такой же озабоченный и серьёзный, как Ниания.

– А ты можешь с ним сразиться? – осторожно спросила я.

– Я... я подумаю, – проговорил Коллинз, необычно для себя стушевавшись.

Ниания чуть не взбеленилась:

– Коллинз! Мы договорились, что будем помогать Клот! Это в наших интересах, в интересах Тьмы и Белизны не допустить перевеса Черноты! О чём может быть разговор? Ты пойдёшь, Коллинз!

Коллинз посмотрел на меня и спросил:

– Случайно в условиях задачи не было, что победить Короля должен тот, кто не претендовал на трон Короля Томберов?

– Э... было! А откуда ты знаешь? – подозрительно взглянула я на информатора.

– Русалки могли предусмотреть моё участие. Что я сильный маг и в принципе смог бы совладать с Червём. Но проблема в том, что однажды я формально претендовал на трон Томберов.

– ЧТО?! Карамба, Коллинз! Ты что, Чёрный что ли?! – распетушилась я, не зная, что и думать.

– Я Шакал. Шакалы дружат с Тиграми. У Тигров был некоторое время назад план по внедрению меня к Томберам. Это было ещё когда Химера Фобос и Профессор Зло не сидели в тюрьме. Мы прорабатывали совместную операцию, отслеживали томберов. Меня должны были к ним подослать, чтобы я занял высокие позиции. Но в самый последний момент Скорпион отменил приказ.

– Карамба! Коллинз, ты раскрываешься передо мной как бриллиант разными гранями! – не стала я скрывать.

– Уж таков я, каков я есть. Я мог засветиться. Томберы тщательно собирают досье на каждого, кто приближается к ним на расстояние ста километров. Я довольно близко общался с некоторыми из их высоких чинов в ходе того задания.

– Давайте исходить из ресурсов, что у нас есть. Идёт Противостояние Стихий, развязанное Трёхглазой несколько месяцев назад, – напомнила Ниания. – Зелёный Червь – Огневик. Его может победить Водник. Я – водник...

– Ниания, не смей! – это мы, к взаимному удивлению, крикнули с Коллинзом вместе.

Чёрная Леди смотрела на нас несколько секунд ошеломлённо, потом разразилась смехом:

– Вот это синергия! Я, конечно, рада за вашу сплочённость, ребята, но я же правда водник...

– Ниания, эти задачи Русалки задают Клот, а не тебе. Ты что, хочешь отжать у Клот её пять минут славы? – сострил Коллинз.

– Я хочу добраться до Скомато, хряпнуть сто грамм, отжав их у Мангуста, а потом разложить всё по полочкам, – призналась Ниания.

– Я с тобой, – я протянула ей руку, она горячо пожала её.

– Я тоже с вами, девчат, – Коллинз пожал наши руки.

– Клот, подними-ка волосы, – Ниания выглядела так, будто её осенила гениальная догадка.

– Волосы? – я села к ней спиной, взяла свои недлинные волосы в кулак и приподняла.

Ниания направила фонарик мне сзади на шею, так как в салоне авто интимно темно.

– Они выполняют гарантии! Поверить не могу! – обрадованно выдохнула она. – Всё, Клот, можешь опускать волосы. Твоя татуировка из пяти капель уменьшилась на одно деление!

– Правда? Но как ты узнала? – удивилась я.

– Говорю же – я водник. Русалки – тоже стихии воды.

– Ты тоже русалка?

– Типун тебе на язык, Клот! Уж лучше я предпочту быть

чудищем заморским, чем русалкой! – замахала руками Нияния.

– Поехали, чудища заморские, отвезу вас в наш монастырь, – Коллинз нажал на педаль.

Едва временная служанка Русалок убежала, Рина не стала скрывать возмущения, обращаясь к Королеве:

– Что она себя позволяет? Почему ты не убьёшь эту тварь, моя Королева? Она не стоит и капли твоего Божественного внимания! Равно как и нашего.

– Говори за себя, сестрёнка, – едко заметила тут же появившаяся рядом со столом начальницы-Королевы Пета. Они с Блэки, как и Лексаэлла, подошли послушать, что скажет Королева. Пета добавила: – Мне вот интересно наблюдать, как ползает эта букашка. Меня это забавляет. Я жду не дождусь, когда она поползёт выполнять моё задание! Лексаэлла! Что ты ей задала, она выживет?

– Ах, Пета, прости, но возможно, нет, не справится, – пожала плечами Лексаэлла равнодушно, окатив Пету волной неосязаемого ментального холода так, что русалка-певица аж передёрнула плечами.

– Да что ты говоришь! Да вы посмотрите, наша Лексаэлла шутить оказывается умеет! – расхохоталась Блэки.

– Замолчите, дурочки! – прикрикнула на них Рина. – Вы не даёте сказать Королеве.

– Мне невозможно не давать сказать, – мягко поправила её Трёхглазая, но посмотрела на Рину так, что у той затряслись поджилки. – Мне ведь тоже интересно наблюдать, как плавают мои фрейлины.

– Плаваем? И в чём же мы плаваем, моя Королева? – поинтересовалась умная Блэки, разом уловив метафорический смысл слова «плавать» – в значении плохо разбираться.

– Вот вы говорите – тварь, букашка, почему бы её не убить. А она мне начинает нравиться. Вы все видели в моём Шаре, как ловко она справилась.

– Не она. Её дружки. Любой дурак может привлечь дружков, если у него, конечно, дружки есть! – хмыкнула Рина.

– А вот и не правильно, Рина, – Трёхглазая посмотрела на фрейлину серьёзно. – Дружбу с такими дружками, какие у неё, ещё надо заслужить. Мне понравилось, как она повела себя. Идеальная тактика Чёрных. Бить по слабому месту, и в целом бить по тому, кто слаб. Хоть Августа и не слаба, но она хорошо моделирует слабость. Когда я заполучу эту служанку себе на вечное пользование, она будет почти что готовым продуктом, её не надо будет уметь учить бить по слабым местам.

– Что я слышу, моя Королева?! – ошалела Рина. – Ты хочешь взять её к нам? Ты серьёзно?

– А ты так ничего и не поняла, Рина? – теперь Королеву поддержала Блэки, смотря на «сестру» как на глупую дуру. – Паук прислал к нам самую лучшую. Элиту. Это наш шанс

ослабить Паука – отняв у него такого ваганта.

– Она ещё даже не вагант. Она нераскрывшаяся. Но это идеальное тесто, чтобы слепить из неё то, что нам нужно. Я вижу потенциал. Мы будем давать ей задания одно сложнее другого, – ухмыльнулась Трёхглазая. – Проверять на прочность и тем самым закалять. А ещё – тем самым восстанавливать против её дружков. В один прекрасный момент, когда ей станет совсем туго – мы ей всё расскажем. Про то, как Паук манипулирует её, даёт её нам на растерзание. Про то, что даже всемогущие Охотники – матёрые взрослые маги – палец о палец не ударяют, глядя как она барахтается в нашем Океане!

Трёхглазая торжествуяще засмеялась.

– Настанет время – и она будет наша.

– Я дала ей сложное задание, – равнодушно напомнила Лексаэлла. – Она вряд ли найдёт кого-то, кто справится с одним из лучших выпускников-убийц «Вененума», да ещё и опытным чёрным колдуном.

– Ничего, Лексаэлла. Пусть всё будет по воле нашей Чёрной Богини. Её испытание на прочность – прерогатива Чёрной Богини Соны, – прошептала Трёхглазая. – Наоборот, мне нравится задание, что ты ей дала. Если случится чудо и она кого-то найдёт, кто сладит с Червём – ещё одно очко ей в пользу как будущей Чёрной!

– Хорошо бы она нашла того, кто убьёт Червя, – скривила губки Пета. – Червь мне не нравится. Я говорила, что он –

не до конца наш.

– Да, он беляш! – поддержала Рина. – Я изначально сомневалась в его благонадёжности. Одно твоё слово – и мы с Петой на пару охмурим его, соблазним и убьём!

– Умерьте вашу жажду соблазнительных убийств, девочки, – мягко посмотрела на бунтарок-фрейлин Трёхглазая. – Зелёный Червь враг Августы. А Августа с недавних пор раздражает меня. Возможно, он тоже поможет от неё избавиться, как знать.

– Августа была нужна тебе, Королева! Ведь с помощью неё ты можешь добраться до возлюбленного, – удивлённо вскинули на Морскую Ведьму глаза четыре её верных фрейлины.

– Да, была. Пока я не нашла несколько других способов добраться до возлюбленного. В которых Августа не такое уж необходимое звено. Один из способов – как раз вот эта девочка, тварь, букашка. Второй – оставшиеся два Ключа.

– Зачем же тогда была нужна эта каша с Августой, эта канитель? На кой беляш надо было вызывать её? – задала резонный вопрос Пета.

– О, так она очень полезное оружие против беляшей, вы не находите? Она их злит, пугает, отвлекает на себя. И будет этим заниматься. Пока не созреет наша «букашка» или пока не случится чудо из чудес, и наш славный юный Халл тоже не созреет. Блэки, я надеюсь, ты не будешь повторять убийство Халла? – Королева строго взглянула на черноволосую кокетку.

– О, да что ты, Королева, зачем мне второй раз убивать Халла, вернее второго Халла? – Блэки с трудом скрыла разочарование – она как раз подумывала убить Дарти на днях. – Второй раз не интересно, я предпочитаю менять морячков!

– Так-то, – Трёхглазая снисходительно улыбнулась, слегка погрозив Блэки пальчиком. – Блэки, Пета, Лексаэлла, вы свободны. Можете заниматься морячками, кого не трогать – я вам только что сказала. Рина, – на Рину Трёхглазая взглянула особенно жёстко. – Нам с тобой надо поговорить. Очень серьёзно. У меня к тебе накопилось несколько претензий.

Рина побледнела. Она догадывалась, чем заслужила гнев Королевы – наверняка за самовольство в отношении юной Охотницы Воздуха, но до последнего момента думала, что ей всё сойдёт с рук. Но нет. Рина боялась гнева Королевы, и ей оставалось только надеяться, что гнев этот не будет слишком разрушительным. В один момент Трёхглазая с помощью Шара и третьего глаза телепортировала себя и Рину в параллельное пространство. Когда Королева и её проштрафившаяся фрейлина исчезли, Блэки, Пета и Лексаэлла пошушукались, посплетничали друг с другом, а потом вышли вон.

В эту ночь в городе неестественной смертью, связанной с водой, умерло несколько молодых мужчин.

Поединщик

Мы долго и горячо спорили, кого отправить драться с Зелёным Червём. Ниания настаивала, что это должен быть боевой маг, владеющий магией воды. Я вспомнила о Джейн – ведь в миссии со Сферами Сферы выбрали её как Водяную Ведьму. Но о том, чтобы выставлять против Червя мою лучшую подругу, не могло быть и речи.

Шрам и Мангуст убеждали Нианию, что Противостояние Стихий в битве с Зелёным Червём значения не имеет. Что нужно выставить поединщика, равного ему по силам, а стихия не важна. Мангуст уже почти убедил меня, что пойдёт он – несмотря на то, что он меньше весовой категории, ниже ростом и совсем не кажется агрессивным и напористым, как Червь. Коллинз же в наших дебатах и баталиях, не принимал участия. Он ушёл к Айрэнн, и Айрэнн тоже к нам не пустил, повторяя как дятел, что мы слишком шумные.

Пока Шрам, Мангуст и Ниания между собой решали, кто из них достоин драться с Зелёным Червём и устраивали мне смотрины-именины в духе «выбери меня», я думала мрачные думы. Запиликала рация. Когда я посмотрела, кто меня вызывает, удивилась и обрадовалась. Рикардо Кэпчук. Я зашипела на друзей, чтобы они потише кричали, но те меня в упор не видели и не слышали. Тогда я вздохнула, вышла из-за стола и направилась в коридорчик перед извилистыми

катакомбами жилых келий.

– Приём, Сорвиголова, – голос Грифона мне показался чересчур мрачным и угрюмым. – Тебе задание.

– Задание? – я растерялась. Хотела пошутить, что я занята, и что мне теперь задания дают только русалки. Но в самый последний момент сочла это наглостью со своей стороны. Напрягшись, выдохнула: – Слушаю.

– История про Лима Дункалса тебе известна.

– Да, Шакалы рассказали. Молодого человека убили русалки и отняли ключ. И с этого началась война.

– У Лима Дункалса была племянница.

Тут я напряглась сильнее. Грифон продолжил выдавать информацию кратко, дозировано, но мрачно и вкрадчиво.

– То, что я тебе рассказываю – тебе рано знать. Ни о чём не спрашивай. Всему своё время. Племянница Дункалса – Личина.

– Личина? – переспросила я.

– Не определившийся вагант. Тот, кто не знает, что он не человек. Её Метка настолько невидима и не проявлена, что мы с ней снова чуть не проштрафились, как с её дядей.

– Кто она?

– Охотница. Если она попадёт к Чёрным, они её иницируют, и она станет Чёрной. Либо убьют её, если сочтут, что возиться с ней долго и неудобно: нет ничего хуже убеждать того, кто считает себя человеком, в том, что он не человек.

– Охотница. То есть как её дядя Лим, как Мод – Охотница

Земли? – уточнила я.

– Она Охотница Воздуха. Очень редкий вид.

– Карамба! Грифон, так ведь... если ты Охотник Воздуха, ты же можешь её взять в ученики, и...

– Я не могу взять её в ученики, – отрезал мой коллега. – Не всё так просто. И она не простая. Я попытался дистанцировать её и её семью подальше от лап Чёрных, но мне не повезло. У меня было мало времени, чтобы провести необходимые проверки и убить того, кого надо было убить. В результате её слишком быстро нашли – сыграл на руку тот фактор, что за несколько дней до этого она успела спутаться с Томберами, а Томберы вездесущи как щупальца. Она сейчас у Томберов. Твоё задание – вытащить её.

Я сильно подвисла. То, что просил агент Кэпчук (который на минуточку даже не мой начальник) – не входило ни в какие рамки! У меня воздух задержался в лёгких, в горле – в зобу дыханье спёрло. Я закашлялась.

– Даже не представляю, как подступиться, Грифон. Я понятия не имею, где Томберы... Чтобы её вытащить, мне понадобится целый взвод... Так, – я постаралась успокоиться. Вдохнула-выдохнула. – Я сейчас попрошу Коллинза привезти меня на Базу. И мы поговорим, обсудим всё как есть. Ещё мне понадобится кто-то из моих начальников. Чтобы запросить ресурсы, людей, несколько десятков оперативных агентов для облавы на логово Томберов...

– Всё проще, чем ты думаешь. Придётся дать тебе под-

сказку, хоть мне и запретили.

– Кто запретил? – зацепилась я.

– Одно существо, которое недовольно моей серостью. Но так как я серый, небольшую подсказку дать тебе я имею право. Помнишь то задание, что тебе пытался дать Скорпион, когда ты поехала ко мне в гости?

– Задание... – начала судорожно я вспоминать. И меня пронзило озарение: – Это что-то связанное с Эдвардом! Я... карамба, я догадываюсь. Эдвард и эта девушка... они... в общем, они как бы почти пара... вернее.

– Этого ещё не хватало. Твоё следующее задание – не допустить, чтобы они стали парой ни в коем случае.

– Грифон, ты перегибаешь палку! Я тебе не антикупидон! Я вообще стараюсь держаться подальше от всяких любовных дел! – возмутилась я не на шутку.

– Мрия Дункалс не нужна всем Томберам, не нужна даже Масочнику. Она нужна единственному из Томберов, кто по-настоящему опасен, кто раскусил её сущность, – спокойно прервал меня Грифон.

Всё встало на свои места. Зелёный Червь. Ну конечно! По словам Грифона, он похитил Мрию, а Эдди... Какой ужас будет для Эдди, узнать, что девушка, которая ему нравится, в страшной опасности!

– Отбой, – вдруг проговорил Грифон.

– Грифон, подожди! – я почти взмолилась, едва не упав на колени в этом коридорчике Скомато. – Два вопроса! Где

их искать? У тебя есть наводка, где Томберы?

– Я полагаю, ты сама знаешь. К сожалению, я не могу говорить больше.

– И... и ещё вопрос... важно! Эдди – он – кто? Он человек или нет?..

– Отбой, Сорвиголова – Грифон на этот раз совсем отключился.

Я постояла со стучащей кровью в голове. Смотрела на рацию. Она неожиданно завибрировала, мигнула пару раз и замолкла. Я чуть не выбросила её к чёртовой бабушке, будто держала в руках сколопендру.

Через секунду до меня дошло, что кто-то прислал мне зашифрованное сообщение по скрытому каналу. Затаив дыхание, я вошла в систему, выбрала на дисплее «Расшифровать отправителя».

В следующий миг меня накрыла волна небывалого удивления и радости. Имя отправителя – Удав. Сейчас я растеряна, не знаю, что делать, на меня постоянно сваливается груз информации, и я ничего не понимаю. Я прячусь в Скомато, несколько суток не спала, не видела близких друзей, далеко от своего дома. Само обозначение «Удав» в графе «Расшифровать отправителя» придало мне сил, показав, что мир вспомнил о том, в какую дыру меня засунул, и решил дать передышку. Я почувствовала ободряющее присутствие друга рядом с собой, его тёплую руку у себя на плечах – ещё даже не расшифровывая сообщение. Я была готова побежать

к Коллинзу и расцеловать его за то, что он принёс мне эту рацию.

Несколько слёз брызнули из глаз и дорожками прокатились по щекам до подбородка. Захотелось, чтобы кто-то меня обнял. Кто угодно.

Коллинз прав – нельзя рассусоливать. Я прошла только первое задание, а впереди ещё четыре! Обнимашки устрою потом. С Джейн, с Питом. Я урегулировала сбивчивое дыхание, утёрла слёзы – пришлось сделать это быстро, потому что со стороны зала заходил в коридор кто-то из других Шакалов. Нажала на дисплее «Расшифровать сообщение». Рация показала, что на расшифровку уйдёт несколько минут, поскольку сообщение длинное. Не беда, подожду.

Вернулась к ребятам. Они выглядели сконфуженными, когда я подошла.

– Клот, мы пас, – пожаловался Мангуст. – Мы ничего не смогли придумать. Выбирай любого из нас, мы все готовы!

– Да, по условиям Контракта, ты имеешь право выбрать любого из нас, – подтвердил Шрам.

– Меня! – Ниания подняла руку и улыбнулась, пытаюсь ободрить меня.

Шрам и Мангуст, видимо, от неё устали, и решили признать её авторитет, поэтому они хором заявили:

– Не возражаем. Всё, как ты решишь, Сорвиголова.

– Я выбираю телефон.

– Что? Ты назначаешь телефонный аппарат поединщи-

ком против Зелёного Червя? Ух, эту эпическую битву надо видеть – Зелёный Червь против заколдованного телефона! Фильм ужасов! – развеселился Мангуст.

Нианию зыркнула на него с таким видом, будто уже отвесила ему знатный подзатыльник. Мангуст булькнул «Ой...» и замолчал, став смеяться теперь давящимся смехом.

– Ребят, я серьёзно, мне надо позвонить. Звоню другу.

– О! Это отличные новости! – Ниания радостно вскочила.

И прежде чем я опомнилась, она налетела на меня и крепко-крепко обняла. Прошептала:

– Мы с тобой. Поддержим любое твоё решение, ты знаешь.

– Знаю. Спасибо тебе, – я обняла Нианию в ответ.

– Эй, девочки! Вы же обе по мальчикам, разве не? – Мангуст почесал репу, с изумлением глядя на то, как мы с Нианией в душевных объятиях изливаем друг другу чувства вечной искренней дружбы.

– Такие девочки, как Сорвиголова и Чёрная Леди, по всем, приятель, – Шрам бухнул ему руку на плечо.

Наверное, им завидно, что мы обнимаем друг друга, а не их, этаких красавцев. Не заслужили! Были бы порасторопнее – сами бы первыми нас и обнимали! Я была готова показать им язык.

– Заткнулись бы, остолопы, – выдохнула Ниания, отпуская меня. – Пойдём, покажу тебе телефон!

Через несколько минут я набирала Эдварду. Я волнова-

лась. Предстояло огорошить его страшными новостями про Мрию, убедить пойти со мной к Зелёному Червию и драться. Вдруг он уже и думать забыл про Мрию и про наши тёмные делишки на кладбище? Вдруг он пошлёт меня, скажет – я не у дел, я тебя не знаю, не вмешивай меня, я хочу жить своей спокойной жизнью? Вдруг мой звонок для меня роковой, и он погибнет?

К тому моменту, когда Эдди взял трубку, я вся вспотела и замёрзла двести раз. Эх, а ещё смею поучительно-занудно выговаривать – «Самообладание, Эдди, самообладание!».

– Алё? – спросил он.

Такой спокойный, беспечный голос. Мне стало его жалко. Я почувствовала себя гонцом дурных новостей.

– Эдди, привет, это я, – тихо выдохнула я в трубку, чувствуя, как костяшки пальцев белеют от напряжения.

– Клот! Как я рад, что ты звонишь! Я тебе звонил, и... в общем... тебя не было дома.

– Звонил? – я напряглась. – Э... что-то случилось? – Я хотела оттянуть неприятный разговор как можно дальше, но ничего не выходило.

– Да ничего, просто так! Вот я общался с Джейн в школе, и она ничего про тебя не говорит. В общем... нет, ты ничего такого не подумай! Мне с тобой хотелось бы поболтать... это не свидание, если что! – голос его стал возбуждённый, но я чувствовала там смущение.

– Эдди. Да пусть хоть и свидание, к чему такие комплек-

сы?!

– Ну не знаю... Большинство не верят в дружбу мужчины и женщины. Парня и девушки, я хочу сказать. Просто в дружбу, без всяких там любовей-морковей. В обществе мужчине и женщине дружить не принято, и... короче, забей. Не обращай внимание, я говорю глупости. Я бы хотел с тобой дружить.

– Мы и так дружим. Только... Я вот тебе звоню, и ты... возможно возненавидишь меня, – я начала подготавливать Эдди к шоку.

– Да ты что! Такого быть не может! Я тебе не верю!

– Эдди, мы с тобой три дня не виделись. Произошло многое. Три дня назад я была уверена, что никогда больше в жизни, ни при каких обстоятельствах я тебя не попрошу и не заставлю вмешиваться в мою работу...

– Клот! – пронизательности Эдди можно было позавидовать. Он перебил меня и тут же заверил, серьёзным голосом: – Ты на меня можешь полностью рассчитывать. Я готов ко всему. Тем более, что я чувствую себя в тебя в долгу.

– Ох... я не знаю, как сказать. В общем, Мрия снова в опасности. Её похитил Зелёный Червь и держит в плену, предположительно в Глуме. Мне так только что сказал мой коллега. Я сама нахожусь эти три дня не дома, потому что я и мои друзья объединились, ведём подпольную войну против томберов. Это долго рассказывать. Я должна спасти Мрию, но и... как бы... вынуждена просить тебя присоединиться.

Не только для того, чтобы спасти Мрию. А ещё... там... всё это сложно, но... нам с тобой нужно вызвать Зелёного Червя на дуэль и сразиться с ним. На этот раз убежать и стрелять в него исподтишка со спины не получится.

Всё это я произнесла на одном дыхании, сбивчиво. Эдди слушал так тихо, что я подумала, что разорвалась связь, и испуганно пролепетала:

– Алё...

Услышала дыхание. Немного успокоилась. Эдди долго не говорил. Я тоже долго не подталкивала. Потом я услышала то, что совершенно успокоило меня относительно Эдди:

– Клот, я понял. Я... у меня была интуиция, что наш гештальт с Червём не заверён. Гештальт – так любит Джейн говорить. Мы можем увидеться с тобой до того, как пойдём на эту дуэль?

– Да, конечно. Я могу приехать к тебе. Я сейчас в Румбе, и...

– В Румбе? Где это?

– У чёрта в заднице. Давай я приеду к тебе в три часа дня завтра... то есть сегодня, уже ведь поздний час. Мне до этого времени нужно подготовиться. Я очень сожалею, что не смогу тебе всего объяснить, почему именно мы должны сражаться.

– Что значит – почему именно мы? Зелёный Червь – наш враг. Мы же не можем попросить кого-то, скажем, наших одноклассников или родственников пойти решать с ним про-

блемы? – ободрил меня Эдвард.

Я поражена. Думала – придётся объяснять ему, почему должен пойти он со мной. Но Эдди мой двойник. Он предан мне. Чем я заслужила это? И как мужественно он воспринял новость о Мрии. Ничего не переспрашивал, не требовал доказательств и подробностей. Настоящий друг, надёжный как скала.

Но как мы будем драться с Червём? Он чертовски силён, владеет магией. Если только попробовать обмануть его, как мы обманывали Августу.

Рация в моём кармане издала короткую вибрацию. Я вытащила её и увидела, что это уведомление, что сообщение Удава расшифровано. Отправилась в свою келью его читать.

Приветствую, Сорвиголова! По-настоящему впал в осадок, когда получил твоё зашифрованное сообщение. Первая мысль – бросать всё здесь и ехать к тебе на разборку – так ты меня напугала и обескуражила. Прости, что отвечаю так поздно. Мне надо было собрать факты. В картотеке у Два-Девять я всё выяснил. Теперь всё встало на места.

Вермис Верте, Зелёный Червь, пять лет назад был моим лучшим другом и братом. Почти как сейчас Шпындель. Когда ты написала, что он враг нашей организации, а значит и мой тоже – я не знал, что думать.

Из-за того, что случилось в V и того, что сделал Верте, мне неприятно вспоминать про V. Я там научился многому, но

одновременно с этим несколько месяцев нахождения в школе V – самый плохой период в моей жизни, что я бы изо всех сил хотел вычеркнуть и забыть навсегда.

Нет, я не правильно выразился. Верте не сделал ничего плохого. Наоборот, он пожертвовал собой. Ради меня, хоть я этого не стою. Возможно он даже пожертвовал судьбой и душой, раз сделал теперь выбор быть нам врагом.

Если кратко, то в V существовали изуверские формы экзаменов. Секретные приёмы, вроде того, что ты выцыганила, чтоб я тебе показал – на самом деле ничто. Нас обучали убивать без всяких сожалений. Нас учили предавать, уничтожать в себе все установки и догмы о морали, учили настраиваться на убийство собственного ребёнка, отца или матери, уничтожать в себе малейшее проявление человечности. До финала доходили не все. На поток зачисляли, скажем, пять десятков, а на последний экзамен приходили человек пять. Последний экзамен предполагал, что остаётся только один – тот, кто до конца проходит курс V.

Так вышло, что до последнего экзамена в том потоке дошли я и Верте, остальные «отвалились». Мы хорошо подружились, конечно, узнали слабые места друг друга. В V последний экзамен предполагал настоящее убийство. То есть мы с ним должны были убить друг друга. Я узнал об этом от Верте – преподаватели всё скрывали. Но морально был готов бежать, хоть и очень противился этому. Я предупредил Верте об этом, он тоже сказал, что готов бежать. И мы поклялись

друг другу, что как бы нас не настраивали тут друг против друга, на нашей дружбе это не отразиться.

В последний момент перед экзаменом Верте сбежал. Я бежал следом, и бежал домой, понятное дело. Преподаватели объявили нас трусами. Кое-кто из них даже вздумал клеветать на меня – что мол эта моя ответственность, что я его не убедил остаться и даже что это я всё подстроил. У меня выходило так, что баллы по хитрости и изворотливости были больше, меня там прозвали «Удавом-на-сковородке». Червя называли «Палочковидным Червём» из-за его прямоты как у палки. Но сейчас я понимаю, что всё это полная ерунда.

Да, Верте сбежал с концами, исчезнув, а меня как дезертира подвергли позору. Моему отцу выговаривали, что я трус, но отец чуть не урыл в землю того препода-ничтожество. После чего он сказал мне, чтобы я не обращал внимания на всякие отбросы, не брал в голову – а из обучения в V вынес бы только самое полезное. Я потом пытался найти Верте, но не нашёл и махнул рукой. В V до самого последнего момента он был мне другом, я готов повторять это бесконечно. Втайне я все эти пять лет надеялся, что Верте жив и что у него всё хорошо – вплоть до того, как ты мне написала.

Могу только предполагать, почему он стал врагом – он мог связать нашу организацию и руководство школы V. Но школа Venenum не имеет никакого отношения к ТДВГ, это сторонняя, независимая структура. Отец так и сказал – какое г...но бы не творилось в V, ни ТДВГ, ни тем более моя тро-

юродная тётя Лонда, которая меня туда командировала, не имеют никакого отношения. Кстати, я узнал, что после этого случая с бегством Верте и моим отчислением ТДВГ перестала сотрудничать с V.

Вчера мой отец сказал, что я и Верте в этом последнем потоке были самыми лучшими. «Двое самых отборных наёмных убийц на планете. Они отчислили тебя, потому что испугались. А Верте сбежал, потому что мог не удержаться и переубивать весь преподавательский состав».

Слабых места в бою у Верте два. Первое – он имеет рану под левой коленкой. Эту рану нанёс ему я, случайно, в одном из первых тренировочных боёв. Так вышло, что после этой раны мы подружились. Я ранил его, потом пришёл узнать, как его дела, а он признался, что зауважал меня, признал как более сильного противника – до меня его никто не мог даже поцарапать. Если ему изо всей силы ударить под левую коленку, ему будет очень больно, но во всех других местах он практически неуязвим для боли. Нас учили не чувствовать боль, а когда я его ранил – я задел ему важный нерв.

Второе – он левша. Он часто бьёт слева направо, любит обманные маневры. Ему не даётся сабельный бой, если противник подкрадывается слева. Я могу предполагать, что у него нарушение бокового зрения на левую сторону. Но в тренировочных боях, когда я это просёк, часто этим пользовался и побеждал. Потом он раскусил тоже моё слабое место и тоже смог побеждать, но какое у меня слабое место – я тебе

не скажу, а скажу только если мы станем врагами.

Я бы поговорил с ним. Попытался бы убедить, что ТДВГ никакого отношения к зверствам в V не имеет. Но тут решать не мне, я ведь не знаю всех обстоятельств, чтоб раздавать непрошенные советы.

У него есть внутренний кодекс чести. Если он его не лишился – то лучше поговорить с ним, а не использовать слабые места. А если лишился, то ничего другого не остаётся, как убить его. Но ещё раз говорю – я бы поговорил. Мне жаль, что так с ним вышло. Я бы предпочёл, чтобы когда мы бы встретились с ним, он продолжал быть хорошим другом. Я многому научился благодаря Вермису и его кодексу чести. Без Вермиса я бы продолжал быть глупым оболтусом-клептоманом с мозгами меньше чем цыплёнка. Каким в сущности был до того, пока тётя не заставила отца отправить меня в V.

Пиши мне почаще, Сорвиголова. А ещё лучше – приезжай. Очень по тебе соскучился, с каждым днём всё невозможнее! Обнимаю и дико хочу сделать это по-настоящему!

Я тоже очень захотела обнять Удава, но он в нескольких сотнях километрах от меня. Его послание вселило надежду. Теперь я знала кучу ответов на вопрос, как нам сразиться с Верте.

Мод давно не спала, но ей необходимо получить ответы. ТДВГ выделила учительнице-Охотнице просторный кабинет с несколькими столами и шкапами, удобным стендом с оружием, и теперь это всё покрыто книгами, свитками, газетными вырезками, компьютерными распечатками. В некоторых местах лежали магические предметы вроде камней для Охотничьего Жезла, пучки сушёных трав, ветки деревьев, изделия-талисманы.

Мод пыталась расшифровать загадку Паука. На эти поиски её вдохновило посещение Тёмного Храма Охотников. Она прочитала мысли Храма. Как и Грифон, увидела свою фреску – эта фреска откликнулась внутри неё и словно позвала за собой. С тех пор Мод потеряла сон.

Аманда волновалась за её состояние и здоровье. Она несколько раз заглядывала к Мод, но Мод настойчиво утверждала, что всё в порядке, и ей надо поработать одной. Когда Аманда зашла в очередной раз, встала в дверях, скрестив руки и смотря на Мод уже не обеспокоенно, а строго, Мод поняла, что дальше злоупотреблять тревогой подруги не имеет смысла.

– Мод, послушай, тебе нужно быть в форме. Хоть нас и отстранили от боевых действий с Чёрным Орденом, ничто не вечно. Когда мы понадобится, мы не должны быть размазнями.

– Я почти закончила, – выдохнула Мод. Она почувствовала, насколько сильно измотана.

Работа с древними текстами, напряжённый умственный труд плюс энергия на магические акты и контакт с колдовскими предметами для получения информации высосали из Пантеры все соки.

– Ты можешь закончить после того как поспишь. Вы, рыцари, спите мало, я бы предложила часа три хотя бы.

– О, терять три часа на сон для меня непозволительная роскошь! – выдохнула Мод.

– Я знала, что ты так скажешь, – Аманда вошла в кабинет Мод и ободряюще улыбнулась подруге. – Всё получится. Скорпион и в ус не дует – а это значит точно всё сложится.

– Скорпион успел отрастить себе усы? – пошутила устало Пантера.

– Если бы, – хмыкнула Аманда. – Скорее он отрастит усы своим ученикам и даже ученицам, чтоб по ним текло, да в рот не попадало. Но довольно про него сплетничать, и так Чёрный Орден ему косточки без конца перетирает, он небось весь изошёл от икоты! – Аманда любила подтрунивать над коллегой и товарищем, потому что он подтрунивал над ней. Но при этом они трепетно уважали друг друга.

– Да, я прочитала твои мысли. Ты имеешь в виду, что пора перетереть косточки Чёрному Ордену, – слабо улыбнулась Мод. – Вот что я узнала.

Обе женщины присели на небольшой диванчик, сдвинув и переложив на пол лежащие там кипы книг и папок.

– Есть плохая и хорошая новость. О демоне, да. Новость

плохая – отозвать её не получится.

– Почему? – уточнила Аманда.

– Я изучила эту копию Абриуса Месциуса, демонолога. Старую книгу, что вы добыли у томберов, когда вербовали Грифона, да. Для вызова демона высшего порядка, помимо крови сильных магов, и помимо Ключа Инферно, использовался ещё один компонент. Называется Акт Закрепления. Для того, чтобы демона нельзя было отозвать, выбирается человек, душа которого замещает демона в Инферно, как только демон попадает сюда. По закону сохранения энергии, где убыло, там и прибыло. Если бы такого человека не было, мы могли бы отозвать демоншу назад, едва бы к нам попал Ключ Инферно – пусть даже не убивая её. Ключ Инферно обеспечивает ей формальное бессмертие и свободу деяний в этом мире – об этом свойстве говорил Чар.

– Получается, человек, что замещает Августину, уже умер, заместил её... – проговорила Аманда, быстро сообразив. – Эти подлые Томберы всё просчитали!

– Это не Томберы. Я узнала, что ноги растут от Крампа. Он впервые узнал о Месциусе, добыл и размножил копии его книги. Та копия, что вы конфисковали в марте – не единственная. Крамп уже давно хотел вызвать Августину. Он поработил ум молодого гения, Ромео Нельсона. И тот согласился на обмен душ. Мне кажется, Рикардо знает об этом. Я попыталась прочесть его мысли, но он закрылся, естественно, и... в общем, мы с ним не разговариваем.

– Когда вы с ним успели рассориться?!

– После того как побывали в Храме. Он вышел из Храма последним, а я... в общем, подловила его, застала врасплох, можно сказать. Понимаю, делать этого не следовало бы... Когда он вышел, он думал про Нельсона. Он считал этого человека лучшим другом, то есть у него были основания доверять ему.

– Грифон тебя простит и остынет быстро, не парься даже, – махнула рукой Аманда. – Полезно забираться к нему в голову и вообще полезно делать с ним такое, что сбивает с него спесь. Он не способен держать обиду, это не в его стиле – тем более на тебя. Он в тебе души не чает на самом-то деле.

Мод слегка смутилась. Она была уверена, что подруга шутит, чтобы её подбодрить. Но ей стало приятнее от осознания, что Аманда, возможно, права, и Грифон не дуется на неё.

– Значит, Крамп. Что ж, предсказуемо. Я бы ещё добавила, что можно догадаться о причинах его конфликта с Коримом. Корим похитил его секреты и научно-магические наработки, чтобы использовать самому, то есть сообразить на троих с Зигами. На месте Крампа я бы тоже облила лицо Корима кислотой и не только лицо! – размышляла Аманда. И тут же вздохнула. – Что ж, сделанного не воротишь. Значит, остаётся только убийство Августины тем магом, кровью которого её вызвали.

– Мы с тобой знаем этого мага. Она совершенно не гото-

ва, – вздохнула Мод.

– Паук послал её на переговоры к Трёхглазой! – напомнила Аманда, тоном слегка оскорблённого достоинства. И напомнила: – Она моя подчинённая.

– Я не имею цель принизить её способности. Даже я, Охотница Земли, не смогу сразиться с Августой, если бы стояла такая цель. Даже Скорпион не сможет убить её. Даже ты, даже Грифон. Но если прямо сейчас посылать к Августине твою подчинённую – это поражение! Это как отправить девочку с ножом против водородной бомбы.

– Скорпион подготовит её. Даже Грифон с большим энтузиазмом начал ею заниматься. Она справится. Пусть не в этом году, но в следующем – точно. Но довольно о плохом. Ты говорила – есть хорошая новость. В чём она? – Аманда, как всегда, настроена на позитивный лад.

– Хорошая новость в том, что... кажется, я нашла следы, где может всплыть Ключ Забвения.

Аманда вся подобралась. Она замерла на несколько мгновений, потом медленно проговорила:

– Пантера. Вот с этого места поподробнее, пожалуйста. Это очень важно. Если мы сейчас сыграем на опережение, в следующий раз локти будет себе кусать Трёхглазая, а не мы! Пантера принялась излагать ход своих исследований.

Снег мерно шуршал и скрипел под ногами. Сегодня улицу

сковал особенный мороз. Словно это Лексаэлла Тайрус нам сопутствовала. Нам не холодно, потому что адреналин зашкаливал, и мы не чувствовали вообще ничего, кроме жажды поскорее разделаться с Зелёным Червём.

Эдди не задавал лишних вопросов. Когда мы с ним встретились перед нашей опасной миссией, он был серьёзен, сосредоточен, напряжён – но не напуган и не растерян. Эдди убеждал, что верит в меня.

Мне даже казалось, что он верит в меня и верит мне ещё больше, чем я сама себе. За последние три этих сумасшедших дня моя самооценка изрядно давала сбои. Я шла буквально в темноте, вслепую, не знала, что и зачем мне делать, я не знала – кто или что меня ведёт и ведёт ли. Я доверилась бурному течению событий, этому ужасному стремительному потоку. Барахталась в нём, пытаюсь обрести контроль, но всякий раз почва уходила из-под ног. Так могли действовать чары русалок. Так действовала моя неопытность, глупость, желторотость.

Пока мне везло. Русалки задали мне такие задания, чтобы я сломалась, не сдюжила. Но находились нужные люди, друзья подкидывали информацию. В один прекрасный момент что-то может пойти не так. И это запросто может случиться именно в последний момент: 29 декабря. Я боялась этой даты.

– После того, что ты мне рассказала, я уделаю его с лёгкостью! – Эдвард бодрился. – Я всё запомнил. Я умею драться.

– Я видела, знаю. Извини, что втравливаю тебя в это.

– Не начинай, Клот! Это я тебя втравил, это я должен на коленях у тебя просить прощения, и буду! После того как убью его. Это меня чёрт дёрнул за язык рассказать тебе про Мрию. Сам не знаю, что на меня тогда нашло.

– Всё в порядке, Эдвард. Так надо было. Эдди, постой.

Я остановилась, Эдди тоже. Нам осталось преодолеть считанные метры. Вот тот самый дом, где случилась моя стычка с Червём, после чего я полетела в канализацию. Тело почувствовало неприятную дрожь. В горле стало сухо. Мои руки, ноги и туловище вспомнили мощные увесистые удары Червя.

Он бил больно, но не смертельно – теперь я это осознала в полной мере. Бил чтобы проучить, запугать, деморализовать. Но не чтобы убить. И даже не чтобы сделать инвалидом, между прочим. Он не хотел тогда меня убивать, хотя мог, запросто! Раз сам Царь Упырей, Брюс Тенбрук (отец Удава) называл его одним из двух лучших убийц на планете.

Кодекс чести. Что за кодекс чести?

Эдвард смотрел на меня, ждал, что я собралась ему сказать.

– Он не-человек. Я не знаю, что у него за сверх способности – от русалок ли, от демонов, либо он сам по себе владеет такими сверхспособностями. Я мало знаю о не-людях. Но исходя из того, что я читала в книгах и что мне говорили, известно следующее. Эти сверхспособности, их применение

тесно связаны с психологическим настроем. Важна постоянная осознанность, присутствие здесь и сейчас. Важна концентрация. Важно убрать прочь все эмоции, оставить только созерцание и реагирование. Важно прислушиваться к интуиции. Я не знаю, насколько нам это с тобой поможет, но давай сейчас просто вдохнём побольше воздуха и прикажем себе сохранять самообладание – что бы ни случилось. Самообладание, Эдди, самообладание.

– Да, Клот. Я понял. Меня папа-бизнесмен этому же и обучал. Он говорит – на деловых переговорах могут попадаться разные типы. В том числе акулы. А они любят жрать более слабых оппонентов. «Ты, – говорил мой папа, – всегда будь спокоен. Истинный мужчина всегда спокоен». Он на этот счёт шутил, кто не спокоен – тот не мужчина и даже не женщина, потому что женщины должны быть в два раза спокойнее мужчин – ведь часть этого спокойствия они передают детям, обучают детей спокойствию, и поддерживают мужчин. Прости, углубился в философию. Да, я нервничаю, я признаю своё страх, принимаю его и отпускаю.

– Давай руку, ты меня убедил, что я должна быть в два раза спокойнее тебя, – я протянула ладонь, Эдди взял её. – Давай вторую.

Мы соединили обе наши руки, встали друг напротив друга.

– Закрой глаза, – тихо скомандовала я.

– Есть, сэр, – Эдди теперь улыбнулся чуть более расслаб-

лено.

– Дыши. Воздухом. Снегом.

– Снег... Снег – это вода... – вырвалось у Эдди.

– Даже в воде прячется огонь, – вырвалось у меня.

Мы выпали из реальности. Наша совместная медитация и настрой подействовали. Мы дарили друг другу то, чего у нас не было в тот момент. Мы дарили друг другу самообладание и храбрость.

– Я бы хотел, чтобы ты оставалась моим другом. Чтобы мы встретились в следующей жизни тоже как друзья или как родственники. Если я проиграю, а ты решишь вступить в бой и выиграешь, позаботься о Мрии.

Меня кольнул большой страх. Глядя в тёмно-серые, одновременно хитрые и наивные глаза Эдди, я осознала, что могу видеть его живым в последние минуты. Наверное, наше тайное прощание напоминало в тот миг сцену из дешёвой мыльной оперы, но нам не до того, как мы выглядели. Мы в тот миг были настоящими. Нам страшно. Мы шли на битву с врагом, который в первый раз заставил нас позорно бежать, во второй раз победил меня в драке как тряпичного котёнка.

Поднялась пурга, метель. Как из ниоткуда.

Мы пошли вперёд, обогнули дом, вышли на пространство-площадку перед логовом Томберов. И увидели их.

Хищник и жертва, охотник и трофей, ловец и добыча. Он ждал нас, русалки или иные осведомители-томберы его, должно быть, предупредили, что мы придём. Он стоял на

фоне логова Томберов, а Мрия в его власти. Червь по-собственнически оплёл её руками, она крепко прижималась к нему, доверчиво пристроившись на его груди, обхватив его плечи. Я догадалась, что Мрия под сильным гипнотическим воздействием. Ведь когда мы с Эдди вывозили её из этого страшного дома, Мрия до смерти боялась Верте и ту русалку.

Верте с видом победителя и нескрываемым превосходством смотрел на нас. Мы с Эдди одновременно на уровне интуиции осознали, как жалко мы выглядим. Двое беспомощных деток пришли просить у матёрого злодея отпустить третью беспомощную детку и не бить их при этом больно.

Мы потеряли сразу почти все очки. Зелёный Червь уже победил нас. Не одним прицелом – а взглядом в нашу сторону. Эдди остановился нерешительно. Его лицо нахмурилось, посуровело, глаза заблестели, но я чувствовала его страх. Так хмурится щенок, готовый залаять на волка. Возможно твякнет один раз, а потом со скулёжем убегает, поджав хвост. Сама я тоже изрядно растерялась. Вроде как мне нужно что-то сказать Червью или Эдди, или Мрие...

Внезапно до меня дошло. Это Червь воздействует на нас! Его чары. Он же у нас колдун?! Раз он загипнотизировал Мрию, то может подчинить и нас. Фигушки! Я положила Эдди руку на плечо, мягко и настойчиво подтолкнула его вперёд.

– Пошли, – шепнула я.

Эдди еле заметно кивнул.

Мы подошли ближе. Метель завывала. С наших голов чуть не поносило шапки. Метель мешала нам приближаться к Червью, мы шли против ветра. Червью же ветер дул в спину, ему, должно быть, хорошо. Он, ухмыляясь и сжимая в объятиях Мрию, продолжал смотреть на нас.

– Я вызываю тебя на бой. И я привела поединщика. Ты будешь сражаться с ним. Сначала отпусти девушку.

Набравшись храбрости и наглости, я выпалила это как пулемётчик. Червь перестал ухмыляться и поглядел в упор на меня и на Эдди. У меня затряслись поджилки под его гнетущим, давящим взглядом. Захотелось убежать. В его глазах сочилась сама чернота.

«У него есть внутренний кодекс чести. Если он его не лишился – то лучше поговорить с ним, а не использовать слабые места. А если лишился, то ничего другого не остаётся, как убить его».

Очень жаль, Удав, но кажется, твой экс-друг лишился не то что кодекса чести – а самого себя. Это не тот «Палочковидный Червь», кого ты считаешь светлым воспоминанием о V. Червь смотрел на нас несколько секунд, минут, часов... дней, недель, лет... Прежде чем выплюнул слова из глубины жестокости и жажды разрушения:

– Я твоего Сморчка разделаю за пять секунд, закатаю в асфальт. А потом примусь за тебя, куклёрка. В тот раз я не стал тебя мочить, потому что мне понравилось тебя мутузить. Я готов делать это снова. Молись, чтоб я сегодня чуть

не рассчитал свои силы, и твоя гибель была бы относительно быстрой, хоть и болезненной.

Выплюнув эти гадости, Червь скосил глаза на Мрию, зло и коварно усмехнулся и прошептал еле слышное шипящее заклинание. Мрия вдруг вздрогнула, словно с неё спала пелена сна. Она пришла в себя, её сознание вернулось. Она поняла, где находится, и увидев Верте совсем близко, в ужасе вскрикнула и расширила глаза. Червь отшвырнул её от себя так, как стряхивают надоедливое насекомое. Мрия чуть не упала, я успела подхватить её. Бой начался внезапно. Пока я помогала Мрии, Эдди с рёвом:

– Я тебе не Сморчок, ползущая простейшая субстанция! – ринулся на Червя.

Он хотел сыграть на эффекте внезапности. Я обратила внимание, что Эдди нацелился в левую коленку, попытался нанести первый удар туда! Молодчина!!!

Червь увернулся и принялся бить Эдварда. Скоро он повалил его на землю, но в Эдди проснулся ловкий акробат, видимо, впрыснулся адреналин, и он чудом укатился от Червя, на ходу пытаясь встать. Червь настиг его, они оба повалились, принялись драться уже лёжа не земле. Потом оба вскочили. Они передвигались так стремительно, что мне пришлось, чтобы они нас с Мрией не зашибли, оттащить перепуганную девушку в сторону.

– Где мы? Что происходит? Где папа и мама? Почему я здесь, опять?! – по её лицу потекли слёзы. Бедный ребёнок...

Я крепко сжала её руку и прошептала:

– С ними всё в порядке. С тобой тоже скоро всё будет в порядке.

Я не уверена в том, что говорю. Однако Мрия в таком состоянии, что вот-вот впадёт в истерику. А я совершенно не умею управляться с девушками в истерике. Когда человек начинает проявлять сильные эмоциональные состояния вроде слёз, гнева, ора, метания грома и молнии – я теряюсь.

– Эдди... – прохрипела Мрия, громадными глазами смотря на Эдварда, узнавая его.

Эдди не в выгодном положении. Верте гораздо сильнее. И физически, и в части мастерства боя. В основном Верте атаковал, Эдди защищался. У моего поединщика уже разбито лицо, течёт кровь. Они дерутся пока врукопашную, но что будет, если Верте вытащит оружие?!

У меня с собой степлер. Я могу выстрелить, в любой момент. Но если я выстрелю в Верте – я предам и подставлю себя. А ещё друзей-Шакалов, коллег, начальников. Белую Страну. Ведь если я сама вероломно завалю Верте из транквилизатора – то будет означать, что я не справилась, проиграла.

Эдди старается как может. Подкрадывается слева, целится в левую коленку. Но попасть туда непросто, не удобно физически в стремительном бою ударить врага аккуратно под левую коленную чашечку ботинком. Тем более такого врага, как Верте.

Эдди удаётся толкнуть Верте в левую ногу, но Верте тут

же валит его на землю и жестоко избивает.

– Эдди!!! Почему это происходит?! Почему?! – Мрия бьётся в истерике. Я держу её. Мне физически и морально тяжело. Но Мрие не объяснить того, что знаю я и тем более того, что я не знаю. – Почему мы не вызовем полицию?! Его же убьют! – Мрия смотрит на меня сквозь слёзы, ручьями текущими по её симпатичному невинному лицу. Её взгляд осмысленный. Она требует ответа.

– Они должны закончить бой. Это дуэль. Эдди сражается за тебя, – первые две мои фразы правда. Третья – ложь.

Эдди не за Мрию сейчас дерётся. Он бьётся за Ключ. За Белую Сторону. Даже в какой-то степени – за меня. Да, за меня, ведь он мой поединщик! А может, всё же за Мрию?!

– Тогда и я! – внезапно выдыхает Мрия в большом отчаянии. – Я тоже буду сражаться! Драться!

Мне стоит немалых трудов удержать её. Хорошо ещё, что Мрия ниже меня ростом, легче и не такая спортивно подготовленная.

– Тебя зашибут! – предупреждаю.

– Почему так происходит?! Почему со мной это всё случилось?! – она перестаёт вырываться, плачет, готова опуститься на снег.

Снег под сражающимися уже окрасился кровью. Они слишком быстро передвигаются, бьют друг друга. Во мне проскользнула злорадная радость, когда я увидела окровавленное лицо Червя. Теперь они квиты!

– Я пойду и прямо сейчас убью его! Он пытался отдать меня какой-то женщине! Он обманывал меня, охмурял! – Мрию бросает из крайности в крайность. Я и не подозревала, что девушка окажется столь хлопотной.

– Мрия, – с трудом перехватываю её за плечи и немного встряхиваю. – Посмотри на меня, Мрия! – строго, как с котёнком, заговариваю я с ней. – Это их бой, и они его завершат. Должен победить только один, понимаешь? Это не хулиганская драка стенка на стенку!

– Мы не можем стоять и смотреть, Эдди убьют! – спорит бедняжка.

Пока я отвлеклась на Мрию, упустила переломный момент. Эдди удалось подобраться к Верте близко, видимо, он использовал обманный маневр.

Верте готовится вскочить с земли, куда, видимо, упал, а Эдди ударяет ему по левой коленке, пинает со всей силы как футбольный мяч. Верте злобно зыркает на Эдди. Вижу неподдельное страдание на его лице, и мне на короткий миг его жалко. Но вспоминаю, как он меня бил, и жалость схлынула. Также страдание быстро схлынуло с лица Верте. Он владеет навыками гасить боль в зародыше. Но этого мига хватает Эдди, чтобы нанести ещё один удар.

В этот раз мимо. Верте встаёт и, хромя, надвигается на Эдди. Тот снова пользуется тем, что противник замедлился и ослаб, подкрадывается слева, бьёт. После удара Верте покачнулся. И тут происходит то, что сильно пугает меня: Верте,

оказывается, притворился! Эдди, желая снова уронить Верте на землю, добить его там, подбирается в очередной раз близко слева. Но Верте вдруг быстро меняет положение тела и со всего маху бьёт Эдди сначала поддых, потом наотмашь в голову. Эдди падает, Верте хватает его, раскручивает и швыряет в нашу сторону как тряпку.

Мой поединщик падает передо мной и перепуганной Мрией.

Мрия пискнула, зажала рот и лицо руками. Эдди не подаёт признаков ни жизни, ни сознания. Его лицо всё в синяках.

Зелёный Червь утирает рукавом кровь с расквашенного лица. Он особенно страшен в этот момент. Его глаза излучают торжество и адский смех. Ухмылка превращается в дикий оскал.

– Ну что, куклёнка, Сморчок твой подох, да? Ты следующая! А потом я Мриюшкой займусь, причём с удовольствием! – хрипит он.

Его руки опущены вдоль тела. Он поднимает их слегка, разводит в стороны. Над правой и левой ладонью уже клубится чёрное пламя, синее искры... Тут я понимаю, что это конец. Русалки наверняка уполномочили Верте убить меня, в случае неудачного поединка.

Тогда я забыла напрочь про оружие. Да и вряд ли бы усыпляющий пистолет помог. Как замороженная смотрю на Верте, как он колдует. Чёрное пламя нагнетается, делается больше, опаснее. Этой штукой он меня и ударил тогда... Сейчас

мне не несдобровать.

Делаю несколько шагов вперёд, чтобы заслонить Эдварда и Мрию. Эдвард лежит бездыханный, Мрия стоит в ступоре, ни жива ни мертва от ужаса. Делаю эти шаги ближе к врагу. Он ухмыляется, выжидает. Ну-ну, мол, подходи ближе, получишь расплату за своё легкомыслие и глупость!

Я судорожно начинаю думать, что делать.

«У него есть внутренний кодекс чести. Если он его не лишился – то лучше поговорить с ним, а не использовать слабые места».

Поговорить...

Удав до сих пор верит в него – так он написал в письме.

– Послушай, Верте, – начинаю говорить. Это моя начальница Аманда – специалист по переговорам с террористами, она работала на этой должности в ГБРиБ шесть лет, до того как стать главным координатором Базы ТДВГ. Поэтому и получилось, что начала я говорить дичь и чушь: – Ты победил моего поединщика. Но я ещё здесь. Я могу выставить себя и сразиться с тобой. Доставить тебе удовольствие победить и меня, ты ведь сильнее. Но будет лучше, если сначала мы просто поговорим. У меня к тебе есть вопрос, Верте. Много вопросов, но я не буду их задавать, задам всего один. А потом делай что хочешь, хорошо?

Кажется, подействовало!

Я проговорила это от отчаяния, не надеясь на успех. Выражение лица Верте из дьявольски-злобно-торжествующе-

го на миг превратилось в заинтересованно-снисходительное. Мол, эта букашка ещё и разговаривать умеет?! Внезапно он проговорил низким хриплым голосом, от которого веяло могильным хладом и адским пеклом:

– Я ещё не закончил с твоим поединщиком. Он живой, оказывается. Какая досада! Сморчки всегда такие живучие, что аж тошно! Но мне будет гораздо больше удовольствие сейчас закончить с вами с двумя, да, потому что вы мне надоели! Не считая Мрию, поскольку Мрия мне нужна, а вы – нет! Прощайте, хлипкие хилые сморчки и куклёнки!

Дальше всё произошло за доли секунд. Пока Червь это говорил, с первых его фраз я поняла, что Эдди, видимо, сзади меня зашевелился. Пока Червь закончил это говорить, Эдди, видимо, привстал.

С рук Верте в нашу сторону готово сорваться чёрное пламя, сжечь, поглотить нас. Я поворачиваю голову набок и назад, и вижу Эдди, он встал, еле стоит, и затем – как в замедленной съёмке! Время сливается в одну точку. Эдди смотрит громадными, как у Мрии, испуганными глазами на Верте. Он понимает, что я стою перед ним, выскакивает из последних сил вперёд, передо мной. Верте в этот момент собирается кинуть свою жуткую субстанцию в нас.

– Не-е-е-ет!!! – кричит Эдди, и...

Я это вижу отчётливо, потому что сторбленная спина Эдди и его вытянутые вперёд руки – передо мной. С рук Эдди в Верте срывается тоже субстанция. Синяя, яркая, бур-

лящая. Что-то вроде облака. Как показывают в фантастических фильмах.

Это нечто синее, яркое и бурлящее окатывает Червя с ног до головы. Червь отлетает на несколько метров назад, скукоживается в три погибели, будто ему в живот попала пуля, его два чёрных пламенных столпа из его рук мигом испаряются. Червь падает на землю. Замирает.

Эдди оглядывается на нас, медленно. В его глазах плещет ужас, недоумение... Он ловит ртом падающий снег, как рыба, потом падает на асфальт перед нами с Мрией и снова замирает.

Меня из ступора выводит всхлипывание Мрии сзади. Она первая подбегает к Эдди, начинает его тормошить. Я медленно и одеревенело сажусь на колени рядом с ней, ей помогать. Трогаю озябшими руками пульс Эдди.

– Живой, – выдыхаю я.

Мрия плачет навзрыд. Я медленно встаю и иду в сторону Червя. Ещё издали вижу, как он слегка шевелится.

Останавливаюсь на расстоянии метров трёх. Червь перевернулся на спину, уставился в небо. Его руки разведены в сторону. Почерневшие пальцы, словно обожжённые, обугленные. Он поворачивает голову на меня, я стою, он лежит, мы смотрим друг на друга. Червь хрипит мне:

– Твой Сморчок победил. Честно.

Я открываю рот и ловлю воздух как рыба. Это говорит мне враг. Подлый враг, которому совсем не выгодно признавать

победу.

– В чём вопрос? – спрашивает он.

В его взгляде – ни капли презрения, снисходительности или злобности. Только усталость. Только задумчивость.

Враг ли?

– Ты мог меня убить тогда. Почему не убил? И почему сейчас признаёшь, что мы победили? Вам же, Чёрным, не выгодно, чтобы мы выигрывали и забирали у вас Ключ! – прорвало меня.

– Два вопроса, – сделал замечание Червь.

Он принялся вставать, медленно, морщась. Видимо, ему очень больно. Встал, возвысился надо мной, расстояние между нами сократилось до метра, потому что я подошла ближе. Я посмотрела на него снизу вверх, в его чёрные страшные глаза. И они не показались мне уже злыми.

Я вдруг перестала его бояться. И мне стало всё равно, что он меня избивал. Я не хранила на него злости или обиды. Ведь мы дрались в бою, и обижаться на него – всё равно что обижаться на более сильного товарища, одолевшего тебя на спарринге.

– Я отвечу тебе на один вопрос, не на два. Тогда я должен был тебя убить, у меня был приказ. Но мне как Чёрному не выгодно ему подчиняться, усекла? Считай, тебе повезло, куклёрка.

Червь развернулся на сто восемьдесят градусов и медленно, шатаясь, сильно хромая на левую ногу, пошёл в дом, тем-

неющий за нами в пурге. Когда он отошёл шагов на пять, я опомнилась и крикнула вдогонку:

– Я это запомню!

В моём представлении это означало «спасибо», да. Я поняла, что Удав имел в виду под словами «кодекс чести». Червь его не растерял.

Оглянулась и с облегчением увидела, как Эдвард пришёл в себя. Мрия обнимала его и плакала. Они сидели на земле посреди мятого снега, где виднелись то тут, то там брызги крови. Эдди в полной прострации. Когда я подошла, он растерянно взглянул на меня:

– Клот... я... его... не знаю, как так вышло... Я очень перепугался, что он сейчас нас... того, и... – Эдвард лепетал как беспомощный котёнок. Мне стало его сильно жалко. Хотя я сама не понимала, что с ним и как так произошло, что он такое сделал с Червём.

Бежать за Червём, спрашивать, что это за дичь такая?! Может, так Червь подстроил, самого себя подставил под удар, имитировав, что это Эдди колдует? Из нас четверых присутствующих здесь только Червь умеет колдовать большую серьёзную магию. Если это так, то Червь, получается, наш союзник?! Я совсем запуталась.

С ревушей водопадами Мрией и контуженным ментально Эдвардом надо что-то делать. Достала рацию и позвонила Коллинзу.

– З, приём. Сорвиголова на связи. В общем, мы тут... по-

дрались с Червём.

– И победили. Судя по тому, что ты мне звонишь, – Коллинз пытался шутить, но я почувствовала беспокойство в его голосе. Всё-таки не такой уж он придурок, человеческое ему не чуждо, раз тревожился за нас!

– Да, победили. И мне нужно, чтобы ты поработал моим шофёром.

– Я уж понял. Уже еду. Отбой.

Эдвард и Мрия бормотали друг другу шёпотом, невпопад. Мрия – о том, что её убьют родители, она не знает, когда в последний раз была дома, и что ей теперь объяснять. Эдвард – о том, что он чувствовал накативший бодрящий холод, когда понял, что Червь нас убьёт, перепугался, что у него вся жизнь прошла перед глазами, взмолился высшим силам о просьбе защитить нас. Не его защитить – а меня и Мрию – о себе Эдди не думал вообще. Пока они бормотали, я смотрела по сторонам.

Меня не смутило отсутствие кучи прохожих, зевак, полиции. Год назад мы с Роджером, нашим другом-вервольфом Йэном и тётёй Роджера Онилией дрались с демонами на Главной площади. И там тоже не было никаких прохожих. Роджер объяснил, что это такая разновидность Мантии Тени: накладывается на место так, что люди обходят стороной, либо что всё происходящее делается невидимым для людей. Очевидно, это русалки наложили такую Мантию на пространство-площадку перед домом томберов в Глуме.

Две машины приехали одновременно. Машину Коллинза я узнала сразу, но удивилась второй машине. Коллинз припарковался чуть вдали, помигал мне фарами и принялся ждать. Вторая машина подъехала ближе, и я с изумлением узнала в переднем окне Мод. Фары осветили Мрию и Эдди, они вздрогнули, я объяснила:

– Это свои. Это моя учительница. Она подруга господина Боднара.

– Боднара?! – хором переспросили Эдди и Мрия.

– Ты тоже знаешь Боднара? – спросила я Мрию.

– Он у нас преподавал, потом уволился, перевёлся в школу Эдди, – выдохнула девушка.

Мод вышла из машины, устремилась к нам.

– Вы в порядке? – встревоженно оглядела она нас.

– Не совсем, но мне нужно к Русалкам, получать третье задание, – ответила я. Надеюсь, Мод в курсе про русалок. – А Эдвард смыл Зелёного Червя синей волной, и Червь капитулировал. Благородно с его стороны.

– Волной?! – Мод внимательно посмотрела на Эдди, а он на неё.

На лице Мод отразилась небывалая тревога, удивление.

– О... вот это да! – выдохнула она. – Прости, я прочитала твои мысли. Эдвард Симони, правильно? Мы с тобой шапочно знакомы, то есть у нас общий знакомый, профессор Боднар. Он хвалит тебя, считает лучшим учеником, прочит тебе будущее гениального биолога или психолога.

– Правда?! – смутился Эдди.

Мод крепко пожала ему руку. Потом она нежно, по-матерински приобняла Мрию за плечи:

– Всё будет хорошо. Ты теперь с нами. Ты мужественная девушка, на твою долю выпали такие испытания, с ними не каждый справится. Я горжусь тобой, – Мод ласково посмотрела на Мрию, поправила ей волосы.

Мрия впервые улыбнулась, с облегчением.

– Спасибо, госпожа...

– Называй меня Мод, и давай сразу на ты. Я... видишь ли... твой дядя Лим – мой родственник. То есть я тебе тоже родственница, – объяснила Мод. – Простите моё косноязычие, я почти трое суток не спала, Аманда очень ругалась, когда я ей сказала, что поеду я, я была поблизости, искала книгу для своих исследований, – оправдывалась Мод.

– Родственница? Вы родственница Мрии? – удивился Эдвард.

– Да, а ещё она моя учительница биологии, – улыбнулась я. – Мод, как ты догадалась, что мы здесь? Ты не только телепат, но и экстрасенс?

Мод улыбнулась:

– О, это было легко. И никакой магии. Я занималась исследованиями на Базе, кое-что искала, увлеклась. Аманда порывалась отправить меня спать. Но где-то часа три назад, мы с ней поговорили, я изложила то, что смогла найти, и нам для дальнейших изысканий понадобилась книга. И тут ме-

ня по радиации вызвали Шакалы. Они объяснили, что вы здесь сражаетесь. Меня попросили подбросить Эдварда до дома, а Мрию... Мрия пока побудет у меня, потому что её родители в другом городе. Тем более что раз так вышло, что мы родственницы. Наверное, я семиюродная тётя или сестра, а возможно бабушка или племянница... не разберёшься, наша династия идёт с раннего средневековья.

Я только сейчас заметила, что Мод бледна и выглядит уставшей. А ей ещё машину вести. Я хотела ей сказать о своём беспокойстве, но она уже усаживала ребят в машину:

– Садитесь, давайте скорее, там тепло в машине, грейтесь!

– А Клот поедет с нами? – спросил Эдвард, растерянно глядя то на Мод, то на меня.

Мрия уже села. Я отметила, что она с ходу поверила Мод и безо всякого гипноза. Я беспокоилась за Мрию. Её неуравновешенность, резкие перемены настроения и то, что она несколько раз подвергалась сильнейшему приворотному колдовству Червя – всё это могло сказаться на том, что её рассудок сильно пошатнулся. Я хотела сказать обо всём Мод, но тут заметила, что она без слов смотрит на меня. На её лице – выражение искреннего соучастия. Она шепнула Эдди:

– Садись, не беспокойся, Клот поедет с Шакалами, но потом вы с ней обязательно ещё увидите.

– С Шакалами? Это не опасно?

– Ну... опасно для Шакалов, в первую очередь, – пошутила Мод.

Мы с Эдди кивнули друг другу, он залез в машину успокаивать Мрию. Мод подошла ко мне, мягко положила руку на плечо и отвела в сторону:

– С Мрией всё будет в порядке. Мы о ней позаботимся. Я прочитала её мысли, чтобы удостовериться, что её распад не пошатнулся, – прошептала мне Мод, прочитав и мои мысли тоже.

Я облегчённо улыбнулась:

– Мод, может быть, нам всем napроситься к Коллинзу, чтобы развёз нас по домам? Ты выглядишь уставшей.

– О, со мной всё в порядке. Я начинаю кое-что понимать. Про Лима, про Мрию, про моих родственников. На днях я встречалась с моим старым знакомым – эзотериком Чаром. Я многое узнала о своём клане. Нас много, но мы разобщены, держимся поодиночке. Ты и Ром научили меня, что это не правильно. Я попала в ТДВГ и благодарна судьбе за это. Но теперь настало время найти других Истребителей Демонов из моего Ордена. Мы все происходим от общих предков, Лим и Мрия – моя семья. Метка Охотника передаётся по крови в нашем случае, но может передаваться не напрямую от отца и матери к сыну или дочери, а через два или три поколения. К Мрии Метка могла прийти через её прабабушку – Феоктисту.

– Метка Охотницы? – вспомнила я разговор с Грифоном.

– Да. Мы не знали. И не узнали бы... если бы не повышенный интерес к ней со стороны Русалок. Грифон первым

заподозрил. И я решила проверить. Прежде чем подъехать к вам, я побывала здесь на Теневой Стороне, увидела Белёсый След. Этот След оставляют те, кто с Меткой. Я увидела четыре очень сильных таких Следа. Если бы их было два или три, или один – однозначно тогда остальные принадлежали бы людям, скорее всего...

Мод говорила путано, я ничего не понимала. Она зевнула, отвернулась, закрыла лицо руками. Потом виновато посмотрела на меня:

– Прости. Я не должна показывать свою усталость, это не совсем корректно, я ведь твой школьный преподаватель. У Мрии Метка скрытая, не проявленная. Она почти что человек, но... Я готова подтвердить то, что предположил Грифон – она Охотница Воздуха. И... я готова обучать её, да. Стать ей Мастером.

– Мод, – внимательно посмотрела я на учительницу. – Эдди – тоже не-человек. Я только не поняла, кто. Наверное, какой-то маг или...

– Тоже Охотник, – ответила Мод. – Мы знали. Скорпион знал, и я. Именно поэтому Скорпион давал тебе задание познакомиться с ним. Эдди ещё рано учиться у Мастера. В отличие от Мрии, он не Личина, а пока Серый. То есть не определившийся, но проявляющийся. И Чёрный Орден не очень-то им интересуется, но мы за ним присматриваем.

– Охотник?! – ахнула я. – А... какой стихии?

– Воды. Он не знает об этом. Не говори с ним про это,

хорошо? Пусть это сделает кто-то из Мастеров. Эдди сейчас не время узнавать, что он – Охотник Воды. Ученик не готов – следовательно, Мастера пока нет.

Я по-прежнему мало что понимала. Мод прошептала мне слова прощания, тёплые напутствия, села в машину и уехала, увозя Эдди и Мрию в безопасное место. Я осталась растерянно стоять посреди площадки, пока Коллинз не побибикал, напоминая о себе. Идя к его машине, я думала – какого чёрта я делаю среди всех этих Охотников, вампиров, демонов, колдунов?! Села к Коллинзу на переднее сиденье молча, пристегнулась ремнём.

– Поздравляю. Твой поединщик выиграл. Представляю, как бесятся Русалки!

Я убийственно посмотрела на информатора:

– Пока ещё рано праздновать победу.

– Думаешь? Ну-ка, поверни свою сорви-голову!

В этот раз Коллинз проделал то же, что и Ниания вчера: приподнял мои волосы и осветил сзади на шею фонариком.

– А-га! – торжественно заявил он. – Они приняли у тебя второй зачёт, осталось три!

– Знаешь, Коллинз, – поправив волосы, повернулась к нему я и посмотрела серьёзно и многозначительно. – Что-то мне начинает надоедать, что вы, анхомы, эксплуатируете меня, простого человека, в этих игрищах. Последний раз я вам помогаю. Достану вам ключ – и досвидос.

– Да? А я-то думал, как удобно тебя посылать к Чёрному

Ордену всякую рутинную работу выполнять, красота! – поиздевался Коллинз.

Я снова готова убить его по-настоящему. Но мне надо, чтобы он довёз меня до ресторана «Русалка». Поэтому я проглотила и затаила чёрный-чёрный зуб на З.

На душе паршиво. От того, что я почувствовала, что нас используют. Меня, Эдди, Мрию. Тех, кто не в курсе, тех, кто не при делах. Мы как овцы на заклание, и я – самая овцовая из всех овец. Я в тот момент сильно разозлилась на Мод, на Грифона, на начальников, на Шакалов. Им лишь бы Ключ подавай на блюдечке с золотой каёмочкой! Слишком много на нас взвалили! И в особенности на меня. У Эдди и Мрии обнаружались сверхъестественные способности. Мод тут же прискакала – «Я буду Мрию учить, Эдди не буду, у Эдди эти способности очень некстати проявились, ему бы память лучше стереть!». Как так можно?!

Чёрный Орден – тот же Зелёный Червь с его не растерявшимся Кодексом Чести – показался мне куда благороднее и симпатичнее моих «друзей». Друзей ли? Коллинз ещё своими издевательствами подливает масла в огонь. Когда мы подъехали к «Русалке», я накрутила себя настолько, что мне стало противно с ним сидеть в одной машине. А ведь мне ещё возвращаться с ним в Румбу, в Скомато к Шакалам. Не хочу туда. И домой не хочу. Я бы с большим удовольствием поехала бы сейчас в Адскую Кухню. И попросила бы Роджера спойть меня чем-нибудь горяченьким и крепеньким к

чёртовой бабушке!

Коллинз ещё оказался чёрствым в отношении эмпатии. Мне, может, было бы полегче, если б он меня поддержал. Но он сидел бобылем за рулём авто, с надменно-насмешливым видом слушал музыку и на меня вообще не обращал внимание. Когда я краем глаза ловила его холёное лицо без единого синяка, царапины или шрама, перед глазами встало расквашенное, в синяках, шишках и кровоподтёках лицо Эдди. Моего настоящего, верного друга.

Друг – это тот, кто вот так бы пришёл. Я знаю немногих таких. Эдди. Пит. Джейн. Пол, Ром и Эллен. Удав – он бы точно пришёл, потому что уже доказал это и приходил, когда мне очень было нужно подкрепление. Кто ещё? У меня куча «друзей» – а Друзей среди них не очень-то много. И чем больше «друзей» – тем меньше я начинаю верить в Друзей. Вот что паршиво.

Коллинз молча припарковал машину, где и тогда, на набережной. Не говоря ни слова, не смотря на него, я вышла и направилась к ресторану.

Русалки выглядели сегодня особо злыми и недовольными. Лексаэлла посинела, её кожа напоминала подсвеченную изнутри синим светом поверхность ледяной статуи. Пета, Блэки и Рина смотрели на меня с хищной ненавистью. Одна Трёхглазая сохраняла деланное равнодушие. Когда я подошла, она усмехнулась:

– Да, ты уже, наверное, поняла, что мы вынуждены засчи-

тать тебе второе задание. Мои девочки недовольны, они завидуют тому, какая ты резвая. Только они понадеялись порадовать меня тем, что Ключ останется у нас – ты как орешки расщёлкала их задачки. Третья задача будет от Рины. Рина, приступай к делу, не отнимай время у нашей служанки!

Рина посмотрела на меня особенно презрительно и высокомерно. Её взгляд давил, заставлял чувствовать себя полным ничтожеством.

– Обманывать ты умеешь, руководить и убеждать отдашь за тебя жизнь – тоже, к несчастью. Но вряд ли ты сумеешь сделать то, что прикажу тебе я! Каждая из нас, милочка, может по разрешению Морской Королевы заглядывать к ней в Шар. В этом Шаре по нашему велению отражается то, что мы хотим увидеть. Таким образом мы узнаём о вещах в вашем отвратительном человеческом мире. Что касается тебя, я хочу предложить тебе игру в прятки. Когда я хочу посмотреть на тебя и видеть, где ты и чем занимаешься, я вызываю видение в Шаре и вижу тебя. Сделай так, чтобы когда я взгляну в Шар, я тебя не увидела. Если я тебя не увижу, приходи завтра вечером снова. А если увижу – ты в этот же момент подохнешь.

Рина кровожадно ухмыльнулась. Пета и Блэки тоже оскалились. Пета шепнула Блэки:

– Без шансов. Ключ будет у нас уже меньше чем через сутки!

– Да, девочки! Я обещала, я гарантирую! – поддакнула им

стерва Рина.

Они снова принялись хихикать, шушукаться и обсуждать мою несостоятельность. Одна Лексаэлла хранила показное безразличие. Трёхглазая молвила:

– Иди же, прячься. То, что тебе задала Рина – тебе точно не по силам. Мне жаль, что ты так всё усложнила – чтобы так не мучиться, как мучаешься сейчас, тебе всего-то и надо было подписать Чёрный Контракт.

Я не стала ничего отвечать. Сегодня ночью я играю в молчанку со всеми. С врагами, с друзьями. Развернулась и вышла из ресторана. Вдогонку мне раздался дьявольский, коварный, победоносно-триумфальный смех всех пятерых. Он напоминал хохот гиен.

Выйдя на улицу, я немного успокоилась. Я ничего не понимаю в этих анхомских и русалочьих делах. Но Шакалы обещались помогать! Значит, буду дёргать их, гонять как сидоровых коз. Потом швырну им Ключ в морды и больше никогда не буду с ними водиться! Такой зарок я себе дала и вернулась в машину Коллинза. Села. Пристегнулась.

– Ну? – Коллинз в ожидании смотрел на меня.

– Антилопа гну! – передразнила я. – Им надо, чтобы я спряталась от Шара, в который они смотрят.

Реакция Коллинза меня поразила.

Он побледнел. Остолбенел. Совершенно искренне, по-настоящему. Его лицо страшно напряглось. Руки опустились, медленно стекая по рулю к нему на колени. Голова тоже опу-

стилась. Он прошептал серьёзно и обречённо:

– Это конец. Мы проиграли, Клот.

Лексаэлла в этот раз не принимала участия в весёлой перепалке и сплетнях подруг. Рина, Пета и Блэки, при всём своём соперничестве, сейчас объединились, слились в единых сестёр, шебуршали, ворковали. Ласково поглаживали друг друга по плечам, поправляли волосы, снимали несуществующие пылинки с платьев.

За последние сутки Лексаэлла проделала кучу поступков. Слишком «белых». Ей очень не нравилось это. Но она действовала ради интересов королевы.

Когда три других фрейлины отправились за дальний столик, потому что Морская Королева зыркнула на них строго, взглядом показывая, что хочет посидеть одна, Лексаэлла дерзнула не послушаться.

– Чего вы добиваетесь, моя Королева? – спросила Русалка Льда бесстрастным, безэмоциональным тоном. Там ни интереса, ни возмущения. Сплошной мороз.

– Ты хочешь предположить, что я колеблюсь между Ключом и этой девкой? Ты прекрасно знаешь ответ, Лексаэлла. Я хочу и Ключ, и эту девку, – Трёхглазая криво усмехнулась и окатила Лексаэллу глубоким властным взглядом.

Осанка Русалки Льда осталась прямой, но на лице проскользнули морщинки гнева. Лексаэлла гневалась не на Ко-

ролеву. А на других фрейлин, отчасти даже на себя

– Моя Королева, ты ведь знаешь, я хочу того же, что и ты, и мои сёстры. Вечный Океан. Океан Льда – для меня. Небольшого айсберга мне будет достаточно. И мы получим этот Океан, пусть пройдут годы. Я верю твоей стратегии. И я сделаю всё, что ты пожелаешь, моя Королева.

– О да, я знаю. Ты и так сделала то, что мне нужно. Хотя я понимаю, каких трудов тебе это стоило – переступить через свою гордость и поменять приказ Червю, самой не убить беляшей, да ещё и скрыть битву от глаз людских и лишних свидетелей, чтоб не набежали Охотники. За последние несколько часов ты побывала образцовой Белой. Защитила нескольких людей и беляшей. Людей, Лексаэлла. наших самых заклятых врагов. Тех, кто убивал наших сестёр, матерей, дочерей. Тех, из-за кого мы вынуждены прозябать на дне морей. Тех, кто загрязняют наш дом. Тех, кто не заслуживают жить здесь, в НАШЕМ мире. Я ценю это. Иногда нужно грамотно сыграть в поддавки. Так делается любая политика, в том числе наша.

– Ты сказала, что тебе нужна девка, моя Королева. Но Рина фактически отняла её у тебя. Мы пометили её, и скрыться от Шара ей будет невозможно. Я не вижу смысла твоей политики тогда.

Трёхглазая загадочно улыбнулась и прикрыла три своих глаза.

– Ты не видишь смысла моей политики, потому что ты

всего лишь фрейлина, моя подданная. А Морская Королева здесь – я. Оставь меня, Лексаэлла. Мне нужно кое-что сделать.

Лексаэлла слегка склонила голову, встала и отошла в сторону. Немного призадумавшись, она снова повернулась к Трёхглазой:

– Моя Королева, я прошу переправить меня через Шар в Логово Масочника.

Трёхглазая демократично не стала выговаривать подчинённой, что та всё ещё её отвлекает. Она деловито кивнула, провела рукой над столом, сбрасывая теперь ненужную Мантию Тени с Шара. Прикрыв все три глаза, Богиня Вод Морских выпустила из третьего глаза чёрный луч-молнию. Луч устремился в Шар, поглотился, а потом чёрное свечение портала из Шара поглотило вставшую рядом Лексаэллу.

Через считанные мгновения Русалка Льда шла уже по подземным извилистым переходам Логова Масочника. Встреченные ею томберы в ужасе вмерзали в стены и покрывались инеем. По её расчётам, Зелёный Червь должен уже вернуться сюда из Глума. Так и вышло.

Лексаэлла застала Зелёного Червя лежащим на тех самых матрасах, где он пару дней назад устроил похищенную и загипнотизированную Мрию. Червь выглядел плохо – в грязной одежде, с окровавленным лицом, ослабевший. Когда Лексаэлла вошла, Червь пошевелился и посмотрел на Русалку Льда в упор, с вызовом. Без тени страха. А Лексаэлла

пристально, но ничего не выражающим взглядом посмотрела на него.

Потом ледяным голосом прошипела:

– Я не сказала Королеве, что ты нарушил мой приказ и не убил их. Знаешь, почему? Потому что я не сказала тебе, что Королева отдала мне приказ оставить их в живых – уже после того как я приказала тебе их убить.

– И что? – насмешливо, нагло спросил Зелёный Червь. Его рот исказился в презрительной ухмылке.

– А то, что ты ходишь по острию ножа, Червь. Рина и Пета правы: ты не до конца Черный. Скорее серый.

– Я не Серый, я Чёрный. Я присягал. Я убивал ради Черноты, приносил жертвы Черноте. Я продал душу Черноте, – это Червь произнёс спокойно, констатируя факт. Без малейшего колебания, страха, злости.

– Почему ты не убил тогда ради Черноты поединщика и девчонку? Почему отпустил с ними Охотницу Воздуха? Отдашь Охотницу Рине – она тебя признает, убивать не станет, возвысит, походатайствует перед Королевой.

– Аналогично я могу и тебя спросить, Лексаэлла. Почему нарушила приказ своей любимой Королевы и не передала мне отбой, что типа их убивать не нужно? – дерзко ответил Червь.

– Твои мотивы и цели не нравятся мне. Считаю – это предупреждение. Одно из последних. Я согласна с Риной и Петой: нам следует убить тебя. Вся твоя надежда теперь только

на Блэки. Если и ей что-то не понравится – одна из нас придёт к тебе и поцелует, – Лексаэлла как всегда бесстрашна и равнодушна.

Не дожидаясь ответа, Русалка Льда ушла через Теневую Сторону, войдя в стену.

Вся комната покрылась льдом и инеем. Червь задрожал от холода. Стучащими зубами он изрыгнул несколько проклятий, обращённых к русалкам. Согреть себя он своим магическим Огнём долго теперь не сможет. Проклятый Сморчок, про которого выяснилось, что он Охотник Воды, смёл с него весь магический ток.

Червь подумал о том, что Сморчок определённо знал, куда бить. Он изначально целился в большое место. В то самое – под левую коленку. Он заходил слева – будто знал, что Червь там уязвимее.

– Я не стал их убивать, потому что мне любопытно. Как они узнали, – прошипел Червь. – Я отпустил их, потому что куклёнка должна замочить Августу. Я отпустил Мрию, потому что, надеюсь, что когда-нибудь она замочит вас, русалки. Я не Серый. Я чернее всех Чёрных... Чернее вас...

Холод и боль, что он терпел, сковали его, и он провалился в сон беспомысленности.

Прятки

Я ошалела от возмущения! Этот напыщенный пуп земли шутить что ли вздумал!?

– Это что, розыгрыш такой?! – взвинчено и с небывалой злостью поглядела я на Коллинза, став едкой, ядовитой настолько, что сама чуть не подавилась бушевавшим во мне ядом.

Коллинз мрачнее тучи:

– Они загнали нас в ловушку. Это чёрная игра. Я предполагал, что они такое выкинут, но думал, что это будет ближе к послезавтрашней ночи, когда всё решится...

– Что – конец?! – моя злость ушла. На смену ей пришло... нет, не страх. Любопытство. Чего так испугался Коллинз, эта ходячая гордыня и выскочковость?!

– У тебя там на шее конец, Клот. Они не могут видеть в Шаре кого угодно, не могут видеть тех, на кого наложены Мантии Тени, Мантии Отвода Глаз, определённые магические приёмы, скрывающие от Шара и Защиты. Но это никогда и никак не распространяется на тех, кого они поместили как своих слуг.

– Ну... так... может, грянем в ближайший тату-салон, и перебьём мне там наколку? Или... я даже готова нагряться в ближайшую клинику пластической хирургии, чтобы кожу с их тремя каплями срезали и откуда-то пересадили.

– Не подействует. У тебя там не татуировка. А что-то вроде Метки. Чёрной Метки, да. Ладно. Поехали домой, попробуем обсудить с ребятами. Тут, видимо, загвоздка в загадке.

В голосе Коллинза проскользнула надежда. Эта надежда пробудила в моём мозгу бурную жажду деятельности:

– Есть ли у вас, анхомов, такие заклинания, с помощью которых на Рину можно навести слепоту? Или можно ли обратиться в ресторан и стибрить у них этот Шар? Или отвлечь Рину, послать ей морячков, чтоб она в Шар не смотрела, а смотрела на морячков? Или...

– Не подействует, Клот, – Коллинз грустно и снисходительно улыбнулся, покачал головой. – Мы должны выполнять задания честно. Таковы условия, такова политика.

– Что-то я не догоняю, дружище З. Ты же сам только что говорил, что они играют нечестно! Значит, мы должны их методами!

– Не прокатит, – талдычил как дятел Коллинз. – Мы Белые. Обман, манипуляции, грязные инсинуации – прерогатива Чёрных.

– Ага, а мы должны сидеть зайчиками у стеночки сложив лапки и ждать, пока нас перестреляют из двустволки, так что ли?! – вспыхнула я.

– Мы сейчас приедем в Скомато и пообщаемся, – напомнил Коллинз об изначальном плане. – Воспользуемся звонком другу и помощью зала.

– Звонок другу... – задумчиво пробормотала я.

И тут внезапно меня осенило! Грифон! Он же у нас специалист по Русалкам, вроде как! Может, натравить его на Рину, чтоб он глазки ей повыколоупывал, да и дело с концом? Я достала рацию и принялась делать звонок другу.

Рикардо словно меня ждал – ответил очень быстро.

– Грифон! Мне нужно, чтобы ты кое-что рассказал. Про Шар. Что это такое, с чем его едят. И как от него спрятаться.

Грифон помолчал, видимо, обдумывая сказанное и свой ответ. Ответил:

– Полагаю, это теперь твоё задание, Сорвиголова.

– Так точно.

– И кого будем прятать?

– Меня, конечно! – я удивилась – что за глупый вопрос?

Но следующей репликой Грифон меня огорошил:

– Нет. Не тебя. Ты обратила внимание, что Русалки каждый раз провоцируют своими заданиями кого-то им показать? Продемонстрировать наши, так сказать, мощности?

Машина резко затормозила. Коллинз прижал её к обочине. Он хищным взглядом ястреба уставился на рацию, по которой со мной разговаривал коллега агент Кэпчук. Губы плотно сжаты, лицо напряжено. Я красноречиво поглядела на своего эксцентричного информатора, еле удержавшись, чтобы не покрутить пальцем у виска.

– Поясни, Грифон. Мы тут с З не догоняем.

– Ах, З. Привет ему передавай. Я вот что хочу сказать: Мрия Дункалс попала в поле зрения Русалок и томберов,

и Русалки вычислили, что она Охотница Воздуха – быстрее нас. Теперь они вычислили Симони, его ресурсы и потенциал. В первый раз, когда вы облапошили Августу, они посмотрели на шакалку Чёрную Леди во всей красе. Догоняешь?

– С трудом, – покачала я головой.

– Я догоняю, – подал голос Коллинз.

– Вот, З догоняет, потому что он подросток. Ты когда подрастёшь – тоже догонять начнёшь, – ответил Грифон в своём стиле-амплуа противного гада. – Короче, дело к ночи. Я дую к вам в Румбу. Напоите меня сладким крепким горячим чаем – цены вам не будет. Отбой.

Грифон отключился. Я вылупилась на Коллинза:

– Что он имел в виду?

– Я всё понял. Фуф... Может, ещё и не конец. Он предлагает, что кто-то тебя должен спрятать. Но... дьявол, он что, не знает, что тебя поместили, что тебя спрятать невозможно?

– Грифон – Охотник Воздуха. Он хорошо знает русалок, он профессионал! – чопорно заметила я, защищая старшего коллегу.

Через пару часов мы пили чай с Грифоном. А ещё со всеми Шакалами – Коллинзом, Нианией, Шрамом и Мангустом. До того, как приехал Грифон, мы с Коллинзом успели рассказать обстоятельства поединка Эдди с Червём. Ниания и Мангуст обрадовались как дети, услышав о победе и узнав о том, с какими недовольными минами встретили меня русалки сегодня в ресторане. Даже всегда спокойный и сдержан-

ный Шрам не смог скрыть восхищения:

– Ты хорошую взбучку устроила этим полурыбам! Ледяная уж никак не могла предположить, что ты найдёшь Охотника, и он заставит Короля томберов сдаться. Теперь они все впятером из чешуи вон полезут, лишь бы не отдавать нам Ключ. Вот они и изгаляются как могут.

В этот момент к нам Грифон и пришёл. Мангуст и Нияния, пребывая в приподнятом настроении, тут же принялись встречать и обслуживать «гостя дорогого». Они, как я и Шрам, тепло поздоровались с Грифоном. Несмотря на мои недавние переживания, злость и нервы по поводу поведения моих старших коллег, я очень рада его видеть. Наверняка всё объяснится, почему и что происходит. Когда мы с ним пожимали руки друг другу, я почувствовала исходящую от него поддержку.

Коллинз Грифону даже руку пожимать не стал, просто формально кивнул. Коллинз не скрывал, что недолюбливает Грифона. Скорпиона он, кстати, тоже недолюбливал. Да и вообще – можно по пальцам менее одной руки пересчитать, кого Коллинз долюблял!

То, что Грифон сейчас с нами, служило символом заданию русалок. Мне дали задание стать невидимой для Шара. А Рикардо, кроме того, что он профессионал по русалкам, ещё и профессионал по невидимости! Я сделала мощный тактический ход, совершив звонок другу.

В тот момент я была горда собой и почувствовала, что со

всем смогу справиться.

– Итак, рассказываю про Шар. Древние легенды о первородных русалках гласят: все они имели по три глаза. Они населяли океаны планеты, представляли высокоразвитую совершенную расу существ с громадным интеллектом и духовностью.

– А люди в это время бегали с дубинками, мочили друг друга? – поинтересовалась я.

– Людей ещё в помине не было. Даже тех, что с дубинками. Первородные русалки называли себя Архи-Русалками. У Трёхглазой три глаза, потому что она представительница этой древней расы. Одна из доживших до наших дней, если не единственная. Архи-Русалки были настолько главенствующей расой, что подчиняли себе другие расы и обучали их. Со временем порода их обмельчала, они утратили большую часть магических знаний. Стали рождаться русалки с двумя глазами – «обычные».

У Архи-Русалок, кроме магии, были некоторые технологии. Назовём их магическими. Они в корне отличались от компьютеров, мобильных телефонов, нано-роботов и виртуальной реальности. Если в основе человеческих технологий лежат достижения науки – физики, моей любимой химии, кибернетики, техники, электроники, то в основе русалочьих технологий – древние магические знания, недоступные никому из анхемов-нерусалок. Даже Охотникам, не говоря уже о магах различного пошиба.

Этот Шар, от которого тебе надо спрятаться, одна из таких технологий. Шар соединён с энергоинформационным полем, откуда Трёхглазая получает информацию и видения. Что-то вроде мобильного телевизора-дальновизора. Трёхглазая может давать фрейлинам тоже что-то увидеть в Шаре. Она может посредством Шара телепортироваться и телепортировать фрейлин. Видит в Шаре она не всё, не всех подряд и не всегда. Чтобы увидеть кого-либо из людей или анхомов, ей нужно особенно сильно постараться – сконцентрироваться. Если использовать простейшую защитку, даже некоторые техники низшей примитивной магии вроде отворотов, заговоров, тоже можно напустить на себя туману и не дать Трёхглазой позыркать глазами.

Но это не распространяется на её слуг. Те, кого она пометила, доступны ей круглосуточно. Она в любой момент может видеть всех слуг, телепортироваться к ним, а также телепортировать, то есть утаскивать их к себе «на поговорить». Я так полагаю, они тебя поместили, с их стороны это было бы логично.

Я кивнула, во все глаза глядя на Грифона. С его приходом в зале Скомато воцарилось спокойствие и деловая сосредоточенность. Никто нервно не восторгался победой вроде Мангуста, никто не собирался хватать меч наперевес и рубить русалкам их рыбы хвосты вроде Ниании. Даже несмотря на то, что русалки мне задали сложное задание, я сама чувствовала небывалое хладнокровие и уверенность, исхо-

дившие от Рикардо.

– Обычными, традиционными способами вроде заговоров, Мантей Тени и прочих тебя невозможно скрыть от Шара. Русалки это знают, и они проверяют, насколько осведомлены и подготовлены мы. А мы подготовлены. Я знаю по меньшей мере пять способов, как тебя можно спрятать от Шара – по одному из способов на каждую Русалку.

– И что это за способы? Давай выберем самый простейший! – с энтузиазмом поинтересовалась я.

– Самый простейший тебе не понравится. Тебя нужно убить, а потом с помощью некроманта вернуть.

– Э... А смысл? – не догнала я.

– Пока ты будешь мёртвой, твоя сущность будет пребывать в дальних и тонких мирах Сферы Ожидания. Эти миры находятся в юрисдикции сущностей, во многом превосходящих мощь Архи-русалок, поэтому глазам Трёхглазой и её фрейлин туда путь заказан.

– Понятно. Второй способ? – мне стало это интересно.

– Второй способ – сделать тебя вампиром.

– Вампиром? Почему не оборотнем!? – удивилась я. – Ведь если я стану оборотнем, Рина посмотрит в Шар, я превращусь, она меня и не узнает! Задача выполнена, дело с концом! – я хлопнула в ладоши.

– Оборотнем можно, только это сложнее. И Русалки не дуры, они тебя в любой шкуре узнают. А вампиром тебя можно сделать, потому что у вампиров, особенно у Высших, есть

любопытное свойство. Они не отражаются в зеркалах, и они не отражаются в Шаре. Конечно, помеченные слуги-вампиры ещё как отражаются. Но если сделать из тебя Высшего вампира – то вполне можно скрыться. Но я покривил душой немного: этот способ отпадает. В силу того, что у тебя не так много времени, чтобы становиться вампиром.

– Ну раз не прокатит, то давай рассмотрим ещё способы. Умирать мне неохота, и мне ведь никто не гарантирует, что я вернусь из тех дальних тонких миров, верно? Оттуда обычно не возвращаются. Вампиром стать я не успею. Какие же третий, четвёртый и пятый способы?

– Третий способ – переместить тебя во времени. Скрыть в других пластах Временного континуума. Но учитывая, что возраст Трёхглазой – тысячи лет, перемещать тебя придётся по меньшей мере на миллионы лет назад. А это рискованно, затруднительно, издержек много. Вдобавок, Ключа Вечности у нас пока нет, чтобы это проверить быстро, а с Часовщиком вряд ли получится договориться. Да, мне очень жаль, но тоже отпадает, – Грифон спокойно отогнул загнутый палец.

Тут у меня впервые зародилось подозрение, что Грифон неспроста объясняет, предлагает и тут же обрубает эти варианты. Он подводит меня к чему-то. Ребята слушали его внимательно, затаив дыхание. Особенно Коллинз.

– Кто такой Часовщик? – спросила я.

– Один тип, к которому у наших с тобой боссов куча вопросов. Считает себя Демииургом Времени, но на деле – все-

го лишь Старейшина-выскачка, мелкий божок. Тебе пока не надо забивать им голову, – намекнул Грифон.

– Я знаю. Мне надо забивать голову тем, как скрыться от Шара. Какой четвёртый способ?

– Четвёртый способ похож на третий и на первый – переместить тебя в пространстве. Заслать в другое измерение, куда не способен проникнуть взгляд Трёхглазой и фрейлин. Но вряд ли ты, будучи обычным человеком – не мощным магом – сможешь выдержать перемещение. Прохождение каждого слоя Теневой Стороны отнимает по пятнадцать лет жизни. Такое можно было бы провернуть до твоей стычки с Зелёным Червём. Но не сейчас.

– Почему до стычки с Зелёным Червём? – ничего не поняла я.

– Зелёный Червь устроил тебе пробоины в ауре. Считай, ты теперь человек без ауры. Со временем она восстановится, конечно, но пройдёт несколько недель, – объяснил Грифон.

– То есть это значит, что ко мне любая порча или сглаз прилипнуть могут, или я заболею простудой? – вспомнила я книги по эзотерике и то, что читала об ауре и о последствиях «пробоин».

– Не совсем, но ты близка к истине: без ауры в другие измерения тебе лучше не соваться, – подтвердил мой старший друг.

– И что же, получается, пятый способ – по факту единственный? Или тоже не подойдёт? Но если он не подойдёт

– то ты тогда бы таким спокойным тут не сидел, карамба! – высказала я.

– А ты проницательный вагант, – усмехнулся Грифон. И внезапно перевёл взгляд на Коллинза: – Э, где ваша неогермитка? Тащи-ка её сюда.

Коллинз напрягся.

– При чём тут Айрэнн? – сразу встал он в позу. – Я должен знать. Её нельзя сейчас беспокоить,

– А мы и не станем её беспокоить. Позови её сюда, если хочешь, чтобы Сорвиголова принесла Ключ, – голос Грифона стал жёстче, взгляд – убийственнее.

Коллинз с вызовом зыркнул в ответ, встал и пошёл в сторону жилых комнат-келий. Ниания зашептала с Мангустом и Шрамом, ребята удивлённо созерцали эту сцену. Грифон молча и невозмутимо принялся ждать. Я рискнула спросить, потому что от любопытства мне невольно:

– Пятый способ связан с Айрэнн?

– С Неогермитами, – подсказал Грифон. – Пятый способ – клин против того клина, что устроила Трёхглазая со своим Шаром. Неогермиты – тайное сообщество анхомов. Они владеют знаниями и магией не в пример лучшей, чем знания и магия Архи-Русалок.

– Карамба! – стало до меня доходить. Краем глаза я увидела, что Коллинз уже вёл Айрэнн в нашу сторону. – Айрэнн знает, как спрятаться от Шара?!

– Она не знает. Но она спрячет, – последовал ответ.

Айрэnn увидела меня и бросилась меня обнимать:

– Клот! Я так переживала! Коллинз мне ничего не сказал, что вы вернулись... – она с лёгким упрёком поглядела на З. – Я как чувствовала, шла проверить в зал, как здесь дела. М... Здравствуйте, – она увидела Грифона, сразу сжалась, поздоровалась с ним тихо и робко.

Нашла кого бояться! На её месте я бы боялась Коллинза. Он что, держит Айрэnn тут в плену?!

– Тёмной ночи, – кивнул Рикардо и сразу приступил к делу: – Скажи-ка, Принцесса Грозы, тебя уже обучали Пологу Ростка За Каменной Стеной?

Айрэnn опустила глаза, ответила тихо и несмело:

– У меня пока ещё не получается в достаточной степени. Неогермиты учатся этому годами. Я освоила только базовую ступень.

– С твоим потенциалом и Меткой базовой ступени вполне достаточно, – одобрил Грифон.

В следующую секунду меня поразила реакция Коллинза. Он жёстко посмотрел на Грифона, одновременно кладя ладонь поверх руки Айрэnn весьма собственническим жестом:

– Исключено.

Грифон смерил его внимательным, но спокойным взглядом в течение нескольких секунд. Это напоминало спокойствие змеи перед тем, как она собралась кинуться и сожрать птичку.

Айрэnn дрогнула. Она даже приоткрыла рот, чтобы что-

то сказать, но ей не дали. Коллинз высокопарно и на повышенных тонах продекламировал:

– Я не позволю использовать Айрэнн в этих мерзких играх с Русалками. Тем более, Полог опасен!

– Чем опасен, Коллинз? Если Айрэнн может умереть, применяя этот Полог или как там его, то... Грифон, ты говорил, что есть вариант один, где умереть должна я? Ну... может, не всё так страшно, в феврале мы оживляли из мёртвых человека, умершего сто пятьдесят лет назад. Ну и он где-то продолжает жить... – сконфуженно пробормотала я.

Поскольку понимала – в моих шкурных интересах не допустить конфликт между моим информатором и моим коллегой.

– Полог Ростка опасен тем, что Айрэнн придётся задействовать потенциал, которым она ещё не овладела, и это несёт риски лишения магических способностей, – всё ещё находясь в гневе на Грифона за его «неприличное предложение», принялся поучительно объяснять Коллинз. – Но это ещё полбеды. Полог может не подействовать, если Айрэнн не рассчитает силы, и тогда Русалки убьют вас обоих.

– Правильно ли я тебя понял, Коллинз, что ты против, чтобы мы попросили Принцессу Грозы помочь нам? – спросил Грифон. – Может, мы для начала спросим саму Принцессу Грозы, как она относится к нашей просьбе?

Коллинз вспыхнул ещё больше:

– Смею тебя поправить, что слышать слова «мы» и «нам»

из уст Серого я считаю некорректным. Пока ты Серый, не может быть никаких «мы», и не тебе нам указывать!

Коллинз посмотрел на Грифона так, будто хотел его побить. Грифон отвечал абсолютно хладнокровным прямым взглядом. Но я бы не хотела оказаться в тот момент на траектории этого взгляда. Повисло напряжение, сродни облучению сильных электромагнитных волн или радиации. Воздух стал тяжёлым. Айрэнн вся сжалась – она до смерти боялась конфликтов. Девушка с повышенной гиперответственностью, она наверняка сейчас переживала сильнейшее чувство вины, что послужила причиной раздора. Я, хоть и растерялась, но изрядно была возмущена этой ситуацией. Особенно поведением Коллинза.

– Между прочим, Грифон – один из моих друзей, и я не позволю тебе, Коллинз, оскорблять его! – в этот момент мой голос, прозвеневший в гнетущей тишине, показался мне особенно стервозным. Прямо как голос русалки. Я поморщилась – вот и повелась с врагами, стала на них похожа.

– А ты вообще смертная, ты ничего не понимаешь, поэтому не лезь! Да, я против, чтобы Принцесса Грозы вообще участвовала в Переговорах. Сама Трёхглазая запретила ей – раз. Принцесса Грозы чуть не погибла и чуть не лишилась способностей, когда Трёхглазая похитила её через Шар, чтобы сказать о том, что ей нужен Огонь – два. Я запрещаю, ясно? Пошли, Айрэнн, тебе нужно отдохнуть.

Коллинз весьма властно сжал Айрэнн руку и принялся

вставать, утягивая за собой. Я ошалела от такого произвола:

– Коллинз, а ты у нас, случайно, не Чёрный?

Тут меня резко поддержала Ниания. Она на тройку с Мангустом и Шрамом тоже выпала на несколько секунд в осадок от такого беспредела со стороны Коллинза. Бравая Чёрная Леди фурией налетела на своего гитариста, яро поддерживая меня, как и полагается истинной боевой подруге:

– Да, Клот права, Коллинз! И Грифон тоже! И я, как твоя официальная начальница, повторю вопрос Грифона: правильно ли мы тебя поняли, что ты отказываешься помогать нам? Правильно ли мы услышали, Коллинз, что ты отрекаешься от Белой Стороны и решаешь своим бездействием – молчаливым протестом – помогать нашим врагам?

Голос Ниании подобен грому. Я и не подозревала, что хрупкая изящная красивая рокерша может реветь таким басом. Она не то что бы орала – она просто громогласно задавливала Коллинза, надвигаясь на него, нависнув и даже заставив усесться назад на стул.

Коллинз сломался под таким напором. Он посмотрел на нас на всех. Он встретил спокойный непроницаемый взгляд Грифон, сжигающий убийственный взгляд Ниании, возмущённый мой, с ехидцей и некоторым самодовольством – Мангуста и грустный, расстроенный – Шрама. Единственный человек, не давший ему никакого взгляда – Айрэнн. Она покорно ожидала своей участи.

Первое время я втайне осуждала свою подругу. Ей бы про-

явить больше твёрдости, заявить о своих правах, что она Коллинзу не вещь и не игрушка, что у неё тоже есть мнение! Но потом, уже с опытом и после многочисленных уроков наставников, особенно Скорпиона, до меня дошло: Айрэнн в тот момент подхватила течение событий, поддалась, отдалась, поверив Вселенной, Потоку, принимала всякое, не сопротивляясь. А в этом истинная мудрость неогермитов.

Коллинз сначала смотрел на нас на всех с вызовом, с гордыней. Мол, упёрся в принцип, и не сдвинуть. Но спустя несколько секунд остыл:

– Я не хочу, чтобы что-то пошло не так, и кто-то погиб.

– Ты не хочешь, чтобы погибла Айрэнн. А на остальных тебе наплевать, – обличительно добила его Ниания.

Я думала, что Коллинз вспылит и пошлёт Чёрную Леди к чертям собачьим. Но он к моему высочайшему удивлению опустил голову. Плечи его тоже опустились. Он медленно встал, произнеся тоном, не теряющим чувства собственной важности и достоинства:

– Да, я не хочу, чтобы погибла Айрэнн. Возможно, я не прав, но у меня подозрение, что есть ещё шестой способ. Он Серому невыгоден, поэтому Серый и решил подставить Айрэнн под нож, – Коллинз стал уходить.

Взгляд Ниании ножом буравил его спину:

– Я с тобой ещё поговорю, Коллинз. У меня сейчас возникли большие сомнения в твоей лояльности не только Белизне, но и Тьме.

Коллинз ушёл, Ниания тут же подседа к Айрэнн, ласково приобняла его и принялась шептать что-то успокаивающее. Меня отвлекли Мангуст и Шрам:

– С ним такое бывает. Возомнил себя самым главным учеником босса боссов, – объяснил Мангуст, больше мне, потому что Грифон, похоже, и так всё знал.

Шрам же принялся пытаться замять неприятный осадочек конфликта для Грифона:

– Он будет сожалеть о своих словах. Он горячим иногда бывает.

– Ага, ретивый молодец, нечего сказать, – поддакнул Мангуст.

– Для меня Серые всегда были эквивалентны Тьме. Для Коллинза, всё что не Белое и не Тёмное – обязательно Чёрное. Так он устроен, это убеждение в нём – одно из его точек роста, ограничивающее убеждение, над которым он работает, – продолжал защищать друга Шрам.

Грифон миролюбиво сказал на это:

– Не будем превращаться в бабушек у подъезда, лузгающих семечки, которые обсуждают не-человека в его отсутствии. Коллинз информатор агента Сорвиголовой, и Сорвиголова уполномочена сделать с ним всё, что пожелает.

– Морду ему набыю когда-нибудь, – выдохнула я. И обеспокоенно посмотрела на Рикардо: – Грифон, это правда, что Айрэнн может умереть?

– Это война, Сорвиголова. Все могут умереть. Это зада-

ние для Принцессы Грозы, – Грифон проговорил это так тихо, что услышала только я. – Не для тебя. Скорее, наоборот: не справится Айрэнн – умрёшь ты. Однако, если справится – перейдёт на новый уровень Силы и Магического искусства. Для Коллинза это будет означать, что она станет более самостоятельной, уйдёт из-под его опеки. Ему это не хочется.

Подумав над словами Грифона, я саркастически хмыкнула и также тихим шёпотом ему ответила:

– А по мне так это задание для Коллинза. Умерить свой гонор и понять, что мир не собирается крутиться вокруг его оси.

– Толковый вагант, – Рикардо кратко, но особенно одобрительно и душевно улыбнулся. Эта улыбка предназначалась исключительно для моих глаз. Мне стало очень приятно.

Дарти весь изнывал от нетерпения. Он не мог себе представить, что когда-нибудь его пребывание в томберах и в услужении у Масочника даст ему столько счастья. Ещё пару недель назад он был готов сбежать, пойти за любым другим Чёрным, кто бы поманил его пальцем – за Крапом, за кем угодно, лишь бы не находиться в опостылевшей секте. Но сейчас всё поменялось, имя этой перемене – Августина.

Она вот-вот должна прийти. Дарти слепо верил Августе и тому, что она говорит – она тоже хотела небывалого могущества, хотела сделать Дарти правой рукой, своим королём.

Дарти подозревал, что Зелёный Червь догадывается об их с Августой союзе, и сейчас как раз подумывал над тем, как можно убить Червя.

В этот раз она пришла по-обычному – не через Теневую Сторону. С того момента, как её два дня назад ударили Водой – сначала Охотник Воды, потом посредственная водяная магичка, заставшая её врасплох, Августа предпочла быть осторожной. Потому что стала временно уязвимой, растеряв значительную часть своих сил. Чтобы восстановить энергию, демону требовались жертвы и кровь. Вернувшись из аэропорта в абсолютной ярости, что её обвела вокруг пальца никто иная как её заклятый враг, Августа приказала Масочнику убить пятнадцать человек самой мучительной кровавой смертью.

Конечно, Масочник недоволен. Подставлять под нож кроважадной демонше томберов, которых он только на днях перевербовал, только обучил не без помощи Зелёного Червя, только промыл им мозги – нецелесообразно. Оставался вариант похитить и убить посторонних людей, но проделать это незаметно, под носом у Глазюков и «беляшей». Масочник предложил Августе компромиссное решение: он отдаёт ей на растерзание только троих своих самых слабых «солдат-зомби», остальных Августа должна была убить сама.

И конечно же, Дарти отреагировал чутко и отзывчиво. Он был в ужасе, что его любовница пострадала. Он решил действовать назло беляшам. Масочник хотел призвать Зелёного

Червя и приказать ему заманить 12 «овец на заклание» для кровавой жертвы Августе, но Дарти сказал, что он сам всё сделает. Масочник тогда довольно ухмыльнулся своей уродской маской:

– Растёшь, мальчик. Раньше в чернуху и мокруху тебя было за уши не затащить, всё по своим книжицам да демонам ширялся!

– Я занимаюсь личностным совершенствованием, поскольку заинтересован в карьерном росте, – ответил Масочнику Дарти.

Масочник только злобно ухмыльнулся. Дарти давно догадывался, что он нужен Масочнику для его тайных зловещих целей. И Дарти льстило, что «шеф» – Дэннис Корим – относится к нему как деловому партнёру. Почти как к Червяю – на равных! Только Королём Масочник и Августа решили сделать Червя! Отчего такая несправедливость?!

И вот, вчера Дарти провернул то, что требовалось его любовнице. Он применил данные ему Августой и Масочником полномочия, похитил нескольких молодых людей – две влюблённые парочки, прохожих, а также пару стариков, и отдал их Августе. Он хотел присутствовать при кровавом ритуале. И демон позволила ему. Он увидел то, что не видел доселе ни один смертный: как Августа наполняет свою сущность душами, высасывая их через кровавые убийства. Как она изгибается в экстазе, когда эманации страха, ужаса, боли её жертв достигли своего апогея. Дарти не увидел её друго-

го внешнего облика, кроме того, что стал ему самым дорогим на свете. Хрупкая шестнадцатилетняя девушка в очках, обнажённая, стояла по колено в крови, вокруг её тела извивалась чернейшая энергия Инферно, вперемешку с огнём – чёрным пламенем, и поглощалась в неё – вместе с душами погибающих жертв.

Дарти страстно захотел когда-нибудь тоже испытать подобное. Его желание стать демоном ещё больше укрепилось!

Сегодня Августа заявила, что ей надо о многом поговорить с Блэки – её подружкой. А также расспросить кое о чём Масочника, покопаться в его тайных архивах, разыскать кое-какую информацию про врагов. Она обещала прийти к полуночи, поэтому Дарти так ждал. На часах уже половина первого ночи, Августы всё не было.

И вот она пришла. Жуткий дикий ритуал с массовым убийством невинных случайных жертв прошёл вчера успешно. У Августы восстановилась часть демонических сил и сверх способностей, но она не стала лишний раз тратить энергию на перемещение по Теневой Стороне.

Дарти нравилось, как она одевалась для него. В обычное время и в обычных делах она носила любимую школьную форму сорокалетней давности, старинного покроя – ту самую, в чём умерла. Эта форма её стиль, деловой дресс-код, и абсолютно все томберы без исключения воспринимают её почтительно как Богиню, Главного Мертвяка, кланяются ей и падают ниц. Никому не приходило в голову потешаться над

тем, что шестнадцатилетняя пигалица управляет империей, и даже всеильный могущественный Масочник пресмыкается перед ней. Но когда дело доходило до свиданий с Дарти – она одевалась более раскованно и откровенно.

Она по-другому причёсывала и чуть подкручивала волосы, снимала очки, надевала обтягивающие топики, ультра-короткие юбки и шорты. Дарти отметил, что у неё крышесносные ноги. Августа с удовольствием их демонстрировала. Вот и сейчас она пришла в коротком топике, короткой юбке, на каблуках.

Она пришла, с шумом захлопнула дверь и торжественно заявила:

– Я всё узнала.

Зыркнув на Дарти огненным многообещающим взглядом, от чего колдун чуть не сгорел дотла, она, виляя бёдрами как опытная «ночная бабочка», дошла до стола, запрыгнула на него, присела. Нога на ногу. Дарти облизнулся от удовольствия, пожирал её взглядом, но пока не смел подходить. Нужно выслушать Богиню.

– Мы с Блэки много чего испробовали, чтобы выяснить. Да и у Масочника всё пришлось перерыть. Но я вызнала, кто эта сука. Та самая, что убила Людвига фон Репса, твоего наставника.

– Что!? Это она тебя ударила?! Ей не жить! – Дарти окатила несусветная ярость. Ещё тогда, когда Августа злая и ослабшая, пришла и рассказала, что с ней случилось, Дарти ре-

шил первым делом побежать-покрошить Охотника Воды в мясорубку. Августа тогда остановила его, намекнув, что это глупое решение, ибо с Охотником ему элементарно не сладить.

На этот раз Августа одобрительно ухмыльнулась:

– Да. Её можно пришить. Но поизощрённее. Я хочу, чтобы беляши плакали. Я хочу, чтобы мой враг плакала, сжимая в руках охлаждающееся тело этой суки. Как же я ненавижу моего врага! Наверняка эта сука науськала её, накинуть на себя Мантию Тени, превратиться в Эвриуса! Дарти, ты должен отомстить. Ты должен убить её. Ещё лучше – приволочь сюда, и мы убьём её вместе. Её называют Чёрная Леди. Она, понимаете ли, певичка.

– Певичка? Моего наставника зарубила топором певичка?! – Дарти не мог поверить.

– Ага. Да ещё и недоразвитый маг. Любой вагант посильнее её будет. И как только она умудрилась меня шарахнуть водой? Не представляю. Но ей не жить. У Масочника я оставила метрику на неё и координаты. Места, где она часто ошиивается. Где живёт. Туда, где работает – не ходи, там логово «беляшей», иногда заглядывают Охотники.

– Охотники ничего не сделают! Я сам порублю всех охотников, – самодовольно заявил Дарти.

– Ты всё ещё маленький мальчик, Дарти, – с чувством превосходства покритиковала его Августа сладким голосом. Дарти и не думал обижаться на её оплеуху. – Ты не понима-

ешь, что такое Охотники. Я убедилась на своей шкуре. Не думаю, что тот, кто меня ударил, был самым могущественным, скорее обычным. Но теперь понимаю – Охотников придётся истреблять в первую очередь. Истребление русалок даже можно отодвинуть.

– До меня дошёл слух. Одна из Русалок, Рина, занимается истреблением юных не пробудившихся Охотников Воздуха. Она их вычисляет и убивает. На днях она заказала у Червя убийство одной из малолетних Охотниц или чтобы он отдал её Рине. А Червь не послушался. Мне не нравится Зелёный Червь. Давай его тоже убьём, – предложил Дарти. Внутренне он злорадствовал, ябедничая на своего коллегу-томбера.

Августа загадочно поулыбалась, жеманно и кокетливо повернулась несколько раз на столе. Дарти снова с трудом подавил порыв наброситься на неё.

– Нет, пожалуй, не убьём пока. Он мне пока нужен.

– Зачем? – Дарти спросил это требовательно. – Вот мне он как раз не нужен! Но он – Король. Зачем ты приказала Масочнику сделать его Королём Томберов, Августа?

– Всё-то тебе скажи да расскажи! – подразнила его Августа, обольстительно показывая язычок. – Он не Король. Он моя игрушка-марионетка. Он туп и глуп, им просто управлять. При этом Сила его чёрного Огня хороша, я такую не встречала. И эта Сила мне пригодится. Да и скоро Королём у томберов станешь ты. Я сделаю так, что даже сам Масочник будет у тебя на побегушках, – Августа громадными, много-

обещающими глазами посмотрела на него.

– Я очень этого жду. Но знай, что я всегда готов быть на побегушках у тебя. Любой твой приказ, любое твоё желание, – дыхание Дарти стало сбивчивым. Он весь дрожал и горел.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – Августа подёрнула плечами, одна из бретелек топа упала вниз.

Дарти жадно накинулся на неё, уже не в силах сдерживать вожделение. Через мгновение подающий надежды чернокнижник и бывшая жертва малолетних психов из школы на улице Мандаринов устроили дичайшую оргию прямо на столе.

Грифон некоторое время общался с Айрэнн наедине за другим столиком. Айрэнн взволнованна, зажата, видно, что она стеснялась Грифона, а ещё она не очень уверена в том, что ей предстоит сделать. Пока они шушукались, я пыталась пытать Мангуста. Нианию и Шрама не получилось пытать, потому что они куда-то ускакали. Убивать Коллинза, должно быть.

– Мангуст, а ты знаешь что-нибудь об этой технике Неогермитов? Этот Полог... Росток со стенкой на стенку или как там его?

– Ничего я не знаю! Я неофантом, а не неогермит. У неогермитов свои заморочки.

– Я беспокоюсь за Айрэнн, что если ей придётся делать что-то, где она может пострадать, то, может, я заставлю Грифона проверить один из оставшихся вариантов.

– Клот, – Мангуст доверительно посмотрел на меня своими честными, хоть и хитроватыми глазами. – Ты прошла уже два испытания русалок. И всякий раз кто-то мог пострадать.

Мне стало совестно. Мой приятель прав. Сначала пострадать могла Ниания. Потом пострадать могли Эдди и Мрия. Они и пострадали: у Эдди куча синяков и ссадин, а у Мрии – психическая травма. Вся надежда на Мод и моих сознательных начальников, что они правильно себя поведут с Мрией. Но Коллинз, встав в позу, заразил меня навязчивой идеей-фикс: Айрэнн пострадать не должна. Кто угодно, только не Айрэнн! Ей и так много доставалось по жизни.

– Мангуст, я знаю нескольких неогермитов, – начала я размышлять вслух, пытаюсь поддержать себя и сгенерировать хоть какие-то идеи. – В октябре мы с ребятами познакомились с их общиной в Туркее, их там несколько десятков. Там есть такой Альхум, он сильный маг, их вождь. Вот бы как-нибудь связаться с ним, спросить, может он что подскажет.

– В данный момент мы располагаем только одной неогермиткой – Айрэнн, – развёл руками Мангуст. – Чем богаты, тем и рады. У тебя мало времени. Ты, конечно, можешь сейчас позвонить по международному звонку в Туркею, как-нибудь своим коллегам, и попросить, чтоб позвали к телефону этого Альхума.

– На горе Сириус, где они живут, нет телефонов. Гермиты не признают техники, вернее, не то что не признают – обходятся без техники. У них другие средства связи, что-то вроде телепатии. Как бы я хотела быть как Мод, послать Альхуму телепатический сигнал! Или... можно позвонить Лоре, нашей коллеге, агенту Валькирии. Но она новый человек в ТДВГ, то есть у Тигров, и... да, она обучается у неогермитов, но вряд ли она быстро и оперативно сможет связать меня с Альхумом.

– Что ты привязалась к этому Альхуму? – полюбопытствовал Мангуст. – Айрэнн дрейфит, потому что она перфекционистка, – перешёл он на шёпот и стыдливо, за то что сейчас по сути сплетничает, посмотрел в сторону столика, где разговаривали Айрэнн и Рикардо. – Я за ней такое заметил. Если она что-то делает не на двести процентов, а на сто девяносто девять – она считает, что делать этого не умеет! Скромница она у нас. Ты ведь сама это знаешь!

– В том-то и дело, что я мало её знаю. Но я её очень люблю. Мне будет больно, если с ней что-то случится, а я ничего не смогу сделать.

– У каждого свои страхи. Но мы выстоим. Прорвёмся. И не через такие abordaji проходили, – Мангуст проникновенно и душевно улыбнулся.

– Abordaji? Какие ещё abordaji? Ты что, пиратом заделался?

– Не я. Один мой знакомец так говорит.

– Сорвиголова, – рядом образовался Грифон. – Мы закончили. Я ухожу. Подойди к Принцессе Грозы, она тебе скажет, что да как. Удачи.

Грифон стал уходить. Я спохватилась:

– Грифон! Спасибо.

– Пока не за что. Никогда не раздавай благодарности направо и налево, особенно Серым.

– А мне плевать, что ты Серый! Всё равно спасибо!

Рикардо еле заметно махнул рукой, он вышел из зала, не оглянувшись. Меня осенила неприятная догадка. Теперь оставалось только уповать на Айрэнн, другие варианты ушли вместе с Грифоном. Вернее, Рикардо всё решил. Он уверен в победе, иначе бы так спокойно не исчезал в закат. Я подошла к подруге. Она улыбнулась мне, светло, по-доброму.

– Твой друг объяснил, что мы с тобой должны сделать. Я теперь больше уверена, что получится. Твой друг умеет вселять уверенность, но сам он страшный.

– Он не страшный, он мой друг, – улыбнулась я. У меня не было цели поправить Айрэнн. Я дала обратную связь, сказав правду.

А правда у каждого своя. К одному и тому же человеку разные люди относятся по-разному. Айрэнн виновато улыбнулась:

– Прости. Возможно, дело в Стихии или в Стороне. С Серыми я раньше не общалась, но Эллина и Бригитта предупредили, что у них гнетущая аура. Отображается печать

всего, что Серый когда-то сделал – и плохого, и хорошего, его груз, его крест, и выносятся наружу. Чем больше чёрных поступков и помыслов – тем более гнетущая аура. То же самое у Тёмных, но не у всех. Мне пока тяжело общаться с Тёмными и Серыми, принимать их. И мне очень тяжело общаться с Чёрными.

– С Чёрными не надо общаться. Их нужно убивать.

– Ты тоже Тёмная, – Айрэнн произнесла это грустно, с искренним соучастием. Она посмотрела на меня, как на больного scarлатиной ребёнка. Который страдает, но не смертельно, поэтому убиваться и скорбеть смысла не имеет.

– Я не могу быть Тёмной, я человек, – теперь я поправила Айрэнн весьма резко. Она сразу сжалась. – Извини. Возможно, от того, что я по-тихому схожу с ума из-за всех этих Русалок и их игр, что из-за моего сумасшествия у меня правда пробуждаются сверхспособности. Только я об этом ничего не знаю.

– Не-человек – это не сверхспособности. Это образ жизни, это Путь. Мне тоже до сих пор не по себе считать себя не-человеком, хоть прошло уже больше двух лет, как я познакомилась с Неогермитами, и они меня научили. Оказывается, я умею делать многие вещи, которые раньше считала сказками из книжек фэнтези. К тебе тоже это придёт.

– Я читала книжки, не фэнтези, а научные. И там говорилось, что сверхспособности можно развить. С помощью упражнений, медитаций можно усилить интуицию, экстра-

сенсорное восприятие. Любой человек может стать магом.

– Человек, развивая себя и находя свой Путь, в следующем воплощении может стать анхомом, то есть Гостем. Ему будет дана сила, больший уровень развития, а значит большая ответственность – для того, чтобы он учил младших и охранял людей. Гостю не надо находить свой Путь. Его Путь предопределён. Но когда он приходит Гостем – ему нужно как можно быстрее определиться со Стороной. Мы с командой неогермитов Эллины придерживаемся Светлой Стороны. Техника, которую нам надо сделать – Светлая Техника.

– Что мы должны сделать?

– И мне, и тебе нужно подготовиться. Мне – кое-что узнать у Эллины или других ребят, моих друзей-неогермитов. Ещё мне нужны некоторые травы. Наверное, придётся попросить у Мангуста сходить в аптеку, – тихо, но ровным тоном говорила Айрэнн. – Тебе нужно вымыться в проточной воде, выпить отвар, что мы сварим из трав. А потом тебе надо будет лечь в каменную пещеру или саркофаг.

– Послушай, Айрэнн. Скажи мне честно, насколько это опасно будет для тебя? – я твёрдо посмотрела на подругу, требуя ответа.

– Всё зависит от моего тока и Силы. Насколько я смогу противостоять натиску Рины. Она будет искать сначала тебя. Потом она станет жадно искать того, кто тебя прячет – то есть меня. Если она найдёт меня – убьёт меня, и сразу убьёт тебя.

– Значит, мы с тобой в одной подводной лодке, – медленно проговорила я, пытаюсь справиться с накотившим страхом.

– Ты Росток, я Каменная Стена, – ответила Айрэнн. Её голос стал спокойным. От отчаяния и смирения с неизбежным ли? Она вдруг изрекла мудрую вещь: – Не нужно пугаться того, что ещё не случилось. Я сначала тоже пугалась, что подведу тебя. Но твой друг умеет хорошо всё объяснить. Как Мастер он очень хороший.

– Ещё бы, это ж Грифон! – усмехнулась я. – Что ж. Пойду в душ, буду ждать зелья, а потом залезу в каменный гробик. А как мы узнаем, когда Рина начнёт нас искать?

– Я почувствую. Ты – нет, потому что к тому времени я уже накрою тебя Пологом.

– Тогда начинаем готовиться, не будем терять время.

Айрэнн немного робела и перед Мангустом даже, поэтому я помогла ей подойти к Мангусту, уже вовсю хлебавшему пива и трепавшемуся с другим незнакомым нам Шакалом. Весьма бесцеремонно оторвав Мангуста от праздной беседы, я прочеканила ему приказ дать Айрэнн телефон и сходить в аптеку. Айрэнн прошептала слова благодарности – она пояснила мне шёпотом, что не решилась бы отвлечь Мангуста от «важного разговора».

Потом я отправилась к Коллинзу. Мне не по себе от того, что вытворил мой информатор.

Я обдумала, что им могло двигать. И пришла к выводу, что то же, что и двигало мной, когда я сидела в его машине.

Сильный внутренний протест, обида и возмущение ситуацией. Почему мной играют как куклой. Коллинз протестовал тоже – почему должны в эту игру вмешивать Айрэнн? Вернее, *его* Айрэнн. Я хоть и абсолютный верблюд в отношениях полов, ни разу не целовалась с парнями, но даже я понимаю, насколько Коллинз равнодушен к моей скромной подруге.

Постучалась. Уже была готова уйти, как он открыл. Он молча посмотрел на меня тяжёлым взглядом, но я отметила, что на лице его печаль. Не гнев. Уже хорошо. Я стояла и смотрела на него. Сначала несмело, но потом я вспомнила, кто я ему. Информаторы прикрепляются к агентам, имея по умолчанию статус помощников. Я воспринимала Коллинза как делового партнёра, более опытного коллегу. В некоторые моменты я робела перед ним: он умеет задавливать харизмой. Но мне нужно проявить лидерство. И сделать это дипломатично. Невзирая на нашу разницу в возрасте. Я не знаю, сколько лет Коллинзу, но он старше, значительно. Лет на пять, наверное.

– Поговорим? – задала я вопрос.

– Это приказ? – уточнил он.

– Да. Приказ, – подтвердила я затвердевшим голосом.

Коллинз вздохнул, отодвинулся, пропуская меня к себе.

– А у тебя здесь уютненько, – хихикнула я, снова робея, но пытаясь призвать юмор в помощь предстоящему тяжёлому разговору.

Пара глубоких кресел, диван, столик. Бар со спиртными

напитками, шкаф с книгами, второй шкаф – сервант с посудой и магическими штуками. Я увидела там спиритическую доску, камни, кристаллы. На полу глубокая шкура хищного зверя, на стенах то тут, то там висят черепа диких зверей и птиц. Увидела ещё одну дверь, видимо, в спальню. Коллинз остановился, скрестил руки на груди:

– Ты пришла обсуждать дизайн моего интерьера?

– Нет. Я пришла сказать, что поддерживаю тебя. И одобряю. Я тоже против того, что нас используют как марионеток. Чёрные. Или Белые. Или кто-то там ещё. Когда мы с тобой ехали, я обо всём уже подумала. Я помогаю тем, что довожу эти проклятые Переговоры до конца. И дальше наши пути расходятся. У анхомов свои пути, у меня свои. Да, я тоже против того, чтобы Айрэнн подвергала себя опасности. Но если так кому-то надо – что ж, пусть все риски будут на его совести.

Это я проговорила не глядя на Коллинза. Я стояла немного поодаль. Наверное, я смотрелась несолидно, как нашкодившая воспитанница детского сада. Переминалась с ноги на ногу, теребила руки, опустила голову. С Коллинзом сложно. Но я хотела его поддержать. Как могла.

Коллинз постоял неподвижно, отстранённо глядя в никуда. Неприступной такой статуей. Потом выдал:

– Ты пока мало что понимаешь. Я не должен тебе говорить, но скажу. Тебе от анхомов никак не отвязаться. Поздн-няк. Но за то, что не взрываешь мне мозг, спасибо.

– Я действительно мало что понимаю, – я посмотрела на Коллинза прямо. – Но я вижу, что тебе плохо. И мне это не нравится.

– О, так мне хорошо, – Коллинз раскинул руки и запрокинул голову назад, засмеялся: – Мир прекрасен! Только Мастера – гады, как всегда. Отыгрываются на вагантах, используют их как каторжников на каменоломне, только и всего. Это у них вступительные экзамены. Я это проходил, когда был таким же ребёнком, как ты. Айрэнн справится. Ты справишься. Иначе я проломил бы башку этому Серому.

– Грифону ты бы так просто не проломил башку, – мои глаза опасно сверкнули.

Коллинз уловил, на своё везение:

– Я шучу. Серый, в общем-то, толковый вариант предложил, только вот... для Айрэнн это лишнее перенапряжение. Её магическая сила и так слаба, и она может совсем её лишиться.

– Отлично. Тогда она станет простым человеком. Как я. И мы с ней вместе уйдём от вас в закат! – уела я Коллинза. Теперь уже он опасно позыркнул глазами.

– Я шучу, – уловила я, на своё везение. – Знаешь, Коллинз, несмотря ни на что, ты останешься моим другом. Хоть ты и придурок, но я ценю, что ты в нужный момент приходил мне на помощь. И ещё придёшь наверняка.

– Что?! Я придурок?! – у Коллинза стало такое выражение лица, что я с трудом удержалась, чтоб не расхохотаться.

– А что, нет что ли?

– И при какой дуре я придурок тогда?! – слегка надвинулся он в мою сторону.

– Догадайся с одного раза! – я уловила по лицу Коллинза, что он сам еле сдерживает смех. Рассмеяться ему мешала гордыня, мне – субординация. Что, в общем-то, тоже приравнивается к гордыне. Поэтому я чинно-благородно скомандовала: – Поддержи Айрэнн. Она беспокоится о тебе. Но не смей на неё давить. Однажды я уже отвадила Айрэнн от троих вампиров, призрачной зловещей бабы и страшного демона, а уж с тобой-то мне справиться – раз плюнуть!

Я повернулась с гордо поднятой головой и расправленными мечами стала уходить. Коллинз догнал меня почти в дверях.

– Сорвиголова! – я оглянулась и с удивлением увидела вместо напыщенной лоснящейся физиономии с повышенным ЧСВ растерянное, побледневшее и трогательное в своей взволнованности лицо. – Удачи, – прошептал он.

В его устах это означало извинение. Но я-то его давно простила. Оставалось надеяться, что Рикардо не записал его в тайный чёрный список врагов на первое место, перечеркнув имя Крампа. А то в этом случае Коллинз вряд ли до завтрашнего утра доживёт.

– И тебе ни пуха, ни пера, – улыбнулась я дружески. И ушла.

А когда начался наш ритуал, между Айрэнн и Коллин-

зом тоже произошёл разговор. Из-за чего Айрэнн ещё больше успокоилась и осмелела. Мангуст притащил необходимые ингредиенты. Чтобы сварить зелье, мы подрядили Шрама – уж он по зельям больший спец, чем кто-либо из присутствующих в Скомато! Ниания нашла для нас среди многочисленных келий Скомато самую подходящую. Эта комната располагалась на ярусе, ниже чем большинство помещений, то есть глубоко под землёй. Из-за того, что там оказалось тепло, я подумала, что совсем рядом земное ядро, что её греет. Но это, разумеется, было не так.

Комната без света, каменная, площадью примерно метров шесть. Когда Айрэнн её осмотрела, она вынесла вердикт, что каморка идеально подходит.

На мне надета сорочка из мешковины. Её Айрэнн окропила зельем. Большую часть этого зелья она использовала на себя, омыв лицо, руки, часть тела. Остатки мы с ней выпили. Она объяснила, что так мы станем одним целым. Мне приходилось принимать участие в ведьмовских ритуалах, поэтому я не задавала лишних вопросов и делала всё, как говорила Айрэнн. Когда Айрэнн успокоилась, поверила в свои силы, от её плавной сосредоточенности исходили свет и гармония. Одно её присутствие рядом убеждало, что мы не только выстоим в этом ритуале, но и разорвём русалок голыми руками.

– Тебе нужно глубоко медитировать. Погрузиться во все ощущения – тела, мозга, души.

Когда мы выпили зелье, Айрэнн показала, как мне лечь

на пол тёмной кельи, и погасила все свечи. Я легла на спину ровно, вытянула руки вдоль тела. Лежать оказалось не холодно, потому что на каменный пол снизу Ниания накануне подложила холщовую ткань. Как погружаться в медитацию, я знала. Несколько техник медитации мне показывала Аманда. О многом рассказывала Джейн: она увлекалась йогой, и там техникам медитации и работы с дыханием уделялось громадное внимание.

Айрэнн села у моего «изголовья» в позу лотоса. На ней тоже холщовая сорочка. Дверь в келью мы крепко-накрепко закрыли. Айрэнн настояла, чтобы никого не оказалось рядом, попросила Нианию исключить проход сюда в нижние этажи других Шакалов и постояльцев Скомато. Я поняла, что это делалось, чтобы обезопасить наших друзей. Оказывается, Русалка могла убить не только нас с Айрэнн, но и тех, кто бы стоял поблизости.

Сначала я сосредоточилась на дыхании. Расслабила тело. Айрэнн тоже медитировала, сидя возле моей головы. Мы с ней обе закрыли глаза, замолкли. Наше дыхание вскоре стало синхронным.

Я должна, достигнув абсолютного расслабления и осознанности, представлять себя маленьким ростком, пробивающимся из-под земли. Я должна применить образное мышление, воображение, фантазию, грёзы – что угодно. Айрэнн же визуализировала каменную стену, которую она строит вокруг меня. Я должна постараться настолько сама поверить в

то, что я – росток, чтобы убедить в этом ищущую меня Рину. Это древняя секретная техника Неогермитов, благодаря чему они могли становиться невидимыми. Прятать целые семьи и города от врагов, например.

А если я росток – значит меня как таковой нет, и суда нет. Идентифицируя себя во время медитации с ростком, я словно лишусь тела, помеченного меткой служанки Русалок. Мне надо войти в предельно глубокую медитацию. Основная сложность легла на плечи Айрэнн. Ей предстояло поймать мой образ, который я транслировала в уме – образ ростка, и окружить его астрально-ментальной стеной, мыслеформой стены. И всё это проделать под носом у Рины.

Когда моё тело стало расслабленным, я вспомнила всё, что читала в учебниках биологии о ростках, о том, как росток прорывается из семени, как деревья могут расти на скалах, а травы – на камнях. Как росток может быть настолько сильным, что преодолевает толщу плотной земли. Я вспомнила Мод. Как она зачитывала своим нежным, проникновенным и при этом уверенным голосом отрывок из институтского учебника по ботанике, составленного учёными, любящими своё дело. И потому лишённым академического стиля. Там говорилось высокохудожественным языком о том, что по клеткам растения, как кровь по артериям, течёт жизненная сила. Она устремляет росток к солнцу, к свету, к фотосинтезу, без чего растение не может жить.

Растение вырабатывает кислород, полезный для жизни –

в благодарности и радости за то, что ему дарована жизнь. Растение склонно отдавать. А дерево – живое существо, мудрое, связанное корнями с силами Земли, ветвями – с силами Небес, Космоса. Ствол любого дерева – средоточие мудрости, тайных знаний. В одной из древних восточных традиций с деревом олицетворялся сам человек. Аманда рассказывала о таком виде боевых искусств, где бойцы считали себя людьми-деревьями и все их стойки, удары, приёмы носили названия, связанные с деревьями.

Внезапно рука Айрэнн легла мне сверху на плечо. Она прошептала сдавленно, напряжённо:

– Ищет...

Я росток. Я радуюсь тому, что я пророс. Я росток. Я радуюсь тому, что становлюсь больше, длиннее, сильнее, зеленее. Я радуюсь тому, что прорываюсь через почву, через камни, через скалы, даже разрушая их, несмотря ни на что. Я росток. Я радуюсь тому, что могу вымахать в огромный дуб. И я начинаю расти. Вот мой ствол. Вот мои корни, укрепляются, черпают энергию из земли. Вот мои ветви. Вот мои листья. Они ловят каждый солнечный лучик, жадно ловят, жадно принимают – чтобы отдавать. Много кислорода. Фотосинтез. Я отдаю много кислорода. Я рождаю жизнь. Я в гармонии с землёй, солнцем, дождями.

Обе руки Айрэнн сжимают мои плечи. Они дрожат от напряжения. Айрэнн буквально вцепилась в меня!

Всё хорошо. Я росток. Нет, я дерево. Я хочу дотронуться

до Космоса, хочу постичь его мудрость. Но что-то мешает моим разросшимся ветвям. И корням. Как будто меня посадили в горшок.

Нет, к Космосу, к солнцу, к ветру, к свободе! Я пытаюсь вырасти ещё, чтобы своей силой прорвать эту стену...

Айрэнн издаёт стон напряжения и отчаяния. Её руки впились в мои плечи особенно сильно.

Как мне мешает стена. Мне так нужно наружу...

Я дерево...

Но там... там за стеной что?.. Горячо! Очень горячо! Я чувствую, как стена, обложившая меня со всех сторон, обжигает мои ветви, корни. Нет, это не стена. Это то, что за ней.

Камни плаваются. Там за стеной опасно. Нельзя, нельзя мне туда! Надо помочь стене! Стена же охраняет меня!

Я дерево.

Я сильное, большое, мудрое дерево. Как можно помочь стене? Изменить рост молодых ветвей, молодых корней, листьев. Охладить стену. Принять часть удара на себя. Мои листья, ветви, мои лианы превращаются в плющ, они коконом оплетают стену изнутри. Мне очень горячо, но я терплю. Я должна защитить эту стену. Стене ещё больше, чем мне.

Я дерево.

Руки Айрэнн расслабляются. Они почти ласково гладят мои плечи.

Потом внезапно всё пропадает. Чувствую, как лежу, мне

кажется, что я задремала, и мне всё приснилось.

– Айрэнн? – мигом вспоминаю я, где я и что с нами. Раскрываю глаза. Но тут темно, хоть глаз выколи!

Чувствую её дыхание. Хватаю её за руки, ладони холодные, ослабшие. Она сидит всё там же, в позе лотоса. Пытается удержаться в сидячем положении из последних сил.

– Мы справились. Она ушла. Она очень разозлилась... – выдыхает Айрэнн. – Но она не нашла нас.

Айрэнн внезапно падает, потеряв сознание, я ловлю её:

– Айрэнн, проснись! Что с тобой? О, Айрэнн... прости, это я виновата. Я решила стать деревом, а не ростком... Это из-за меня тебе было так тяжело!

Меня накрывает ужасом от осознания, что я только что чуть не сделала. В своём неумном желании прорвать стену ветвями и корнями я могла нас погубить! Айрэнн стоило немалых трудов сдерживать стену. Но это было неосознанно... Как сон, как грёзы. Само собой разумеющимся так вышло, что я захотела стать деревом – не просто маленьким ростком! Почему я такая? Почему я причиняю зло и боль своим друзьям?!

Я вскакиваю, распахиваю дверь. Хочу позвать на помощь друзей. Но они уже рядом! Ниания поддерживающе обнимает меня, Мангуст говорит что-то радостное-злорадственное по отношению к Русалкам. Коллинз и Шрам кидаются к Айрэнн. Через несколько секунд я узнаю, что с ней всё в порядке, просто она переутомилась. Коллинз бережно, как хрусталь-

ную вазу, уносит её.

А ещё через несколько минут везёт меня к Русалкам. До меня доходит, что по отношению ко мне он проявил высшую степень поддержки и участия. Ведь на его месте я бы не отходила от Айрэнн ни на шаг сейчас. А он выбрал ехать со мной, хоть мог успешно отправить и Мангуста или Шрама подбросить меня до Трёхглазой.

– Шестьдесят процентов миссии выполнено, – стремится пошутить он.

Он внешне спокоен. На лице – отстранённость, маска высокомерия, пофигизма. Но я вижу, что он бледнее обычного. И его руки на руле совершают время от времени микроскопические подрагивания. До умения сдерживать эмоции как Грифон, Коллинзу ещё о-о-о-очень далеко. От того, что Коллинз такой живой и настоящий, то есть от того, что я вижу его слабость, я проникаюсь к нему большим расположением. У меня не возникает мысли злиться, обижаться или ёрничать.

– Послушай, Коллинз, я дала маху. Я превратилась в дерево. А надо было в росток. Если я не вернусь сегодня от Русалок, передай Айрэнн, что я прошу у неё за это прощения.

– Не говори ерунды. Ты вернёшься от Русалок. Им уж очень любопытно, как тебе удалось выполнить их невозможное задание, и они зададут тебе нечто более невозможное. А перед Айрэнн тебе нет смысла просить прощения, скорее всего она его у тебя будет просить. То, что ты превратилась

в дерево – я даже не удивлён. Мы все хотим слишком многого, да и можем много, только себя отчего-то червяками да букашками считаем.

Произнесено без тени заносчивости. Грустно, задумчиво. Теперь я чувствовала идущую от Коллинза поддержку. Её мне не хватало вчера. Когда мы подъезжали к ресторану «Русалка», он признался:

– А знаешь, Сорвиголова, был период, когда я тебе завидовал. Чёрной завистью.

– Э... Карамба! За что?! Я вроде... не богаче тебя, не супер героиня с пупер способностями. С чего тебе, такому красивому, здоровому парню мне завидовать?! Да и вообще, зависть – это слишком девчачье чувство. Я бы меньше удивилась, если бы мне об этом сказала Ниания, но услышать такое от тебя – не ожидала!

– Это трудно объяснить. Я себя считал исключительным. Ещё несколько дней назад. До того, как к нам привели Айрэнн. Знакомство с ней всё изменило, перевернуло с ног на голову многие мои устои. Я себя считал единственным в своём роде, в июле меня прикрепили к тебе. Потом выяснилось, что ты – равная мне, и я злился. Вот тогда я тебе и завидовал. Ты как мой конкурент, потеснила меня. Но когда меня познакомили с Айрэнн, то есть равной нам с тобой, я смирился. Что не только я звезда с неба.

– Ты говоришь загадками, я вообще ничего не понимаю! – растерянно похлопала я глазами, опасаясь, а не тронулся ли

Коллинз рассудком?! – Да что уж там, ты городишь какую-то дичь! Я не могу быть равной тебе. По субординации я твой заказчик, ты – информатор. По факту я – салага желторотая, а ты крутой опытный маг, колдун, ведьмак или как вы там называетесь в вашей анхомской братии. И ещё раз повторяю. только попробуй косо посмотреть на Айрэнн – будешь иметь дело со мной, и я уже не стану ради приличия изображать салагу желторотую, усёк? – я показала кулак, совсем под носом Коллинзу.

Он аж отшатнулся. В его глазах проскользнуло удивление и почти даже не наигранный испуг.

– Хорошо, полегче, остынь! Я сам готов за Айрэнн поврать кого угодно. Ты очень крутой человек, вот я о чём. Поэтому я тебе и завидовал: в моей картине мира люди просто не имеют быть право настолько крутыми как ты.

– А люди, между прочим, не яйца, поэтому крутыми быть физически не могут. Я тоже тебя люблю, Коллинз, – усмехнулась я и покинула машину.

Ясно видно, что надвигается шторм. Трёхглазая смотрела на меня особенно злобно. Я всё никак не могу привыкнуть к её трём глазам. Мне каждый раз хотелось внимательно рассмотреть их, понять, как они устроены, что это за аномалия строения черепа, что в нём аж три зрительных рецептора. Но я понимала, насколько это опасно – строить глазки той, что считает себя Богиней Вод Морских.

Её «девоньки» сегодня не шушукались и не хихикали.

Они выглядели напряжёнными, раздражёнными, нервными – как девушки в очереди в женский туалет. У всех четырёх скрещены руки на груди. Они стояли у барной стойки – не сидели. Сидела только одна Трёхглазая – на стуле, нога на ногу. Русалки прожигали меня взглядом, полным ненависти. Ещё бы, я поколебала их уверенность в победе.

Пообщавшись с Грифоном, я уже не боялась их. Присутствие Коллинза рядом в машине, за несколько десятков метров от ресторана, тоже внушало уверенность.

Русалки выглядели более синими, чем вчера. Я до сих пор не понимала, от чего это – освещение, косметика, зрительный эффект, гипноз, или их кожа и волосы действительно синели по мере продолжающегося с ними знакомства.

Сегодня разговор получился короче, чем вчера. Они не поздоровались, никак не прокомментировали, что я выполнила задание. Пета Кирия, рыжеволосая Русалка с вечно капризной недовольной миной на лице, подозвала меня пальчиком подойти поближе.

– Теперь тебе придётся иметь дело со мной, – заявила она, угрожающе шипя.

Я приготовилась слушать её, не сказав ни слова. Пета торжественно молвила свой приказ:

– Приведи мне сюда тех, кто заставит меня замолчать.

Я напряглась. Очередная загадка. Пока я судорожно пыталась её интерпретировать, Пета добила гвоздь в гроб пока не понятно кого:

– Иначе я запою так, что твоё сердце разорвётся.

Так я получила своё четвертое задание у Русалок. Вернулась к Коллинзу.

– Они хотят, чтобы я кого-то к ним привела. Но не сказала, кого, – окончательно я растерялась. – Их задания стали более изощрёнными, походят на загадки сфинксов или задачи из конкурса весёлых и находчивых. А начиналось всё прозаически – с подстав и боёв.

– Кто из них давал задание?

– Пета Кирия.

– Ах, эта кричалка-оралка. Мне приходилось однажды с ней сталкиваться напрямую.

– Тебя тоже посылали на Переговоры забрать у них ключ? – удивилась я.

– Нет. Это было много лет назад. Я чуть не стал её морячком. Нет, ты не думай, что я знаю всю её подноготную. Но я узнал «оружие». Меня тогда спас друг детства. Из-за того, что мы были друзьями – мы с ним выжили. Пету заставят замолчать узы прочной, многолетней, искренней дружбы. Я надеюсь, у тебя остались такие друзья, с кем ты ползала в песочнице, набивала первые шишки, падала с первых покорённых деревьев и велосипедов? Просто обычно такие друзья годам к восемнадцати-двадцати уже исчерпывают ресурс. Пути расходятся. Они становятся другими людьми, заводятся семьями, детьми, карьерами, личными амбициями, а для тебя остаются светлым воспоминанием.

Я в ужасе смотрела на Коллинза.

Ибо теперь мне предстояло привести к Русалкам самых дорогих мне людей: Пита и Джейн.

– И ты не могла придумать ничего более сложного, а, Рина? – Трёхглазая уничтожающе смотрела на Русалку Пара.

Морская Королева восседала на троне. Рядом – Шар. Морская Королева слегка поглаживала свой Шар кончиками пальцев, как дорогое украшение-жемчужину. В сущности, Шар и был жемчужиной.

Рина стояла перед ней, опустив голову, напряжённая. Руки вытянуты вдоль тела, облачённого в длинное платье. Кулаки сжаты.

– Но ведь ты сама одобрила, Королева, – проговорила тихо Русалка Пара.

– Мало ли что я там одобрила, – Трёхглазая вальяжно покрутила ладонью перед лицом. – Ты меня разочаровываешь, Рина. Сначала твоя оплошность с племянницей Дункалса. Ты словно специально навела на нас матёрого Охотника. Нельзя ли было тебе по-тихому её убить, обязательно привлекать внимание беляшей?! – голос стал хлётким, угрожающим. Рина внутренне сжалась. – Теперь ты намеренно дала нашей служанке слишком лёгкое задание. Ты что, не знала, что эти проклятые неогермиты давно научились прятать кого угодно от моего Шара? Лишь один плюс от всего

этого. Я убедилась, что неогермитка Айрэнн Бенинг хороша. Она превзошла мои ожидания и частично – свои возможности. Я уже рассматриваю вопрос о её перевербовке. Только она Светленькая – а светляшей, этих святош, перевербовывать к нам, ещё сложнее чем беляшей.

Разглагольствуя, Трёхглазая не спускала с Рины требовательного, давящего взгляда. Она замолкла, приготовившись слушать подчинённую фрейлину. Фрейлина попыталась опротестовать, защищая себя:

– Но с этой Охотницей так вышло, потому что я ратую за наше дело! Я поклялась истреблять всех Охотников Воздуха. Как когда-то Охотники истребляли наших сестёр! Я поклялась находить их и уничтожать в зародыше. И когда я узнала, что Зелёный Червь привёл одну из них к томберам – я обрадовалась. Я хотела провести ритуал, получить эссенцию, которая позволила бы нам иметь оружие против Охотников Воздуха.

– Эссенцию из девчонки, кто даже не подозревает, что она – Охотник, ты бы не получила. Эссенцию надо получать из того, кто называет себя Грифон. Но он – Серый, то есть чисто теоретически может принять и нашу сторону. А раз он примет нашу сторону – значит, не надо никаких эссенций, он будет сам вычислять и убивать коллег по нашему почину. Охотников Воздуха сейчас мало. Особенно тех, кто может нам угрожать. Они либо уже Чёрные и служат мне во всех частях света, либо Серые, либо не проявленные, вроде этой

мелюзги, из-за чего ты устроила сыр-бор. Запомни, Рина: мы сейчас во многом выигрываем, опережаем беляшей, потому что у них нет Охотников Воздуха. Об их истреблении я сама лично позаботилась в своё время. Оставь этот вопрос, не занимайся им больше, он исчерпан.

– Я хотела сделать приятное тебе, Королева, – выдохнула Рина и осмелилась поднять глаза на Богиню Вод Морских. – Я хотела подарить тебе результат этого ритуала, который я бы провела с племянницей Дункалса.

Трёхглазая смягчилась:

– Я ценю твою преданность. Я знаю, что ради меня ты воткнёшь меч себе в грудь. Но ответь мне, почему ты решила дать служанке такое лёгкое задание? Ты что, хочешь, чтоб беляши получили Ключ?

– Я полагала, что тебе нужна эта служанка. Ты же сама говорила, что хочешь иметь её в наших рабах и учениках, Королева...

– Мало ли что я сказала?! – Трёхглазая проговорила это особенно громко, раздражённо. Но раздражение лишь внешняя демонстрация силы. Внутренне Морская Ведьма абсолютно невозмутима. – Я политик, Рина. Мои решения меняются ежемоментно. За несколько сотен лет, пока ты одна из моих наиболее приближённых, личных фрейлин, тебе пора бы это понять. Вот то задание, что дала Пета – я понимаю: знатное задание! У неё явно будут сложности привести к нам лучших друзей.

Рина вспыхнула, уже забыв о субординации:

– Ты всегда хвалишь девочек, Королева. Ты всегда подчёркиваешь, как хороши Пета, Блэки и Лексаэлла. Чем я заслужила такое презрение?

– Презрение? – Королева нахмурилась.

Она привстала со своего трона и надвинулась на Рину. Рина внутренне снова сжалась. Она пожалела о своих словах.

– Значит, ты считаешь, что я как твой руководитель некомпетентна, несправедлива к тебе, раз раздаю плюшки твоим сёстрам? Значит, ты отделяешь себя от своих сестёр, от меня? Значит, ты отделяешь себя от Черноты, от служения Великой Чёрной Богине?! Так может ты – Белая, Рина?

На Рину дыхнуло чёрной всепоглощающей магией. Русалка Пара согнулась пополам, простонала, схватившись за живот.

– Ты из всех моих фрейлин самая молоденькая. У тебя меньше опыта. Считай – ты всё ещё вагантка, а твои сёстры прошли уже через многое и они заслужили высоких похвал. Ты со временем тоже их заслужишь. Если, конечно, будешь время от времени включать свою ошпаренную голову, – как нерадивую дочь отчитала Трёхглазая подчинённую.

– Моя Королева... – восстанавливая дыхание, прохрипела Рина. Она смотрела на Трёхглазую недоверчиво, испуганно, ожидая снова вероломного удара. – Не усомнись в моей преданности... Я прошу у тебя прощения. Я всё отдам, чтобы быть твоей фрейлиной впредь.

Морская Королева на это ухмыльнулась, выдержала большую паузу. И молвила:

– Не делай глупостей, не совершай ошибок, недостойных Чёрной Русалки. И будет тебе счастье.

– Быть твоей фрейлиной, быть подле тебя, вместе с тобой стремиться к могуществу, вместе с тобой вернуть Вечный и Бесконечный Океан – вот о чём мои помыслы! – Рина припала на одно колено и склонила голову.

– У меня к тебе будет задание, Рина. Займись Серым Охотником. Сделай всё, чтобы он стал Чёрным. Убеди его перейти к нам. Справишься – будешь вознаграждена. Не справишься – мы все умрём. Ибо он в любой момент может стать либо Тёмным, либо Белым. Ты хотела повышения, похвалы, величия в моих глазах? Получай. Я вверяю тебе наши судьбы и жизни, Рина Вронски.

Рина замерла. Побледнела. Посинела. Начала покрываться чешуёй.

Приказ, что дала ей Королева, показался невыполнимым. Но потом она вспомнила, что она – истинная Русалка. Она превратилась в облако пара и улетела через форточку.

Песня о дружбе

– Я был в то время слишком молод. Про Трёхглазую и о том, что нам предстоит с ней сражаться – не знал. Но то, что

ходят по земле эти твари, замаскировав рыбки хвосты под симпатные женские ножки от ушей – я знал. Я познакомился с Петой, когда мне было лет столько же, сколько и тебе.

Коллинз вёл машину, смотрел в лобовое стекло на спущившуюся на дорогу декабрьскую тьму. Шёл снег, работали дворники. Фары освещали трассу. Я не сразу уловила, что едем мы не в Румбу, а в другую сторону. Коллинз продолжил:

– Уже тогда я многое знал и умел в части магического искусства. Мне повезло с наставниками. У меня был лучший друг, человек. Нет ничего плохого в дружбе анхома и человека, но важно, чтобы первые не вмешивались в жизнь вторых и давали вторым идти своим путём. Мой друг мне сказал, что дружил со мной именно за это: за то, что я не пытался его менять, учить, читать ему нотации и так далее. Я старше его, но воспринимал на равных. Тогда я был студентом, а он старшеклассником-школьником.

Это случилось летом. Жаркий день, июль. Ночи тоже жаркие. Мы с ребятами поехали на пикник. Моего друга там не было, потому что его бы на такой пикник не пустили родители. Поэтому я даже не стал ему предлагать и говорить, куда я поеду: просто сказал, что в выходные буду занят. Мы уехали далеко в лес, в пикниковую зону, на берег озера. Купались, загорали, допоздна играли на гитарах. Нас было четверо. Ребята были людьми, три музыканта. Я поехал с ними, чтоб завязать связи, узнать их получше и возможно попроситься к ним в группу: я ведь хороший клавишник!

И вот мы сидим на берегу этого озера, орём в четыре глотки под гитары всякие кавера, рок, метал, все дела. Вдруг слышим – нам подпеваает женский голос. Со стороны озера. Анхром во мне тогда отключился. Я отрывался по полной. Сама понимаешь – ночь, костёр, гитары, алкоголь – романтика. Какие уж тут мысли, что ты – маг, обязанный защищать простых обывателей?! Мы решили, что девчонки с соседней турбазы прикалываются, пошли туда.

Двоих она убила сразу. Светила полная луна. Мы взаправду увидели посреди озера девичий силуэт. Она залезла на кочку и распевала. Русалки умеют управлять внешним видом, они маскируют хвост, превращая его в ноги. Они умеют маскировать возраст. Пета приняла облик нашей ровесницы, шестнадцатилетней прелестницы, весьма соблазнительной. Двое товарищей подплыли первыми, оказались околдованными. Я даже не понял тогда, что их убивают. Она пела, пела, они подплывали ближе и ближе. Потом она скользнула с этой кочки, где сидела, им навстречу, схватила их и увлекла на дно.

Мы с оставшимся товарищем подумали, что это игры у них такие, «брачные», как ещё шутканул товарищ. Мы были под шафе. В озере стояли по пояс, в одежде. То есть убийство произошло немного поодаль, поэтому мы ничего не поняли. Они всё не появлялись, мы уже собрались им кричать, как вдруг эта девица вынырнула перед нами. Она предстала во всей красе, в купальнике, но он был ей мал, трещал по

швам буквально. Мой товарищ сразу запал на её формы и округлости, аж язык высунул. А во мне разыграла тревога.

Я заподозрил что-то не то. Почуял в девице опасность. Что она – Чёрная. Но решил не выдавать себя.

Сначала она занялась моим товарищем. Я ещё сомневался в ощущениях. Она подошла к товарищу, обняла его, поцеловала. Он ответил, как будто она была его любовницей и женой лет сто. Потом она незаметно увела его в кусты. Я опомнился не сразу, догадался, что она навела чары. Ринулся к тем кустам – но поздно. Там уже лежал труп. Русалка выпивала из него последние капли жизни. Она оглянулась на меня, её глаза светились синим. Её облик вмиг изменился: она стала выглядеть старше – женщиной лет тридцати, и груди её стали не такими вываливающимися, а на коже за сверкала в лунном свете чешуя.

Она меня спалила. Я сам спалился – орал благим матом, приготовился выплеснуть заклинания. Все подряд удары, файерболлы и так далее. И тогда она запела. Но уже совсем не так нежно и призывно, как пела сидя на озёрной кочке.

Если бы не Кировски, я бы с тобой сейчас тут не сидел. Возможно, тебя бы подбрасывал до Трёхглазой Шрам или Мангуст.

Она пела, я умирал. У меня из ушей текла кровь. Сердце покрылось трещинами. И тут пришёл Кировски. Как он узнал, как он смог отпроситься у родителей, чтоб среди но-

чи уехать неизвестно куда в глухой лес... Я до сих пор не знаю. Он потом говорил, что ему среди ночи сон приснился. Он как был одет, в одной пижаме, выбежал из дома, поймал такси и велел сюда привезти. Когда он прибежал, он тоже орал благим матом. Что-то вроде «Отстань от моего друга, лярва!!!». И лярва отстала. Я ничего не мог тогда слышать, я был почти труп. Кировски мне рассказал, что перед тем как заткнуться и исчезнуть, она злобно посмотрела на него, с ненавистью, проклиная и прошипела:

«Раз говоришь – друг, то так и быть, отстану».

Потом я узнал легенду о Лорелей. Мифы о Лорелей известны по всему миру – о Сирене, поющей в море так, что разбиваются корабли. Я прошерстил почти все библиотеки мира, ища информацию про Лорелей, и нашёл предание. Эта легенда нигде не афишируется.

Однажды Лорелей потопила корабль, и выжили только два моряка. Они выжили, потому что были близкими друзьями и дружили с детства. У Лорелей есть такой пунктик. Или её своеобразный кодекс чести: она не трогает тех, рядом с кем находятся их лучшие друзья. В этом же предании шла речь о выживших кораблях и экипажах. Они выживали, потому что на борту многие моряки были друзьями. Гибли в основном пиратские суда: пираты не могут никак быть друзьями, тем более друзьями детства. Ещё гибли торговые суда, военные, перевозящие рабов. Там тоже не могло быть друзей на борту. Выживали чаще всего рыболовецкие суда: рыбаки

часто дружили между собой, работая сообща, добывая рыбу. Так я узнал, что русалка, превратившаяся в сладкоголосую деву, была прожжённой Лорелей, взявшей себе новое имя – Пета Кирия.

Коллинз рассказывал, я молчала. Когда он окончил эту тревожную историю, я спросила:

– А тогда, когда твой друг тебя спас, чем дело окончилось?

– Ничем. Она ушла через Теневую Сторону. Мы с Кировски остались. Рядом в кустах валялся труп моего приятеля, два других вот-вот должны были всплыть со дна озера. Я подумал, что если звать легавых – они цапают меня и Кировски. Меня-то ещё ладно, я сам виноват. Но я не мог позволить, чтобы четырнадцатилетнего мальчика признали виновным в том, что он не совершал, навесили бы на него эти убийства. Я затёр следы пребывания с этой компанией, мы с Кировски ушли из леса на рассвете к автобусной станции, и через телефонный автомат я анонимно вызвал копов. Сказал, что видел мёртвое тело студента на берегу в кустах. Мы с Кировски решили сохранить всё в тайне. Я одного не понимал – как случилось так, что он узнал, где я. Он человек, я проверял, я идентифицировал его. Ни следа Метки. Позже я обо всём догадался: его направлял тот, кто стал мне боссом и наставником.

– Кто стал твоим боссом?

– Я не могу тебе сказать.

– Это тот самый босс, кто устроил игру с Трёхглазой. Он

сказал, что за Ключом должна сходить я, а моим друзьям, в том числе начальству, запретил вмешиваться?

– Разговор про это закрыт, – обрубил Коллинз.

– А что случилось с Кировски? – не отставала я.

– Ничего. Наши пути разошлись. Он сейчас женат, у него трое маленьких детей.

– Выходит, чтобы «победить» Пету – нужно к ней привести своих лучших друзей. Но она может убить их!

– Может, если сочтёт, что вы недостаточно друзья. Но если сочтёт и не тронет – тронуть могут другие. Особенно если твои друзья – «морячки».

Мне стало мутрно на душе. Я изо всех сил не хотела вмешивать Пита и Джейн. Особенно Пита. Под «морячками» подразумевались парни. Коллинз проговорил:

– Время теперь подошло, – и остановил машину.

Я опомнилась и выглянула в окно. Он привёз меня к моей калитке, в квартал Хороший Путь.

– Время подходит всегда, – автоматом ответила я отзывом на пароль.

Сколько я не была дома? Около пяти дней. А казалось – прошло пять лет.

– Если они действительно тебе друзья – они пойдут на смерть ради тебя. Кировски не думал о том, что мог умереть, когда шагнул в ночь и поехал непонятно куда. Он думал о том, что мне грозит опасность, и что хочет быть со мной рядом.

– Никто не пойдёт на смерть. Если с моими друзьями что случится – на смерть пойдут Русалки, – проговорила я.

Не глядя на Коллинза, я вышла из машины. Коллинз уехал в ночь.

Мне не хотелось идти в дом, одинокий, холодный. Внутри там, должно быть, всё разгромлено: после того, как там похозяйничала Августа, устроив дикую вечеринку с моими одноклассниками, когда выдавала себя за меня. Я пошла к Питуу.

Опомнилась, когда уже звонила в дверь дома Ривелов: на улице почти ночь! Если мне откроют господин или госпожа Ривелы, родители Пита, серьёзного недовольного разговора не избежать. Потом серьёзный разговор будет с моими уже родителями – мол, ваша дочь шляется невесть где, заявляется среди ночи к нам и требует свидания с нашим сыном.

Но поздняк метаться, я уже позвонила.

Открывается дверь. Мои опасения напрасны – на пороге сам Сыщик, агент 003, собственной персоной. Я выдыхаю с облегчением.

– Привет. Ты пришла за своей коробочкой? – спрашивает он буднично.

Глазами он зыркает назад, глаза виноваты, извиняющиеся. Я понимаю, он хочет сказать, что его родители рядом, и он им должен объяснить, почему я пришла.

– Да, в том числе, – киваю я. И шёпотом шиплю: – А ещё я пришла за тобой.

– О... Понял, – кивает он. – Сейчас принесу. Зайдёшь?

Захожу. В доме вроде тихо. Пока Пит бегает наверх на свой чердак за моей коробкой со шпионскими приборами, из одной из комнат выходит его папа, здоровается. Карамба, надеюсь, я выгляжу прилично! Одежда на мне не особо свежая, на лицо я слишком давно в зеркало не смотрела. Ещё я давно не спала – поспишь тут, когда Русалки похитили Ключ от Ада, и мне надо его у них выцыганить. Наверное, у меня под глазами дикие синячища! Но господин Ривел ничем не выказывает удивления, неприязни по поводу легкомысленной молодёжи. Он здоровается, предлагает чаю. Я отказываюсь, поясняю, что я зашла за своей вещью. Господин Ривел исчезает в глубине дома, появляется Пит.

– Вот, – протягивает он коробку.

Я смотрю на коробку, он растерянно смотрит на меня.

– Благодарю, – киваю я, выхожу.

Он выходит следом за мной. На крыльце он шепчет:

– Ты дашь мне четверть часа? Меня припахали как назло, мы с папой собираем стенку для Томми и Патрика.

– Без проблем. Я готова ждать сколько угодно. Но не позднее завтрашнего вечера.

– Понял, – снова кивает он. И обещает: – Я сделаю всё что угодно, но приду.

Иду в пустой дом. В доме разгром. Во всех комнатах неубранная и уже начавшая подгнивать еда. На полу куча мусора. Но мебель не поломана – на том спасибо. Самое ужасное –

кровать моих родителей. Она сильно сдвинута почти на середину комнаты, бельё перевероршено, кругом перья. Похоже, тут были не оргии, а баталии, петушинные бои. У меня в комнате тоже ураган прошёлся.

Я правильно сделала, что унесла коробку с изодами к Питу и уничтожила блокноты. Августа устроила хороший обыск. Почти все книги из стенки изъяты, валяются по полу. Всё, что в моём письменном столе, тоже разбросано. Единственный положительный момент – когда устрою уборку, могу потом предъявить родителям результат, насколько всё чисто.

Звоню Джейн. Особой надежды нет даже поговорить с ней, она уже наверняка спит. Трубку берёт её брат-двойняшка Уолли, который объявляет, что Джейн в ванной. Я собираюсь попрощаться, но слышу Джейн:

– С кем ты там разговариваешь?

– С твоей подружкой, Русалочка! Давай, посиди ещё в ванной подольше, я её у тебя отобью, останешься без подружки!

Никак не думала, что Уолли в меня тайно влюблён. Он всегда ко мне хорошо относился, по-товарищески, но чтобы кокетничать – такого за этим рыжим лоботрясом не водилось.

– Я тебя сейчас утоплю! Дай сюда трубку! – рычит моя рыжеволосая ведьма-воительница.

– На, кури свою трубку! Моя сёструшка курит трубку-у-

у-у, – начинает он распевать, удаляясь.

– Что у вас там за цирк? – спрашиваю я. У меня повисилось настроение.

– Клот! Я так рада! Мы так соскучились с Питом, все переживались! Ты не представляешь, каким пыткам я подвергла Эдди! Молчит как партизан, говорит – у тебя задание!

– Не нужно пытаться Эдди. Он правильно делает, что молчит.

Радостно отмечаю тот факт, что Эдди после драки с Червём благополучно добрался до дома и даже сходил в школу, раз Джейн с ним пересеклась.

– Это правда, что вы с ним пара?

– Напарники, – поправила я. – Правда. Джейн, послушай. У меня мало времени. А вы с Питом мне сейчас нужны. Не знаю даже с чего начать и как сказать... но разговор долгий. Если ты не сможешь и я тебя отвлекаю, заранее прошу прощения, я что-нибудь придумаю, как мне справиться.

– Клот! Как это – не смогу?! Я сейчас же приеду! Так, сколько времени? Метро до каких, до полпервого? Так... пересадка... Переход могут закрыть в полпервого, но иногда ждут последних пассажиров и закрывают в сорок минут... Успеваю! Я побежала, одеваюсь!

– Джейн, ты не должна... – начинаю я, но трубка в моих руках уже издаёт короткие гудки, трубка в шоке!

Меня накрывает волна трогательной нежности по отношению к друзьям. Я только намекнула, что мне нужна помощь

– Джейн уже мчится. С мокрой головой, из ванной, из другого конца города.

Начинаю прибираться. На кухне проверила, чтобы всё было безопасно в части газа. В ванной проверила, спускается ли вода в унитазе. Звонок в дверь. Пит. Перепуганный и взволнованный:

– Клот, прости, что так вышло, что я опоздал! Ты продержалась?

– Опоздал? Э...

– Я обещал, что через четверть часа буду у тебя. Быстро всё закончил, папа даже меня отпустил. Но тут как назло зануда Лилиан пристала, начала истерить, что потеряла какую-то шкатулку и заставила весь дом её искать. Эту шкатулку ей якобы подарил твой Зак.

– Не мой Зак, а её Зак. Зак мне троюродный брат, а ей – жених, следовательно её, – поправила я.

– И всё это так затянулось, кошмар... Ты меня прощаешь?

– Да ни за что на свете! – пошутила я.

Пит расплылся в улыбке. Он прекрасно понял юмор.

– Раздевайся, проходи. Не падай в обморок, у меня в квартире побывал демон.

– Да мы уж догадались. Майло велел нам с Джейн не вмешиваться, держаться подальше от твоего дома. Он убедил, что ты в безопасности. А вчера он сказал, что демона больше здесь не будет и ты объявишься. Где ты была?

– На одной из конспиративных квартир, если можно так

выразиться. Давай с тобой чай попьём. К нам едет Джейн.

– Джейн едет? Ух ты, это круто! Мы всё обсудим! Слушай, а давай, пока она к нам едет, я тебе тут помогу убраться? Ты попьёшь чаю, я уберусь, хорошо?

– Ты не должен убираться, ты мой гость! – в ужасе посмотрела я на Пита.

– Я должен убираться, я твой друг! Если бы у меня дома поселился демон, который так нахрюнчал, и ты бы ко мне пришла – что, неужели ты бы не взяла швабру в руки без лишних слов и обиняков?

От Пита исходила такая бодрость, деловитость и забота, что я украдкой прослезилась. Пока мы ждали мчащуюся к нам на всех парах с лёгким паром Джейн, я всё меньше хотела вмешивать друзей в то, что предстоит провернуть.

Джейн всё не было. Я начала волноваться, что она не попала на переход в метро, и ей пришлось возвращаться домой. Пит меня успокоил:

– Если она не успела на переход, она прилетит на метле. Ты открыла у себя в комнате форточку?

Она приехала в начале второго. Мы настолько обрадовались, когда встречали её, что бедняжка Джейн чуть не оказалась полупридушенной в наших объятиях. Обнимая её, я боялась, что обнимаю её в последний раз. Мы снова выпили чаю и переместились в гостиную, расселись по дивану и креслам.

– Ты сразилась с демоном? – спросила Джейн, от волнения

сбиваясь и смотря на меня во все глаза.

– Если бы. Я сильно подозреваю, что Скорпион пугнул её чем-то.

– Скорпион может, – закивал авторитетно Пит.

– То есть она ещё может появиться? – Джейн прямо посмотрела на меня. – Если она появится – я убью её!

– Нет, убивать её буду я! – поспорил тут же Пит. – Это дело чести!

– Ребята, мы убьём её вместе. Меня беспокоят русалки. За последние четыре дня я узнала о них столько, сколько все жители планеты не узнают за всю жизнь.

Я рассказала абсолютно всё, что со мной приключилось в эти дни, без утайки. Опустила только конспиративные подробности, касающиеся Шакалов, потому что это их тайны. Опустила я и то, что произошло с Эдди, как он победил Зелёного Червя. Меня просили даже с самим Эдди не обсуждать то, что у него обнаружили такие способности.

Друзья слушали меня почти не прерывая. Лишь время от времени чуткая Джейн, желая поддержать, клала мне руку на предплечье или сжимала ладонь. Пит сидел в кресле, нахмурившийся, собранный и готовый к бою.

– И вот, мой информатор довёз меня до дома. Остальное вы знаете, – так завершила я.

– С ума сойти, – первой опомнилась Джейн. Она порывисто схватила меня за руки: – Клот, конечно же мы пойдём! И надерём им задницу!

– Это те самые русалки, что стояли за делом Рискони? Те самые, которые якобы спонсировали Кавандайка? – уточнил Пит.

– Да, те самые.

– Тогда, милые дамы, позвольте вам запретить туда ходить. Я сам с ними разберусь, – Пит был предельно серьёзен, когда произнёс это твёрдым голосом.

Он решительно встал:

– Я готов поехать прямо сейчас. Ресторан «Русалка», говоришь?

– Пит, послушай, дружище, – я испугалась, что Пит сейчас станет неуправляемым как берсерк и сбежит от нас в этот чёртов ресторан выяснять отношения с Трёхглазой и её свитой. – По условиям задания я должна прийти туда с вами. И русалка, которая может взрывать сердца своей песней, но не трогает близких друзей, не должна тронуть нас. Это будет считаться выполненным заданием. Они думают, что я испугаюсь вас приводить. Я и правда боюсь, но вас не остановишь.

– Не то слово, – Джейн задорно и воинственно сверкнула глазами. – Нас не остановишь! Но чего ты боишься? Ты же к ним ходила несколько раз. Это деловые переговоры, временное перемирие. Они выбрали эту игру, испытывать тебя. Взамен обещают дать эту вещь.

О том, что похищен Ключ от Инферно, я не рассказала. Мои друзья узнали только, что Русалки украли принадлежа-

шую ТДВГ вещь, убив человека. И что переговоры с Трёхглазой инициированы боссами на вышестоящем уровне. Пит просёк, что это экзамен и что мафиозный клан в лице Трёхглазой присматривается, не завербовать ли им меня и компанию для полного счастья.

– Я не знаю, что от них ждать, понимаете? Пит, тебе туда идти вдвойне опасно. Я видела, что они делают с мужчинами: шансы выжить у любого парня очень малы. Кэпчук застращал меня.

– О, Кэпчук кого хочешь застращает! Признаюсь, я его побаиваюсь больше, чем этих тётъ с рыбьими хвостами! – на Пита напал шуточный лад.

– А они боятся агента Кэпчука. И Майло, и Аманду, и всех наших взрослых коллег. Поэтому они предпочли иметь дело с молодёжью, – просекла умница Джейн. – Наверное, нашим боссам что-то нужно от этой Трёхглазой. Не только эта вещь. Это только мои субъективные догадки. Но я в любом случае иду туда!

Я понимала умом, что нужно, чтобы пошли со мной Пит и Джейн. Но боялась за друзей, в особенности за Пита. И уже была готова склонить друзей к тому, что мы пойдём вдвоём с Джейн. Но Пит – ни в какую, наоборот, он настаивал на том, чтобы мы Джейн остались дома, в безопасности. Джейн на это чуть не поколотила Пита уже по-настоящему.

Поставщик пришёл, образовавшись перед Мангустом как лист перед травой, когда тот направлялся к себе в келью.

– Шугать меня уже входит в твой фирменный стиль! – хотнул барабанщик Приходящих-не-в-Полночь.

– Привыкай, малыш. А ещё лучше – будь готов отразить внезапную атаку, – ответил Поставщик.

Он смотрел мрачно, но усмехался хитро. Мангуст отметил, что Поставщик сегодня не в очень хорошем настроении.

– Ты нам что-то принёс? – осведомился Мангуст.

– Себя, – кивнул Поставщик. – Мои отношения с вами, Шакалами, уже давно перестали быть формально-ролевыми продавец-покупец, не находишь?

– Давно пора! Мы давно к тебе присматриваемся, чтоб завербовать, – усмехнулся Мангуст.

– Я никуда не вербуюсь. Я сам по себе. Неудачный опыт был вербовки, знаешь ли. Понабивал шишек. Последний раз я кой-куда завербовался лет пять назад. После чего защелкнулся.

– Ах, вот как. Соболезную. Но у нас да будет тебе счастье! Включи позитивное мышление, подумай о перспективах! Вот ты станешь Шакалом...

В следующий миг крепкая рука Поставщика сжала Мангусту шею, барабанщик почувствовал, как его затылок чуть не пробарабанил стену.

– Ты мне тут про перспективы базар не закатывай! – угрожающе прошипел Поставщик.

И тут же отпустил. Вежливо пробурчал:

– Извини, приятель. Спасибо, конечно, за доверие, но я правда сам по себе, – повторил он.

– Но ведь ты нам друг! И я тебя всегда буду считать другом! – Мангуст почти влюблёнными глазами поглядел на Поставщика, украдкой потирая шею.

Мангуст уже давно понял, что Поставщик – одного с ним поля ягода. Любопытный, приткий, хитроватый и всегда тянущийся к новым интересным возможностям Мангуст решил не упускать случая сблизиться с такой таинственной харизматической личностью, как Поставщик. Поставщик стал его тайным кумиром. Мангуст сам не против стать его вагантом.

Поставщик, кажется, почувствовал этот порыв. Он похлопал Мангуста по плечу:

– Так ты мне тоже друг.

– Послушай, Дрэгон, ты, конечно, можешь не отвечать или убить меня. Но мне очень интересно, куда ты завербовался? Случайно не в Фиолетовый Глаз?

– Нет. К ним дорога заказана. Они хорошие ребята, против ничего не имею, но мне с ними не по пути.

– А куда тогда? – Мангуст совсем набрался наглости! – Это не праздное любопытство. Если там было так плохо тебе – то туда никому и не надо. Предупреждён – значит вооружён.

Дрэгон ответил не сразу. Он поглядел на Мангуста при-

щурившись:

– А ведь ты прав. Ром есть?

– Есть! – обрадовался Мангуст. – И пиво, и виски...

– Меня интересует ром. Если он есть, тогда пошли его есть.

Когда Мангуст и Дрэгон присели за дальним тёмным столиком в зале Скомато, Дрэгон поведал такую историю:

– Пять лет назад я искал себе ваганта. И десять лет назад искал, и двадцать. Но пять лет назад я думал, что ищу себе ваганта в последний раз. Нашёл в этом году, но речь не о том ваганте, что я нашёл. А о мотивах моих помыслов и похождений.

За поисками вагантов я угодил в одно весьма поганое местечко. Там были люди, которые так же, как и ты, весело размахивали флагами и призывно кричали – «Давай к нам, ты нереально крут!» Да, забежал я тут вперёд. Началось всё с драки. Я подрался с сумасшедшими дядьками, а потом мне поступило это предложение. Я клюнул на него по той причине, что мне сказали, что это закрытая элитная школа, где обучают киллеров. Туда поступают в основном парни и девушки шестнадцати-семнадцати лет. Они проходят жесточайшую подготовку. Кто оказывается слабаком – с позором выбывает. До конца доходит лишь горстка самых стойких.

Чтобы до конца доходила эта горстка, надо проверять их стойкость, обучать, смотреть, как ребята всё усваивают. Техники боёв – это детский сад по сравнению с тем, что там

предлагалось сделать с ребятами. Там использовалась настоящая промывка мозгов. Кое-кто из управителей просёк, что я хорошо умею подчинять разум. Вампирский гипноз, все дела, и меня сделали ценным кадром. Я же оставался в этом гнилом улье по одной-единственной причине: мне казалось, что я встретил достойного ученика.

И когда уже всё подошло к финалу, отсеяли всех – остался как раз он и ещё один парнишка. Я выбирал между двумя, и выбрал того, кто был сложнее. Того, кого сложнее ломать, сложнее подчинять. Того, кто темнее. Того, кто более проявленее. Они оба тёмные, они оба анхомы. Только один – рубаха-парень, всякий раз расстраивался, когда остальные выбывали, и ему было противно там находиться. Второй работал ожесточённо, делал всё, чтобы дойти до конца. Они оба дружили между собой. И когда стало ясно, что останутся они оба, мне вскрылась информация, которая мне стала глубоко противной.

Оказалось, финальный экзамен подразумевал физическое убийство. Выпускников могло быть двое, трое, десятеро – не важно. Главное, чтобы они поубивали друг друга и остался только один. Естественно, от ребят это до последнего скрывалось. Я нарушил их законы, подорвал их устои и рассказал всё тому, кого считал будущим учеником. Мне заодно хотелось посмотреть, что он сделает с такой информацией. Он рассказал всё другу, второму финалисту. А потом сбежал. Исчез.

Руководство этой мерзкой школы было в культурном шоке. Они решили, что это второй парнишка пронюхал и всё разболтал дружку. Его с позором выгнали, обозвали трусом. Трусом обозвали и второго.

За что себя до сих пор корю – я не раскрылся. Мне пришлось жестоко обмануть парня, то есть того, кто сбежал и кого я хотел взять в ученики. Он поверил, что я Чёрный – а я и маскировался под Чёрного. Для конспирации. И когда прошло время, я понял, что натворил. В его глазах он получил помощь и поддержку, покровительство от Чёрного. Мне кажется, он уже тогда качнулся на Чёрную Сторону. Мне надо было стереть ему воспоминания о себе, как я сделал со вторым, с его другом. Но что не вышло – так не вышло, умерла – так умерла. Я исчез оттуда, поклявшись никуда никогда больше не вербоваться.

Дрэгон хлебнул изрядную порцию рома. Мангуст во все глаза смотрел на него:

– Зачем ты маскировался под Чёрного?

– Я просёк, что во главе этой школы стояли лица, имевшие большие связи с Чёрным Орденом. Я не мог прийти туда обычным вампиром-Отступником. Я пришёл туда высшим Чёрным вампиром.

– Подумать только! Если ты говоришь о школе Venenum, – Мангуст понизил голос, приблизился к уху Дрэгона и зашептал взволнованно, – с ними сотрудничал Глаз, с ними со-

трудничали Шакалы. Потому что там – кладёзь знаний и секретных техник боя. Глаз отправлял туда агентов, союзников. Неужели в Глазу не знали о том, что лучших, дошедших до финала выпускников, заставляют истреблять друг друга?

– В Глазу всё прекрасно знали, малыш, – вздохнул Дрэгон, тоже шёпотом. Разочаровано. Грустно. – У высшей верхушки Глаза – договор с этим лицом, назовём его Директор. Школа имеет сложную историю и сложные цели создания. Там всё завязано на политике Чёрных и Белых, на игре Баланса Сторон. Белых и Тёмных среди преподавов не было вообще, а ученики – были. Считай – Школа V была способом для вас, Шакалов, и для Глаза получить запретные техники, которые котировались у Чёрных, с помощью чего Чёрные выигрывали бои. Ученики – не более чем марионетки, разменные монетки верней. Когда я в этом разобрался, мне стала противной и школа V, и Глаз, и вы, Шакалы, ты уж меня извини, но к тебе это не относится.

Дрэгон похлопал Мангуста по предплечью. Мангуст поспешил заверить:

– Что ты, Дрэгон, на твоём месте я бы поступил так же! Я поддерживаю тебя, я солидарен с тобой. Кстати, по слухам, Школа V сильно обмельчала и почти закрылась, и её измельчание как раз началось лет пять назад. А как зовут Директора?

– Это очень закрытая информация. Но тебе я скажу, потому что ты Шакал, а Шакалы – мои друзья. Его зовут Ронг

Халл. И у него была ещё правая рука, зам – Ламар Логон.

– Халл? Какая знакомая фамилия. Халл... постой, это же бывший друг Августы. Эвриус.

– Ронг Халл – его отец. Довольно старый хрыч, скажу тебе. Мангуст замолк.

– Да-а-а. Дела в аду, называется.

– Он скрывается под другими именами. Он сильно законспирирован. Что самое забавное – он человек. Не анхом. В отличие от его сына Эвриуса.

– Вот это поворот. А как звали твоих учеников? Тех двух ребят, которых ты спас?

– Я не уверен, что я их спас. Одного я спас точно – Антонио Тенбрук его зовут. Он отделался лёгким пинком под зад из V с клеймом труса. Но он парень слишком отходчивый, без тараканов в голове, и мстить никогда не будет, в V он попал по принуждению, с подачи своей тётки из Глаза. А вот второго я не спас. Именно я и мог подтолкнуть его в Черно-ту. Его зовут Вермис Верте.

Мангуст думал, что Дрэгон его ничем не сможет больше удивить, после того как назвал имя директора Школы V. Но сейчас бедняга Мангуст готов хлопнуться в обморок.

– Дрэгон, тебе срочно надо к Шакалам. Срочно! Это не предложение, это приказ, – сдавленным шёпотом просипел Мангуст.

Сначала нам было страшно. Но на то мы и друзья, чтобы вместе бороться со страхами. Мы вспоминали, сколько вместе мы проходили спецзаданий: одно тревожнее другого. Каждый из нас мог умереть, но всякий раз мы не только выживали, но и вспоминали об этих спецзаданиях в последствие со смехом.

Джейн не терпелось поболтать с «тётянками-русалками», поучиться у них водяной магии. Пит уже не стремился их порвать голыми руками, а стал вынашивать планы, как их можно обвести вокруг пальца, чтобы они признались в планируемых убийствах. Боевой настрой и задор друзей передался и мне.

Настоящие друзья – это те, с кем ты сам можешь позволить себе быть настоящим. И не получить потом тычки в спину, камень в огород, внезапный удар или укол. Такой удар или укол можно получить от родителей. В воспитательных целях они могут жестоко попрекать тем, что тебе больно слышать. «Воображаешь себя хорошей девочкой, идеальной дочерью – а полы не моешь». Или – «Оценки хорошие приносила из школы, а что толку? По жизни устроиться не можешь, все тебя будут постоянно задвигать и давать оплеухи». Да, родители тоже бывают злыми, как и дети.

Но друзья – никогда. Хоть и говорят, что друзья из большой любви к человеку должны его критиковать, но другие говорят, что критика – это как раз показатель желания самоутверждения за чужой счёт и эгоизма. Друзья всегда знают,

где нужно сказать правду, а где она совсем не желательна и лучше применить ложь во спасение.

– А вот и ресторан «Русалка». Они что, здесь обосновались? Почти в центре города, – замечает Джейн.

– Да, здесь. Они загипнотизировали весь персонал и сидят тут несколько дней. Они могут перемещаться в пространстве, и этот ресторан они используют в качестве одной из своих баз.

– Обалдеть. Я так думаю, они прячутся в этой грязной мутной воде, – Пит с неприязнью покосился на плещущие волны реки Укосмо внизу под набережной.

– Или в канализации, в сточных водах, – хихикнула Джейн.

– Друзья, мы сейчас туда войдём. Я хочу узнать их намерения, оценить обстановку. Вы входите не сразу, задержитесь в дверях. Если я крикну «Эльфы», бегите, не думая вообще ни о чём. Если я крикну «Разбойники», спокойно заходите внутрь.

Сигналы «эльфы» и «разбойники» мы придумали, когда нам было лет по десять. Мы часами пропадали в лесопарке Хороший Путь и играли там в разбойников. Наши жилища располагались в ветвях деревьев. Эльфы были нашими врагами – теми, кто мог нас отлавливать. В случае нашей игры это прохожие, особенно чопорные педантичные приставучие бабулечки, которым до всего дело. Например, до того, почему чужие десятилетние дети лазают по деревьям. «Упасть

и разбиться могут, надеть ихним родителям пожаловаться!!!» Завидев таких бабулечек, мы кричали «эльфы!». Это было синонимом блатного слова «шухер».

Сигналом «разбойники» мы отмечали тех, кто потенциально мог стать нашими друзьями – таких же мальчишек-сорванцов. Но завидев нашу компанию, включающую целых двух девчонок, мальчишки не хотели с нами водиться.

Себя мы называли разбойниками. Мы воображали, что грабим богатых эльфов, их сокровища прячем в схроны – дупла. «Награбленным» называли то, что подбирали с земли – пуговицы, заколки, иногда серёжки и монеты. Ещё мы делали шалаши на земле, устраивая разбойничий лагерь, и «жили» в шалашах поочерёдно – то в одном, то в другом, а то ходили друг к другу в гости.

– Мы тебя поняли, – Пит хлопнул меня по плечу. – Крикнешь «разбойники» – мы входим спокойно, чинно, как короли. Крикнешь «эльфы» – мы врываемся быстро, с ором и матом, как группа спецназа.

– Не правильно! Крикну «эльфы» – вы тихо и быстро убегаете и держитесь от ресторана как можно дальше, – поправляю я. – Ребята, вы же обещали, мы обо всём договорились! Как по вашему, лучше чтобы один из нас не вернулся с задания или сразу вся группа была угроблена?

– Чёрт возьми, ты рассуждаешь совсем как Стивитз! – проворчал Пит.

– Мне пора идти. Надеюсь, вы выполните то, что требует-

ся.

– Надеюсь, ты крикнешь «разбойники», – улыбнулась Джейн.

Ребята остались в прихожей ресторана, я прошла внутрь.

Мне надо понять, в каком состоянии Русалки, вступить с Петой в переговоры. Перехватить контроль. Намекнуть, что мои друзья как бы близко, но вне пределов её досягаемости.

Когда я вошла, шторм по-прежнему надвигался. Все Русалки выглядели так, будто на взводе. От каждой исходила наэлектризованность, злость. Больше всего этой злости исходило от Рины Вронски. Будто я виновата во всех её бедах.

Трёхглазая выглядела недовольной. Вот-вот замечает молнии. Но её недовольство, как мне показалось, адресовано не лично мне. Она не в духе сегодня, сама по себе. Лексаэлла выглядела слишком отстранённой, и в этом безразличии чувствовалось презрение, отвращение и малая толика остервенелой злобы. Будто её достало всё происходящее.

Блэки кровожадно ухмылялась. Она сидела на стуле, изгибаясь, выгибаясь, прогибаясь, закидывая ногу на ногу. Юбка слишком коротка. Кожа синюшная. Мне показалось, что на её щеках и бёдрах проступают небольшие перламутровые чешуйки.

Пета Кирия стояла посреди. Уперев руки в боки, капризно вздёрнув нос, она окатила меня взглядом, полным ненависти и превосходства.

– Что, не сдюжила? – приветствовала она меня торжеству-

юще и злорадствуя. – Я так и знала! Что у тебя кишка тонка привести сюда тех, кто заставит меня замолчать. Да у тебя, такой пригожей-расхорошей, тех даже и нет!

– Мне нужны гарантии, что сегодня в стенах этого заведения и за его пределами вы не тронете того, кого я знаю, – я попыталась сторговаться. Довод, конечно, трещит по швам: разве Русалкам писан закон?

Петя подтвердила это:

– Кто ты такая, чтоб требовать гарантии? Мы и так тебе дали достаточно гарантии. Мы ведём честную игру. В отличие от многих из вас, лицемерные беляши. А ты сейчас, похоже, задумала нечестность. Мухлюешь, детка. И ты за это умрёшь. Я начинаю петь!

Петя раскрыла рот, набрала воздух. Я поняла, что все переговоры бесполезны. Блэки подтвердила:

– Раз ты пришла – то ты либо выполняешь задание Петы, либо не выполняешь. Одно из двух. Если ты хочешь поговорить с нами просто так за милую душу – имей в виду, мы разговариваем только с теми, кто подписал наш Контракт.

Петя злобно посмотрела на Блэки:

– Ты меня перебила. Я тебе это припомню. Судя по всему, она моё задание не выполняет. Поздравляю, моя Королева, Ключ с нами!

Петя снова набрала воздух. Мне ничего не оставалось делать, как тоже набрать воздух и крикнуть:

– Разбойники!

И тут же я в ужасе заткнула рот рукой. Потому что я хотела крикнуть не это. Я хотела крикнуть «Эльфы!», ибо в тот пронзительный и пронзающий момент поняла: Пета сейчас меня убьёт по-настоящему. Русалки уже всё решили. А если они меня будут убивать – мои друзья следующие. И надо, чтобы они убежали. Я хотела крикнуть «Эльфы», но крикнула «Разбойники».

Пета издала звук – адскую песнь, начало первой ноты своим голосом, и у меня завибрировало сердце. Вибрация прошла по всему телу, отдаваясь страшной болью во всех сосудах, мышцах, нервах, суставах. Ноги подкосились. Я упала на колени, меня чуть не вырвало. Это продолжалось от силы секунды две-три, но мне хватило испытать самых неприятных ощущений в моей жизни.

Если Коллинз слушал эту «песенку», то как он выжил?! Он, должно быть, железный киборг.

В зал врываются друзья. Я слышу бодрый голос Джейн, голос амазонки-валькирии над полем брани:

В перипетиях судьбы, какие бы ты ни встретил,
В самом разгаре борьбы, и как бы Рок дорогу не метил —
Друзья познаются в беде, тебя приведут к победе!
Друзья за тобою везде, поддержат в любом твоём бреде!

– Я не могу... – Пета хрипит. Её глаза смешно расширяются, она хватается за горло. Издаёт ещё один сильный хрип. –

Голос... мой голос...

Из глоток моих друзей раздаётся наша песня. Задорная, лихая. Песня друзей-разбойников. Пит подхватывает. Он хорошо поёт – это выяснилось несколько месяцев назад, когда мы с ним исполняли арию Тьмы на Весеннем Равноденствии.

Вместе они подхватывают меня, поднимают. Тошнота, боль отступают.

Как это здорово – иметь таких друзей,
С которыми хоть в Ад и в Пекло за тобой
Нырнут – ведь с ними петь ты будешь веселей,
К звёздам долетишь, с друзьями вместе выиграв бой!

Пета валится на колени. Она держится за горло. Она покрывается чешуёй. Пит крепко держит меня за правую руку, Джейн за левую. Мы распеваем в три глотки:

Все планы твои так дерзки – но трудности нам не помеха!
Избавим мы враз от тоски – открывай рот шире для смеха!
Друзья к тебе прилетят как птицы по первому зову,
Днём глаза их горят, да и ночью не спят как совы!!!

Мы орём уже, то в унисон, то вразнобой, а-капелло. То попадаем в ноты, то не попадаем. Пета в ужасе. Только достоинство и гордыня не позволяют ей низменно уползти от нас под столы. Она корчится, согнувшись, держится за гор-

ло. Она повержена. Мы торжествуем. Мы поём дальше.

Пока не слышим жёсткий окрик Трёхглазой:

– Всё, хватит!

Она взмахивает рукой. Я чувствую боль, похожую на укол в области шеи, инстинктивно хватаюсь туда. Наверное, так Трёхглазая сняла с меня очередную метку-«татуировку». Она смотрит на нас мрачнее тучи. Мы перестаём петь, и, пытаясь отдышаться, смотрим на неё.

– У неё три глаза... – шепчет изумлённо Джейн.

– Вот это да... Три глаза, а уха вроде два, и ноздри тоже две... – шепчет Пит.

– Тш-ш-ш! – в ужасе шиплю на друзей, потому что их бра-
вурная эйфория может навлечь на нас беду.

– Что ж, всё по-честному, – слышим мы голос Петы.

Она как ни в чём ни бывало встаёт, оправляет платье. Смотрит на нас злобно, но уже без тени презрения – даже с неким уважением:

– Я не могу петь, когда рядом друзья. Это моё проклятье. Это моя слабая пята. Вы выиграли. Я и не рассчитывала. В наше время у людишек не бывает таких уз дружбы. Наоборот, я рассчитывала, что ты либо струсишь, либо приведёшь тех, кто тебе не друзья, а так, – Пета махнула рукой.

С чувством собственного достоинства она отошла к столу.

– Что ж. Белые, вы и в этот раз победили. Наплевала бы я на всё и уничтожила бы вас одним глазом, едва моргнув.

Кое-кого из вас я бы спокойно уничтожила и одной ноздрей, и одним ухом, – опасно и криво ухмыляясь, Морская Ведьма скосила все три глаза на Пита. Тот неестественно побледнел. – Да приходится соблюдать эту дурацкую договорённость с этим дурацким Тёмным Демиургом. Блэки, твоя очередь. Не думала, что до тебя дойдёт.

Блэки облизнула губы, слишком медленно. Будто соблазняла нас. Снова покривлялась, меняя положение ног, демонстрируя разные изгибы тела. Уселась так, что юбка приподнялась, обнажив край ажурных чулок. Повернулась так, что её весьма не маленькая грудь чуть не выпала из плотно обтягивающей блузки с глубоким декольте.

– О, задание от меня? Ха! Оставь мне морячка, – промурлыкала она, загадочно разглядывая Пита.

Она на моих глазах стала менять облик. Из опытной черноволосой бестии она разом помолодела, став выглядеть как наша ровесница – шестнадцатилетняя симпатичная крошка в самом соку. Пальчиком в чёрном маникюре она подманила Пита к себе. Пит пошёл! Он стал как зомби.

Джейн, когда я посмотрела на неё, превратилась в лунатика. Она стояла, отрешённо покачиваясь, глядя пустыми глазами в никуда, и тоже была бледнущей, один нос и веснушки.

Во мне всё упало. Мне стало так страшно и муторно, что я не сразу смогла что-то сказать.

– Блэки, – строго зыркнула на неё Трёхглазая.

Пета и Рина ухмылялись подленько. Лексаэлла созерцала эту сцену с холодным равнодушным интересом. Но даже ей на лицо напоззла гадливая кривая улыбочка.

Пит дошёл до Блэки, она встала перед ним, принялась поглаживать его по волосам, по лицу:

– Такой хороший-пригожий морячок. Я хочу его заполучить себе сегодня на ночь.

– Блэки, – Трёхглазая проговорила это теперь уже не строго. А словно раздумывая – почему бы и не позволить фрейлине убить моего лучшего друга? Да ещё и на глазах у меня и Джейн?!

– Возьми вместо него меня, – говорю я одеревеневшим голосом, не чувствуя ног. Я в ужасе, я в панике, но что-то делать надо. Выиграть время хотя бы.

И тут Трёхглазая заявляет тоном, не допускающим возражений:

– Она шутит. Тебя она не возьмёт, потому что если кто из нас тебя возьмёт – так это только я.

– Я не шучу, – мило воркует Блэки, пожирая Пета громадными глазищами, где плещутся омуты с Кракенами, акулами, глубоководными монстрами и динозаврами. – Когда я говорю, что морячок очень хорош – я никогда не шучу.

– Блэки, не дури, накажу, – в голосе Трёхглазой – угроза.

– Да, говори своё задание, и мы прогоним этих беляшей, пусть поживут ещё сутки, ведь мы так великодушны! У меня от них уже бельмо в глотке! – внезапно встаёт на нашу

сторону Пета.

Блэки отталкивает Пета от себя лёгким движением. Снова становится «взрослой». Поворачивается ко мне, смеривает оценивающим взглядом. Грациозно подходит ко мне, продолжая изучать. Я готова. Ко всему. У меня холодеет тело, но я понимаю – случилось чудо, опасность Питу больше не грозит. Во всяком случае, не сегодня.

– Уничтожь Договор Воды и Огня. Сумеешь до завтрашней полуночи – Подвеска Инферно твоя. Не сумеешь – не твоя, зато ты – наша. И морячок твой – мой, в качестве премии мне! – обольстительно и коварно улыбается Русалка.

Я не успеваю опомниться, как её рука, на ощупь – тёплая, приятная, влажная – как вода в термальном бассейне – почти ласково проводит у меня по щеке и по волосам, убирает прядь за ухо.

Блэки перемещается к Джейн, принимает к ней, будто нюхает духи или цветок:

– Вода и Земля. Но Вода в ней мощнее. Моя Королева, возьмёшь её?

– Ты что, не чувствуешь, что она Светлая? – строго отчитывает Трёхглазая. – Я бы убила её прямо сейчас, если бы не уговор с Тьмой. Ведь это именно та самая Светлая маленькая ведьма, что закрыла портал с Древним и не дала нам принести ему в жертву Светлую Герцогиню. Поэтому я согласна с Петой – пусть ребяташки проваливаются, пока я не передумала.

Трёхглазая взмахивает рукой. Пит и Джейн приходят в се-

бя. Они испуганно оглядываются, видят меня, подскакивают.

– Бежим отсюда, – говорю им я и мы убегаем.

Мои друзья, подвергнувшись чарам Русалок, ничего не помнили, что было после того как мы спели песню Пете, заставив её замолчать.

– Что за задание они тебе дали? – спрашивает Джейн.

– Уничтожить какой-то договор, Огня и Воды.

– Найти этот договор, разорвать и сжечь, дел-то! – пытается подбодрить Пит.

– Всё бы ни было так просто, как бы ни было так сложно, – вздыхаю я. – Требуется снова звонок другу или помощь зала.

– Сколько можно уже, Королева?! Сколько можно миндальничать с этими беляшами?! Почему ты не дала Блэки убить этого морячка? Почему ты сама не убила эту сопливаю Светлую? На мой взгляд, это было бы хорошим мощным уроком твоей служанке, когда бы мы изничтожили её дружков у неё на глазах?! – Пета негодовала.

Даже Рина, которая не достаточно близко сходилась с тремя сдружившимися сёстрами Блэки, Петой и Лексаэллоу, встала на сторону смертоносной певицы-Сирены:

– Да, почему мы не можем никого из них убить?! Королева, мы не понимаем. Ты же сама говоришь, что эти юнцы – мины замедленного действия, что их надо изничтожать

на корню! Почему ты распорядилась, чтобы Лексаэлла совершила белый поступок – защитила людей от созерцания поединка с нашим рабом Червём? Пета, ты, наверное, тоже чувствуешь себя беляшкой?! – так разоралась Рина, входя в раж.

Лексаэлла холодно, но заинтересованно смотрела на Рину. В её глазах проскользнуло любопытство как к препарированной букашке. Она принимала Рину как сестру, соратницу-Чёрную, но никогда не уважала её до конца. Блэки встряла третьей:

– Если бы я захапала себе морячка – что тут такого-то?! Одним морячком меньше, другим больше. Тем более он человек. Ну убила бы – люди размножаются как кролики, каждую секунду на планете рождаются сотни точно таких же морячков, зачем их жалеть?! Я наоборот хотела сделать это на радость тебе и девочкам – поглумиться над служанкой, подавить её морально, расправляясь на её глазах с дружкой.

– Да, мы Чёрные или кто?! Когда мы прекратим эти дурацкие игры в недотрог и сможем ливануть по беляшам всей силой наших ударов?! Сколько можно нам ломать эту комедию, изображая любезность?! Уже за то, что она привела дружков – я теперь хочу убить её, и в этом отношении я солидарна с Августой. Она точно мина замедленного действия. Вы помните, девочки? – ища поддержки, Пета оглянулась на Рину, Лексаэллу и Блэки. – Тысяча семьсот третий. Это ведь она нам помешала, это из-за неё Ключ Вечности утерян! Из-

за неё, а ещё из-за этого гадского вампира-Отступника!

– Успокоились, быстро. Вы похожи на резаных селёдок под топором торговца рыбой, – грудной низкий властный голос Трёхглазой быстро заткнул фрейлин.

Они в почтительности замолчали, в ожидании смотря на Королеву. Они недовольны решениями Королевы, её выборами и приказами. Но никогда не станут перечить ей, потому что безмерно уважают её. Рина считает Трёхглазую чуть ли не матерью и только ей одной она готова простить уничижительное отношение, порки и оплеухи. Для Лексаэллы Королева – богиня. Для Петы – самая лучшая начальница и наставница. Блэки же считает Трёхглазую лучшей подругой.

– Всё решит завтрашняя ночь. Ночь на двадцать девятое декабря, помните об этом. В одну из таких ночей мы уже победили беляшей. Баланс качнулся в нашу сторону, в Черноту. Зла стало больше. Белизна, добро и свет испуганно зачали в тёмном углу, а Тьма стояла и нервно курила в сторонке. Да, возможно, такого триумфа и не случится. Но мы посмотрим за развитием событий. Всё идёт к тому, что Ключ останется у нас, а девица станет нашей рабыней. Её потенциал мне нравится всё больше. Я слеплю из неё то, что нужно. И если Августа не оправдала моих ожиданий – эта будет более покорной и послушной, я уже вижу. Мы должны держать маску нашей любезности, обходительности и честности до последнего. Вы должны догадываться, почему.

Пета, Рина и Блэки вопросительно посмотрели на Трёх-

глазую. Лексаэлла безразличным мёрзлым тоном промолвила ответ:

– Рабыня увидит, что мы белее и пушистее многих её дружков. Она поймёт, насколько Белые лицемерны и насколько Чёрные чище и лучше. Её вера в Белизну и Тьму поколеблется. И она с большей вероятностью перейдёт в Черноту.

– Умница, Лексаэлла, – похвалила Трёхглазая. – И если её вера поколеблется – нам надо сделать всё возможное, чтобы она не стала Серой.

– Но Серую же ещё легче переманить к нам, разве нет?! – удивлённо спросила Рина.

– Нет. Её – не легче. Пета, ты помнишь, как ты однажды столкнулась с Серым друидом? Это из-за него у тебя проклятье, отчего ты не можешь петь друзьям.

При воспоминании о стычке с Серым друидом Пета чуть не захрипела, почувствовав сухость в горле, инстинктивно схватилась за шею.

– Тогда проще убить её, коль станет Серой, – предположила Блэки.

– Нет. Серых убивать запрещает наша Чёрная Богиня. Они полезны ей, потому что их цели могут затрагивать наши интересы в положительном ключе. Вот, к примеру, тот Серый Охотник Воздуха однажды сильно нам помог, истребив Светлых гонцов. Это моя политика, девочки. Я знаю, что делаю. Я приведу нас к Вечному Океану. Совсем скоро вы

ощутите, как он плещется у ваших ног, ощутите его благодатное дыхание.

Процедура расторжения

Мы сидим всю ночь за круглым столом. Нас семеро. Четверо Шакалов-неофантомов, одна неогермитка и два Тигра. Четверо Тёмных, одна Светлая, один Серый и один человек. Человек – я. Грифон только что закончил объяснять, чем отличаются Тёмные от Белых и почему Чёрные Тёмных тоже называют «беляшами».

– Для Чёрных всё едино: кто против них – тот «беляш». Между Тёмными и Белыми именно сейчас, в этой текущей войне, разницы особой нет: у них общие интересы и цели, только начальники – разные. Тёмные – либо порождения Тёмного Демиурга, существа, созданные им, с его подачи, либо присягнувшие ему на верность. Тёмный Демиург сейчас в союзе с Белой Богиней. Белые – те, кто мечен Белой Богиней, кто принял Белый Путь. Тёмные могут принять Белый путь, а могут не принять. Во втором случае Тёмные уже похожи на Серых, действуют чисто в своих интересах.

– Чем тогда Тёмные, решившие не помогать людям и Белизне, то есть решившие не спасать людей, отличаются от Серых? – пыталась вникнуть я в анхомские дебри. Ибо от степени моего вникания зависело – расторгну я договор Во-

ды и Огня или не расторгну.

– Тем, что Тёмные всё-таки подчиняются Тёмному Демургу. Серые не подчиняются никому.

– Серые свободные. Они как и люди. Они могут выбрать что угодно, – добавила Ниания.

– А кто такие тогда Светлые? – уточнила я.

Ответила теперь Айрэнн. Несмело, сильно тушуясь. Ей тяжело говорить в кругу столького количества народу, несмотря на то что все мы здесь друзья.

– Светлые – за Суд Истины. Свет есть Истина, Белизна есть Любовь.

– Истина значит. Правда. А правда-то у каждого своя, – проговорила я задумчиво.

– Свет и Белизна – тоже в союзе сейчас, – Айрэнн робко опустила глаза. – Но были времена, когда Свет примыкал к Черноте. Обычно такие времена наступают, когда Белизны слишком много, то есть баланс нарушается в сторону Белизны. Сейчас Баланс нарушается в сторону Черноты, поэтому Тьма на стороне Белизны. Свет тоже. Это продолжается уже несколько веков.

– Две тысячи лет, – произнёс Грифон. – Началось всё с сумерек богов, когда многие Старейшины ушли. И Чернота стала набирать обороты. До этого был закат Золотого Века. Не смотри такими глазами, Сорвиголова, в школе ты это не проходила. История переписана Чёрными и их приспешниками. Лучше слушай Пантеру, в части биологии и психоло-

гии она тебе куда более полезные вещи расскажет. Да, и не забывай учить химию.

– Давайте вернёмся к нашему расторжению договора, – Ниания, чувствуя себя лидером и полноправной хозяйкой – ещё бы, Коллинз, Мангуст и Шрам в её прямом подчинении, мы с Айрэнн и Грифоном просто гости – взяла быка за рога. – Это Договор Огня и Воды у Чёрных. Это ведь Договор, инициированный Ключом, ведь так?

– Всё так, – кивнул Рикардо. – Трёхглазая получает по этому договору в вечное пользование и услужение создание Огня, при этом она обязуется не нападать на порождений Огня всех Сторон. Она и её сирены. Кстати, вот по какой причине ты ещё жива, Сорвиголова.

Меня покрывает мурашками. Всё так сложно в этой ан-хомской юриспруденции! Ребята мне долго объясняли про стихии, кто кого убивает и зачем и почему. Переговоры – как партия в шахматы, только сложнее в миллион раз. Меня определили как Стихию Огня. Но я ведь человек, карамба!

– Изначально предполагалось, что договор – временный. Чтобы его расторгнуть, нужно присутствие четырёх сторон четырёх стихий. С нашей стороны у нас есть Тёмный, Светлый и Белый. Ещё у нас есть Огонь, Вода, Земля и Воздух.

– Минуточку. Мы так и не решили, кто пойдёт, – прервала Ниания, подняв ладонь вверх. И повернулась к Мангусту и Шраму: – Ребята, к вам вопрос. Вы подумали, договорились?

– Мы рассудили так, что должна выбрать та, что будет рас-

торгать этот договор, – дипломатично ушёл от прямого ответа Шрам.

– Да, Клот, решать здесь полностью тебе, кого брать: меня или Шрама. Мы оба с ним воздуха.

– У Ниании тоже есть владение стихией земли, на достаточно хорошем уровне, – подал голос Коллинз, весьма собственнически обхватив Айрэнн за плечи. – Я бы предложил, чтобы пошла Ниания.

– Чёрная Леди – Тёмная, – покачал головой Грифон. – Других Светлых у нас нет.

– Я должна, Коллинз. Я пойду, – Айрэнн проговорила это уже заметно решительнее.

– Ты не представляешь, что такое это расторжение. Это магическая битва, где ты можешь погибнуть! – увещевал Коллинз.

– Тем более я должна. Я верю, что всё будет хорошо, – отозвалась Айрэнн.

– Коллинз, всё уже решено, – поставила перед фактом Ниания. – Так, давайте быстрее определяться, кто, Мангуст или Шрам?

Я глядела на ребят и растерянно спросила:

– Нужно ведь выбрать того, кто лучше владеет магией воздуха, верно?

– Всё так. Мы оба одинаково хорошо владеем магией воздуха, – отозвался Шрам.

– А я ещё владею Землёй. Но Земля – у Айрэнн, хотя воз-

духом я тоже владею хорошо, – хвастался Мангуст.

– Мангуст, ты земляк больше. У тебя летучие камушки, но никак не ветер в пещере! – покачала головой Ниания. И красноречиво посмотрела на меня.

Я поняла, что подруга подсказывала:

– Тогда – Шрам?

– Ну вот, опять не я пойду! Сорвиголова, я так хотел прикрыть тебя, я проклиная свой путь, что я родился земле-воздушником! – Мангуст, похоже, расстроился. Он ударил кулаком по столу.

Я покраснела и попыталась аккуратно поддержать его, положив руку на плечо:

– Расторжение договора должно проходить по не понятным мне магическим законам. И я ориентировалась на наше положение сил, на то, что лучше для финального результата. Я бы очень хотела взять тебя с собой, Мангуст. И Коллинза, и Грифона. Но раз таковы правила этой дурацкой игры, я готова по ним доиграть и с достоинством. По-честному. Чтобы Чёрные не называли нас лицемерами и не кичились лишней раз своим дутым благородством.

– Bravo! – Ниания даже заплодировала мне, чем заставила ещё больше покраснеть. Подруга с восхищением произнесла: – Вот кто среди нас истинный полководец.

– Поэтому Русалки и выбрали её, – задумчиво проговорил Рикардо. – Не будь я Серым и Мастером – я бы мог сходить в качестве Воздуха. Но на расторжении Договора Мастерам

не место.

– Получается, Шрам – Тёмный и владеет магией Воздуха, Айрэнн – Светлая и владеет магией Земли. Я – человек и Огонь вроде. А кто тогда Белый и Вода? – спросила я.

– Догадайся. Твоё спецзадание, – подсказал Рикардо.

– Эдди?!

– Он нераскрывшийся, но он – Белый, да.

– Как такое может быть? – удивилась я.

– С Охотниками Воды – очень просто. Что до Стороны – пусть он ещё не знает, кто он, но у него сущность Белого. Пантера это подтверждает. Поэтому он сгодится. Всё, что тебе остаётся сделать – это уговорить его прийти.

– Да мне, в общем-то, не впервой, – улыбнулась я.

Несмотря на тревожную обстановку, я почувствовала радость, что смогу увидеть друга, удостовериться, что с ним в порядке. Грифон предупредил:

– Только помни: ты не должна ничего ему говорить про его способности. Обсуждать их. Во-первых, ты пока в этом ничего не понимаешь. Во-вторых, им в своё время займутся Мастера. Сейчас ещё слишком рано.

– Но если он не будет ничего знать про свои способности – как он примет участие в этой битве? – непонимающим взором я посмотрела на друзей.

Шрам объяснил:

– Формально требуется присутствие нужных компонентов. Представителей определённых Стихий. Конечно же, те

из нас, кто более или менее владеют сверхспособностями, будут следить, чтобы русалки не выкинули финт.

– Ты и будешь следить, – Коллинз ядовито посмотрел на Шрама. – Из всех четверых, кого Мастера соизволили отправить на Расторжение, ты самый умелый. Раз туда идёт маленький Охотник, не знающий, что он Охотник, человек и Айрэнн. Вот за Айрэнн ты будешь отвечать головой!

– Я буду отвечать головой за всех, – заявляет Шрам довольно запальчиво. На лице вечно спокойного «эльфа»-лекаря проскальзывает мимолётное раздражение.

Коллинз кому хочешь вынесет мозг! Только и делает, что трясётся над Айрэнн! Айрэнн сама хочет проявлять самостоятельность, проверять себя, учиться, рисковать. А Коллинз окружил её опёкой будто хрустальную вазу.

– Я ведь тоже кое-что умею. Я училась неогермитским и друидским практикам более двух лет, – проговорила Айрэнн несмело, но она старалась, чтобы её голос звучал твёрдо.

– Да, Шрам прав, – мой старший коллега Грифон не обращал никакого внимания на препирательства Коллинза. И довершил начатый ответ на мой вопрос. – Формально пакт о временном, хоть и шатком, перемирии, будет действовать. Твоя задача, Сорвиголова, привести туда Огонь, Воду, Воздух и Землю. И хотя бы одного Тёмного, одного Светлого, одного Белого. Вас поставят в круг особым образом. Огонь внутри, по периметру Земля, за Землёй по периметру Вода, за Водой – Воздух. С их стороны будут только Вода и Огонь.

Скорее всего, двое на двоё. Две русалки и двое представителей Огня. Когда произойдёт Расстановка, появится их этот Договор. Тебе нужно его разорвать. Что может пойти не так – это то, что тебе как Огню будут угрожать русалки, а Айрэнн как Земле будут угрожать огневики. Но Шрам как Воздух прикроет тебя, а Эдвард как Вода прикроет Айрэнн.

– По этой причине я тоже не хочу тебя туда пускать. Тебя будет прикрывать неопытный желторотый юнец, – яростно шептал Коллинз Айрэнн.

– Один раз этот неопытный желторотый юнец прикрыл меня и Мрию. Если прижмёт, прикроет ещё раз, – заступилась я за Эдди.

Ниания поглядела меня с уважительным одобрением.

– Если ты успеешь разорвать Договор до того, как кто-то из них нападёт – считай, мы победили. Я уверен процентов на девяносто, что нападут огневики. Ведь Русалки хотят расторгнуть договор в одностороннем порядке. Для Огневиков это будет неприятным сюрпризом, – завершил Грифон.

– Здесь всё строится на соотношении и сочетании различных энергий. Стороны, Стихии, – подсказала Ниания. – Позволю себе не согласиться, Грифон. Раз дана такая задача – расторгнуть Договор, в интересах Русалок, чтобы мы не справились. Я бы сказала – пятьдесят процентов, что нападут огневики и пятьдесят процентов, что нападут русалки, когда поймут, что у нас всё в порядке с компоновкой и расстановкой.

– А по мне так никто не должен напасть. Они нас уже бо-
ются и дрожат там от ужаса, что мы их вот-вот уделаем! –
бравурно и весело заявил Мангуст.

– Клоун. Кто-то из нас может не вернуться с Расторжения,
а тебе всё хиханьки да хаханьки, – прошипел Коллинз.

– Ну я же не виноват, что родился больше земляком, чем
воздушником? И стал Тёмным, а не Светлым? Так бы я по-
шёл вместо Айрэнн! – миролюбиво развёл руками барабан-
щик.

Мы обсудили ещё некоторые малопонятные мне детали,
и пора было расходиться. Я связалась с Эдвардом:

– Ты ещё не проклял меня? – поздоровалась я.

– Да ты что! Моя мечта – пойти с тобой в разведку! Снова
и снова! Я так рад, что ты звонишь! Пожалуйста, скажи, что
ещё куда-нибудь меня возьмёшь! Надрать кому-то задницу!

Неподдельный искромётный оптимизм в его голосе. Как
будто два дня назад я не подставила его под мощные нещад-
ные удары Зелёного Червя.

– Эдди, ты не шути с этим. То, во что я тебя ввязываю
– очень опасно. Хотела бы я тебе позвонить просто так, но
ты прав – я тебя снова куда-нибудь приглашаю, надрать кое-
кому задницу.

– Это предел моих мечтаний! – воскликнул Эдди. И го-
рячо заговорил: – Поверь, моя жизнь теперь уже никогда не
станет прежней. Я столько всего узнал! Моя одноклассни-
ца Джейн – ведьма, твоя учительница биологии – телепатка,

Верте – колдун, который швыряется стуктами чёрной магии и может загипнотизировать без всяких маятников, змей и ЛСД, ты – тайный агент. Я мечтал о такой жизни с детства! Я думал – такое только в книжках и фильмах бывает! Я немного жалею, что я человек, но раз ты человек и уютно как рыба в воде чувствуешь себя во всём в этом, то, может, не так уж и плохо быть человеком-то?

О, как Эдвард заблуждается! Я себя чувствую далеко не уютно как рыба в воде. Я себя чувствую безвозвратно и безнадёжно тонущей. Да, я ничего не понимаю, плаваю, тону, меня валят как на экзамене и постоянно угрожают, что кто-то из моих друзей должен погибнуть. А ещё что мне надо убить демона.

– Я пойду с тобой! Ты только скажи, куда! Я уже выхожу!

– Давай для начала поговорим с тобой на Серебряной. Меня туда подбросят часа через два.

Блэки знала толк в дипломатии. Она по праву считала себя самой скользкой и пронырливой среди всех сестёр. Однажды капризная завистница Пета назвала её угрём, и Блэки восприняла это как комплимент. Блэки – слишком очаровательный угорь, и это её главное оружие.

Этим вечером она нашла себе симпатичного морячка, менеджера одной из многочисленных фирм. Эта фирма располагалась в том самом злополучном небоскрёбе «Небесный

Полёт», где на крыше в июле состоялся бой неофантомов против слуг Трёхглазой. Чёрных тогда возглавлял Людвиг фон Репс, мафиози-вампир. Это была его последняя стрелка: наглая шакалка-певичка Ниания оказалась слишком проворной не только во владении микрофоном, но и в метании топора. После того как Глазюки повязали всех, кто был в фирме «Внеземное Дело», которую крышевали фон Репс и Трёхглазая, последний этаж пустовал до сих пор. Причина – слишком дорогая аренда.

Блэки вынашивала новые планы, как услужить Королеве – да так, чтобы все регалии и удовольствия достались только ей. А ещё Блэки решила оттянуться. В последнее время она между двух огней. Она настолько устала играть роль глуповатой «подружки» Августы, что пару раз едва не спалилась. Ей требовалась разрядка. Роль ей приходилось играть, чтобы Августа пучилась в своей уверенности, что вертит-крутит русалками как хочет. Всё, что Блэки узнавала об Августе – она, естественно, как преданный до гроба первоклассный шпион, передавала своей Королеве.

Расторгнуть договор с Огнём, инициированный Ключом Инферно – идея Королевы. Августа превратилась в пятое колесо в телеге. И совсем не в рулевое, и даже не в запасное. Более – она превратилась в палку во всех колёсах. Из последнего разговора с демоншей Блэки узнала, что Августа скоро планирует сама в обход Русалок выпустить Химеру и Профессора Зло из тюрьмы и понукать ими – чтобы они прислу-

живали ей как рабы. Ещё Августа хочет обучить и повесить до своей правой руки сына Химеры – Дарти! И всё – за спиной Трёхглазой. Это не считая того, что Августа вытворяет в секте томберов, какие бесчинства ей там сходят с рук. Эта очкастая выскочка вообразила себя Богиней Вод Морских – главой Чёрного Ордена, правой рукой Чёрной Богини Соны!

О некоторых подробностях Блэки узнаёт ещё от одного ценного источника информации – Зелёного Червя. Червь терпеть не может Августу и Дарти. Он говорит, что они путаются под ногами, а ещё непрерывно занимаются всякими непотребствами. Червь не стал скрывать, как однажды подслушал о планах Августы истребить Русалок.

Блэки уважала Зелёного Червя. Она, пожалуй, единственная из Русалок, кто пока не хотел его убить. Блэки подумывала использовать Червя с личной выгодой, тем более что он умён и с ним всегда можно договориться. Он мастерски умеет себя подать как неотёсанного маньяка, помешанного на любви к убийствам. Девочки твердили в один рот, что Зелёный Червь – не Чёрный, что он Тёмный до мозга костей, что он таковым был, а Чёрным стал, идя не по своему пути. Хоть Червь и верен Чёрным, говорили Пета, Рина и Лексаэлла, но рано или поздно его противная Чёрным Тёмная природа возьмёт верх. И Червь предаст. Но Блэки знала по себе, что такое быть Тёмным. Что такое быть изгоем везде и всюду.

Она сама раньше была Тёмной. Королева заприметила её талант, привлекательность и мастерское умение соблаз-

нять, вести переговоры, её близость к человечности. Королева предложила ей Чёрный Контракт. Блэки подписала, потому что на тот момент Королева спасла её. Блэки с тех пор свято предана Королеве. И Черноте. Трёхглазая гордилась приобретением в виде Блэки. Она говорила, что раз Блэки раньше была Тёмной, то Тёмные и Белые будут более лояльно воспринимать её. Блэки часто выходила на переговоры, выполняла функцию дипломатки.

Со временем мечты Королевы и других её фрейлин о Вечном Океане овладели Блэки. Блэки не отрицала того, что люди поступали жестоко, подло, больно по отношению к русалкам. Люди заслужили кары – ещё одного потопа, что Трёхглазая однажды устроила им – несколько тысяч лет назад. Но тогда вмешались Светлые. Трёхглазой пришлось стать более осторожной, буквально шариться по углам. Но она набирала мощь. И вот сейчас Баланс Черноты настолько перевешивает в мире, что людские философы говорят о наступившей Эре Деградации, а Тьма и Свет стали на сторону Белизны.

По канонам Демиургов и Старейшин, расторгать Договор Огня и Воды должны представители всех четырёх Сторон и всех четырёх Стихий. Расторгающие не должны быть Мастерами. Трёхглазая назначила на Расстановку Чёрной Воды её – Блэки, и Пету. Она отдала им разные приказы. Пете она отдала приказ склонить временную служанку убить Августу. Блэки она приказала сделать всё, чтобы Августа не заподозрила о том, что эту процедуру инициировали Русалки. Бл-

эки должна убедить Августу, что расторгнуть Договор – идея Тёмного Мага, а не их, Русалок.

... Этого менеджера, симпатичного, подающего в надежде в карьере парня она завлекла на выходе из офиса. Он выходил в распахнутом пальто, чуть ослабив галстук, поздно – слишком задержался на работе. Тяжёлый день, отчёты, головомойка начальства, в офисе слишком жарко... Блэки позарез нужен морячок.

Сирены соблазняют и убивают мужчин, насыщаясь ими, выпивая, впитывая и высасывая энергию – так устроена их природа. Именно у Чёрных Сирен. Белые Русалки обходятся целомудренной охотой на хищных и глубоководных рыб, моллюсков, атакуют гигантских осьминогов, чтобы провести под водой ритуал насыщения вековой древней силой этих монстров. Для Чёрных же Русалок, что вышли на берег, источник подпитки – мужчины.

Блэки, увидев свою цель, морячка, которого алчно и жадно захотела сожрать, напустила на себя слишком беспомощный вид. В полушубке, короткой юбке, в зимних сапожках на каблуках, с растрёпанными волосами, собранными в небрежный высокий хвост, она выглядела невероятно сексапильно даже для русалки. В толпе она шла на него, делая вид, что не видит, и они столкнулись. Она вскрикнула, сделала вид, что падает, параллельно окутывая несчастного обречённого мощными приворотными чарами. Мужчина поймал её, заглянул в глубокие синие глаза. И погиб. Теперь это

уже живой труп, и жить ему – от силы час-два.

Шёл лёгкий снежок. Чары действовали безотказно. Мужчина не отпуская придерживал её в своих объятиях. Мимо проходили люди, спешили по своим делам. Застывшую пару – Русалку и её жертву – никто уже не видел. Ведь кроме чар обаяния, Блэки устроила Мантию Тени. Она напустила на жертву-«морячка» ещё чар, и тот страстно поцеловал её. У него дома жена и трое маленьких детей, он спешил к ним. Но с Блэки он забыл всё на свете. Он вспомнил, что из офиса все ушли, у него там отдельный кабинет, и никто им не помешает. Блэки с придыханием ответила, что готова за ним пойти хоть в ад.

Сначала они предавались неистовым любовным утехам в пустом офисе, потом она убила его. Он почувствовал, что тонет, что в его глотке вода. Горло и лёгкие стиснуло очень больно. Боль пронзила такая, что он не выдержал. Сердце разорвалось. Блэки упивалась исходящей из него жизнью, высасывала, смаковала. Ей совсем не жаль. Ей требовалось подкрепиться – перед таким-то делом, как Расторжение Договора Огня и Воды!

Потом Блэки сделала всё, что и всегда – чтобы скрыть убийства. Она надела на него одежду, посадила за его стол. Этот стол он указал как свой, когда она, делая вид, что стограет от страсти, любопытствовала, где он сидит. Врачи решат, что разрыв сердца, инфаркт. Мол, от стресса человек скончался на рабочем месте, типичная ситуация для боль-

шого города, где все рвут когти, чтобы заработать как можно больше денег. Потом Блэки покрутилась кокетливо перед зеркалом, поправила причёску, подхватила сумочку и ушла, зацокав каблуками.

За столом сидел молодой мертвец. Перед компьютером разбросаны бумаги, отчёты, договора. Ещё там стояла табличка с именем. Его звали Кировски. Он был лучшим другом Коллинза и когда-то спас его от Петы Кирии.

Я видела, что Эдди разрывает от вопросов, от интереса, любопытства, смешанного с понятным страхом неизвестности. Но он держал себя в руках, был наблюдателен как никогда. На встрече в кафе на Серебряной мы с ним всё обговорили. Я рассказала ему всё, как поняла из объяснений моих друзей.

Что Русалки, похитив «Вещь» у моих коллег, заключили договор с демоном Августиной. Той самой девочкой, что погибла в школе на улице Мандаринов. Договор о том, что Августина должна работать на них – подобно тому как я на них работаю. Но Августа воспротивилась, и теперь Русалки недовольны. Они хотят расторгнуть Договор. А чтобы его расторгнуть, нужно присутствие людей определённого уровня духовного или интеллектуального развития. Людей, которые излучают ауру на определённых вибрациях и частотах.

Эдди слушал внимательно. Ни тени скептицизма. Да что

там говорить о скептицизме, когда он сам понял, что владеет этими способностями, видел «умения» Червя и имеет представление, что существуют демоны, русалки, вампиры?! Вдобавок он мне намекнул, что моя учительница биологии Матильда Дарксон ему всё разъяснила подробно и понятно.

Она внушила ему, что его выплеск сверхспособностей был разовым. Когда адреналин сильно выплеснулся, и пробудилась сверхсила. Она тактично упомянула, что у Эдди такое больше не получится. Он признался, что этой же ночью пробовал воздействовать на предметы в своей комнате усилием мысли, поднять в воздух стакан. Но ничего не получилось и Эдди ничего не почувствовал.

Я спросила его о Мрии. Эдди отвечал, что ничего о ней не знает. Мод сначала поговорила с ним, привезла домой, а Мрию увезла в неизвестном направлении. Мы выразили надежду, что с ней всё в порядке, раз она с Мод.

Нас подвёз Шрам. Айрэнн мужалась, держалась. Но я видела, что ей страшно. Несколько дней назад Трёхглазая насильно телепортировала её из Скомато через Шар в неизвестное место, где из Айрэнн выкачали энергию, запугали, подавили силу. Она приходила в себя несколько дней.

Я же боялась за Эдди и Шрама. На моих глазах эти бестии чуть не убили Пита. А мы с Джейн тогда и пошевелиться не могли, Джейн вообще «отключили»! Вдруг сегодня они решат выкинуть финт убить Эдди, Шрама, Айрэнн у меня на глазах, обмануть нас, не отдать Ключ, а меня объявить не

справившейся? Или... они могут ещё заставить, шантажируя убийством моих друзей, подписать Чёрный Контракт.

Это значит, что я стану такой же как они. Такой же как Августа, Зелёный Червь...

Когда я вспомнила о том, как Зелёный Червь благородно проявил себя в бою, я снова подумала – возможно он не слишком Чёрный. Он не стал меня убивать по приказу Августы. Если он противится Августе, саботирует её, а Августа наш враг – так может, Зелёный Червь не совсем враг нам?

За этими мыслями я не обратила внимания странного факта. Шрам особенно внимательно наблюдает за Эдди, присматривается к нему. Эдди, познакомившись с Айрэнн, сразу взял её под защиту – подобно рыцарю. Он стал придумывать шутки, говорить легко, беспечно, и я увидела, как Айрэнн улыбается. Шрам внезапно шепнул:

– Отойдём в сторонку.

Мы отошли. Гитарист, похожий на эльфа, скосил глаза на Эдварда:

– Мастера не хотят, чтобы он знал слишком много раньше времени. Особенно о том, что он умеет. Он сейчас нестабилен, и я вижу по его Метке и ауре, что он не готов принять свою силу.

Шрам – Знающий. Он умеет разглядывать процессы, происходящие в аурах людей и анхемов, определять магическую силу, потенциал, Метку. При условии, если она раскрыта. Меткой анхомы называют энергетическую, невидимую гла-

зом сущность над головой, в районе седьмой чакры. От вида Метки зависит Принадлежность или Категория анхома. У вампиров одни метки, у вервольфов другие, у магов третьи, у русалок четвёртые. Шрам не умеет видеть нераскрывшуюся Метку: по его словам, если мимо него пройдёт анхом, не знающий, что он анхом и считающий себя человеком, Шрам не сможет его идентифицировать. Более точно идентифицировать анхомов умеет Коллинз, у кого уровень мастерства гораздо выше.

Я мало разбираюсь, что такое Метки, как они работают. Но поверила Шраму на слово. Однако, мысль о том, что придётся обманывать Эдди, манипулировать им, фактически промывая ему мозги, меня покорибила. Я вспомнила неприятное для себя признание Роджера, как он стёр воспоминания о себе Удаву в школе V.

– Послушай. Я не знаю, как у вас, у анхомов, принято, но может, ты или Коллинз возьмётесь и научите его пользоваться этой его Силой?

– Не всё так просто, – грустно покачал головой Шрам. – Он должен пройти через определённые этапы. Возможно, не раньше чем через год ему понадобится наставник и мы вернёмся к теме его обучения. Пока мы говорим ему, что у него эти способности проявляются временно.

Январь. Мне тоже тогда давались «анхомские» способности. Наш товарищ Йэн Гудинг показывал, как ходить на Теневую Сторону. Наш бой с врагами проходил на Теневой

Стороне. Мне тогда сказали, что это было мне дано на время, что меня в качестве «компонента» избрали Священные Мечи. И мы дрались с четырьмя демонами – Пейлином и его свитой.

– Ребята, нам пора. Полночь скоро. Ночь на двадцать девятое декабря. Слишком чёрная ночь... – проговорил Шрам решительно, поторопив нас.

Мы пошли по хрустящему снегу в сторону набережной. Наш небольшой отряд шёл в молчании. Эдди уже не шутил, но я поняла, что он добился цели поддержать Айрэнн, убедить её в том, что у неё есть защитник. Айрэнн уже не выглядела такой подавленной и испуганной как в машине. Что ж, Коллинз, отпустив её с нами, может быть спокоен.

Ресторан выглядел буднично. Его иллюминационная расцветка горела и переливалась синими огоньками. Мимо проносились деловито машины. Мы остановились перед входом. Шрам, как самый старший из нас, неформальный лидер, посмотрел на нас немного покровительственно, ободряюще:

– Во имя Белизны, Тьмы и Света.

– Во имя Огня, Земли, Воды и Воздуха, да будет в вечном движении Противостояние Стихий возносить Мироздание в Бесконечность, – тихо отозвалась Айрэнн.

Я протянула руку:

– Один за всех и все за одного, ребята.

Айрэнн покрыла её первой. Я вспомнила – Огонь внутри, сверху Земля. Эдди накрыл руку Айрэнн и многозначитель-

но, восхищённо посмотрел на неё. Ну настоящий ловелас! У Коллинза появился достойный соперник! Айрэнн улыбнулась чуть в ответ. Шрам покрыл руку Эдди. Воздух поверх Воды. И мы вошли в ресторан «Русалка».

Уже не было загипнотизированного швейцара-зомби. Мы прошли дальше в зал.

Зал как зал. Но когда мы увидели Зелёного Червя, зал стал походить на ринг. Червь сидел, развалившись на стуле, и нагло-презрительно на нас посматривал. Эдди сразу вспыхнул, дёрнулся в его сторону, кулаки сжались. Я мысленно послала ему телепатический сигнал: «Самообладание, Эдди, самообладание!». Не знаю, дошёл ли мой сигнал, но юный Охотник Воды, сэр Удильщик, стал спокойнее.

Русалки сидели чуть поодаль. Пятеро, за одним столом. Во главе – Трёхглазая. Они ядовито смотрели на нас.

Шторм наступил. Я увидела не обольстительных и соблазнительно красивых женщин – а древних морских нимф, с кожей, покрытой синеватой чешуёй. Их синие лица чуть вытянулись. Глаза превратились в глубокие тёмно-синие омуты без зрачков. Носы слегка уплощились. Волосы посинели, побелели, стали отливать морской волной – всеми оттенками воды океана.

Три антрацитовых глаза Трёхглазой воззрились на нас выжидающе, коварно, насмешливо. Она ощущала превосходство. Богиня Вод Морских, Морская Ведьма, Морская Королева. Имя «Трёхглазая», которое, будь она обычной девоч-

кой, превратилось бы в обидное обзывательство – она несла гордо, как титул. Её имя заставляет трепетать всех, кто с ней знаком.

Пока мы подходили к Трёхглазой, Зелёный Червь наблюдал за нами как хищник, готовый к прыжку. Я чувствовала на себе этот взгляд, и мне показалось, что там, кроме желания нас убить по первому кивку Русалок, проскальзывал еле заметный интерес. Будто перед тем как нас убить, он хотел нам задать вопрос. Но когда мы миновали столик с ним и он оказался позади, я поняла: никакой опасности от него нет. Я резко перестала его бояться.

Шрам внимательно рассматривал врагов. Наверное, его способность читать ауры многое ему рассказала. Но он не мог передать эти сведения нам. Однако я знала – он собирает информацию, чтобы максимально выгодно использовать её в бою, прикрыть нас. Айрэнн не выдержала напора давящих взглядов Русалок и шла, опустив голову. Эдди теперь не спускал глаз с Червя. Он хотел снова подраться с ним. Я ещё одну важную вещь поняла: Эдди по-рыцарски хотел ему отомстить за то, что тот вытворял с Мрией. Гипнотизировал её, привораживал, насильно заставлял подчиняться. Экой подлец! Ведь Эдди по-настоящему влюблён в Мрию. Настолько, что был готов отпустить её, но не был готов мириться с тем, кто ей угрожал.

Мы встали так, что я вышла чуть вперёд, Айрэнн – за мной бледной тенью, Эдди – в полуразвороте, так, чтобы

контролировать боковым зрением Русалок, но хорошо видеть Червя. Шрам остался чуть позади. Он хотел охватить своим Зрением всех врагов, наблюдать за тем, что происходит у них в ауре.

Я посмотрела на Блэки. Её синевато-сиреневая кожа переливалась и лоснилась, казалась влажной, как моллюск. На Блэки почти ничего не было, если не считать тонюсенького, едва ли не трещащего по швам чёрного лифчика и бикини. На остальных русалках платья, и они выглядели во сто крат целомудреннее. Я проговорила:

– Мы готовы расторгнуть Договор Огня и Воды.

– Ха! Тут я даже и не сомневалась, – Блэки выгнулась дугой, переменяла положение ног, стрельнула обворожительными омутами глаз по Эдди, по Шраму.

На Эдди не подействовало: Эдди занят Червём, поглощён мыслями о враге, думает, когда же начнётся бой и можно будет напасть. Что касается Шрама – на того не подействовало тоже. «Эльф» лишь покачнулся, скрестил руки на груди и медленно отрицательно покачал головой. Блэки хмыкнула.

– Ну что ж. Королева, позовём предмет нашего Договорчика, хи-хи-хи? – обратилась она к Морской Ведьме.

Трёхглазая склонилась в сторону Петы Кирии:

– Ты готова, моя милая, спеть лебединую песню для маленькой девочки?

– Если уж другая маленькая девочка готова расторгнуть Договор Огня и Воды, дело совсем за малым, – издеватель-

ски глядя на меня, ответила Пета.

– Блэки, то, что ты готова, я вижу, – Трёхглазая намеренно тянула, растягивала удовольствие. Её взгляд поверх наших голов переместился на Червя: – Вермис Верте по прозвищу Зелёный Червь, готов ли ты?

Он ухмыльнулся, точнее ощерился-оскалился. Он проделал это так жутко, что я почувствовала неприятный холодок. Я вспомнила всё, что Удав мне рассказал про V, как их там учили убивать. И что Червь – чёрный колдун, садист, патологически обожает убивать, что он чуть ли не серийный маньяк... А я, Эдди, Шрам и Айрэнн – овечки на заклятие.

Дальше Трёхглазая, продолжая мило улыбаться, повернула царственную голову, увенчанную громадной короной из причудливо сплетённых в форме морской звезды, волос, в нашу сторону. И милостиво пояснила для овечек:

– Я сейчас перемещу вас в место Расторжения, на Расстановку. Когда всё будет кончено – если, конечно, будет – я верну вас. Для тех, кто первый раз путешествует, предупреждаю: будет тошнить, клинить и колбасить.

– Ха-х-ах-а-аха, ещё как! – засмеялась Пета, посмотрев в нашу сторону ещё более издевательски, презрительно и с отвращением.

Трёхглазая проводит рукой над столом. Как фокус в цирке, мы наблюдаем, как из ниоткуда появляется громадный Шар. Он переливается синим и чёрным, сверкает, испускает злые алчные эманации. Трёхглазая ухмыляется, её ухмылка

ещё более жуткая, чем у Зелёного Червя. Морская Королева проводит рукой над Шаром...

Нас окутывает чёрный туман, беспросветный чёрный дым, отсасывающий энергию, отнимающий всю нашу храбрость, волю, мужество. Мы слабеем, чахнем, делаемся хилыми, нас одолевает энергия несусветного страха.

Айрэнн не выдерживает, вскрикивает, падает. Эдди подхватывает её на руки, припадая на одно колено. Шрам хватается за голову, его тело пронзает судорога. Вокруг всё вертится, вертится, вертится. Я теряю равновесие, падаю, оказываюсь на коленях. Кружится голова. Чернота, сплошная чернота вокруг. Меня правда тошнит и колбасит.

Потом кружение из головы уходит. Чувствую влажный каменный пол. Слышу капанье воды. Будто нас переместили в подвал или канализацию. Встаю, осматриваюсь, ищу друзей. Темно.

Вижу, как Айрэнн приходит в себя, благодарит Эдди, мужественно утверждает, что с ней всё хорошо, и что надо расставаться. Вижу, как Шрам, абсолютно бледный как полотно – даже его светлые волосы стали бледнее – встаёт ровно, на лице гримаса недавно пережитой адской боли.

А ещё вижу Зелёного Червя. Рядом. Откуда он взялся? Он стоит, возвышается надо мной, смотрит весьма кровожадно. Но мне не страшно. Наоборот, любопытно, хочется спросить, что ему нужно и откуда он взялся – мгновенье назад его тут не было!

Рядом со Шрамом вдруг появляется Пета. Шраму неприятно с ней стоять, он отступает на шаг. Пета нагло хохочет, наступая, снова приближаясь к нему на опасно близкое расстояние:

– Что, морячок, не желаешь со мной танцевать? Значит, не особо вам и хочется Ключик-то! – воркует она. – Сейчас я буду петь, а ты танцевать, и так мы договоримся, что Ключик у нас останется, а ты пойдёшь ко дну! Ты и второй морячок. А может ещё и морячка, – Пета убийственно поглядывает на Эдди и Айрэнн.

Эдди тем временем отпускает Айрэнн. Они ободряющее шепчут друг другу. Айрэнн подсказывает ему, как надо встать.

Внезапно Зелёный Червь хватает меня за предплечье, чуть подтаскивает к себе и приказным шёпотом говорит:

– Ты должна убить её. Едва она появится – убей её. Вот этим, – подобно заговорщику, он почти силой суёт мне в руку нож.

Я непонимающе смотрю на него снизу вверх. Он ведёт себя грубо, но я вижу в его глазах... что это, просьбу? Нет, не приказ, не требование. Просьбу, сдобренную чем-то похожим на... Надежду?! Надежда – одно из самых светлых и добрых чувств – у Чёрного?! Нет, я слишком хорошо отношусь к людям. И к не-людям тоже. Машинально беру в руку нож. Хватка Червя у меня на предплечье становится мягче. Я как замороженная смотрю на него и понимаю: не враг. Во

всяком случае, *здесь и сейчас* точно не враг. У него такой же интерес, как у меня, у Русалок: сделать всё, чтобы демона по имени Августина Символи больше не было в нашем мире.

Червь отпускает моё предплечье. Как странно, но мне предпочтительнее, чтобы он меня держал. Потому что становится слишком темно вокруг, слишком холодно. Пространство, его ткань, его аура и мерность начинают искажаться. Чувствую, что проваливаюсь в чёрную дыру. Оглядываюсь – сзади всё черным черным. Где Эдди, Айрэнн, Шрам? Пета ведь там угрожает им... Или у неё такие шутки?

– Они идут, – тихо, хриплым голосом говорит Червь. Тут я понимаю, что он стоит сзади меня. Становится на порядок спокойнее.

Удивительно! Этот тип меня дважды чуть не убил, избил, скинув в канализацию мой полутруп. Но здесь и сейчас я не только не боюсь его, признаю временным союзником. Мне хочется, чтобы мы ещё не один раз стояли с ним вот так, почти плечом к плечу. Он сейчас прикрывает мне тылы. Я догадываюсь, почему он рядом. Он огненной стихии, и я вроде тоже. Только я человек, а он колдун.

Я держу нож. Убить ножом Августу? Как – так? Разве расторжение Договора подразумевает убийство?

Мы слышим цоканье каблучков. Через мгновение перед нами появляется Блэки.

– Ну здравствуйте, – кокетливо вздёргивает она очаровательную головку.

Снова похожа на обольстительную девушку.

– Водичка притекла, – хихикает она. – Я угрожаю тебе, но твой воздушный блондинчик угрожает Пете. Мы квиты.

И тут же командует:

– Червь, всё готово. Угрожай землячке. А тебе будет угрожать водник.

Я оглядываюсь на Червя. Перед тем как с такой же кровавой улыбкой шагнуть назад в черноту и исчезнуть, раствориться в ней, он прищуривает глаза на меня. Я чувствую исходящий от него импульс – *просьбу*. Убить демона. Как жаль, что он ушёл из *моего* круга – я не против, если бы он тут остался.

Блэки же пояснила:

– Зелёный Червь – своего рода выключатель, и он сейчас щёлкает. Он завершает своей фигурой эту Расстановку. Когда он расставится как надо, здесь появится Августа. Мои условия таковы: ты должна сказать ей, что расторгаешь договор не по нашему приказу, а по приказу Тёмного Мага. Скажешь ей хоть слово, что договор расторгаем мы – Сирены – я тебя убью, поняла? – это было произнесено чуть весёлым, чуть ласковым голоском.

Чувствую подступающую панику. В горле становится слишком сухо. Начинается! Русалки вмешивают нас в грязные игры, о чём мы ни слухом ни духом. Играют нами как в шахматы. Не только мною, Эдди, Айрэнн и Шрамом – но ещё и Червём. Вот почему я на короткий миг почувствовала

его союзником, что он с нами в одной связке.

Пространство снова искажается. Теперь я вижу четыре концентрических круга. Я в центре, Блэки напротив, подбоченясь, усмехаясь, в ошеломляющем бикини, разящая со-вращающей красотой и еле прикрытой наготой, подавляющая харизмой, многовековым опытом убийств и разрушений.

Во втором концентрическом круге – Айрэнн. Напротив неё – Зелёный Червь. Айрэнн сильно напряжена, испугана, её глаза широко распахнуты, видно, что она сильно боится. В третьем круге – Эдди. Он еле сдерживается, чтобы не кинуться на Червя, тяжело дышит. В четвёртом круге – Шрам. Он пристально и сощурившись смотрит на Пету, надвинувшись на неё уверенно и воинственно. Пета стоит перед ним, насмешливая, гордая, капризная, но словно связанная. Руки опущены вдоль тела, плечи опущены – не делает никаких попыток напасть и тем более спеть.

А потом появляется Августина.

Я вижу её всего второй раз в жизни. Но столько думала про неё, изучала её досье, разговаривала про неё с друзьями-Шакалами, что мне кажется, что я знаю её ещё лучше чем самое себя.

Девочка, похожая на меня внешне и внутренне. Родись я в том же районе, в то же время, при тех же обстоятельствах – я могла бы полностью повторить её судьбу. В детстве в школе я тоже была робкой. Но мне повезло, что меня гнобили не

все подряд, а для тех, кто гнобил, я находила в себе мужество дать отпор. А Августа не смогла противостоять издевательствам. И одноклассники скинули её с пятого этажа.

Эта тихая всесокрушающая ярость проявилась у неё глубоко внутри. Видимо, она вынашивала планы призвать на помощь демонов, чёрные силы, чтобы те защищали её. Потому что не на кого больше надеяться. Особенно после того как Мэри Зиг и Эвриус Халл уехали. Духи зла не смогли её защитить при жизни – но зато наделили силой после смерти, сделав её себе подобной. Демоном.

Эта девочка пережила первую робкую любовь – к другу детства. Эта девочка мечтала быть обычным человеком, жить счастливой жизнью. Она любила жёлтые розы.

Как она может быть «плохой»?!

Сейчас она стоит в шагах пяти от меня с Блэки. На её чистое, симпатичное лицо в громадных очках в немодной толстой оправе напоззло сначала удивление, потом злость, нервозность. Когда она увидела меня – чуть ли не истерика исказила её глаза, брови, лоб, нос, губы. Она вся ощерилась, худенькая, чуть ниже меня ростом, в старой школьной форме, которую носили тридцать лет назад.

– Что вам надо? Вы меня оторвали от важных дел! Блэки, что всё это значит, что тут делает эта тварь? Ты привела её, чтобы я её убила? Мне сейчас некогда, но да, пожалуй, будет приятно свернуть ей шею, – это Августа проговорила громко, авторитарно.

Окатила меня таким взглядом, что я невольно шархнула. Она меня ненавидит. За что?

Блэки слащаво и коварно улыбнулась:

– Извини, что оторвали тебя. Но такова была воля Тёмного. Он поставил нас перед фактом, что Договор с тобой больше не действителен. Что можешь катиться на все четыре стороны, быть свободной от всех обязательств Огня перед Водой, – доброжелательно, но не скрывая издёвки, проворковала полуголая русалка.

Смотрит на меня. Я вынуждена кивнуть, подтверждая её слова, её ложь для Августы.

Августа расширила глаза. Она убийственно и обжигающе посмотрела на Блэки. Потом топнула ногой нервно, еле сдерживая приступ истерического визга, готового вырваться из неё. Вместо визга пробасила громогласно:

– Это что за фигня?! Что за хрень, я тебя спрашиваю, Блэки?!

– Ты что, не рада своему освобождению? – Блэки сделала вид, что искренне изумилась. – Договор Огня и Воды недействителен. Мы собрали расстановку, – тут Блэки повернулась назад и крикнула: – Пета, начинай! – и снова повернулась к Августе. – Ты же наоборот была так недовольна, что мы приказывали тебе нас слушаться.

– Мы так не договаривались! Дайте сюда Ключ!!! – теперь Августа это проорала громко.

Сзади слышалось шуршание, движение, шёпотки. Мне

показалось, что я услышала, как Айрэнн что-то прошептала. Оглянуться не могла: осознала, что Августа сейчас опасна, и что я не должна спускаться с неё глаз. Внутри всё напряглось. Рука сжала нож Зелёного Червя.

– Извини, но на то воля Тёмного Демиурга, – развела руками Блэки. – Он приказал освободить тебя от нашей власти, но Ключа тебе не давать. Претензии к нему или к его представителям, вот к ней, например, – и подлючка Блэки кивнула на меня, всем своим видом показывая, что она не при чём, умывает руки, и хата русалок с краю.

– Ах ты тварь! Я убью тебя! Я сейчас... – Августа дёрнулась вперёд.

Я, было, инстинктивно подалась назад, но тут же поймала момент, как Августа напоролась на невидимую стену. Она застыла в полном шоке, непонимании, с открытым ртом, с распахнутыми глазами. Блэки процокала каблучками чуть в сторону, встала поодаль, подбоченясь. Ей не хватало только попкорна.

– Расстановка работает, Договор расторгается. Чувствую Землю, Воду, Огонь, Воздух, – Блэки обмахнулась рукой как веером. – Чувствую Свет, Черноту, Белизну и... о... слишком много Тьмы, о да. Тёмный Демиург хорошо устроился, послав сюда больше всего представителей Тьмы.

Августа смотрела на меня. Я несколько секунд ничего не видела – только её глаза. Глаза преданной, разочарованной, обманутой, растоптанной... Глаза смертельно ненавидящей,

жаждущей власти, разрушения, жаждущей моей смерти в первую очередь. Глаза демона. Глаза невинно убиенной девочки. Когда-то – очень красивой, *доброй, любящей, чуткой, творческой* девочки.

– Я убью тебя. Я **проклинаю** тебя, Клотильда Итчи, – шипела она.

Внезапно ко мне подошла Пета. Она встала, копируя позу своей подружки-Блэки – подбоченясь, положив одну руку на пояс, вторую на бедро. Насмешливо прошипела:

– Чего же ты ждёшь? Она сейчас слаба. Мы с Блэки сделали всю работу за тебя и за твоего тормознутого водника. Всё, что тебе надо – убить её. Она сейчас не демон, её силы на нуле. Не упускай свой шанс!

– Это входит в условия Расторжения?! – охрипшим, еле владеющим голосом спросила я.

– О... так это бизнес, ничего личного! Нет, как бы формально договорчик мы расторгли и задание ты выполнила. Но, видишь, Пета хочет, чтобы и предмет договора тоже был расторгнут. Убит, – ответила Блэки.

Я сглотнула.

Чего от меня все хотят?!

– Червь!!! – заорала Августа. – Червь, убей её! Сейчас же! На моих глазах, чтоб я видела! Убей её дружков!

Зелёный Червь подошёл ко мне и встал рядом. Нет, он не стал вставать третьим в позу русалок. Он смерил меня оценивающим взглядом. Там читалось снисходительное превос-

ходство и выжидающее любопытство. Потом он посмотрел на Августу... И снова на меня. Словно сравнивал.

– Давай, сверни ей шею!!! Ну же!!! – подпрыгивала Августа. – Я лишилась своих сил! Что вы со мной сделали?! Я убью вас всех! Я стану могущественной и убью вас!!! Сейчас Червь убьёт вас, а потом – я!!! Червь, убей!!! – вопила она.

Мы с Зелёным Червём смотрим друг на друга. Червь начинает кровожадно и жутко улыбаться. Но я чувствую в этой улыбке солидарность. Он будто заговорщик. В следующий миг он мне говорит:

– Убей её. Сейчас же. Она полное ничтожество. Она слаба, втоптана в грязь, повелась на нашу расставленную ловушку. Ты сейчас гораздо сильнее, хоть она и высший демон, а ты всего лишь *вагант*.

В голосе этого убийцы, чёрного колдуна, что-то поддерживающее. Его голос окутывал, подталкивал, вселял силу, подбодрял. Это уму непостижимо. Враг, который хотел убить меня – сейчас болеет за меня как за любимую спортивную команду. И я чувствую некую разновидность признательности ему за это. Но ничего поделать не могу.

И не хочу.

Как я не хочу участвовать в этих играх.

– Сорвиголова, убей её! – раздаётся окрик Шрама. – Быстрее!

Этот окрик как приказ командира. Я дёргаюсь, дёргается нож в моей руке. Я подхожу к Августе. Мы стоим друг на-

против друга.

Нет – «мы». Нет – «друг напротив друга». Я и она. Стоим. Враг напротив врага.

– Червь!!! Я **проклинаю** и тебя!!! Предатель! Собака! Я верила тебе! Ты заплатишь мне!!! – бесится Августа.

Мне становится её очень жалко. Я смотрю в её глаза и за плещущейся лютой ненавистью ко всему живому вижу там перепуганную девочку. Её по жизни все только и делали что предавали, издевались, устраивали западню, обманывали и облапошивали. А ведь она шла с доверием, с открытым сердцем к миру!

Сжимаю нож.

– Убей её, – повторяет Пета с нажимом.

– Да, убей, не дрейфь! – хриплый голос Червя с садистским предвкушающим возбуждением. Ему так хочется увидеть смерть той, кого он ненавидит. Но кого не может убить, потому что не его кровь использовалась в ритуале.

– Убивай! Ты не должна жалеть! Это демон, это не человек! Это враг всего живого! Только сейчас такой шанс! Убей её, пожалуйста! – Шрам почти умоляет.

– *Клот, а почему тебя интересует мастерство убийства? Ты же добрая.*

– *Потому что я хочу стать супер агентом. Потому что я хочу стать ещё лучше и круче, чем я сейчас. Я ни разу никого не убивала. Ну... несколько раз было в процессе заданий,*

что из-за моих действий или совместных действий коллег наступал несчастный случай с нашими врагами, и они погибли... Но я вот чего боюсь – ты прав, я добрая. Вдруг ко мне подойдёт такой враг, что я дам слабинку и не смогу его убить?

– Зачем ты думаешь об этом?

Зачем я думаю об этом?!

Ко мне подошёл враг. Августа Символи – та, что могла быть мной. Та, что ценой моей крови прорвалась в этот мир. Демон.

На спецзаданиях у меня не возникало проблем с тем, чтоб отправить демона туда, куда он пришёл, выстрелить в преступника.

Сейчас передо мной не демон. Маленькая девочка. Потерянная, испуганная. Отвергнутая несправедливо даже Демиургами и Творцом. Одни лишь демоны Инферно приняли и признали её... Испортили, совратили.

– УБЕЙ ЕЁ!!!

Я замахиваюсь ножом. Августа сначала рассматривает меня с ненавистью. А потом ей на лицо наползает торжествующее презрение:

– Не сможешь. Кишка тонка. Не сможешь!

– БЫСТРЕЕ!!! НУ ЖЕ, ОДИН УДАР! В СЕРДЦЕ! ПЕРЕРЕЖЬ ЕЙ ГОРЛО! СИЛЬНЕЕ БЕЙ!!! – я не знаю, кто это мне кричит. Может, Червь, а может, Шрам. Или Пета. Или

уже Блэки радостно подвывает.

Мне нужно опустить руку.

Аманда неоднократно тренировала со мной элементы ножевого боя. Она объясняла на реалистичных макетах-имитаторах, как нужно ударить ножом, чтобы мгновенно без мучений лишить жизни. Кого угодно – человека или дикое животное, напавшее на охоте или в лесу. Тогда, на тренировке, я не подозревала, что это мне понадобится, чтобы убить человека. Я относилась к занятиям как к практическому мастер-классу, что делать, если в лесу нападёт медведь или бешеный кабан. Я добросовестно тренировала удары.

Сейчас я имела все возможности, умения и оружие добросовестно нанести удар.

Я не поняла, когда момент был упущен – но я ничего не сделала. Я не смогла.

Но я вот чего боюсь – ты прав, я добрая. Вдруг ко мне подойдёт такой враг, что я дам слабинку и не смогу его убить?

Я всего лишь человек! От меня эти анхомы много чего хотят. Я не хочу!!! Дайте мне свободу, я человек, у людей ведь свобода по вашим дурацким правилам и канонам! Свобода выбирать то, что я хочу! Почему вы вмешиваете меня в ваши чёртовы игры?!

Хотелось это прокричать. Но все слова ушли. Горло перекрыто.

– Я расквитаюсь с тобой, – обещает Август уже спокойным и слишком опасным тоном. – И с тобой, Зелёный Червь. Она исчезает. Испаряется.

Снова заволакивает чёрным туманом – Трёхглазая телепортирует нас обратно. Всё кончено. Договор Огня и Воды расторгнут, но демон, угрожающий всему живому на Земле, продолжает жить, крепнуть и копить силы.

Иргус живёт в злополучном доме 21 на улице Гордости. В том самом, где Блэки загипнотизировала и соблазнила Лима Дункалса, заставила его отдать Ключ Инферно, а потом убила его в двух шагах в ближайшей подворотне.

Иргус любит химию. Он студент пятого курса одного из лучших химических институтов Укосмо. Живёт один в своей квартире, холостяк. Потому что кроме химии, его ничто не интересует – даже девушки. А ещё он латентный маг, только не знает об этом.

Иргус познакомился с Рикардо Кэпчуком на учебной практике летом. Вторым дипломом он решил взять биохимию. Его отправили в морг на стажировку на несколько дней. Тогда он впервые увидел мрачного, наводящего дрожь и неосознанный страх типа. Его представили как «санитара». Ибо формально такая должность и предполагала широкий спектр работы с мертвецами – от перевозки трупов до отправки их в крематорную печь.

Иргус сначала присматривался к Кэпчуку, опасаясь остаться с ним наедине – ему казалось, что тот – маньяк. Но в последний день стажировки они разговорились и узнали друг о друге, что оба не могут жить без химии. Рикардо чутьём Охотника Воздуха учуял у Иргуса магический ток. Слишком слабый и не проявленный. Они обменялись контактами. И принялись совместно работать над проектами по изобретению различных веществ – в качестве хобби.

Параллельно Грифон вёл с Иргусом разговоры духовного характера. Об осознанности, самоопределении, целях в жизни. «Нащупывал почву», заодно подготавливая Иргуса к раскрытию Метки, к развитию магического потенциала. Грифон не планировал заводить учеников, тем более что он Серый. Но страсть Иргуса к химии ему сильно импонировала. В тот злополучный вечер, когда Блэки убила Дункалса, Грифон как раз гостил у Иргуса.

Рина хитра. Процедура Расторжения проходила на Оттенке Тени, где время текло по-иному. И пока Блэки и Пета занимались Расторжением Договора Огня и Воды, Рина отправилась по другому поручению Трёхглазой. Привлечь Грифона на Чёрную Сторону. Она вызнала об Иргусе. И пришла к нему домой. Она планировала соблазнить и убить Иргуса, подбросить труп Грифону и упрекнуть, что Белые никак не защитили и что Грифон, если станет Чёрным – сможет даже воскресить его из мёртвых. А если он останется Серым – то абсолютный дурак, и Рина будет убивать всех его друзей,

пока он не начнёт принадлежать им – Чёрным.

Рина Вронски влетела паром в щель подъездной двери, проследовала обжигающим облаком на этаж, где жил Иргус. А затем проникла в дверь. Иргус не спал. Он занимался любимыми реактивами. Весь обложенный учебниками, колбами, пробирками, он пытался получить эссенцию, аналогов которой в науке нет.

Несмотря на любовь к наукам, Иргус отнюдь не худосочный очастый «книжный червь». Когда Рина материализовалась из пара в его комнате, оборудованной под лабораторию, она с удовлетворением отметила, что парень он хоть куда. Высокий, представительный, широкоплечий, выглядящий гораздо старше своих 21-22 лет. Рине показалось, что его белый халат делает его особенно сексуальным.

Иргус почувствовал дуновение жара сзади, стёкла реактивов запотели. Молодой химик словно очутился в бане. Ничего не понимая, он оглянулся и увидел позади себя деву неземной красоты. Молодую, привлекательную, в открытом обтягивающем платье, выгодно подчёркивающим все прелести и округлости. Рина обольстительно проворковала:

– Иди ко мне! Я так мечтала о тебе! – и раскинула руки для объятий, мигом окутывая Иргуса мощнейшими чарами обаяния и приворота.

Иргус и думать забыл о химии. Ему даже в голову не пришло, что факт появления в его квартире полуголой девицы, когда за окном снег и декабрь – по меньшей мере необыч-

ный. Мозг отключился, он двинулся к Рине, чтобы заключить её в объятия и предаться неземной любви.

Но не успел. Рина уже вкушала победу, она запрокинула голову, жаждавсем телом русалки впитать в себя соки жизни и магические токи Иргуса. Она от излишнего самомнения потеряла контроль над происходящим, слишком увлеклась ловлей на свои приворотные чары.

Иргус медленно как зомби шёл на неё, протягивал к ней жаждающие руки; между ними оставалось всего полшага... Тут же хлёткая, обжигающе-холодная струя магии воздуха прошла между несостоявшимися любовниками и разрубила наотмашь чары Риной. Отдача и взрывная волна от удара воздуха разнесла склянки, раздался шум и звон бьющегося стекла.

Иргус мигом пришёл в себя. Он в ужасе смотрел на образовавшуюся в его комнате неизвестно как полуголую девушку. Его новый друг и «санитар» из морга с арбалетом наперевес стоял в дверях и дьявольски усмехался.

– Какой детский сад, Рина Вронски. Я и не знал, что вы, русалки, настолько тупы.

Рина ошеломлённо посмотрела на Грифона. Она попыталась сколдоваться снова в пар, но начав превращаться, потерпела неудачу: следующий выстрел из арбалета ударил её прямо в грудь. Рину отшибло через всю комнату. В падении она задела посуду, стекляшки и реактивы, часть мебели. Комната-лаборатория Иргуса немилосердно разгромлена.

– Извини, приятель, считай, у тебя тут наводнение. Соседи сверху заливают, – похлопав ничего не понимающего, шокированного Иргуса по плечу, Грифон подошёл к развалившейся посреди битой химической посуды Рине.

На её теле появились маленькие ранки. Через них текла вода – не кровь. Рина смотрела взглядом запуганной, но очень злой кошки снизу вверх на Грифона:

– Ты сам полный идиот, если думаешь, что Серым быть выгодно. Когда ты Серый – ты никто. Мы, Чёрные, по крайней мере не столь лицемерны, как беляши и не столь наивны как Тёмные. Совсем скоро мы устроим Белым и Тёмным несладкую жизнь, да, не курорт. У нас всё готово для этого. А ты будешь стоять в стороне, как и всегда, палец о палец не ударишь. Я скажу так: мы победим. У нас есть все ресурсы. И если бы я была Серой – то я бы догадалась с первого раза: выгоднее всего присягнуть Черноте. Думай, Серый.

Произнеся это, Рина победоносно улыбнулась. Она думала, что заронила в его голову рациональные мысли. Пусть её постигла неудача с «морячком». Но теперь она планировала время от времени появляться в жизни Грифона и склонять его. Не одним разом – так десятую. Не мытьём – так катанием. Рине не привыкать. Капля камень долбит, а уж воздух сможет продолбить тем более. Хоть воздух и способен высушить воду, превратить её в облака, гнать по ветру по своей воле, подчиняя – в воде воздуху не жить. Те, кто попадают в воду, особенно людишки – умирают, потому что не приспособлены.

соблены в воде дышать воздухом.

Грифон со спокойным и чуть насмешливым видом слушал русалку. Он больше не стрелял в неё. Он даже дал ей возможность стать паром и услужливо открыл ей форточку, чтобы она вылетела. После чего подошёл к Иргусу и невозмутимо произнёс:

– Лишь в одном она права, Иргус. Сейчас всё складывается так, что выгоднее всего присягнуть Черноте. Но именно по этой причине я не стану этого делать. Я не ищу лёгких путей, и тебе не советую. Да, поздравляю тебя с первой инициацией. Вот ты чуть не стал «морячком» Рины Вронски, одной из Чёрных русалок.

Рикардо наклонился над каплями слишком синей воды, будто подкрашенной синькой. И попросил:

– Дай-ка сюда пипетку, Иргус. Мы с тобой получили уникальное вещество – кровь Чёрной русалки. Мы можем проделать с ней массу полезных опытов. И расширить тем самым твой кругозор о химии водяных созданий.

Что видит глаз Русалки?

Чего хочет дочь Океана?

Если ушёл на рыбалку,

Сгинешь в густом тумане.

Если ушёл на охоту,

Мы знаем – Воду иссушит Воздух.

Споют чётко и по нотам.
Концовку услышишь – станет поздно.

Зачем они вышли на берег?
Предписано им ведь жить в море,
Не среди мирских истерик,
А в подводном глубоком просторе.

Зачем поменяли на ноги
Хвосты чешуи перламутра,
Какова цель их дороги?
Зачем убивают под утро?

Свою они хотят свободу
Свой мир, чистый без грязи
Вечную жаждут Воду,
Жизнь людскую поэтому гасят.

На людей большая злоба
У созданий Вод за былое
За поруганную мстят утробу
Океана дочери жаждут боя.

Что видит глаз русалки
В прозрачном как Вода Шаре?
Погибших моряков не жалко.

Они повторяют всё в кошмаре.

Их сестёр загубили.

На Земле с людьми слишком тесно.

Раньше их в сети ловили.

Теперь им убивать интересно.

Часть 5. Ступеньки новой Лестницы

Чёрно-Тёмный Пролог

– Увольняйся! Зачем ты цепляешься за ненужную тебе жизнь? Что тебя в ней держит, Ниания? – Мангуст с нескрываемым соучастием смотрел на подругу.

В очередной раз Ниания Дор спешила из Скомато на работу, раздражавшую её. Но которую она никак не могла бросить.

Ниания работала сменным менеджером-оператором в небольшой компьютерной фирме. Она устроилась туда давно, сначала рассматривала работу как прикрытие. Постепенно она стала к этой работе относиться как к неприятной, но необходимой обязанности вроде мытья посуды. Прикрытие Ниании нужно для её родственников, осаждающих вопросы, чем она занимается (игра в метал-группе за занятие не считалось), а также чтобы документы были в порядке. У различных бюрократических учреждений человек старше двадцати, если нигде официально не работает, не учится, вызывает слишком много вопросов.

Работу Ниания не любила. Её начальница – стервозная и скандальная дама никогда не соблюдала договорённости и предъявляла неадекватные требования к сотрудникам. Она могла вызвать Нианию поработать не в свою смену, сообщив об этом за час-два. Вдобавок, те клиенты, с кем приходилось общаться Ниании, не отличались приветливостью.

В последнее время Ниания стала проводить слишком много времени в Скомато, брала отпуска, отгулы. Ненависть к ней начальницы крепла. Та грозила её уволить и много чего ещё грозила. Когда у Ниании была возможность – она ехала на работу, выручать и подменять коллег, кого по-своему жалела.

– Если дело в деньгах и в том, что тебе нечем платить за коммунальные платежи – вопрос же решается очень легко! – увещевал Мангуст. – И ты вовсе не будешь кому-то обузой, и вовсе не станешь рабыней, зависящей от кого-то!

Он вместе с лидершей Приходящих-не-в-Полночь вышел прогуляться, провожал Нианию до автостоянки. Ниания дошла до машины, открыла её, повернулась к товарищу и проговорила грустно:

– Дело не в деньгах. Понимаешь, Мангуст, дело, наверное, во мне. Мне уже больше двадцати, а я как подросток, никак не нахожу себя. Как маг я слаба, в битвах полноценно участвовать не могу – чуть малейший выплеск, и я впадаю в бессознанию. Пение и группа – хобби, но это не то, что я считаю предназначением. Когда я работаю – я хотя бы реально по-

могаю людям. Я консультирую клиентов, помогаю решать их проблемы здесь и сейчас. Не умозрительно участвуя в боях с Чёрными, про кого люди и знать не знают. А здесь и сейчас, что-то делаю, что-то создаю, понимаешь?

– Ниания, когда ты поёшь – ты зажигаешь огнём наши сердца. Если бы не ты – многие не смогли бы победить в боях, не смогли бы выжить. Тебя очень любят, на руках носят, – пытался ободрить подругу Мангуст. – А там, куда ты сейчас идёшь – не твоё место. Тебе там плохо, я же вижу.

– Я подумаю над этим. Но ведь идти надо туда, где плохо, страшно и так далее. Как это говорится в умных книжках – где хорошо – там зона комфорта, а из неё нужно выходить. Мне очень комфортно с вами, особенно с тобой, – тут Ниания тепло улыбнулась другу и мягко провела рукой по его плечу, от чего Мангуст просиял. – Но я по-прежнему должна понять, где я нужна, где полезна. И сейчас я нужнее там, куда меня вызвали – на своей работе. Пусть она и слишком формальная, приземлённая – я там нужна. Кто-то должен выполнять эту работу. Я бы выполняла её даже бесплатно, раз так надо.

– Ниания. Если рассуждать как ты – кушать экскременты – это тоже своего рода выход из зоны комфорта! – пошутил Мангуст.

– Если это поможет людям снизить тот уровень зла, что сейчас в мире – то да. То значит так надо, – проговорила Ниания задумчиво. – Порой мне кажется, что быть ближе

к людям, помогать им в «черновой» работе – важнее, чем махать мечами и топорами где-нибудь на крыше, на Оттенке Тени.

У неё возникло желание обнять друга. И она это сделала. Она никогда не была особенно сентиментальной. Но сейчас ей стало грустно. Её охватило страшное, хоть и мимолётное предчувствие, что миг здесь и сейчас больше никогда не повторится. Что Мангуста она видит в последний раз.

Забота и переживания о ней Мангуста, а также то, что в последнее время она самореализовалась как лидер, получила признание, уважение всех Шакалов в Скомато, навели Нианию на мысли – может, Мангуст прав? Может, она зря цепляется за старую жизнь, работу? Мангуст с радостью ответил на объятие. Они давно как брат и сестра и любят друг друга как родных.

– Ниания, будь с нами, будь сама с собой. Не будь с чужими, не живи чужой, навязанной жизнью. Будь настоящей там, где ты настоящая. Скидывай с себя маску!

– Я подумаю, спасибо, Мангуст, – Ниания улыбнулась и села в машину.

Через несколько секунд она уехала, Мангуст грустно смотрел ей вслед.

Ниания через час подъезжала в район на окраине своего города. Стояла ночь, её вызвали в раннюю утреннюю смену к пяти утра. Ниания рассчитывала перед сменой выпить кофе, разобраться на рабочем столе, подготовить отчёты. Ещё

она хотела зайти домой, полить цветы. Контора, где работала Ниания, располагалась в соседнем доме, а точнее в душном грязном тесном подвале без окон. Начальство экономило на всём: на аренде, на сотрудниках.

Ниания остановила машину, вышла, стала закрывать ключами дверь.

Дарти наблюдал за ней, сидя под мощной Мантией Тени на лавочке рядом с её подъездом. Он выжидал подходящий момент. Кроме Мантии Тени, он навёл ещё Мантию Невидимости и Отвода Глаз – чтобы никто из прохожих людей и анхомов не увидел, что он сейчас собирается сделать. Он собирается сделать приятное своей демонической любовнице Августе: отомстить за унижение. Он собирается сделать приятное себе: отомстить за смерть Мастера – Людвига фон Репса.

Ниания такая одинокая, грустная. Вот она закрыла машину. Вот она идёт к подъезду. Поникшая, усталая, в своих мыслях. Осознанность, контроль и бдительность выключены...

Ниания подходит. Дарти вскакивает и решительным движением набрасывается, быстро выхватывая нож. Целится в сердце. Ниания видит его слишком поздно, чтобы бежать и выигрывать расстояние, но достаточно рано, чтобы уйти в самый последний момент в сторону от удара. Всё-таки знания боевых искусств и тренировки в свободное от работы время спасли жизнь Чёрной Леди. Нож больно задевает ей

руку, оставляет глубокую неприятную царапину, рвёт плащ. Дарти, поняв, что промахнулся, привлекает магию. Он шепчет парализующее заклинание, швыряет в Нианию шмоток чёрного тока. Ниания падает на колени перед собственным подъездом, обессиленная, застигнутая врасплох.

– Умри, гадюка! – шипит яростно Дарти, подкрадываясь к Ниании, стоящей на коленях, опирающейся на локти. Он поддевает нож ей под горло, чтобы перерезать ей, чтобы она истекала кровью.

Но не успевает.

– Это кто тут гадюка, малыш? Ты малость перепутал. Гадюка, а точнее дракон здесь я. Твой хозяин. Твой повелитель.

Услышав этот голос позади себя и так близко, Дарти дрогнул. Его рука дёрнулась, нож выпал. Ниания, готовая уже распрощаться с жизнью, находит в себе остатки сил, чуть подползает, поднимает этот нож, пытается встать. Но когда оглядывается, видит, что она уже вне опасности. Зато в опасности Дарти.

Позади Дарти стоит его несостоявшийся наставничек. Тот, кто превратил его в куклу, продержал три дня в плену, заставил рассказать всё об Августе, её планах, о томберах. Дрэгон. Тот, кого Дарти считал до мозга костей Чёрным. А он, оказавшийся на стороне Белизны и Тьмы, радостно ухмыляется, направляя на Дарти мощные гипнотические чары приворота:

– Вот мы снова с тобой в деле, ученичок! Так что ты там

собрался? Заделался истребителем гадюк? Ну давай, истреби меня! Да, советую тебе начать с меня, а потом уже с моих друзей. Запомни, малыш: когда связываешься с моими друзьями – я стою близко. Я слежу за тобой, за каждым своим шагом. Давай же, разделийся сначала со мной, а там и поговорим!

Дрэгон магически подцепляет Дарти, воздействуя на него мощной волной вампирского гипноза. Дарти падает на колени. Шепчет:

– Мой повелитель... мой Мастер... Я не... не хотел...

Дрэгон подавляет его волю. Заставляет подчиняться. Нияния чувствует, что это выглядит подло, мерзко, но – правильно. Она встаёт, шатаясь, держится за стену дома.

– Лжёшь. Всё-то ты хотел. Да только хотелка у тебя потсохла, миленькой, – актёрски копируя голос старой бабки, Дрэгон наступает на Дарти, примешивая к чарам подчинения внушение страха, абсолютного контроля. – Послушай меня внимательно, мой крошка. Сейчас ты вернёшься к своему Масочнику и Августе. И скажешь им: чтоб духу их здесь больше не было. На *моей* территории, усёк? Пусть катятся куда подальше с моего района. Кстати, ты бывал в домике в Глуме? Не надейся побывать там: я его поджёг. Несколько часов назад. Да, пожарные ещё не потушили, но уже льют воду из шлангов. Отправляйтесь куда хотите. К чёрту на кулички, к тараканам в Таракань – куда угодно. И только попробуй ещё раз попасться мне на глаза.

– Повелитель... я исполню твою волю...

– Конечно, исполнишь. Попадёшься мне ещё раз – это будет последним разом.

Дарти вне себя от ужаса, загипнотизированный, подавленный, убегает прочь. В зимний предутренний туман.

Дрэгон галантно подходит к Ниании, протягивает ей руку:

– Чёрная Леди, вас куда-нибудь проводить? – спрашивает он, усмехаясь.

Ниания улыбается, не скрывая радости от того, что друг оказался рядом и в такой нужный момент. Она с удовольствием принимает его руку, слегка опирается на неё:

– Да, пожалуй. Проводи меня в кафе во-о-он в том доме. И посиди, выпей со мной. Я... подумала и решила, что Мангуст прав. Я увольняюсь.

– Я надеюсь, не из «Приходящих-не-в-Полночь»? Я надеюсь, не с Тёмной Стороны? – с наигранной опаской спрашивает Дрэгон.

Ниания улыбается шире и выдыхает:

– Нет, что ты. Теперь это мой дом, моя семья. Ты меня убедил окончательно. Когда я сюда ехала – я просила дать мне знак. Видимо, мне предстояло едва не подохнуть, чтобы понять, какая я была дура, раз каждый раз возвращалась сюда. Но как ты оказался здесь?

– Ну... знаешь ли, у вампиров есть такая штука как повязка на уровне жертвы. Я пометил Дарти. Как того, кого мог бы вполне обратить, будь он одной со мной Стороны или будь

он латентным вампиром. Я пометил его тёмной меткой, и теперь в любой момент могу настраиваться на него. Когда я настроился на него в этот раз, мне не понравилось, что он околачивается возле твоего дома. Я решил проконтролировать, что он хочет. Думал – неужели мальчик исправился, встал на путь истинный и вышел к тебе на переговоры, чтобы вы перевербовали его. Что он Шакалом задумал заделаться. Но нет, мальчик неисправим, увы, – весело объясняет Дрэгон.

Ниании становится легко. У неё звонит телефон. Начальница. Ниания улыбается Дрэгону вежливо-извинительно, берёт трубку.

– Где тебя носит, Дор? Почему не на работе? Уже четыре утра! Ты обязана приходить за час! Я вычитаю штраф из твоей зарплаты! Наш новый регламент требует, чтобы сотрудники приходили за час до начала смены! У нас совещание! Дор! Почему ты не отвечаешь мне? Ты игнорируешь меня! Ты обязана мне ответить! Дор!!!

– Иди к чёрту. Я зайду на днях, закину заявление на увольнение. Ты спрашиваешь, где меня носит? Сейчас я буду бухать ром в кабаке над твоим вонючим подвалом! – выдохнула Ниания на одном дыхании. И расхохоталась.

Дрэгон живо поддержал:

– Мне это нравится! Скажи ей, что если она попытается к нам присоединиться – мы её подвесим на рее! – он развеселился. И даже прокричал в трубку: – Эй, крыса сухопутная, акула тебе в пасть! Ты слыхала? На рею!

Раздались короткие истерически-панические гудки. Чёрная Леди и Дрэгон ещё раз рассмеялись, ударили по рукам, а потом отправились пить ром. Над городом разгорался рассвет.

Я слабый, посредственный маг,
Но могущества мне не нужно.
На врагов поднимаю кулак,
Нет ничего более святого, чем дружба.

За друзей всё отдам, умру
В бою правом, но собой прикрою
Спины и груди. А поутру
Молюсь, чтоб были живы герои.

Я прихожу не в полночь, а в ночь,
С небольшим, но простительным опозданием
Я Тьмы и Луны сестра и дочь,
Я справлюсь с любым заданием.

Меня называют Чёрной Леди. Мой топор
Скор на расправу с врагами.
Пусть все знают: Ниания Дор
Слаба как маг, но за добро с кулаками!

Любовь зла

Я находилась в ресторане. Стоя на карачках, на полу. Голова кружилась. Рядом Эдди и Айрэнн, перепуганные, обескураженные. Поддерживая, обнимают друг друга, не понимают, как могли выжить.

Чуть в стороне – Шрам. Он смотрит в нашу сторону, но когда я поворачиваю голову – отводит взгляд. Чувствую, что между мной и им произошёл раскол. Ведь я не оправдала его ожиданий. Не смогла убить демона, когда была такая возможность.

Он слишком много требовал от меня. Чтоб я убила Августину. И теперь ещё и бессловесно упрекает меня за это!

Что-то холодное, тяжёлое в моей правой руке. Нож Зелёного Червя. Надо вернуть его. Где он сам?

А вот и он. Ещё дальше от нас. Сидит на полу, опустив голову, сгорбившись. Его руки слегка подрагиваются, будто он вот-вот собирается колдовать. Медленно поднимает голову, но смотрит не на нас, а в сторону Русалок.

Они сидят за столом. Трёхглазая и Лексаэлла Тайрус. Почему только двое? Трёхглазая сидит в надменной властной позе, закинув ногу на ногу. Смотрит на нас как на раскиданных перед ней букашек. И не знает, что с нами делать. Лексаэлла как всегда отстранена, безразлична, холодна. Это айсберг, об который разбиваются любые корабли и чувства. Са-

ма она вряд ли что-нибудь умеет чувствовать. Или отказалась от чувств.

Мы слышим песню издалека. Но голос, хвала богам и дьяволам, не Петы. Блэки поёт:

На прибрежном камне восседала дева.
Волосы так белы, как морская пена.
Очи лазурные зажигали сердце алое.
Но красками пурпурными в них отливалось коварное.

Что-то коварное отливается в глазах Трёхглазой. Я вижу там пурпурные сполохи. Морская Королева медленно встает. Поднимается следом и верная ей морозная ледяная Лексаэлла.

Голос Блэки, доносящийся из смежных параллельных измерений, где только что мы бывали, продолжает напевать, приближаясь:

А голос её как трясина заманивал
Что за песню дева поёт? Эта песня жертв к ней зовёт.

Потом мы слышим всё-таки голос Петы. Сердце сковывается страхом, что сейчас нас всех убьют. Мы слабы, мы беспомощны, мы не можем встать с пола. Даже Червь! Кто вроде как их союзник.

Она была дочерью Нептуна, жестокою сиреной,
Гибель всем несла.

Моряк, в моря зря ты плавал смелый, полюбил ту деву,
А любовь ведь зла!

Но нет. Мы не гибнем. Пета поёт обычно. Она просто помогает Блэки выводить мотив. Они поют красиво. Уже на два голоса. По ролям. Их бы на сцену международной оперы! Сорвали бы все овации.

Лукавая ундина сети раскидала,
Сидит и ждёт их ведьма, чтоб убить сначала
А они не знают, что сулят им скалы,
Что Сцилла и Харибда ту деву порождали.

На прибрежном камне восседала дева,
Волосы так белы, как морская пена...

Теперь Блэки материализуется рядом с Трёхглазой, по правую руку. Лексаэлла стоит чуть поодаль, слева. Между нею и Трёхглазой слева материализуется Пета. Они вышли из субпространства. Теперь они поют все вместе, даже Лексаэлла присоединилась:

Она была дочерью Нептуна, жестокою сиреной,
Гибель всем несла.

Моряк, в моря зря ты плавал смелый, полюбил ту деву,
А любовь ведь зла!

Тут появляется Рина. Сбоку, из тумана.

Я теперь сама созерцаю, как русалки летают дымом. Дым, туман опустился рядом с Блэки, нагнетается, густеет, приобретает очертания. Рина выглядит злой, потрёпанной, как мокрая курица. Она выводит окончательный аккорд, почти истерически, раздражающе провизжав:

– А любовь ведь зла!

Они уже не обращали на нас внимание. Трёхглазая посмотрела на Блэки:

– Что-то изменилось в памяти?

– Нет, моя Королева, – покачала головой Блэки и скользнула взглядом по мне. – Как было триста лет назад то, что было, так и осталось.

– Лексаэлла, Рина, Пета, что вы скажете?

Три русалки тоже посмотрели на меня. Рина с ненавистью, Лексаэлла с холодным интересом, Пета с вызовом. Пета Кирия ответила за всех:

– Да, триста лет назад она дала нам прикурить. Она и этот ещё кок. Кок, которого мы не кокнули! – она залилась смехом.

– Там был ещё громила, помните, – вдруг окатила всех шипящим морозным холодом Лексаэлла.

– И ведьма чёртова эта мутная, – поддела Рина.

– Опасайтесь громилу, девочки, – проговорила Лексаэлла. – И воздушника. Рина, твоё упущение, – ледяная ундина посмотрела на летающую дымом с упрёком.

– Любовь зла! – развела руками Рина. – Такие дела быстро не делаются! У нас ещё есть время! У меня есть время! У меня приказ Королевы, и я исполню его! – запальчиво заговорила она, оправдываясь.

Лексаэлла покачала головой и тихо прошептала:

– Время упущено. Ты могла это сделать только в эту ночь. Ночь на двадцать девятое декабря.

Они стояли впятером. Мы в их власти. Мы – кто сидел, кто полулежал на полу. Трёхглазая вздохнула демонстративно, делая нам большое одолжение:

– Значит, ваши воспоминания, мои верные фрейлины, о том, что было триста лет назад, не изменились. Что ж. Это говорит о том, что мы вынуждены признать, что Тёмный Маг получил своё.

Рина взъелась, ощерилась:

– Что, неужели, ты отдашь им Ключ, Королева?!

– У нас, увы, другого выбора нет. Судя по тому, что служанка жива, и ты, Блэки, вернулась такая сытая, и даже ты, Пета, никого не убила – при том, что в вашем распоряжении было аж три «морячка», – при слове «три» она обвела тремя глазами Эдди, Шрама и Зелёного Червя, – всё говорит о том, что Договор Огня и Воды благополучно расторгнут. А это значит, что служанка, которая уже больше нам не слу-

жанка, правильно собрала расстановку. Подобрала подходящих Тёмных, Светлых и Белых.

– Это потворство Белизне и Тьме! – психовала Рина.

Трёхглазая строго зыркнула на неё:

– Дорогая. Позволив в эту ночь Серому остаться Серым, ты тоже потворствуешь Белизне и Тьме.

Она посмотрела на Рину так уничтожающе и продолжительно, что Рина разом сникла. На её красивом и – как мне показалось – глуповатом лице отразился испуг. Фрейлина преклонилась:

– Прошу простить, моя Королева.

– Прощаю. Я сегодня милосердна. В конце концов, надо найти ещё два ключа. И то, что ваша и моя память не поменялись относительно того, что произошло триста лет назад – говорит о том, что со Вторым Ключом нам повезёт больше. С Третьим-то уж наверняка! А первый Ключ своё дело сделал. Тёмный Маг великодушно дал нам с ним поработать, хотя бы эти дни!

Трёхглазая повернулась к Блэки и требовательно-царственно подставила руку:

– Подвеску Инферно, Блэки.

– Ах. Как жаль, такая шикарная цацка была! Как говорится, хорошо, что поносила! – притворно повздыхала красавица-брюнетка.

Она засунул руку себе в лифчик сверху и вытащила что-то оттуда. Подала Трёхглазой. А та, улыбаясь нам победоносно,

триумфально, торжествующе, кинула это мне. Словно поощрительную кость собаке – столько гордыни, власти, превосходства, высокомерия было в этом жесте! Жесть...

Что-то металлическое со звоном легло на пол, упав совсем рядом.

Я на это пока не смотрела. Я смотрела на Русалок.

А они смотрели на меня. И медленно растворялись, уходя в заоблачные далёкие миры. Или просто ретировались через Теневую Сторону, оставляя поле боя ни за кем. Нет, они не сбегали, не отступали. Так, как они, уходят победители. Я ощущала себя не только опустошённой, но и проигравшей. Вопрос с Августой – открытый. И с моими взаимоотношениями с Шакалами. Шрам и остальные товарищи – Мангуст, Ниания, Коллинз – что, теперь будут волком на меня смотреть за то, что у меня рука не поднялась убить девочку?! Какие они после этого «белые»?!

– До встречи в тысяча семьсот третьем, Клот Итчи. Этот Ключик можешь отнести Тёмному Магу. Но следующий – нам. Моё предложение о Чёрном Контракте в силе. Разочаруешься в Тёмном Маге и беляшах – мы тебя ждём! – последнее, что молвит мне Богиня Вод Морских в этом году.

Они исчезли. Испарились.

Ресторан погрузился в полумрак. Кое-где горел тусклый свет.

Я подняла то, что они мне кинули. При неярком освещении ресторанных ламп в синих тонах я увидела часть укра-

шения от диадемы – подвески, которая надевается как обруч. Цветы, красиво переплетённые цветы, листья, стебли неземной красоты, образовали завораживающего вида изделие.

Не подозревала, что ключ от ада такой. Металл приятно охлаждал кожу. Мне показалось, я увидела пробегающие по нему синеватые сполохи. Но это блики от освещения, оптическая иллюзия. Я долго рассматривала эту вещь.

Мои друзья поднялись и встали рядом, вокруг меня. Или не друзья, а просто проходные товарищи – я уже не знала, друзья они мне или нет, я запуталась. Я почувствовала себя глупой, что перед ними тут ползаю, то есть стою на коленях и как дура разглядываю «цацку». Я поднялась и вызовом посмотрела в первую очередь на Шрама. Он опять отвёл глаза.

Я перевела взгляд на Эдди и Айрэнн. Но увидела там только принятие, любовь и волнение. Мне стало совестно за свой грубый взгляд и грубые мысли. За то, что я усомнилась в их уважении к себе.

– Клот... – тихо проговорила Айрэнн. Она качнулась в мою сторону, наверное, она хотела обнять меня.

Но объятия не состоялось. Возможно, момент такой, что...

Что обниматься не из-за чего и не за что. Здесь. Сейчас.

– Сорвиголова, мы... я... – Эдди вдруг сделал то, что не осмелилась сделать робкая Айрэнн.

Обнял меня. Но я не сразу ответила на объятие, вернее

ответила запоздало, неуклюже, одеревенело. В правой руке нож. В левой Ключ о Ада.

– Клот, я горжусь тобой. То есть я не то хотел сказать... Ты оставалась человеческой. Клот, я думаю, они провоцировали тебя убить эту Августину. Если бы ты убила её, ответила злом на зло – ты стала бы ближе к злу. Я, возможно, не правильно выражаюсь. Но я понимаю, почему ты этого не сделала, я бы тоже так не сделал. Неблагодарно бить ножом безоружного человека... демона... Возможно, я ахинею несу...

Он мне показался в тот момент очень наивным. Очень «детским». Гораздо моложе своих лет. Я проговорила, с трудом владея голосом:

– Знаешь, Эдди. На зло надо отвечать злом. А добро должно быть с кулаками. Только проблема в том, что я себе этих кулаков не отрастила. Проблема в том, что я – человек. А меня ввязали в эти грязные игры, все от меня что-то хотят. Шрам, – я почувствовала, как в горле поднимается ком.

Нет, не заплачу, не заплачу, нельзя!

Шрам, храня на лице вежливое, формальное спокойствие, посмотрел на меня в ожидании.

– Возьми эту штуку. Отнеси куда нужно. Вы же этого добивались!?! И передай там своим, что моя миссия выполнена и я – всё. Я с вами больше не дружу. Никогда. Я человек. А вы, анхомы, говорили мне, что не вмешиваетесь в жизнь людей. Зачем в мою вмешиваетесь?

Шрам посмотрел на меня очень-очень грустно. Я подума-

ла, что обидела его. Вернее, что ему сейчас больно, хоть он и держал маску выдержанного невозмутимого «эльфа».

Он медленно взял у меня из левой руки Подвеску Инферно. Промолчал. И правильно сделал. Я терпеть не могу подобные разговоры. Он взял Ключ от Ада и с ним вышел из ресторана.

– Клот, а я всё же уверен, что ты поступила правильно. Несмотря ни на что. Я одобряю и поддерживаю тебя. Мне хочется быть такой же как ты.

– Спасибо на добром слове, Удильщик. Я тоже хочу многому научиться у тебя, – я улыбнулась Эдди.

Единственному человеку, кто поддерживал меня по-настоящему. Он продолжал до последнего по-рыцарски оберегать Айрэнн. Взяв её покровительственно за руку, шепнув «Пошли», он вывел её из ресторана.

Я выходила последней. Посмотрела на нож в своей руке. Я его так и не пустила в дело. Хоть могла и умела.

Зелёный Червь тоже встал и оправился от оттока магических сил. Он, оказывается, заинтересованно наблюдал за «трогательной» сценой. Но вот что удивительно – без тени злорадства или издёвки. Когда я посмотрела на него и поймала его взгляд, то увидела там почти что сопричастный интерес. Мы посмотрели друг на друга, и я почувствовала, что ком в горле исчезает.

Как мы с ним похожи. Не могу сформулировать чем, но... Он Чёрный колдун, я человек. Он сильнее меня, хитрее,

прожжённое. Ему ничего не стоит прямо сейчас растоптать меня или убить. Я подошла к нему и протянула его нож. Без слов.

Он, не спуская с меня взгляда, взял этот нож. Я так и осталась стоять. Он ведь может и зарезать меня. Мы ведь тут одни.

Он покрутил нож в руках. Убрал. И продолжал смотреть на меня. Его рот изобразил подобие улыбки. Я не знаю, что она означала. Уже повернулась, чтобы идти прочь. Вдруг он задержал меня. Так же, как и в круге, схватив за предплечье. Я не вырвалась, потому что не боялась его. Наоборот, мы почувствовали некую солидарность. Словно так и должно быть, потому что нам обоим хотелось что-то сказать друг другу. Напоследок. До следующей стычки, боя, поединка. Он обязательно произойдёт – ведь мы формально лютые враги.

– А ну-ка постой, куклёнка. Один вопрос, – прохрипел он, и его улыбка превратилась в хищный оскал.

От такого не знаешь, что ожидать. Но он вызвал во мне такое беспредельное любопытство, что я думать забыла о своей «хандре». Я кивнула:

– Ну?

– Откуда вы со Сморчком узнали, куда бить?

Его хватка не грубая. Он словно позволял вырваться. Кодекс Чести. Он был другом замечательного человека по имени Антонио Тенбрук – моего друга.

Он *мог бы* быть моим другом. Всегда ли был Чёрным?

Я вспомнила его досье. Учил деток каратэ. Дружил с Удавом, который отзывается о нём лестно. Нет. Не всегда он был Чёрным. Русалки принудили подписать Чёрный Контракт? А как к Томберам попал, да ещё и стал вроде правой руки Масочника?! Я сказала ему одно слово, после чего он меня отпустил:

– Удав.

На его лице отразилось мимолётное удивление.

– Вот как. Мир тесен. Многие убийцы знают друг друга. Ты либо Белая, либо Тёмная. Ставлю на Тёмную. Но если возникнет желание подписать Чёрный Контрактик – лично я буду рад. Смогу многому научить тебя, куклénка. В том числе убивать.

Проговорив это, он адски хохотнул, сделал шаг назад и растворился в Теневой Стороне. И этот склоняет меня на Чёрную Сторону. Убеждает, что там типа хорошо. Я не могу пойти на Чёрную Сторону. Я не могу подписывать никаких контрактов. Я человек!!! ЧЕЛОВЕК!!! Отстаньте все от меня!

Из ресторана я выскочила почти пулей. Словно моё дальнейшее нахождение в «Русалке» означало безоговорочное подписание Чёрного Контракта.

Когда проходила через двери, замедлила шаг. Постаралась успокоиться. Плакать уже не хотелось – особенно после того, как друзья повернулись ко мне спиной и вышли, но поддержал по-настоящему меня враг. Даже поддержка Эдди

выглядела невпопад.

Почему я не заплакала – так это потому что подумала, что это проявление жалости к себе. Проявление мышления жертвы. Мол, «все на мне ездят, все меня достали». Я не хотела проявлять себя как слабую или хилую. Это не в моём стиле. Я напустила на лицо сосредоточенное, воинственное выражение и с нажимом раскрыла обе двери, выходя на свежий морозный воздух.

Перед рестораном стояла машина Коллинза. Сам Коллинз, бережно приобнимая Айрэнн, общался со Шрамом. Эдди стоял чуть в стороне и заинтересованно разглядывал реку, несущую волны чуть поодаль, за набережной. Юный Охотник выглядел настолько безмятежно и самодостаточно, что и не подумаешь, что несколько минут назад он столкнулся с перемещением в параллельный мир.

Шакалы и Айрэнн посмотрели на меня. Меня поразил вид Шрама. Он выглядел подавленным. Коллинз же смотрел на меня как всегда с подчёркнутым чувством собственной важности. Я криво улыбнулась ему. Небось Шрам пожаловался, что я не смогла тюкнуть Августу, зарезать ножиком. Мол, из-за меня опасный демон теперь на свободе. Пусть сами тюкают. Я не позволю больше себя использовать. А Шакалы пусть перетирают мне косточки – с них станется.

Я хотела подойти к Эдди, но тут с двух сторон резко подъехали и остановились три машины. Ярко-красная, серебристая и тёмно-зелёная. Они остановились так ловко и ровно,

словно репетировали. Двери раскрылись одновременно. Из тёмно-зелёной машины вышла моя учительница биологии Матильда Дарксон, она же Пантера, и кивнула Эдди приветливо. Из красной вышла моя начальница Аманда Беллок, а из серебристой мой начальник Майло Стивитз, он же Скорпион.

Боссы деловито оглядели обстановку. С их присутствием стало веселее. Особенно когда Аманда произнесла:

– Ну что ж. Хоть ресторан поджигать не стали, и на том спасибо. А вот домику Томберов в Глуме повезло меньше. Здорово всем, – махнула она почти весело Шакалам, Айрэнн, Эдди, мне.

Майло подошёл к нам с Эдди. Посмотрел на нас весьма хитрым и многозначительным взглядом:

– Миссия выполнена, Клот Итчи, агент 001. Я доволен.

– А ещё я Ключ от Ада у Русалок забрала, – не без сарказма съязвила я. Пусть начальник совсем будет доволен, в квадрате или в кубе.

– По-другому не могло быть, – Майло посмотрел на меня так, что мой сарказм весь испарился. В его взгляде читалась неприкрытая поддержка и... гордость? Благодарность? В общем, что-то очень тёплое, обезоруживающее. – Рановато мы тебя на такое дело сдёрнули. Но, возможно, это и к лучшему. Со временем у тебя в голове всё уляжется.

– Мы сможем про это поговорить наедине? – с надеждой посмотрела я на босса.

– Конечно, – кивнул он. – Когда тебе будет удобно.

Я увидела, как Аманда направилась в сторону Шакалов и Айрэнн. И принялась у них что-то спрашивать. Они смотрели и отвечали уважительно – даже зазнайка Коллинз. Мод же «оприходовала» Эдди, отведя его в сторонку.

– Наверное, мне удобно сейчас, – повернулась я к Майло.

– Я так и понял. Ты боишься, что второго шанса не представится.

– Ага. Ибо один шанс я уже упустила. С демоном. Мне дали нож, из демона высосали силы, или как это называется. Я просрала, – теперь я не стеснялась в выражениях. Мой начальник должен всё знать.

– Нет, – убедительно произнёс он, глядя мне в глаза. – Наоборот, ты ни в коем случае не должна, да и не смогла бы убить её сейчас.

– Потому что это провокация? Дескать, проверить, добрая я или не добрая? Смогу или не смогу убить безоружного, пусть и демона?

– Не в этом дело, – возразил Скорпион. – Ты не готова. Ты и к тому, чтобы провести эти Переговоры, была не готова. Тебя вынудили. Тем, кто сильнее, запретили тебе помогать. Но ты справилась. И за это я по-настоящему горжусь тобой.

Он положил руки мне на плечи. В его взгляде теперь столько поддержки, что бери не хочу. Я растроганно улыбнулась:

– Это не только я. Мне помогали. Айрэнн, Эдди, Пит,

Джейн, Ниания. Даже Коллинз оказался полезным – подвозил меня в качестве личного шофёра. В общем, коллективными усилиями мы вернули потерянный ключ.

– Я бы с тобой поспорил. О том, что не только ты. Да вот объяснять всё это трудновато. Скажем так: эта твоя миссия многократно сложнее всех тех, что ты выполняла за последние два с половиной года. Ты справилась безупречно. И это не просто красивые слова.

– Я справилась, потому что иного выбора у меня не было.

– Был. Ты могла отказаться в любой момент.

– Был? Разве? Но меня пометили, и...

– Если бы ты по-настоящему хотела отказаться – метка русалок была бы ничто.

– Кажется я поняла. Это от того, что я человек, да? Люди имеют выбор, свободу выбора. Правильно? – растерянно посмотрела я на босса.

Мне показалось, или всемогущий Майло Стивитз заколебался? Его пауза длиннее обычной, глаза на очень короткий миг отвелись в сторону.

– Не важно, человек ты или не человек, но выбор у тебя был отказаться, – повторил он как аксиому, как истину в непреложной инстанции. – Одно я знаю точно: у тебя ни разу не было поползновения сдать, ты с самого начала шла до конца. И тебя нисколько не интересовал этот Ключ.

– Конечно он меня не интересовал. Я даже не знаю, что это такое, и почему все с ним носятся как курица с яйцом.

Я отдала его Шраму.

Майло отрицательно покачал головой медленно:

– Нет. Не Шраму, а тебе отдавать этот ключ.

– Как это?

– Настало время тебя кое с кем познакомить. Вы уже знакомы. Но настало время раскрыть карты. Когда ты узнаешь того, кто стоит за твоим испытанием и приключением с ру-салками – ты о многом догадаешься.

Я заинтригована:

– Это какой-то большой босс? Я что-то слышала о нём!

– Не то что бы большой босс, но да, шишка знатная, – Скорпион усмехнулся хитро.

Аманда тем временем, к моему удивлению, строго, но тихо, так, что не расслышать, выговаривала Коллинзу и Шраму. Они стояли перед ней как пристыженные школьники. Что это такое там у них за разговор? Айрэнн в тихом ожидании стояла рядом, не шелохнувшись. Потом мы с Майло увидели, как Аманда взяла у Шрама ту злополучную Подвеску Инферно и подошла с ней к нам:

– Клот, возьми это. Так будет правильнее.

Пришлось подчиниться приказу начальницы. Снова Ключ от Ада у меня.

– И что, мне теперь сюда вызвать всех демонов? – пошутила я.

Аманда и Майло, подыгрывая мне, улыбнулись:

– О да. Особенно самых высших. А ещё про Древних не

забудь.

– Я никогда, наверное, до конца жизни не пойму, как эта штука работает, – посмотрела я на ключ, потом на начальство, потом снова на ключ.

Начальство в лице Скорпиона сказало:

– На самом деле никто точно не знает, как эта штука работает. Кроме самой Белой Богини. Но пойдём с тобой ходим на аудиенцию к Тёмному Магу, он ждёт.

– К Тёмному Магу? – удивилась я.

Майло двинулся снова в ресторан, жестом приглашая пойти с ним. И я пошла.

Я уже готова к любым неожиданностям. Думала – ничему не удивлюсь. Но оказалось – я ошибалась. Мы вошли туда же, где я была уже пять раз, откуда почти пулей бежала несколько минут назад – в зал. И увидела знакомую фигуру.

Человек-в-Цилиндре, он же Паук, загадочное существо, с кем я знакома с кануна Весеннего Равноденствия, восседал там же, где любила сидеть Трёхглазая. Я во все глаза смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Он молча и насмешливо поглядывал на меня.

Значит, Паук. Паук – это и есть Тёмный Маг. А ещё он называл себя Линсо Хэйесом. И он любил появляться в таком виде. Высокий, выглядящий весьма импозанто в чёрном цилиндре, с чёрными как смоль волосами. Что я о нём знала? Мистический тип, умеющий играть судьбами людей и не-людей как ему заблагорассудится. Сущность, что может

быть весьма дружественной, но иногда допускающая проказы в стиле чёрного юмора. Непредсказуемое создание, любящее играть только по своим правилам.

От знакомства с Пауком тогда у меня остались весьма приятные впечатления. Он помогал расследовать преступление, которое сам же и совершил – украл рапиру из музея. А ещё он водил за нос моё начальство, выдавая себя за маньяка, похищающего девушек. Только на самом деле он их не похищал, а перемещал в другую жизнь, где им было лучше.

Я никогда не думала, что увижу его вновь. Я думала, что тогда наша встреча была первой и последней. Что такое «Тёмный Маг», в полной мере я не знала – могла только догадываться. В голове всплыло его ещё одно обозначение – Мрака Творец. Тот, кто создаёт Тайну, покров Ночи. Тот, кто создаёт Хаос в уме и вокруг. Но не Хаос разрушения, а Хаос творения.

Сейчас он насмешливо смотрит на меня, любуясь произведённым эффектом. Скорпион тоже хорош – встал рядом и стоит – прям как Блэки, попкорна ему не хватает! Паук первым нарушает молчание. Его хриплый задушевный голос снова погружает меня в воспоминания Остары и всех тех приключений:

– Не обманывай себя, что ты хочешь забыть о случившемся. Не сопротивляйся потоку, плыви, у тебя отлично получается. Давай сюда Ключ. Будем квиты. Тогда я дал тебе рапиру, теперь ты мне – Ключ.

Я не возражала дать ему Ключ. Зачем он мне? Поэтому я подошла к его столику и положила Подвеску Инферно на столешницу. Паук взглянул на него мимолётно – Ключ исчез.

– Вот так, – удовлетворённо проговорил он. – Хочешь быть человеком?

Что за странный вопрос?

– Так я и есть человек, – ответила я.

– Но тебе ведь интересно всё, что не попадает в разряд человеческого, не так ли?

– Видишь ли, Паук, люди ещё себя до конца не изучили, чтобы интересоваться запредельным, – я решила быть собой до конца.

– Оставайся человеком. Но при таком стремлении к знаниям это ненадолго.

– Это что, угроза? В стиле – будешь много знать – скоро состаришься?

С Пауком мы тогда и вели такие пространные философские разговоры.

– Понимай сама, на уровне своей *человековости*, – усмехнулся Паук.

Тогда я задала вопрос:

– Зачем?

В этот вопрос я вложила многое. В том числе то, зачем мне дали это задание провести переговоры с Трёхглазой и забрать Ключ. И получила ответ, произнесённый с лёгким оттенком сожаления, только я не уловила, о чём сожаление:

– Опыт.

И тут же добавил:

– Когда ты задаёшь вопрос – ты уже на самом деле знаешь ответ.

– Так говорит Аманда. Это из боевых искусств, – вспомнила я.

– Если ты так хорошо слушаешься старших – возможно, из тебя выйдет толк, – теперь его усмешка была насмешкой.

Потом он выдержал паузу и вдруг произнёс поразившую меня вещь:

– Всё то, что с тобой приключилось – бесценно. Этого никогда не повторится, и со временем ты будешь жалеть о том, что какие-то моменты ты не сможешь повторить. Сегодня ты спасла Двадцать Девятое Декабря. Не обижайся на себя за слабость и бессилие. В том, как ты поступала и какие выборы ты делала – кроется большая сила.

А потом он исчез. Просто взял и растворился. Майло произнёс:

– Считаю, ты получила поощрительный комплимент от самого Демиурга Тьмы. Неплохое завершение года. Мы победили Русалок в первом раунде открытой войны и даже без ощутимых потерь. Пойдём к ребятам, а то тут скучно.

Когда мы вышли, Аманда выглядела особенно недовольной и напряжённой:

– Они пели. Я только что узнала от Шакалов, что они пели. Скорпион выглядел слишком спокойным:

– Да? И что же они пели.

– Они пели «Любовь Зла».

– Я не удивлён. Я был бы больше удивлён, если бы они не спели.

Я непонимающе уставилась на боссов. Они решили смилостивиться и пояснить. Майло проговорил:

– Фаза перемирия и переговоров закончилась. И теперь – война. Теперь уже походами в ресторан на танцы с бубнами перед Русалками не отделаешься.

Тут я заметила, что машина Мод исчезла. Как и сама Мод. А ещё Эдди.

– А где Мод и Эдди?

– Уехали. Мод увезла Эдди домой. У него же семья, домашние обязанности и всё такое. Я тебя тоже готова подбросить, я на Базу, – начальница тепло улыбнулась мне. И спросила тактично: – Подойдёшь, поговоришь с ребятами?

Я глянула на Коллинза, Шрама и Айрэнн. Коллинз снова как ни в чём ни бывало приобнимал Айрэнн. Они со Шрамом говорили. И никто из них не смотрел в мою сторону. А чего им, всемогущим анхомам, смотреть? Я не оправдала их ожиданий, я слабая и хилая «человечишка», не справилась с демоншей.

У меня есть чувство собственного достоинства, поэтому я ответила Аманде:

– Нет, незачем. И прощаться с ними не буду.

– Поняла тебя. Пойдём. У меня там есть кофе и пончики.

Надеюсь, ты не на диете?

– Издеваешься! – возмутилась притворно я. Но забота Аманды меня растрогала. Ни у кого нет такой начальницы, которая после трудной миссии предложит горячий кофе и пончики, да ещё и выполнит функцию личного шофёра!

– Прекрасно. Тогда пойду прогрею мотор, жду тебя.

Аманда пошла к своей роскошной красной машине. Я посмотрела на Майло:

– А ты с нами, тоже на Базу?

– Увы, нет. Мне ещё разбирать разбой и хулиганство в Глуме. Там кое-кто из наших поозорничал, поджёг дом, где базировались Томберы.

– Карамба, – только и смогла проговорить я. И внезапно вспомнила, решила задать весьма конфиденциальный вопрос: – Майло, а что будет с Эдди?

– Ничего особенного. Он будет продолжать жить с тем, что он узнал. До поры до времени. Мы будем за ним наблюдать. И однажды настанет подходящее время. Найдётся Мастер. Когда ученик станет готов.

– Вы не будете стирать ему память? – изумлённо выдохнула я.

– Ну так мы же не стирали тебе память после каждого твоего расследования, когда ты узнавала чуть больше чем среднестатистический человек? – риторически спросил Майло.

– Вы его завербуете в ТДВГ? – с надеждой спросила я.

– Ох, Клот. Боюсь тебя разочаровать, но нет. Ты и так

нам слишком много подкинула, кого завербовать. Матильда Дарксон. Рикардо Кэпчук. Племянник Лонды Эзелсон.

Скорпион знает об Удаве. Ещё бы. Скорпион знает всё! Я улыбнулась и почувствовала потребность ответить Удаву на письмо наконец-то!

– Эдвард Симони – классный союзник. Будет выгоднее и эффективнее сотрудничать с ним как с союзником вовне ТДВГ, – пояснил Майло.

– Его зовут Удильщик, – пояснила я.

– Я даже не сомневаюсь. Ты бы видела, какие у них зубы. И насколько они глубокие.

Мы услышали звонкое бибиканье шикарной красной машины. Аманда ждала меня.

– Что, надумала со мной в Глум за компанию? – предложил шутя Майло.

– Я бы... может быть бы... – начала раздумывать я.

– Аманда меня приберёт, что я тебя от неё отбиваю! Пощади же меня.

– А, пытаешься от меня отвязаться! – я шутила. Потому что начальник шутил.

– От тебя – никогда. Сейчас, Клот, я бы предпочёл, чтобы Аманда тебя накормила, уложила спать и ты бы отдохнула, чем мотаться со мной на пепелище. Ничего там интересного нет.

Скорпион протянул руку, я в ответ свою, мы крепко их пожали. Я пошла к Аманде. Когда я бросила взгляд в сто-

рону кучки Шакалов, мне показалось, что Шрам смотрел на меня взволнованно, будто пытался что-то сказать. И будто даже несмело, негромко крикнул мне вдогонку, пытался позвать. Но я подошла к машине Аманде, села в неё. Я не хочу иметь больше никакого дела с переговорами, с Русалками, с демонами.

Аманда без слов, но с выражением абсолютной теплоты и заботы, будто она моя мать или старшая сестра, протянула термос с горячим кофе и тёплый пончик. А потом повезла меня домой, включив мягкую расслабляющую музыку.

Трёхглазая снова мечтала о Вечном Океане. О тех временах, когда на Земле не будет ни зверей, ни людей. Когда она заходила в своих мечтах слишком далеко – ей не нужно даже, чтобы были русалки. Её племя, её фрейлины, её сёстры. Трёхглазая жаждала этого беспредельного одиночества. Жаждала слиться с Вечным Океаном, с целой планетой, состоящей из океана.

За такими размышлениями её застал Паук. Трёхглазая сидела и смотрела в хрустальный громадный шар, созерцала Океан. Паук деликатно молчал, но не без некоторой нахальности в жестах, бесцеремонно уселся рядом с ней.

Трёхглазая насмешливо повела в его сторону тремя глазами:

– Твоя взяла, Паук. Но вот что я тебе скажу – на твоём

месте я бы зазря такими талантами не разбрасывалась. Месячок-другой-третий – и твоя девчонка будет моей. Есть ещё два Ключа. Моих. У меня.

– Нет ничего более смешного, когда Чернота рассказывает Тьме о своих планах, – усмехнулся Паук.

– Я предлагаю заключить пари. Побеждаем мы, побеждает Чёрная Богиня – и ты с нами, в нашей шайке-лейке. Побеждает Царица Рока – ты с ней.

Паук расхохотался. Он засмеялся так, что хрустальный шар Трёхглазой начал трескаться:

– Вы разыгрываете разменной монетой Мрака Творца? Трёхглазая, ты смешишь меня ещё лучше, чем мой Паж. Не хочешь пойти моим Пажом? Я вовремя плачу зарплату – не деньгами, натурой, а в отпуск отпускаю на целую ночь – ночь Остары!

Трёхглазая зыркнула на Тёмного Мага недовольно. Её лицо исказил гнев. Но она ничего не могла поделать с Демиургом Тьмы.

– Пари, что выиграет Чернота. И там, где ты сейчас сидишь, будут плескаться волны Вечного Океана. Ну а ставка – предлагай сам.

– А у меня есть субмарина. Мой один Глаз зорче твоих трёх. Брось, Трёхглазая. Наша перепалка становится похожей на детский сад. Я не заключаю таких пари. Тем более, с тобой. Я пришёл сказать тебе, что услышал песенку твоих девочек. Неплохо выступили, – Тёмный Маг демонстратив-

но захлопал в ладони, медленно, пафосно, вальяжно.

– Мы пели лично тебе. Только для твоих глаз, Паук, раз тебе так нравится твой Глаз, – Трёхглазая коварно и криво ухмыльнулась. – Ставки слишком высоки. С Медальоном Вечности и Перстнем Забвения песен уже не будет. Будут трупы. Готовься расстаться с теми, на кого ты делал большие ставки.

– О, моя самая большая ставка – на тебя, Трёхглазая, – Паук ухмыльнулся не менее коварно и криво.

Они мерили друг друга взглядами. Трёхглазая не выдержала и отвела глаза первой. Всё-таки она не демиург. Но её Шар ещё больше покрылся трещинами.

– Ты испортил мне Шар, – с затаённым гневом прошипела Богиня Вод Морских.

– Так и ты испортила мне кое-что, – в голосе Паука не гнев – юмор. Лёгкая снисходительная улыбка.

– Ну извини, – развела руками Морская Ведьма. Гнев схлынул с неё. – И что же я тебе испортила?

– Тьма тебе этого никогда не скажет. Тьма заставит тебя думать об этом вечность. Вызов принят. Готовься расстаться с теми, на кого ты делала большие ставки. И, увы, твоя самая большая ставка – отнюдь не на меня.

Тёмный Маг усмехнулся напоследок и исчез.

– Засранец... – выругалась Трёхглазая.

Она хотела восстановить свой Шар. Но в этот момент четыре её фрейлины вошли к ней.

Не одни. С ними Масочник и Дарти. Трёхглазая отметила: Блэки вела Дарти под ручку и ворковала с ним. А Дарти слушал, почти что открыв рот. И смотрел влюблёнными глазами на Блэки, убийцу своего отца. Трёхглазая усмехнулась уголком прекрасно очерченных синих губ: ай да Блэки, что за умница!

Пета первая подошла к Королеве и зашептала:

– Они просят аудиенцию.

– Да, думаю, это любопытно. У них деловое предложение, выгодное для нас, Сирен. Мы поэтому не убили их по дороге, – добавила Рина Трёхглазой в другое ухо.

Лексаэлла же произнесла громче:

– Может, дело и вымерзнет. Послушаешь их, моя Королева?

– Отчего же не послушать? – благосклонно улыбнулась Трёхглазая. – После такой ложки дёгтя в бочке мёда как Паук, я бы хотела услышать что-то, что будет бальзамом на душу.

Первым заговорил Масочник. Он вышел вперёд, слегка поклонился Трёхглазой, но чувство собственного достоинства и важности не терял. Наоборот, на его маске застыло выражение небывалого превосходства. Будто он здесь бог Вод Морских, и ситуация полностью в его контроле.

Блэки тем временем отвела Дарти чуть в сторонку. Она крепко обняла его и зашептала на ухо. Юному чернокнижнику явно приятно. Он прикрыла глаза от удовольствия и тоже

обнял Блэки в ответ. Масочник же исторг своё обращение:

– Ваше величество. Смею просить вас об одолжении.

– Для начала сообщите цену. Ту цену, что ты нам заплатишь, – Трёхглазая взглянула на главаря Томберов высокомерно, всеми своими тремя глазами показывая, кто здесь хозяйка.

– Цена – Второй и Третий Ключи, Ваше величество. Мы принесём их вам. Чёрному Ордену. Лично вам, Ваше величество. Мы располагаем большой информацией. У нас ресурсы, сила. Вы же заинтересованы в Ключах, верно?

– Верно подметил, Корим. А ты заинтересован, чтобы Крамп до тебя не добрался, верно? – произнесла Трёхглазая жёстко.

Масочник слегка дрогнул:

– Что вы имеете в виду, Ваше величество?

– Гарантии, Корим. Мне ничего не стоит по щелчку пальцев прямо сейчас вытянуть сюда Крампа с помощью моего Шара. Или вытянуть в любое другое место, где ты будешь находиться.

– Понял вас, Ваше величество. Мы не подведём. Мы всеми душами и телами радеем за Чёрный Орден. Договор Огня и Воды расторгнут, мы понимаем. Но мы хотим дружить с вами. Как прежде, – Масочник перешёл на несколько неформальный тон. В его голосе слышалось искреннее уважение и почтение к Русалкам.

Пета, Рина и Лексаэлла коварно заулыбались. Им приятно

и льстит слышать такие речи. Трёхглазой – тоже.

– Хорошо, дружите, – позволила она. – Договор Огня и Воды касался только Августины. Она нас разочаровала. С ней мы бы не хотели иметь никаких дел.

– О, я лично ручаюсь, что она вас не побеспокоит. Мы вместе будем искать Ключ. Мы все. И я сам лично найду Второй Ключ для вас, Ваше величество! – Масочник согнулся в ещё более почтительном жесте. И даже припал на одно колено.

– От меня вы, Томберы, чего хотите?

– Химера и Профессор Зло. Они нужны мне. Один я не справляюсь. Они нужны Дарти, да. Химера – его мать, нужна Дарти. Настало время.

– Ах вот чего ты хочешь, – медленно закивала Трёхглазая. – Всё-таки решил допечь меня этим разговором, который пытался завести тогда. Ну что ж. К вам, томберам, у меня лично никаких претензий нет. Я никогда и нисколько не сомневалась в вашей преданности и добросовестности. Рина, Пета.

Фрейлины преклонили головы и отозвались:

– Да, моя Королева.

– Я сейчас направлю вас в тюрьму особо строго режима «Альфа-13». Отсек Безысходности, запомнили, девочки? Изымите Мэри Зиг. С охраной делайте что хотите.

Фрейлины снова кивнули. Трёхглазая поморщилась, глядя на испорченный Шар. Придётся сейчас затратить в разы

больше магического тока, перемещая фрейлин в тюрьму. Но ничего. Трёхглазая ещё отыграется на вагантах Паука. Через несколько секунд Пета и Рина исчезли.

– Благодарю, Ваше величество. Мы всегда ваши самые почтенные слуги и рабы, – Масочник склонился ещё ниже, а затем встал, уважительно смотря на Трёхглазую.

– Аудиенция окончена, – кивнула Трёхглазая, коварно улыбаясь.

Масочник ушёл. Блэки тем временем нежно прошептала на ушко Дарти, они разомкнули объятия. Дарти тоже ушёл следом за Масочником, храня на лице мечтательно-осоловелое выражение. Когда Томберы покинули зал, Блэки похвасталась перед Лексаэллой и начальницей:

– Мы теперь дружим. Я ему всё объяснила. Мальчишка убеждён, что его отец был подонком и что я поступила правильно. Ах, Эвриус Халл, какой был морячок, какой морячок! – она мечтательно захлопала глазками.

Лексаэлла, храня на лице морозную улыбку, уточнила у подруги:

– Ты устроила ему магический обмен. Ты забирала его магию или отдавала?

– Ах, я всего лишь снимала с него метку. Метка рассосалась.

– Что за метка?

– Оставлена нашим старым другом. Роджером Уильсоном. Коком, которого мы не кокнули. Но ещё возможность

представится!

– Этот кок даст нам шороху, поэтому заняться им – дело времени, – проговорила Трёхглазая. – Вся проблема в том, что его, в отличие от Августы, убить нельзя. Молодчина, Блэки. Этот вампир мог бы подложить большую свинью, следя за нами через Дарти. Мы им займёмся. А теперь присаживайтесь, девочки. У нас с вами ещё много дел, начнём их обсуждать.

Правда у каждого своя.

Кто прав – тот хороший, кто не прав – злодей.

Нитью извивается стезя.

Белые – лицемеры, они всех черней.

Мы гордимся своей чернотой

Да, мы идём к цели часто по головам

И по трупам. Принимайте бой.

Кто проигрывает – не нужен нам.

Милосердие вовсе ни к чему.

Совесь, честь, любовь, ответственность – зачем?!

Это наносное. Лучше быть одному,

Чем быть обязанным до гроба всем.

Работа в команде? Ха! Бред.

Так же как и сопливое «прости».

Да, мы причина всех ваших бед.
Но мы идём по своему верному пути.

Мы достигаем отлично цель.
Мы хватаем то, что плохо лежит.
Честность, справедливость? Ха! Сель
Цунами, пожар и тайфун – вот это хит!

Хит – от слова удар. А рок
Только тяжёлый. Не курорт вам тут.
Вы говорите, неприятности – урок?!
Ха! Это оплеуха вам. Это наши ваших бьют.

Доброта и свет – глупцов удел.
Вечные ценности – просто фуфло и враньё.
Ими манипулируют для дел,
Проворачиваемых в удачное время своё.

Всё, хватит. Не нужно больше слов.
Вы смотрите, возмущаетесь, вы слишком хороши.
Только по результатам у нас будет полный улов,
А у вас, светлые и добрые, одни гроши.

Правда у каждого своя.
И у каждого своя ложь.
Не докажете, что вы правы, в боях.

Каждый из вас для нас презренная вошь.

С Новым Годом

Родители вернулись утром. Они позвонили прямо из аэропорта и сообщили, что вот-вот приедут. Я к тому времени с трудом успела убрать дом. Страшно устала – не помнила, когда я в последний раз спала.

Но вся моя хандра ушла. Едва Аманда меня привезла домой глубокой ночью после завершения Переговоров с Русалками, мне стало жутко при мысли, что моя жизнь снова станет прежней. Скучной. Да, я этого хотела. Да, я готова была проклинать всех – начальников, Шакалов, кого угодно – за то, что меня ввязали в эти игры. Да, я ощущала себя растоптанной, побеждённой.

Но потом всё пошло на лад. Мои мысли плавно перетекли в другое направление. Я пожалела, что дулась на Шрама. Может быть, он и не слишком-то рассержен, что я не зарезала Августу. Может быть, он что-то недопонимал, либо я недопонимала. Я вспомнила, с каким теплом он, Мангуст, Ниания всякий раз ждали и встречали меня в Скомато. Всё время пока я с ними находилась, я чувствовала себя комфортно, как среди верных старинных друзей. Не может быть, чтобы за этим стояли корыстные мотивы, желание меня ис-

пользовать.

Вряд ли даже Паук хотел меня использовать. Вот что хотел Паук – не знает никто. Его образ в этом ресторане, когда мы зашли туда с Майло напоследок, был как нелепый сон, как сплошная галлюцинация. Он говорил о том, что я развиваюсь, получаю опыт. Что ж, наверное, он прав.

Итак, родители приехали. Они были тоже жутко уставшими, но счастливыми, довольными. Мама заметила:

– Какая ты умница! Как всё сияет чистотой! Ты меня приятно удивила! – она поцеловала меня.

– Да, а мы едем в машине с мамой и думаем, как долго будем разгребать последствия диких вечеринок, что ты тут закатываешь, едва мы за дверь! – папа смеялся, шутил.

Но меня внутреннее передёрнуло. Папа прямо пальцем в небо ткнул! Как если бы родители узнали, что тут действительно была дикая вечеринка! Которую устроила демонша – двойник их дочери.

– Мы сейчас будем спать. Перелёт был напряжённым. Завтра мы уедем в Шаун, за подарками. Клотильда, на Новый Год нашу семью приглашают Виттеры. Это наши коллеги. У них есть сын, почти твой ровесник. Хочешь, мы тебя возьмём с собой? Познакомишься с женихом, – предложила мама.

Ехать с родителями отмечать новый год с незнакомыми людьми, в формальной официальной компании их коллег мне показалось перспективой так себе. Тем более когда мне

навязывают компанию «жениха»! Какой кошмар! Ведь как встретишь новый год – так его и проведёшь.

Я вспомнила о приглашении Эдди. Это моя соломинка!

– Я бы поехала. Но меня пригласили.

– Кто? Надеюсь, молодой человек? – пытливо спросила мама.

– Ну... почти. Одноклассник Джейн, Эдвард Симони, пригласил Джейн, Пита и меня к себе на новый год. Я уже согласилась.

– Хм. Я думаю, наша дочь имеет право сама решать, где ей провести новый год, – миролюбиво подметил папа.

– А этот одноклассник Джейн – он красивый? – мама спросила это ещё пытливей. – Расскажи мне о нём.

– Это добрый, очень хороший человек. Он увлекается НЛО, много читает, любит единоборства, – начала я.

– Ой, ну всё! – замахала руками мама. – Тебе нужен жених посолиднее! Ладно. Считай, папа твой тебя спас. А то я бы тебе в приказном порядке велела ехать с нами к Виттерам!

Смех смехом, а я почувствовала невероятную благодарность к папе. Мама в последнее время одержима идеями познакомить меня с женихом! Как будто мне не шестнадцать, а все тридцать шесть и я уже запоздалая старая дева. Да и не собиралась я никаких женихов себе заводить. У меня миссии, расследования, переговоры с Русалками, битвы с демонами. Какие женихи?!

Утром родители поехали затовариваться в гипермаркет –

на целый день. Они хотели купить подарки нам, этим Виттерам, ещё угощения мне собрать для Джейн, Пита и Эдди. Едва за ними закрылась дверь, я оказалась предоставлена сама себе. Первым делом позвонила Эдди и подтвердила, что принимаю его приглашение. Он так обрадовался!

– Я так боялся, что всё сорвётся! Это так здорово! Мои родители уезжают к родственникам, я так не хотел бы с ними тащиться...

– Всё в порядке, Эдди, мы тебя спасём! – пошутила я.

– Вы настоящие друзья! – с чувством произнёс он так, что даже телефон растрогался.

– Жди нас, Удильщик. Мы будем пунктуальны!

– В нужном месте в нужное время! Я знаю, – Эдди совершенно счастлив – так я услышала по его голосу.

Потом я созвонилась с Джейн и Питом. Друзья тоже обрадовались, что в новый год мы все соберёмся вместе, да ещё и с Эдди. Тем более что нас связывала общая тайна. Мы теперь знали о Русалках. Но мы договорились с Питом и Джейн, что ничего не будем говорить ни о Русалках, ни о томберах, ни вообще о работе. Новый год – семейный праздник, когда нужно думать о добре, о душе, о мечтах, загадывать желание, отрываться и веселиться. Поработать всегда успеем. Работа не вервольф, в лес не убежит.

Наступил вечер, вернулись родители, принялись наряжать ёлку, готовить ужин, раскладывать подарки. Я рвалась на Базу, хотела туда попасть, но всё не знала, как. Снова по-

могли настоящие друзья!

Пит зашёл за мной около девяти. Естественно, мои родители меня с ним отпустили. В глазах мамы Пит мой жених по умолчанию. И да, она пыталась то и дело сосватать мне «запасных» женихов. На случай, если вдруг Пит станет мне мужем, чтобы у меня были любовники. Это я так понимаю мамину психологию.

– Тебя вызывают на Базу. Мод хочет поговорить с тобой, – передал мне друг, когда мы с ним отошли от моей калитки.

– Я уж поняла! Спасибо, что вытащил меня!

– Всегда пожалуйста, – улыбнулся он. – Я тебе немного завидую, наверняка тебе дадут миссию!

– Я сама себе завидую, – засмеялась я.

На Базе царило предновогоднее оживление. Аманда громко по телефону обсуждала «Дело о Дедах Морозах». Мимо гарцевали туда-сюда коллеги с гирляндами, развешивали украшения. Мод я нашла в Срединной переговорной, в правом крыле. Она тепло поприветствовала меня, угостила чаем. Я сразу поняла, что разговор будет неформальным, и расслабилась.

– Я тебя ненадолго задержу. В общем-то, хотела сказать, чтобы ты не беспокоилась о школе и об учёбе. Вопрос улажен, твоя четверть закрыта блестяще. По моему предмету, разумеется, круглое «отлично». Ты хорошо работала всю четверть, и то что ты пропустила последнюю неделю, ничего не значило. Тебя можно поздравить, – Мод подбадривающе

улыбнулась мне.

Я несколько смущена и сконфужена:

– Э... спасибо... я... да, у меня было волнение, что я прогуливаю немного.

– Мы всегда заботимся о том, чтобы у наших агентов не было проблем с формальностями обычной жизни, не было проблем с обывателями и с общественными нормами, – Мод улыбнулась теперь несколько дежурно, но тут же её лицо расслабилось вновь и она весело добавила: – Небольшое жульничество по отношению к Системе всегда приемлемо. Забрать Ключ у Русалок много важнее, чем школа.

– А Аманда как-то говорила, что наоборот. Что школа важнее, – хитро улыбнулась я.

– Мы гибко подстраиваемся к обстоятельствам, – Мод улыбнулась тоже с определённой долей лукавства.

– Мод, послушай. Я тебе хотела сказать... Мне очень жаль, что... что этот человек, дядя Мрии, погиб. Это ведь был твой дальний родственник, верно? – осторожно спросила я.

– Клот, мы не знали друг друга. Я знала его бабушку, училась у неё. Но его самого не знала. Да, мы были родственниками. Мне тоже жаль, что он погиб. Но он умер героем, воином Белой Стороны. Хоть и не знал об этом. С Мрией такого не произойдёт, я пообещала.

– Ты будешь обучать Мрию? – затаив дыхание, спросила я. Судьба хрупкой девушки мне не безразлична. И если я

что-то узнаю сейчас о ней – я смогу успокоить Эдди. Он наверняка тоже очень переживает за неё.

– Не сейчас. Сейчас её будут обучать другие. Базовая подготовка. Она пройдёт её у наших союзников. Потому что Мрия – это как бы... сырой материал. Её семья авторитарная, у неё много комплексов. Ей нужна мощная работа над собой, чтобы преодолеть внутренние ограничения. И что радует – она готова к этой работе. Мы вынуждены изолировать её от семьи – в семье её не понимают. Её папа – брат Лима, большой скептик, материалист, человек системы. Его жена такая же. У них закоренелые представления о том, какой обязана быть их дочь. Мрия пыталась сбежать из дома не из-за того, что томберы повлияли на неё гипнозом. Во многом она действовала по своей воле, находясь в здравом уме и твёрдой памяти. У неё много внутренних побуждений, неистовых и местами диких желаний, устремлений, и она их боится. То есть она одновременно одержима ими – и боится, ужасается их. Но она Охотница Воздуха, одна из моего Ордена, она моя родственница. Очень-очень дальняя. Конечно, я буду обучать её, тому, что знаю сама, но к этому времени она должна быть подготовлена.

– Понимаю. Мне тоже показалось, что Мрия живёт не на своём месте. Но один человек мог бы стать ей другом, товарищем, мог бы быть рядом, постоянно поддерживать. Я говорю об Эдди.

– Да, знаю, – кивнула Мод. – Но у них пока разный уро-

вень подготовки. Эдди храбр, горяч, порывист. Его сила стихийна. Ему надо ещё побыть человеком, пообвыкнуть, получить некоторый опыт, зрелость. Прежде чем он начнёт раскрываться как анхом. Мы со Скорпионом будем потихоньку за ним наблюдать. Мы дадим такое задание Джейн. Да и тебе тоже – дружить с ним, общаться, быть на связи.

– Для нас это громадное удовольствие! – улыбнулась я. – Мы вместе будем отмечать новый год! Но Мрия – что же будет с её родителями? Как они переживут такое изъятие?

– Вопрос уже улажен. Её родители уверены, что Мрию обучают в элитном пансионе закрытого типа, – Мод произнесла это тактично и осторожно. Я же высказала вслух догадку:

– То есть их загипнотизировали, стёрли им память и внесли в мозг эту легенду как программу? Чтобы они не беспокоились, не требовали чтобы Мрия постоянно находилась при них?

– Клот, – Мод мягко положила мне руку на плечо. – Этим занимаются профессионалы. Это стандартная часть нашей работы. По устранению последствий аномальных явлений, в том числе последствий, которые могут взбудоражить общественность. Работа по сокрытию, по зачистке. Ты всё понимаешь, я читаю это в твоих мыслях. И ещё я вижу, что тебе это не нравится. Ты думаешь – вот, анхомы вмешиваются в жизни людей. Но это как вмешательство хирурга. Ложь во спасение. Иногда правда хуже, чем её сокрытие.

– Понимаю, – кивнула я. – Хоть мне действительно это не нравится.

– Со временем ты научишься принимать это. Наша работа бывает иногда аморальной, бесчестной. Вернее, кажется таковой.

– Да, наверное, – неуверенно пробормотала я. И сменила тему: – Надеюсь, у Мрии будет всё хорошо.

– О да, будет! – улыбнулась Мод подбадривающе. – Вот и всё, что я хотела сказать тебе на сегодня. Если ты торопишься, ты свободна, но ты знаешь, я бы с тобой была счастлива поболтать просто так!

– Мы так редко видимся, то есть болтаем! – улыбнулась я.

– О да, очень редко. Аж два урока биологии в неделю в школе, – рассмеялась Мод.

– Я схожу ещё за чаем, – поднялась я.

Мод весело кивнула мне. Едва я зашла на кухню, нос к носу столкнулась там с Рикардо Кэпчуком.

– Ты завариваешь серную кислоту? – хихикнула я, глядя, что чай у него в чашке подозрительно булькает.

– И как ты угадала. Хочешь попробовать?

– Давай, – улыбнулась я и взяла чашку. Булькать там перестало, однако я поняла, что там чистый кипяток.

– Могу показать тебе фокус, – Рикардо смотрел на свою чашку у меня в руке. – Давай, пробуй, пей.

Я пригубила. Очень-очень осторожненько. И...

– Ой, она холодная! Ледяная ключевая вода!!! То есть ле-

дяной чай, карамба! – выдохнула я.

– С новым годом, – тон голоса Грифона серьезнее некуда. Но я ведь знала его чувство юмора!

– И в чём фокус? – я вернула ему чашку.

Он поставил её на стол, стал смотреть на неё. Через какое-то время там снова забулькал чай!

– Воздух. Всего лишь воздух и его температура. И химия. Скорость движения молекул. Чем она выше и быстрее – тем горячее. Когда молекулы замедляются – они мёрзнут. Не мне объяснять тебе такие элементарные вещи, а твоей учительнице химии.

– Как здорово! – я от возбуждения и удивления того, что стала свидетелем натуральной магии, хлопнула в ладоши. – Ух, жалко, что я так не умею.

– Могу научить, – Рикардо красноречиво посмотрел на меня.

– Не можешь. Я же человек, – напомнила я.

– Любого человека можно научить чему угодно. Есть же люди, которые ходят, лежат и танцуют на гвоздях?

– Это йоги и циркачи. Они тренируются с детства.

– Ничего подобного. Они умеют вызывать у себя определённую химию. Кто-то из них с детства, кто-то не совсем. Чем ты здесь и сейчас занимаешься, агент Сорвиголова?

– Чаёвничаю с агентом Пантерой, – ответила я. – Присоединяйся!

– С агентом Пантерой хорош чаёвничать. Ей скоро выез-

жать на задание, едва госпожа Беллок закончит с Делом о Дедах Морозах. Не отвлекай Пантеру от служебного долга. У меня к тебе предложение. То, от которого ты можешь отказаться. Потому что я хоть и старше тебя по званию, но не босс, к сожалению. А то бы отказаться ты не смогла.

– Я готова послушать, – заинтриговано посмотрела я на Рикардо.

– Поехали в Скомато, – просто предложил он.

– Что, прямо сейчас? – удивилась я.

– Я еду прямо сейчас.

– Грифон, да от такого предложения я не в силах отказаться, – улыбнулась я. И призналась: – Мне кажется, у меня с ребятами произошло взаимонепонимание. Я бы не хотела с этим уходить в Новый год.

– Ребята, собственно, тебя и приказывали мне к ним за-тащить. Они велели мне угрожать тебе, похитить, оглушить при необходимости. Но доставить к ним. Хоть в мешке, хоть закатанную в ковёр.

– О... И... э... кажется, я догадываюсь, кто. Мангуст. Нияния.

– Не совсем. Коллинз и Шрам. Они тоже горят желанием поговорить с тобой.

Грифон почти залпом выпил чай и собрался выходить. Я поколебалась, вспомнив все переживания:

– Грифон... я... догадываюсь, о чём они будут говорить. Я хочу спросить у тебя совета, как у старшего. Как у Охотника

Воздуха. Там случилось так, что... в общем, как я поняла, они отняли силу у демона. На время. И сказали, чтобы я её убила. А я... я не смогла, и...

– Правильно, – Рикардо поддерживающе положил мне руку на плечо. Меня растрогал этот жест заботы – ведь Грифон крайне редко проявлял эмоции, а уж поддержку и заботу в таком открытом жесте – тем более. – Ты сделала выбор. Правильный выбор. Свой выбор.

– Я выбрала не убивать... – выдохнула я, прошептав тихо.

– Не совсем. Скорее, ты выбрала считать себя неспособной. Выбрала считать себя человеком. Слабым, хилым человеком. Но чем больше у тебя будет появляться знаний – тем больше информации о том, какие ещё выборы ты можешь сделать. Я догадываюсь, чего ты боишься. Что тебя будут осуждать. Ни в коем случае, Клот. Даже если и будут, тебя это не должно касаться никак. Но Шакалы – нет, они не будут. Никогда. Потому что они боготворят тебя уже только за то, что ты – считая себя слабым человеком – выслушала их и согласилась помогать, принять вызов Трёхглазой. Убить Августу было капризом Русалок. Ребята, в частности, Шрам, поступили опрометчиво, если хором с Русалками давили на тебя.

– Грифон, а у тебя так было, чтобы перед тобой стоял враг, а ты... не смог убить его? – посмотрела я ему в тёмные, таинственные и мрачные глаза.

Он их не отвёл. Ответил не сразу. Просто кивнул:

– Было, конечно.

– Наверное, в далёкой юности. Когда ты был... ну, студентом.

– Да нет. На днях, – также просто и буднично ответил он, и его ответ меня огоршил. – Пошли. Сейчас я скажу Мод, что забираю тебя с потрохами, а она пусть платит выкуп!

Я громадными глазами посмотрела на Рикардо. И поняла, что много чего ещё не знаю о жизни, об анхомах, об Охотниках, о врагах. Что я вообще ничего не знаю.

Когда мы заглянули в Срединную Переговорную, услышали голоса Мод и Аманды. Мне показалось, что кто-то из них упомянул слово «Танрес». При воспоминании Танресе – моей недавней миссии – сразу стало тепло на душе. Я там познакомилась с отличными людьми, они стали мне друзьями. Более всего – Антонио Тенбрук, Удав. Я ещё не написала ему. Всё было таким сумбурным эти дни, а мне хотелось написать ему не спеша, от души.

– Видишь, они уже и думать забыли про тебя. Как и ты про них, – тихо сказал мне Грифон. – Эй вы, двое. Ваша ученица и подчинённая теперь у меня. Выкуп – по голове с каждой.

– Зайди ко мне на Рецепцию. У меня на столе лежат головы Дедов Морозов. Выбери парочку, – Аманда слегка лениво потянулась и изобразила зевок.

Мод посмотрела на меня смущённо:

– Клот, я очень прошу прощения. Мы с Амандой сейчас уезжаем, срочный вызов. Надеюсь, мы ещё попьём с тобой

чай. С меня есть такой должок, мы можем устроить чаепитие в школе, после первого же урока биологии в новом году!

– Как многообещающе звучит! Обязательно устроим, – улыбнулась я. – Не волнуйся, Мод, у меня тоже срочный вызов, я... мне тоже неловко, но... видимо, судьба!

– Эй, Клот Итчи, агент 001. Смотри там хорошо себя ве-ди, не хулигань, не прибей мне ценного сотрудника Кэпчука ненароком. А то знаю я тебя, вразнос пойдёшь! – пошутила Аманда.

– А у тебя на столе правда головы Дедов Морозов?

– Конечно правда! Можешь себе взять ту, какая на тебя смотрит. Это новогодняя акция. С Новым годом!

– Аманда, я жду новую миссию, – попросила я.

– Вернёшь Кэпчука в целости и сохранности – заходи, получишь. Под первое число хоть. Под первое января, я имею в виду.

– Хорошо, так уж и быть, я присмотрю за ним, – ответила я на полном серьёзе, но внутри меня распирало от хохота.

– Какие у тебя нынче подчинённые пошли. Глаз за глаз. Ну хоть спасибо что ценным сотрудником назвала, я это припомню, – ответил Грифон спокойно. Без тени смеха. Но взглянув на него, я подумала, что настроение у него очень хорошее.

Стол Аманды и всё пространство вокруг оказалось завалено головами кукольных дедов морозов в натуральную величину. Коллеги весело толпились, выбирали эти головы,

смеялись, шутили. Мы поздравили друг друга с новым годом. Я взяла шесть голов для Великолепной Шестёрки, ещё одну для Эдди и ещё одну – для Шакалов. Итого – восемь голов. Никто не возражал, потому что этих голов было много.

Рикардо ушёл в гараж, я отнесла головы в Кабинет Шестёрки. Катафалк Грифона подъехал к калитке, я села в него, и мы понеслись в Румбу.

– Итак, ты выиграла пари про головы. Что ж, придётся тебе рассказать.

Пари заключалось в том, что Грифон не поверил Аманде, решил, что она нас разыгрывает, а я всерьёз поверила, что на Рецепции нас ждут головы. Так что да, я выиграла. За свой выигрыш я запросила у Грифона кое-что рассказать мне особенно секретное. О чём мне бы даже Скорпион или Аманда вряд ли бы рассказали.

– Да, расскажи-ка мне то, что я не должна знать! То, за что обычно убивают или стирают память простым смертным, – задорно посмотрела я на коллегу.

– Я бы сказал тебе, что ты играешь с огнём, но ведь ты сама Огонь, верно?

– Ну... наверное. Я не знаю, как это работает. Стихии, Противостояние Стихий. Мне не по себе чувствовать себя избранной.

– А ты и не избранная, – Рикардо согласился с этим так просто, что мигом успокоил меня. Внутреннее напряжение ушло. – Ты правда обычный человек. Как и я.

– Э... ну... так ты же не человек! Послушай, а как... извини, если мой вопрос покажется нетактичным... а как ты понял, что ты не-человек?

– Это долгая история. Не на одну дорогу до Румбы. Но если вкратце, у Охотников это происходит по-разному. Кто-то знает сразу, что он Охотник. Кто-то – не сразу, и ему требуется наставник, кто бы ему помог раскрыться. Мне не нужен был наставник. Поэтому я стал Серым. Видишь ли, наставник во многом влияет на то, какую сторону определяет для себя анхом.

– Это правда, что Серые свободны выбирать, с кем им идти, куда идти, что делать, что они в этом плане как люди?

– Если грубо сказать, то да.

– Тогда если я соберусь стать анхомом, то я стану Серой, – решила я.

– С какой это стати?

– Ну так ты же... предложил мне быть твоей ваганткой. Ты повлиял на мой выбор, – я хитро улыбнулась.

Грифон, разумеется, понял шутку:

– Ничто не мешает тебе найти ещё десяток наставников. Каждый из них будет пытаться на тебя влиять почище, чем я. Взять ту же Трёхглазую. Она предлагала тебе Чёрный Контракт. Что, неужели не интересно стать Чёрной?

– Нет. Они подлые. От них не понятно чего ждать.

– А я разве нет?

– Ну... от тебя временами тоже не понятно чего ждать. Но

я тебе доверяю.

– Если ты подружишься с Трёхглазой, то ей тоже вполне можно доверять. Ты сама видела, насколько ей преданы фрейлины. Они готовы меч вонзить себе в грудь ради неё.

– Ты что, подстрекаешь меня стать Чёрной?

– Я показываю тебе разные альтернативы. Расширяю область твоих знаний. Чем больше знаний – тем больше выбора.

– Я знаю так мало... Скажи, а может человек стать анхмом?

– В следующей жизни – вполне. Но при условии, если в этой жизни будет планомерно и полноценно заниматься определёнными практиками, совершать определённые поступки, возвращать в себе определённое мировоззрение.

– Как это всё сложно. Я не знаю, хочу ли я становиться анхмом, то есть принимать это мировоззрение. Я вообще не знаю, чего я хочу, – призналась я. – Позавчера я думала, что никогда больше не заговорю с Шакалами. А сейчас я очень тебе благодарна, что мы к ним едем. Меня распирает от желания узнать Истину, узнать многие вещи, но при этом я понимаю, что если это узнаю – жить с этим придётся. И распоряжаться этими знаниями, чтобы была от этого польза.

Я замолкла. Мой монолог походил на исповедь. И хоть я доверяла Грифону – не думаю, что он готов быть мне ещё и священником. Мало того что сейчас он мой личный шофёр!..

– Я не знаю, нужны ли мне – человеку – знания.

– Если у тебя есть потребность что-то узнавать – иди за ней. Она тебя приведёт. С закрытыми глазами ты пойдёшь по Тёмной Дороге. Это лучше, чем стоять. Весь мир – путь. Легко идти только тогда, когда видишь далеко. Но даже если глаза закрыты, а ты идёшь – то так лучше.

– Постараюсь это понять. Но уже принимаю, – улыбнулась я.

Грифон увеличил скорость. Меня вжало в сиденье, я схватилась за поручень. Дорога перед нами расступилась, её огни стремительно замелькали. Пробок нет, путь принадлежит нам. Скорость увеличивалась. Мне казалось, что мы мчимся уже под двести, под триста, под восемьсот, сейчас взлетим! Я чувствовала сплошной восторг, как на аттракционах, и ни капли страха. Наверное, Грифон применил магию. Либо он опытный гонщик. А учитывая, что машина – катафалк, тут самое оно подобрать ассоциации с адским Ездоком – самой смертью. И я сидела по правую руку от этой «Смерти». Какая романтика с большой дороги!

Когда Грифон замедлил ход, уже подъезжали к низенькому неказистому продуктовому магазину, ставшему мне вторым домом. Родной Скомато. Мы зашли за дверь с надписью «Посторонним вход воспрещён» и спустились по тёмной лестнице в предбанник, приоткрыли дверь. На нас дохнуло звоном гитар тяжёлого рока.

– Лисьи Хвосты! – я узнала песню бравых вервольфш.

– А ещё скоро выступают Приходящие-не-в-Полночь. Мы

с тобой успели к их выходу как раз.

Мы с Грифоном прикрыли дверь. Тут же откуда ни возьми к нам подлетел Мангуст. Ввиду того что музыка гремела и Лисьи Хвосты орали диким скримингом во все свои четыре громадных глотки, мы ничего не разобрали, что Мангуст нам пытался тараторить. Но он лучился радостью, без конца хлопал меня по плечу, несколько раз даже умудрился похлопать по плечу Грифона – а на это надо ещё осмелиться! Потом Мангуст стал меня куда-то тащить, сделал Грифону жест, означающий, что забирает меня на неопределённое время. Грифон, спокойный как удав кивнул, жестом показал в сторону бара, что что-нибудь там выпьет.

Мангуст привёл меня в коридоры, где начинались жилые помещения. Там потише, и он повторил то, что хотел рассказать:

– Наш выход через пятнадцать минут! Мы споём персонально для тебя! Твои любимые песни. Ребята сейчас как раз репетируют. Но Коллинз и Шрам велели тебя к ним доставить, они тебя вот прям хотят!

Проговорив это сплошной скороговоркой, Мангуст потащил меня дальше, привёл в знакомое помещение репетиционной базы. Ниания увидела меня первой. Она почти бросила гитару оземь, кинулась ко мне и крепко-крепко обняла. Её встреча и её радость были такими искрящимися, принимающими, наполненными любовью, что я едва не прослезилась.

Когда мы разомкнули объятия, я увидела две добрых

улыбки на лицах, на которых я и не подозревала что там могут возникнуть добрые улыбки. На лице вечной выскочки Коллинза и на лице вечно невозмутимого «эльфа» Шрама. Ещё мне показалось, что Коллинз сегодня чрезмерно притихший. Куда-то подевалась его спесь. Я это заметила не сразу, а только сейчас, когда Мангуст и Ниания зашушукались по поводу репертуара, отойдя в сторонку. Они тактично предоставили ребятам возможность поговорить со мной.

Сначала Шрам и Коллинз переглянулись друг с другом, а потом Коллинз кивнул Шраму – мол, ты первый. Ух как у них всё серьёзно. Я начала немного волноваться.

– Сорвиголова, пойдём выйдем, – предложил Шрам.

Нейтральный тон. Но он не смотрит на меня. Как будто сам волнуется. Мы вышли в коридорчик.

– Сорвиголова. Мне очень жаль, что я поступил не совсем корректно. Я должен был подумать о том, что ты... оказаться на твоём месте, в общем. Я понял, что это выглядело для тебя так, что как будто мы тебя использовали как единственного человека, кто может убить этого демона, как машину-убийцу. Но это не так. Могу себе представить, каково тебе было.

– Шрам, всё в порядке. Я знаю, что вы не стали бы меня использовать. Я вам верю. Я осознаю, какую опасность несёт демон миру. Мне приходилось расправляться с демонами, но почти никогда не в одиночку. В этот раз я не смогла, хоть это и был демон, что чуть не разрушил мою жизнь и причинил

много зла.

Теперь Шрам посмотрел на меня уже гораздо смелее и спокойнее. И снова улыбнулся. По-доброму. В этот раз он ну очень похож на эльфа. Интересно, почему его кличка – Шрам, а не Эльф?

– Что бы ни случилось – обращайся к нам, зови нас. Мы поможем, – Шрам протянул руку.

Я крепко пожала её в ответ:

– Я знаю. Так и буду делать. Мне предстоит ещё со многим разобраться, многому научиться, многое понять. Но я поняла главное – друзья познаются в беде и приведут к победе. Я знаю, почему ты пытался поддержать меня в том, что я должна убить этого демона. Ты видел, что шанс возник лёгкий, подходящий – для меня, чтобы нанести удар, для всех, чтобы демон больше никому не угрожал. Если бы я находилась на твоём месте, я тоже просила бы убить этого демона. Но пока это всё слишком сложно. Мы с ней ещё встретимся наверняка.

– Мне бы хотелось, что когда ты с ней встретишься в следующий раз, чтобы рядом с тобой был более подходящий помощник... чем я, – Шрам снова опустил глаза.

– Нет более подходящего помощника, чем ты! – ободрила я друга.

Мы посмотрели в глаза друг другу и улыбнулись.

– Спасибо за то, что ты с нами. Мы всегда тебе рады, – произнёс Шрам. – С Новым Годом!

– С Новым Годом!

– Наш выход примерно через десять минут.

– Знаю. Я... ох, Шрам, мне так жаль это говорить, я ненадолго... мои родители думают, что я в гостях в соседнем доме, но уж никак не в пятидесяти километрах от города!

– Мы ещё много раз встретимся в Новом Году. Начало традиции положено. Ниания забронировала за тобой твою келью, теперь ты прописана здесь, – сообщил Шрам, улыбаясь дружески.

Я сильно смутилась. Шрам ушёл к Мангусту и Ниании репетировать, а ко мне вышел Коллинз.

Нам с ним, в общем-то, говорить не о чем сейчас, и делить нечего. Но я отметила любопытный факт – стоять и молчать рядом с ним довольно сносно. А ещё я отметила, что он правда грустный сегодня. Потом мы немного искоса посмотрели друг на друга.

– Полагаю, разговор со Шрамом удался.

– О да, более чем.

– Собственно, это я вправил ему мозги. Он не должен тебя заставлять убивать демона, кричать «убей» вместе с Чёрными. Айрэнн рассказала, как было. Айрэнн хотела тебе крикнуть «не убивай, не надо!». Потому что в эту ночь тебе именно не надо было убивать демона. Ты сделала правильный выбор.

– Я не знаю, правильный или не правильный. Я знаю, что тогда не справилась с тем, что просили Чёрные и Шрам.

– Он правильный хотя бы по тому, что если бы ты убила демона – ты бы заплясала под дуду Чёрных. Ты бы сделала так, как они от тебя хотели. В Новом году будет всё построено именно на стратегии, тактике и куче грязных игр этой войны. Готовься.

– Я всегда готова, – смело заявила я. И посмотрела в глаза информатору. – Время подходит всегда.

Коллинз проговорил то, что громом меня поразило и полностью объяснило его грустное состояние:

– Они убили Кировски.

– Что?.. Как, когда, кто?! – ахнула я.

Кировски – лучший друг Коллинза, друг детства. Я мигом поняла его душевные муки сейчас. Это всё равно что если я дорасту до его двадцати с чем-то лет и вдруг узнаю, что кто-то убил Пита или Джейн... Какой ужас!

– Наши враги. Они всегда бьют по больному. А ещё они пытались убить Нианиюю.

– Что?! Ниания, она... но вроде с ней всё в порядке, не ранена...

– Не ранена, да. А всё шло к тому, что ты бы её больше никогда не увидела. По чистой случайности там возник один наш приятель, который чудом оказался сильнее. Они будут наносить удары и уколы исподтишка, в самый неожиданный момент. Как только мы потеряем бдительность.

– Коллинз, мне так жаль... – я подалась вперёд и... нет, не обняла его – он выглядел слишком неприступным сейчас.

Ограничилась лишь лёгким касанием рукой его плеча.

– Мне тоже. Благодарю. Он спас меня – здорового парня, анхома, супер-мага. Я его спасти не смог. У меня тоже были мысли не иметь ничего общего ни с анхомами, ни с Шакалами, ни с Тёмной, ни с Белой стороной, вообще ни с какими сторонами. Как и у тебя. Я себя превозмог. Ты, как я вижу, тоже. Раз в состоянии простить Шрама. Нам нужно встречать Новый год.

– Коллинз, – я посмотрела ему в глаза. – Мы их уделаем. В следующий раз моя рука не дрогнет.

Он молча посмотрел в ответ. В его глазах отразилось чувство солидарности, сопричастности. Внезапно он снова напустил на себя маску высокомерного зазнайки. И произнёс противным заносчивым голосом:

– С Новым годом. Проходи в зал, ожидай нашего звёздного выхода, Сорвиголова.

Я вернулась в зал и нашла там Айрэнн. Она сидела одна за большим столиком. Я под села к ней, она обрадовалась мне. Потом я помахала Грифону. Он у барной стойки общался с высоченным заросшим рыжими густыми волосами господином. В нём я узнала Элки – вервольфа и лидера группы Лисьи Хвосты.

Лисьи Хвосты допевали романтическую композицию. Куча народа высыпала потанцевать парные танцы. Другая куча народа подожгла свечи, спички, зажигалки и даже использовали магию вроде пирокинеза, и эти огоньки стали покачи-

ваться в такт ритму.

– Мне ещё никогда не было так хорошо, – призналась Айрэнн. – Здесь такая бурная жизнь, полная приключений, тревог, опасностей. Но я здесь как дома. Мне ещё более комфортнее, чем с моими лучшими друзьями Неогермитами. Чувствую себя предательницей за такие мысли... – она, улыбаясь, скромно опустила глаза.

– Это странно, но мне здесь тоже нравится. Местами и иногда даже больше чем на секретной Базе. Чувствую тоже себя предательницей, – смеясь, я покосилась на Грифона. Но тот не обращал внимания в нашу сторону, что-то говорил Элки, а Элки хохотал. Анекдоты, наверное, травят.

– Мы идём по дороге жизни, и когда узнаём что-то новое, всё старое и хорошее остаётся, наступает новое и ещё более лучшее. И нам иногда кажется, что лучше уже не будет – а бывает только лучше, – теперь она лучисто улыбнулась.

– Айрэнн, я хочу тебе сказать... там, на Переговорах. Ты была очень мужественной. Ты мне помогла, одно твоё присутствие, – я хотела искренне поддержать подругу, накрыла её ладонь своей.

Айрэнн благодарно посмотрела на меня:

– Я старалась. Ох, было страшно... когда началось Противостояние Стихий, и мы все выплёскивали Энергию. Я и Шрам – осознанно, Эдди – неосознанно, и я подключилась к нему, открыла его астральные каналы, чтобы эта энергия пошла как нужно... Потом Блэки сделала завершение Рас-

становки, поставила рядом Зелёного Червя...

– Он, должно быть, очень тебя напугал.

– Нет, не он. Да, он сильный, я с трудом сдерживала натиск его стихийной энергии. Я увидела в нём, в его глазах, что он глубоко страдает, очень одинок и что он Чёрный по принуждению. Его страдание настолько всепоглощающе, настолько стало выплёскиваться наружу, что... меня тоже захватило, и... я чуть не вырубилась.

Я сильно удивилась:

– Правда? Червь не слишком-то выглядит страдающим.

– Я на миг слилась с ним, особенно когда его Огонь стал поглощать мою Землю. Он хочет с кем-то подружиться, кому-то открыться и довериться. Эти стремления слишком далеки от истинных устремлений Чёрных. Я подозреваю, что его вынудили подписать этот Чёрный Контракт. Как чуть не вынудили тебя.

Разговор о Черве мы прервали – зал взорвался дикими аплодисментами, овациями, криками, визгами, восторженным ором и свистом. Одна из Лисьих Хвостов, та, что жарила на бас-гитаре, прорычала в микрофон, что сейчас выйдут Приходящие-не-в-Полночь.

На сцене появились Ниания – гитара и вокал, Шрам – вторая электрогитара, Мангуст – барабаны и Коллинз – клавиши. Айрэнн влюблёнными глазами смотрела на Коллинза. В её взгляде столько заботы и поддержки, обращённой Коллинзу, что я за него спокойна. Наверняка Айрэнн знает, как

поддержать его, особенно после того, что он пережил. Известие о смерти друга детства – это очень большая рана.

Ребята заиграли. Микрофон только у Ниании, но она вытворяла с ним колдовским голосом такое, что зал неистовствовал. Я думала, что послушаю парочку песен, но прослушала все десять, пока не объявили антракт. На часах уже двенадцать. Я ужаснулась, начала нервничать. Если я тут останусь – пропала. Да ещё и Пита сильно подведу!

Позвонила Питу. От него узнала, что мои родаки меня не искали. Но в любой момент могут начать, напугал он. Масла в огонь подливало, что Мангуст настойчиво звал выпить с ними за новый год. Грифон красноречиво показывал на часы. Я вспомнила о голове Деда Мороза у себя в рюкзаке и произнесла тост, выгрузив в конце эту голову на стол. Шакалы были в полнейшем экстазе. К нам сбежались с соседних столиков, смотреть на голову, настолько она произвела фурор. В тот вечер я обзавелась ещё одной красноречивой, хоть и трудно выговариваемой кличкой: Сорвисдедаморозаголова.

– Ну что, Сорвисдедаморозаголова, телепортируемся обратно? – у Грифона выговорить моё умопомрачительное прозвище выходило безупречно.

Ребята, понятное дело, не хотели меня отпускать. Грифон похитил меня во второй раз за вечер – сначала от Мод, сейчас от Шакалов. Мы с Нианией и Айрэнн обнялись на прощанье, крепко пожали руки с Мангустом, Шрамом и Кол-

линзом. Девушка из Лисьих Хвостов, та, что басистка, принялась настойчиво меня куда-то зазывать. Её звали Хуанита и было похоже, что она в меня влюбилась. Я не против зазечь с вервольфами вдобавок, если бы не надо спешить домой.

Когда мы вернулись, выяснилось, что мои родители крепко спали! Утром я узнала, что мама и папа завалились спать в одиннадцать, так как устали от предновогодней суеты.

Днём мы отметили Новый год с родителями, потом они собрались и уехали к этим Виттерам, а мы встретились с Питом и Джейн и отправились к Эдварду. Там мы в тёплом небольшом дружеском кругу замечательно отметили Новый год. И проводили старый.

Старый год принёс каждому из нас много открытий. Поражения и победы, радость и разочарование, друзья и враги. Мы радовались всему. Ибо даже если были неприятные моменты – они приходили к нам в копилку опыта и развивали нас. Про Новый год мы знали, что он принесёт нам только хорошее. Исполнятся заветные желания. Мы обретём Предназначение, узнаем Путь и достойно пойдём по нему. Будут снова поражения и победы, радости и разочарования, друзья и враги. Будет Белое и Чёрное, Тёмное и Светлое. Без контраста жизнь без развития и роста.

Мы были счастливы тем, что собрались вместе, именно в такой компании. После этого волшебного праздника наша дружба только укрепилась.

Дружище Удав! Счастлива тебе сообщить, что моя миссия успешно завершена. Надеюсь, что твоя тоже. Ты очень помог нам. С Зелёным Червём поговорить не удалось, но я поняла, что Кодекс Чести у него есть.

Вот и год подходит к концу. Я благодарна за этот год, и знакомство с тобой было одним из самых приятных событий, которые я запомню на всю жизнь. Каждый раз, когда вспоминаю миссию в Танресе, мои мысли обращаются к тебе, Шпынделю, Упырям и Боа. Я не знаю, как долго продлится наша переписка. Но наслаждаюсь каждым мигом, пока пишу тебе.

Лучше пообщаться в живую. Вот ты зовёшь меня в Танрес, а я зову тебя в Укосмо! Бери с собой Шпынделя, девчонок, и приезжайте! У нас тут весело. У нас тут Русалки. Я тебя заинтриговала? Эх, наверное нет, ведь у вас портал в иные миры в Колокольчиках и тоже весело. Но ты всё равно приезжай! Ведь поговорить с тобой хочется про эти вот порталы. Про всё запретное. Истина скрывается под пологом тайны, потому что если кто-то не тот узнает Истину – всем будет хуже. Так считают наши боссы. Иногда они перебарщивают и скрывают Истину даже от нас, тебе так не кажется?

Наверное, у меня опасные мысли. За них впору угодить под трибунал! Но я подозреваю, что у тебя есть что мне рассказать. И у меня тоже есть много, что я бы тебе рассказала. Я бы говорила, говорила и говорила с тобой бесконечное ко-

личество времени. Как помнишь, мы с тобой говорили тогда, у костра на Фестивале Змей? Когда ещё убежали от всех и ты учил меня драться, секретным боевым техникам. А ещё я бы продолжила брать у тебя эти уроки, тоже бесконечное количество времени. Вот, это одно из моих желаний на Новый Год.

С Новым Годом, Удав! Сорвисдедаморозаголова.

Масочник самодовольно расхаживал по комнате, заложив руки за спину. Он наслаждался новым конспиративным логовом, расположенном далеко от Укосмо, где кишмя кишели Белые и Глазюки. Масочник надеялся, что Империя томбиров окопается тут надолго. Он ждал Химеру.

Жёсткие, чеканно вышагивающие шаги Химеры Фобос ни с чем нельзя спутать. Она вошла первой, горделиво и властно. Невероятно высокая, широкоплечая, мужеподобная женщина, она предпочитала одежду бизнес-леди. Тёмно-зелёный пиджак и юбка-карандаш, тёмно-зелёные туфли сорок четвёртого размера придавали ей импозантной элегантности.

Масочник с деловым восхищением поглядел на соратницу.

– Мэри.

Он слегка склонил голову в почтении под ярким острым взором Химеры, признавая её власть, старшинство и главен-

ство. Он не кинулся их обнимать – стоял, заложив свои руки за спину. Химера криво улыбнулась:

– Дэннис. Мы можем перейти на менее заметные имена. На те, что мы забрали как трофеи у наших врагов, – Химера ехидно ухмыльнулась.

Масочник одобрил:

– Как будет тебе угодно, госпожа. Этот год закончился для нас более удачно, чем предыдущий. Ты вернулась.

– Почему так долго? – Химера приблизилась к Масочнику на опасное расстояние, будто готова убить голыми руками – а её массивные габариты позволяли. – Ты представляешь, сколько усилий мне стоило изображать долбанную шизофреничку? К буйным психам у них послабления – не включают в гипнопрограмму по промывке и выкачиванию мозгов. А уж какие унижение претерпел мой брат из-за того что ты позволил себе тут прохлаждаться – самое оно посадить тебя на его стульчик.

Масочник поспешил заверить:

– Всё это время я добивался аудиенции у босса. Босс согласилась только на днях. Возможно, это входило именно в планы босса.

– Не вали на Трёхглазую. Она знает что делает. Что ты тут устроил, а? Что за тварь у себя пригрел на груди? Где моя эта бывшая подружка Августа? Хочу с ней поговорить.

– О, Химера, поверь, она тоже хотела повлиять на Русалок, заставить их выпустить тебя. Сразу, как только появи-

лась, да! Я и твой сын свидетели. Она всецело за тебя! Но Русалки повели нечестную игру. Августа стала подготавливать плацдарм. Она собрала мощную армию. Не без моего чуткого руководства, конечно.

– Хм... – Химера призадумалась и заухмылялась. – Ну что ж. Ладно. Подружка она была дура душой, но стоит сделать скидку на тридцать шесть лет. Что, мальчишка не сбежал от тебя к твоему ненаглядному Крампу?

– Мы подружились, – Масочник удовлетворённо потёр руки. – Он теперь Король Томберов. Мой зам. Твой зам, – поправился он, с опаской поглядывая на Химеру – как она воспримет?

– Я не хочу иметь с этим мальчишкой ничего общего. Несмотря на то, что он – кусок мяса, который я из себя исторгла. Я буду точно также драть с него три шкуры, как и с каждого из нас. А что с Червём? – полюбопытствовала Химера. – Тоже ценный кадр.

– Был. Поссорился с твоей подружкой. Ушёл в вольные плавания. Сильно подозреваю, что переметнулся к конгломератам и шайкам, которые для него подберут Русалки. Я не жалею. Тёмная он лошадка. Дарти куда более предсказуем. Да, пусть потенциал его слабее, чем у Червя, но его можно раскрыть. Сейчас ты можешь найти его в тронном зале. Заодно сможешь оценить мощь и степень подготовки нашей новой армии томберов. Дарти умудрился вчера поставить нам пятнадцать неофитов! – произнёс Масочник не без гордости.

Химера проигнорировала предложение Масочника пойти поздороваться с сыном. И мрачно взгляделась в тёмный угол:

– Ну? Ты всё время тут была, да, подружка? Я чую твои духи. Запах вонючих жёлтых роз.

Августа стряхнула с себя Мантию Тени и вышла перед Химерой.

– А ты совсем не постарела, Мэри, – проговорила демон, оглядывая заинтересованно массивную фигуру Химеры снизу вверх.

– Ах, да ты тоже, – слащаво улыбнулась Химера.

Никакой неловкости между ними. Августа догадалась, что Химера подсказала беляшам про «слабое место» из чувства былой зависти и мести. Химера догадалась, что Августа в глубине души не слишком-то желала, чтобы подругу освободили из тюрьмы. Но у Чёрных – только бизнес, ничего личного.

– Я сейчас принесу вам ванильно-лакричных конфет, – Масочник изобразил умиленную улыбку на уродской маске.

– Да, принеси и засунь себе в одно место, – зыркнула на него Августа.

Под огненным опасным взглядом всемогущий Масочник сразу осел и дрогнул. Со стороны это смотрелось нелепо: Августа пребывала в своём теле – хрупкой шестнадцатилетней девочки в очках и в школьной форме. Химера возвышалась над ней почти на добрых полметра. Масочник тоже в срав-

нении с ней похож на людоеда. Он пробормотал слова извинений, уважения, почтения и вышел прочь.

Химера по-хозяйски проследовала к кожаному креслу Масочника, погрузилась в него, по-собственнички закинула громадные ноги на стол. Завела руки за голову, увенчанную густой шевелюрой взлохмаченных волос, многие из которых давно спутались так, что по толщине походили на змей.

– Ну что у нас на повестке дня, подружка? – из полуприкрытых век пронаблюдала Химера за демоном.

Демон стояла перед ней. Просто, спокойно. И также просто и спокойно смотрела на подругу детства.

– Второй Ключ. Русалки пока не знают, где, у кого. У меня с ними временные недоразумения. Но с Томберами они готовы сотрудничать. Они помогут найти Второй Ключ нам, мы – им. Но не раньше чем в марте. Мы с Дарти уже всё прочитали. Блэки посоветовала залечь на дно. Беляшам должно стать жутко при мысли, что мы куда-то подевались, – Августа коварненько заухмылялась.

Совсем под стать Химере. Химера загрохотала мужеподобным басистым смехом:

– Это напоминает анекдот про паука Афанаси. Про пустую и большую коробку-клетку, раскрытую. Когда люди заходят и видят эту коробку, они спрашивают, что это. Я говорю им – Афанаси гуляет. После этого у людей возникает слишком много беспокойства по поводу того, кто такой Афанаси и где он конкретно гуляет. Я очень люблю, когда у

людей возникает много беспокойства! Ха-х-ах-ах-ааа!

Августа звонко рассмеялась хором с лучшей подругой:

– Мне тоже это нравится!

В эту ночь они долго смеялись, глумясь над людьми, их ценностями и над глупыми беляшами.

Она мечтала о жёлтых розах

Она была скромна – не борза,

Она любила покой и книги,

Но получала по жизни фигу.

Её гнобили и унижали,

Её все били и все пинали

Так безотказна, голос тихий,

Очки, зажатость – мишень для психов.

Ах, моя милая Августина, Августина, Августина,
Для тебя не всё прошло, а только началось!

Она скрывала свои занятия —

Ведь суверна мать-фанатик.

Лишь только двое близко знали:

Друг и подруга. Но печали

Сулила дружба. Она влюбилась

В друга детства, скрыть это тщилась

От подруги. Мечты о розах

Касались друга. Была не борза.

Ах, моя милая Августина, Августина, Августина,
Для тебя не всё прошло, а только началось!

Друг и подруга вдруг исчезли
Из её жизни переездом
Она утратила опору,
И психи разом убили скоро
На пятый этаж заманили школы,
Сначала вlepили оплеухи, уколы,
Потом столкнули из окна полётом
Прямо в Ад. Но там нашёлся кто-то,

Кто оценил её по праву,
Взял под крыло, кому пришлась по нраву.
Прошли года. Подруга узнала,
Что демон высший та, что о розах мечтала.
Подруга верная к Возвращенью
Подготовилась с особенным стремленьем.
А друг тот умер, не подарив розы
Той, что стала демоном очень борзым.

Она пришла мстить всему живому
За грехи, обиды, подобно Ада грому.
Берегитесь её, её имя – Августина.
Она обманчиво беспомощна, но засасывает в тину.

Ах, моя милая Августина, Августина, Августина,
Для тебя не всё прошло, а только началось!

Тёмно-Бело-Чёрный Эпилог

Антонио Тенбрук, агент 015, он же Удав, не мог перестать улыбаться. Причина – электронное письмо его коллеги. Тенбрук уже решил, что в новом году поедет в Укосмо. В филиале ТДВГ в его родном городе Танресе он выведаль, на каких условиях туда можно командироваться. Нужно пройти ряд экзаменов, но Удав более чем уверен, что это ему по плечу. За те три недели, пока он находился в статусе стажёра агента 015 в Танресском филиале ТДВГ, он успел сдружиться с Полем Парусом – патологоанатомом, и даже пройти с ним через два расследования. По словам Мори Килло, главы Танресского филиала, он превзошёл все ожидания.

Однако его отец – новый мэр Танреса – весьма строг. Он не спешит давать Антонио поблажек. Он считает, что похвальба разбалует сына и он вновь превратится в «беспольного лоботряса», каким был, по мнению Брюса Тенбрука, до рокового курса в школе V. После этого курса Антонио, по словам Брюса, «вернулся мужиком». Брюс авторитарно и безапелляционно заявил Антонио, что ни в какой Укосмо

он не поедет. Но несмотря на суровый мужской разговор с отцом, Удав всё равно счастлив и не спешит убирать улыбку с лица.

Его настроение заметил близкий друг – Шпындель, он же Аврелий Флакк. И догадался обо всём почти без слов – ведь Шпындель тоже уважает подругу Сорвиголову. Шпындель воспринимает её как сестру, благодаря кому он соединился сердцами с возлюбленной Гюрзой. Антонио же любит Сорвиголову той возвышенной, чистой любовью, что поэты называют платонической. И конечно же, он это скрывает даже от самого себя.

Когда Шпындель получил от Удава заговорщическое подмигивание – а друзья за пять лет крепкой дружбы почти научились читать мысли друг друга, он был особенно счастлив. Удав рассказал Шпынделю о письме, и тот возрадовался, что Сорвиголова упоминала там и его тоже. Сам же Удав перечитывал это письмо тысячу раз.

Сегодня должна состояться грандиозная новогодняя вечеринка, с участием Упырей и Боа. Представители этих двух дружественных воровских шаяк накрывали на стол, весело перешучивались, украшали комнаты. Удав и Шпындель шептались в предбаннике, поэтому они первыми увидели прибывшую делегацию.

Одну из представительниц этой делегации Удав и Шпындель узнали. Аманда Беллок, близкая подруга Мори Килло. С Амандой прибыла дивной красоты женщина с каштановы-

ми волосами и синими глазами, отличающаяся обволакивающим обаянием. Она сразу очаровала друзей, глубоко посмотрев на них, заглянув к ним в души. От этого взгляда они оба едва ли не влюбились в неё. Но была ещё третья кандидатура после Аманды и Мод, в кого можно влюбиться. Красавица Мод вела за руку робко жмущуюся к ней другую красавицу – девушку лет пятнадцати, с длинными светлыми волосами и громадными глазами во всё лицо.

– Ну здорово, как вы тут без нас? Ещё не переубивали всех демонов, нам-то хоть что-нибудь оставили? – Аманда запанибрата пожалала руки Удаву и Шпынделю. Затем многозначительно переглянулась с Мод. И обратилась к Удаву: – Хотела с тобой поговорить тет-а-тет, агент ноль-пятнадцатый. Минут через пятнадцать, как освобожусь.

– О да... конечно, – кивнул Удав и слегка смутился. Затеплилась надежда – вдруг Аманда принесла какие-либо ещё вести о Сорвиголове?

– О, наша служба опасна и трудна! Но мы справляемся и да, вы правы, мы хотим оставить вам как можно меньше работы, чтобы у вас с нами было как можно больше развлечений, – закивал верзила Шпындель довольно. Хоть ему и понравились женщина и девушка, он хранил верность Гюрзе.

Удаву тоже понравились женщина и девушка, но он хранил верность Сорвиголове. Мод снова переглянулась с Амандой, они кивнули друг другу, а девушка посмотрела на двоих молодых Упырей с робким интересом.

– Познакомьтесь. Это – Пантера. Агент Матильда Дарксон, – представила Аманда.

– Только для ваших глаз – просто Мод, – улыбнулась Матильда без тени кокетства, но харизматично. И представила юную спутницу: – А это – Мрия Дункалс, моя племянница.

– Мы сейчас на аудиенцию к Царю Упырей. У нас конкретный разговор. Понимаем, канун Нового года и всё такое, но это срочно, – обозначила Аманда цель визита.

Шпындель отправился галантно провожать гостей к хозяину Дома Воров – Брюсу. Прошло пятнадцать минут. Удав отметил, что Брюс повыгонял всех из главного зала для разговора с Амандой, Мод и Мрией. Потом он потребовал, чтобы позвали его приёмную дочь – Серпентину, Принцессу Змей. Удав был раньше влюблён в неё, а теперь она стала ему сводной сестрой. Они остались хорошими друзьями.

Ещё через пару минут, когда Принцесса Змей вошла за закрытые двери к Царю Упырей, Пантере и Мрии, Аманда выскользнула, храня на лице заговорщическое выражение. Она подошла к Удаву и отвела его в сторонку:

– Где тут можно поболтать без свидетелей?

Удав предложил одну из свободных гостевых комнат. Аманда плотно закрыла дверь на защёлку. Подошла к окну. Прошлась несколько раз по комнате, величаво, явно раздумывая о важном. Удав стоял не шелохнувшись, боясь нарушить это молчание. Наконец Аманда остановилась. И посмотрела пристально на Удава.

– Мой разговор будет коротким. Я дам тебе информацию к размышлению. Задам тебе вопрос: как ты относишься к воде?

– К воде? – переспросил Удав, думая, в чём же подвох. – Вода – она полезна. Без неё нет жизни. Человек состоит из воды на восемьдесят процентов, на столько же процентов из воды состоят огурцы. Это означает, что человек – огурец, а особенно когда протрезвеет, – перейдя на шутку, Удав усмехнулся.

Но тут же стал серьёзным. Ему стало неловко подтрунивать над собственными шутками, ему даже не миг показалось, что он перепутал субординацию. Аманда старше и опытнее по статусу. Это не Шпындель, не Сорвиголова, с кем можно шутками да прибаутками сыпать за милую душу. Аманда продолжала смотреть на него предельно серьёзно:

– А нечеловек может состоять из воды на сто или даже на двести процентов. Сечёшь? – проговорила она в гнетущей тишине.

– Не-человек? Я слышал о таких! – Удав обрадовался, что может продемонстрировать эрудицию и знания, что у него появились за последние дни. – Я видел настоящего оборотня! Мы с агентом Мачтой даже шутили, что будет, если такого вскрыть в момент превращения, как у него сочленения между собой соединяются.

Аманда изобразила на лице скучающее выражение. Удав снова осёкся.

– Меня не интересуют оборотни. Но меня особенно интересуют перспективные, подающие надежды и хватающие звёзды с неба амбициозные водяные маги. Особенно сейчас. И особенно – ты.

– Что?.. Э... – Удав сначала ничего не понял.

Аманде пришлось объяснить:

– Ты – водяной маг. Нераскрывшийся. Удивительно, как до тебя Чёрные ещё не добрались. Тебе нужен наставник. Я не могу быть твоим наставником, моя стихия слишком противоположна. Я предлагаю тебе сейчас отметить новый год, сильно не напиваться, а завтра с первыми лучами солнца собрать вещи первой необходимости и двинуть в Клакенские горы, по тем координатам, что я тебе дам. На стажировку к тому, кто тобой займётся должным образом.

Удав не смог вымолвить ни слова в течение минуты. Его постигло острое ощущение дежа-вю. Пять лет назад это уже происходило. Брюс, имея длительный разговор с влиятельной троюродной сестрой Лондой Эрелсон, тоже пришёл в комнату к Удаву и безапелляционно заявил, чтобы тот собирался и с первыми лучами солнца был уже в километрах ста от дома на вокзале.

Так Удав попал в Школу Venenum – элитную секретную школу бойцов-убийц. Он научился там многому, лично стал более зрелым, но вспоминать о том периоде не любил. Единственное приятное, да и то с натяжкой воспоминание – дружба с Зелёным Червём. Удав не придавал значения

этой дружбе, думал, что завёл очередного приятеля. Но когда Зелёный Червь раскрыл гнусные планы организаторов, что в конце они как два финалиста должны убить друг друга по-настоящему, Удав понял одно. Зелёный Червь спас ему жизнь.

А ещё эти слова Аманды про то, что он водяной маг. Удав не очень верил в магию, но в последние годы начал понимать, что в мире много странностей. Встреча с оборотнем две недели назад служила тому подтверждением. Удав попытался отстоять своё эго:

– А если я откажусь? Если я скажу, что никуда не поеду? У меня другие планы. Я сын мэра, наследник Царя Упырей, в конце концов я отвечаю за мою банду! Да и вообще, я собрался нагряться к вам в Укосмо! – Удав попытался сказать это как можно более дерзко и нагло.

Но столкнулся снова со скучающим и снисходительным взглядом Аманды:

– У тебя нет права отказаться. Всё уже решено.

– Решено? Кем? Тобой? Ты мне никто, я тебе не подчиняюсь! – дух бунтарства всплыл на поверхность, и Удав явил норы во всей красе.

– Как и ты мне – никто. Но Пантера – телепатка. Она прочитала твои мысли, что ты жаждешь приехать к нам в Укосмо, повидаться с Сорвиголовой. Между прочим, Пантера недавно читала мысли Сорвиголовой. И она совсем даже не против, если ты приедешь к нам, – Аманда хитро и лука-

во улыбнулась.

На сердце юного Тенбрука сразу потеплело.

– А ещё Пантера прочла мысли твоего отца. Он категорически против, чтобы ты ехал в Укосмо. Твой отец против твоих планов. Твой отец, голубчик мой, считает, что тебе нужно «нормальное образование». Он подыскивает для тебя местечко в престижном юридическом колледже. Будешь учиться вместе с золотой молодёжью, мальчиками в смокингах, девочками в юбках-карандашах. Они будут воспринимать тебя как маргинала, вытирать об тебя ноги. Ведь, до того как стать мэром, Брюс был прорабом-строителем, сидел в тюрьме. Сказать тебе, что будет дальше? Твой отец хочет тебе как можно лучше, мы с тобой это понимаем. После того как ты окончишь вуз, он устроит тебя в офис. Будешь клерком с прилизанной короткой стрижечкой, носить галстук и кофе своему боссу – какому-нибудь важному чиновнику. Твой отец хочет, чтобы ты воспитывался по его мнению в нормальном обществе, становился нормальным и достойным человеком. Он сожалеет, что ты вор, и что он сам вор. Но есть другой путь. Мы с Мори делаем из тебя супер агента. Нам с Мори как раз нужен именно вор – такой как ты.

Аманда произнесла это не спеша. С чувством, с толком, с расстановкой, внимательно наблюдая всю гамму переживаний на лице Удава. Будто это она телепатка, а не Мод. Удав молчал ещё с минуту. Он нахмурился:

– Ты предлагаешь мне сделку?

– Я предлагаю тебе кое-что получше, водяной маг. Я предлагаю тебе Тёмный Контракт, – Аманда улыбнулась теперь особенно загадочно. Улыбкой Сивиллы – той, что вещает знания свыше, той, что не предсказывает будущее – но создаёт его.

Удав понял – всё, что она ему сказала – правда. Удав глубоко уважал отца. Но они вместе по-настоящему никогда не были на одной волне. Антонио всегда преданно исполнял поручения Брюса, был готов стать его правой рукой. Но внутренне они совсем разные. В последнее время у Антонио и его отца всё чаще возникали невысказанные конфликты. Например, вступив в ТДВГ, Удав узнал, что Царь Упырей был против, чтобы его вербовали. Удав понимал – дело в разногласиях с Мори Килло. Она использовала Брюса в махинациях, чтобы вывести на чистую воду Платтерс Корпорэйшн, преступную организацию. Но Антонио воодушевлён ТДВГ, знакомством с коллегами, с Сорвиголовой, с Полем Парусом, с Амандой. Он понял, что попал в правильное место.

– Тёмный Контракт? Что от меня требуется?

– О, всего лишь подпись! – усмехнулась Аманда.

Удав не успел оглянуться, как на столе возник свиток из темноватой старой бумаги. Как только Аманда изловчилась достать его?!

– Условия простые. Ты с нами – мы с тобой. Ты за нас – мы за тебя. Враг твоего врага – наш друг. Враг нашего врага – твой друг. В основном это Чёрные. Иногда Светлые, неко-

торые их разновидности, только когда они сильно наглеют. С Белыми мы дружим. Более того – у нас симбиоз. Понятие «Белое Братство» и «Тёмное Братство» – синонимы. Заметь – я не ставлю тебя перед выбором определяться со Стороной, потому что ты уже с ней определился, сам того не подозревая. Твоя Сущность – Тьма.

– И что, если я это подпишу и пройду обучение в горах у твоего гуру, ты повлияешь на моего отца, и он спокойно даст мне идти своим путём? В том числе даст съездить в Укосмо? – спросил Удав, гадая, где подвох.

– Да, – ответила Аманда. И улыбнулась, ничего не требуя, не ожидая, не пытая, не прося.

Она даже не кинула взгляда на этот контракт. Снова подошла к окну, посмотрела на искрящийся снег. В глубине дома часы отбили одиннадцать. Через час новый год.

– По поводу Серпентины, Кобры и Гюрзы вопрос решён почти месяц назад. С января они начнут учиться в школе боевых искусств Йозефа Беллока. Мод сейчас решает организационные вопросы с Серпентиной, чтобы они взяли туда с собой Мрию, поднатаскали её, а потом Мрия ещё побудет в банде Боа.

– Я тоже буду учиться у Йозефа Беллока? – любопытно спросил Удав.

– Нет. Ты будешь учиться у Скорпиона. Столько, сколько он скажет. Три недели, четыре недели, пять недель. Потом он расскажет мне о твоих успехах. И я, возможно, командирую

тебя к нам в Укосмо.

Удав разглядывал контракт:

– Я не понимаю тут ни единого слова.

– Ну разумеется, это же Тёмный Контракт! – развела руками Аманда, поражаясь на недогадливость и невежество молодого Тенбрука.

– А если я не подпишу? – Удав решил немного поиграть.

Но тут же получил:

– Станешь банковским клерком или персональным секретарём городского чиновника. Твой отец подумывает всерьёз братья за твою ломку и перевоспитание. Он побыл мэром всего две недели, но уже оценил, насколько важен лоск, аристократизм, образование. Он вошёл во вкус, но с ним в этом плане всё хорошо: он на своём месте. Как бы он ни отнекивался от политики раньше, власть ему льстит. А тебе власть не нужна. Иначе ты бы до сих отжал у отца банду Упырей, а не хихикал бы в сторонке на пару со Шпындедем.

– Я подпишу, – произнёс Удав. – Что надо, присягу принести?

– Никогда, ни при каких обстоятельствах намеренно не убивать пауков. Ещё лучше – полюбить пауков, даже если страдаешь арахнофобией. Искренне полюбить. Это и будет твоя присяга.

– Я люблю пауков, – улыбнулся Удав и, полностью доверившись старшей коллеге из Укосмо, подписал Контракт.

Аманда тут же схватила свиток и также незнамо куда

убрала. Удаву показалось, что он растворился в её руках.

– А всё-таки. Что за приколы? Про водяных магов. Это моя новая кодовая кличка?

– Нет. Это – вот это, – Аманда повернулась к Удаву лицом, подошла чуть ближе.

В следующий миг Антонио отпрянул от неожиданности и едва не выругался. Глаза Аманды загорелись отсветами яркого пламени. Кожа лица и рук засветилась, из неё вырвались блики огня. Одежда загорелась сверху, но это огонь без дыма, огонь, идущий из глубины. Пламя источала она сама, её тело, её Сущность. Удав почувствовал жар и чуть ли не ожог, ему показалось, что и его одежда начала дымиться, а обувь – плавиться! Постояв так секунд пять, Аманда мигом сделалась «нормальной», то есть её облик стал прежним обликом стройной молодой женщины с густыми волосами цвета спелого мёда. Окутывающие её языки огня вновь стали нейтральным деловым костюмом.

– Ты можешь так же. Только с Водой. Скорпион тебе объяснит, как. Пойдём отмечать Новый год, Удав.

Огневица открыла дверь и вышла. Удав стоял и молчал, едва не уронив челюсть до земного ядра. Из оцепенения его вывел Шпындель, закрыв собой дверной проём:

– Ребята из ТДВГ, ну вы жжёте. Пошли скорее, Серпентина прямо сейчас хочет устроить ритуал посвящения новенькой девочки Мрии в Змеи.

Ты так юна, тебе узнать так много предстоит
Луна полна, твой путь тяжёл, враг по пятам спешит
Смелее будь, иди вперёд и верь, что есть друзья
Они тебе прикроют спину, и верь в саму себя.

Я рядом буду, по пути идти подле с тобой,
Пусть я не мать и не отец, но если грянет бой,
Тебе я помогу тот час и даже если смерть
Сразит меня, мой дух с тобой продолжит вдаль лететь

Не важно, что ты не умеешь меч в руках держать,
Себя обычно считаешь, но ветром управлять
Способна ты, к могуществу со временем придёшь,
Умей же сердцем выбирать, где рай, где острый нож.

Боишься ты идти одна, цепляешься за тех,
Кого сильней считаешь ты, но это – не успех.
Сама всё сможешь одолеть, все тернии пройти.
Тебя вести я буду в даль, где Тёмные Пути.

Первые часы молодого года

Назад ехали с первыми лучами солнца. Вела Аманда. Матильда сидела рядом, уставшая, но довольная.
– Это была интересная мысль взять тебя в Танрес, чтобы

ты почитала мысли, верно? – усмехнулась Огневица.

Пантера тоже улыбнулась:

– Да, мы с тобой узнали много интересного. Про наших Танресских коллег, про Упырей и Боа. Зато за Мрию я теперь спокойна. Все Боа мне понравились, а Серпентина, Кобра и Гюрза – потрясающие девушки. Про Серпентину, думаю, ты в курсе, что она сильная шаманка. И уже вполне созревшая. Ей далеко не каждый Мастер подойдёт, а лет через пять она и сама вполне станет Мастером.

– Конечно я в курсе. Я почувствовала в ней это сразу, едва увидела. Когда Сорвиголова попросила за них, чтобы я направила их учиться к моему деду Йозефу – я подумала, что сама Сорвиголова научилась читать мысли! – засмеялась Аманда. – Как Мрия восприняла твой отъезд, и что мы её оставили на растерзание Змеям-Боа?

– Ты знаешь, спокойно. Похоже, она приняла, что теперь всё будет по-другому. Она сама ведь стремилась к тому, чтобы измениться. Только поначалу думала, что измениться ей поможет смена обстановки. Но когда она начала меняться внутри сама – обстановка тоже стала меняться под стать ей. Когда она вернётся с обучения у твоего деда, я снова буду курировать её. И как только она станет готова, возьму в ванты. Но под крылышком Принцессы Змей и в школе твоего деда ей точно ничего не будет грозить.

Мод улыбнулась грустно. За последние дни она привязалась к тихой, мечтательной девушке, которая одновременно

всего боялась и всего хотела. Изъятие её из семьи необходимо Мрие как воздух. Потому что сама Мрия – воздух и ветер, а если держать его в духоте, взаперти – он погибает. Мод понимала, что более надёжных рук, чем Йозеф Беллок, Серпентина, Гюрза, Кобра, для Мрии не сыскать. И тем не менее ей печально уезжать.

– Ей так понравился праздник. У неё за один вечер появилась куча друзей. Она раскрепостилась под конец, почти сбросила маски! – проговорила Пантера. – Конечно же, она устала. Я попросила Серпентину, чтобы ей во всём помогали, не будили слишком рано сегодня. Ей первое время будет сложно, но я успела немного напутствовать её, перед тем как она уснула. Она пообещала быть сильной.

– Она будет сильной, у неё язык и рука не повернутся подводить Серпентину и тебя. Прозвище Агама ей очень подходит.

– Да, моя маленькая ящерка Агама, – улыбнулась Мод мечтательно.

– Она не твоя дочь. Она твоя будущая вагантка. Не желательно чересчур сильно привязываться к вагантам, – поучительно заметила Огневица.

Пантера кивнула:

– Я прекрасно понимаю. Но мы с Агамой похожи. Я в детстве была почти такой же! Она тоже любит рисовать, как и я. В школе её любимый предмет – биология.

– Вы же родственницы, – напомнила Огневица.

– Мы сделаем из Агамы опытного воина. Охотников Воздуха Белых и Тёмных слишком мало. Мы вырастим её лучшей Белой Охотницей Воздуха. А Грифона как-нибудь уговорим стать Тёмным.

– Да уж, неплохо бы.

– А как ты поговорила с парнем, сыном Царя Упырей?

– Я его шокировала. Высказала ему всё начистоту.

– Как он воспринял это? – вопросительно подняла брови Мод.

– С переменным успехом. Удивительно, что в нём Сила Воды до сих пор не проявлялась – а он дожил до таких лет, когда впору становиться Мастером. Но когда я его увидела в первый раз, на рейде, когда мы брали Платтеров – почувствовала себя как костерок туристов, который заливают водой, перед тем как покинуть стоянку! И конечно же, он Тёмный – тут к гадалке не ходи. Не Серый, не Личина. И мы с ним подписали Контракт, – завершила Аманда, напустив довольное выражение лица.

– С ума сойти. Какой покладистый мальчик.

– Я бы не сказала. Из Школы V о нём противоречивые отзывы. Мутный тип, тёмная лошадка, «удав-на-сковородке». И представь себе, пытался мне дерзить. Довольно непростой мальчик, я бы сказала.

– Эта Школа V была нехорошей идеей, верно? То, что мы с ними сотрудничали, направляли туда на обучение наших союзников? – осторожно спросила Пантера.

– О, а я считаю напротив. Во-первых, негативный опыт – тоже опыт. Во-вторых, понятие негативности относительно. Мы отправляли туда всего пятерых, и с ними всё хорошо. Никто из них не стал машиной-убийцей, никого не пришлось ликвидировать. Проект закрыт из-за заговора Халла и Логона и введения правила Коронной Битвы. О том, что финалистов, не прошедших в финал выпуска, нужно убивать. В этом, конечно же, перебор. Мы приняли соответствующие меры.

– То есть можно подытожить, что у нас подрастают отличные воины, – выдохнула Пантера.

– Да. Только бы успеть им подрасти. Чёрные нам дадут прикурить. Сейчас они залегли на дно. Все их логова либо уничтожены, либо брошены в спешном порядке. Даже Русалки притихли, вернув нам Ключ. Сказать по-честному, Пантера, у нас мало отличных воинов. Я не знаю, чего тянет мой босс Паук, но трое из семи собранных Тёмных Друидов, когда на носу открытая переломная фаза войны с Чернотой – это, я считаю, безответственность и попустительство! Уже должны быть собраны Семеро, давным-давно пора, а ведь они ещё все не обучены, разве что только З Коллинз.

– Не нам судить, Огневица, – вздохнула Пантера. – Паук заинтересован в усилении позиций. Я верю, что Тьма ещё долго будет союзником Белизны.

– Ты ведь понимаешь, Мод, если Паук решится на игру контрастов и сыграть в поддавки с Чёрными, мы с тобой пре-

вратимся во врагов? Две тысячи лет назад было время, когда Тьма и Чернота выступали против Белизны и Света.

– Этого не будет. Во всяком случае, в ближайшее время. Видишь ли, Огневица, в Тёмном Храме я тоже почитала мысли Паука. Чтобы Тьма стала играть на одном поле с Чернотой, она должна отвернуться от Белизны. А это отворачивание – есть остановка. Паук не любит останавливаться.

– Хорошо если так. Я бы хотела оставаться твоим другом не только в этой, но и в последующих реинкарнациях – Аманда долго, продолжительно и душевно посмотрела на подругу. Та ответила ей тем же взглядом и мыслями.

Зелёный Червь смотрел на бушующее северное море. Снег шёл крупными хлопьями, завывал ветер и море плескалось так, будто все природа здесь протестовала наступлению Нового года.

Зелёный Червь выбрал это место для встречи личного Нового года не случайно. Когда он служил Масочнику, он получил доступ к списку аномальных мест на планете. Рядом с затерянной рыбацкой деревушкой Невелнигарп в северной части страны значился ещё более затерянный и заброшенный населённый пункт Вьюрзбург. Он не отмечен ни на одной карте. Лишь местные знали, что несколько рыбаков основали там что-то вроде временного сезонного рыбного хозяйства. Остались неказистые, разрушенные, подточенные мо-

рем строения, обломки рыбацких лодок.

У Масочника стояла пометка об этом месте как об одном из «Форпостов Часовщика». Что такое Форпосты Часовщика и кто такой Часовщик – Червь не знал. Но догадывался, что это некая мощная фигура, по могуществу мало в чём уступающая Трёхглазой. Червя это место привлекло уединённостью. Он давно хотел поехать туда, где не будет вообще никого.

Он попал сюда, прибыл сначала в Невелнигарп, загипнотизировав водителя такси. Потом в Невелнигарпе зашёл в первый дом и потребовал рассказать ему, как пройти во Вьюрзбург. Ему сказали, Червь сразу же стёр память о своём здесь пребывании – для того, чтобы никто не увязался за ним. Прибыв на каменистый, покрытый льдом, снегом берег клокочущего моря, Вермис Верте по прозвищу Зелёный Червь получил толику свободы. О чём мечтал давно. О свободе быть наедине с собой.

Он подумал, что хоть ему нравится быть Чёрным, но убийства больше ему не приносят удовольствия. Чернота дала ему развитие магических способностей. Да, его будоражило ощущение власти, когда он занимался вербовкой томберов для Масочника и Августы. Ему льстил почёт, внимание, страх, что он внушал томберам. Ему льстил собственный изошрённый ум. Прикидываясь не совсем умным верзилкой, Зелёный Червь умело и ловко манипулировал Августой, заставил верховного демона поверить, что он слушает-

ся её! Как она заблуждалась!

Червь ушёл от томберов не потому что испугался Августу. Наоборот, он вынашивал планы убить её любым способом. Он знал, что сам этого сделать не сможет, но всё ещё надеялся докопаться до Сорвиголова. Дарти как убийцу он отбросил сразу: в нём течёт кровь его отца, а именно его отец, Эвриус Халл, практически создал Августу как демона. Именно благодаря влиянию Эвриуса Августа после смерти попала в Инферно и возродилась как вселенское зло. Дарти и самого скоро придётся убивать – всё идёт к тому, что он станет демоном. Но Сорвиголова... Чем больше Червь думал о ней, тем больше хотел бы ей помочь убить Августу.

«Она не знает, что она маг и не хилый причём. От неё это скрывают. Лицемерные Белые и лживые Тёмные считают, что ещё не время. Да они идиоты, сливают её Чёрным! Когда она станет Чёрной, мы будем заодно. Я живенько научу её забыть, что такое сострадание, милосердие, любовь к ближнему. Её даже не придётся гипнотизировать как Мрию. Она пойдёт за мной с открытым ртом!»

Мысли о Мрие Червь отбросил напрочь. Он хотел сделать Мрию ученицей, раскрыть её. И даже предоставить ей право выбрать Сторону – если она захочет быть Белой, то пускай. Главное – Червь предпочитал видеть Мрию личным оружием против Русалок. Он уважал Русалок, но раз они постоянно грозили его устранить – его ответ тоже должен быть готов. С Мрией план не удался. Мрия его боится. Он хотел полу-

читать её дружбу, применил магию влияния, приворот. Ничего хорошего не вышло. Червь не нравились чувства, что у него возникали по отношению к Мрие. Он сожалел, что поступал с ней нечестно, пытался добиться её расположения с помощью манипуляций. Это сожаление Червь жаждал искоренить на корню. Выжечь.

«Мне нужен друг? Нет. Мне никто не нужен. У Чёрных не может быть друзей. У Чёрных каждый сам за себя».

– А ну-ка постой, куклёнка. Один вопрос.

– Ну?

– Откуда вы со Сморчком узнали, куда бить?

– Удав.

Удав. Хитрый, мутный как застой в болоте нераскрывшийся Тёмный водник. Червь тогда спас ему жизнь. Ведь он мог поступить с информацией, полученной от Дрэгона, как ему заблагорассудится. Он мог пойти зарезать Удава посреди ночи, подстроить несчастный случай, чтобы оказаться в выигрыше. Выиграть выпуск школы V, получить расположение начальства, получить больше привилегий Чёрных.

Червь уже тогда выбрал путь по острию ножа. Он рассказал Удаву о заговоре – о том, что выпускников заставят убить друг друга. А потом Червь и вовсе ушёл отсюда.

Удав. Мрия. Сорвиголова. Три тёмно-серых пятна-просветления в его Чёрной жизни. Три пятна, что заставили

внутреннюю Чёрную суть Червя пошатнуться. Удава Червь предпочёл забыть, они считали друг друга друзьями. Мрию Червь тоже предпочёл забыть – Мрия не может ему принадлежать, потому что никогда не захочет. Сорвиголова может стать приятельницей и соратницей – когда станет Чёрной.

Удав. Мрия. Сорвиголова.

Червь внезапно понял, почему так много думает о них в эту Новогоднюю ночь, стоя на морозе, на ветру, у ревущих волн.

Эти трое – единственные, кто принял его. Кто не смотрел на него со страхом, отвращением, подозрительностью, злорадством, желанием получить выгоду.

Удав сам пришёл к нему после первого спарринга, положившего Червя в лазарет. Пришёл и подружился. Он не лез в душу, но Червь чувствовал исходящее от него принятие. Остальные шарахались от него. Виной тому его аура Чёрного Огня. Люди и анхомы всегда с недоверием относились к нему.

Мрия впервые увидела его, когда он её «спас». Так себе спасение – распугал хулиганов, обижавших девочку. Девочку, что он наметил мишенью. Девочку, оказавшейся Охотницей Воздуха. И девочка, вместо того чтобы испугаться ему, посмотрела с искренней благодарностью. Червь тогда допустил ошибку – сразу начал применять чары обаяния. Если бы он этого не сделал, возможно, дружба с Мрией получилась бы настоящей. И Мрия сейчас бы не боялась его.

Сорвиголова или «куклёнка» сначала отнеслась к нему с неприязнью и страхом – как все. Но не в Круге. И не после Расторжения. Червь тогда на миг показалось, что она готова выслушать его, поговорить с ним. Червь тогда с трудом подавил желание утащить её с собой на Теневую Сторону, чтобы похитить и убедить стать Чёрной. Он мог бы наговорить ей с три короба без всякого гипноза, и она поняла бы, что Чёрной быть в разы выгоднее.

Море бушевало. Море пробуждало шальные мысли о свободе.

Что, если поговорить с Удавом? Наверняка Удав живёт там же, в Танресе. *«Поговорить с Удавом? О чём, зачем? Ах да. Удав ведь у нас Тёмный. А я Чёрный. Предложить ему переметнуться к нам? Или... мне к нему?..»*

Сначала Червь попытался задвинуть эти мысли глубоко. Отказаться от них. Но мысль развивалась с невероятной быстротой.

«Чернота и Тьма похожи. С Тьмой я могу достичь целей даже быстрее. Ложь, Хаос и сокрытие Истины – то, за что отвечает Тьма. Это может быть эффективнее Ненависти, Разрушения, Насилия – того, что пропагандирует Чернота. Я смог быть идеальным Чёрным, стал почти королём Томберов, правой рукой Трёхглазой. А Трёхглазая – правая рука Чёрной Богини Соны. Это значит, я смог бы стать идеальным Тёмным. Правой рукой самого Мрака Творца».

Опасные мысли. Крамольные мысли. Их одновременно услышали Чёрная Богиня и Мрака Творец.

Зелёный Червь не заметил большого мохнатого паука, перебирающегося восемью лапами по снегу и льду в его сторону.

Зато он заметил, как часть волн сгустилась, остановилась, и из холодной бушующей воды вышла Блэки. Как всегда обольстительная, в вечернем новогоднем платье в обтяг, хоть и солёная морозная вода значительно испортила её причёску. Но мокрые волосы, облепляющие её очаровательное лицо, делали её ещё более соблазнительной.

Блэки поднялась из волн и пошла медленно и чинно, придерживая платье. Она несла бокал, где вместо шампанского пенилась холодная морская вода северного моря. Блэки мило улыбалась. Она не отрывала взгляда от Червя, и взгляд этот сулил многое.

Червь спокойно смотрел на неё. И слегка усмехался.

«Пришла дарить мне последний поцелуй. Как и обещала её ледяная подруженица Лексаэлла».

Червь не боялся смерти. Он ходил с ней рука об руку уже давно. Как и всякий Чёрный. Червя терять нечего.

– Сюда бы на твою вечеринку Лекси позвать не мешает. Ей тут понравится! – перекрикивая шум волн, пропела Блэки.

Она подошла к Червя, встала рядом с ним, принялась попивать морскую воду из фужера. Червь перестал смотреть на Блэки и продолжил смотреть на море. Блэки тоже смотрела

на море и пила его.

Чёрный мохнатый паук разочарованно уполз, исчез. Если бы здесь были биологи, энтомологи, гляциологи, они бы отметили появление тропического тарантула в северных широтах как аномалию, о чём раструбили бы все газеты и телевидение. Но здесь не было учёных.

Здесь было двое Чёрных.

– Но мы не будем звать Лекси, верно? Нам ведь с тобой вдвоём хорошо, – Блэки кинула на Червя кокетливый взгляд.

Червь скосил на неё глаза и продолжил угрюмо молчать, но при этом усмехаться мрачно.

– С Чёрным годом тебя, Вермис Верте. Знаешь, я давно мечтала отметить этот праздник с тобой. Наш будущий триумф, наши победы. Я давно мечтала признаться тебе, что ты мне нравишься. Как союзник, как друг. Девочки предлагали мне тебя убить. Как морячка. Но я не хочу, понимаешь? Знаешь почему, Зелёный Червь? Смотрю я на тебя и вижу себя. Когда я была молода, много веков назад – я тоже бежала ото всех, приходила на берег моря и так стояла. Одна, в темноте. Правда, я выбирала моря поближе к экватору, – оговорила Русалка.

– Чего надо тебе? – спросил Червь нарочито лениво.

– Я несколько лет была изгоем. Тёмные не принимали меня. О том, чтобы прибиться к Белым и Светлым, не могло быть и речи – они потакали людям, загубившим наших сестёр. Чёрные не доверяли мне. Я была в раздрае. До тех пор

пока не встретилась с Королевой. Она помогла мне, спасла, дала надежду, смысл. Я стала Чёрной, потому что моя Королева – истинное воплощение Черноты, и она прекрасна. И я знаю, как стал Чёрным ты. Кем ты был до того, как принять это решение. Твой Чёрный Огонь отпугивал людей, беляшей, светлячков. Именно моя Королева предложила тебе покровительство. Заметь – она, а не Мрака Творец или Царица Рока. Я знаю, что у тебя полно планов. Как и у меня. А ещё я знаю, что мы с тобой можем стать друзьями.

– С чего бы это? – усмехнулся Червь весьма скептически, сложил руки на груди и сверху вниз посмотрел на Блэки.

Он выше ростом, при желании мог бы свернуть ей шею, а труп сбросить в море. Но Блэки, несмотря на хрупкость, изящность, стройность – Русалка. Мощная высшая Русалка, представительница стихии Воды. Вода всегда сильнее Огня, даже такого, каким владел Зелёный Червь.

– У меня есть, что предложить тебе. А у Мрака Творца – нет.

– Чего ты заладила про Мрака Творца?! На кой дьявол он мне сдался?! Я Чёрный, я служу Чёрным и буду служить.

– Я знаю, Вермис, знаю, – с искренним пониманием улыбнулась Блэки и нежно дотронулась до его руки. – Я знаю все твои желания. И я могу их исполнить. А ты сможешь исполнить мои желания. Позволь мне называть тебя своим другом. Своим – я имею в виду личным.

Блэки подмигнула. Червь догадался – Блэки хочет взять

его в коалицию. Ничего не сказав Королеве и другим фрейлинам-сёстрам. Червь это одновременно и понравилось и не понравилось. Не понравилось тем, что Блэки по сути призналась, что хочет поиспользовать его в своих целях. Понравилось тем, что Червь сможет тоже теперь поиспользовать Блэки.

– У Чёрных не бывает друзей, – проговорил он, посмотрев на Русалку более заинтересованно.

– Молодчина. Хорошо усвоил урок, проявляешься как истинный Чёрный. Но запомни. Моя работа дипломаткой, устанавливающей связи и перемирия с беляшами, научила меня тому, чему теперь тебя хочу научить я. Иногда эффективнее использовать белые и тёмные методы – во имя и во славу Черноты. Дружба – это слишком белое. Дружба ради выгоды, обман ради выгоды – это слишком тёмное. Но мы с тобой благодаря доверию друг другу сможем выйти на новый уровень. Достичь новых побед. Ты принимаешь мою дружбу?

– Принимаю, – Червь долго раздумывать не стал.

Блэки предложила игру – Червь любил играть и выигрывать. Он расцепил руки и пожал ладонь Блэки. Его ладонь горяча – сила Чёрного Огня постепенно возвращалась к нему после того, как его обесточил юный Охотник Воды. Ладонь Блэки как море – холодная, мокрая и наверняка солёная.

Блэки выдохнула с радостным облегчением:

– Я так давно этого ждала. Я так опасалась, что снова по-

лучу отказ, отвержение.

– Тебе не пристало бояться отказа, Трёхглазая и другие рыбохвостки души в тебе не чают.

– Ах, они мне завидуют. Сёстры... – Блэки притворно всплакнула. И тут же улыбнулась: – А Королева – да, её можно считать матерью, начальницей, наставницей... но не по-другой. А у меня давно не было друзей.

– Если бы ты занималась своими морячками побольше чем пара часов за ночь и соизволила бы хоть раз заговорить с ними по душам – у тебя было бы полно друзей, – поддел Червь.

– Морячки не друзья. Морячки – еда. Нельзя дружить с едой. Это люди дружат со своей едой. Сначала заводят коро-ву, гладят её, целуют, водят пастись на лужок, а потом сжи-рают с потрохами.

– Спасибо, что не считаешь меня за еду.

– Мне нравится твой стиль, твоя дерзость, – прошептала Блэки. И взяла Зелёного Червя под ручку. – Пройдёмся. Ты в курсе, что на месте этой захудалой деревни стоял город Часовщика?

– Я мало знаю об этом. Про Часовщика слышал.

– Я расскажу тебе о нём, многое расскажу. Его имя Заган Бранч. Он друг моей Королевы и он умеет управлять Вре-менем. Первое наше с тобой совместное Чёрное дело – это до-быть Второй Ключ. Он называется Медальон Вечности, с по-мощью него можно путешествовать во времени. Заган Бранч

и Королева сейчас в ярости. Оказалось, что Ключ Медальон Вечности расщепился во Времени и теперь его два. По одному в каждой временной ветке. Но нужен нам именно тот ключ, что принадлежит нашей временной ветке. Мы потеряли его следы из-за этого расщепления, которое произошло ровно триста лет назад. Я дам тебе поручение, мой друг.

Они прогуливались под ручку по ледяным снежным наносам на берегу вдоль грохочущего моря, будто влюблённая пара – по тропическому пляжу. Блэки время от времени пригубливали море из бокала.

Русалка приблизилась к уху Червя и зашептала туда вводную. В её взоре – принятие, симпатии, уважение. И главное – доверие. Червь уже начал жалеть, что хотел смерти Русалкам, используя Мрию. Но тут же запрятал это чувство жалости куда подальше, как «прочую белую лабудень».

Холодное море. Тьма. Ветер. Снег
Хлопьями ложится на плечи, на голову.
Ты так и будешь продолжать свой бег —
Преследуешь саму Смерть, гонишься за Холодом.

В тебе Огонь бушует. Хочешь загасить?
Нет. Ты хочешь свободы. Хочешь, чтобы кто-то
Связал с тобою вместе дружбы нить.
Ты очень одинок. Ты покорил высоты

Магического искусства и искусства боёв,
Владения оружием, телом, духом, сердцем.
Продолжает идти в одиночку. Гнетёт улов
Тех побед, что ты срывал. Ты хочешь сбросить. Дверцу

Для тебя в Ад Ключ открыл.
Ты послужил хорошо. Хоть и своеволен.
Я могу стать тебе подругой. Мне ты мил.
Мы вместе знаем в тайне вкус боли.

Боли отвержения. Боли раскола, раздвая. Вода
Враждебна Огню. Но противоположности – медали
С двумя сторонами. Стань мне другом, скажи «да».
У меня есть что предложить. Не будет тебе печали.

Пойдём со мной. Я ведь могла бы тебя убить.
Ты лишь «морячок», каких тысячами я сгубила.
Но я не стану. Чувствую с тобой дружбы нить
У нас вместе получится ещё многим вырвать жилы.

Отказав, ты ничего не потеряешь. Контракт
Чёрный в Силе. Будешь всеми гоним, неприкаян.
Послушай! Мои волны бьют в такт
Твоему сердцу Чёрного Пламени – это мы знаем.

Соглашайся. Слишком лестно такому как ты

Получить дружбу Русалки как я – такой
Непредсказуемой, опасной, дивной красоты.
Пойдём вместе делать Чёрные дела. Я – с тобой.